

ISSN 1563-0307; eISSN 2617-7552
Индекс 75876; 25876

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Психология және социология сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия психологии и социологии

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

THE JOURNAL

of Psychology & Sociology

№2 (69)

Алматы
«Қазақ университеті»
2019

ХАБАРШЫ

ПСИХОЛОГИЯ ЖӘНЕ СОЦИОЛОГИЯ СЕРИЯСЫ

№2 (69) маусым

25.11.1999 ж. Қазақстан Республикасының Мәдениет, ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде тіркелген

Қуәлік №956-Ж.

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Камзанова А.Т., PhD доктор, доцент м.а.
(Қазақстан)

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Жаманбалаева Ш.Е., ғылыми редактор,
социол. ғ.д., профессор (Қазақстан)
Аймағанбетова О.Х., ғылыми редактордың
орынбасары, психол.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Әбдірайымова Г.С., социол.ғ.д., профессор
(Қазақстан)
Мадалиева З.Б., психол.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Ахтаева Н.С., психол.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Ерментаева А.Р., психол. ғ.д., профессор
(Қазақстан)
Шаукенова З.К., әлеум.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Шеденова Н.У., социол.ғ.д., доцент (Қазақстан)
Дүйсенбеков Д.Д., психол.ғ.д., профессор
(Қазақстан)

Серікжанова С.С., PhD докторы, доцент м.а.
(Қазақстан)

Бурханова Д.К., PhD доктор, доцент (Қазақстан)

Колева Ирина (Koleva Irina), педагог. ғ.д.,
профессор (Болгария)

Балихар Сангера, PhD доктор, профессор
(Ұлыбритания)

Виктор Агаджанян, PhD докторы, профессор (АҚШ)

Фей Сан, PhD докторы, профессор (АҚШ)

Гаутам Н. Ядама, PhD докторы, профессор
(АҚШ)

Ечевская О.Г., социол.ғ.к., доцент (Ресей)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Тохниязов Р., докторант (Қазақстан)

Психология және әлеуметтану сериясы журналының негізгі тақырыптары – теориялық, эксперименттік және практикалық-қолданбалы сипаттағы өзекті психологиялық, әлеуметтік-психологиялық жұмыстар, сонымен қатар әлеуметтану және әлеуметтік жұмыс саласындағы жұмыстар

Ғылыми басылымдар бөлімінің басшысы

Гульмира Шаккозова

Телефон: +77017242911

E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева, Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айша Калиева

ИБ №12840

Пішімі 60x84 1/8. Көлемі б.т. Офсетті қағаз. Сандық басылыс.

Тапсырыс №5106. Таралымы 500 дана. Бағасы келісімді.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

«Қазақ университеті» баспа үйі.

050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2019

1-бөлім
ПСИХОЛОГИЯ

Раздел 1
ПСИХОЛОГИЯ

Section 1
PSYCHOLOGY

Дуйсенбеков Д.Д., Нурадинов А.С., Абрелева М.М., Шералы Б.С.

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, *e-mail: dauletdd@mail.ru

ИСКАЖЕННАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье анализируются психологические аспекты исследования феноменологии религиозного экстремизма и терроризма в контексте современной социально-психологической и общественно-политической реальности в Республике Казахстан. Подчеркивается необходимость превентивных исследований и мер противодействия терроризму не только в правовом, но и в психологическом аспекте. Рассматриваются психопатологический и пограничный подходы к исследованию деструктивной личности, нарциссический комплекс и аномия, влияние акцентуированных черт личности на «закрытость» сознания и предельное сужение мировосприятия. Раскрываются социально-психологические факторы, приводящие к деструктивной трансформации обыденного сознания, искажению ментальности и поведенческим последствиям. В связи с этим экстремистский тип сознания определяется как психологический механизм, задающий «идейное» обоснование религиозному фанатизму и террору.

Раскрываются психологические предпосылки и условия становления и развития деструктивной идеологии и ее дальнейшего распространения среди маргинальной молодежи, быстро и легко поддающейся деструктивной обработке. Рассматриваются перспективы экспертно-психологических исследований в сфере антитеррористической деятельности, позволяющие определять «удельный вес» и силу влияния различных факторов на уровень распространения религиозно-политического экстремизма, уровень вероятностной опасности возникновения терроризма, уровень эффективности мер противодействия распространению радикальной идеологии.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, терроризм, деструктивное поведение, «закрытость» сознания.

Duisenbekov D., Nuradinov A., Abreleva M., Sheraly B.
al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, *e-mail: dauletdd@mail.ru

Distorted mentality of extremism and terrorism in the context of psychological research-studies

A paper reveals and analyses certain psychological issues and research data concerning religious extremism and terrorist activity in the context of modern social-psychological and social-political reality in the Republic of Kazakhstan. It emphasizes the need for preventive research and measures to counter terrorism not only in the legal but also in the psychological aspect. The psychopathological and borderline approaches to the study of a destructive personality, the narcissistic complex and anomie, the influence of accentuated personality traits on the «closeness» of consciousness and the narrowing of the world perception are considered. Social and psychological factors that lead to the destructive transformation of ordinary consciousness, distortion of mentality and behavioral consequences are revealed. In this regard, an extremist type of consciousness is defined as a psychological mechanism that sets the «ideological» rationale for religious fanaticism and terror.

There are revealed psychological preconditions of destructive ideology forming and development and its further spreading in marginal surroundings. Prospects for expert-psychological research in the field of antiterrorist activities are considered, allowing to determine the «share» and the influence of various factors on the level of religious and political extremism, the level of prob-

able danger of terrorism, the level of effectiveness of countermeasures against the spread of radical ideology.

Key words: religious extremism, terrorism, destructive behavior, «closedness» of consciousness.

*Дуйсенбеков Д.Д., Нурадинов А.С., Абрелева М.М., Шералы Б.С.
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., *e-mail: dauletdd@mail.ru

Психологиялық зерттеулердің өрісіндегі экстремизм мен терроризмнің бұзылып өзгертілген менталитеті

Мақалада Қазақстан Республикасындағы бүгінгі әлеуметтік-психологиялық және қоғамдық-саяси болмысқа сай діни экстремизм мен террорлық әрекеттерге қатысты психологиялық зерттеу аспектілері талқыланады. Терроризмге қарсы қолданылатын шаралардың және алдын ала істелінетін зерттеулердің қажеттілігі құқықтық және психологиялық аспектілерінде белгіленеді. Деструктивті тұлғаны зерттеудегі психопатологиялық және шекаралық бағыттар мен нарцистік комплекс пен аномия құбылысы, тұлғаның акценттелген бітістердің сана-сезімнің «жабықтығына» және дүниетанымның шектелуіне әсері қарастырылады. Күнделікті сана-сезімнің деструктивті трансформациясына, менталды бұрмалау мен жүріс-тұрыстық салдарына келтіретін әлеуметтік-психологиялық факторлар айқындалады. Осымен байланысты сана-сезімнің экстремистік түрі діни фанатизм мен террорға «идеялық» негіздеуді жүзеге асыратын психологиялық механизм ретінде анықталады. Деструктивті идеологияның қалыптасуы мен дамуының және оның маргиналды ортадағы әрі қарай жайылуының психологиялық алғы шарттары айқындалады. Терроризмге қарсы сараптамалық-психологиялық зерттеулердің беталыстары, діни-саяси экстремизмнің жайылуына, терроризмнің қалыптасуына келтіретін түрлі факторлардың әсері мен күші, радикалды идеологияның жайылуына қарсы істелінетін шаралардың деңгейі қарастырылады.

Түйін сөздер: діни экстремизм, терроризм, деструктивті жүріс-тұрыс, сана-сезімнің «жабықтығы».

Введение

Государство, общество и наука должны выстраивать адекватную систему противодействия современной угрозе экстремизма и терроризма. Деструктивная религиозная идеология выступает в качестве удобного прикрытия для большинства действующих в центрально-азиатском регионе экстремистских организаций. В настоящее время так называемый религиозный экстремизм стал одним из доминирующих источников региональных вооруженных конфликтов и терроризма по всему миру. Сегодня в нашей стране необходимы превентивные исследования и меры для противодействия терроризму не только в правовом, но и в психологическом аспекте.

Казахстан можно было бы назвать государством, свободным от угрозы терроризма, до событий в Атырау, Алматы, Боралдае, Таразе, Актобе. О динамике роста террористической угрозы в нашей стране говорят данные представителей правоохранительных органов, социологов и политологов.

Географическое положение Казахстана способствует тому, что он служит тыловой базой и транзитной зоной для экстремистов, террорис-

тов по пути следования из других республик Средней Азии в Российскую Федерацию, в частности, на Северный Кавказ.

Если в ряде стран арабского востока, в Индии, Афганистане и Пакистане, Израиле и других, терроризм имеет длительную историю возникновения и развития, то для Казахстана, ранее имевшего репутацию безопасного с этой точки зрения государства, это сравнительно новое явление. Сегодня эта проблема требует противодействия терроризму не только в правовом, но и в психологическом отношении. В силу низкой разработанности этой проблемы в отечественной науке практикующие специалисты обращаются к опыту зарубежных психологов (Post, 2008; Horgan, 2014). Однако их опыт невозможно механически перенести на «казахстанскую почву», поскольку деструктивная личность социализируется и формируется в условиях конкретного социума со свойственными ему социально-экономическими условиями, этнокультурной спецификой и ментальностью, оказывающих влияние на предпосылки трансформации личности «обычного казахстанца» в экстремиста с деструктивными поведенческими проявлениями или даже террориста, представляющего реальную угрозу обществу.

Основная часть

В постсоветской психологии для объяснения причин вовлечения в террористическую деятельность, а также особой жестокости, циничности и фанатичности террористов выделяются три основных подхода к пониманию их личности – психопатологический, пограничный и психодинамический, реализующиеся в сферах юридической, политической и кризисной психологии. В рамках данной статьи анализируются первые два подхода, как разработанные наиболее детально.

Психопатологический подход основывается на представлении о деструктивности и нарциссизме как черт личности, детерминирующих склонность человека к экстремистскому поведению и к террористической деятельности. В качестве исходных при этом выступают неопсихоаналитическая теория человеческой деструктивности Э. Фромма и психоаналитическая теория влечений З. Фрейда. В соответствии с ними, адекватное объяснение детерминации поведения террористов дает описанная Э. Фроммом «злокачественная агрессия», или деструктивность (Фромм, 2010; Фрейд, 2010). Феномен деструктивности, лишенный биологического смысла, является особенностью человеческой психики и определяется как эволюционная аномалия. Деструктивность характерна для угнетенных и маргинальных социальных групп, стремящихся к мести и захвату власти, и проявляется как садизм, садомазохизм и некрофилия.

Патологическая форма садизма как стремление к неограниченной власти, трансформирует деструктивные интенции личности в иллюзию всемогущества. Мазохизм же проявляется в стремлении подчинить себя другим, отказаться от свободы ради собственной безопасности, а садомазохизм – в жалости к себе и «своим» в сочетании с ненавистью к реальному или вымышленному противнику и готовностью к самопожертвованию. Некрофилия определяется как влечение деструктивной личности к смерти, разрушению, обращенность в прошлое и убежденность в том, что насилие является адекватным способом решения проблем и конфликтов (Фромм, 2010).

Для личности террориста характерно наличие нарциссического комплекса (Антонян, Бородин, 1998). Применительно к этнорелигиозному экстремизму и терроризму он проявляется в форме самолюбования, декларирования утверждений о собственной исключительности

и особых правах своей национальной и религиозной группы и ее представителей, а также в убежденности террористов в том, что они обладают единственно верной («чистой») религией или политической доктриной. По мнению Э. Фромма, нарциссизм – одна из главных причин деструктивности, любая форма которого – религиозная, расовая и политическая – неизбежно ведет к фанатизму и готовности к уничтожению любых «иных».

В контексте второго подхода личность террориста рассматривается как уже не вполне нормальная, но еще не патологическая, т.е. аномальная. Ее специфика обусловлена близостью к психике «человека толпы», «человека с искаженной логикой» (неспособностью к диалогу, компромиссам) и потому требующей компенсации своей «психологической ущербности» (Ольшанский, 2002).

Анализируя особенности личности террориста, ряд российских исследователей наряду с психической нормальностью террористов отмечают наличие определенных акцентуированных черт. Эти черты личности, по их мнению, делают террористов неспособными к различению добра и зла (Введенская, Дзигумская, Решетников, 2004; Сляднева, 2005). По мнению Э. Дюркгейма, аномия отражает пограничную между нормой и патологией жизненную ситуацию, возникающую в кризисные периоды развития общества, где личность теряет ценностные и моральные ориентиры, сдерживавшие деструктивное поведение (Почебут, 2004). При этом для экстремистов и террористов характерно использование бессознательной самозащиты, наиболее часто как механизма проекции, когда собственная ответственность за насилие объясняется и оправдывается внешними обстоятельствами и пороками общества.

Вместе с тем в представлениях второго подхода отчетливо прослеживается другая тенденция, подчеркивающая приоритет роли сознания, а не личностных черт личности (патологических или акцентуированных). Смыслообразующее начало экстремистского поведения и трансформации личности обычного гражданина в террориста лежит в упрощенной логике, которая основана на абсолютизации «единственно верной идеи», не допускающей в сознание любую иную, противоречащую ей мысль. Эта особенность регуляции поведения со стороны сознания названа Д.В. Ольшанским «моноидеизмом», В.В. Витюком и С.А. Эфировым – «экстремистским типом сознания», Ю.М. Антоняном – «закрытым» ти-

пом личности, Б.Г. Чурковым – «экстремистским сознанием».

Как считает Ю.М. Антонян, именно «закрытость» сознания дает основание признать достоверным факт существования экстремистского типа личности, склонной к террору. Для такого «экстремистского типа сознания» характерны предельная нетерпимость к инакомыслию и фанатизм, порожденные максималистским идеалистическим утопизмом, ненавистью к существующему строю и обостренным чувством отверженности. Поэтому террористам свойственна твердая вера в обладание абсолютной, единственной и окончательной истиной, собственную исключительность и предназначение. Подобная вера может быть как эмоциональной, так и основывающейся на «рациональных», идеологических установках. «Закрытость» сознания и фанатизм приводят к предельному сужению мировосприятия. Мир разделяется на противостоящие «Мы – Они». При этом «Мы» – это носители абсолютного добра, а «Они» (иные) – абсолютного зла, подлежащего уничтожению. Отражение действительности в таком сознании меняется до такой степени, что утрачивается связь с реальным миром, а само же сознание становится мифологизированным и, в конечном счете, радикализованным, способствующим реализации деструктивного и экстремистского поведения (Антонян, 2006).

Поэтому фанатизм и жестокость террористов являются следствием не столько патологии личности, а закономерным проявлением экстремистского сознания на уровне поведения (Post, 2008). Именно экстремистский тип сознания санкционирует и дает «идейное» обоснование террору. В этой связи Д.В. Ольшанский подчеркивает, что терроризм это не профессия, а определенный образ жизни и деятельности, основанный на мировоззрении, которое полностью захватывает человека и подчиняет его себе. Поэтому, прежде чем стать экстремистским, обыденное сознание человека должно обрести соответствующие идеологические установки (Ольшанский, 2002).

Подход к пониманию личности и поведения террористов с позиции происходящей трансформации сознания обладает большей объяснительной силой, чем подходы с позиции психопатологии или отдельных личностных качеств. Он отвечает на вопросы о том, почему невозможно составить единый психологический профиль качеств личности террориста; почему мгновенно изменяется личность с момента вовлечения в террористическую организацию («был обыч-

ный парень и словно его подменили»); почему не поддается перевоспитанию и ресоциализации террорист, если это не случайный человек в организации. Неслучайно террорист даже в заключении продолжает «священную борьбу» и агитацию, потому что в силу трансформированного сознания чувствует себя не преступником, а «мучеником и борцом за идею». Никакие меры перевоспитания и ресоциализации не будут эффективны до тех пор, пока они будут проходить «мимо» сознания. Именно в направлении противодействия факторам, способствующим трансформации сознания населения, должна вестись работа, нацеленная на профилактику распространения религиозно-политического экстремизма как основную прикладную задачу психологии экстремизма и терроризма.

Деструктивная идеология насилия основана на мифологизации социальной реальности, обосновывающей насилие, и как форма искаженной ментальности она «связана с субъективной ролью насилия как приемлемого, и, более того, необходимого инструмента достижения целей (в основном политически-сепаратистских и/или религиозно-фанатических), причем инструмент (насилие) часто приобретает самостоятельную ценность и мотивирующую силу» (Зинченко, 2007). Для формирования таких идеологических установок чаще всего и конъюнктурно используется религия, которая в силу свойственной ей функции интеграции, объединяет людей в группу, придает ей общий смысл, помогает найти свое место в окружающем мире.

Деструктивная, террорная политизация ислама в форме распространения псевдоислама достигается манипулированием со стороны экстремистских сил исламскими концепциями основ власти и права, отношений человека и государства и общества. Будучи конъюнктурно вырванными из контекста исламской культуры, различные концептуальные представления используются для идеологического обоснования насилия среди малообразованного в религиозном отношении населения.

Подобная идеологическая обработка населения нацелена на доказательство политического происхождения нерешенных проблем («кто виноват?»). При этом для психологической восприимчивости такой идеологии необходим внутренний фактор – мотивация принятия ее как «руководства к действию». Ядром такой мотивации является насущная потребность в таком устройстве общества, которое соответствовало бы ценностям справедливого обу-

ройства общества и равенства. При этом аргументация основана на апелляции к ценностям ислама (социальная справедливость и равенство), допускающим в соответствии с шариатом насильственное свержение правительства, которое не придерживается в своей деятельности норм социальной справедливости. Такая псевдо-идеологическая доктрина дает обоснование пути и способов решения экономических, социально-политических проблем («что делать?»), санкционируя насилие, террор против действующих политических систем как способ установления исламской справедливости (через создание халифата).

Как показывает развитие внутренней ситуации в Казахстане, все произошедшие террористические акции исходили от лиц, усвоивших изначально деструктивную идеологию религиозно-политического экстремизма. Террористические акции в республике тесно переплетаются с политическим и религиозным экстремизмом, поэтому казахстанские специалисты часто используют понятия «религиозно-политический экстремизм» и «терроризм» как синонимы. Их взаимосвязанность некоторые зарубежные и российские специалисты рассматривают, привлекая для объяснения такие понятия, как «терроризм с исламистским уклоном – глобальный джихад», «религиозный терроризм», «исламский терроризм». Вместе с тем, экстремизм и террор могут ассоциироваться с любой другой религией помимо ислама, с политическими и националистическими позициями разного толка. Так, например, произошедшее в этом году вооруженное нападение на две мечети в новозеландском городе Крайстчерч, в результате которого погибли 49 человек и еще 48 получили ранения. Совершивший данный теракт 28-летний австралиец Брентон Таррант опубликовал в Сети 74-страничный «манифест», объясняющий его мотивы. Он написал, что в мире идет замена европейцев людьми с другим цветом кожи, белая раса в опасности. В заявлении Брентона содержатся крайне радикальные экстремистские высказывания, декларируются цитаты из библии неонацизма. Себя же Таррант называет «эко-фашистом». Весь его манифест пропитан ненавистью к людям другой расы, к мигрантам. С целью распространения своих деструктивных взглядов во время атаки Таррант вел прямую трансляцию убийств в соцсетях в течение 17 минут.

По данным МВД, почти 80 % привлеченных к ответственности за экстремизм и терроризм – это люди в возрасте от 19 до 28 лет. Это

именно те, у кого еще недостаточно устойчивы нравственные и жизненные принципы, не сформированы ценностные ориентиры и, как следствие, они достаточно быстро и легко подвергаются деструктивной обработке. При этом адептами международного экстремизма и террора широко используется богатый набор психологических приемов вовлечения молодых людей в деструктивную активность на фоне социально-экономических проблем, имеющих место в любой стране. Жертвами такого воздействия становятся также и молодые осужденные в местах лишения свободы, где деструктивная религиозная идеология распространяется намного быстрее, чем на воле.

В обществе уже появились предпосылки для социального запроса на разработку комплексного подхода к изучению психологии этих социально-политических феноменов. Как показывает опыт предварительных исследований, применение в этих целях социально-психодиагностического комплекса методик, в частности, метода анализа иерархии (МАИ) может оказываться перспективным и объективным для экспертной оценки сценариев развития внутривнутриполитической ситуации (Абрелева и др., 2013).

Результаты, получаемые в контексте системных психометрических процедур, позволяют определить «удельный вес» и силу влияния различных факторов на уровень распространения религиозно-политического экстремизма, уровень вероятностной опасности распространения экстремизма и терроризма, уровень эффективности мер противодействия распространению радикальной идеологии.

В зарубежной психологии накоплен богатый опыт по созданию психологического портрета преступников, включая террористов, участие в расследовании преступления, разработке методики ведения допроса и получения объективной информации картины преступления (Post, 2008; Horgan, 2014). Главным образом, это психофизиологические обследования с применением всевозможных аппаратных средств, таких, как полиграф (детектор лжи), и их всевозможных модификаций, также это комплексные личностно-ориентированные исследования, учитывающие особенности функционирования эндокринной системы организма, ее влияние на поведение человека. Поэтому заимствование передовых зарубежных разработок в сфере оперативной психодиагностики, их внедрение и адаптация применительно к нашим социально-психологическим и политическим реалиям, а также созда-

ние и развитие собственных исследовательских технологий является перспективной задачей практических психологов, работающих и проводящих исследования в сфере изучения деструктивного поведения и деятельности, явлений экстремизма и терроризма.

Перспективным является применение в этих целях метода анализа иерархии (МАИ). Результаты применения данной методики указывают на его перспективность и объективность в экспертной оценке сценариев развития внутривнутриполитической ситуации, анализа кризисных явлений в обществе и их последствий.

Метод анализ иерархии (МАИ) широко используется за рубежом и получил распространение в России. Он создан американским ученым Т. Саати как математический инструмент для принятия системного решения по проблемам, которые представляют собой плохо формализованные задачи, т.е. не поддаются количественному измерению и стандартизированным оценкам.

Метод анализ иерархии возник на стыке математики и психологии (психофизики Э. Вебера и Г. Фехнера) и является «психометрической процедурой субъективного шкалирования методом парных сравнений». Результаты, полученные посредством МАИ, позволяют определить «удельный вес» и силу влияния различных социально-политических факторов и социально-психологических условий и предпосылок, спо-

собствующих деструктивному поведению и деятельности, уровень распространения религиозно-политического экстремизма, уровень опасности распространения экстремизма и терроризма, уровень эффективности мер противодействия распространению радикальной идеологии.

Выводы

В современных условиях необходимо не только понимание самой сущности терроризма, но и научное обоснование экспертно-психологических исследований в сфере изучения деструктивного поведения, экстремистской активности и антитеррористической деятельности.

В исследовательском отношении перспективной проблемой является разработка и адаптация уже имеющихся в зарубежной психологии методик, таких, как, например, техника интервьюирования, различные версии методики психологического анализа личности преступника, метод составления психологического профиля лиц, склонных к деструктивному и экстремистскому поведению, а также к террору, как их вероятного последствия. Практический результат такого рода научных исследований – разработка комплекса научно-обоснованных психологических рекомендаций по совершенствованию организации антитеррористической деятельности в Казахстане.

Литература

- Абрелева М.М., Нурадинов А.С., Дуйсенбеков Д.Д. Психологические аспекты проблемы религиозно-политического экстремизма и терроризма в Казахстане // Психология XXI века: теория, практика, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию образования Национального университета Узбекистана и 40-летию создания кафедры психологии, 22 мая 2013 года. – Ташкент: MUMTOZ SO‘Z, 2013. – С. 43-46.
- Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Спарк, 1998. – 536 с.
- Антонян Ю.М. Этнорелигиозный экстремизм. – М.: Институт гуманитарного образования, 2006. – 432 с.
- Введенская Т.Ю., Дзигумская Е.А. Международный терроризм: психологический аспект (личность, феномен терроризма). – Режим доступа: <http://psyfactor.org/terror2.htm>.
- Витюк В.В. Некоторые проблемы терроризма в аспекте современных конфликтных ситуаций (соображения террологов) // В сб.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 4. Терроризм, 1993. – С. 53-62.
- Зинченко Ю. П. Психологический портрет терроризма: истоки терроризма как социальной формы идентичности // Вестник Московского университета. Серия Психология. – 2007. – № 4. – С. 3-7
- Horgan J. The Psychology of Terrorism (Political Violence). – NY: Routledge; 2 edition, 2014. – 206 p.
- Ольшанский Д.В. Психология террора. – М.: Академический проект, 2002. – 320 с.
- Post J.M. Mind of the Terrorist. The Psychology of Terrorism from the IRA to Al-Qaeda. – NY: St. Martin's Griffin, 2008. – 320 p.
- Почебут Л.Г. Социальная психология толпы. – СПб.: Речь, 2004. – 240 с.
- Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / под ред. М.М. Решетникова. – СПб: Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 2004. – 352 с.
- Сляднева О.В. Психологическое рассмотрение проблемы насилия и террора – Ставрополь, 2005. – МВД России. – 79 с.
- Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Очерки по психологии сексуальности. – Минск: Попурри, 2010. – 480 с.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: «АСТ, Астрель», 2010. – 218 с.

Чурков Б.Г. Мотивационные и идейные основания современного терроризма // В сб.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 4. Терроризм, 1993. – С. 49-56.

Эфиров С.А. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. № 4. 1995. – С.24-32.

References

Abreleva M.M., Nuradinov A.S. Duisenbekov D.D. (2013) Psikhologicheskiye problemy religiozno-politicheskogo ekstremizma i terrorizma v Kazahstane [Psychological Problems of Religious-Political Extremism and Terrorism in Kazakhstan]. *Psychology of XXI Century: Theory, Practice, Prospects. Materials of International Scientific-Practical Conference Devoted to 95-th Anniversary of the National University of Uzbekistan and 40-th Anniversary of the Department of Psychology*. Tashkent: MUMTOZ SO‘Z, pp. 43-46.

Antonyan Yu.M. (2006) Etnoreligiozniy ekstremizm [Ethno-religious Extremism]. M.: Institute of Humanitarian Education, 432 p.

Antonyan Yu.M., Borodin S.V. (1998) Prestupnoye povedenie i psikhicheskiye anomalii [Criminal Behavior and Psychical Anomalies] Ed. by V.N. Kudryavtsev, M.: Spark, 536 p.

Churkov B.G. (1993) Motivatsionnuyye i ideinyie osnovaniya covremennogo terrorizma [Motivational and Ideological Bases of Modern Terrorism *Social Conflicts: Expertise, Prediction, Technology of Solving*, Vol. 4, pp. 49-56.

Efirov S.A. (1995) Terrorizm: psikhologicheskiye korni i pravovyye otsenki [Terrorism: psychological roots and legal valuations]. *State and Law*, no 4, pp. 24-32.

Freud Z. (2010) Po tu storonu printzipa udovolstviya. Ocherki po psikhologii seksualnosti [Beyond the Pleasure Principle. Essays on Psychology of Sexuality]. Minsk: Popurry, 480 p.

Fromm E.(2010) Anatomya chelovecheskoi destruktivnosti [The Anatomy of Human Destructiveness]. M.: “AST, Astrel”, 218 p.

Horgan J. (2014) The Psychology of Terrorism (Political Violence). New York: Routledge, 2 edition, 206 p.

Olshanski D.V.(2002) Psikhologiya terrora [Psychology of Terror]. M.: Academic Project, 320 p.

Pochebut L.G. (2004) Sotsyalnaya psikhologiya tolpy [Social Psychology of the Crowd]. SPb.: Retch, 240 p.

Post J.M. (2008) Mind of the Terrorist. The Psychology of Terrorism from the IRA to Al-Qaeda. New York: St. Martin’s Griffin, 320 p.

Reshetnikov M.M. (2004) Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnyye strategiyi antiterrora [Psychology and Psychopathology of Terrorism. Humanitarian Strategies of Anti-Terror]. SPb: East-European Institute of Psychoanalysis, 352 p.

Slyadneva O.V. (2005) Psikhologicheskoye rassmotreniye problemy nasiliya i terrora [Psychological Consideration of the Problem of Violence and Terror]. Stavropol, Ministry of Internal Affairs of Russia, 79 p.

Vedenskaya T.Yu., Dzigumskaya E.A. Mezhdunarodnyi terrorizm: psikhologicheskiy aspekt (litchnost, fenomen terrorizma) [International Terrorism: Psychological Aspect (Personality, Phenomenon of terrorism)]. Access mode: <http://psyfactor.org/terror2.htm>.

Vityuk V.V. (1993) Nekotoruyye problemy terrorizma v aspekte covremennykh konfliktnykh situatsiy (soobrazheniya terrologov) [Some Problems of Terrorism in the Aspect of Modern Conflict Situations (Opinions of Terrologists)]. *Social Conflicts: Expertise, Prediction, Technology of Solving*, Vol. 4, pp. 53-62.

Zinchenko Yu.P. (2007) Psikhologicheskiy portret terrorizma: istoki terrorizma kak sotsialnoy formy identichnosti [Psychological Portrait of Terrorism: Roots of Terrorism as a Social Form of Identity]. *Moscow University Herald. Series 14: Psychology*, no. 4, pp. 3-7.

¹Akhtaeva N.S., ²Sundetova G.O., ³Tastanova A.A.,
⁴Sadykova N.M., ⁵Boltayeva A.M., ⁶Sailinova K.K.

¹Doctor of Psychology, Professor, Al-Farabi Kazakh national university,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: nadiyans@mail.ru

²Consulting manager in Adamant, Kazakhstan, Almaty, e-mail: sundetovagalya@mail.ru

³Yoga teacher center Atman, Kazakhstan, Almaty, e-mail: aigerim.tastanova@gmail.com

⁴Candidate of Psychological Science, Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: sadikova.nazira@mail.ru

⁵Candidate of Psychological Science, Associate Professor, Al-Farabi Kazakh national university,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: Boltayeva.Alia@mail

⁶Teacher, Al-Farabi Kazakh national university, Kazakhstan, Almaty, e-mail: Sailinova 777agmail.com

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF DECLINING INTEREST IN THE FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITY OF SENIOR STUDENTS

The article deals with psychological determinants that influences to the reduction in interest in the professional choice of future specialists. The statistics of graduates of universities of the Republic of Kazakhstan and in Almaty is presented. It should be noted that the numbers tend to increase every year. Many students after graduation from high school do not work in their specialty. Statistics on this issue is of great interest for psychology: how to motivate students to achieve success in learning activities; how to motivate teachers to maintain interest in their chosen profession. The results of the study showed that a decrease in interest in future professional activity among senior students is influenced by the lack of clearly defined professional intentions, a superficially formed understanding of the future profession and a lack of knowledge about it (namely, knowledge of the physical and mental health requirements of the chosen profession). Students who have a tendency to interest decrease in their future profession have a lower level of adaptation than students who are satisfied with their choice (namely, adaptedness in the study group). Solving the problem requires a clear, competent and scientifically-based vocational guidance. This article does not reveal all the psychological reasons that may affect the decline in interest in the future profession, but it gives grounds for further research on the problem under consideration.

Key words: professional self-determination, self-development, professional work, motivation.

¹Ахтаева Н.С., ²Сундетова Г.О., ³Тастанова А.А.,
⁴Садыкова Н.М., ⁵Болтаева А.М., ⁶Сайлинова К.К.

¹психология ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: nadiyans@mail.ru

²«Адамант» орталығында менеджер-кеңесші, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: sundetovagalya@mail.ru

³«Атман» орталығының йога оқытушысы, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aigerim.tastanova@gmail.com

⁴психология ғылымдарының кандидаты, доцент м.а., әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: sadikova.nazira@mail.ru

⁵психология ғылымдарының кандидаты, доцент м.а., әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: Boltayeva.Alia@mail

⁶оқытушы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail e-mail: Sailinova 777agmail.com

Жоғары курс студенттерінің болашақ кәсіби іс-әрекетіне қызығушылығын төмендетудің психологиялық детерминанттары

Мақалада болашақ мамандардың кәсіби таңдауын төмендететін психологиялық детерминанттар қарастырылады. Қазақстан Республикасының және Алматы қаласының жоғары оқу орындары түлектерінің статистикасы ұсынылған.

Айта кету керек, сандар жыл сайын артып келеді. ЖОО-дан шыққаннан кейін көптеген студенттер мамандық бойынша жұмыс істемейді. Бұл мәселе бойынша статистика психология үшін үлкен қызығушылық тудырады: студенттерді оқу іс-әрекетінде табысқа жетуге қалай ынталандыру; таңдаған мамандыққа деген қызығушылықты қолдау үшін оқытушылар қалай ынталандыру қажет.

Зерттеу нәтижелері жоғары курс студенттерінің болашақ кәсіби қызметіне деген қызығушылығын төмендетуге нақты қалыптасқан кәсіби ниеттің жоқтығы, болашақ мамандығы туралы үстіртін қалыптасқан түсінік және ол туралы білімнің болмауы әсер ететінін көрсетті (атап айтқанда, таңдаған мамандығына қойылатын талаптар, физикалық және психикалық денсаулық туралы білім).

Болашақ мамандыққа деген қызығушылықты төмендеу үрдісі бар студенттерде бейімделу деңгейі өз таңдауымен қанағаттанған студенттерден төмен (атап айтқанда, оқу тобына бейімділік). Мәселені шешу нақты, сауатты және ғылыми негізделген кәсіби бағдарды талап етеді.

Бұл мақала болашақ мамандығына деген қызығушылықтың төмендеуіне әсер етуі мүмкін барлық психологиялық себептерді анықтамайды, алайда ол қарастырылып отырған мәселе бойынша одан әрі зерттеуге негіз береді.

Түйін сөздер: кәсіби өзін-өзі анықтау, өзін-өзі дамыту, кәсіби жұмыс, мотивация.

¹Ахтаева Н.С., ²Сундетова Г.О., ²Тастанова А.А.,

³Садыкова Н.М., ⁴Болтаева А.М., ⁵Сайлинова К.К.

¹доктор психологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: nadiyans@mail.ru

²менеджер-консультант в Центре «Адамант», Казахстан, г. Алматы, e-mail: sundetovagalya@mail.ru

³преподаватель йоги в Центре «Атман», Казахстан, г. Алматы, e-mail: aigerim.tastanova@gmail.com

⁴кандидат психологических наук, и.о. доцента, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: sadikova.nazira@mail.ru

⁵кандидат психологических наук, и.о. доцента, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: Boltayeva.Alia@mail

⁵преподаватель, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: Sailinova 777agmail.com

Психологические детерминанты снижения интереса к будущей профессиональной деятельности студентов старших курсов

В статье рассматриваются психологические детерминанты, оказывающие снижение на профессиональный выбор будущих специалистов. Представлена статистика выпускников вузов Республики Казахстан и в целом Алматы. Следует отметить, что цифры с каждым годом имеют тенденцию увеличиваться. Многие студенты после выпуска из ВУЗа идут работать не по специальности. Статистика по данному вопросу представляет большой интерес для психологии: как мотивировать студентов на достижение успеха в учебной деятельности; как мотивировать преподавателей для поддержания интереса к избранной профессии. Результаты исследования показали, что на снижение интереса к будущей профессиональной деятельности у студентов старших курсов влияет отсутствие четко сформированных профессиональных намерений, поверхностно сформированное представление о будущей профессии и отсутствие знаний о ней (а именно знаний о требованиях к здоровью, физическому и психическому, предъявляемых к выбранной профессии). У студентов, имеющих тенденцию к снижению интереса к будущей профессии, уровень адаптированности ниже, чем у студентов, удовлетворенных своим выбором (а именно адаптированность в учебной группе). Решение проблемы требует четкой, грамотной и научно обоснованной профориентации. Данная статья не выявляет всех психологических причин, которые могут влиять на снижение интереса к будущей профессии, однако оно дает основание для дальнейших исследований по рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, саморазвитие, профессиональная работа, мотивированность.

One of the turning points in a person's life is the transition from high school to college life. This transition is often accompanied by breaking the usual stereotypes and contradictions between the requirements of the environment and internal consistency. Consequently, this period may be accompanied by crises. From this, of course, it does not follow that

all people may have difficulty moving from one stage to another. Therefore, it is important to track changes at each level, to provide psychological support as needed, emphasizing the individuality of each particular student. In our article, it is important and relevant to designate the psychological determinants of a decline in interest in the future chosen

profession of students, who should not be assigned the role of secondary ones. In order to modernize the higher education system, firstly, we need data from psychological studies related to the relevance of the issue under consideration.

Secondly, get acquainted with the statistics in the field of higher education.

According to official data, the number of students of higher educational institutions for the 2012-2013 school year in Almaty alone was approximately 158476 people out of 571691 in Kazakhstan (The agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics, 2014).

The number of higher educational institutions in the Republic of Kazakhstan is 139, 45 of which are in Almaty (the agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics)

They account for approximately 41 224 faculty members, 13,660 of whom are in Almaty. (the agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics, internet source)

The total number of students in the Al-Farabi Kazakh National University under the Bs programs for full-time and face-to-face forms of education (citizens of RK and foreign countries) for the 2010-2011 academic year is about 17 thousand people (Kazakh National University official website statistics, 2013).

It should be noted that the numbers tend to increase every year. Many students after graduation from high school do not work in their specialty. Statistics on this issue is of great interest for psychology: how to motivate students to achieve success in learning activities; how to motivate teachers to maintain professional interest in students in high school; in which direction should be done a psychological support for students with decrease in motivation, etc.

Therefore, there is a need not only to identify and study the psychological determinants of reducing interest in the future professional activities, but also to develop recommendations for the psychological support of students throughout the entire period of studying at the university.

Thirdly, it is necessary to understand fully the importance of higher professional education in the life of each person. The university is one of the most important institutions of socialization of the individual, and it is very important to trace all the psychological mechanisms accompanying this phenomenon. This is necessary to increase the effectiveness of training of future qualified and in-demand professionals. In this question one of the main roles is played by the concept of professional self-determination.

Professional self-determination is the process of forming of a person's attitude towards professional activity and the method of its realization through the coordination of personal and socio-professional needs (Bim-Bad, 2002).

The literature identifies the following general interrelated stages of professional self-determination:

1. Preschool – formation of the initial labor skills and abilities;

2. Primary school (propaedeutic) – appearance of an understanding of the role of labor in a person's life through participation in various activities (playing, studying, working);

3. The first stage of secondary school (5-7 grades) – an awareness of their professional interests and abilities;

4. The second stage of secondary school (8-9th grades) – the beginning of the formation of professional self-consciousness;

5. A complete secondary school – vocational guidance based on the deep studying of particular academic subjects;

6. Vocational educational establishment – mastering the profession;

7. Professional activity – professional development or shift to another professional activity (Krivshenko, 2005).

For our research, 4-6 stages of the formation of professional identity are of particular interest. During this period, an irregular superficial notion of a future profession may form. In consequence, this may affect dissatisfaction with the choice of a field of activity, a decrease in interest in learning, etc.

Senior students (3-4 courses) often face a dilemma: did I choose a future profession correctly? There can be three possible answers: one part is clearly satisfied with her choice, the second is still in a state of uncertainty and a third who has lost interest in the chosen specialty for one reason or another. We are interested in exactly the third group of graduates as an object of study.

At the present stage of development of modern society, psychology is being integrated into an increasing number of branches of human life. Therefore, the topic of this article will be relevant as long as science does not completely get rid of the phenomenon of dissatisfaction with the chosen profession.

The purpose of study: to identify psychological determinants that affect the decline of interest in the future professional activity of senior students.

Object of study: interest in the future professional activity of senior students (3, 4 courses).

Objectives of the study:

1. Selection and preparation of methods.
2. Conduct literary analysis on this topic.
3. Conducting high-quality and mathematical processing of data obtained in the course of experimental research.

Sample: 70 senior students (3, 4): a control group (CG) and an experimental group of 35 people, respectively.

Stages of research:

1. Selection and preparation of methods;
2. The survey of subjects by selected methods;
3. Processing the data;
4. Analysis and interpretation of results.

The validity and reliability of the data obtained and the conclusions made on their basis are ensured by the use of reliable psychodiagnostic methods adequately selected in accordance with the goals, objectives and hypotheses of the study conducted on a representative sample. The results of the study were subjected not only to qualitative analysis, but also to mathematical processing using frequency analysis and the U-criterion of Mann-Whitney in the program SPSS 17.0.

In total, 70 students participated in the study. We chose senior students for the following reasons as respondents. First of all, this period is characterized by a transition from educational activities directly to professional activities, which is often accompanied by a crisis. At this age, there are many internal changes: a change in value orientations, a restructuring of leading activities, a focus on the future, etc. Secondly, modern students, as an integral part of society, receive little attention from researchers in psychology.

The age limits within which senior students are located (3.4) are mostly from 18 to 23 years old, which coincides with the occasional youth and affects the period of early adulthood (Kohn, 1989). The student time is also characterized by the fact that during this period the majority of optimum development of intellectual and physical abilities is achieved.

A characteristic feature of moral development at a given age is the strengthening of conscious, arbitrary motives of behavior. Those qualities that were not fully developed during high school: sense of purpose, determination, perseverance, independence, initiative, self-control, etc., are being strengthened.

Youth is a time of self-examination and self-esteem. At this age, students first of all have a problem of choosing their life path, forming an inner position in relation to themselves (Who am I?

What should it be?), to other people, to life values, etc. During this period of life, a person decides how and in what order he will apply the abilities to realize himself in work and in life in general. The most important achievement of this period is the development of self-education, self-knowledge. The development of reflection leads to a critical reappraisal of previously established values — perhaps, their change and further development. The leading activity is educational and professional activity – boys and girls become students (Craig, 2000).

Students as a separate category were identified in the 1960s under the guidance of B. G. Ananyev in the study of the psycho-physiological functions of adults. Students, in his opinion, is a sensitive period for the development of the main sociogenic potential of a person (Ananyev, 1980).

Features of psychological and social development of students in various courses of study:

1 year – the introduction of the former applicant to the new conditions of learning and to student forms of collective life. Behavior is characterized by a high degree of conformism; freshmen still lack a differentiated approach to their roles.

2 year – a period of intense learning activities, which intensively included all forms of training and education. Students receive general training, form their needs and requirements. The adaptation process at this stage has been largely completed.

3 year – the beginning of specialization, the establishment of interest in the further development and deepening of professional interests. Often this leads to a narrowing of the sphere of interests of the individual.

4 year – acquaintance with a specialty, being closer to practical activity. The behavior is characterized by the search for rational ways and forms of preparation.

5, 6 courses – the prospect of a speedy graduation from a higher education institution forms attitudes toward future professional activity. New, actual values related to the material and family status, place of work, etc. Students gradually move away from the collective life forms of the university (Markova, 2010).

In most institutions of higher education in Kazakhstan, a 4-year education system has been established, and for more convenience, the last two points of classification should be generalized.

Bulanova and Toporkova offer a more modern classification of students. The criterion of this typology is the attitude of students to education:

1 group – students focused on education as a profession. Interest in the future profession, the

desire to realize themselves in it is the predominant motive. Such students have a tendency to continue education in the master's / doctoral studies.

2nd group – business oriented students. Education for them acts as a tool, a kind of starting point for trying to create their own business, engage in trade, etc. These students have a clear understanding that over time this area will require education. For the future profession in the specialty are less interested than the first group.

3rd group – students who can be called “undecided” or “crushed” various problems of the household plan. This group “goes with the flow”, students cannot choose a certain life path, the education and the profession for them do not represent much interest inherent to the first groups. Perhaps, the self-determination of such students will occur later, but this group includes people waiting for whom the process of self-determination, choice of life, purposefulness is not typical (Markova, 2010).

In sum, we can conclude that this age period is distinguished by the complexity of the personality formation and coincides with the time of studying at the university. In general, the sample is characterized by a wide range of features that must be taken into account in the process of education and professional development.

Summarizing the data of theoretical and experimental analysis, we can conclude that the student time is a kind of “starting point! For the formation of life values, for active personal development, for finding ways to realize their potential, etc. Therefore, this topic should be given a special attention.

The need to highlight the psychological determinants of reducing interest in future professional activities is caused by the importance of timely elimination of the problem. Studying of this should contribute to the development of recommendations for the psychological support of students throughout the entire period of study in the university.

From the theoretical analysis we can conclude: the interest in the future profession influences the formation of a clear image of the future professional activity of the student. Often, the lack of interest is facilitated by the absence of competently conducted career guidance at the initial stage of the professional development of a person.

In the course of an experimental study, we carried out 4 methods on 70 senior students (3.4) to identify psychological determinants of a declining interest in future professional activities.

According to the results of the T.I. Ilyin's methodology (Ilyin, 1998) for studying motivation in high school, significant differences on the “Mastering a profession” scale ($p < 0,000$) were identified. The control group included students who have a high motivation to master their future profession, respectively, showing a high interest in it. The experimental group, respectively, included students who have low motivation and, accordingly, a low interest influenced by a decrease in interest in future professional activities.

According to the results of the “Study of professional intentions” questionnaire, significant differences were found in the indicators “The choice of profession is not eventual” ($P \leq 0,025$), “Doubts about the correctness of the profession choice” ($P \leq 0,003$) and “Lack of knowledge of health requirements” ($P \leq 0,002$). Students in the experimental group are more likely to have doubts about the correctness of their choice of profession, and difficulties in finalizing their future professional activities, which indicates the absence of clearly defined professional intentions. Also, students with reduced professional interest are mostly lacking knowledge of the requirements for health (physical, mental) imposed by a chosen profession.

It may be noted that there is a certain tendency to choose a profession based on the degree and relevance of the work, and not according to the compliance of the work with own capabilities.

According to the results of the V.K. Gerbachevsky's questionnaire (Gerbachevskiy, 1976) on the assessment of personal level of aspiration, significant differences were identified in terms of the “Motive for changing activities” indicator ($p \leq 0,007$). Experimental group students have a lower motive for changing activities, which is one of the components of the core of the person's motivational structure. Consequently, students of this group are characterized by difficulties in the transition from one activity to another (for example, in the transition from educational activity to professional activity).

According to the results of the method “Adaptation of students at the university”, significant differences were found in terms of the indicator called “Adaptation in the study group” ($P \leq 0,043$). Students who show a reduced interest in their future profession also show a tendency to difficulties in communicating with fellow students, detachment, and restraint with respect to fellow students.

This study does not reveal all the psychological determinants that may affect the decline in interest in the future profession, but it gives grounds for further research on this topic.

In general, based on the results of the study, evidently the general hypothesis that the decline of interest in future professional activities of senior students affects the lack of clearly defined professional intentions has been confirmed.

The first and second private hypotheses were also partially confirmed, namely:

1. The lack of knowledge about the future profession (namely, knowledge about the requirements for physical and mental health, made by the chosen profession) affects the decline in interest in professional activity.

2. For students who have a tendency to interest decreasing in their future profession, the level of adaptation is lower than that of students who are satisfied with their choice (namely, adaptation in the study group).

The results obtained in the course of the research allow us to state that the following psychological determinants influence the decline in interest in future professional activity:

- lack of clearly defined professional intentions;
- lack of knowledge about the requirements for physical and mental health, imposed by the chosen profession;
- difficulties in adapting to the study group.

The problem of the formation of professional self-determination is a main problem of our research. This problem is interdisciplinary, considered by labor psychology, pedagogical psychology, pedagogy, age psychology, etc.

Approximately on the 2nd and 3rd courses, students have a question about the correctness of the choice of university, specialty, profession. By the end of the fourth year, the issue of professional self-determination is finally being resolved. Sometimes it happens that at this time a person makes a decision to avoid working in their specialty. According to a study by V.T. Lisovsky (Lisovsky, 1996) only 64% of senior students definitely decided that their future profession fully corresponded to their basic inclinations and interests (Bulanova-Toporkova, 2002). According to the results of our study, only 65.7% of students will unambiguously associate their future professional activities with their chosen specialty.

Quite often, a person's professional choice is determined by random factors. This phenomenon is especially undesirable when choosing a university, since such errors are costly for both society and the

individual. Therefore, career guidance work with young people entering higher education is extremely important.

Based on the studied concepts of professional self-determination (Afonkina, 2010), the following conclusions can be made:

1. Professional self-determination acts as a process proceeding in stages and characterized by its specificity at each stage.

2. Professional self-determination begins even before a person starts performing professional functions.

The psychological basis of professional self-determination of the individual is self-development, proceeding under the influence of gradually developing motives. Self-development acts as a process of transforming one's own life activity into a subject of practical transformation in connection with the requirements of professional activity leading to creative self-realization in the profession.

According to the typology of E.F. Zeer (Zeer, 2012), based on professional orientation, the main criterion is the student's motivation for professional activities.

In the psychological and pedagogical literature there are many different approaches to determine the psychological factors of deciding that the main psychological determinant of the correct choice is professional interest or professional orientation (Craig, 2000). We support these authors in this matter.

From the point of view of L.S. Vygotsky, the possibility to build and implement a life plan is supported by following main features:

- Efficiency (focus on favorable changes), completeness, certainty, clarity (clarity);
- The consistency of the elements of the plan;
- Realism;
- Sustainability (in time, to external and other influences, based on the person's responsibility taken for his plan);
- logical reasonableness; consistency with marked propensities (Kravchenko, 2011).

Also you can rely on these signs in the preparation and implementation of a professional plan.

In this study, we tried to identify psychological factors that impede the formation of professional orientation and professional interest, in which we partially succeeded.

Литература

Афонькина Ю.А. Профессиональное развитие как предмет психологического исследования: научный анализ отечественных концепций // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2010. – № 2 (4). – С. 34-39.

- Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды // Педагогика. 1980.
- Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. – М., 2002.
- Бондаренко В.И. Опыт проведения профориентационной работы высшего учебного заведения с абитуриентами // Молодой ученый. – 2013. – №12. – С. 16-25.
- Буланова-Топоркова М.В. Педагогика и психология высшей школы: Учебное пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2002.
- Зеер Э.Ф. Концепция профессионального развития человека в системе непрерывного образования // Педагогическое образование в России, 2012.
- Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2000.
- Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989.
- Крившенко Л.П. Педагогика: учебное пособие. – М., 2005. – С. 419.
- Крайг Г. Психология развития. – СПб., 2000.
- Кравченко Ю.О. К проблеме формирования учебной мотивации студентов. // Психология в России и за рубежом: материалы междунар.науч.конф. (г. Санкт-Петербург, октябрь 2011 г.). – СПб.: Реноме, 2011. – С. 104-106.
- Лисовский В. Т. Социология молодежи. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1996.
- Реан А.А. Психология человека от рождения до смерти. – СПб., 2002.
- Раис Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб., 2000.
- Официальный интернет-ресурс Агентства Республики Казахстан по статистике // Образование – <http://www.stat.gov.kz/faces/wcnavexternalld/homeNumbersEducationafrloop=42339535615979#%40%3FafriLoop%3d42339535615979%26%20adfcrtl-state%3Dy9hqu4dzo%3D90>[Интернет ресурс].
- Официальный сайт Казахского Национального Университета имени аль-Фараби // Общая статистика университета за 2010-2011 учебный год – <http://www.kaznu.kz/4847/page> [Интернет ресурс].

References

- Afonkina Y.A. (2010) Professionalnoe razvitiye kak predmet psihologicheskogo issledovaniya: nauchniy analiz otechestvennykh koncepcii [Professional development as a subject of psychological research: a scientific analysis of domestic concepts] Scientific support of the system of staff development, no 2 (4), pp. 34-39.
- Bim-Bad B.M. (2002) Pedagogicheskie enciklopedicheski slovar [Pedagogical encyclopedic dictionary]. M.
- Bondarenko V.I. (2013). Opyt provedeniya proforientacionnoi raboty vyshogo uchebnogo zavedeniya s abiturientami [Experience in conducting career guidance work of a higher education institution with applicants]. Young scientist, no 12.
- Bulanova-Toporkova M.V. (2002) Pedagogika i psihologiya vyshei shkoly [Pedagogy and psychology of higher education: a textbook]. Rostov na D: Phoenix.
- Craig G. (2000). Psihologiya razvitiya [Developmental Psychology]. SPb.,
- Ilyin E.P. (2000) Motivaciya i motivy [Motivation and motives]. SPb: Peter.,
- Kohn I.S. (1989) Psihologiya ranney yunosti [Psychology of early adolescence]. M.
- Krivshenko L.P. (2005) Pedagogika [Pedagogy]. Study Guide. M.,p. 419.
- Kravchenko Yu.O. (2011) K problem formirovaniya uchebnoi motivaci u studentov [To the problem of the formation of students' learning motivation]. Psychology in Russia and abroad: materials of the international scientific conference. SPb.: Renome, pp. 104-106.
- Lisovsky V. T. (1996) Sociologiya molodeji [Sociology of youth]. SPb.: St. Petersburg University.,
- Markova, Y.A., Mareeva, EB, Sevidova, L.Yu. (2010) Socialno -psichologicheskiye i vozrastniye harakteristiki perioda studentchestva [Socio-psychological and age characteristics of the student period]. Psychology, no 18.
- Rean A.A. (2002) Psihologiya cheloveka ot rojdeniya do smerti [Human psychology from birth to death]. SPb.,
- Rais F. (2000) Psihologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta [Psychology of adolescence and youth]. St. Petersburg.
- The official Internet resource of the Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics. Education – <http://www.stat.gov.kz/faces/wcnavexternalld/homeNumbersEducationafrloop=42339535615979#%40%3FafriLoop%3d42339535615979%26%20adfcrtl-state%3Dy9hqu4dzo%3D90> [Internet resource].
- The official website of the Al-Farabi Kazakh National University. General statistics of the university for the 2010-2011 academic year – <http://www.kaznu.kz/4847/page> [Internet resource].
- Zeер E.F. (2012) Koncepciya professionalnogo razvitiya cheloveka v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya [The concept of professional human development in the system of continuous education]. Pedagogical education in Russia.

**¹Sadykova N.M., ²Zhubanazarova N.S.,
³Baimoldina L.O., ⁴Akhtayeva N.S., ⁵Omirbek G.A.**

¹Candidate of Psychological Science, Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: sadikova.nazira@mail.ru

²Candidate of psychological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh national university, Kazakhstan, Almaty, e-mail: zhubanazarova@mail.ru

³Deputy Head of Chair on Academic and Educational Issues, PhD, associate professor of Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: laura.baimoldina2@kaznu.kz

⁴Doctor of psychological sciences, professor of Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: nadiyans@mail.ru

⁵4 year student of General and Applied Psychology Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: omirbek_g@mail.ru

PSYCHOLOGICAL RESEARCH OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL IDENTITY IN PSYCHOLOGY STUDENTS

In article are considered questions of formation of psychologists in the conditions of educational space of the University, where one of the main criteria of professional competence of future psychologists is the level of development of professional self-consciousness and identity. A multidimensional approach to the analysis of professional identity is one of the possible directions of the formation and correction of the professional identity of the future specialists.

A person becomes "completely human" when he realizes his identity. Identity is the mental component of self-awareness, which is formed and exists in the human world. We know who we are, we are aware of our identity in the world of people, professions, nations, etc. In this regard, the experience of identity and in the professional sphere of human life is of particular importance. In the theory and practice of professional development, the need for a new understanding of the nature and meaning of work of specific professionals, the specifics of professional self-determination is increasingly felt, and the problems associated with the development of professional identity are coming to the fore.

Key words: identity, self-consciousness, psychologists, institution of higher education, formation, training.

¹Садықова Н.М., ²Жубаназарова Н.С., ³Баймолдина Л.О., ⁴Ахтаева Н.С., ⁵Өмірбек Г.А.

¹психология ғылымдарының кандидаты, доцент м.а., әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: sadikova.nazira@mail.ru

²психология ғылымдарының кандидаты, профессор м.а., әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: zhubanazarova@mail.ru

³оқу және тәрбие ісі жөніндегі кафедра меңгерушісінің орынбасары, PhD, доцент, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: laura.baimoldina2@kaznu.kz

⁴психология ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: nadiyans@mail.ru

⁵әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: omirbek_g@mail.ru

Психолог студенттердің кәсіби сәйкестілік ерекшеліктерінің қалыптасуын психологиялық зерттеу

Бұл мақаланың мақсаты болашақ психолог студенттердің кәсіби сәйкестілік ерекшеліктерінің қалыптасуын психологиялық тұрғыда зерттеу, сонымен қатар студенттің өзін-өзі анықтауы мен өзін-өзі тану мәселелеріне кәсіби сәйкестілік деңгейі қаншалықты әсер ете алатынын анықтау болып табылады.

Қазіргі заманғы қоғамның еңбек нарығы мен жаңа технологиялар жағдайындағы мамандарға деген жоғары талаптары кәсіби даярлаудың жаңа жолдары мен жағдайларын іздестіруді ғана емес, сондай-ақ болашақ мамандардың кәсіби және жеке дамуының психологиялық механизмдерін, факторларын және критерийлерін күшейтеді.

Психология ғылымындағы өрістеп келе жатқан негізгі бағыттарды, жаңа ықпалдар мен тұжырымдарды негіздей отырып, психологиялық тәжірибе жүйесінде жастардың кәсіби бағдарланулары мен кәсіби қызығушылықтарын дамыту, мамандық таңдауға байланысты проблемалары – ішкі ниеттенулері барысында өзіндік сана-сезімдері мен өзіндік бағалауларының, өзін-өзі тануларының рөлін және мамандық таңдауға байланысты басқа да көптеген проблемаларын зерттеу әрқашан да маңызын жоймайтын сұрақтардың бірі.

Түйін сөздер: жеке тұлға, өзін-өзі тану, психолог, университет, білім беру, оқыту.

¹Садыкова Н.М., ²Жубаназарова Н.С., ³Баймолдина Л.О., ⁴Ахтаева Н.С., ⁵Омирбек Г.А.

¹кандидат психологических наук, и.о. доцента, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: sadikova.nazira@mail.ru

²кандидат психологических наук, и.о. профессора, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: zhubanazarova@mail.ru

³заместитель заведующего кафедрой по академическим и образовательным вопросам, PhD, доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: laura.baimoldina2@kaznu.kz

⁴доктор психологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: nadiyans@mail.ru

⁵студент 4 курса факультета философии и политологии общей и прикладной психологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: omirbek_g@mail.ru

Психологическое исследование формирования профессиональной идентичности у студентов-психологов

В статье рассматриваются вопросы формирования психологов в условиях образовательного пространства университета, где одним из основных критериев профессиональной компетентности будущих психологов является уровень развития профессионального самосознания и идентичности. Многомерный подход к анализу профессиональной идентичности является одним из возможных направлений формирования и коррекции профессиональной идентичности будущих специалистов.

Человек становится «полностью человеком», когда осознает свою личность. Идентичность – это ментальный компонент самосознания, который формируется и существует в человеческом мире. Мы знаем, кто мы, мы осознаем свою идентичность в мире людей, профессий, наций и т.д. В этом отношении опыт идентичности и в профессиональной сфере человеческой жизни имеет особое значение. В теории и практике профессионального развития все больше ощущается потребность в новом понимании характера и значения работы конкретных специалистов, специфики профессионального самоопределения, а также возникают проблемы, связанные с развитием профессиональной идентичности.

Ключевые слова: личность, самосознание, психологи, вуз, образование, обучение.

A person becomes «completely human» when he realizes his identity. Identity is the mental component of self-awareness, which is formed and exists in the human world. We know who we are, we are aware of our identity in the world of people, professions, nations, etc. In this regard, the experience of identity and in the professional sphere of human life is of particular importance. In the theory and practice of professional development, the need for a new understanding of the nature and meaning of work of specific professionals, the specifics of professional self-determination is increasingly felt, and the problems associated with the development of professional identity are coming to the fore. To comprehend the essence of professional identity means to understand its nature,

its origin in the context of personal development, to answer the questions: what causes it? in what way is it expressed? What are its structural and dynamic components? What is the structure and dynamics of professional identity? What conditions contribute to the development of professional identity? Professional identity is determined by professional communication and professional experience, represented by means of speech through the image of “I” (Ivanova, 2008: 89-99).

Professional identity is “a multidimensional and integrative psychological phenomenon that provides a person with integrity, identity and certainty in professional activities”. A person’s own competence, effectiveness and personal influence can speak about the development of professional

identity. Professional identification is an objective and subjective unity with a professional group, a deed that determines the continuity of professional characteristics (norms, roles and statuses) of an individual (Schneider, 2002).

The issue of identity is at the intersection of the interests of sociology, history, cultural studies, cognitive psychology, personality psychology and social psychology. The problem of identification “I” was solved in Western psychology (Gavrilov, 1987: 111-117).

The wide distribution of the term “identity” and its introduction to scientific use is associated with the name of E. Erikson, who defined identity as an internal “continuity of self-experience of an individual”, “continuing internal equality with oneself”, as an essential characteristic of the integrity of an individual, as an integration of experiences of a person of his identity. with certain social groups (Schneider, 2003). The tradition of the use of identity in psychological literature coincides in its original meaning with the concept of such an ontological truth “the thing is itself and not anything else.” Genuine means the identity between what is thought and how it is formed in words, between what is in the mind, and how it finds expression in external behavior. In this regard, it is possible to discuss that the identity is not given to a person, it is set, its development is negotiable not in terms of “formation”, but in terms of “achievement” and “formation”. Most researchers interpret identity as the result of some process (self-knowledge, self-understanding, identification, identification-alienation, etc.) and emphasize its existential nature along with the functional one (Buyakas, 2005).

There are 3 levels of representation of the term “identity” in the language:

- the level of evidence or rationalistic, it reflects the integrity, indivisibility, “naturalness” of the person as an integrative property of the person as it seems;

- conceptual, it reflects the specific scientific content, determined by researchers, represents the degree of compliance of a person with a group, gender, ethnic group;

- deep or irrational, it reflects the self, a thing in itself, is based on the recognition of the illusory nature of human self-awareness, the need for disassociation of consciousness with any existing content, criticism of any form of human identity in the realm of existence (Abulhanova-Slavskaya, 1991:35).

In domestic psychology, the concept of identity has traditionally developed within the

framework of studies of self-awareness and self-attitude, moreover, identity was considered as one of the aspects of the “I” problem. To date, thanks to the efforts of domestic scientists formed a certain categorical apparatus in the field of self-consciousness (Karymova, 2017:248-251). Within its framework, interrelations between the concepts of self-awareness, self-attitude, self-assessment are established, such issues as the relationship of consciousness and self-awareness, the structure of self-consciousness, genesis and age-related features of self-awareness, the image of “I” are well studied. Thus, in the domestic psychology, the next heuristic sequence of consciousness — self-consciousness — the image of “I” took shape. Is it possible to simply replace the term “self-consciousness” with the term “identity”? From the point of view of Schneider, the terms “self-awareness” and “identity” are not interchangeable and absolutely identical concepts.

The history of the concept is not enough developed. There is reason to believe that Freud was the first to use this concept at the beginning of the 20th century in his work “Mass Psychology and Analysis of the Human Self”. And it meant the earliest manifestation of an emotional connection with another person. This term has a broader meaning, and generalizes imitation, imitative behavior, emotional fusion with the object (Zeer, 1993).

In modern psychological works, the concepts of identity and identification are separated. For example, when they say “identity”, emphasis is placed on a certain state, as a relatively final result of self-identification. Identification is a process, the specificity of psychological and social mechanisms leading to this state.

The study of identity goes back to the works of Harvard University William James, who developed the concept of understanding the identity of their identity, their borders and place in the world (Krinchik, 2005:45-56). James showed that a person thinks of himself in two planes, namely in his personal, where personal self-identity is created, and in the social, where the diversity of the individual’s social “I” is formed. These two planes are the sides of one holistic education “I.” James’s famous postulate states: “The individual’s self-esteem is determined by the attitude of our real abilities, the actual success achieved and the claims manifested in the desire to occupy a certain position in society and become someone” through a combination of two parameters of identification and self-esteem. In the concept of James, social identity is one of the personal reasons that help a person to maintain self-esteem and the integrity of his “I”.

Identity is a complex phenomenon, “multi-layered” mental reality, including various levels of consciousness, individual and collective, ontogenetic and sociogenetic bases. It is constantly being defined and changed as a result of a subjective pragmatic orientation in a constantly changing environment, and its experience is actualized in the personal, social and professional sphere of human life. Educational and professional activities in the process of university education are formed and implemented in a certain social environment that influences the formation, awareness and presentation of an individual’s professional identity. In the process of education, a person’s life and professional position is formed, the realization of professional intentions is carried out, professional-differentiating signs are formed. The nearest social and professional environment of a student is a study group, which is a special form of student life activity and in a certain way influences the development of the professional identity of the individual included in it. The peculiarities of the student group as an educational and personal forming environment determine the interest in the problem of its influence on the students’ professional identity (Rykiel, 2011).

Professional identity – a multidimensional and integrative psychological phenomenon that provides a person integrity, identity and certainty, develops during vocational training in the space of the processes of self-determination, self-organization and personalization, as well as due to the development of reflection. Subjective expectations and possibilities of social perspectives play a role in the development of professional identity, as well as the recognition of the subject by others as a professional, which contributes to the establishment of professional identity. Professional self-presentation is essential.

Professional identity is intensively studied in the domestic psychology (Petrishcheva, 1984). An analysis of the literature has shown that professional identity is an independent and responsible construction of one’s professional future. This implies a high readiness of the semantic and regulatory bases of behavior in the situation of uncertainty of the approaching professional future, the ability to carry out personal self-determination, to integrate into professional community and form an image of yourself as a specialist.

Based on the foregoing, the goal of the empirical part of our research is determined: the study of the psychological mechanisms of the formation of professional identity among students – psychologists. The theoretical and methodological basis of

the study consists of the general psychological principles of determinism (S.L. Rubinstein, A.N. Leontyev), the unity of consciousness and activity (S.L. Rubinstein), the cultural-historical theory of the nature of the mental (L.S. Vygotsky), system approach (E.G. Yudin, B.F. Lomov) (Lomov, 1973).

Erikson’s follower D. Marcia developed his theory by defining identity as “the structure of the Ego — an internal self-created, dynamic organization of needs, abilities, beliefs, and an individual history”. Marcia suggested that this hypothetical structure manifests itself phenomenologically through the observable patterns of “problem solving” and outlined four basic statuses of identity : achieved identity, moratorium, premature identity, diffuse identity. Two parameters are used to build the model: 1) the presence or absence of a crisis — the state of searching for identity; 2) the presence or absence of identity units – personally significant goals, values, beliefs (Povrenkov, 2002).

Achieved identity. This status is possessed by a person who has passed through a period of crisis and self-research and has formed a certain set of personally meaningful goals, values and beliefs for him. Such an individual knows who he is and what he wants, and accordingly structures his life. He experiences his goals, values, and beliefs as being personally meaningful and providing him with a sense of direction and meaningfulness of life.

Moratorium. Following E. Erickson, J. Marcia uses this term in relation to a person who is in a state of identity crisis and actively tries to solve it by trying various options. Here the individual is constantly in a state of information retrieval, useful for resolving a crisis (reading literature, conversations about various possibilities, real experimentation with life styles). In the early stages of such a search, an individual experiences feelings of joyful expectation, curiosity.

Premature identity is a status attributed to a person who has never experienced a state of identity crisis, but who nevertheless has a certain set of goals, values and beliefs. In people with premature identity, elements are formed relatively early, not as a result of independent search and selection, but mainly as a result of identification with parents or other significant people. Thus adopted goals, values and beliefs may be similar to the parent.

Diffuse identity is a state of identity that is characteristic of people who do not have strong goals, values and beliefs and are not making active attempts to form them. These individuals were either never in a state of identity crisis, or were unable to solve the problems that had arisen. In the absence of a clear sense of identity, they experience a number

of negative states, including pessimism, apathy, melancholy, undirected anger, alienation, anxiety, helplessness and hopelessness.

Stages of the process of formation of students of professional identity

In conclusion, the internal sources of the formation of professional identity of L.B Schneider include the following:

- an emotionally positive background against which information was obtained about the profession;
- positive perception of oneself as a subject of professional activity;
- emotional and positive acceptance of their belonging to the professional community;
- successful mastering of rights and obligations, norms and rules of professional activity;

– the specialist's willingness to take on professional responsibility;

– character of severity and self-acceptance of existential and functional I;

– motivational activity towards the realization of oneself in the chosen professional field (Rostunov, 1984).

This problem is very important is the question of the criteria, indicators and conditions of formation of students' professional identity. The intragroup status of students with different levels of professional identity is determined by the influence of two groups of factors: group characteristics (level of professional development, presence of professional motives and values, presence of specially organized conditions), and individual characteristics of students (motivation of educational and professional activities, values and meanings realized in profession).

Литература

- Абулханова-Славская А.А. Жизненная стратегия. – М., 1991. – 35 с.
- Буйакас Т.М. Основания и условия профессионального роста студентов-психологов // Московский университет. Серия «Психология». – 2005. – С. 7-17.
- Гаврилов В.Е. Использование модульного подхода для психологической классификации профессий для профориентации // Вопросы психологии. – 1987. – № 1. – С. 111-117.
- Зеер Э. Ф. Психология профессий. – Екатеринбург, 1999. – 133 с.
- Иванова Л.Н. Профессиональная идентичность в социально-психологическом исследовании. // Вопросы психологии. – 2008. – № 1. – С. 89-99.
- Карымова О.С. Особенности профессиональной идентичности будущих психологов / О.С. Карымов // Азимут научного исследования рядом: педагогика и психология. – 2017. – Т. 6. № 2 (19). – С. 248-251.
- Кринчик Е.П. К проблеме психологического обеспечения профессионального развития студентов-психологов // Московский университет. Серия «Психология». – 2005. – №2. – С. 45-56.
- Личность: Учебник / Сост. Л. Б. Шнайдер. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2003. – 272 с.
- Ломов Б.Ф. Человек и техника. – Л., 1973. – 102 с.
- Петрищева Г.П. Жизненные планы как фактор профессионального самоопределения молодежи. – М., 1984. – 145 с.
- Повренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека. – М., 2002. – 87 с.
- Пряжников Н.С., Пряжников Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. – М., 2001. – 98 с.
- Рикель А.М. Профессиональная самооценка и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Психологические исследования: электронный журнал общей химии. – 2011. – № 3 (17). – 145 с.
- Ростунов А.Т. Формирование профессиональной подготовки. – Минск, 1987. – 132 с.
- Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. – М.: МОРУ, 2002. – 256 с.

References

- Abulkhanova-Slavskaya A.A (1991). Strategii jizni [Life strategy]. M, 35p.
- Buyakas T.M. (2005). Osnovaniya I usloviya pofessionalnogo rosta studentov psichologov [The grounds and conditions for the professional growth of students of psychology]. Moscow University. "Psychology", pp.7-17.
- Ivanova L.N. (2008). Professionalnaya identichnost v socialno-psichologicheskom issledovanii [Professional identity in the socio-psychological study]. Questions of psychology, no 1, p. 89-99.
- Gavrilov V.E(1987). Ispolzovanie modulnogo podhoda dlya psichologicheskoi klassifikacii professii dlta proforientacii [Using a modular approach for the psychological classification of occupations for vocational guidance]. Questions of psychology, no 1, pp.111-117.
- Karymova O.S. (2017). Osobennosti professionalnoi identichnosti budushich psichologov [Features of the professional identity of future psychologists]. Azimuth scientific research next: pedagogy and psychology, Vol. 6. No. 2 (19), pp. 248-251.
- Krinchik E.P. (2005). K problem psichologicheskoi podderjke professionalnogo razvitiya studentov psichologov [To the problem of psychological support of the professional development of psychology students]. Moscow University. "Psychology", no 2, pp. 45-56.
- Lomov B.F. (1973). Chelovek I Technika [Man and technology]. L, 102 p.

- Petrishcheva G.P. (1984). Zhiznennye plany kak factor professionalnogo samoopredeleniya molodeji [Life plans as a factor of professional self-determination of young people]. M, 145 p.
- Pryazhnikov N.S., Pryazhnikov E.Yu. (2001). Psichologiya truda i chelovecheskogo dostoinstva [The psychology of labor and human dignity]. M, 98 p.
- Povrenkov Yu.P. (2002). Psichologiceskoe sodержanie professionalnogo razvitiya cheloveka [The psychological content of the professional development of man]. M, 87 p.
- Rostunov A.T. (1984). Formirovaniye professionalnoi podgotovki [Formation of vocational training] Minsk, 132 p.
- Rykiel A.M. (2011). Professional self-esteem and professional identity in the structure of self-identity. Psychological research: electronic journal of general chemistry, no. 3 (17), 145 p.
- Schneider L. B. (2003) Lichnost [Personality: Textbook]. Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute, 272 p.
- Schneider L.B. (2002). Professionalnaya identichnost [Professional Identity]. Moscow, MOSU, 256 p.
- Zeer E.F. (1999). Psichologiya professii [Psychology of professions]. Yekaterinburg, 133 p.

IRSTI 15.41.21.

Abishova P.B.¹, Nurtayeva M.M.², Aimaganbetova O.Kh.², Tashymova F.S.⁴

¹second year student of masters degree in psychology of the department of general and applied psychology, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: abishova.p@gmail.com, phone: +7 778 289 70 39

²second year student of masters degree in psychology of the department of general and applied psychology, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: nurtayeva.malika@gmail.com , phone: +7(747)7194635

³doctor of psychological sciences, professor of the department of general and applied psychology, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: alnara25@mail.ru, phone: +7 (701) 4803425

⁴doctor of psychological sciences, professor of the department of general and applied psychology, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: fatima_tashimova@mail.ru, phone: +7 (707) 6895372

RELATIONSHIP OF EMOTIONAL INTELLIGENCE LEVEL AND COPING STRATEGIES INVESTIGATION

The question of the psychological health of the individual is key in the process of his life. Inside this phenomenon, a huge place is occupied by emotional intelligence, as a complex element that influences both the somatic and the mental state of a person. The growing interest in the subject of emotional intelligence demonstrates the importance of this competence for a person in the 21st century, in his professional activities. In this paper, emotional intelligence is one of the key elements of professional health. The ability to identify, understand, manage your emotions and the emotions of others contributes to effective interaction in the work system, in our case, the doctor-patient system. An adult spends most of his time at work and his general health correlates with the emotional background in the workplace, satisfaction with his work and the effectiveness of communication. The working environment, for an adult person is the main source of stress and tension, which affects its overall productivity, as a unit of labor. Work on the emotional competence of professional doctors, will allow not only to establish local work of medical services, but also increase the overall health index in the country.

Key words: emotional intelligence, coping strategies, professional health, doctors.

П.Б. Абишова¹, М. М. Нуртаева², О. Х. Аймағанбетова³, Ф. С. Ташимова⁴

¹Психология мамандығы бойынша магистратура болімшениң екінші жыл студенті, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы, e-mail.: abishova.p@gmail.com, тел.: +7 778 289 70 39

²Психология мамандығы бойынша магистратура болімшениң екінші жыл студенті, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы, e-mail.: nurtayeva.malika@gmail.com , phone: +7(747)7194635

³Психология ғылымдарының докторы, жалпы және қолданбалы психология кафедрасының профессоры, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы, e-mail.:alnara25@mail.ru, тел.: +7(701)4803425

⁴Психология ғылымдарының докторы, жалпы және қолданбалы психология кафедрасының профессоры, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы, e-mail.:fatima_tashimova@mail.ru, phone: +7 (707) 6895372

Эмоционалдык интеллект деңгейі және қиындықты жою стратегияларының арасындағы қатынас

Адамның психологиялық денсаулығы туралы мәселе оның өмірінің маңызды кезеңі болып табылады. Бұл құбылыстың ішінде адамның соматикалық және психикалық жай-күйіне әсер ететін күрделі элемент ретінде эмоциялық интеллект үлкен орынға ие. Эмоционалдык интеллект тақырыбына деген қызығушылықтың артуы 21-ғасырдағы адамға, оның кәсіби қызметінде осы құзырлылықтың маңыздылығын көрсетеді. Бұл мақалада эмоционалдык интеллект кәсіби денсаулықтың негізгі элементтерінің бірі болып табылады. Өзіңіздің сезіміңізді және басқа адамдардың эмоцияларын анықтау, түсіну, басқару қабілеті жұмыс жүйесіндегі, біздің жағдайда доктор-пациенттер жүйесіндегі тиімді өзара әрекеттесуге мүмкіндік береді. Ересек адам өз уақытының көп бөлігін жұмысқа жұмсайды және оның жалпы денсаулығы жұмыс орнындағы эмоционалдык фонға, оның жұмысымен қанағаттануына және қарым-қатынас тиімділігіне байланысты. Ересек адам үшін жұмыс ортасы стресс пен кернеудің басты көзі болып табылады, ол еңбек өнімділігі ретінде оның жалпы өнімділігіне әсер етеді. Кәсіби дәрігерлердің эмоциялық құзыреттілігі бойынша жұмыс тек медициналық қызметтің жергілікті жұмысын ғана емес, сонымен қатар елдегі жалпы денсаулық сақтау индексінің деңгейін арттыруға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: эмоционалды интеллект, бірге иелену стилі, кәсіби денсаулық, дәрігерлер.

Абишова П.Б.¹, Нуртаева М.М.², Аймаганбетова О.Х.³, Ташимова Ф.С.⁴

¹магистрант отделения психологии кафедры общей и прикладной психологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: abishova.p@gmail.com, тел.: +7 778 289 70 39

²магистрант отделения психологии кафедры общей и прикладной психологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: nurtayeva.malika@gmail.com, phone: +7(747)7194635

³доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: alnara25@mail.ru, тел.: +7(701) 4803425

⁴доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: fatima_tashimova@mail.ru, phone: +7 (707) 6895372

Исследование взаимосвязи уровня эмоционального интеллекта и копинг-стратегий

Вопрос психологического здоровья личности является ключевым в процессе его жизнедеятельности. Внутри этого феномена огромное место занимает эмоциональный интеллект как комплексный элемент, оказывающий влияние как на соматическое, так и на психическое состояние человека. Рост интереса к теме эмоционального интеллекта свидетельствует о важности этой компетенции для человека в XXI веке, в его профессиональной деятельности. В данной работе эмоциональный интеллект – один из ключевых элементов профессионального здоровья. Умение идентифицировать, понимать, управлять своими эмоциями и эмоциями окружающих способствует эффективному взаимодействию в рабочей системе, в нашем случае системе «врач-пациент». Большую часть своего времени взрослый человек проводит на работе и его общее здоровье коррелирует с эмоциональным фоном на рабочем месте, удовлетворенностью своей деятельностью и эффективностью коммуникаций. Она же, рабочая среда, для взрослого человека при этом является основным источником стресса и напряжения, что оказывает влияние на его общую продуктивность, как единицы труда. Работа над эмоциональной компетентностью профессиональных врачей, позволит наладить не только локальную работу медицинских служб, но и увеличит общий индекс здоровья в стране.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, стратегии совладания, профессиональное здоровье, врачи.

In psychological science, and in particular in the psychology of occupational health, an “emotional revolution” occurs. Emotional intelligence is one of the most popular psychological topics among specialists and ordinary people, and the number of studies on empirical research and research that is valuable for development is growing. Each

author wants to contribute to the disclosure of this phenomenon, sets out his vision of the situation. However, the statement with which no one can argue is that a high indicator of the level of emotional intelligence is an important competence of the 21st century. In general, emotional intelligence is understood as the ability to recognize, understand

and regulate their emotions and the emotions of those around them. A. Neubauer and H. Freudenthaler (Neubauer, Freudenthaler, 2005) in their joint work examined in detail all the existing concepts of emotional intelligence. As a result of their research, they identified two main developed approaches, which differ in the basic concept of considering the phenomenon of emotional intelligence and the methods of measuring its level. These are models of abilities where emotional intelligence is considered as mental capacity. These models include the concept of P. Salovey and J. Mayer (Salovey, Mayer, 2005). In the second approach, models of mixed type, which include the concept of K. Bar-On, where emotional intelligence is a combination of personal characteristics.

The issue of coping with problem situations / stressful situations is also one of the new directions in modern psychology. His study in the West began to engage in the second half of the XX century. An important point of this issue is the separation of coping behavior into psychological defense and coping strategies. These two concepts differ in the level of awareness. If psychological defense is the term of the psychoanalytic trend and implies subconscious activity, then copy-on is a conscious strategy of action. In one of the most common theories of R. Lazarus and S. Folkman (Lazarus, Folkman, 1984), coping is mediated by

the constantly changing cognitive and behavioral efforts of a person to overcome a stressful situation. The authors argue that coping is affected by possible risks and threats to the situation, assessment of available resources and possible successes. They distinguish two main techniques of coping:

- Problem-oriented;
- Emotionally-oriented.

However, the researchers agreed on the allocation of one style of coping - avoidance. Also, two researchers have identified eight basic methods of coping, which are carried out in two coping techniques. These include: self-control, positive assessment, confrontation, systematic problem solving, avoidance, search for social support, distancing and acceptance of responsibility (Petrov, Skugarevskaya, Valchuk, Kogutenko, 2006). A bright representative of Russian science L.I. Antsyferova (Antsyferova, 1981), who coined the term “co-ownership,” suggests her own classification of condominiums:

- Transforming coping strategies - the situation is analyzed, an action plan is outlined;
- Methods of adaptation - change your personal attitude to the situation;
- Auxiliary self-preservation techniques - psychological care or flight.

In general, coping solves several problems, they are listed in Figure 1.

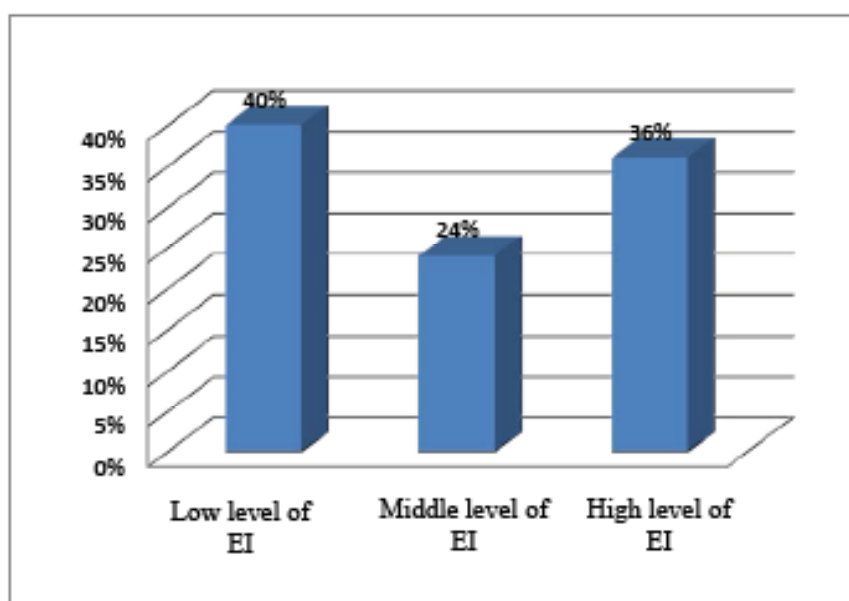

Figure 1 – General level of emotional intelligence in doctors

A certain way of coping sets a person's behavior in a stressful situation. In general, coping refers to the big issue of human adaptation to a changing reality. And stress itself can be viewed as a multifaceted process of interaction between the situation and the individual. R. Lazarus and S. Folkman (Lazarus, Folkman, 1984) considered stress as a transactional process consisting of consecutive elements:

- identification and assessment of stress;
- metabolic disease;
- activation of coping behavior;
- evaluation of the result and the new situation.

After studying the two psychological phenomena described, the purpose of our study was to identify the characteristics of coping with the health problems of doctors with different levels of emotional intelligence. The relevance of this issue is related to the aspect of professional health of doctors and the effectiveness of the current health care system.

Occupational health is becoming one of the most pressing issues of modern science. This is due to the role of professional activity in a person's life today. Thus, work is not only a source of funds for a modern person, but also a guide for self-actualization, self-realization, a space for creativity and a platform for socializing and forging relationships. In other words, work is our living lab, where we learn, grow and form as professional and social personalities. So, for the first time about the "psychology of occupational health" (occupational health psychology) was written in the scientific works of 1986. In particular, in the work of George Everly (Everly, 2013), where he considered the application of practical knowledge of occupational health and psychology. In 1990, researchers Raymond J.S., Wood D.W., Patrick W.D. (Raymond, Wood and Patrick, 1990) in one of their articles formed the idea of a new task of psychological science: creating a healthy professional environment and healthy jobs. The solution of this problem, the authors have seen the organization of active training in psychology programs of occupational health. In general, health is a state of complete physical, mental and social well-being, and not only the absence of diseases and physical defects. This definition is given in the 1946 Charter of the World Health Organization (WHO). WHO has differentiated human health

into three components: physical, mental and social. If we consider the work activity of a person, then his productivity as a specialist directly depends on his health. In this case, it is possible to distinguish another category, professional human health. Then, occupational health will be determined by the body's ability to maintain protective mechanisms and compensatory, causing performance under all working conditions. Its criterion is performance, which means maximum efficiency of work and depends on the state of the human body. At the same time, professional performance includes the physical and mental status of a person, as well as socio-psychological characteristics. The socio-psychological factors of effective activity include:

- professional training;
- management and quality of communication;
- staffing of working groups;
- interpersonal relationships;
- psychological climate in the team;
- informal leader;
- socially significant assessment of activities;
- motivation to work.

Obviously, these factors may have a negative color.

Organizations such as hospitals and other health care facilities are places of concentration of non-ordinary labor situations that require psychologists and psychological readiness from doctors other than intellectual competence. The overall efficiency of the health care system depends on the state of health of doctors from various fields. Despite this fact, little attention is paid to preserving the health of medical workers. This can be explained by the fact that they are considered specialists who are able to take care of their own health. The issue of creating a system for protecting the professional health of doctors is solved by determining various factors affecting the overall health of the worker and his illness. Features of the health system also affect workers, but such changes require significant systemic reforms. In all types of hospitals, the following types of hazards can be identified:

- nervous and emotional stress;
- chemical substances;
- biological agents;
- high voltage analyzer systems;
- the possibility of injury;
- daily mode of operation, violating the biological rhythm.

It is believed that this issue is covered by financial compensation, “for harm”, which is a percentage of the salary. But the imprint of all this on the general condition of the doctor and any other employee of a medical institution remains with him for life.

A special side of this question is the attitude of the doctors themselves to their health, who forget about the possibility of subjective judgments and prescribe their own treatment and rarely turn to their colleagues for help. Studies show that it is the gastrointestinal tract diseases, cardiovascular pathologies, gynecological diseases and pregnancy complications among medical staff that are prevalent in various hospitals. However, the main adverse factor in the hospital environment, employees call emotional stress. At the same time, less importance is attached to contact with chemicals, antibiotics, infections. As mentioned earlier, the emotionally negative impact on the workplace affects the basic attitudes and perceptions of the employee about his work, which forms a certain attitude. As a result of an analysis of research by foreign and domestic authors, it is said that the interests of the scientific community went beyond somatic health. Scientists are interested in the consequences that affect the psyche of the doctor. Already conducted studies in the West show that the level of emotional burnout of general practitioners in Europe and Latin America varies between 20 and 45%. The same rates among novice interns in the US are 75%. Data on the state of health of doctors in the former USSR indicate that 30-32% of doctors have an increased level of arterial hypertension. In other countries, this figure is 7-18%.

The empirical study was attended by 25 health care workers, namely doctors from various branches of medicine, aged 27 to 54 years. It is worth noting that a small sample is due to the very specifics of the target audience of the study. Doctors are always loaded with current work related not only to the direct treatment of patients, carrying out operations, but also filling in various necessary documentation, as well as in general, access to professionals is rather limited. In connection with these factors, it was decided to conduct online research and create online forms of selected methods. To conduct the empirical part of the study, three questionnaire methods were used to reveal the basic concepts of work and identify the difference between groups of participants with high and low levels of emotional intelligence.

Questionnaire of emotional intelligence adopted by D.V. Lusin, “Coping behavior in stressful situations” method (an adapted version of the NS Endler method, D. Parker “Coping Inventory for Stressful Situations”), Four-dimensional symptomatic questionnaire 4DSQ.

The questionnaire was sent to the electronic addresses of doctors, who then sent the already completed forms. At the beginning of each section, precise instructions were given for each technique.

The input materials were the author's questionnaire for obtaining characteristic information: name, age, specialization, work experience, the presence of chronic diseases. It is worth noting that the questionnaire included a question about the presence of chronic diseases in the subjects, in order to analyze the state of health of specialists. As a result of the survey, it turned out that most of the surveyed medical workers have chronic diseases. In this case, the following groups of diseases are most often encountered: diseases of the visual organs, diseases of the circulatory system, urinary system, and skin diseases. So among the study participants were: anesthesiology and resuscitation specialists, surgeons, hematologists, cardiologists, neonatologists, radiologists, neurosurgeons and neurologists. The age category of participants ranged from 27 years to 54 years, respectively, work experience. A little about the methods used:

- Questionnaire of emotional intelligence adopted by D.V. Lucin consists of 46 statements, to which the subject responds “agree / disagree” and which are combined into five subscales, combining, in turn, into four more general scales: understanding emotions, controlling emotions, interpersonal emotional intelligence and intrapersonal emotional intelligence.

- CISS (Coping Inventory for Stressful Situations). The technique of “Coping - behavior in stressful situations” consists of forty-eight statements, which are grouped into three factors. Each factor is represented by a scale of sixteen questions, the third factor, avoidance, has two subscales (distraction and social distraction). The technique is an adapted version of the method of NS NS, a leading Canadian specialist in the field of health psychology and clinical psychology, in collaboration with Parker D.A. “Coping Inventory for Stressful Situations” CISS. The author of the adapted version is T.L. Klyukova. The main goal

of CISS is to study human responses in stressful, difficult life situations.

- 4DSQ (TheFourDimensionalSymptom Questionnaire). Questionnaire to determine the level of stress. The technique consists of 50 items divided into 4 scales: distress (16), depression (6), anxiety (12) and somatization (16). The purpose of this questionnaire is to qualitatively determine the difference between syndromes associated with stress and mental disorders. The use of the 4DSQ questionnaire allows identifying anxiety and depressive disorders, as well as assessing the severity of the disease over time, facilitating discussion of the psychological state with the patient.

According to the results of the Test of emotional intelligence D.V. Lucina of the total number of respondents 12% (3) have very low indicators of the level of Interpersonal Emotional Intelligence (IEI), which means their inability to understand and control the emotions of other people. 44% (11) showed an average level of IEI and 12% - a very high level, i.e. good abilities to understand the emotional states of other people and to control them. Indicators of intrapersonal emotional intelligence were the following: 12% - a low value of InEI, 28% - a high value of InEI, 16% - a very high value. High value

in this scale InEI means an effective understanding of their emotions and the ability to control them. In the Understanding of UE Emotions scale, the lowest and highest rates were obtained by 8% of participants (2 in each). In the scale of management of emotions, UE, there were no extreme points of expression (very low rates / very high rates).

And according to the general level of emotional intelligence, the following results were obtained: 40% (10) of the subjects had a low GEI value, which indicates their incompetence in recognizing, understanding and controlling their emotions and the emotions of others. And 36% (9) have a high GEI value.

At the next stage, the subjects were asked to answer the questions of the 4-D symptomatic 4DSQ questionnaire. As a result, it was found that on the Depression scale, 16% (4) of the subjects had the highest rates outside the normal range, i.e. severely elevated levels of depression. This scale indicates the likelihood of having depressive disorders. Also, high rates were obtained in the Distress scale, the level of moderate elevation, in 28% of participants, which means that there are significant consequences after stress. Below are the data for each scale of the questionnaire, in Figure 2.

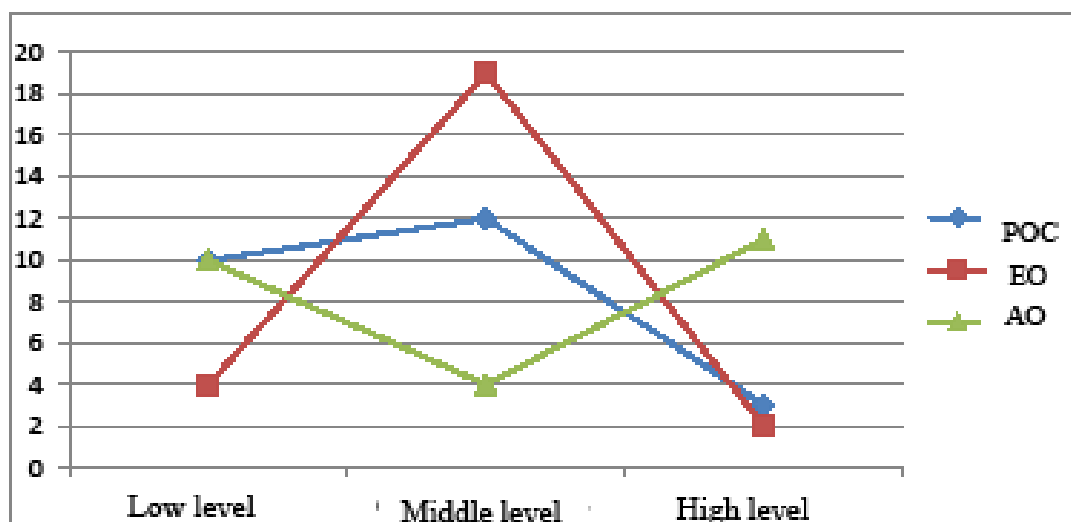

Figure 2 – Distribution on each scale of the questionnaire

The answers obtained by the method of "Coping behavior in stressful situations" showed that in 68% of respondents the dominant style is problem-oriented coping. Emotionally-oriented coping is peculiar only to 8% of participants. The remaining

24% unite the participants, who tend to avoid solving problems in stressful situations. Figure 3 shows the levels of distribution of coping styles, i.e. the extent to which one or another style of coping, of the total number of participants

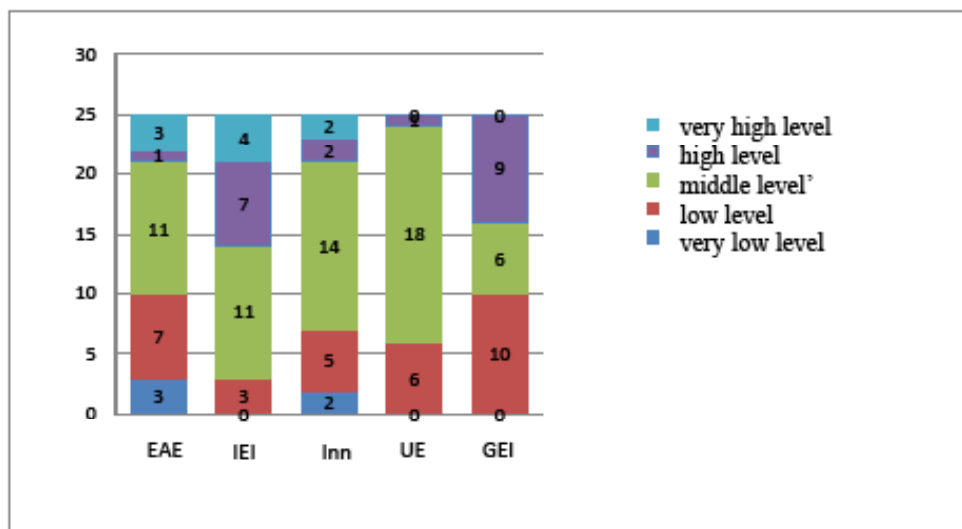

Figure 3 - Distribution Levels of Coping Styles

In processing the results of our data, the Spearman rank correlation coefficient was used in the IBM SPSS Statistics Subscription statistical processing program. As a result of mathematical processing, the following correlations were obtained.

The length of experience correlates positively with the scale of problem-oriented coping at a significance level of 0.05, i.e. the more the doctor has a work experience, the more he is inclined to the problem-oriented approach to stressful situations.

The scale of interpersonal emotional intelligence (IEI) negatively correlates with the scale of anxiety at a significance level of 0.05, i.e. the more IPEI the doctor has, the less prone he is to anxiety disorders.

The scale of IEI positively correlates with the scale of problem-oriented coping at a significance level of 0.05, i.e. the greater the level of IPEI, the more the physician is prone to problem-oriented coping in a stressful situation.

The scale of IEI negatively correlates with the scale of emotionally-oriented coping at a significance level of 0.05, i.e. the greater the level of IPEI at the doctor, the less he is prone to emotionally-oriented coping.

The scale of IEI negatively correlates with the scale of coping based on avoidance at a significance level of 0.01, i.e. the greater the level of IPEI at the doctor, the less characteristic of coping to avoid stressful situations.

The scale of intrapersonal emotional intelligence (InEI) negatively correlates with the scale of

anxiety at a significance level of 0.05, i.e. the more the doctor has a InEI level, the less he is prone to anxiety disorders.

The InEI scale correlates positively with the problem-oriented coping scale at a significance level of 0.05, i.e. the higher the level of InEI, the more the doctor is focused on solving the problem situation.

The InEI scale negatively correlates with the scale of emotionally-oriented coping at a significance level of 0.05, i.e. the greater the level of InEI at the doctor, the less he is prone to emotionally-oriented coping.

The InEI scale negatively correlates with the avoidance-oriented coping scale at a significance level of 0.01, i.e. the greater the level of IPEI at the doctor, the less characteristic of coping to avoid stressful situations.

The scale of understanding emotions (UE) negatively correlates with the scale of emotionally-oriented coping at a significance level of 0.01, i.e. the greater the level of PE at the doctor, the less he is focused on emotions in stressful situations.

The UE scale is negatively correlated with the avoidance-oriented coping scale at the 0.05 significance level, i.e. the higher the UE level at the doctor, the less prone he is to coping avoidance.

The scale of emotion management (EM) negatively correlates with the scale of emotionally-oriented coping at a significance level of 0.05, i.e. the more UE indicators, the less the doctor is focused on emotions in stressful situations.

The scale of the general level of emotional intelligence of GEI negatively correlates with the scale of anxiety at a significance level of 0.05, i.e. the greater the importance of GEI at the doctor, the less anxiety disorders are characteristic of him.

The GEI scale positively correlates with the problem-oriented coping scale at a significance level of 0.01, i.e. the greater the level of GEI at the doctor, the more problem-oriented it is in stressful situations.

The GEI scale negatively correlates with the scale of emotionally-oriented coping at a significance level of 0.05, i.e. the higher the scores on the GEI scale, the less the doctor is prone to emotionally-oriented coping.

The GEI scale negatively correlates with the avoidance-oriented coping scale at a significance level of 0.01, i.e. the higher the value of GEI, the less the coping to avoid stressful situations is characteristic of the doctor.

Table 1 - The results of the correlation analysis between the scales of the test of emotional intelligence adopted by D.V. Lusin, methods «Coping behavior in stressful situations» and the Four-dimensional symptomatic questionnaire

Scales	Anxiety	Somatization	POC	EOC	AOC
Experience			.489*		
IEI	-.436*		.467*	-.481*	-.643**
InEI	-.449*		.482*	-.490*	-.497*
UE				-.537**	-.497*
EM				-.400*	
GEI	-.435*		.541**	-.474*	-.607**

We have verified the significance of the differences between samples of doctors with high and low overall levels of emotional intelligence and coping strategies with the non-parametric Mann-Whitney test.

1. Comparison of the level of emotional intelligence and problem-oriented coping-style between samples of doctors with high and low emotional intelligence.

Statistical Analysis Hypotheses:

Hypotheses H_1 : Inter-physicians with low and high levels of emotional intelligence have

statistically significant differences in the dominant problem-oriented coping style.

Hypotheses H_0 : There is no statistically significant difference in the dominant problem-oriented coping style between doctors with low and high levels of emotional intelligence.

The results include the following indicators:

- test value U, determined using the test of Mann and Whitney,
- the smallest value of both rank sums (Wilcoxon W-test),
- the exact value of the error probability p when the number of observations is less than 10.

The H1 hypothesis is accepted at a significance level of 0.05 on the presence of statistical significance between problem-oriented coping and the level of emotional intelligence, which is also confirmed by the results of correlation analysis. Namely, problem-oriented coping is characteristic of doctors with a high level of emotional intelligence.

2. Comparison of the level of emotional intelligence and emotionally-oriented coping-style, between samples of doctors with high and low emotional intelligence.

Statistical Analysis Hypotheses:

Hypotheses H_1 : There are statistically significant differences in the dominant emotionally-oriented coping style between low-and high-level emotional intellects.

Hypotheses H_0 : There is no statistically significant difference in the dominant emotion-oriented coping style between doctors with low and high levels of emotional intelligence.

The hypothesis H1 is accepted at a significance level of 0.05 on the presence of statistical significance between the level of emotional intelligence and emotionally-oriented coping.

3. Comparison of the level of emotional intelligence and avoidance-oriented coping, between samples of doctors with high and low emotional intelligence.

Statistical Analysis Hypotheses:

Hypotheses H_1 : Inter-physicians with low and high levels of emotional intelligence have statistically significant differences in dominant avoidance-oriented coping.

Hypotheses H_0 : There are no statistically significant differences in dominant avoidance-oriented coping between doctors with low and high levels of emotional intelligence.

The hypothesis H1 is accepted at a significance level of 0.05 about the presence of a statistically significant relationship between the level of emotional intelligence and coping, based on avoidance. Namely, avoidance-oriented coping is typical of doctors with a low level of emotional intelligence.

The topic of our research was chosen not only because of the boom of the problem of emotional intelligence in psychology, but also because of personal interest and desire to contribute to the development of this industry. Studying the characteristics of any professional activity requires

careful theoretical and empirical work, and the topic of professional health from the point of view of emotional intelligence is of particular practical importance at this stage of development of the health care system.

The profession of a doctor belongs to the system of relations "person - person", while it has the specificity of "doctor - patient" Since ancient times, the requirements for the personality of a doctor have been quite high and more carefully developed than for representatives of other specialties. Modern concepts of professionally important qualities of a specialist doctor also put forward a wide list of professional requirements. It is important for us to emphasize in it emotional competence and adaptability to changing environmental conditions. As shown by studies of Western scientists, it is important for patients that the doctor perceive them as individuals and try to hear them. But specific working conditions, which very often become extreme, exert great strain on the mental state of specialists. This cause is considered to be one of the main causes of stress in the workplace, causing many adverse effects, including leading to somatic diseases. The most common chronic diseases among doctors are: diseases of the visual organs, diseases of the circulatory system, urinary system and skin diseases.

Emotional intelligence is not a panacea for this, as many people claim today. However, it can significantly change the perception of the world by man and those around him. In our case, it serves as a tool for effective interaction with the advantage in developing and maintaining one's mental health. A certain coping strategy determines the person's response and actions to stressful situations, including those related to health problems.

Measuring the level of emotional intelligence showed that the number of specialists with a low level of general emotional intelligence is 40% of the subjects, almost equal to those who have high rates on this scale 36% of the subjects. The purpose of our work was to identify the features of coping with the health problems of doctors with different levels of emotional intelligence. We concluded that doctors with high and doctors with low levels of development of emotional intelligence may have health problems, but there are some peculiarities of mastering these problems.

In particular, the more a doctor has, he understands the emotions of other people and controls them, the more he is prone to problem-oriented coping in a stressful situation and less inclined to emotionally-oriented coping, or avoidance of stressful situations. Similarly, the more a doctor is able to understand and control his emotions, the less he is prone to anxiety disorders and more inclined to problem-oriented, rather than emotionally-oriented coping.

In general, the higher the general indicator of emotional intelligence, the more the physician is inclined to problem-oriented copying and the less inclined to avoid stressful situations, or to prefer an emotional way of reaction.

Thus, it is practically important for doctors to develop their emotional intelligence, since it contributes to the problem-oriented way of solving professional problems in the difficult conditions of their life activity.

Литература

- Анцыферова Л.И. Динамический подход в психологическом изучении личности // Психологический журнал. - 1981. - №2. -С. 8-18
- Барлинг Дж., Гриффис А. История профессионального психического здоровья. // Руководство по профессиональному психическому здоровью. - 2010. - №2. -С. 21-34.
- Еверли Г. Клиническое руководство в лечении стрессовой реакции человека: Измерение стрессовой реакции.- 2013. -С103-126.
- Ерокина В. Вестник государственного адыгейского университета. Педагогика и Психология. - 2011. - №1. -С 12-15.
- Заева Л.П. Биологический фактор в условиях труда в медицинский учреждениях и их влияние на здоровье медицинских работников. Медицина и профэкология труда. - 1998. - №5 . -С 37-41.
- Косвей Р., Эндлер Н.С., Садлер А. Дж., Дэри И. Дж. Копинг-опросник для стрессовых ситуаций: Структура и взаимосвязь с личностными характеристиками и психологическим здоровьем. // Журнал прикладных исследований поведения. - 2000. - № 5. -С. 121-143.
- Лазарус Р.С., Фолкман С. Стресс, оценка и копинг. Нью-Йорк: Спрингер. 1984
- Ноубайер А., Фреденталер Х. Эмоциональный интеллект: Конвергентная и дискриминантная валидность внутриличностных и межличностных эмоциональных способностей. // Личность и индивидуальные различия. - 2005. - № 39. -С569-579.
- Петров В.И., Скугаревская Е.И., Вальчук Е.А., Когутенко Н.Н. Базовые копинг стратегии и уровень тревожности в адаптации женщин, привлеченных к уголовной ответственности. // Медицинский журнал: научный и практический журнал современников. - 2006.- №3. -С. 75-79.
- Пономаренко В.А., Разумов А., Пискунов В. Здоровье здорового человека. // Медицина. - 1997. -С. 205.
- Разумов А., Пономаренко В., Пискунов В. Здоровье здорового человека: основы восстановительной медицины // Медицина. - 1996. - 416 с.
- Реймонд Дж. С., Вуд Д.В., Патрик В.Д. Психологическая подготовка в профессии и здоровье. // Американский психолог. - 1990. - №45. - С. 1159- 1161.
- Сэловей П., Майер Дж. Д. Эмоциональный интеллект. Воображение, Когниции и личность. - 1990. - № 9. - С 185-211.
- Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. - 304 с.
- Ташлыков В.А. Психологическая защита у больных неврозами и психосоматическими расстройствами. Пособие для врачей. - СПб., 1992. - 24 с.
- Шальнова С.А., Оганов Р.Г., Деев А.Д., Кукушкин С.К. Здоровье российских врачей. Клинико-эпидемиологический анализ // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. - 2008. - 7(6). С. 28-32.
- Шостак В.И. Профессиональное здоровье // Психология профессионального здоровья: учеб. пособие / Под ред. Г.С. Никифорова. - СПб.: Речь, 2006. - 480 с.
- Шульц Р., Робертс Р.Д. Эмоциональный интеллект: международное руководство // Кэмбридж: Готтинген, 2005
- Шумахер А. Работа по возданию здоровой культуры в медицине // Канадская медицинская ассоциация. - 2005. - №2.

References

- Antsyferova L.I. (1981). Dinamicheski podhod v psihologicheskom izucheniyi lichnosti [Dynamic Approach to Psychological Study of Personality]. Psychological Journal, Volume 2, pp. 8–18
- Barling J., Griffiths A. (2010). A history of occupational health psychology. In: J.C. Quick, L.E. Tetrick (Eds.), Handbook of occupational health psychology. 2nd ed. Washington, DC: APA Books. pp. 21–34.
- Cosway R, Endler NS, Sadler AJ, Deary IJ (2000) The Coping Inventory for Stressful Situations: Factor structure and associations with personality traits and psychological health. Journal of Applied Behavioral Research, Vol. 5, pp. 121-143
- Erokhina. V. (2011). Vestnik Adygei State University. Pedagogy and Psychology, No. 1, pp. 12-15.

Everly Jr G. (2013). A Clinical Guide to the Treatment of the Human Stress Response: Measurement of the Human Stress Response, pp.103-126.

Lazarus, R.S., Folkman, S. (1984). Stress, appraisal, and coping. New York: Springer.

Neubauer A., Freudenthaler H. (2005). Emotional intelligence: The convergent and discriminant validities of intra- and interpersonal emotional abilities. *Personality and Individual Differences*, Vol. 39, pp. 569-579

Petrov V.I. Skugarevskaya EI, Valchuk E.A., Kogutenko N.N. (2006). Bazovye koping strategii i uroven trevoznosti v adaptacii jenshin privilechennich k ugovovnoi otvetestvennosti [Basic coping strategies and the level of anxiety in adaptation disorders in women held criminally liable]. *Medical journal: peer-reviewed scientific and practical journal*, vol. 3, pp.75-79.

Ponomarenko V. A., Razumov A., Piskunov V. (1997). Zdorovie zdorovogo cheloveka [Health of a healthy person]. M.: Medicine, 205p.

Raymond J.S., Wood D.W., Patrick W.D. (1990) Psychology training in work and health. *American Psychologist*, Vol. 45, 1159–1161.

Razumov A., Ponomarenko V., Piskunov V. (1996) Zdorovye zdorovogo cheloveka: osnovy vospitatelnoi mediciny [Health of healthy person: the basis of educational medicine] Moscow, 416 p.

Salovey P. Mayer J. D. (1990) Emotional intelligence. *Imagination, Cognition and Personality*, Vol. 9, pp. 185-211.

Schumacher A. (2005). Working to create a healthy culture in medicine. *Can. Med. Assoc*, Vol.2, pp. 15-35

Shalnova S.A., Oganov R.G., Deev A.D., Kukushkin S.K. (2008) Zdorovie rossiskich vrachei. Kliniki-epidemiologicheski analiz [Russian doctors' health. Clinico-epidemiological analysis]. *Cardiovascular Therapy and Prevention*, Vol. 7(6), pp. 28-32.

Shostak V.I. (2006). Professionalnoe zdorovie [Occupational health]. *Psychology of occupational health: studies*. Allowance; edited by G.S. Nikifirova. SPb.: Rech, 480c.

Schulze R., Roberts R.D. (2005). Emotional intelligence: an international handbook. Cambridge: Gottingen: Hogrefe&HuberPublisher,

Tarabrina N.V. (2009). Psihologiya post-travmaticheskogo stressa: Teoriya i praktika [Psychology of post-traumatic stress: Theory and practice], M.: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 304 c.

Tashlykov V.A. (1992). Psihologicheskaya xashita u bolnich nevrozami i psihosamaticeskimi zabolevaniyami: Rukovodstvo dlya vrachei [Psychological protection in patients with neurosis and psychosomatic disorders: A manual for doctors] SPb.: SPbIUV, 24 p.

Zueva L.P. (1998). Biologicheski factor v usloviyah truda v medicinskih uchrejeniyah i ih vliyanie na zdorovie medicinskih rabotnikov [The biological factor is the condition of labor in medical institutions and its impact on the health of medical workers] *Labor Medicine and Proecology*, no 5, pp. 37-41.

¹Ерденова М.Б., ²Кустубаева А.М.

¹PhD докторант, e-mail: meruert_beken@mail.ru

²кандидат биологических наук, и.о. профессора, доцент, e-mail: almkusto@kaznu.kz

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

ПСИХОГЕНЕТИЧЕСКИЕ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Данная статья посвящена актуальной проблеме интегративного подхода в изучении когнитивных способностей с применением психогенетических, психофизиологических и психометрических методов. Рассмотрены современные исследования генетических маркеров когнитивных способностей. Отмечены наиболее значимые достижения в области появившегося недавно нового направления психогенетики. А также указаны научные исследования нейрофизиологических основ способностей в рамках когнитивной нейронауки. Рассмотрены результаты современных исследований когнитивных способностей, проведённых с использованием методов когнитивной нейронауки. Рассмотрены результаты последних психогенетических исследований когнитивных способностей, ограниченность предсказательной силы этого метода исследования, сложности и системные недостатки установления генетических маркеров когнитивных способностей. Обоснован вывод о перспективности использования трёхкомпонентной «системы внимания» и исследований исполнительного контроля М. Познера. Выявлены возможности электроэнцефалографии (ЭЭГ) в сочетании с тестами теста Attention Network Task по оценке когнитивных способностей.

Обоснована необходимость объединения вышеперечисленных методов для решения вопросов ранней диагностики когнитивных способностей. Указана необходимость дальнейшего детального изучения данной проблемы на основе интегративного комплексного подхода. Обоснована идея сочетания психогенетических исследований, методов ЭЭГ в сочетании с тестами Attentional Network Task по оценке исполнительного контроля для установления маркеров когнитивных способностей. По мнению авторов такой подход позволит разработать систему научно-обоснованных критериев эффективности программ развития человеческого капитала.

Ключевые слова: маркеры когнитивных способностей, исполнительный контроль, психогенетика, электроэнцефалография.

¹Yerdenova M., ²Kustubayeva A.M.

¹PhD student, e-mail: meruert_beken@mail.ru

²Professor, e-mail: almkust@gmail.com

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

Psychogenetic and psycho-physiological markers of cognitive abilities

This article is devoted to the actual problem of an integrative approach in the study of cognitive abilities using psychogenetic, psycho-physiological and psychometric methods. The authors review the modern studies of genetic markers of cognitive abilities. The study indicates the significant achievements in the field of the recently appeared new direction of psychogenetics, as well as the scientific studies of the neurophysiological basis of abilities within the framework of cognitive neuroscience. The work substantiates the necessity of combining the above methods to address the issues of early diagnosis of cognitive abilities. The work shows the necessity of further detailed study of this problem on the basis of an integrative integrated approach. The article justifies the idea of combining psychogenetic studies, EEG methods in combination with the Attentional Network Task tests to assess executive control to establish markers of cognitive abilities. According to the author, this approach will allow developing a system of science-based criteria for the effectiveness of human capital development programs.

Key words: markers of cognitive abilities, executive control, psychogenetics, electroencephalography.

¹Ерденова М.Б., ²Кустубаева А.М.

¹PhD докторант, e-mail: meruert_beken@mail.ru

²биология ғылымдарының кандидаты, доцент, профессор м.а., e-mail: almkust@gmail.com
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Когнитивтік қабілеттердің психогенетикалық және психофизиологиялық көрсеткіштері

Бұл мақала психогенетикалық, психофизиологиялық және психометриялық әдістерді қолдану арқылы танымдық қабілеттерді зерттеуде интегративті тәсілдің өзекті мәселесіне арналған. Когнитивтік қабілеттердің генетикалық маркерлерінің қазіргі зерттеулері қарастырылады. Соңғы кездегі ең маңызды жетістіктер психогенетиканың жаңа бағытына айналды. Сондай-ақ когнитивті неврология аясында неврофизиологиялық негіздердің ғылыми зерттеулері де көрсетіледі. Когнитивті неврология ғылымдарының әдістерін қолданып, танымдық қабілеттерін зерттеудің қазіргі заманғы нәтижелері қарастырылады. Когнитивтік қабілеттердің соңғы психогенетикалық зерттеулерінің нәтижелері, осы зерттеу әдісінің шектеулі болжамдық күші, когнитивті қабілеттердің генетикалық маркерлерін құрудың күрделілігі мен жүйелік кемшіліктері қарастырылады. Үш компонентті «назар жүйесімен» перспективалық қолдану туралы қорытынды және М. Познердің атқарушы бақылауының негіздемесі негізделген. Электроэнцефалографияның мүмкіндіктері (EEG) когнитивтік қабілеттерді бағалау үшін «Назар аударарлық желі» міндеті сынағының сынақтарымен үйлесімде анықталды.

Когнитивтік қабілеттерді ерте диагностикалау мәселелерін шешу үшін аталған әдістерді біріктіру қажеттілігі негізделген. Бұл мәселені кешенді интеграциялық тәсіл негізінде әрі қарай егжей-тегжейлі зерделеу қажет. Когнитивтік қабілеттердің белгілерін белгілеу үшін орындаушы бақылауды бағалау үшін Адистикалық желілік тапсырма тесттерімен бірге психогенетикалық зерттеулерді, ЭЭГ әдістерін біріктіру идеясы негізделген. Автордың пікірінше, мұндай көзқарас адами капиталды дамыту бағдарламаларының тиімділігіне ғылыми негізделген критерийлер жүйесін қалыптастыруға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: когнитивтік қабілеттердің маркерлері, атқарушы бақылау, психогенетика, электроэнцефалография.

Введение

В «Стратегическом плане развития РК до 2025 года» (Назарбаев, 2018) указано, что развитие человеческого капитала является «приоритетной задачей, от решения которой в кратчайшие сроки будет зависеть развитие Казахстана». По данным последних исследований международной системы мониторинга уровня знаний PISA, выпускникам казахстанских школ присущи затруднения при решении учебных практических задач, требующих нестандартного творческого применения полученных знаний (Ирсалиев, 2017; Култуманова, 2017).

В ближайшее время республике предстоит «создание новой составляющей образования со смещением акцента в сторону умения критически мыслить, обращаться с крупными массивами данных, эффективно работать в команде, быстро адаптироваться к изменениям».

На сегодняшний день, в условиях глобализации, большого потока информации и быстромеменяющегося темпа жизни возникает острая необходимость в воспитании конкурентоспособного общества, способного к быстрой адаптации к изменениям в социальной и технической среде. Актуальность проблемы исследований когни-

тивных способностей определяется и особенностями развития современного общества, подошедшего к осознанию нового этапа своего существования.

Для формирования наиболее эффективного обучения необходимо понимание и знание законов функционирования развития когнитивных способностей, разработка методов их грамотной корректировки в индивидуальном развитии ребенка для наиболее эффективного использования особенностей интеллекта каждого на основе его индивидуальности. Именно поэтому на сегодняшний день большой интерес проявляется к применению широкого спектра новых инструментальных научных методов исследования человеческого мозга и наследственности. В связи с этим мы предполагаем проведение исследований в направлении на изучение когнитивных способностей у детей различного возраста с учетом их психогенетических и нейрофизиологических особенностей развития.

Психогенетические исследования когнитивных способностей

В рамках сотрудничества ученых и докторантов Центра когнитивной нейронауки (Cog-Neuro) при КазНУ им. аль-Фараби и Лаборато-

рии молекулярной генетики Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) при Казанском государственном медицинском университете, а также партнерской деятельности Научно-исследовательского центра «Alem-Genius», начата работа по изучению влияния наследственности на способности и задатки человека. В частности, мы решили провести оценку генетической предрасположенности к развитию интеллектуальных, творческих способностей и личностных черт старшеклассников.

Российские ученые обосновали, что способности к спорту, связанные с телосложением, силой, быстротой, выносливостью, свойствами нервной системы, детерминируются генетическими маркерами (Ахметов, 2009). При этом исследованиями в этой области доказано, что предрасположенность ко многим профессиям, так же, как и способности, основываются на задатках. Кроме того, российскими учеными вот уже в течение нескольких лет изучаются соотношения молекулярно-генетических маркеров с интеллектуальными способностями и личностными характеристиками человека (Ахметов, Валеева, 2019).

Расшифровка генома человека стала наиболее значительным научным событием начала XXI века, открывающим колоссальные возможности для понимания неповторимой природы каждого из нас. На сегодняшний день геновая наука может дать массу знаний и пониманий индивидуальных потребностей человека. Гены влияют на наши индивидуальные предрасположенности, в том числе к болезням, к определенному поведению, к когнитивным способностям, к определенной физической или интеллектуальной деятельности. При этом необходимо учитывать, что склонности «подталкивают» человека, но не определяют его поведения. Склонности – это потенциал. По сути – это подчас неосознанные желания, побуждения, потребности в определенных видах деятельности. Занимаясь деятельностью, к которой у человека есть склонности, он всегда будет достигать лучших результатов с меньшими затратами. Это как плыть по течению реки. Можно плыть и против течения, но результаты будут хуже, а усилий придется прилагать больше. Поскольку наука предлагает множество методик выявления склонностей человека, то их корректное применение позволит при выборе профессии ограничить пространство выбора только теми видами деятельности, в которых вы сможете достичь наилучших результатов.

Врожденные способности человека взаимосвязаны с генами, каждый человек обладает уникальным сочетанием наследственных признаков, которые могут предопределить наиболее эффективное развитие определенных склонностей, что важно для всего социума. Если каждая индивидуальность будет максимально развивать свои способности, то данное общество будет развиваться эффективно. Большинство наших особенностей определяется сочетанием влияния генов и внешних факторов. С помощью генетического теста становится возможным узнать много интересных факторов, на которые оказывают влияние наши гены. Результаты исследований NICHD Early Child Care Research Network (NICHD Early Child Care Research Network, 1993, а также исследований Reuter, Sheese, Voelker, Markett, Smith, Tucker-Drob, Kovas (Reuter et al. 2007; Sheese, 2007, 2009, 2012; Voelker, 2009; Markett, 2010; Smith, 2012; Tucker-Drob 2014; Kovas et al. 2013, 2016, 2017, 2019) говорят о предсказательной силе психогенетики: родители могут оценить в грудном возрасте критические аспекты эмоций своего ребенка и поведения, которые оказывают влияние на развитие контроля (Posner et al., 2014a). Другие исследования генетически обосновали склонность к такой индивидуальной особенности как проявление агрессии (Provencal, 2012, 2013), и т.п.

На сегодняшний день психогенетические исследования позволяют предположить стратегии развития интеллекта, когнитивных и спортивных способностей, выявить особенности эмоционального контроля, способности к концентрации внимания и особенностей памяти, в том числе и о предрасположенности к различным заболеваниям. Полученные знания о геноме можно учитывать при выборе методики обучения и развития способностей, а также в профориентации. Открытие и развитие методов генотипирования и секвенирования ДНК сделали возможной непосредственную оценку связи между генетической вариацией и когнитивными способностями. Исследования показали, что не существует отдельных генов, вносящих значительный вклад в вариацию интеллекта (Butcher et al., 2008; Plomin et al., 2006). Когнитивные способности обладают полигенной природой: генетическая вариация интеллекта обусловлена суммой малых эффектов множества генетических вариантов (Benyamin et al., 2014; Butcher et al., 2008; Davis, 2010). Достоверные связи могут быть установлены только на

больших выборках. Надежным свидетельством в пользу связи между конкретным генетическим вариантом и интеллектом могут служить исследования, воспроизводящие полученный ранее результаты исследования на больших выборках (Daviesetal., 2015).

После расшифровки человеческого генома в психогенетике стал использоваться «статистический» метод полногеномного поиска ассоциаций (Genome-Wide Association Studies, сокращенно GWAS или GWA). В рамках GWAS обрабатываются полные последовательности ДНК каждого участника исследования. GWAS основывается на анализе частоты встречаемости аллелей различных генов: если при сравнении ДНК внутри выборки некоторые аллели генов встречаются у людей с исследуемым фенотипом значимо чаще, чем другие, именно их можно условно признать «ответственными» за проявление этого фенотипа. Главные критерии применимости GWAS – наличие репрезентативной выборки (как правило, с большим количеством участников) и, конечно, сама возможность выявить связь (ассоциацию) между генотипом и фенотипом. Представители психогенетики весьма активно взаимодействуют со специалистами из других научных областей. Они стремятся работать в глобальном масштабе и потому часто кооперируются в рамках консорциумов – крупных международных организаций, которые объединяют силы и средства исследовательских групп в долгосрочной программе по решению общей задачи.

Так например, члены консорциума Social Science Genetic Association Consortium (сокращенно SSGAC), объединившего специалистов по генетике, медицине и социологии, задействовали полногеномный поиск для изучения роли генов в обучении людей (Okbayetal. 2016: 533), куда оказались вовлечены образцы ДНК нескольких сотен тысяч индивидов и несколько сотен ученых из Англии, Швеции, Голландии и многих других стран. Это исследование выросло из более раннего проекта SSGAC (Rietveldetal. 2013), результаты которого были опубликованы в журнале Science в 2013 году. Международная группа исследователей из 129 научных центров, расположенных в 13 европейских странах, Австралии и США, впервые обнаружила генетические маркеры, определяющие академическую успеваемость. Ученые установили генетическую корреляцию между повышением образованности и улучшением когнитивных функций, увеличением внут-

ричерпного объема (Okbayev, 2016). Авторы исследования подчеркивают, что установленные генетические ассоциации объясняют лишь малую долю изменчивости при обучении, зависящей в основном от условий окружающей среды (Krapohlletal, 2014). Они обнаружили 74 генетических маркера, которые связаны с уровнем образования.

Масштабное исследование раннего развития близнецов «TwinsEarlyDevelopmentStudy» (<http://www.teds.ac.uk>), которое длится уже 23 года и на сегодняшний день насчитывает исследование более 7500 пар близнецов, говорит нам о том, что все наши черты и особенности характера генетически обоснованы, но на них также в значительной мере влияет и окружающая среда. Исследование раннего развития близнецов, начатое в 1994 году с участием 15000 семей, является одним из выдающихся и уникальных исследований близнецов во всем мире (Kovas, Plomin 2013; 2016; 2017, 2019). Исследования проводятся под руководством профессора Пломинна на базе Королевского колледжа Лондона (King'sCollegeLondon) и направлено на более глубокое понимание взаимодействия генов и среды в их влиянии на способности к обучению, когнитивные способности и поведение на протяжении жизни (Plomin, 2016).

Факторы общей среды играют значимую роль в детстве, однако у взрослых уже перестают вносить какой-либо вклад в индивидуальные различия интеллекта и снижается до нуля (Bouchard, 2013). На основе исследования монозиготных близнецов было показано, что уровень общих способностей зависит в большей степени от генотипа, чем специальные (Дружинин, 2001).

В результате генетического исследования исследуемый получает индивидуальную генетическую карту – данные о вариациях (полиморфизме) в определенных участках генома, которые являются маркерами предрасположенности к развитию физических и психических качеств, что позволяет выявить склонности к различным видам спорта, интеллектуальным способностям, а также расскажет о личностных особенностях детей и взрослых. Информация о генетическом полиморфизме имеет огромную практическую значимость, поскольку дает возможность человеку узнать потенциально сильные и слабые места своего организма, что позволит определить генетические способности к тому или иному виду деятельности и реализовать скрытые потенциалы.

Психофизиологические маркеры когнитивных способностей

Когнитивный подход оказывается сегодня ключом к решению тех вопросов, исследования которых ранее без всякого обращения к анализу познавательных процессов оставались бесплодными. Когнитивная нейронаука изучает нейрофизиологические основы когнитивных процессов. Когнитивная наука в «Новой философской энциклопедии» определяется как «комплекс наук, изучающих сознание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей (Меркулов, 2001). Современная нейронаука активно внедряется в пояснение механизмов когнитивных процессов, интегрируясь с современными достижениями физики, химии, математики.

В основе большинства поведенческих реакций лежит работа человеческого мозга и нервной системы – она определяет каждое человеческое ощущение, эмоцию, мысль, решение и действие, стоит за любым эпизодом генерации знания, его передачей в цивилизации и накоплением в культуре, за коллективной и исторической памятью, общественным сознанием, функционированием социальных групп, сетей и общества. Нарушения мозга и его когнитивных функций в настоящее время являются одной из ведущих проблем на мировом уровне, что влияет на человеческие ресурсы и в целом на экономику. Развитие современной нейронауки приближает человечество к открытиям, которые позволят глубже понять эти когнитивные процессы, природу человека, его поступки и решения. Это поможет лучше выявлять и лечить болезни мозга и нервной системы, расширить сенсорные и интеллектуальные возможности здорового человека, более эффективно справляться в возрастающими потоками информации в обществе, качественнее и быстрее обучать детей, использовать новые схемы коммуникации между людьми, а также между людьми и машинами.

Новейшие методы визуализации мозговых процессов, таких как функциональное магнитно-резонансное сканирование, в настоящее время позволяют глубоко изучить процессы, происходящие в мозге, в том числе подойти к нейрофизиологической природе интеллекта и способностей. На сегодняшний день природа интеллекта до сих пор остается дискуссионной. Существует достаточно много дискуссий вокруг природы интеллекта. Предложено множество теорий интеллекта, наиболее популярными из которых стали психологические теории Бине, Айзенка,

Кэролла, Гарднера, Макгрю (Дружинин, 2001). Альфредом Бине были впервые разработаны тесты для измерения интеллектуальных способностей школьников. Вслед за ним появляются новые уже классические исследования. На вершине этой иерархии находится фактор общего интеллекта, объясняющий общую вариацию промежуточных факторов, среди которых флюидный и кристаллизованный интеллект (Филенко, 2015).

Классическими можно считать исследования, проведенные с применением факторного анализа, приведшие к разработке иерархической модели когнитивных способностей (Carroll, 1993; Keithetal., 2010; McGrew, 2009).

На вершине этой иерархии находится фактор общего интеллекта, объясняющий общую вариацию промежуточных факторов, среди которых флюидный и кристаллизованный интеллект, скорость мыслительных процессов и другие. Набор промежуточных факторов варьируется у разных авторов. На третьем уровне располагаются более 80-ти частных когнитивных способностей (McGrew, 2009).

Параллельно развиваются нейрофизиологические теории интеллекта, такие как парieto-фронтальная (Jung and Haier, 2007), вербально-перцептивно-ротационная модель интеллекта (Jhonson, Jung, Colom, 2008). Кроме того, получили распространение такие новые теории, как теория успешного интеллекта (Р.Стернберг, 1997, теория эмоционального интеллекта (Bar-On, 1997; Goleman, 1998; Mayer et al., 2000; Petrides, Furnham, 2003), теория креативного интеллекта Т. Любарта (Lubart, 2003).

Когнитивные способности тесно связаны с особенностями исполнительного контроля. Маркёром когнитивных способностей является способность контроля мыслительной деятельности, рассматриваемой как интегративная функция, управляющая течением психической жизни, а также распределением внимания на внешние и внутренние сигналы (Milleretal., 2001).

Познер ввел в научный оборот термин «исполнительный контроль», который является основным механизмом для мониторинга мыслительной деятельности и предпочтительного выбора текущих мыслительных процессов.

М. Познер выделил три системы внимания:

- ориентировки (Orienting) – выполняет избирательную функцию из сенсорных входов;
- возбуждения-бдительности (Alerting) – для достижения и установления состояния чувствительности к поступающим стимулам;

– исполнительного контроля (Executivecontrol) – вовлекает механизмы для мониторинга и решения конфликта между мыслями, чувствами и ответными действиями (Posner, 2008a).

Две первые системы реализуют преимущественно автоматические операции (Posner et al., 2006, 2007a, 2007b, 2008b, 2008c). Для исполнительного контроля, напротив, характерно использование произвольного режима работы.

На протяжении последних лет М. Познер связывал ее функции с оперативной памятью, преодолением конфликтов и исполнительным (исполнительным) контролем. По мнению М. Познера, семантические связи обслуживаются не второй, а третьей системой. Об этом может говорить тот факт, что уже при простом припоминании слова или имени часто возникают конфликты выбора, подобные классическому эффекту «на кончике языка». Согласно современным представлениям детекция и преодоление конфликтов разного рода составляют основную функцию передней поясной извилины (anterior cingulate cortex). Эта структура относится М. Познером к нейронной сети механизмов исполнительного контроля.

Авторы на основе многолетних исследований мозга определили анатомические структуры мозга, ответственные за системы внимания: возбуждение (ствол мозга, правые теменные зоны коры), ориентировку (средний мозг, верхне-теменные и височно-теменные отделы коры, фронтальные глазодвигательные поля), исполнительный контроль (передняя поясная извилина, медианная и вентролатерная, префронтальная кора, базальные ганглии. (Posner, 2006, 2007, 2008). Кроме того, данные исследования были продолжены с использованием генетических методов исследования. Результаты этих исследований обнаружили специфические гены, отвечающие за определенные системы внимания. Так, гены DRD4, COMT, MAOA оказались важными для исполнительного контроля, гены APOE, CHRNA4, CHRNA7 – для ориентировки внимания (Posner, 2018).

Электроэнцефалографические данные показали свою информативность в определении способностей к регуляции когнитивных функций, что влияет в целом на все когнитивные способности (Posner, Rothbart, Rueda, 2007; Голубева, 1980; Лебедев, 1997). Исследование Abundis-Gutierrez и др. было посвящено изучению нервных механизмов, лежащих в основе развития функций приведения в готовность, ориентирования и исполнительного контроля. Использовалась адаптированная версия теста Attention Network Task (ANT), апробированная в работах Pozuelos (Pozuelos, 2014) и др.

Записи ЭЭГ во время выполнения задач ANT показали различия между детьми и взрослыми, связанными с активацией всех трех сетей внимания. Используя методы ЭЭГ, было установлено, что самое существенное изменение в мозговом развитии между детьми и взрослыми находится на соединениях белого вещества, особенно между отдаленными областями коры головного мозга и подобластями коры головного мозга. В последние годы мы узнали, что много форм обучения, включая рабочую память, размышление и моторные умения, также вызывают изменения в белом веществе. Время срабатывания в простой задаче ANT улучшается на 400 millisec во время развития с 7 до 25 лет (Wang and Young, 2014).

Выводы

Поскольку экспериментальных работ, подтверждающих это положение, на данный момент крайне мало, то вопрос о связи корреляционной размерности с успешностью прохождения различных когнитивных тестов, а также вопрос о связи корреляционной размерности ЭЭГ с когнитивными способностями детей требуют детального изучения.

В связи с этим предполагаются интегративные исследования когнитивных способностей с применением психогенетических, психофизиологических и психометрических методов

Литература

- Ахметов И.И. Молекулярная генетика спорта. – М.: Советский спорт, 2009. – С. 268.
- Величковский Б.М. Сквозные психические функции в эволюционной архитектуре когнитивных процессов // В сб. Теоретическое наследие Л.М. Веккера: на пути к единой теории психических процессов: Материалы научного симпозиума, посвященного 90-летию со дня рождения Л.М. Веккера. Отв. ред. М.А. Холодная и М.В. Осорина. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2008. – С. 35-45.
- Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М., 1982. – С.18-26

- Валеева Е.В. Кашеваров Г.С., Касимова Р.Р., Ахметов И.И., Кравцова О.А. Ассоциация полиморфизма val158met гена COMT с показателями психофизиологического статуса спортсменов. // Российский физиологический журнал им. Сеченова. – 2019. – № 3. – С. 1–13
- Голубева Е.А. Индивидуальные особенности памяти человека. – М.: Педагогика, 1980. – С. 40.
- Дружинин В.Н. Когнитивные способности. – СПб., 2001. С. 30-56.
- Лебедев, Артеменко, Белехов. Диагностика интеллектуальной одаренности по электроэнцефалографии. // Психологическое обозрение. – 2008. – № 1(4). – С. 34–38.
- Меркулов И.П. Когнитивная наука // Новая философская энциклопедия в 4-х томах. – 2001. – С. 264.
- Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания / В кн. Нурсултан Назарбаев – Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру (статьи, интервью, выступления, экспертные комментарии и справочно-аналитические материалы). – Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2017. – С. 15-50.
- Ирсалиев, А. Култуманова, Э. Тулеков, Т. Булдыбаев, Г. Кусиденова, Б. Искаков, Л. Забара, Л. Барон, Е. Коротких. Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан». – Астана: АО Информационно-аналитический центр, 2017. – С. 482
- Основные результаты международного исследования PISA. Национальный отчет [Электронный ресурс] / С. Ирсалиев, А. Култуманова, Е. Сабырұлы, М. Аманғазы – Астана: АО «Информационно-аналитический центр», 2017 –241 с. – Режим доступа: http://iac.kz/sites/default/files/nac_otchet_pisa-2015_final.pdf (дата обращения 01.02.2019).
- Назарбаев Н.А. Стратегический план развития страны до 2025 года. Утвержден Указом Президента РК от 15.02.2018 № 636. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РК – Режим доступа: www.akorda.kz/upload/media/files/1f1037924cdfffa26ebdc7054f3502aa.doc (дата обращения 01.02.2019).
- Филенко И.А. Психофизиология интеллекта [Электронный ресурс] Национальный исследовательский Томский государственный университет. – Томск, 2015 – Режим доступа: www.psy.tsu.ru (дата обращения 01.02.2019).
- Abundis-Gutierrez A., Checa P., Castellanos C., Rueda R.M. Electrophysiological correlates of attention networks in childhood and early adulthood. // *Neuropsychologia*. – 2014. – Vol. 57. – P.78-92.
- Visscher P. M. Childhood intelligence is heritable, highly polygenic and associated with FBNP1L. // *Molecular Psychiatry*. – 2014. – Vol 19. – № 2. – P. 253-258.
- Bouchard T. J. The Wilson Effect: The Increase in Heritability of IQ With Age. // *Twin Research and Human Genetics*. – 2013. – Vol. 16. – № 5. – P. 923-930.
- Butcher L. M., Davis O. S. P., Craig I. W., Plomin R. Genome-wide quantitative trait locus association scan of general cognitive ability using pooled DNA and 500K single nucleotide polymorphism microarrays. // *Genes, Brain and Behavior*. – 2008. – Vol. 7. – № 4. – P. 435-446.
- Davies G. Genetic contributions to variation in general cognitive function: a meta-analysis of genome-wide association studies in the CHARGE consortium // *Molecular Psychiatry*. – 2014. – Vol. 20. – №. 2. – P. 183-192.
- Davis O. S. P., Butcher L. M., Docherty S. J., Meaburn E. L., Curtis C. J. C., Simpson M. A., Schalkwyk L. C., Plomin R. A. Three-Stage Genome-Wide Association Study of General Cognitive Ability: Hunting the Small Effects. *Behavior Genetics*. – 2010. – Vol. 40. – №. 6. – P. 759-767.
- Jung, Haier. The Parieto-Frontal Integration Theory (P-FIT) of intelligence: converging neuroimaging evidence. – 2007 – № 30(2). – P. 135-54
- Kovas Y, Plomin R Literacy and Numeracy Are More Heritable Than Intelligence in Primary School. // *Psychol Sci*. – 2013. – № 10. – pp. 2048–2056.
- Kovas Y, Plomin R et al. Biological annotation of genetic loci associated with intelligence in a meta-analysis of 87,740 individuals. *Mol Psychiatry*. – 2019. – №.2. – pp.182-197.
- Kovas Y, Plomin R Predicting educational achievement from DNAMol // *Psychiatry*. – 2018. – № 2. – P.267–272.
- Krapohl E., Rimfeld K., Shakeshaft N.G., Trzaskowski M., McMillan A., Pingault J.B. The high heritability of educational achievement reflects many genetically influenced traits, not just intelligence. // *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.* – 2014. – vol.111. – pp. 15273–15278.
- Markett S. A., C. Montag, and M. Reuter. The association between dopamine DRD2 polymorphisms and working memory capacity is modulated by a functional polymorphism on Advances in Neurosciencethe nicotinic receptor gene CHRNA4. // *Journal of Cognitive Neuroscience*. – 2010. – vol. 22. – № 9. – 3. 1944-1954.
- McGrew K. S. CHC theory and the human cognitive abilities project: Standing on the shoulders of the giants of psychometric intelligence research. // *Intelligence*. – 2009. – Vol. 37.– № 1. -P. 1-10.
- NICHD Early Child Care Research Network. The NICHD Study of Early Child Care: a comprehensive longitudinal study of young children’s lives,” ERIC Document Reproduction Service. 1993
- Okbay A., Beauchamp J.P., Fontana M.A., Lee J.J., Pers T.H., Rietveld C.A. Genome-wide association study identifies 74 loci associated with educational attainment. // *Nature*. – 2016. – Vol.533. – P. 539–542
- Plomin R, Kovas. Genetics affects choice of academic subjects as well as achievement.// *Sci Rep*. – 2016. – № 6. – P. 26385–26373
- Posner M. I. Measuring alertness. // *Annals of the New York Academy of Sciences Molecular and Biophysical Mechanisms of Arousal, Alertness, and Attention*. – 2008. – P.193-199.
- Posner M., Rothbart M. Developing mechanisms of self-regulation. // *Development and Psychopathology*. – 2000. – vol. 12. – P. 427-441.
- Posner M.I. , Rothbart, M.K. Research on attention networks as a model for integration of psychological science // *Ann Rev of Psychology*. – 2007. – vol. 58. – P. 1-23.
- Posner M.I., Sheese B. E., Odluda Y., Tang Y. Analyzing and shaping human attentional networks. // *Neural Networks*vol. – 2006. – № 19. – P.1422-1429

- Posner, M.I., Rothbart, M.K. Parenting and human brain development. In M.R. Sanders, A. Morawska (eds) *Handbook of Parenting and Child Development Across the Lifespan* New York:Springer. 2018
- Posner, M.I., Tang, Y.Y. & Lynch, G. Mechanisms of white matter change induced by meditation. // *Frontiers in Psychology*. – 2014. – №4. – P. 220-236
- Pozuelos, J. P., Paz-Alonso, P. M., Castillo, A., Fuentes, L. J., Rueda, M. R. Development of attention networks and their interactions in childhood. 2014
- Reuter M., U. Ott, D. Vaitl, J. Hennig. Impaired executive control is associated with a variation in the promoter region of the tryptophan hydroxylase 2 gene. // *Journal of Cognitive Neuroscience*. – 2007. – vol. 19. – № 3. – P. 401-408.
- Rietveld C.A., Medland S.E., Derringer J., Yang J., Esko T., Martin N.W. et al. GWAS of 126,559 individuals identifies genetic variants associated with educational attainment. // *Science*. – 2013. – Vol. 340. – P.1467–1471.
- Sheese B. E., Rothbart M. K., Voelker P., Posner M. I. The dopamine receptor D4 gene 7 repeat allele interacts with parenting quality to predict Effortful Control in four-year-old children. // *Child Development Research*. – 2012. – №5. – P 125-136.
- Smits F.M. et al. Electroencephalographic Fractal Dimension in Healthy Ageing and Alzheimer's Disease // *PLoS One*. – 2016. – Vol. 11. – №2. – P 1256– 1269
- Trzaskowski M., Harlaar N., Arden R., Krapohl E., Rimfeld K., McMillan A., Dale P. S., Plomin R. Genetic influence on family socioeconomic status and children's intelligence. // *Intelligence*. – 2014. – Vol. 42. – P. 83-88.
- Tucker-Drob E. M., Briley D. A. Continuity of genetic and environmental influences on cognition across the life span: a meta analysis of longitudinal twin and adoption studies. // *Psychological Bulletin*. – 2014. – №7. – P 1256-1268
- Velichkovsky B.M. Towards an evolutionary framework for human cognitive neuroscience // *Theoretical Biology*. – 2007. – Vol.2. – № 1. – P. 3-7.
- Voelker P., B. E. Sheese, M. K. Rothbart, M. I. Posner. Variations in catechol-O-methyltransferase gene interact with parenting to influence attention in early development. // *Neuroscience*. – 2009. – vol. 164. – № 1. – P. 121-130.

References

- Akhmetov I.I. (2009). *Moleculyarnaya genetika sporta [Molecular genetic of sport]*. M.: Soviet sport, pp. 268
- Velichkovskij B.M.(2008) Skvoznye psihicheskie funkcii v ehvolucionnoj arhitekture kognitivnyh processov V sb. Teoreticheskoe nasledie L.M. Vekker: na puti k edinoj teorii psihicheskikh processov: Materialy nauchnogo simpoziuma, posvyashchenogo 90-letiyu so dnya rozhdeniya L.M. Vekker. Otv. red. M.A. Holodnaya i M.V. Osorina– SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, pp. 35-45.
- Velichkovskij B.M.(1982) *Sovremennaya kognitivnaya psihologiya [Modern cognitive psychology]*. M., pp. 46
- Valeeva E.V. Kashevarov G.S., Kasimova R.R., Akhmetov I.I., Kravtsova O.A. (2019). The association of the val158met polymorphism of the COMT gene with indicators of the psycho-physiological status of athletes. *Sechenov Russian Physiological Journal*, Vol. 105, No 3, p. 1–13
- Golubeva E.A. (1980). *Individualnye osobennosti pamyaty cheloveka [Individual features of human memory]*. Pedagogy. M.p. 158
- Druzhinin V.N (2001). *Cognitivnye sposobnosti. [Cognitive abilities]*. St. Petersburg, pp.5-25
- Lebedev, A. N., Artemenko, O. I., Belevov, Y. N. (1997). Diagnostika intellektualnoi odarennosti po electroen-cephalogramme [The diagnostic of intellectual gifts by electroencephalogram]. *Psichologicheskoe Obozrenie*, 1(4), 34–38.
- Merkulov I.P. (2001) *Cognitivnaya nauka. [Cognitive science]*. New philosophical encyclopedia in 4 volumes. T.2. M., pp.264
- Nazarbaev N.A. *Vzglyad v budushchee: modernizaciya obshchestvennogo soznaniya. V kn. Nursultan Nazarbaev – Bolashakka bardar: ruhani zhanıru (stat'i, interv'yu, vystupleniya, ehkspertnye kommentarii i spravochno– analiticheskie materialy) (2017) – Astana: Kazhstanskij institut strategicheskikh issledovanij pri Prezidente Respubliki Kazhstan. pp.15-50.*
- Nacional'nyj doklad o sostoyanii i razvitiy sistemy obrazovaniya Respubliki Kazhstan» S. Irsaliev, A. Kultumanova, EH. Tulekov, T. Buldybaev, G. Kusidenova, B. Isakov, L. Zabara, L. Baron, E. Korotkih (2017). Astana: AO Informacionno– analiticheskij centr. 482 p.
- Osnovnye rezul'taty mezhdunarodnogo issledovaniya PISA. Nacional'nyj otchet [Elektronnyj resurs]. S. Irsaliev, A. Kultumanova, E. Sabyryly, M. Amanfazy – Astana: AO «Informacionno-analiticheskij centr», 2017 –pp. 241 – Rezhim dostupa: http://iac.kz/sites/default/files/nac_otchet_pisa-2015_final.pdf(data obrashcheniya 01.02.2019).
- Strategicheskij plan razvitiya strany do 2025 goda. Utverzhden Ukazom Prezidenta RK ot 15.02.2018 № 636. [Elektronnyj resurs]. Oficial'nyj sayt Prezidenta RK – Rezhim dostupa: www.akorda.kz/upload/media/files/1f1037924cdfffa26ebdc7054f3502aa.doc (data obrashcheniya 01.02.2019).
- Filenko I.A. *Psihofiziologiya intellekta [Elektronnyj resurs]* Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet Tomsk, 2015 – Rezhim dostupa: www.psy.tsu.ru (data obrashcheniya 01.02.2019).
- Abundis-Gutierrez A., Checa P., Castellanos C., Rueda R.M. (2014) Electrophysiological correlates of attention networks in childhood and early adulthood. *Neuropsychologia*. Vol. 57.pp.78-92.
- Benyamin B., Pourcain B., Davis O. S., Davies G., Hansell N. K., Brion M.-J., Kirkpatrick R. M., Cents R. a. M., Franic S., Miller M. B., Haworth C. M. A., Meaburn E., Price T. S., Evans D. M., Timpson N., Kemp J., Ring S., McArdle W., Medland S. E., Yang J., Harris S. E., Liewald D. C., Scheet P., Xiao X., Hudziak J. J., Geus E. J. C. de, Jaddoe V. W. V., Starr J. M., Verhulst F. C., Pennell C., Tiemeier H., Iacono W. G., Palmer L. J., Montgomery G. W., Martin N. G., Boomsma D. I., Posthuma D., McGue M., Wright M. J., Davey Smith G., Deary I. J., Plomin R., Visscher P. M. (2014) Childhood intelligence is heritable, highly polygenic and associated with FBNP1L. *Molecular Psychiatry*, Vol, 19, No. 2, pp. 253-258.

- Bouchard T. J. (2013) The Wilson Effect: The Increase in Heritability of IQ With Age. *Twin Research and Human Genetics*, Vol. 16, no. 5, pp. 923-930.
- Butcher L. M., Davis O. S. P., Craig I. W., Plomin R. (2008) Genome-wide quantitative trait locus association scan of general cognitive ability using pooled DNA and 500K single nucleotide polymorphism microarrays. *Genes, Brain and Behavior*, Vol. 7, no. 4, pp. 435-446.
- Davies G. et al. (2015) Genetic contributions to variation in general cognitive function: a meta-analysis of genome-wide association studies in the CHARGE consortium (N=53 949). *Molecular Psychiatry*, Vol. 20, no. 2, pp. 183-192.
- Davis O. S. P., Butcher L. M., Docherty S. J., Meaburn E. L., Curtis C. J. C., Simpson M. A., Schalkwyk L. C., Plomin R. A. (2010) Three-Stage Genome-Wide Association Study of General Cognitive Ability: Hunting the Small Effects. *Behavior Genetics*. Vol. 40. No. 6. P. 759-767.
- Jung, Haier (2007) The Parieto-Frontal Integration Theory (P-FIT) of intelligence: converging neuroimaging evidence, no 30(2), pp.135-154.
- Kovas Y, Plomin R et al. (2013) Literacy and Numeracy Are More Heritable Than Intelligence in Primary School. *Psychol Sci*, vol. 24, N10, pp. 2048–2056.
- Kovas Y, Plomin R et al. (2019) Biological annotation of genetic loci associated with intelligence in a meta-analysis of 87,740 individuals. *Mol Psychiatry Feb*, Vol. 24, no.2, pp.182-197.
- Kovas Y, Plomin R et al. (2017) Predicting educational achievement from DNAMol Psychiatry. Feb. Vol. 22. N2. Pp.267–272. Published online 2016 Jul 19. doi: 10.1038/mp.2016.107 <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5285461>
- Krapohl E., Rimfeld K., Shakeshaft N.G., Trzaskowski M., McMillan A., Pingault J.B. et al. (2014). The high heritability of educational achievement reflects many genetically influenced traits, not just intelligence. *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.* vol.111. pp. 15273–15278.
- Markett S. A., C. Montag, and M. Reuter (2010) The association between dopamine DRD2 polymorphisms and working memory capacity is modulated by a functional polymorphism on the nicotinic receptor gene CHRNA4. *Journal of Cognitive Neuroscience*. vol. 22, no. 9, pp. 1944-1954.
- McGrew K. S. (2009) CHC theory and the human cognitive abilities project: Standing on the shoulders of the giants of psychometric intelligence research. *Intelligence*. Vol. 37. No. 1. pp. 1-10.
- NICHD Early Child Care Research Network (1993). The NICHD Study of Early Child Care: a comprehensive longitudinal study of young children's lives," ERIC Document Reproduction Service ED3530870.
- Okbay A., Beauchamp J.P., Fontana M.A., Lee J.J., Pers T.H., Rietveld C.A. et al. (2016). Genome-wide association study identifies 74 loci associated with educational attainment. *Nature*, Vol.533, pp. 539–542
- Plomin R, Kovas, et al. (2016) Genetics affects choice of academic subjects as well as achievement. *Sci Rep*. Jun 16. 6:26373. doi: 10.1038/srep26373. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/27310577>
- Posner M. I. (2008). Measuring alertness. *Annals of the New York Academy of Sciences Molecular and Biophysical Mechanisms of Arousal, Alertness, and Attention*, pp.193-199.
- Posner M., Rothbart M. (2000). Developing mechanisms of self-regulation. *Development and Psychopathology*, vol. 12, pp. 427-441.
- Posner M.I., Rothbart, M.K. (2007) Research on attention networks as a model for integration of psychological science *Ann Rev of Psychology*, vol. 58, pp. 1-23.
- Posner M.I., Sheese B. E., Odluda Y., Tang Y. (2006) Analyzing and shaping human attentional networks. *Neural Networks* vol, no19, pp.1422-1429
- Posner, M.I., Rothbart, M.K. (2018) Parenting and human brain development. In M.R. Sanders, A. Morawska (eds) *Handbook of Parenting and Child Development Across the Lifespan* New York: Springer
- Posner, M.I., Tang, Y.Y. & Lynch, G. (2014c) Mechanisms of white matter change induced by meditation. *Frontiers in Psychology*
- Pozuelos, J. P., Paz-Alonso, P. M., Castillo, A., Fuentes, L. J., Rueda, M. R. (2014) Development of attention networks and their interactions in childhood
- Reuter M., U. Ott, D. Vaitl, J. Hennig (2007) Impaired executive control is associated with a variation in the promoter region of the tryptophan hydroxylase 2 gene. *Journal of Cognitive Neuroscience*, vol. 19, no. 3, pp. 401-408.
- Rietveld C.A., Medland S.E., Derringer J., Yang J., Esko T., Martin N.W. et al. (2013). GWAS of 126,559 individuals identifies genetic variants associated with educational attainment. *Science*, Vol. 340, pp.1467–1471.
- Sheese B. E., M. K. Rothbart, P. Voelker, M. I. Posner. (2012) The dopamine receptor D4 gene 7 repeat allele interacts with parenting quality to predict Effortful Control in four-year-old children. *Child Development Research*, vol. 2, 6 p
- Smits F.M. et al. (2016) Electroencephalographic Fractal Dimension in Healthy Ageing and Alzheimer's Disease / F.M. Smits, C. Porcaro, C. Cottone. *PLoS One*, Vol. 11, no 2, pp. 135-354
- Trzaskowski M., Harlaar N., Arden R., Krapohl E., Rimfeld K., McMillan A., Dale P. S., Plomin R. (2014) Genetic influence on family socioeconomic status and children's intelligence. *Intelligence*, Vol. 42, pp. 83-88.
- Tucker-Drob E. M., Briley D. A. (2014) Continuity of genetic and environmental influences on cognition across the life span: a meta-analysis of longitudinal twin and adoption studies. *Psychological Bulletin*. P.19
- Velichkovsky B.M. (2007) Towards an evolutionary framework for human cognitive neuroscience *Theoretical Biology*, Vol.2, no 1, pp. 3-7.
- Voelker P., B. E. Sheese, M. K. Rothbart, M. I. Posner (2009) Variations in catechol-O-methyltransferase gene interact with parenting to influence attention in early development. *Neuroscience*, vol. 164, no. 1, pp. 121-130.

¹Kairatova I.K., ²Kudaibergenova S.K.

¹lecturer of the department of general and applied psychology,
al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: inkarkairatova@gmail.com

²candidate of psychological science, associated professor of the department of general and applied psychology,
al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: sandugash04101971@gmail.com

RESEARCH OF PROCRASTINATION IN CONNECTION WITH STUDENTS' PERSONAL CHARACTERISTICS (ON THE EXAMPLE OF KAZAKHSTAN)

The student's age is the important period in human life during which he/she decides on the professional choice, finds feelings of maturity and identity, plans the future. Educational and professional achievements which strengthen self-confidence and the ability to productive activity are significant, and at the same time put base for successful self-realization in the future. However procrastination at which the person postpones until the moment of "deadline" the most important and modern issues and tasks and also decision-making can become an obstacle for such achievements. Negative consequences are expressed not only in depression of success and efficiency of the person and an obstacle of her development, both in educational, and in professional medium, but also in acute emotional experiences of own failure, sense of guilt, dissatisfaction with results of the activity. The problem of procrastination is investigated in domestic science quite recently, and there are practically no unambiguously established reasons causing predilection "to put away for later". In this regard there are questions that influences developing of procrastination at students whether personal characteristics of students are bound to it. This research is referred on finding answers to the matters.

Objective of research was a theoretical and empirical research of features of procrastination at students with various personal characteristics. We had a hypotheses that there is an interrelation between procrastination level at students and their personal characteristics. We used 4 methods to reveal connection between procrastination and personal characteristics: "General scale of procrastination (GPS)"; "Procrastination assessment scale for students (PASS)"; "Test Big five"; "Scale of the Academic Motivation (SAM)".

As a result of the carried-out work the positive correlation between the level of procrastination and eksternalny motivation was revealed. The same communication was revealed between procrastination and an amotivation. Also we learned that at extroverts уровень is higher than procrastination, and those students who will organize the activity have no tendency to procrastination. Results of this research can be used in activity of teachers and psychologists for work with procrastination at students.

Key words: procrastination, motivation, extraversion, introversion.

¹Қайратова І.Қ., ²Қудайбергенова С.Қ.

¹жалпы және қолданбалы психология кафедрасының оқытушысы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: inkarkairatova@gmail.com

²психология ғылымдарының кандидаты, жалпы және қолданбалы психология кафедрасының доценті,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: sandugash04101971@gmail.com

Прокрастинацияны студенттердің тұлғалық мінездемелерімен байланыстыра отырып зерттеу (Қазақстан мысалында)

Студенттік жас адам өміріндегі маңызды кезең болып табылады, ол кезде адам өзінің кәсіби таңдауымен анықталады, ересектік сезіміне ие болады және болашағын жоспарлай бастайды.

Оқу және кәсіби саладағы жетістіктер мәнді болып табылады, олар адамның өзіне, өзінің продуктивті іс-әрекет қабілеттілігіне сенімділігін арттырады. Алайда прокрастинация мұндай жетістіктерге жетуге бөгет болады, адам маңызды және өзекті істер мен тапсырмаларды, шешім қабылдауды соңғы сәтке дейін қалдырып отырады. Бұл феноменнің негативті әсері тұлғаның оқу және кәсіби салада табыстылығы мен продуктивтілігінің төмендеуіне алып келеді, олардың дамуына кедергі жасайды. Сонымен қатар прокрастинация ауыр эмоциялық күйзелістерге алып келеді, адам өзінің сәтсіздігі үшін өзін кінәлайды, өз іс-әрекетінің нәтижелеріне қанағаттанбайды. Сол себепті студенттердің бойында прокрастинация не үшін пайда болады және ол олардың тұлғалық сипаттамаларымен байланысты ма деген сұрақтар туындайды. Бұл зерттеу осы сұрақтарға жауап табуға бағытталған. Зерттеудің мақсаты әртүрлі тұлғалық сипаттамаларға ие студенттердегі прокрастинацияның ерекшеліктерін теориялық және эмпирикалық зерттеу болды. Зерттеу үшін біз келесі болжамды қалыптастырдық: студенттердегі прокрастинация деңгейі мен олардың тұлғалық сипаттамалары арасында өзара байланыс бар. Зерттеу барысында біз келесі әдістемелерді пайдаландық: «Жалпы прокрастинация шкаласы (GPS)»; «Студенттерге арналған прокрастинацияны бағалау шкаласы (PASS)»; «Үлкен бестік тесті (Big five)»; «Академиялық мотивация шкаласы (АМШ)».

Жүргізілген жұмыс нәтижесінде прокрастинация деңгейі мен экстерналды мотивация арасында оң корреляция анықталды. Дәл осындай байланыс прокрастинация мен амотивация арасында анықталды. Сонымен қатар, экстраверттерде прокрастинация деңгейі жоғары, ал өз іс-әрекетін жақсы ұйымдастыратын студенттер прокрастинацияға бейім болмайтындығын білдік. Бұл зерттеудің нәтижесі педагогтар мен психологтардың іс-әрекетінде, студенттік жаста кездесетін прокрастинациямен жұмыс жасау үшін пайдалы болады.

Түйін сөздер: прокрастинация, мотивация, экстраверсия, интроверсия.

¹Кайратова И.К., ²Кудайбергенова С.К.

¹преподаватель кафедры общей и прикладной психологии,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: inkarkairatova@gmail.com

²кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: sandugash04101971@gmail.com

Исследование прокрастинации в связи с личностными характеристиками студентов (на примере Казахстана)

Студенческий возраст является важным периодом в жизни человека, в течение которого он определяется со своим профессиональным выбором, обретает чувства взрослости и идентичности, планирует свое будущее. Значимыми являются учебные и профессиональные достижения, которые укрепляют веру в себя и свою способность к продуктивной деятельности. Однако препятствием для таких достижений может стать прокрастинация, при которой человек откладывает до момента «делайна» самые важные и актуальные дела и задачи, а также принятие решений. Негативные последствия выражаются не только в снижении успешности, продуктивности личности и в препятствиях ее развития как в учебной, так и в профессиональной средах, но и в острых эмоциональных переживаниях собственного неуспеха, чувства вины, неудовлетворенности результатами своей деятельности. В связи с этим возникают вопросы: что именно влияет на возникновение прокрастинации у студентов, связаны ли с ней личностные характеристики самих студентов? Данное исследование направлено на то, чтобы найти ответы на данные вопросы. Целью исследования было теоретическое и эмпирическое исследование особенностей прокрастинации у студентов с различными личностными характеристиками. Мы выдвинули следующую гипотезу: существует взаимосвязь между уровнем прокрастинации у студентов и их личностными характеристиками. Для исследования мы использовали следующие методики: «Общая шкала прокрастинации (GPS)»; «Шкала оценки прокрастинации для студентов (PASS)»; «Тест Большая пятерка (Big five)»; «Шкала академической мотивации (ШАМ)».

В ходе проведенной работы была выявлена положительная корреляция между уровнем прокрастинации и экстернальной мотивацией личности. Такая же связь была выявлена между прокрастинацией и амотивацией. Обнаружено, что у экстравертов уровень прокрастинации выше, а те студенты, кто умеет организовывать свою деятельность, не имеют склонности к прокрастинации. Результаты данного исследования могут быть использованы в деятельности педагогов и психологов для работы с прокрастинацией у лиц студенческого возраста.

Ключевые слова: прокрастинация, мотивация, экстраверсия, интроверсия.

In all definitions of the personality her public nature, inclusiveness in this or that system of the social relations is surely emphasized. Any personality represents a peculiar alloy biological, psychological and social. It is constantly shown in her communications with a social environment. Features of the concrete historical period, belonging of the personality to a certain social class, a layer, any organization or group leave the mark on lines of the personality, form characteristic examples of her behavior. As Voltaire spoke: «Each person is creation of time in which he lives».

The student's age is the important period in human life during which it decides on the professional choice, finds feelings of maturity and identity, plans the future. Educational and professional achievements which strengthen self-confidence and the ability to productive activity are significant, and at the same time put base for successful self-realization in the future. However procrastination at which the person postpones until the moment of «deadline» the most important and modern issues and tasks and also decision-making can become an obstacle for such achievements. Though procrastination is to some extent peculiar to all age, it has the greatest distribution among students. Now society puts high requirements of independence and responsibility of the personality. Inability to conform to these requirements, to take out responsibility conferred on them, in particular at students, lead to emergence of a phenomenon of procrastination.

The relevance of this work is that the phenomenon of procrastination becomes more and more widespread. The prevalence of procrastination, according to the researches conducted in the USA, Great Britain, Australia in recent years is 20% of adult population. At the same time postponement of performance of the academic tasks is inherent from 70% to 95% of students. In the research Solomon L.J. and Rothblum E.D. 50% of students have reported that they postpone performance of educational tasks in most cases, and 38% – postpone (Solomon, 1984: 503-509) from time to time; Gallagher R.P., Golin A. and Kelleher K. have found out that 60% of students of college note need of the help of experts for overcoming procrastination (Gallagher, 1992: 301-309).

Negative consequences are expressed not only in depression of success and efficiency of the person and an obstacle of her development, both in educational, and in professional medium, but also in acute emotional experiences of own failure, sense of guilt, dissatisfaction with results of the activity. The problem of procrastination is investigated in domestic

science quite recently, and there are practically no unambiguously established reasons causing predilection «to put away for later». In this regard there are questions that influences developing of procrastination at students whether personal characteristics of students are bound to it. This research is referred on finding answers to the matters.

The term «procrastination» comes from the Latin words pro-ahead and crastinus – tomorrow's. The closest translation into Russian is the term «postponement» or «delay» which are often used as synonyms in the domestic scientific literature devoted to this problem. We will give the theoretical review of a phenomenon of procrastination, his definition, the main characteristics, classifications of types and theoretical approaches to his studying.

At the moment there is no uniform definition of a phenomenon of procrastination.

The Canadian psychologist Pierce Piers Steel speaks about procrastination, as about «voluntary postponement by the subject of the planned affairs, despite the expected negative consequences because of a delay». Piers Steel emphasizes that procrastination is often comprehended by psychologists as «an irrational delay» as there is no powerful, «valid» reason for postponement. Besides, the person can postpone both the beginning of business, and its end, despite understanding that such behavior won't cause any bonuses – neither material, nor psychological (Steel, 2007a: 65-94).

Also C.H. Lay adheres to the similar point of view: «Procrastination – voluntary, irrational postponement of the planned actions, despite of the fact that it will cost much or will conceive negative effect for the personality» (Mokhova, 2013).

V.S. Kovylin defines this phenomenon as «a tendency to put performance of necessary affairs «away for later»; a behavioral pattern at which performance by the leader for the person during this period of time of activity is consciously postponed» (Kovylin, 2013a).

Thus, irrationality of behavior, in combination with sensibleness and understanding of a possibility of negative consequences – key features of the phenomenon of procrastination. This phenomenon can be shown practically in any field of activity of the person: educational (postponement of preparation for control actions, performance of home works), labor (omission of terms of implementation of the project, working tasks), social (postponement of meetings or calls), household (concerns terms of performance of housework, instructions, promises). This phenomenon is extremely widespread: according to Ellis and Knaus, from 80 to 95 percent of pu-

pils of higher educational institutions procrastinate from time to time, about 75% from them consider themselves «chronic procrastinators», and nearly 50% of students postpone important issues systematically, attracting on themselves problems. According to V.S. Kovylin, from 46% to 95% of pupils consider themselves inveterate procrastinators (Kovylin, 2013b).

Procrastination is generally defined in the psychological literature as the practice of putting off impending tasks to a later time even when such practice results in “counterproductive and needless delay;” (Schraw, 2007: 12-25). The qualification that delay be counterproductive and needless is important. Delay may in fact represent an optimal strategy in an environment in which the cost of effort evolves over time, when waiting for the best moment to complete a task.

In this paper we experimentally study procrastination in students’ academic work – a context procrastination appears widespread in. Solomon and Rothblum (Solomon and Rothblum, 1984) finds that at least 46% of college students consider themselves serious procrastinators; Steel (Steel, 2007b: 65-94) finds that between 80% and 95% of college students regularly procrastinate when performing academic tasks. Indeed several recent field experiments on procrastination have focused on students’ homework activity (Ariely, 2002, 219-224), (Burger, 2011: 393-404).

There can be several reasons of procrastination. Let’s consider task characteristics. Experiencing a commitment as aversive is often portrayed as an explanation for its delay, and this is supported by research investigating the relation between task characteristics and procrastination, representing a moderate correlation ($r = .40$). A task’s unpleasantness and an individual’s boredom and lack of interest are some of the most common reasons for deferring a task or assignment, and the more anxiety or effort it produces, the more likely the person is to procrastinate (Ferrari, 2000: 359-366). Another reason is cognitive interventions. Treatment interventions involving cognitive measures are often used to target the influence of irrational beliefs on procrastination. Perfectionism, fear of failure, and self-doubt are all examples of cognitions that might interfere with the ability to engage in tasks and assignments. Although the general relationship between irrational beliefs and procrastination is irregular and weak, clinical experience suggests that attending to assumptions, core beliefs, and negative automatic thoughts may be essential in order to prevent the individual from

postponing commitments (Flett, 2012: 223-236).

Also we should consider personal features of students. The five factor test nowadays is one of the best methods to use in psychological research. The Big five personality traits was the model to comprehend the relationship between personality and academic behaviors (Poropat, 2009: 322-338). This model was defined by several independent sets of researchers. These researchers began by studying relationships between a large number of known personality traits. They reduced the lists of these traits (arbitrarily) by 5–10 fold and then used factor analysis to group the remaining traits (using data mostly based upon people’s estimations, in self-report questionnaire and peer ratings) in order to find the underlying factors of personality. One of the criteria’s is openness to experience (inventive/curious vs. consistent/cautious). Appreciation for art, emotion, adventure, unusual ideas, curiosity, and variety of experience. Openness reflects the degree of intellectual curiosity, creativity and a preference for novelty and variety a person has. It is also described as the extent to which a person is imaginative or independent and depicts a personal preference for a variety of activities over a strict routine. High openness can be perceived as unpredictability or lack of focus, and more likely to engage in risky behavior or drug taking. Also, individuals that have high openness tend to lean towards being artists or writers in regards to being creative and appreciate the significance of the intellectual and artistic pursuits (Friedman, 2016: 191). If we think about its correlation with procrastination. we can predict, that students that have high openness, procrastinate more.

We also try to analyze connection with temperament, because researchers of adult temperament point out that, similarly to sex, age and mental illness, temperament is based on biochemical systems whereas personality is a product of socialization of an individual possessing these four types of features. Temperament interacts with social-cultural factors, but still cannot be controlled or easily changed by these factors (Trofimova, 2016: 77-147). Therefore, it is suggested that temperament should be kept as an independent concept for further studies and not be conflated with personality (Trofimova, 2018: 373).

Novelty of a research:

1. Data on procrastination phenomenon on material of modern Kazakhstan student’s youth are added and expanded;

2. Methods are translated into Kazakh: The general scale of procrastination of C.H.Lay (GPS),

Procrastination assessment Scale for students (PASS);

The theoretical importance of a research defines probability of use of materials of research in further researches of this subject. Studying of a problem of psychological characteristics which influence procrastination level at students. The problem of procrastination is investigated in domestic science quite recently, and there are practically no unambiguously established reasons causing predilection "to put away for later". It is important to consider personal characteristics because they can exert impact on procrastination level. This research will fill up theoretical base of this problem.

The practical importance of a research consists in development of references on prophylaxis and detection of procrastination at students and ways of dropping of its level. Results of a research of personal features on a problem of procrastination by means of psychodiagnostic methods can be used on special courses of unit of psychology, in work of psychologists of educational structures, in student's psychological service and in psychological consultation, and also to practice. This research gives the chance from the different parties to survey procrastination phenomenon in the Kazakhstan psychology. And also, an opportunity to use methods which were used during the experiment, and in other research works opens.

Research object: students of the Kazakhstan higher education institutions.

Subject of research: procrastination in connection with personal characteristics of students.

Hypothesis: there is an interrelation between procrastination level at students and their personal characteristics.

Methodological basis of research. The general scientific methodological principle of systemacity, and also special methodological principles of psychology form a methodological basis of research: principle of psychological determinism and principle of unity of consciousness and personality. According to the principle of systemacity, all phenomena are considered in a condition of continuous interaction

with each other and as elements of systems. Therefore each phenomenon is considered in the course of the interaction directed to achievement of the goals of system. Relying on the principle of psychological determinism – we know that, external influence refracts through mentality of the person and only after that influences his reactions and behavior (refraction external through internal). And internal, in turn, to a certain extent defines those external influences which will exert impact on him. Therefore, investigating behavioral aspects of the person, we could obtain information concerning mental.

Research methods. According to the purpose and tasks of work for an empirical research of procrastination in connection with personal characteristics of students, the following psychodiagnostic techniques have been picked up:

1. General scale of procrastination of C.H.Lay (GPS);
2. Procrastination assessment scale for students (PASS);
3. Test Big five (Big five);
4. Scale of the Academic Motivation (SAM).

Work purpose: A theoretical and empirical research of features of procrastination at students with various personal characteristics.

Experimental tasks:

1. To create selection.
2. To pick up diagnostic tools according to the purpose, tasks and a hypothesis of a research.
3. To conduct a research of procrastination of personal characteristics at students, to establish interrelation between them.

Sample description: The empirical research has been conducted on students of various universities of the Almaty city. 107 examinees, including 48 males and 59 females have participated in a research. The age of examinees varied in the range from 17 to 22 years, middle age on selection 21 years.

We used Student's t-criteria and correlation coefficient of Pearson in SPSS Statistics 21 program to analyze our data.

Research results:

Table 1 – Correlation of level of procrastination and types of motivation at students

		Correlations										
		GPS	PASS	PASS_Fs	PASS_As	Cognit M	Achiev M	Selfreal M	Selfresp M	Intro M	Exter M	Amot
GPS	Pearson Correlation	1	-,064	,220	,059	-,062	,345	,084	,029	-,032	,571**	,365*
	Sig. (2-tailed)		,738	,242	,758	,746	,062	,661	,880	,867	,001	,047
PASS	Pearson Correlation	-,064	1	,123	,374*	-,166	,100	-,173	,043	,280	,087	-,106
	Sig. (2-tailed)	,738		,518	,042	,380	,598	,360	,820	,133	,646	,577
PASS_Fs	Pearson Correlation	,220	,123	1	,118	,153	,184	,079	,128	,126	,226	,153
	Sig. (2-tailed)	,242	,518		,533	,420	,329	,677	,501	,506	,230	,420
PASS_As	Pearson Correlation	,059	,374*	,118	1	,123	,424*	-,098	-,288	-,168	-,097	,100
	Sig. (2-tailed)	,758	,042	,533		,518	,020	,607	,123	,374	,612	,599

Table 2 – Correlation of level of procrastination and personal characteristics of students

		Correlations				
		Extraversion-Introversion	Attachment-Isolation	Self-checking-Impulsiveness	Emotional stability-Emotional instability	Expressivity-Practicality
GPS	Pearson Correlation	,565**	,136	-,396**	,266	,734**
	Sig. (2-tailed)	,001	,472	,001	,224	,000
PASS	Pearson Correlation	,396**	,184	-,496**	,229	,032
	Sig. (2-tailed)	,001	,329	,005	,223	,867
PASS_Fs	Pearson Correlation	,126	,197	-,165	,183	,087
	Sig. (2-tailed)	,506	,297	,384	,333	,648
PASS_As	Pearson Correlation	,375*	-,067	,006	-,007	-,149
	Sig. (2-tailed)	,041	,727	,976	,971	,433

Having considered the results received by means of four methods and having analyzed their correlation, we came to the following conclusions:

– Statistically it was not succeeded to reveal significant distinctions on the level of the academic procrastination at students with different directions of training. But the significant difference because of

fear of failure in groups of students was revealed statistically. At students of the natural-science direction indices of this scale are higher than at students of the social and humanitarian direction;

– By results of two techniques directed to determination of level of procrastination we can summarize that gender distinctions and distinctions

at students with different directions of training did not come to light. Having analyzed the acquired information, we can claim that among students it is not enough of those, who have pronounced procrastination. But a large number of students at a moderate measure has procrastination therefore it is necessary to work with it;

– Values of a scale of the general procrastination highly correlate with indices of a scale of external motivation ($r = .571$). That is the external motivation is higher, the more student will be inclined to putting aside. We can refer a lot of things to external motivation: waiting of parents, requirements of teachers, pressure of society, that is everything that does not proceed from the person. Absence at the student of own desire to execute certain activities, leads to origin of procrastination and evolves into a stressful situation;

– Values of a scale of the general procrastination and a scale of an amotivation also well correlate ($r = .365$). Here, as well as in the previous point, absence of desire leads to a procrastination;

– Procrastination assessment scales for students correlates with the subscale the hostility to the job ($r = .374$);

– One more correlation is between a scale hostility to the job and a scale of motivation of achievement ($r = .424$). In my opinion, here we can watch that despite the high level of motivation of achievement if the student does not want to perform a certain task, then it will have procrastination;

– Values of a scale of the general procrastination correlate with value of a scale an extraversion-introversion ($r = .565$). That is, extroverts are more inclined to procrastination than introverts. Typical extroverts differ in sociability, like to have a good time, aim at idleness and entertainments, do not like to trouble themselves operation or study, are drawn towards sharp, exciting impressions, often risk, act impulsively, thoughtlessly, on the first motivation. They can be the active procrastinators. They postpone affairs until the deadline and in a stressful situation activate all the energy for execution of the task;

– Values of a scale of assessment of procrastination for students also correlates with an extraversion-introversion ($r = .396$) scale that confirms our statement and in the academic sphere. Below we can see that the extraversion-introversion is connected to procrastination reason “Hostility to the job” ($r = .375$). But “Fear of failure” does not have communication with other reason. We can explain it with the fact that extroverts are optimists

and believe in the success. And here the fact that the guaranteed job will not please them – can quite become the objective reason of their putting aside for later;

– The scale of the general procrastination negatively correlates with a scale self-checking impulsiveness ($r = -.396$). That is people with high self-checking of behavior procrastinate less, than people with low self-checking. As they can unfairly treat operation, without showing persistence in achievement of the goal. It is such type of the personality of which are characteristic naturalness of behavior, carelessness, tendency to rash acts. People with high self-checking follow rules, they are very persistent in achievement of the purposes therefore they cannot procrastinate. These results I am confirmed by the negative correlation between procrastination assessment scale indices for students and a scale self-checking impulsiveness ($r = -.496$);

– One more communication was revealed between a scale of the general procrastination and a scale expressivity practicality ($r = .734$). The person having an appreciation on this factor easily studies, but insufficiently seriously treats systematic scientific activities therefore seldom makes great progress in science. He trusts the feelings and an intuition, than common sense more often, pays attention to the current daily affairs and duties a little, avoids routine operation. Therefore he often is distracted by unessential affairs and important duties remain outstanding to the deadline.

According to these results, our hypotheses, that there is an interrelation between procrastination level at students and their personal characteristics was approved.

Conclusion

“Today not only the certain person, but also the nation in general has chance of success, only developing the competitiveness. It means first of all ability of the nation to offer something advantageous at the price and quality in the regional and global markets. And it not only material product, but also knowledge, services, intellectual products, at last, quality of a labor resource. The feature of tomorrow is that competitiveness of the person, but not existence of mineral resources, becomes a factor of success of the nation. Therefore to any Kazakhstan citizen, as well as the nation in general, it is necessary to have a set of qualities, worthy the 21st century. And among unconditional prerequisites of it such factors as computer literacy, knowledge

of foreign languages, cultural openness act” – Nursultan Abishevich Nazarbayev in the article “Has noted a prospection: modernization of public consciousness” (Nazarbayev, 2017).

To conform to similar high requirements of the present, young people have to work and try to obtain progress daily. But on their way will many

meet bad factors. Procrastination is one of such factors. The negative impact of this phenomenon leads to decrease in progress of students, to reduction of their efficiency. Also he can lead to emotional pressure. In our country there aren't enough researches devoted to this subject therefore this research is relevant.

Литература

- Ariely D., Wertenbroch K. Procrastination, Deadlines, and Performance: Self-Control by Precommitment // *Psychological Science*. – 2002. – vol. – № 3. – P.219–224.
- Burger N., Charness G., Lynham J. Field and Online Experiments on Self-Control // *Journal of Economic Behavior & Organization*. – 2011. – № 77. – P.393–404.
- Ferrari J. R., Scher, S. J. Toward an Understanding of Academic and Nonacademic Tasks Procrastinated by Students: The Use of Daily Logs // *Psychology in the Schools*. – 2000. – № 37. – P.359-366.
- Flett G. L., Stainton M., Hewitt P. L., Sherry S. B., Lay C. Procrastination and Automatic Thoughts as a Personality Construct: An Analysis of the Procrastinatory Cognitions Inventory // *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. – 2012. – № 30. – P.223-236.
- Friedman, Howard, Schustack, Miriam. *Personality: Classic Theories and Modern Research* (Sixth ed.). Pearson.-2016.-p. 191.
- Gallagher R. P., Golin A., Kelleher K. The personal, career, and learning skills needs of college students // *Journal of College Student Development*. – 1992. – vol. 33. – № 4. – P.301-309.
- Ковылин В.С. Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. – 2013. – № 2.
- Мохова С.Б., Неврюев А.Н. Психологические корреляты общей и академической прокрастинации у студентов // *Вопросы психологии*. – 2013. – №1.
- Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания [электронный ресурс]: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya
- Poropat A. E. A meta-analysis of the five-factor model of personality and academic performance // *Psychological Bulletin*. – 2009. – vol.135. – P.322–338.
- Schraw G., Wadkins T., Olafson L. Doing the things we do: A grounded theory of academic procrastination // *Journal of Educational Psychology*. – 2007. – vol.99. – № 1. – P.12–25.
- Solomon L., and Rothblum E. Academic procrastination: Frequency and cognitive-behavioral correlates // *Journal of Counseling Psychology*. – 1984. – vol.31. – № 4. – P.503–509.
- Steel P. The Nature of Procrastination: A Meta-Analytic and Theoretical Re-view of Quintessential Self-Regulatory Failure // *Psychological Bulletin*. – 2007. – vol.133. – № 1. – P.65–94.
- Trofimova I.N. The interlocking between functional aspects of activities and a neurochemical model of adult temperament. In Arnold, M.C. *Temperaments: Individual Differences, Social and Environmental Influences and Impact on Quality of Life* // New York: Nova Science Publishers. – 2016. – P.77–147.
- Trofimova I.N., Robbins, T.W., Sulis W., Uher J. (2018). Taxonomies of psychological individual differences: biological perspectives on millennia-long challenges // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences*. – 2018. – vol.373. – № 1744.

References

- Ariely D., K. Wertenbroch K. (2002) Procrastination, Deadlines, and Performance: Self-Control by Precommitment, *Psychological Science*, vol. 13 (no 3), pp. 219–224.
- Burger N., Charness G., Lynham J. (2011) Field and Online Experiments on Self-Control, *Journal of Economic Behavior & Organization*, no 77, pp. 393–404.
- Ferrari J.R., Scher S.J. (2000) Toward an Understanding of Academic and Nonacademic Tasks Procrastinated by Students: The Use of Daily Logs, *Psychology in the Schools*, no 37, pp. 359-366.
- Flett G. L., Stainton M., Hewitt P. L., Sherry S. B., Lay C. (2012) Procrastination and Automatic Thoughts as a Personality Construct: An Analysis of the Procrastinatory Cognitions Inventory, *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, no 30, pp. 223-236.
- Friedman, Howard, Schustack, Miriam (2016) *Personality: Classic Theories and Modern Research* (Sixth ed.). Pearson. p. 191.
- Gallagher R. P., Golin A., Kelleher K. (1992) The personal, career, and learning skills needs of college students, *Journal of College Student Development*, vol. 33(no 4), pp. 301-309.

Kovylin V.S. (2013) *Teoreticheskie osnovy izucheniya fenomena prokrastinacii* [Theoretical bases of studying of a phenomenon of procrastination]. *The personality in the changing world: health, adaptation, development*, no 2.

Mokhova S.B., Nevryuev A.N. (2013) *Psihologicheskie korrelyaty obshei i akademicheskoi prokrastinacii u studentov* [Psychological correlates of the general and academic procrastination at students], *Psychology questions*, no 1.

Nazarbayev N.A. (2017) *Vzglyad v budushee: modernizaciya obshestvennogo soznaniya* [Prospection: modernization of public consciousness] [electronic resource].: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya

Poropat A. E. (2009) A meta-analysis of the five-factor model of personality and academic performance, *Psychological Bulletin*, no 135, pp. 322–338. doi:10.1037/a0014996.

Schraw G., Wadkins T., Olafson L. (2007) Doing the things we do: a grounded theory of academic procrastination, *Journal of Educational Psychology*, vol. 99 (no 1), pp. 12–25.

Solomon L., Rothblum E. (1984) Academic procrastination: frequency and cognitive-behavioral correlates, *Journal of Counseling Psychology*, vol. 31(no 4), pp. 503–509.

Steel P. (2007) The Nature of Procrastination: a Meta-Analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure, *Psychological Bulletin*, vol. 133 (no 1), pp. 65–94.

Trofimova I.N. (2016) The interlocking between functional aspects of activities and a neurochemical model of adult temperament. In Arnold, M.C. *Temperaments: Individual Differences, Social and Environmental Influences and Impact on Quality of Life*, New York: Nova Science Publishers, pp. 77–147.

Trofimova, I.N., Robbins, T.W., Sulis W., Uher J. (2018) Taxonomies of psychological individual differences: biological perspectives on millennia-long challenges, *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences*, vol. 373 (no 1744). doi:10.1098/rstb.2017.0152.

Ахметова А.И.¹, Айтказинова Б.Т.²

¹PhD доктор, Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: aig.31@mail.ru

²Психолог, магистр педагогических наук, ГУ „Школа для одарённых детей Зерде № 9
“ УО г. Нур-Султан, Казахстан, г. Нур-Султан, e-mail: bayaan@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ

В данной статье представлены результаты экспериментальной проверки эффективности апробации программы психолого-педагогического сопровождения работы с одаренными детьми и дана характеристика результатам диагностики целостного развития одаренных учащихся. Нами разработан план работы с одаренными детьми в условиях специализированной школы «Зерде». Сущность опытно-экспериментальной работы заключалась в проверке разработанной программы психолого-педагогического сопровождения работы с одаренными учащимися, в основе которой определен комплекс подходов, форм и методов работы с одаренными детьми, достаточных для их целостного развития в условиях специализированной школы «Зерде».

В статье представлены результаты диагностики целостного развития личности одаренного учащегося, обучающегося в специализированной школе «Зерде» г.Астана, а также выявили результативность реализации плана работы педагога-психолога по обеспечению психолого-педагогического сопровождения одаренных учащихся. Также в статье представлены результаты, полученные путем сравнения контрольных и экспериментальных групп. В итоге формирующего эксперимента нами было выявлено увеличение числа учащихся, у которых произошли позитивные изменения за счет активного включения в различные виды творческой деятельности, что и было нашим предположением на начало опытно-экспериментальной работы. В основу оценки результатов опытно-экспериментальной работы были положены критерии и показатели, характеризующие целостное развитие личности одаренного подростка.

Ключевые слова: диагностика целостного развития личности, критерии и показатели целостного развития личности, формирующий эксперимент, программа психолого-педагогического сопровождения.

Ahmetova A.I.¹, Ajtkazinova B.T.²

¹Doktor PhD, Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakstan, Almaty, e-mail: aig.31@mail.ru

²Psychologist, academic degree of master pedagogical science,
School number 9 for gifted children “Zerde”, Nur-Sultan, Kazakstan, Nur-Sultan, e-mail: bayaan@mail.ru

Experimental verification of the effectiveness of the program of psychological and pedagogical support of gifted children

This article presents the results of an experimental test of the effectiveness of probation of a program for psychological and pedagogical support of working with gifted children and describing the results of diagnosing the holistic development of gifted students. We have designed a structural and informative model of the introduction of the program of psychological and pedagogical support of working with gifted children into the integral educational process of the specialized school “Zerde”. And also on the basis of this model, a plan of work with gifted children in the conditions of the specialized school “Zerde” was developed. The essence of the experimental work was to test the developed model for implementing the program of psychological and pedagogical support of working with gifted students, which is

Ковалев С.Э.

кандидат психологических наук, доцент, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Казахстан, г.Усть-Каменогорск, e-mail: kovgenesis@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЙ ШОК КАК ИСТОЧНИК ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОГРАММ

В статье анализируются особенности влияния феномена «культурного шока» на трансформацию смысловой сферы участников международных программ. Представлены результаты эмпирического исследования смысловых полей, самосознания и всей жизнедеятельности участников международных программ до и после реализации международной стажировки. Цель данного исследования: выявить специфику влияния феномена «культурного шока» на трансформацию смысловой сферы участников международных программ.

Объект исследования: трансформация смысловой сферы участников международных программ.

Предмет исследования: культурный шок как источник трансформации смысловой сферы участников международных программ.

Гипотеза: трансформация смысловой сферы участников международных программ после поездки по программе будет заключаться в следующем: рост уровня осмысленности жизни, стабилизации психического состояния, развитости внутреннего мира, повышения уровня толерантности и самостоятельности.

Методы исследования:

- 1) теоретические: анализ научно-психологической литературы по теме исследования;
- 2) эмпирические методы и методики:
 - тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева (модифицированный вариант);
 - личностный дифференциал (ЛД) В.Г. Бажина и Н. Эткинда (модифицированный вариант);
 - опросник самооценки состояния психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфорта (САН);
 - анкета, обработанная методом контент-анализа;
 - методика предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева;
 - методика «Кто Я?» М. Куна, обработанная методом контент-анализа.
- 3) методы математической статистики: t – критерий Стьюдента, X^2 – критерий Пирсона, критерий φ^* – угловое преобразование Фишера.

Исследование проводилось на базе КГКП «Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова» г. Усть-Каменогорска. В исследовании приняли участие 50 человек – участников международных программ: 10 человек – участники программы МПА «Туран-Профи» и 40 человек – участники программы Work and Travel USA.

Ключевые слова: культурный шок, смысловая сфера личности, трансспективный анализ, межкультурная адаптация.

Kovalev S.E.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
S. Amanzholov East Kazakhstan State University, Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk, e-mail: kovgenesis@mail.ru

**Transformation of the International Programs Participants'
Meaning Sphere Caused by the Cultural Shock**

In the article the influence of the “cultural shock” phenomenon on the transformation of the international programs participants meaning sphere is analyzed. The results of empirical research of meaning

based on methods of work with gifted children, sufficient for their holistic development in the conditions of the specialized school "Zerde".

The article presents the results of diagnostics of the holistic development of the personality of a gifted student studying at the specialized school "Zerde" in Astana, and also revealed the effectiveness of the implementation of the work plan of a pedagogical psychologist to provide psychological and pedagogical support for gifted students. The article also presents the results identified by comparing the control and experimental groups. As a result of the formative experiment, we revealed that the number of students who have had positive changes due to the active involvement in various types of creative activity has increased, which was our assumption about the beginning of experimental work. The evaluation of the results of experimental work was based on the criteria and indicators characterizing the holistic development of the personality of a gifted teenager.

Key words: diagnosis of holistic personality development, criteria and indicators of holistic personality development, a formative experiment, implementation model, a program of psychological and pedagogical support.

Ахметова А.И.¹, Айтказинова Б.Т.²

¹PhD докторы, Абай атындағы Қазақ педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aig.31@mail.ru

² психолог, педагогика ғылымдарының магистрі,

МҰ № 9 "Зерде" дарынды балаларға арналған мектебі, Қазақстан, Астана қ., e-mail: bayaan@mail.ru

Дарынды балаларға психологиялық-педагогикалық қолдау көрсету бағдарламасының тиімділігін тәжірибелік негізде тексеру

Осы мақалада дарынды балаларға психологиялық-педагогикалық қолдау көрсету бағдарламасын апробациялаудың тиімділігін тәжірибе арқылы тексерудің нәтижелері және дарынды оқушылардың тұтас дамуы нәтижелерінің сипаты қарастырылған. «Зерде» арнайы мектебінің тұтас оқу-тәрбие үрдісіне дарынды балаларға психологиялық-педагогикалық қолдау көрсету бағдарламасын ендірудің және арнайы мектеп жағдайында дарынды оқушылармен жұмыс жасаудың жоспары жасалынды. Тәжірибелік жұмыстың маңызы осы жоспардың және бағдарламаның тиімділігін анықтау болып табылады. Дарынды оқушылардың тұлғалық тұтас дамуына ықпалын тигізетін бағдарламаның негізінде әдіснамалық тәсілдемелердің, дарынды балалармен жұмыс жасаудың формалары мен әдістері кешені анықталды.

Мақалада дарынды оқушы тұлғасының тұтас дамуын диагностикалаудың нәтижелері көрсетілген, сонымен қатар дарынды оқушыларға психологиялық-педагогикалық қолдау көрсету бойынша педагог-психологтың жұмыс жоспарын жүзеге асырудың нәтижелерін айқындадық. Сонымен бірге, мақалада бақылау және тәжірибелік топтардың салыстырмалы әдістері арқылы нәтижелері көрсетілген. Қалыптастырушы эксперимент барысында шығармашылық әрекеттерге белсенді қосылған оқушылардың саны артты, олардың тұлғалық дамуында күрт өзгерістер пайда болды, бұл біздің тәжірибе басында тұжырымдалған болжамымызды айқындады. Тәжірибелік жұмыстың нәтижелерін бағалау негізінде дарынды оқушының тұтас дамуын сипаттайтын өлшемдер мен көрсеткіштер қарастырылды.

Түйін сөздер: тұлғаның тұтас дамуын диагностикалау, тұлғаның тұтас дамуының өлшемдері мен көрсеткіштері, қалыптастырушы эксперимент, психологиялық-педагогикалық қолдау көрсету бағдарламасы.

Введение

Актуальность диагностики одаренности как целостного проявления личности учащегося заключается в использовании современного комплексного подхода к организации целостного педагогического процесса. В связи с этим, диагностика целостного развития личности одаренного ребенка представляется как педагогическая система, ориентированная на сохранение духовного, психологического и физического здоровья учащихся. Психологические (когнитивные)

и психофизические свойства одаренного учащегося, на которые опирается учебно-воспитательный процесс специализированной школы, без нравственного начала в ребенке не могут развиваться как его целостная гармоничная природа. В этой связи, надо отметить образовательный процесс специализированной школы, реализующий в каждом своем компоненте основные подходы и принципы Программы психолого-педагогического сопровождения работы с одаренными детьми в условиях специализированной школы основываются на развитии целостной природы одаренного учащегося.

Основная часть

В экспериментальном исследовании участвовали респонденты-учащиеся и педагоги специализированной школы «Зерде» г.Астана в качестве экспериментальной группы (25 человек), а также респонденты-учащиеся школы-лицей №73 г. Астана в качестве контрольной группы (25 человек).

Гипотеза опытно-экспериментальной работы: если учебно-воспитательный процесс специализированной школы для одаренных детей будет опираться на основные положения разработанной структурно-содержательной модели внедрения Программы психолого-педагогического сопровождения работы с одаренными детьми, то это обеспечит целостное развитие личности одаренного учащегося, а также повысит эффективность процесса внедрения Программы в содержание каждого компонента целостного учебно-воспитательного процесса школы.

Целостный подход в изучении личности не позволяет исключить значение биологического, социального, психологического, духовного уровней ее развития. По мнению Ш.А. Амонашвили, «внутренняя психическая энергия, внутренний огонь, заложенный в Ребенке Природой, предстают перед нами в трех основных страстях (стремлениях, «стихийных» движениях) Ребенка» (Амонашвили, 1998).

«Первая страсть – это страсть к Развитию. Ребенок не может не развиваться – духовно, нравственно, умственно, физически. Педагогическая задача заключается в том, чтобы создать необходимый образовательный процесс..., который даст возможность для удовлетворения Ребенком страсти к развитию. Таким образом, нужно не учитывать в образовательном процессе природное состояние Ребенка, а, исходя из него, предлагать ему разумные для становления его

многогранной природы условия». Исходя из формулировки Ш.А. Амонашвили о страсти ребенка к взрослению, а также о необходимости создания условий для целостного развития Природы Ребенка, главной целью специализированной школы является формирование образовательной среды для всестороннего целостного развития личности одаренного учащегося, ориентированного на общечеловеческие ценности.

Одаренность личности рассматривается как многомерное, многоплановое проявление человеческой индивидуальности, которое к тому же «не фиксировано от рождения, а претерпевает развитие на протяжении всего жизненного пути человека, которое получает свою определенность (конструируется) только в контексте взаимодействия человека и его социального окружения» (Шацкий, 1989: 7). Поэтому, ссылаясь на данное определение, мы в своем исследовании одаренного учащегося как многомерной целостной личности обращаем внимание на такие сферы его развития как:

1. Развитие духовно-нравственной сферы (воспитанность).

2. Развитие интеллектуальной сферы (результативность выполнения требований образовательного стандарта и учебных программ, обученность учащегося, уровень умственного развития подростков (Гарбер, 2016: 80-111).

3. Развитие личностной и межличностной сферы (межличностные особенности одаренного подростка).

4. Развитие физической сферы (физическая подготовленность учащегося).

Согласно четырем сферам развития личности мы предполагаем в рамках нашего исследования структуру целостного развития личности как трехкомпонентную структуру (таблица 1).

Таблица 1 – Структурные компоненты целостного развития одаренных учащихся, обучающихся в среднем звене специализированной школы

№	Сферы развития	Мотивационно-ценностный компонент	Когнитивный компонент	Поведенческий компонент
1	Духовно-нравственная сфера (воспитанность).	Стремится следовать в жизни общечеловеческим ценностям, развивать в себе положительные качества, как ответственность, справедливость, дисциплинированность, чуткость, терпимость и т.д.	Понимает суть общечеловеческих ценностей и нравственных норм. Имеет представления о положительных качествах человека, а также о проявлении негативных качеств, различных эмоций человека.	Соблюдает и применяет правила и нормы нравственного поведения: Умеет поступать в соответствии с общечеловеческими ценностями и старается развивать в себе положительные качества.

2	Интеллектуальная сфера (обученность)	Наличие мотивов достижения успеха, связанных с содержанием учения, с мотивами ориентации на овладения новыми знаниями, фактами, явлениями, закономерностями, ориентация на усвоение способов приобретения знаний. Наличие стремления к участию в творческой, поисковой и социально-значимой деятельности.	Понимает необходимость раскрытия и развития интеллектуального потенциала, ярко выраженных способностей, самостоятельности, оригинальности мышления, способности решать проблемные задачи. Понимает значимость участия в творческой, поисковой и социально-значимой деятельности.	Проявляет высокий уровень знаний, общенаучных навыков и способностей. Удовлетворяет потребности к познанию на осознанном уровне. Обладает рефлексивным, творческим мышлением, владеет способами творческой, исследовательской деятельностью.
3	Личностная и межличностная сферы (личностно-значимые качества)	Имеет волевое стремление к позитивному общению с окружающими, к продуктивной организации личного досуга. Имеет стремление к выполнению своей роли в семье, школе и обществе и своих обязанностей. Имеет интерес к созданию позитивных межличностных отношений со сверстниками, взрослыми.	Осознает необходимость продуктивной организации личного досуга. Понимает свою роль в семье, школе и обществе и значение выполнения своих обязанностей. Понимает важность позитивных межличностных отношений со сверстниками, взрослыми.	Строит позитивное общение с окружающими. Выполняет свою роль в семье и обществе, свои повседневные обязанности. Умеет строить позитивные отношения с людьми и продуктивно проводить личный досуг. Ответственен, терпелив, доброжелателен, дисциплинирован.
4	Физическая сфера (физическая подготовленность)	Имеет волевое стремление к ведению здорового образа жизни, сохранению гармонии между духовным, психическим, физическим здоровьем.	Понимает важность гармонии физического, психического и духовного здоровья, значимость здорового образа жизни.	Занимается саморазвитием и ведет здоровый образ жизни. Соблюдает правила сохранения гармонии между духовным, психическим и физическим здоровьем.

Все компоненты целостного развития личности одаренного подростка взаимосвязаны, поэтому целью программы психолого-педагогического сопровождения работы с одаренными детьми является взаимосвязанное развитие всех компонентов.

Для исследования *мотивационно-ценностного компонента целостного развития личности* одаренного подростка нами была использована анкета для учащихся по общечеловеческим ценностям, разработанная Мукажановой Р.А., Омаровой Г.А. (Мукажанова, 2013), а также методика изучения мотивации подростка к успеху Т. Элерса (Райгородский, 1998).

По мнению О. Вейнингера, «Духовные способности – это интегральное проявление интеллекта и духовности личности, в своем высшем проявлении духовные способности характеризуют гения» (Занков, 1990: 111). Ученый считает, что человек лучше всего понимает себя и через познание себя, он должен идти к познанию других. В этой связи, нами была использована анкета для учащихся по общечеловеческим ценностям, разработанная Мукажановой Р.А., Омаровой Г.А., которая выявляет стремление к духовно-нравственному совершенствованию (мотивационно-ценностный компонент) и понимание сути общечеловеческих ценностей в жизни человека (Омарова, 2014: 19).

Мотивационно-ценностный компонент (стремление к духовно-нравственному совершенствованию) целостного развития личности одаренного подростка позволяет определить мотивы поступков, устремленность к выполнению позитивных поступков, ориентацию на общечеловеческие ценности. Мукажанова Р.А., Омарова Г.А. считают, что вечные общечеловеческие ценности должны быть заложены в основе содержания образования как вечные ценности, составляя его ядро (Мукажанова, 2013). В связи с этим, согласно принципу выявления и саморазвития личности можно способствовать раскрытию духовного потенциала учащихся, самопознанию, раскрытию красоты своего внутреннего мира.

Анализируя результаты констатирующего эксперимента при анкетировании учащихся на понимание значения общечеловеческих ценностей в жизни, мы получили в основном ответы высокого и среднего уровней. Таким образом, по результатам анализа ответов учащихся мы выявили то, что практически все учащиеся понимают значимость предмета «Самопознание» в их жизни, в их духовно-нравственном самосовершенствовании.

Динамический подход к мотивации Т.О. Гордеевой позволяет отслеживать качественную и количественную изменения в мотивационной

сфере личности подростка (Гордеева, 2011). Мотивация личности как направленность на деятельность, проявляющаяся в интересе к деятельности, а также в стремлении преодолеть трудности, чтобы стать успешным, основывается на потребностях личности в познании, в достижении успеха и саморазвитии. В этой связи, надо отметить исследования Л.М. Попова. Он считает, что процесс саморазвития представляет собой постоянное преодоление трудностей, барьеров разного уровня сложности. И каждый отработанный способ преодоления барьеров выступает основой для преодоления других трудностей. Поэтому усвоенный способ действия рассматривается как «трамплин». По данным исследования Т.О. Гордеевой, особенности реагирования одаренных подростков на трудные жизненные ситуации отличаются от поведения их обычных сверстников в подобных ситуациях. Анализ копинг-стратегий интеллектуально одаренных подростков, проведенный Т.О. Гордеевой, пока-

зал, что в целом они выбирают более продуктивные стратегии совладания с трудностями по сравнению со своими ровесниками (Давидович, 1979).

Поэтому нами была выбрана методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса. Данная методика предназначена для диагностики, выделенной Хекхаузенем, мотивационной направленности личности на достижение успеха (Хекхаузен, 1999).

Опросник состоит из 41 утверждения. Респондент должен выбрать один вариант ответа из двух: «да» или «нет». Степень выраженности мотивации к успеху оценивается количеством баллов, совпадающих с ключом. Уровень развития ценностно-мотивационного компонента целостного развития одаренного подростка представлен в сводной таблице 1, как результат среднего значения двух методик: анкеты по выявлению понимания сущности общечеловеческих ценностей (Мукажанова, 2016) и методики диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса.

Таблица 1 – Сводная таблица уровня развития духовно-нравственной сферы (мотивационно-ценностного компонента целостного развития) учащихся специализированной школы «Зерде» г.Астана и школы-лицей №73 г.Астана (в процентном соотношении)

№	Уровень	Понимание сущности общечеловеческих ценностей	Мотивация успеха	Общий результат	Понимание сущности общечеловеческих ценностей		Общий результат
					Мотивация успеха	Мотивация успеха	
		Экспер. Группа Школа «Зерде» г.Астана			Контр. группа Школа-лицей №73		
1	Высокий	44	46,1	45,1%	36	53	44,5
2	Средний	46,5	39	42,7%	41	24	32,5
3	Низкий	9,5	14,9	12,2%	23	23	23
		Всего – 100%			Всего – 100%		

В целом ситуация в специализированной экспериментальной школе такова: преобладает результат высокого и среднего уровня развития духовно-нравственной сферы учащихся – 47% и 43%, показатели низкого уровней – 10% (Диаграмма 1).

Когнитивный компонент целостного развития личности одаренного подростка позволяет диагностировать уровень знания духовно-нравственных норм, а также проводить диагностику результативности выполнения требований образовательного стандарта и учебных программ, то есть диагностику уровня сформированности обученности.

Поэтому для изучения когнитивного компонента целостного развития личности одаренного подростка нами были использованы тест «Отношение к нравственным нормам поведения», методика изучения сформированности обученности подростков. Для изучения сформированности обученности нами применяется ШТУР (школьный тест умственного развития), предназначенный для выявления одаренных детей с учетом их склонностей к определенному циклу школьных предметов. Тест ШТУР позволяет выявить такие умения и навыки как (Гуревич, 1998):

– анализировать задачи,

- классифицировать явления и предметы;
- устанавливать взаимосвязь между явлениями, обобщать, систематизировать и т.д.;
- находить рациональные способы решения задачи;
- решать проблемные задачи и/или задачи повышенной сложности.

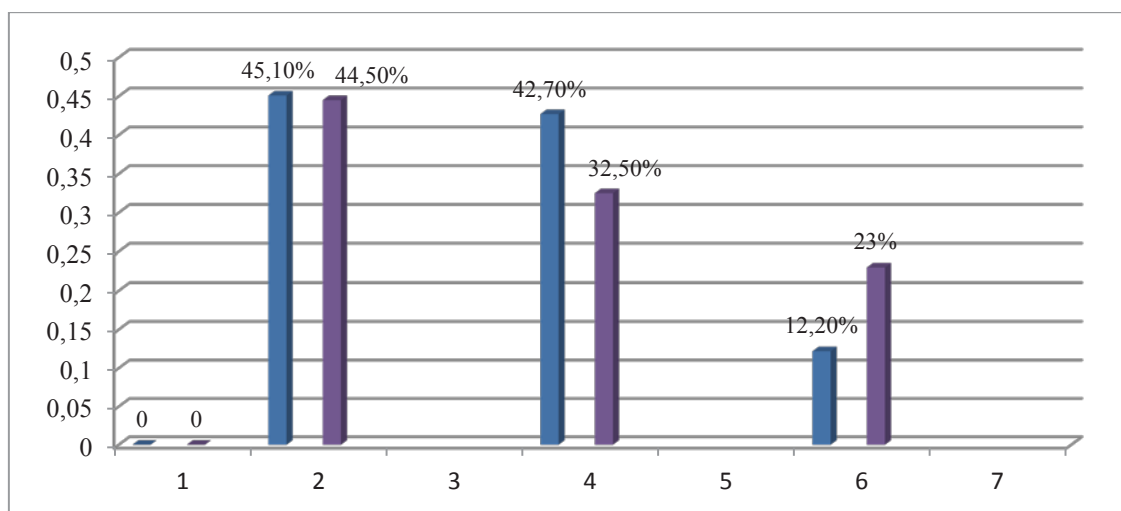

Диаграмма 1 – Уровень развития духовно-нравственной сферы учащихся школы-гимназии «Зерде» г. Астана (экспериментальная) и школы-лицея №73 (контрольная)

Вышеназванные умения и навыки являются структурными составляющими академической одаренности, исследование которых является нашей целью. Выявление уровня усвоения содержания учебных предметов осуществляется диагностикой уровня обученности учащихся специализированной школы для одаренных детей.

Данная методика выявляет успешность усвоения учащимися учебного материала на основе образовательных стандартов и программ учебных курсов. Поэтому нами была использована методика измерения уровня обученности (УО) учащихся по формуле К.Симонова (см. таблица 2, диаграмма №2):

Таблица 2 – Сводная таблица уровня сформированности обученности (развитие интеллектуальной сферы, когнитивного компонента целостного развития учащегося) учащихся школы «Зерде» г.Астана (в процентном соотношении) и школы-лицея №73 г.Астана (в процентном соотношении)

№	Уровень	Отношение к нравственным нормам поведения	Обученность учащихся	Общий результат	Отношение к нравственным нормам поведения	Обученность учащихся	Общий результат
		Экспер. Группа Школа «Зерде» г.Астана			Контр. группа Школа-лицей №73		
1	Высокий	62 %	38,5%	50,3%	38%	30%	34%
2	Средний	31,6%	43,6%	37,6%	35%	44%	39,5%
3	Низкий	6,4 %	17,9%	12,1%	27%	26%	26,5%
		100%		Всего – 100%	100%		Всего – 100%

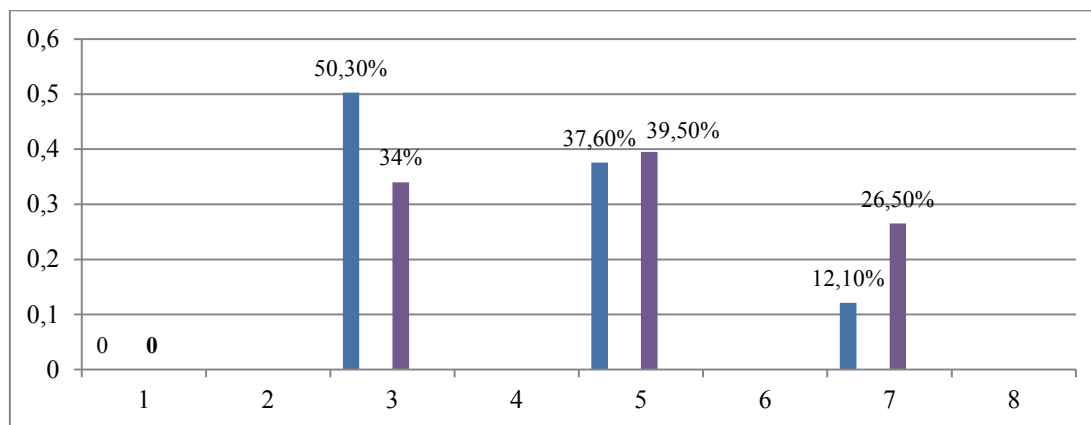

Диаграмма 2 – Уровень сформированности обученности учащихся школы «Зерде» г.Астана (экспериментальная) и школы-лицея №73 (контрольная)

Эти данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство среди участников эксперимента в условиях гимназии «Самопознание» составляют респонденты с высоким и средним уровнями сформированности обученности – 48,3% и 37%. Из общего числа опрошенных учащихся только 14,7% показали низкий уровень сформированности обученности.

Поведенческий компонент целостного развития личности одаренного подростка позволяет выявить уровень сформированности нравственного поведения подростка (Ахметова, 2016), которое может как соответствовать нравственным нормам, так и противоречить им, т.е. отражает то, как подросток поступает на самом деле (Прихожан, 2007: 56). Для определения уровня развития нравственного поведения была применена методика «Определение уровня воспитанности», разработанная Н.П. Капустиним, М.И. Шиловым.

Для исследования поведенческого компонента целостного развития личности одаренного подростка также были использованы методика, направленная на изучение межличностных особенностей школьника по мнению родителей и учителей, методика изучения физической готовности учащихся.

Новообразование потребности «быть личностью», формирующейся в личностной структуре подростка, способствует его самоутверждению. А его личностно-значимые качества, проявляющиеся в межличностном общении, позволяют ему войти в группу сверстников, социализироваться. Но в тоже время эти личностно-значимые качества не всегда соответствуют ожиданиям и требованиям учителей и родителей. Поэтому в нашем исследовании мы использовали именно

методику выявления межличностных особенностей школьника по мнениям родителей и учителей. С помощью данной методики мы диагностируем уровень сформированности качеств, необходимых для позитивного межличностного общения, которые необходимы не только в сфере интимно-дружеского общения подростка, но и в процессе взаимодействия в рамках учебно-воспитательного процесса. Для подростков, чтобы соответствовать ожиданиям адекватной группы сверстников, необходимы такие качества личности как: общительность, альтруизм, эмпатия, справедливость, правдивость, вежливость, уверенность в себе. В процессе межличностного общения подросток получает опыт нравственного и социального поведения, поэтому для него этот опыт является важной и личностно-значимой сферой жизни.

Вместе с тем, диагностика состояния физического здоровья и готовности одаренного подростка учащихся также составляет исследование поведенческого компонента целостного развития его личности. Система комплексной оценки состояния физического здоровья одаренных учащихся специализированной школы основывается на *четырёх базовых критериях*:

- наличие или отсутствие функциональных нарушений и (или) хронических заболеваний (с учетом клинического варианта и фазы течения патологического процесса);
- уровень функционального состояния основных систем организма;
- степень сопротивляемости организма неблагоприятным внешним воздействиям;
- уровень достигнутого развития и степень его гармоничности.

Уровень физической подготовленности определяется учителем физической культуры на срезе первого и второго полугодий (выявление высокого, выше среднего, среднего, ниже среднего, низкого уровней). Таким образом, поведенческий

компонент целостного развития личности одаренного подростка определяется тремя критериями: уровнем воспитанности, особенностями межличностного общения, состоянием физического здоровья, а также уровне физической подготовленности (таблица №3, диаграмма №3).

Таблица 3 – Сводная таблица уровня развития поведенческого компонента целостного развития одаренного подростка экспериментальной и контрольной групп (в процентном соотношении)

№	Уровень	Воспитанность	Особенности межличностного общения	Физическая подготовленность	Общий результат	Воспитанность	Особенности межличностного общения	Физическая подготовленность	Общий результат
		Экспер. группа Школа «Зерде», г.Астана				Контр. группа Школа-лицей №73			
1	Высокий	30%	40%	35%	34%	53%	33%	55%	47%
2	Средний	54,9%	58,5%	56,7%	52%	24%	34%	32%	30%
3	Низкий	15,1%	1,5%	8,3%	14%	23%	33%	13%	23%
Всего – 100%					Всего – 100%				

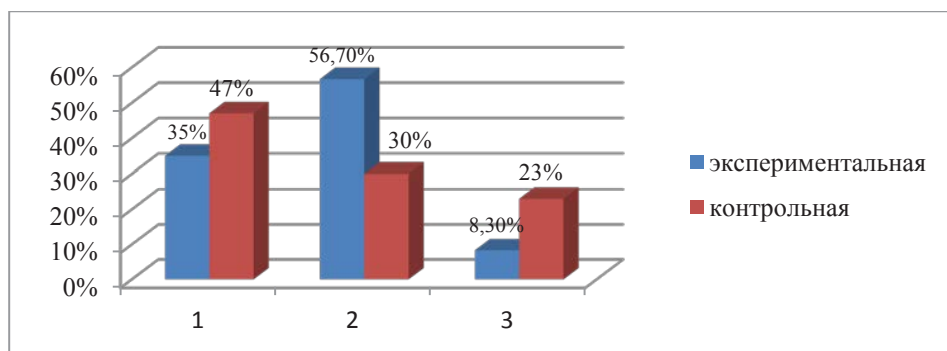

Диаграмма 3 – Сводная таблица уровня развития поведенческого компонента целостного развития одаренного подростка экспериментальной и контрольной групп (в процентном соотношении)

Для изучения склонностей учителей к работе с одаренными детьми был использован тест, разработанный А.И. Доровским (Абульханова-Славская, 1983).

Были задействованы 10 учителей специализированной школы «Зерде». По результатам тестирования в основном мы выявили средний результат, который составляет 40 баллов. Те учителя, которые набрали от 24 до 48 баллов, характеризуются проявлением склонностей к работе с одаренными детьми. Но вместе с тем они требуют дополнительных ресурсов и активного саморегулирования в интеллектуальном процессе, поэтому

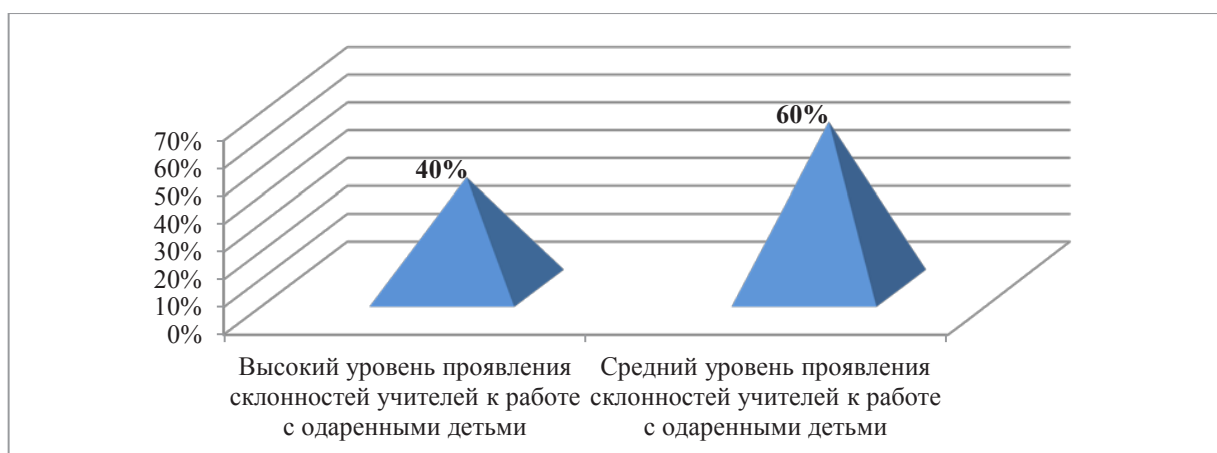
для таких учителей необходим правильный выбор объекта направленности творческого интереса учащихся.

Учителя, показавшие высокий уровень развития склонностей к работе с одаренными детьми, характеризуются большими склонностями к работе с одаренными детьми, у них есть потенциальные возможности. Они способны стимулировать творческую активность, поддерживать различные виды творческой деятельности учащихся.

В результате тестирования мы получили следующий результат (таблица 4, диаграмма 4).

Таблица 4 – Сводная таблица результатов тестирования по методике А.И.Доровского

Высокий уровень проявления склонностей учителей к работе с одаренными детьми	Средний уровень проявления склонностей учителей к работе с одаренными детьми	Низкий уровень проявления склонностей учителей к работе с одаренными детьми
1	2	3
40%	60%	
4 учителя	6 учителей	

Диаграмма 4 – Уровень проявления склонностей учителей к работе с одаренными детьми по А.И. Доровскому

Рекомендации для педагогов по развитию одаренных учащихся:

– Выполнение мероприятий по циклограмме работы с одаренными детьми и индивидуальному плану с объемами учебных заданий.

– Формирование и развитие самостоятельности одаренных подростков.

– Обучение учащихся выполнению обычного учебного задания в нескольких альтернативных вариантах.

– Концентрация внимания на физическое и нравственное развитие одаренных подростков.

– Изучение особенностей поведения одаренного подростка.

– Создание условий для развития одаренности во внеурочное время, уменьшив нагрузку в расписании и выделив большее количество часов на кружковую и индивидуальную работу с одаренными детьми.

– Применение проблемно-исследовательского метода, развивая познавательные и творческие способности одаренных учащихся.

– Преподавание на высоком уровне трудности и применение разнообразных проблемных задач.

Учет рассмотренных рекомендаций требует разработку содержания целостного учебно-воспитательного процесса специализированной школы «Зерде» г.Астана, циклограмму работы с одаренными детьми, план работы педагога-психолога по обеспечению психолого-педагогического сопровождения одаренных учащихся.

Таким образом в результате входного мониторинга целостного развития одаренного подростка предлагаются следующие рекомендации по повышению эффективности внедрения программы психолого-педагогического сопровождения в учебно-воспитательный процесс специализированной школы для одаренных детей:

– Провести заключительный этап (выходной) мониторинга;

– Организовать в школе семинары для педагогов по применению исследовательских методик и обработке их результатов;

– Разнообразить формы повышения квалификации педагогов, осуществляющих внедрение программы психолого-педагогического сопровождения, предусмотрев оказание методической помощи на местах, организацию интернет-семинары и др.

Рассмотрим результаты формирующего эксперимента по реализации программы психолого-педагогического сопровождения работы с одаренными детьми.

Цель плана работы педагога-психолога заключается в обеспечении реализации программы психолого-педагогического сопровождения одаренных учащихся (таблица №5).

Для достижения данной цели педагогу-психологу необходимо решить следующие задачи:

- диагностика духовных, интеллектуальных, личностных качеств школьников;
- создание психологически благоприятных условий для выявления потенциала одаренных детей и его развития;

– консультирование родителей и педагогов в вопросах развития, обучения и социализации одаренных детей.

В ходе реализации плана педагога-психолога на основе анализа результатов психологической диагностики проводит коррекционную работу вместе с педагогами и формулирует рекомендации для педагогов и родителей по работе с одаренными детьми. Развивающая работа с одаренными детьми осуществляется в трех направлениях: развитие интеллектуальных способностей, социализация в окружающей среде, развитие духовных качеств.

Таблица 5 – План работы педагога-психолога по обеспечению психолого-педагогического сопровождения одаренных учащихся

Месяц	Содержание деятельности
Август	Изучение нормативно-правовой базы работы с одаренными детьми, начало формирования базы данных одаренных детей
	Разработка и корректировка нормативно-правовой базы специализированной школы №9 «Зерде»: <ul style="list-style-type: none"> • Программа психолого-педагогического сопровождения одаренных детей.
	Разработка тем и содержания психолого-педагогических консилиумов
	Принятие: <ul style="list-style-type: none"> • циклограммы работы с одаренными детьми; • схемы-таблицы целостного учебно-воспитательного процесса специализированной школы «Зерде» г. Астана
	Заседание методического совета школы с повесткой дня: «Утверждение тем научных проектов учащихся»
Сентябрь-октябрь	Психолого-педагогический мониторинг развития духовных, интеллектуальных, личностных качеств школьников
Сентябрь-октябрь	Методический семинар на тему «Психолого-педагогические основы изучения одаренности детей»
	Индивидуальное и групповое консультирование одаренных по разрешению внутриличностных и межличностных проблем, выбору индивидуальной траектории развития, социальной адаптации, снятия тревожности.
	Внесение данных материалов исследований в индивидуальную карту работы с одаренным учащимся.
Ноябрь-декабрь	Проведение тренингов, психокоррекционных занятий по развитию интеллектуальных способностей, коммуникативных навыков, успешной социализации, раскрытию творческого потенциала учащихся.
	Консультирование родителей и педагогов по результатам исследований, психологическим особенностям, решению актуальных задач развития одаренных учащихся.
	Мотивационная подготовка к участию в предметных олимпиадах.
	Оценка уровня обученности одаренных детей
	Проведение тренингов, психокоррекционных занятий по развитию интеллектуальных способностей, коммуникативных навыков, успешной социализации, раскрытию творческого потенциала учащихся.
Январь	Проведение семинаров, занятий, лекций для повышения социально-психологической компетентности педагогов по работе с одаренными учащимися
	Проведение семинара-практикума «Диагностика умственного развития школьников». Рекомендации педагогам по работе с одаренными учащимися.
	Проведение семинаров, занятий, лекций для повышения психолого-педагогической компетентности педагогов по работе с одаренными учащимися.
	Проведение информационно-просветительской работы с родителями одаренных учащихся. Рекомендации для родителей.
Февраль-март	Проведение тренинговых занятий по развитию когнитивных способностей подростков
	Проведение диагностических процедур мониторинга воспитанности одаренных детей
	Проведение анализа диагностических процедур мониторинга одаренных детей
	Контроль психолого-педагогического сопровождения одаренных детей

Апрель-май	Коррекционно-развивающие занятия / 9 классы в рамках профориентации
	Как бороться со стрессом по немецкой программе /9 классы
	Оценка уровня обученности одаренных детей
Июнь	Проведение обобщающего мониторинга результатов психолого-педагогического сопровождения одаренных учащихся.
	Анализ работы за год в рамках ЗОЖ
	Анализ работы педагога-психолога. Подготовка отчета. Коррекция программы психолого-педагогического сопровождения одаренных учащихся.

Решение задач психолого-педагогического сопровождения работы с одаренными детьми не может быть ограничено областью непосредственного взаимодействия только с ребенком, но требует организации работы с родителями как участниками учебно-воспитательного процесса, которая предполагает просветительскую деятельность среди них.

Как свидетельствует практика, многие родители, ориентированные на активное участие в воспитании собственных детей, испытывают недостаток знаний в области педагогики и психологии, имеют низкую педагогическую и психологическую культуру.

Работу с родительской общественностью, таким образом, следует рассматривать как важнейшую задачу, решаемую в системе психолого-педагогического сопровождения как в традиционных формах консультирования и просвещения, так и в достаточно новой для системы сопровождения форме совместных (родители и дети) семинаров-тренингов по развитию навыков общения, сотрудничества, разрешению конфликтов.

В этой связи педагогами и родителями учитываются следующие рекомендации:

– Понимать одаренность ребенка как сложное целостное явление, объединяющее духовно-нравственные, интеллектуальные, личностные, межличностные, физические качества одаренного учащегося.

– Учитывать индивидуальные и возрастные особенности одаренного учащегося.

– Формирование у одаренного учащегося положительной «Я-концепции».

Развивать у одаренного ребенка уверенности, базирующуюся на сознании самооценности.

– Развивать интеллектуальную любознательность и готовность к исследовательским проектам.

– Выявлять общечеловеческие ценности у одаренных учащихся.

– Формировать ответственность за свою деятельность и поступки.

– Формировать стремление преодолевать трудности и решать проблемные задачи.

– Развивать у учащихся рефлексивные качества.

– Формировать у учащихся навыки работы над ошибками, снятие у них тревожности по допущению ошибки.

– Поддерживать увлечения, интересы в различных видах творческой деятельности, повышать собственную значимость.

В результате завершающего мониторинга у учащихся было выявлено то, что уровень развития мотивационно-ценностного компонента целостного развития одаренного подростка после формирующего эксперимента изменился в сторону положительной динамики (таблица 6).

Таблица 6 – Сводная таблица уровня развития духовно-нравственной сферы учащихся после формирующего эксперимента (в процентном соотношении)

№	Уровень	Понимание сущности общечеловеческих ценностей	Мотивация успеха	Общий результат	Понимание сущности общечеловеческих ценностей	Мотивация успеха	Общий результат
		Экспер. группа Школа «Зерде», г.Астана			Контр. группа Школа-лицей №59		
1	Высокий	66%	87%	71%	52	59	55,5
2	Средний	29%	12%	27%	38	28	33
3	низкий	5%	1%	2%	10	13	11,5
		Всего – 100%			Всего – 100%		

В целом ситуация по школе «Зерде» такова: преобладает результат высокого уровня сформированности мотивационно-ценностного компонента целостного развития личности одаренного

ребенка – 71%, показатели среднего уровня составляют – 27%, показатели низкого уровня – 2% (Диаграмма 5).

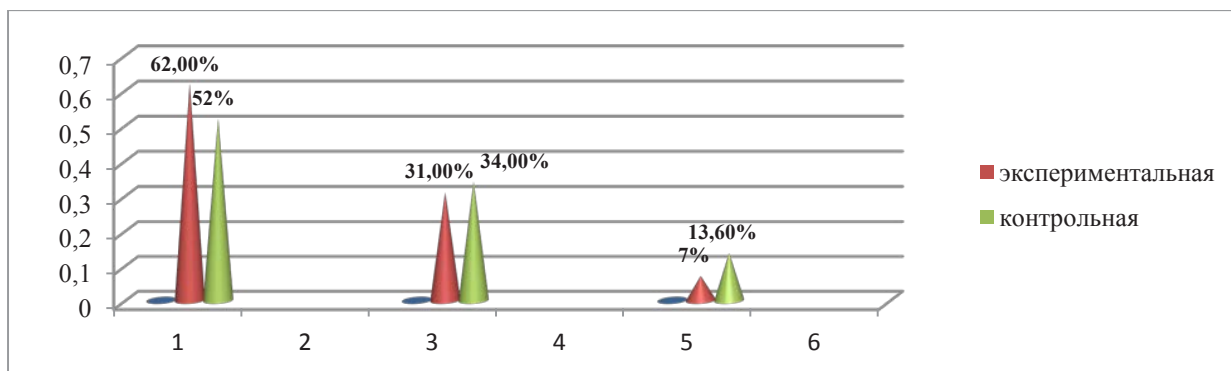

Диаграмма 5 – Уровень сформированности мотивационно-ценностного компонента целостного развития личности одаренного ребенка

В результате повторного изучения понимания сущности и значения общечеловеческих ценностей в жизни человека было выявлено, что каждый учащийся, открыв свой внутренний мир, встав на осознанный путь развития своей личности, может совершенствовать свои духовно-нравственные качества. Данный принцип активизирует возможности учащегося к творчеству, самопознанию, самосовершенствованию в процессе обучения. В этой связи, необходимо вдохновлять учащихся на творческую, исследовательскую деятельность, отражающую единство всех видов знания на основе их общечеловеческой ценностной направленности. Ориентация на общечеловеческие ценности позволяет увидеть в научной картине мира, в научных исследованиях, в окружающей жизни отражение объединяющего духовно-нравственного начала и позволяет передавать из поколения в поколение не только интеллектуальные, но и духовно-нравственные знания.

Таким образом, мотивация достижения успеха выступает важным компонентом развития одаренности. Наличие мотивации успеха у учащихся влияет на поддержание таких личностных особенностей как целеустремленность, настойчивость, концентрация внимания на выполнении конкретной деятельности и доведения ее до конца. Нам известно, что мотивация дея-

тельности является важным компонентом развития одаренности подростка. Успех деятельности подростка зависит от его положительной направленности на решение различных задач, проблем. И в этой связи мы подчеркиваем, что развитие одаренных подростков осуществится только через организацию учебно-воспитательного процесса, предполагающего разработку и внедрения системы развивающей работы с одаренными детьми в условиях специализированной школы, ориентированной на развитие у учащихся мотивации успеха.

Доминирование мотивов достижения успеха, связанных с содержанием учения, с мотивами ориентации на овладения новыми знаниями, фактами, явлениями, закономерностями; ориентация на усвоение способов приобретения знаний и т.п. характеризует одаренных детей.

При повторной диагностике уровня сформированности когнитивного компонента целостного развития личности одаренного ребенка было выявлено, что в подавляющем большинстве среди учащихся составляют респонденты с высоким и средним уровнями сформированности обученности – 57% и 34,5%. Из общего числа опрошенных учащихся только 8,5% показали низкий уровень сформированности обученности (таблица №7, диаграмма 6).

Таблица 7 – Сводная таблица уровня сформированности когнитивного компонента целостного развития личности одаренного ребенка после формирующего эксперимента (в процентном соотношении)

№	Уровень	Отношение к нравственным нормам поведения	Обученность учащихся	Общий результат	Отношение к нравственным нормам поведения	Обученность учащихся	Общий результат
Экспер. Группа Школа «Зерде» г.Астана				Контр. группа Школа-лицей №59			
1	Высокий	62 %	65%	63,5%	53%	45%	49%
2	Средний	36%	35%	35,5%	37%	44%	40,5%
3	низкий	2 %		1%	10%	11%	10,5%
Всего – 100%				Всего – 100%			

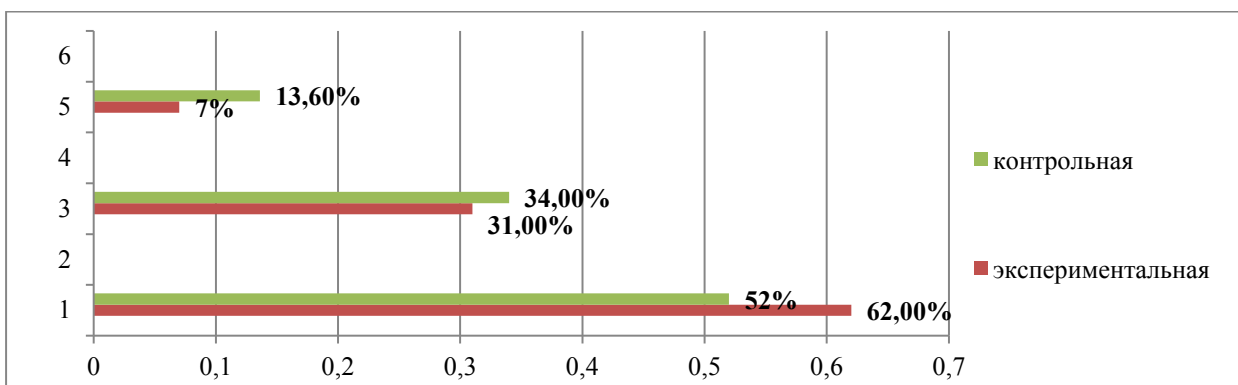

Диаграмма 6 – Уровень сформированности когнитивного компонента целостного развития личности одаренного ребенка после формирующего эксперимента

Эффективность процесса психолого-педагогического сопровождения работы с одаренными детьми обеспечивается реализацией специально организуемой деятельности, направленной на целостное развитие личности одаренного ребенка через создание необходимых условий в ходе школьного обучения, способствующих духовно-

му, личностному, интеллектуальному, психофизическому и социальному развитию учащихся (Гурова, 1992). Согласно данной формулировке мы диагностировали состояние здоровья детей и уровень развития их физической подготовленности, а также особенности межличностного общения подростков, их уровень воспитанности, проявляющихся в поведении учащихся (таблица 8).

Таблица 8 – Сводная таблица уровня развития поведенческого компонента целостного развития одаренного подростка экспериментальной и контрольной групп (в процентном соотношении)

№	Уровень	Воспитанность	Особенности межличностного общения	Физическая подготовленность	Общий результат	Экспер. группа Школа «Зерде» г.Астана			Общий результат
						Воспитанность	Особенности межличностного общения	Физическая подготовленность	
						Контр. группа Школа-лицей №59			
1	Высокий	69%	66%	52%	62%	57%	43%	57%	52%
2	Средний	20%	24%	48%	31%	28%	44%	30%	34%
3	Низкий	11%	10%	0%	7%	15%	13%	13%	13,6%
Всего – 100%						Всего – 100%			

По результатам количественного анализа мы выявили то, что уровень сформированности поведенческого компонента целостного развития личности одаренного ребенка имеет в основном высокие показатели.

В целом ситуация по школе «Зерде» такова: преобладает результат высокого уровня сформированности поведенческого компонента целостного развития учащегося развития – 62%, показатели среднего уровня составляют – 31%, показатели низкого уровня – 7% (Диаграмма 7).

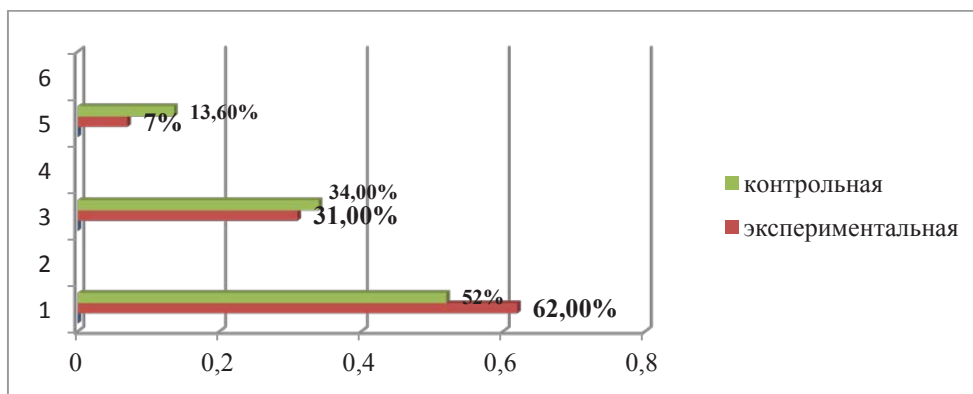

Диаграмма 7 – Уровень сформированности поведенческого компонента целостного развития личности одаренного ребенка

Таким образом, после формирующего этапа экспериментальной работы был проведен **контрольный этап** с целью осуществления анализа результатов динамики целостного развития одаренного ребенка.

С целью проверки эффективности решения исследовательских задач и выдвинутой гипотезы мы обобщили результаты контрольного и формирующего экспериментов (таблица 9).

Таблица 9 – Уровень сформированности компонентов целостного развития одаренных учащихся в экспериментальной группе до и после формирующего эксперимента (в процентном соотношении)

Обобщенный результат сформированности компонентов целостного развития в экспериментальных классах								
Классы	До эксперимента				После эксперимента			
	Ц-м.	Ког.	Пов.	Общ.	Ц-м.	Ког.	Пов.	Общ.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Высокий	50%	50,3%	35%	45,1%	71%	63,5%	62%	65,5%
Средний	33,7%	37,6%	56,7%	42,7%	27%	35,5%	31%	31,2%
Ннизкий	16,3%	12,1%	8,3%	12,2%	2%	1%	7%	3,3%
				100%				100%

Необходимо отметить, что качественные и количественные изменения коснулись самой личности одаренного подростка, что проявилось в сферах его деятельности (общении, учении, тру-

де). В диаграмме представлена динамика целостного развития одаренного ребенка до и после формирующего эксперимента по всем экспериментальным классам средней школы (диаграмма 8).

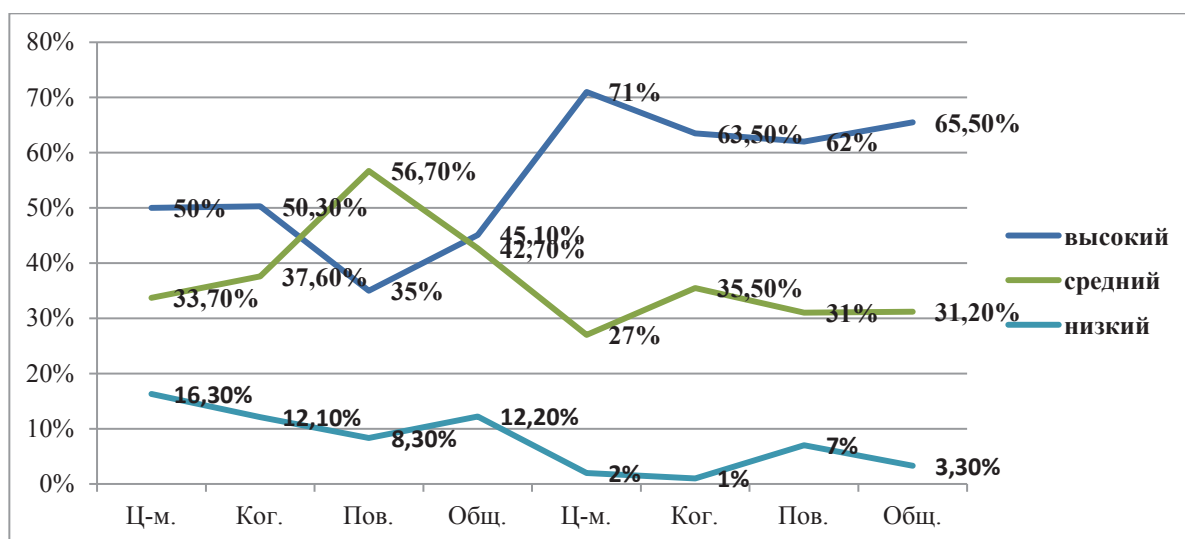

Диаграмма 8 – Уровень целостного развития одаренных подростков до и после формирующего эксперимента

Нами были получены сравнительные данные экспериментальной и контрольной групп на уровня сформированности компонентов целостного развития личности одаренного подростка начало и завершение опытно-экспериментальной работы (см. таблица 10, диаграммы 9, 10).

Сводная таблица 10 – Обобщенный результат сформированности компонентов целостного развития в экспериментальной и контрольной группах

Обобщенный результат сформированности компонентов целостного развития в экспериментальной и контрольной группах			
До эксперимента		После эксперимента	
Экспериментальная	Контрольная	Экспериментальная	Контрольная
1	2	3	7
45,1%	44,5	65,5%	52,2
42,7%	34,6	31,2%	35,8
12,2%	20,8	3,3%	11,9
100%		100%	

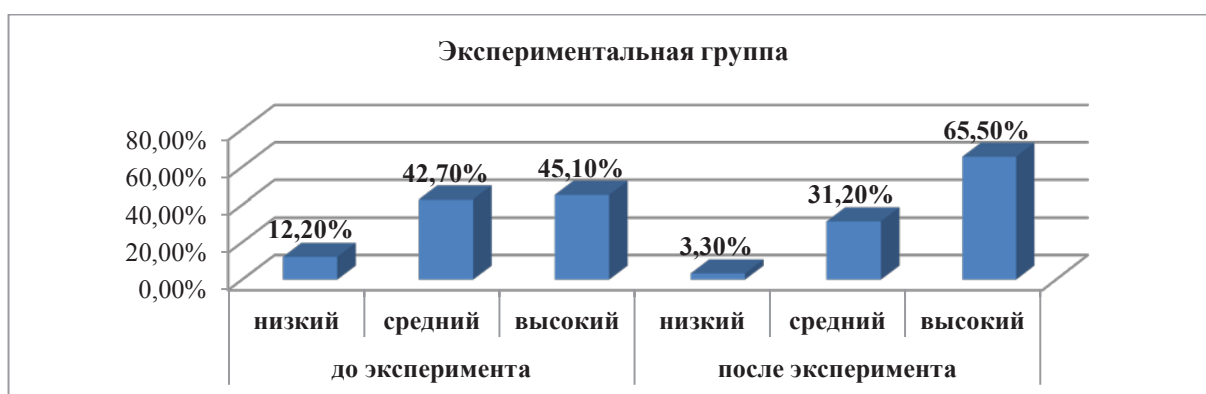

Диаграмма 9 – Уровень целостного развития учащихся экспериментальной группы до и после формирующего эксперимента

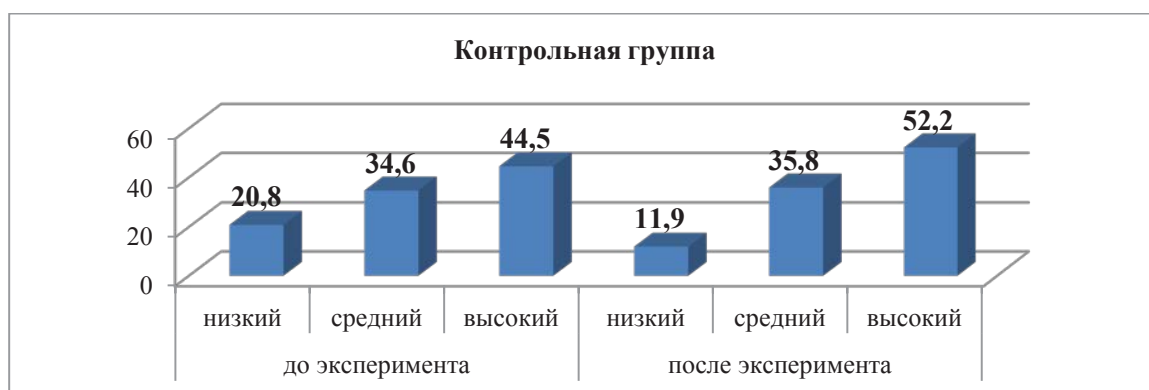

Диаграмма 10 – Уровень целостного развития учащихся экспериментальной группы до и после формирующего эксперимента

Контрольный эксперимент выявил, что уровень сформированности компонентов целостного развития учащихся специализированной школы «Зерде» значительно повысился. В результате проведенной работы учащиеся стали проявлять интерес к процессу интеллектуального труда, к творческой деятельности и испытывать радость от достижения успеха. Это получило отражение в заинтересованном отклике учащихся на задания учителя, предусматривающие самостоятельную поисковую деятельность, требующую умений отбирать необходимый материал по предмету, самостоятельно осуществлять перенос имеющихся знаний в новые ситуации. Дети стали проявлять самостоятельную активность; причины и последствия научных явлений.

Подводя итоги, можно выделить следующие основные направления, определяющие ход трансформации компонентов целостного развития учащихся средних классов:

- наличие приобретенных в школе установок способствует расширению круга общения, школьная модель формирования обученности проявляется в оценке учащихся;

- жизнедеятельность учащихся протекает на этапе учения в трех пространствах: школьном, промежуточно-школьном (общение вне школы с соучениками) и домашнем (родители, друзья, приобретенные вне школы). Последовательная смена пространств моделей целостного развития личности учащегося требует от него определенной техники самопознания.

Эти выводы получены на основе произведенного анализа основных тематических блоков анкеты «Понимание сущности общечеловеческих ценностей», а также теста на выявление уровня

воспитанности и особенностей межличностных отношений подростков.

Таковы основные компоненты структуры целостности личности. Подводя итоги анализа, собранных эмпирических данных, нельзя не отметить тот факт, что система развития личности одаренного подростка оказалась более целостной, чем ожидалось.

Таким образом, эффективность процесса работы с одаренными учащимися можно оценить по изменениям в уровнях сформированности компонентов целостного развития учащихся средних классов (см. таблицу 11). Контрольное обследование проводилось аналогично констатирующему исследованию по тем же методикам.

Анализ данных таблицы позволяет утверждать, что результаты целостного развития личности после формирующего эксперимента существенно улучшились. **В учебно-воспитательном процессе учитывались рассмотренные нами психолого-педагогические аспекты работы с одаренными учащимися в условиях специализированной школы «Зерде»:**

- осуществлено психолого-педагогическое сопровождение работы с одаренными подростками с учетом психолого-педагогических подходов (*системный, личностный, индивидуальный, комплексный, целостный*);

- изучено содержание, формы и методы работы с одаренными детьми;

- осуществлена диагностика целостного развития одаренных учащихся;

- осуществлено развитие психолого-педагогической компетентности педагогов и психологов к работе с одаренными детьми через организацию семинаров;

– разработана и реализована программа психолого-педагогического сопровождения работы с одаренными учащимися;

– создана образовательная среда для развития одаренности подростков в ходе учебно-воспитательного процесса (Ясвин, 2001: 365).

Сравнение полученных в ходе эксперимента количественных и качественных показателей позволяет заметить, что каждая группа учащихся, образованная в начале эксперимента, в условиях опытно-педагогической работы продвигалась успешнее, чем соответствующая группа контрольного класса.

Представленная диаграмма показывает уровень целостного развития одаренных учащихся средних классов в экспериментальном и контрольном классах на начало и конец эксперимента.

Полученные данные позволяют утверждать, что осуществленная экспериментально-исследовательская работа дала положительные результаты и способствовала формированию компонентов целостного развития у учащихся экспериментальных классов.

Для того, чтобы проследить динамику процесса работы с одаренными учащимися до и после формирующего эксперимента, мы предлагаем использовать следующие показатели динамических рядов по формуле Г.А. Наседкиной (Наседкина, 2007: 24) (1):

$$\text{Ср.} = (1a+2b+3c) : 100 \quad (1)$$

где, Ср. – средний показатель, отражающий количественную оценку роста уровня сформированности компонентов целостного развития одаренных учащихся; а, в, с – выраженные в процентах количество школьников, находящихся на низком, среднем, высоком уровнях сформированности компонентов целостного развития учащихся, цифры «1», «2», «3» – весовые коэффициенты уровня.

Таким образом, нами были определены средние показатели, отражающие количественную оценку роста уровня целостного развития учащихся в начале и конце учебного года.

В начале года

$$\text{Ср.} = (1 \cdot 12,2\% + 2 \cdot 42,7\% + 3 \cdot 45,1\%) : 100 = (12,2 + 85,4 + 135,3) : 100 = 232,9 : 100 = 2,3$$

В конце года

$$\text{Ср.} = (1 \cdot 3,3 + 2 \cdot 31,2\% + 3 \cdot 65,5\%) : 100 = (3,3 + 62,4 + 196,5) : 100 = 2,6.$$

Далее коэффициент эффективности вычисляется по формуле (2):

$K = \text{Ср. (н.у.г.)} : \text{Ср. (к.у.г.)}$, где Ср.(н.у.г.) (2) где, Ср. (н.у.г.) – значение среднего показателя уровня целостного развития учащихся на начало учебного года, Ср (к.у.г.) – значение среднего показателя уровня целостного развития на конец учебного года.

$$\text{Тогда } K \text{ эфф.} = 2,3 : 2,6 = 0,88$$

Коэффициент эффективности процесса работы с одаренными учащимися по модулю оказывается близким к 1, это соответствует высокому уровню связи между переменными и показывает эффективность учебно-воспитательного процесса специализированной школы «Зерде».

Выводы

Осуществив опытно-экспериментальную проверку эффективности учебно-воспитательного процесса специализированной школы, мы доказали, что школа, являясь социальным институтом развития одаренных учащихся, обеспечивает эффективность процесса целостного развития учащихся.

В ходе опытно-экспериментальной работы обогащались и усложнялись содержание и технология избранных форм работы.

Анализ результатов, выявленных путем сравнения контрольных и экспериментальных групп, показал, что увеличилось число учащихся, у которых произошли позитивные изменения за счет активного включения в различные виды творческой деятельности, что и было нашим предположением на начало опытно-экспериментальной работы.

В основу оценки результатов опытно-экспериментальной работы были положены критерии и показатели, характеризующие целостное развитие личности одаренного подростка.

В ходе исследования была разработана комплексная методика изучения целостного развития учащихся средних классов как результата внедрения программы психолого-педагогического сопровождения работы с одаренными детьми. Апробация данных методик доказала целесообразность ее применения. Методика изучения целостного развития учащихся позволяет управлять учебно-воспитательным процессом специализированной школы «Зерде».

В учебно-воспитательном процессе учитывались рассмотренные нами психолого-педагогические аспекты работы с одаренными

учащимися в условиях специализированной школы «Зерде»:

– осуществлено психолого-педагогическое сопровождение работы с одаренными подростками с учетом психолого-педагогических подходов (*системный, личностный, индивидуальный, комплексный, целостный*);

– изучено содержание, формы и методы работы с одаренными детьми;

– осуществлена диагностика целостного развития одаренных учащихся;

– осуществлено развитие психолого-педагогической компетентности педагогов и психологов к работе с одаренными детьми через организацию семинаров.

Сравнение полученных в ходе эксперимента количественных и качественных показателей позволяет заметить, что каждая группа учащихся, образованная в начале эксперимента, в условиях

опытно-педагогической работы продвигалась успешнее, чем соответствующая группа контрольного класса.

В обработке экспериментальных данных была применена статистическая обработка с применением формулы Г.А. Наседкиной, которая позволила проследить динамику процесса работы с одаренными учащимися до и после формирующего эксперимента. Коэффициент эффективности процесса работы с одаренными учащимися по модулю оказывается близким к 1, это соответствует высокому уровню связи между переменными и показывает эффективность учебно-воспитательного процесса специализированной школы «Зерде».

Перспективы данного исследования как многоаспектного явления мы видим в дальнейшей разработке программы подготовки родителей к работе с одаренными детьми в условиях специализированной школы.

Литература

Абульханова-Славская К.А. О путях построения типологии личности. 1983 // Психологический журнал. – 1983. – Том 4 №1. – С. 14–29.

Амонашвили Ш.А. Школа жизни: трактат о нач. ступени образования, основан. на принципах гуман.-личност. педагогики. – М.: Изд. дом Ш. Амонашвили, 1998. – 74 с.

Akhmetova A.I., Shirinbaeva G., Ussein G.A. Structural components of psychological and pedagogical readiness of the future teachers to the spiritual and moral development. International Scientific and Practical Conference “WORLD SCIENCE”. Proceedings of the IInd International Scientific and Practical Conference “Methodology of Modern Research”. – 2016. – №9 (13). –Vol.3. – P.10-12.

Гарбер А.И., Демиденко В.М., Бердибаева С.К. Педагогическая психология: учебное пособие. – 2-е изд., дополн. и перераб. – Алматы: Казак университеті, 2016. – 222 с.

Гордеева Т.О. Мотивационные предпосылки одаренности: от модели Дж.Рензулли к интегративной модели мотивации // Электр. Журн. «Психологические исследования». – 2011. – №1 (15).

Гуревич К.М., Акимова М.К., Борисова Е.М., Козлова В.Т., Логинова Г.П., Зархин В.Г. Школьный тест умственного развития. – М., 1998. – С. 193-220.

Давидович В.Е. Сущность культуры. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1979. – 264 с.

Занков Л.В. Избранные педагогические труды. – М.: Педагогика. 1990.

Mukazhanova R., Akhmetova A., Karabutova A., Oralbekova A. (2016). Studying of educational model of school under the conditions of implementation of «Selfknowledge» moral and spiritual education program». ICP 2016 Yokohama. The 31st International Congress of Psychology. 2016. – V. 51. – P. 969.

Мукажанова Р.А., Омарова Г.А. Методика преподавания дисциплины «Самопознание» в школе: Учебно-методическое пособие для учителей. – Алматы: ННПООЦ «Бөбек», 2013. – С. 38-42.

Наседкина Г.А. Социокультурная деятельность учреждения дополнительного образования как фактор социализации подростков: автореф. ...канд. педагог. наук. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.

Омарова Г.А., Ахметова А.И., Абдрахманова А.М., Багадаева Ж.А. Духовное наследие человечества (5-11 кл.): Методическое пособие для учителей. – Алматы: ННПООЦ «Бөбек», 2014. – 130 с.

Прихожан А.М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. – М.: АНО «ПЭБ», 2007. – 56 с.

Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ», 1998.

Рубинштейн С.Л., Узнадзе Д.Н., Выготский Л.С. Психология человека в современном мире. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 404 с.

Шацкий С.Т. Работа для будущего. – М., 1989. – 13 с.

Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

References

Abulkhanova-Slavskaya K.A. (1983) Oputyaxpostroeniatiptologiiilichnosti [On the ways to build a typology of personality]. *Psychological journal*, no1, vol. 4,pp.14-29.

Akhmetova A.I., Shirinbaeva G., Ussein G.A. (2016) Structural components of psychological and pedagogical readiness of the future teachers to the spiritual and moral development. International Scientific and Practical Conference "WORLD SCIENCE". *Proceedings of the IInd International Scientific and Practical Conference "Methodology of Modern Research"*. no9 (13), Vol.3, pp.10-12.

Amonashvili Sh.A. (1998) School of life: a treatise on the beginning. level of education, based on the principles of human. M.: Izd. House Sh.A. Amonashvil, 74p.

Davidovich V.E. (1979) The essence of culture. Rostov-on-Don: RSU, 264 p.

Garber A.I., Demidenko V.M., Berdibayeva S.K. (2016) Pedagogical psychology: a textbook. Almaty: University, 222p.

Gordeeva T.O. (2011) Motivacionni predposilki darennosti: ot modely Dj. Penzully k integrativnoimodely motivacii [Motivational prerequisites for giftedness: from the model of J.Renzulli to the integrative model of motivation]. *Elektr. Journal "Psychological research"*, no1 (15).

Gurevich, K. M., Akimova M. K., Borisova E.M., Kozlova V.T., Loginova G. P. & Zarhin V. G. (1998) Shkolniy test umstvennogo razvitya [School test of mental development]. Moscow, pp.193-220.

Heckhausen H. (1999). Modern psychology: a reference guide. Moscow: INFRA-M, p.688.

Mukazhanova R.A., Omarova G.A. (2013) Metodica prepodavanya disziplinu "Samopoznanie" v shkole [Methods of teaching the discipline "Self-knowledge" in school]. Teaching guide for teachers. Almaty: National Scientific and Technical Center "Bubek", pp.38-42.

Mukazhanova R., Akhmetova A., Karabutova A., Oralbekova A. (2016). Studying of educational model of school under the conditions of implementation of «Selfknowledge» moral and spiritual education program». ICP 2016 Yokohama. The 31st International Congress of Psychology. *International Union of Psychological Science*. V. 5, p.969.

Nasedkina, G.A. (2007) Soziokulturnay deyatelnost uchrezhdeniya dopolnitelnogo obrazovanya kak faktor sozializacii podrostkov [Socio-cultural activities of the institution of additional education as a factor in the socialization of adolescents: author. ...]. Cand. teachers sciences. Ekaterinburg, p.24.

Omarova, G.A., Akhmetova, A.I., Abdrakhmanova, A.M., Bagadaeva, Zh.A. (2014) Duchovnoe nasledie chelovechestva (5-11 kl.) [The spiritual heritage of mankind (cl. 5-11)]. Methodical manual for teachers. Almaty: National Scientific and Technical Center "Bubek", p.130.

Parishioners, A.M. (2007) Diagnostika lichnostnogo razvitya detey podrostkovogo vozrasta [Diagnosis of personal development of adolescent children]. M.: ANO PEB, p.56.

Raygorodskogo D.Y. (1998). *Practicheskay psihodiagnostika. Metodici I testi* [Practical psychodiagnosis. Methods and tests]. Samara: Publishing house "BAKHRAXH".

Shatsky, S.T. (1989) Rabota dlay buduchego [Work for the future]. Moscow, p.13.

Yasvin V.A. (2001) Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu [Educational environment: from modeling to design]. M.: Meaning, 365 p.

Zankov L.V. (1990) Izbrannii pedagogicheskii trudi [Selected pedagogical works]. M.: Pedagogy.

fields, self-consciousness and all life activities of the participants are presented before and after the international internship. The aim of the research is to reveal the specifics of influence of the “cultural shock” phenomenon on the transformation of the international programs participants meaning sphere.

The Research Object: the transformation of the international programs participants meaning sphere.

The Research Subject: cultural shock as the source of the transformation of the international programs participants meaning sphere.

Hypothesis: the transformation of the international programs participants meaning sphere on completing their internship will be inference in: the growth of the life awareness level, stabilization of the mental condition, development of the inner world, increasing of tolerance and independence level.

The Research Methods:

Theoretical: analysis of scientific and psychological literature on the investigation topic;

Empirical methods and techniques:

D.A. Leontyev Test on life-meaning orientations (modified variant);

V.G. Bazhin, N. Etkind Personality Differential (modified variant);

Questionnaire on the self-assessment of psychic activation states, interest, emotional tone, tension and comfort;

Questionnaire processed by the content-analysis method;

The Technique of Limiting Meanings by D.A. Leontyeva;

The Technique “Who am I?” by M. Kuhn, processed by the content-analysis method;

3) Methods of mathematical statistics: t – Student’s criterion, χ^2 – Pearson’s criterion, criterion φ^* – Fisher’s angular transformation.

The study was conducted on the basis of the S. Amanzholov East Kazakhstan State University, the city of Ust-Kamenogorsk. Under the research there were 50 people – participants of the international programs: 10 people – participants of the «Turan-Profi» program and 40 people – participants of the Work and Travel USA program.

Key words: cultural shock, meaning sphere of personality, transpective analysis, intercultural adaptation.

Ковалев С.Э.

психология ғылымдарының кандидаты, доцент, e-mail: kovgenesis@mail.ru

С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік университеті,

Қазақстан, Өскемен қ.

Халықаралық бағдарламалар қатысушылары ойлау ортасының трансформациялануының бастауы ретінде мәдени соққы болып табылуы

Мақалада «мәдени шок» феноменінің халықаралық бағдарламаларға қатысушылардың семантикалық саласын трансформациялауға әсер ету ерекшеліктері талданады. Семантикалық өрістердің эмпирикалық зерттеулерінің нәтижелері, халықаралық тәжірибе алдындағы және кейін халықаралық бағдарламалар қатысушылары өздерін ақпараттандыру және өмірдің барлық кезеңдері ұсынылған. Зерттеудің мақсаты: халықаралық бағдарламаларға қатысушылардың семантикалық саласын трансформациялауға «мәдени соққы» феноменінің әсер ету ерекшелігін анықтау.

Зерттеу нысаны: халықаралық бағдарламаларға қатысушылардың семантикалық саласын трансформациялау.

Зерттеудің тақырыбы: халықаралық бағдарламалар қатысушыларының семантикалық саласын түрлендіру көзі ретінде мәдени соққы.

Гипотеза: Бағдарлама бойынша сапардан кейін халықаралық бағдарламалар қатысушыларының семантикалық саласын трансформациялау: өмірдің маңыздылығын арттыру, психикалық жағдайды тұрақтандыру, ішкі әлемді дамыту, толеранттылық пен тәуелсіздік деңгейін жоғарылату.

Зерттеу әдістері:

1) теориялық: зерттеу тақырыбына ғылыми және психологиялық әдебиеттерді талдау;

2) эмпирикалық әдістер мен әдістер:

– Өмірдің маңызды бағыттары (LSS) DA сынағы Леонтьев (өзгертілген нұсқа);

– жеке дифференциал (LD) V.G. Бажина және Н. Эткинд (өзгертілген нұсқа);

– интеллектуалды жандандыру күйлерін, қызығушылықты, эмоционалдық тонусты, шиеленісті және жайлылықты (SAN) сауалнаманың өзін-өзі бағалауы;

– контент талдауы әдісімен өңделетін профиль;

– шектеу мағынасының техникасы (ДР) Д.А. Леонтьев;

– «Мен кімін?» әдісі. Мохан Кун, мазмұнды талдау әдісі арқылы өңделеді.

3) математикалық статистика әдістері: t – Студенттің өлшемі, χ^2 Пирсон өлшемі, критерий φ^* – Фишердің бұрыштық өзгеруі.

Зерттеу Шығыс Қазақстан мемлекеттік университетінің базасында жүргізілді. С. Аманжолов, Өскемен қаласы. Зерттеуге 50 адам қатысты – халықаралық бағдарламалар қатысушылары: 10 адам – «Тұран-Профи» бағдарламасының қатысушылары және 40 адам «Work and Travel USA» бағдарламасының қатысушылары.

Түйін сөздер: мәдени соққы, жеке тұлғаның ойлау ортасы, транспективті талдау, мәдениетаралық бейімделу.

Введение

Проблема смысла в настоящее время становится особенно актуальной в нашей стране, как в бытийной, так и в научной психологии. Социально-экономические и политические преобразования, происходящие в современном обществе в последнее десятилетие, привели к переоценке значимости многих фундаментальных ценностей, изменению социальных стереотипов и вызвали эффект массового когнитивного диссонанса и необходимость переосмысления своего места в обществе, личностных идеалов, ценностей, принятия на себя ответственности за результаты жизнедеятельности. Несоответствие сложившихся в сознании взрослого населения представлений и ожиданий с реальными изменениями социальной действительности выражается в неспособности интегрироваться в новую социокультурную ситуацию, снижении смысловой активности, что в итоге и является одной из основных детерминант психологической деформации личности, ее деструктивного поведения.

Научный аспект исследования проблемы состоит в том, что, несмотря на достаточную проработку смысловозначимой проблематики в зарубежной психологии такими учеными, как А. Адлер (Адлер, 1997), В. Франкл (Франкл, 1946), Ф. Феникс (Феникс, 2017), Дж. Ройс (Ройс, 1978), Дж. Пауэлл (Пауэлл, 1985), и повышение в последнее время интереса к смысловой сфере личности среди отечественных психологов, как А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 1975), (Леонтьев, 2017), Б.С. Братусь (Братусь, 1985), А.В. Серый (Серый, 2012), А.А. Пелипенко (Пелипенко, 2007), М.С. Яницкий (Яницкий, 2012), до сих пор вопрос психологической природы данного феномена является чрезвычайно актуальным.

Сегодня, в психологии по-прежнему остается нерешенной проблема комплексного подхода к исследованию смысловой сферы личности: существует терминологическая неопределенность самого понятия «смысл», пока еще не выработана сколько-нибудь единая точка зрения на содержание и структуру личностных смыслов. Еще не в полной мере выявлены действенные механизмы

и факторы, обеспечивающие продуктивное формирование, развитие и функционирование системы личностных смыслов.

Проблема трансформации смысловой сферы личности в настоящее время стоит особенно остро также в связи с образовательной и деловой мобильностью людей. Рост профессиональных и образовательных контактов, этнических миграций, развитие туризма и других видов активности, связанных с межкультурным взаимодействием и общением, становится характерным признаком современной жизни нашей страны.

В современной психологии наблюдается новый всплеск интереса к межкультурной адаптации, который впервые проявился в зарубежной психологии около полувека тому назад. Он был связан с послевоенным бумом в обмене студентами и специалистами, а также миграционными процессами. Во всем мире потребность в этих исследованиях значительно возросла в последние годы, поскольку миграционные процессы затронули еще большее число людей. Это касается и нашей страны, где современная политика открытого бизнеса и образования дает возможность многим гражданам учиться и работать в зарубежных странах, принимать иностранных визитеров.

Обучение и работа в других странах способствуют лучшему пониманию новой культуры и нового этноса. Индивид постепенно входит в новую для него социокультурную среду, осознает существование различных социальных структур и собственную принадлежность к какой-либо группе, которая может быть узкой (например, круг близких друзей, родственников) или широкой (например, профессиональная группа, народ). В связи с этим формируется система характеристик, которые имеют смысл объединения человека с другими людьми и определяют его позицию в обществе, отношение к ценностям, нормам группы, социальную перспективу и деятельность.

Вопросами межкультурной адаптации в настоящее время занимаются как зарубежные (А.Фёрнхем (Фёрнхем, 2001), Дж.Берри (Берри, 1974)), так и отечественные исследователи

(С.А. Арутюнов (Арутюнов, 1983), Н.Л.Иванова (Иванова, 2003), И.А.Мнацаканян (Мнацаканян, 2004), Н.М.Лебедева (Лебедева, 2011)). В процессе межкультурной адаптации имеет место такой феномен как «культурный шок», под которым понимается тревога, вызванная утратой ощущения того, что, когда и как нужно делать в новой для себя культурной среде.

Таким образом, трансформация смысловой сферы личности под влиянием феномена «культурного шока» участников международных программ обретает свою специфичность, что обуславливает актуальность данного исследования.

Основная часть

Проблема влияния «культурного шока» на трансформацию смысловой сферы личности участников международных программ может быть рассмотрена через призму процесса межкультурной адаптации, под которой понимается вид адаптации, связанный с проблемой межэтнических контактов, взаимодействия с новой культурой, этносом. Этнокультурная адаптация рассматривается как психологическое и социальное приспособление людей к новой культуре, чужим национальным традициям, образу жизни и поведению, в ходе которых согласовываются нормы и требования участников межэтнического взаимодействия, или как процесс и результат взаимодействия этнических групп в качестве единых и целостных субъектов межгруппового взаимодействия и самовосприятия Н.Л. Иванова (Иванова, 2006а: 91).

Межкультурная адаптация – это сложный процесс, в случае успешного завершения которого человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, принимая ее традиции и действуя в соответствии с ними, считает Б.И. Кононенко (Кононенко, 2003: 280). Выделяют внутреннюю и внешнюю стороны межкультурной адаптации. Внутренняя сторона выражается в чувстве удовлетворенности и полноты жизни, а внешняя – в участии индивида в социальной и культурной жизни новой группы, полном правом межличностном взаимодействии с ее членами.

Процесс межкультурной адаптации может быть успешным или нет. Успешной адаптацией может считаться межэтническая интеграция, при которой сохраняются этнокультурные особенности, свойственные каждой этнической группе. В то же время для такого объединения характерны элементы общего самосознания,

вхождения в общее «мы» (реальное или условное). Неуспешная адаптация характеризуется противоположными признаками, в частности утратой своих культурных особенностей, культурной идентичности.

Результаты этнокультурной адаптации зависят от личностных переменных, событий жизни и социальной поддержки, а также от знания культуры, степени включенности в контакты, от межгрупповых установок. Кроме того, этнокультурная адаптация относится к совокупности внешних поведенческих следствий связи индивида с новой средой, включая их способность решать ежедневные проблемы (в семье, в быту, на работе и в школе). Эта адаптация включает в себя психологический компонент (психологическая удовлетворенность и хорошее физиологическое самочувствие) и социокультурный компонент (то, как индивиды справляются со своей повседневной жизнью в новом культурном контексте), считает Н.Л.Иванова (Иванова, 2006б: 91).

В исследовании межкультурной адаптации сложным является вопрос о факторах межкультурной и социально-психологической адаптации, т.е. о тех условиях, которые влияют на успешность приспособления индивида к новой культуре и группе. Т.Г. Стефаненко отмечает, что длительность межкультурной адаптации определяется индивидуальными и групповыми факторами. Образование также является фактором, который влияет на успешность адаптации: чем оно выше, тем меньше проявляются симптомы культурного шока. По мнению Т.Г.Стефаненко, в целом успешнее адаптируются молодые, высокоинтеллектуальные и высокообразованные люди (Стефаненко, 2000: 187).

Важным условием успешной адаптации является также знание языка носителей новой культуры, которое не только уменьшает чувство беспомощности и зависимости, но и помогает заслужить доверие «хозяев». Одним из важнейших факторов, благотворно влияющих на процесс адаптации, является установление дружеских отношений с местными жителями. Личностные факторы очень разнообразны. На успешность адаптации влияют особенности характера, общения, когнитивная сложность и т.д. Групповые факторы связаны с характеристиками взаимодействующих культур, в частности со степенью сходства или различия между культурами.

Как было сказано выше, в процессе межкультурной адаптации большую роль играет уровень образования, в частности, участни-

ки международных программ имеют высшее образование, что можно считать фактором, снижающим уровень стресса адаптации к новой культуре. Более высокий уровень социальной компетентности, запас знаний, опыт интеллектуальной работы и общения, знание иностранных языков также способствуют более успешным контактам.

Большую роль в процессе адаптации играет мотивация, которая оказывается очень важным фактором успешной адаптации к новой этнокультурной среде. Исследования, проведенные Н.Г.Михайловой в Германии, показали, что те, кто в качестве причин перемещения в другую культуру указывают на возможности профессионального роста, будущее детей, стремление более полно реализовать себя, демонстрируют большую активность в изучении языка, поиске работы и т.д. (Михайлова, 2000: 31). Подобную активность можно отнести и к участникам международных программ, которые приехали в другую страну (даже с кратковременным визитом) с целью повышения своей профессиональной квалификации.

В Республике Казахстан услуги по получению дополнительного образования, повышения квалификации предоставляли и предоставляют такие учреждения как Международная Профессиональная Академия «Туран-профи» (стажировка в Германии) и программа обмена студентами Work and Travel USA, созданная Госдепартаментом США и зарегистрированная в Посольстве США в Казахстане.

Международная профессиональная академия «Туран-профи» в структуре образовательной корпорации «Туран» успешно функционировала на рынке образовательных и консалтинговых услуг с 2005 г., и предоставляла услуги по следующим направлениям:

- повышение квалификации работников министерств и ведомств;
- повышение квалификации руководителей и специалистов предпринимательских структур;
- обучающие языковые курсы;
- управленческий и бизнес-консалтинг;
- разработка вариантов решения проблем через моделирование бизнес-ситуаций посредством проведения организационно-деятельностных игр (ОДИ).

Коллективом МПА «Туран-профи» по заказу министерства экономики и бюджетного планирования РК реализовывалась международная программа «Курсы повышения квалификации руководящих работников и менеджеров в сфере

экономики РК». Участники программы, прошедшие конкурсный отбор, получали возможность прохождения профессиональной стажировки в Федеративной Республике Германии с посещением промышленных предприятий и возможностью прямых контактов с предпринимателями и созданием совместных проектов. Уникальность программы подтверждается достижениями её выпускников. Программа базировалась на принципиально новых подходах к обучению и развитию человека:

- на постоянной системной основе ведется подготовка специалистов для рыночной экономики РК;

- основная идея учебного процесса была направлена на то, чтобы создать такие условия для слушателей, в которых они могли бы по-новому проявиться, раскрыть свои уникальные способности;

- способности, которые проявляли слушатели на курсах, оформляются и развиваются в логике становления деловых людей новой формации.

Ассоциации выпускников до сих пор успешно применяют на практике полученные знания и навыки и реализуют самостоятельные консультационные проекты по поручению местных администраций, организуют такие мероприятия как специализированные конференции, а также региональные и международные биржи контактов и публикуют собственные разработки. В настоящее время ряд выпускников программы реализуют свои разработанные бизнес-проекты в всех регионах Казахстана.

Программа обмена студентами Work and Travel USA – самая популярная программа студенческого обмена в мире. Ежегодно по этой программе более 100 000 студентов со всех стран мира посещают США. В 1998 г. через Центр Международного обмена впервые 17 студентов РК посетили США по программе Work and Travel USA, а уже в 2006 г. количество участников увеличилось до 1500 студентов. Участники программы получают студенческую визу J-1, которая позволяет находиться и работать в США во время летних каникул. При всех достоинствах данного обмена студентов не минует процесс межэтнической адаптации, где люди сталкиваются с такими явлениями как ностальгия (тоска по родине), привыкание к новой культуре, стилю жизни и питанию, общение на чужом языке, жизнь по правилам другой страны и т.п.

При анализе феномена «культурного шока» мы отметили, что этнокультурный шок – это

критическая фаза процесса межэтнической адаптации, тревога вследствие потери привычных знаков и символов социального взаимодействия. Результаты последних эмпирических исследований, в том числе отечественных исследователей-практиков О.Х. Аймаганбетовой (Аймаганбетова, 2006: 75) Ж.Д. Жукешевой (Жукешева, 2005: 151), ставят под сомнение универсальность «U- и W-образных кривых»: при сильном отличии этнических культур друг от друга пребывание в иной этнической культуре может сразу начинаться с чувств фрустрации и замешательства, т.е. происходит выпадение первых этапов адаптации к иной социокультурной среде.

Кроме того, по мнению Б.В. Дашидорджиевой, межэтническую адаптацию можно считать завершенной или долгосрочной только этапом независимости – когда произошли относительно стабильные изменения индивида в ответ на требования среды: на социальном уровне – принятие новых социальных ролей, на психологическом – оценивание ценностей иной этнической культуры как своих собственных, активное использование их и внесение в этническую культуру собственных смыслов на основе внутренних критериев «правильности и истинности» (Дашидорджиева, 2009: 53).

Следует отметить, что барьер культур становится явным только при столкновении (или сопоставлении) родной культуры с чужими, отличными от нее: обычно странными, неприятными, шокирующими (Зинченко, 2007: 1). Выйдя за рамки своей культуры, то есть столкнувшись с иным мировоззрением, мироощущением, можно понять специфику своего общественного сознания, можно «увидеть» различие или конфликт культур (Тер-Минасова, 2004: 114), хотя конфликт, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, носит временный характер, и человек, открытый для восприятия иной культуры, может и должен их преодолеть (Бекова, 2007: 11).

Идея трансформации смысловой сферы также рассматривается в теории психологических систем В.Е. Ключко, в частности, в транспективном анализе. «Транспект» – это аналог понятия «становление», но такой аналог, который учитывает направление развития открытой самоорганизующейся (саморазвивающейся) системы как закономерно усложняющейся пространственно-временной организации. Поэтому и транспективный анализ – это анализ не только тенденциональный, но и хронотопический, учитывающий внутрисистемное со-бытие времени и

пространства. В понимании В.Е. Ключко транспективный – значит открывающий перспективу, выявляющий тенденции и направленность процесса развития, скрытые в самом этом процессе от того, кто только фиксирует факты появления новообразований, полагая их проявлением развития. Поэтому различаются «процесс онтогенетического развития», как он выступает в рамках принципа развития, и «процесс становления человеческого в человеке», механизмом которого является самоорганизация суверенной личности или самоорганизация «совмещенных» (термин Л.С. Выготского) психологических систем (мать и дитя, детско-взрослая общность) (Ключко, 1991: 10).

Среди всех психологических новообразований особый интерес для транспективного анализа представляют смыслы и процессы смыслообразования. В.Е. Ключко отмечает, что смысл является тем, в чем становление человека заявляет о себе наиболее выражено – в нем существуют времена (прошлое, настоящее, будущее). Он объективирует транспективу – общее направление движения системы «человек», которая благодаря особой роли психического в ее самоорганизации может рассматриваться как психологическая система.

Взаимодействие, обладая порождающим эффектом, производит смысл, выступающий для человека и в форме актуально переживаемого «здесь и сейчас» (настоящее), и в качестве сигнала о соответствии, появлении и пространстве внешнего «своего», которое пока еще не стало «своим» – не усвоено (присвоено, поглощено, персонифицировано), но уже предполагает будущее. Кроме того, смысл выражает себя и в виде условия, обеспечивающего появление в сознании человека конкретного сектора из области «чистой объективности» (избирательность отражения), и в форме готовности реализовать этот смысл определенным образом (установка) (Ключко, 2005: 36).

Транспективный анализ, по В.Е. Ключко, предлагает регистрацию моментов, точек, фаз, стадий, пространств, в которых возможность становится действительностью, и потому это такой анализ, который вскрывает историю осуществляемых ожиданий. В целом это анализ не движения, а анализ в движении (Ключко, 2005: 41,42).

Динамику ценностных ориентаций в процессе личностного развития рассматривали Э.Т.Адилова, О.Х.Аймаганбетова. В рассматриваемой ими модели развития системы ценностных

ориентаций личности «выделяются три основных процесса: адаптация, социализация и индивидуализация. Эти процессы, последовательно возникающие в указанном порядке и повторяющиеся на соответствующем новом витке личностного развития общие закономерности, в дальнейшем протекают одновременно. Каждый из этих процессов носит двойственный характер, отражающий на своем уровне баланс влияния индивида и среды на формирование ценностей и реализующийся посредством действия соответствующих парных механизмов: ассимиляции и аккомодации, идентификации и отчуждения, интернализации и экстернализации. Соответственно, можно предположить, что система ценностных ориентаций личности включает в себя три уровня, или пласта, сформированных этими тремя процессами: «защитные», «заимствованные» и «автономные» ценности» (Адилова, Аймаганбетова, 2006: 75)

Применительно к участникам международных программ, можно предположить, что процесс освоения и вхождения в новое жизненное пространство может быть созидающим процессом, т.е. это будет пространство для самореализации сущностных сил и потенций. В другом случае можно прогнозировать распад человека как психологической системы, который может происходить в форме «обвала ценностей» и мотивационной структуры, смысло-жизненных расстройств, депрессии, тревоги и т.д. В любом случае межкультурная адаптация будет сопровождаться теми или иными психологическими коллизиями, трансформациями, которые происходят на уровне смысловых составляющих образа мира участников международных программ, что будет выражено в особенностях их переживаний, возникающего «экзистенциального вакуума», стратегиях вхождения в новый образ жизни, принятии или отвержении новых ценностей и т.д.

Помимо этого, на процесс трансформации смысловой сферы личности участников международных программ могут оказывать влияние такие факторы как различия между культурами, субъективное восприятие другой культуры, особенности «родной» культуры и культуры страны пребывания.

Таким образом, межкультурная адаптация – это в широком смысле сложный процесс, в случае успешного завершения которого человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой. Успешное приспособление обычно определяется как ощущение

гармонии с ближайшим окружением, а основное внимание уделяется анализу чувства удовлетворенности, психологического благополучия и душевного здоровья «чужаков». Практически не затрагиваются возможные аккультурационные изменения. Это отражается в обращении к понятию «культурный шок» и к сходным с ним понятиям «шок перехода», «культурная утомляемость».

Под культурным шоком понимается этап межэтнической адаптации, общая ситуация, когда человек вынужден приспособливаться к новому порядку, при котором не работают ранее усвоенные культурные ценности и модели поведения. Он почти всегда ощущается как неприятный отчасти потому, что он неожидан, а отчасти потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры. При этом исследователи не исключают случаев, при которых встреча с иной культурой не будет оказывать стрессогенного, шокового воздействия, а наоборот, будет являться для определенного типа людей источником разнообразных положительных эмоций и ощущений. Культурный шок может играть позитивную роль и в том случае, когда первоначальный дискомфорт ведет к принятию новых ценностей и моделей поведения и, в конечном счете, служит источником саморазвития и культурного роста.

В эмпирической части исследования нам предстоит проверить выдвинутое предположение о влиянии «культурного шока» (позитивного или негативного) на трансформацию смысловой сферы личности участников международных программ.

Была выдвинута гипотеза – трансформация смысловой сферы участников международных программ после поездки по программе будет заключаться в следующем: рост уровня осмысленности жизни, стабилизации психического состояния, развитости внутреннего мира, повышение уровня толерантности и самостоятельности.

Содержательный обзор методологических подходов к исследованию ценностно-смысловой сферы личности дали М.С. Яницкий и А.В. Серый (М.С. Яницкий, А.В. Серый, 2012а: 82). Они отметили, что «ни одна из описанных методик по отдельности не позволяет дать целостную характеристику её развития. Взаимодополняемость тестов, возможная при разработке специально подобранного «пакета», комплекса из перечисленных методик, на практике представляет собой достаточно сложную задачу, поскольку многие из них имеют различные и трудно совмес-

тимые теоретико-методологические основания» (Яницкий, Серый, 2012б: 95) Для изучения специфики влияния феномена «культурного шока» на трансформацию смысловой сферы участников международных программ нами были использованы следующие методы и методики:

- тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева (модифицированный вариант); (Леонтьев, 1992)

- личностный дифференциал (ЛД) В.Г. Бажина и Н. Эткинда (модифицированный вариант);

- опросник самооценки состояний психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности (САН);

- анкета, обработанная методом контент-анализа;

- методика предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева; (Леонтьев, 1999)

- методика «Кто Я?» М. Куна.

- для изучения особенностей трансформации ценностно-смысловой сферы участников международных программ дополнительно нами была составлена анкета – методическое средство для получения первичной социологической и социально-психологической информации на основе вербальной коммуникации, представляет собой набор вопросов, каждый из которых логически связан с центральной задачей исследования. Анкеты дают возможность получить информацию о больших группах людей путем опроса какой-то их части, составляющих представительную выборку. Конечно, достоверные результаты получаются лишь при тщательной разработке вопросов анкеты и при условии, что выборка достаточно точно отражает популяцию в целом. Можно получить результаты, отклоняющиеся от результатов опроса всей группы не более чем на 3-4% в обе стороны.

Составление анкет – процесс перевода основных гипотез исследования на язык вопросов – сложная и трудоемкая процедура. Анкета должна обеспечить получение такого содержания, которое правдиво по отношению к опрашиваемому и значимо по отношению к проблеме. Составление научно ценной анкеты – как правило, коллективная работа.

Первый этап в разработке – определение содержания анкеты. Это может быть набор вопросов о фактах жизнедеятельности опрашиваемого или же о его мотивах, оценках, отношениях. Если нужно знать также интенсивность мнения, то в формулировку вопроса включается соответствующая шкала оценок.

Второй этап в разработке анкеты – выбор нужного типа вопросов. Вопросы могут быть открытыми – позволяющими строить ответ в соответствии с желаниями опрашиваемого как по содержанию, так и по форме, и закрытыми – допускающими обычно лишь ответы «да» или «нет». По функции вопросы могут быть основными или наводящими, контрольными или уточняющими и пр. Тип вопроса может влиять на полноту и правдивость ответа. Что касается формулировки вопросов, то фразы должны быть, как можно более короткими, ясными по смыслу, простыми, точными и однозначными. Хорошие вопросы должны удовлетворять обычным критериям надежности и валидности.

Последний этап в составлении анкеты связан с определением количества и порядка задаваемых вопросов. Последовательность вопросов различна для разных типов анкетного опроса.

Анализ и интерпретация результатов исследования.

Первый этап нашего исследования – анализ результатов, полученных с помощью теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева.

На рисунке 1 представлен сравнительный анализ результатов теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева в выборке участников международных программ до и после поездки по международной программе.

На рисунке 1 мы видим, что значимых различий в показателях теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, полученных среди участников международных программ до и после поездки по международной программе, не наблюдается. Полученные значения по всем шкалам находятся в пределах средней нормы.

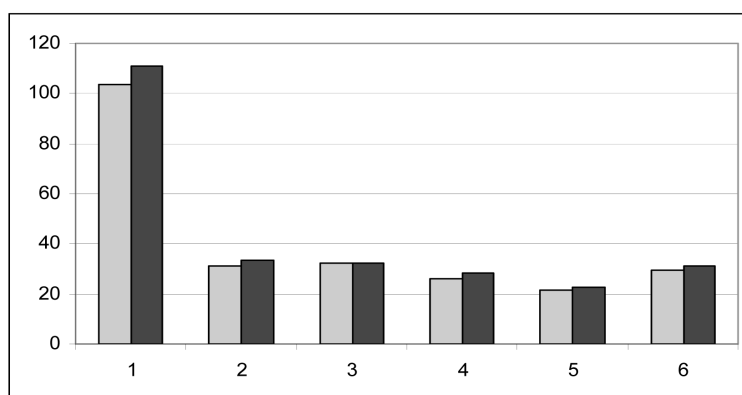
Можно сказать, что лишь по общей шкале осмысленности жизни (ОЖ) средние значения испытуемых-участников международных программ после поездки по программе (ср. 111,0) несколько выше средних значений до поездки по международной программе (ср. 103,5).

Далее нам необходимо провести сравнительный анализ с помощью t-критерия Стьюдента (Таблица 1).

Для данной выборки ($n = 100$) критические значения t-критерия Стьюдента составляют при $p \leq 0,05$, $t = 1,984$, при $p \leq 0,01$, $t = 2,626$. Мы видим, что $t_{\text{эмп}}$ в данном случае не превышает $t_{\text{кр}}$ во всех шкалах теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, что сви-

детельствует о статистической незначимости различий между участниками международных

программ до и после поездки по международной программе.

оу – средние значения;

ох – шкалы методики СЖО: 1 – осмысленность жизни (ОЖ); 2 – Цели; 3 – Процесс; 4 – Результат; 5 – Локус контроля Я;

6 – Локус контроля – Жизнь;

Ряд 1 – участники международных программ до поездки по программе; ряд 2 – участники международных программ после поездки по программе

Рисунок 1 – Сравнительная гистограмма средних показателей теста смысложизненных ориентаций (СЖО) участников международных программ до и после поездки по программе (n = 100)

Таблица 1 – Расчет t-критерия Стьюдента результатов теста смысложизненных ориентаций (СЖО) участников международных программ до и после поездки по международной программе (n = 100)

Шкалы СЖО	До поездки по международной программе	После поездки по международной программе	Расчет t-критерия Стьюдента
ОЖ	103,5	111,0	-0,0309
Цели	31,1	33,2	-0,0383
Процесс	32,2	32,1	0,0025
Результат	25,8	28,3	-0,0517
Локус контроля – Я	21,3	22,8	-0,0706
Локус контроля – Жизнь	29,6	33,1	-0,0281

Таким образом, качественный анализ показал, что у участников международных программ после поездки по международной программе более высокие оценки по шкале общей осмысленности жизни теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева.

Второй этап нашего исследования – анализ результатов личностного дифференциала (ЛД) В.Г. Бажина и Н. Эткинда (модифицированный вариант). Данная методика позволяет нам получить информацию о субъективных аспектах отношений испытуемых к себе и другим людям.

В таблице 2 представлен сравнительный анализ результатов личностного дифференциала (ЛД) В.Г. Бажина и Н. Эткинда с помощью χ^2 – критерия Пирсона (Таблица 2).

Для данной выборки критические значения χ^2 -критерия Пирсона составляют при $p \leq 0,05$, $\chi^2 = 5,991$, при $p \leq 0,01$, $\chi^2 = 9,210$. Мы видим, что $\chi^2_{\text{эмп}}$ в данном случае не превышает $\chi^2_{\text{кр}}$, т.е. статистических различий по позициям анализа в выборке испытуемых – участников международных программ до и после поездки не выявлено.

Таблица 2 – Расчет χ^2 -критерия Пирсона результатов личностного дифференциала (ЛД) В.Г. Бажина и Н. Эткинда участников международных программ до и после поездки по международной программе (n = 100)

Фактор	Уровень выраженности	До поездки по международной программе		После поездки по международной программе		Расчет χ^2 – критерия Пирсона
		кол-во человек	процент	кол-во человек	процент	
Оценка	высокий	9	18,0	7	14,0	1,78
	средний	31	62,0	37	74,0	
	низкий	10	20,0	6	12,0	
Сила	высокий	9	18,0	8	16,0	0,18
	средний	32	64,0	34	68,0	
	низкий	9	18,0	8	16,0	
Активность	высокий	9	18,0	6	12,0	0,74
	средний	34	68,0	35	70,0	
	низкий	7	14,0	9	18,0	

Анализ таблицы 2 позволяет сказать, что для участников международных программ как до, так и после поездки по международной программе по факторам «Оценки», «Силы» и «Активности» характерен средний уровень оценивания своих способностей и возможностей. Средний уровень проявления данных факторов (О; С; А) характеризует участников международных программ следующим образом: они способны адекватно оценивать себя как личность, удовлетворены своим поведением и достижениями. Адекватно оценивают свои волевые качества и собственные силы. Характерным является для них наличие самоконтроля своего поведения, действий. Зависимость от внешних обстоятельств для них не присуща. Средний уровень фактора активности показывает их стремление к общению и общительности, адекватность в проявлении эмоциональных реакций.

Итак, результаты личностного дифференциала показали, что критерии самооценки у участников международных программ по факторам оценки, силы, активности имеют средний уровень проявления. Для участников международных программ как до, так и после поездки по программе характерным является адекватное оценивание себя, своих действий, поведения, способностей, достижений и волевых качеств. Они общительны, эмоционально устойчивы и способны к самоконтролю себя, своей деятельности и поведения. Значимых различий ни при качественном анализе, ни при

сравнительном анализе по χ^2 -критерию Пирсона не отслеживается.

Обратимся к результатам, полученным нами с помощью опросника самооценки состояний психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности (САН). Данная методика позволяет нам оценить такие психические состояния, как «психическая активация», «интерес», «эмоциональный тонус», «напряжение» и «комфортность». Полученные данные о психических состояниях позволяют нам судить об особенностях эмоциональной сферы наших испытуемых.

В таблице 3 представлены сравнительные результаты опросника самооценки состояний психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности (САН) в группе участников международных программ до и после поездки по международной программе.

Для данной выборки критические значения χ^2 -критерия Пирсона составляют при $p \leq 0,05$, $\chi^2 = 5,991$, при $p \leq 0,01$, $\chi^2 = 9,210$. Мы видим, что $\chi^2_{\text{эмп}}$ в данном случае превышает $\chi^2_{\text{кр}}$, т.е. наблюдаются статистически значимые различия по всем позициям анализа в выборке испытуемых – участников международных программ до и после поездки.

Анализ таблицы 3, с учетом статистической значимости, позволяет нам сказать следующее. До поездки по международной программе большинство испытуемых – участников международных программ (70,0 % – 35 человек) отличаются

ся низкими оценками по фактору «Психическая активация», что выражается в пассивности, озабоченности, раздражительности, желанием отдохнуть. Тогда как после поездки по меж-

дународной программе по данному фактору оценки у большинства испытуемых – средние (52,0 % – 26 человек), что свидетельствует о стабилизации психического состояния.

Таблица 3 – Сравнительный анализ результатов, полученных по опроснику самооценки состояний психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности (САН) (n = 100)

Фактор	Уровень выраженности	До поездки по международной программе		После поездки по международной программе		Расчет χ^2 – критерия Пирсона
		кол-во человек	процент	кол-во человек	Процент	
Психическая активация	высокий	3	6,0	3	6,0	8,66*
	средний	12	24,0	26	52,0	
	низкий	35	70,0	21	42,0	
Интерес	высокий	10	20,0	16	32,0	13,71**
	средний	11	22,0	23	46,0	
	низкий	29	58,0	11	22,0	
Эмоциональный тонус	высокий	12	24,0	20	40,0	15,43**
	средний	9	18,0	20	40,0	
	низкий	29	58,0	10	20,0	
Напряжение	высокий	28	56,0	13	26,0	9,87**
	средний	22	44,0	36	72,0	
	низкий	0	0,0	1	2,0	
Комфортность	высокий	7	14,0	18	36,0	14,99**
	средний	11	22,0	19	38,0	
	низкий	32	64,0	13	26,0	

*значимость при $p \leq 0,05$
 **значимость при $p \leq 0,01$

По второму фактору «Интерес» до поездки по международной программе у половины участников программ оценки также были низкие (58,0 % – 29 человек). Это выражается в пассивности, рассеянности, вялости, медлительности, что подтверждает результаты, полученные по первому фактору. После поездки по международной программе у большинства испытуемых – участников программы (46,0 % – 23 человека) мы также видим некоторую стабилизацию состояния.

Следующий фактор – эмоциональный тонус. Мы видим, что по этому фактору у половины участников до поездки по международной программе (58,0 % – 29 человек) низкие баллы.

Это проявляется в пониженном настроении, в вялости, взволнованности. После поездки у большинства испытуемых оценки средние (40,0 % – 20 человек) и высокие (40,0% – 20 человек). Это может выражаться в активности, хорошем настроении и т.п.

Четвертый фактор – напряжение. До поездки по международной программе у большинства испытуемых мы диагностировали высокий уровень напряжения (56,0 % – 28 человек). Тогда как после поездки по международной программе уровень напряжения у большинства испытуемых (72,0 % – 36 человек) снизился до среднего уровня.

Соответственно, мы видим, что если у большинства испытуемых до поездки по международной программе был низкий уровень комфортности (64,0% – 32 человека), то после поездки уровень комфортности – средний (38,0 % – 19 человек) и высокий (36,0 % – 18 человек).

Таким образом, психическое состояние у участников международных программ перед поездкой в целом характеризуется озабоченностью, напряженностью, дискомфортом, снижением эмоционального тонуса и интереса. Мы можем связать подобное состояние со стрессом перед поездкой, с состоянием неопределеннос-

ти. После поездки по международной программе состояние испытуемых несколько стабилизировалось, что объясняется разрешением стрессовой ситуации.

Проанализируем и обобщим результаты анкетирования (Таблица 4).

Первый вопрос анкеты: «Что вы ожидали от стажировки или практики за рубежом?» позволяет выявить ожидания участников программ. Мы видим, что участники международных программ, прежде всего, хотели бы познакомиться с культурой другой страны (78,0 % – 39 человек), завести новые контакты (72,0 % – 36 человек) и получить новые знания (68,0 % – 24 человека).

Таблица 4 – Результаты анкетирования участников международных программ (n = 50)

Вопрос	Вариант ответа	Количество человек	%	Значение χ^2 – критерия Пирсона
1	новые контакты	36	72,0	28,00**
	новые знания	24	68,0	
	поиск новых партнеров	10	20,0	
	обмен опытом	14	28,0	
	узнать культуру другой страны	39	78,0	
	совершенствование языка	21	42,0	
2	найти профессиональные контакты	10	20,0	27,57**
	обмен опытом	10	20,0	
	заработать денег	27	54,0	
	получить навык общения в чужой стране	32	64,0	
	самореализоваться	9	18,0	
3	культурные различия	38	76,0	19,58**
	языковой барьер	41	82,0	
	финансовые затруднения	10	20,0	
4	языковой барьер	40	80,0	23,55**
	отсутствие близких людей	22	44,0	
	финансовые трудности	17	34,0	
	отсутствие связей	9	18,0	
5	получить теоретические знания	34	68,0	34,79**
	получить информацию о потенциальных партнерах	9	18,0	
	усовершенствовать язык	42	84,0	
	посмотреть другую страну	44	88,0	
	новые знакомства	48	96,0	
	раскрыть свой внутренний потенциал	21	42,0	
6	личные планы	32	64,0	12,71**
	налаживание профессиональных контактов	9	18,0	
	заработать денег	23	46,0	

7	изменило мой взгляд на мир	28	56,0	11,56**
	одно из значимых и интересных событий	10	20,0	
	хорошее испытание	12	24,0	
8	новые идеи и планы в бизнесе	22	44,0	1,73
	новые контакты и связи	31	62,0	
	раскрепощенность	24	48,0	
9	не возвращаться домой и остаться там	21	42,0	1,28
	хочется домой и еще раз туда съездить	29	58,0	
10	изменилось отношение к жизни	32	64,0	2,38
	расширение кругозора	21	42,0	
	быть ответственным	27	54,0	
	стал больше дорожить родными	29	58,0	
**значимость при $p \leq 0,01$				

Ответы на второй вопрос анкеты «Какие задачи вы предполагали там реализовать?» показали, что участники международных программ хотят получить навык общения в чужой стране, с другим языком и другой культурой (64,0 % – 32 человека) и заработать денег (54,0 % – 27 человек).

Также мы видим, что реализация поставленных задач была связана с определенными трудностями, в частности, с языковым барьером (82,0 % – 41 человек) и с культурными различиями (76,0 % – 38 человек), что относится к феномену культурного шока. Участники международных программ также указывают на то, что языковой барьер не позволил им реализовать свои планы полностью (82,0 % – 41 человек). Поскольку более высокий уровень социальной компетентности, запас знаний, опыт интеллектуальной работы и общения, знание иностранных языков способствуют более успешным контактам.

В то же время ответы на пятый вопрос анкеты: «Что удалось реализовать в рамках стажировки или практики за рубежом?» показали, что участникам удалось завести новые знакомства (96,0 % – 48 человек), посмотреть другую страну (88,0 % – 44 человека) и усовершенствовать язык (84,0 % – 42 человека). Не удалось участникам реализовать свои личные планы (64,0 % – 32 человека), что связано, прежде всего, с языковыми барьерами и межкультурными различиями.

Ответы на седьмой вопрос анкеты: «Какую роль в вашей жизни сыграла стажировка или практика за рубежом?» показали, что большинство участников программы (56,0 % – 28 человек) стали по-другому смотреть на мир.

В ответах на восьмой вопрос анкеты: «К чему привела международная стажировка или практика?» участники указали, что они смогли завести новые знакомства и связи (62,0 % – 31 человек).

В ответах на девятый вопрос анкеты: «Какое влияние оказала на вас стажировка или практика?» участники международных программ разделились на две группы: больше половины из них (58,0 – 29 человек) указали на то, что они хотели бы вернуться домой и по возможности еще раз съездить туда и 42,0 % (21 человек) указали, что они не вернулись бы домой и остались там.

Ответы на десятый вопрос анкеты: «К каким изменениям в работе, учебе, личной жизни подтолкнула вас стажировка?» показали, что пребывание за рубежом изменило жизнь участников международных программ в лучшую сторону. Так у 64,0 % (32 человека) изменилось отношение к жизни, 58,0 % (29 человек) больше стали дорожить своими родными, отношениями с ними и 54,0 % (27 человек) стали более ответственными, более серьезно стали относиться к планированию своей жизни. Это можно связать с влиянием другой культуры, другого менталитета, с тем, что участники имели возможность познакомиться с другими принципами ведения бизнеса.

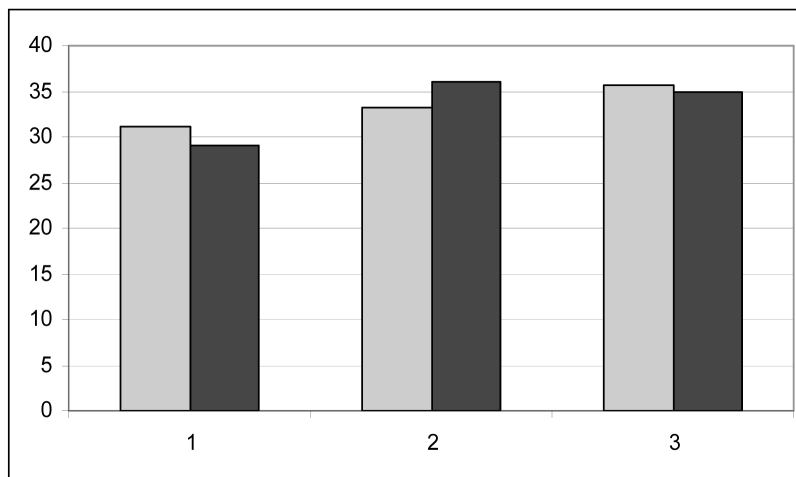
Таким образом, ожидания участников международных программ были связаны со знакомством с новой культурой, людьми и знаниями, в чем и заключались поставленные перед собой задачи. Основная трудность, возникающая при реализации поставленных задач, – это языковой барьер. Однако это не помешало

участникам международных программ завести новые знакомства, получить новые знания и усовершенствовать язык. После поездки по программе наши испытуемые стали по-другому смотреть на мир.

Дополнительно для исследования особенностей динамических смысловых систем сознания (ДСС) нами был использован метод предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева. Рассмотрим результаты контент-анализа диагностических показателей МПС, который направлен на выяв-

ление сравнительной частоты встречаемости в протоколах тех или иных типов категорий (ИД – индекс децентрации, ИР – индекс рефлексивности, ИН – индекс негативности).

На рисунке 2 наглядно представлен сравнительный анализ результатов по методу предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева, полученные в группе испытуемых – участников международных программ до и после поездки по программе по методу предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева.

оу – процент;

ох – типы диагностических категорий метода предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева: 1 – индекс децентрации (ИД); 2 – индекс рефлексивности (ИР); 3 – индекс негативности (ИН);

Ряд 1 – участники международных программ до поездки по программе; ряд 2 – участники международных программ после поездки по программе

Рисунок 2 – Процентное распределение диагностических категорий метода предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева участников международных программ до и после поездки по программе (n = 100)

Исходя из данных, представленных на рисунке 2, мы можем сделать следующий вывод. Контент-анализ показал практически равное соотношение по показателю индекса негативности (ИН) в выборке участников международных программ до и после поездки по программе. Это позволяет предположить, что испытуемые в некоторых случаях проявляют склонность к ограничению всякой активности, т.е. уходят от разрешения проблем, возникших в жизненных ситуациях.

Наибольший разброс данных мы видим в индексе рефлексивности (ИР). Анализ позволяет сказать, что после поездки по международной программе испытуемые – участники международных программ стали отличаться

большой развитостью внутреннего мира, осознанием собственного ментального функционирования. Мы связываем произошедшие изменения с поездкой по международной программе, где участники получили возможность развиваться, познавать другую культуру, общаться с представителями различных культур. Наблюдаются также некоторые расхождения по индексу децентрации (ИД), это выражается в том, что после поездки по международной программе у испытуемых стало меньше категорий данной группы. Это говорит о том, что участники в меньшей степени стали фиксироваться на себе и в большей степени стали связывать свою жизнь, помыслы и действия с интересами других людей.

В таблице 5 представлено сравнение результатов контент-анализа структурных индикаторов метода предельных смыслов (МПС)

Д.А. Леонтьева у участников международных программ до и после поездки по программе, сделанное с помощью χ^2 -критерия Фишера.

Таблица 5 – Расчет φ^* – критерия Фишера результатов контент-анализа структурных индикаторов метода предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева участников международных программ до и после поездки по программе (n = 100)

Структурные индикаторы	До поездки по программе		После поездки по программе		Значения φ^* -критерия Фишера
	частота встречаемости	процент	частота встречаемости	процент	
Индекс децентрации	92	31,2	87	29,0	$\varphi_{кр(31,2\%)}^* = 1,185,$ $\varphi_{кр(29,0\%)}^* = 1,137$ при $p \geq 0,01$ $\varphi_{эмп}^* = 0,321$
Индекс рефлексивности	98	33,2	108	36,0	$\varphi_{кр(33,2\%)}^* = 1,228,$ $\varphi_{кр(36,0\%)}^* = 1,287$ при $p \geq 0,01$ $\varphi_{эмп}^* = 3,032^{**}$
Индекс негативности	105	35,6	105	35,0	$\varphi_{кр(35,6\%)}^* = 1,279,$ $\varphi_{кр(35,0\%)}^* = 1,266$ при $p \geq 0,01$ $\varphi_{эмп}^* = 0,683$
** значимость при $p \leq 0,01$					

Критические значения φ^* – критерия Фишера для данной выборки составляют $\varphi_{кр}^* = 1,64$ ($p \leq 0,05$) и $\varphi_{кр}^* = 2,31$ ($p \leq 0,01$). Мы видим, что в данном случае статистическая значимость в процентном распределении результатов наблюдается по индексу рефлексивности.

Таким образом, мы можем говорить о том, что после поездки по международной программе участники действительно характеризуются большей развитостью внутреннего мира.

Метод предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева также направлен на изучение индивидуальной структуры мировоззрения. Выявление индивидуальной структуры мировоззрения осуществляется с помощью структурного анализа индикаторов, которые в совокупности отражают степень зрелости и развитости индивидуального мировоззрения.

На рисунке 8 представлен сравнительный анализ результатов по категориям структурного анализа метода предельных смыслов (МПС) в выборке испытуемых – участников меж-

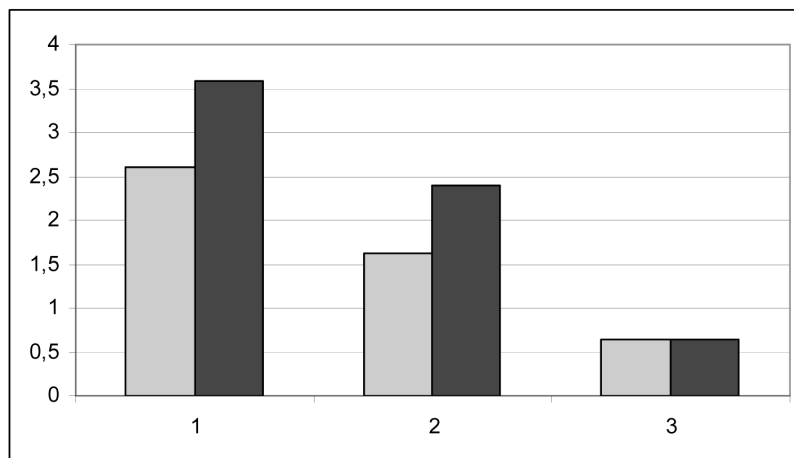
дународных программ до и после поездки по программе.

Показатели, представленные на рисунке 3, позволяют выделить следующие отличия средних значений в категориях структурного анализа испытуемых – участников международных программ до и после поездки по программе. По результатам метода предельных смыслов (МПС) можно сказать, что значимые различия мы видим по таким показателям как абсолютное число предельных категорий – N (ПК) и абсолютное число узловых категорий – N(УК).

Несмотря на полученные низкие значения по данным категориям, можно предположить, что структура мировоззрения стала более развитой у испытуемых – участников международных программ после поездки по программе. После поездки по программе также увеличилось число узловых категорий, что свидетельствует о большей разветвленности смысловых связей в структуре мировоззрения испытуемых. Несмотря на это, индекс

связности (ИСв) приближен к 0 как до поездки, так и после поездки по программе, что говорит о наличии ряда изолированных друг от

друга линейных связей цепей и является свидетельством несвязности структуры мировоззренческих представлений.

оу – среднее значение;

ох – категории структурного анализа метода предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева: 1 – абсолютное число предельных категорий (N (ПК)); 2 – абсолютное число узловых категорий (N (УК)); 3 – индекс связности (ИСв);

Ряд 1 – участники международных программ до поездки по программе; ряд 2 – участники международных программ после поездки по программе

Рисунок 3 – Распределение средних значений категорий структурного анализа метода предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева участников международных программ до и после поездки по программе (n = 100)

В таблице 5 представлено сравнение средних значений категорий структурного анализа метода предельных смыслов (МПС)

Д.А. Леонтьева у участников международных программ до и после поездки по программе по t-критерию Стьюдента.

Таблица 5 – Расчет t-критерия Стьюдента результатов метода предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева участников международных программ до и после поездки по международной программе (n = 100)

Категории структурного анализа	До поездки по международной программе	После поездки по международной программе	Расчет t-критерия Стьюдента
Абсолютное число предельных категорий (N (ПК))	2,6	3,6	-0,3829
Абсолютное число узловых категорий (N (УК))	1,6	2,4	-0,1611
Индекс связности (ИСв)	0,7	0,6	0,3780

Для данной выборки (n = 100) критические значения t-критерия Стьюдента составляют при $p \leq 0,05$, $t = 1,984$, при $p \leq 0,01$, $t = 2,626$. Мы видим, что $t_{эмп}$ в данном случае не превышает $t_{кр}$ по всем категориям структурного анализа метода предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева, что

свидетельствует о статистической незначимости различий в категориях структурного анализа участников международных программ до и после поездки по программе.

Таким образом, результаты методики МПС позволяют нам сделать следующий вывод. Пос-

ле поездки по международной программе испытуемые – участники международных программ стали отличаться большей развитостью внутреннего мира и осознанием собственного ментального функционирования. Также участники международных программ в большей степени стали воспринимать свою жизнь в контексте жизни других людей. Структура мировоззрения участников международных программ после поездки

по программе претерпела некоторые изменения: в частности, мировоззрение отличается большей развитостью и разветвленностью смысловых связей.

В таблице 6 представлены результаты контент-анализа понятий методики «Кто Я?» М. Куна в группе испытуемых – участников международных программ до и после поездки по программе.

Таблица 6 – Результаты контент-анализа методики «Кто Я?» М. Куна участников международных программ до и после поездки по программе (n = 100)

Понятие	До поездки		После поездки		Значение φ^* - критерия Пирсона
	количество выборов	%	количество выборов	%	
Интересный	27	54,0	36	72,0	1,29
Умный	21	42,0	26	52,0	0,34
Веселый	18	36,0	24	48,0	0,86
Открытый	17	34,0	31	62,0	4,08*
Уверенный	21	42,0	42	84,0	7,00**
Креативный	16	32,0	28	56,0	3,27
Общительный	27	54,0	39	78,0	2,18
Толерантный	17	34,0	36	72,0	6,81**
Сдержанный	12	24,0	17	34,0	0,86
Беспокойный	34	68,0	18	36,0	4,92*
Искренний	11	22,0	16	32,0	0,93
Неуверенный	37	74,0	16	32,0	8,32**
Пунктуальный	14	28,0	31	62,0	6,42*
Самостоятельный	22	44,0	46	92,0	8,47**
*значимость при $p \leq 0,05$ **значимость при $p \leq 0,01$					

Нами также была произведен расчет статистической значимости различий. Для данной выборки критические значения φ^* критерия Пирсона составляют при $p \leq 0,05$, $\varphi^* = 3,84$, при $p \leq 0,01$, $\varphi^* = 6,63$.

Итак, в таблице 6 мы видим следующее. До поездки по международной программе большинство участников характеризовали себя следующим образом:

- неуверенный (74,0 % – 37 человек);
- беспокойный (68,0 % – 34 человека);
- интересный (54,0 % – 27 человек);

– общительный (54,0 % – 27 человек).

Данный ряд понятий в большей степени отражает эмоциональные переживания испытуемых, что мы связываем с поездкой по международной программе. Выделенные испытуемыми в качестве ведущих коммуникативные качества указывают на важность общения для участников международных программ.

После поездки по международной программе большинство участников охарактеризовали себя следующими качествами:

- самостоятельный (92,0 % – 46 человек);

- уверенный (84,0 % – 42 человека);
- общительный (78,0 % – 39 человек);
- интересный (72,0 % – 36 человек);
- толерантный (72,0 % – 36 человек);
- открытый (62,0 % – 31 человек);
- пунктуальный (62,0 % – 31 человек);
- креативный (56,0 % – 28 человек);
- умный (52,0 % – 26 человек).

Мы видим, что практика за рубежом способствовала самостоятельности участников международных программ, что, соответственно, привело к росту уверенности в своих силах. Большинство участников международных программ после знакомства с представителями другой культурой, другой страны указали, что они в целом стали терпимее относиться к людям, принимать их. Этот факт можно объяснить феноменом культурного шока, когда успешное приспособление определяется как ощущение гармонии с ближайшим окружением.

Отметим также, что участники международных программ выделили такое качество, как

пунктуальность, что также можно связать с влиянием менталитета страны пребывания. Данный процесс мы можем связать с явлением межкультурной адаптации, в случае успешного завершения которого человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой.

Таким образом, полученные данные подтверждают выводы теоретической части нашего исследования. Действительно, встреча с новой культурой не всегда будет оказывать стрессогенное, шоковое воздействие. В ряде случаев такая встреча будет являться источником разнообразных положительных эмоций и ощущений. Другими словами, культурный шок может играть позитивную роль и служить источником саморазвития и культурного роста, что и было выявлено у наших испытуемых – участников международных программ.

Для большей наглядности, вывод по эмпирической части с учетом статистически значимых различий представлен в таблице 7.

Таблица 7 – Сводная таблица результатов эмпирического исследования

Методика	Участники международных программ до поездки по программе	Участники международных программ после поездки по программе
Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева (модифицированный вариант)	По всем шкалам теста участники показали средние показатели.	В целом жизнь стала более осмысленной.
Личностный дифференциал (ЛД) В.Г. Бажина и Н. Эткинда (модифицированный вариант)	У большинства испытуемых оценки в диапазоне средних значений. Для них характерным является адекватное оценивание себя, своих действий, поведения, способностей, достижений и волевых качеств. Они общительны, эмоционально устойчивы и способны к самоконтролю себя, своей деятельности и поведения.	
Опросник самооценки состояний психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфорта (САН)	Психическое состояние характеризуется озабоченностью, напряженностью, дискомфортом, снижением эмоционального тонуса и интереса.	Психическое состояние стабилизировалось.
Анкета	Ожидания участников международных программ связаны со знакомством с новой культурой, людьми и знаниями, в чем и заключались поставленные перед собой задачи. Основная трудность, возникшая при реализации поставленных задач, – это языковой барьер. Однако это не помешало участникам международных программ завести новые знакомства, получить новые знания и усовершенствовать язык. После поездки по программе наши испытуемые стали по-другому смотреть на мир.	
Метод предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева	Меньшая развитость внутреннего мира и разветвленность смысловых связей. В меньшей степени выражено осознание собственного ментального функционирования.	Большая развитость внутреннего мира и разветвленность смысловых связей. Большее осознание собственного ментального функционирования.
Методика «Кто Я?» М. Куна (модифицированный вариант)	Беспокойный и неуверенный.	Открытый, уверенный, толерантный, пунктуальный и самостоятельный.

Таким образом, мы видим, что эмпирическая гипотеза подтвердилась.

Действительно, трансформация смысловой сферы участников международных программ после поездки по программе будет заключаться в следующем: в росте уровня осмысленности жизни, стабилизации психического состояния, развитии внутреннего мира, повышении уровня толерантности и самостоятельности.

Полученные данные подтверждены методами математической статистики.

Выводы

В эмпирической части исследования была выдвинута следующая гипотеза – трансформация смысловой сферы участников международных программ после поездки по программе будет заключаться в следующем: рост уровня осмысленности жизни, стабилизации психического состояния, развитости внутреннего мира, повышения уровня толерантности и самостоятельности.

В соответствие с целью работы в первой части нашего исследования мы рассмотрели феномен «культурного шока» как источник трансформации смысловой сферы личности участников международных программ.

В зарубежной психологии понятие «смысл» представлено как всеобъемлющий, постоянно изменяющийся и никогда не исчезающий феномен, постигаемый человеком на протяжении жизни. Он наделяется свойствами отражения индивидуально избирательного отношения как к внешнему, так и внутреннему миру человека. В зависимости от теоретической ориентации авторов смыслы представляются в их концепциях субъективные и объективные, осознаваемые и неосознаваемые, истинные и явные, наблюдаемые и скрытые, внутренние и внешние, биологические и личностные, индивидуальные и социальные и др.

Кроме того, в зависимости от предмета изучения смыслы охватывают весь спектр жизнедеятельности человека: реакция, действие, деятельность, поведение, жизнь, существование. На различных уровнях взаимодействия человека с действительностью смысл выступает как сущность объектов, жизненная задача или цель. В соответствии с этим смысл предстает в виде смысла ситуаций, жизненной необходимости, смысла жизни, смысла мироздания.

В отечественной психологии смысл рассматривается через призму деятельности личности. В исследованиях российских авторов

смысл выступает как целостное образование, интегрирующее в себе эмоциональные и интеллектуальные составляющие, процессы субъективной реальности и объективные явления действительности, психологические и социальные факторы развития и функционирования личности.

Прослеживаемая в данных подходах тенденция к онтологизации характеризует смысл как явление многомерного мира человека, его жизненного пространства и позволяет говорить не о конкретных смыслах действия, объекта или жизни, а о смысловой реальности.

По определению Б.С. Братуся, под смысловой сферой личности понимается особым образом организованная совокупность смысловых образований (структур) и связей между ними, обеспечивающая смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах.

Рассматривая феномен «культурного шока» в процессе межкультурной адаптации, мы пришли к выводу, что вхождение в новую культуру сопровождается неприятными чувствами, как потеря друзей и статуса, отверженность, удивление и дискомфорт при осознании различий между культурами, а также путаница в ценностных ориентациях, социальной и личностной идентичности. Все люди, вступающие в межкультурные контакты, в той или иной степени сталкиваются с трудностями при взаимодействии с представителями других культур, чье поведение они не могут предсказать. Человек, попавший в чужую культуру, обнаруживает, что привычные ориентиры исчезли и замещены странными или неизвестными.

Чаще всего культурный шок имеет негативные последствия, но следует обратить внимание и на его позитивную сторону хотя бы для тех индивидов, у кого первоначальный дискомфорт ведет к принятию новых ценностей и моделей поведения и, в конечном счете, важен для саморазвития и личностного роста.

Эмпирическое исследование выявило следующие тенденции в трансформации смысловой сферы участников международных программ.

Результаты теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева показали, что до поездки по международной программе ярко выраженных тенденций в смысложизненных ориентациях выявлено не было. После поездки по международной программе у участников была выявлена большая осмысленность жизни.

Анализ результатов личностного дифференциала (ЛД) В.Г. Бажина и Н. Эткинда показал,

что критерии самооценки у участников международных программ, как до, так и после поездки по программе по факторам «Оценки», «Силы», «Активности» имеют средний уровень проявления. Для них характерным является адекватное оценивание себя, своих действий, поведения, способностей, достижений и волевых качеств. Испытуемые – участники международных программ общительны, эмоционально устойчивы и способны к самоконтролю себя, своей деятельности и поведения.

Результаты опросника самооценки состояний психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности (САН) показали, что психическое состояние участников международных программ перед поездкой отличается озабоченностью, напряженностью, дискомфортом, снижением эмоционального тонуса и интереса. Подобное состояние может быть вызвано состоянием «культурного шока», который характеризуется комплексом негативных переживаний. В то же время «культурный шок» может актуализировать жизненные силы и снизить первоначальный дискомфорт, что и произошло с участниками международных программ.

Результаты анкетирования дополнили наше исследование и показали, что ожидания участников международных программ перед поездкой были связаны со знакомством с новой культурой, новыми людьми и получением знаний. Однако для более полной реализации поставленных задач участникам помешал языковой барьер. В целом поездка по международной программе способствовала тому, что испытуемые стали по-другому смотреть на мир,

оценивать отношения с людьми, родными и близкими.

Рассмотрев и обобщив результаты метода предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева, мы можем сделать следующий вывод: участие в международной программе, несомненно, оказало влияние на структуру мировоззрения участников программы. Это выражается в следующем. После поездки по международной программе, участники будут отличаться большей развитостью внутреннего мира и осознанием собственного ментального функционирования, а также разветвленностью смысловых связей в структуре мировоззрения. Они также в большей степени стали воспринимать свою жизнь в контексте жизни других людей.

Методика «Кто Я?» М. Куна позволила нам выявить качественные различия в личностных характеристиках участников международных программ до и после участия в программе. Это выразилось в том, что до участия в международной программе испытуемые оценивали себя, как беспокойных и неуверенных в своих силах. Тогда, как после участия в международной программе испытуемые указали такие качества, как уверенность, открытость, толерантность, пунктуальность и самостоятельность.

Таким образом, выдвинутая нами эмпирическая гипотеза подтвердилась. Полученные данные подтверждены методами математической статистики.

Результаты эмпирического исследования могут найти применение в практической работе психологов, при проведении индивидуальных консультаций, при составлении тренингов для участников международных программ.

Литература

- Адилова Э.Т., Аймаганбетова О.Х. Основные теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценности» и «ценностные ориентации» // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. – 2006. – № 1. – С. 72-75.
- Аймаганбетова О.Х. Межэтнические отношения как предмет этнопсихологического исследования / О.Х. Аймаганбетова // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. – 2006. – № 1. – С. 72-75.
- Бекова Ж.К. Особенности механизма межэтнической адаптации личности в новой этнокультурной среде / Ж.К. Бекова // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. – 2007. – № 1. – С. 51-55
- Дашидоржиева Б.В. Лакуны и межкультурная трансформация в диалоге культур // <http://naukarus.com/lakuny-i-mezhkulturnaya-transformatsiya-v-dialoge-kultur> – 2009.
- Жукешева Ж.Д. Психологический феномен этнокультурной маргинальности в контексте трансформации этнической идентичности / Ж.Д. Жукешева: автореф. дис... канд. психол.н. – Алматы, 2005. – 25 с.
- Зинченко В.Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учеб. пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 224 с.
- Иванова Н.Л. Межкультурная адаптация студентов / Н.Л. Иванова, И.А. Мнацаканян // Вопросы психологии. – 2006. – № 5. – С. 90-99.
- Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М.: АСТ, 2003. – 512 с.
- Клочко В.Е. Инициация мыслительной деятельности / В.Е. Клочко: Автореф. дисс. ... д. пс. наук. – М.: Издательство МГУ, 1991. – 32 с.

Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трасспективный анализ) / В.Е. Клочко. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2005. – 174 с.

Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – М.: Смысл, 1992. – 16 с.

Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (МПС): методическое руководство. – М.: Смысл, 1999. – 36 с.

Михайлова Н.Б. Психологические исследования ситуации эмиграции / Н.Б. Михайлова // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 1. – С. 26-38.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Академический проект, 2000. – 320 с.

Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е издание, доработанное / С.Г. Тер-Минасова. – М.: изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

Яницкий М.С., Серый А.В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – №19(1). – С. 82-97.

References

Adilova E.T., Aimagambetova O.H. (2006) Osnovnye teoretico-metologiceskie podhody k izuceniu ponyatia «cennosty» I «cennostnye orientacii» [Basic theoretical and methodological approaches to studying the concepts of “value” and “value orientations”]. Bulletin of KazNU. A Series of Psychology and Sociology, no1, pp. 72-75.

Aimagambetova O.H. (2006) Meznetnicheskie otnosheniya kak predmet etnopsihologicheskogo issledovaniya [Interethnic relations as the subject of ethnopsychological research]. Bulletin of KazNU. A Series of Psychology and Sociology, no1, pp. 72-75.

Bekova Zh.K. (2007) Osobennosti mehanizma meznetniceskoi adaptacii licnosti v novoi etnoculturnoi srede [Features of the mechanism of interethnic adaptation of the individual in the new ethno-cultural environment]. Bulletin of KazNU. A Series of Psychology and Sociology, no. 1, pp. 51-55.

Dashidorzhieva B.V. (2009) Lakuny I mezhkulturnaya transformaciya v dialoge kultur [Lacunae and intercultural transformation in the dialogue of cultures]. <http://naukarus.com/lakuny-i-mezhkulturnaya-transformatsiya-v-dialoge-kultur>.

Zhukesheva Zh.D. (2005) Psihologicheskii fenomen etnokulturnoy marginalnosti v kontecste transformacii etniceskoy identichnosti [Psychological phenomenon of ethnocultural marginality in the context of the ethnic identity transformation]. Avtoref. dis ... cand. psychol. Almaty, pp. 152.

Zinchenko V.G. (2007) Mezhkulturnaya kommunikaciya. Ot sistemnogo podhoda k sinergeticeskoy paradigme: uchebnoye posobiye [Intercultural communication. From a systematic approach to the synergistic paradigm: studies. Manual]. V.G. Zinchenko, V.G. Zusman, Z.I. Kirnoze. M.: Flint: Science, pp. 224.

Ivanova N.L. (2006) Mezhkulturnaya adaptaciya studentov [Intercultural adaptation of students]. N.L. Ivanova, I.A. Mnatsakanyan. Questions of psychology, no. 5. pp. 90-99.

Klochko V.E. (1991) Inicaciya myslitelnoi deyatelnocti [Initiation of intellectual activity]. Abstract. diss. ... Ps. sciences. Moscow: Publishing House of Moscow State University, pp. 32.

Klochko V.E. (2005) Samoorganizaciya v psihologiceskih sistemah: problem stanovleniya mentalnogo prostranstva licnosti (vvedenie d transspetivnyi analiz) [Self-organization in psychological systems: problems of the formation of the mental space of the individual (introduction to the tracing-analysis)]. Tomsk: Tomsk State University Press, pp. 174.

Kononenko B.I. (2003) Bolshoy tolkovyi slovar po kulturologii [Great explanatory dictionary on cultural studies]. M.: AST, pp. 512.

Leontyev D.A. (1992) Test smyslohznisnennyh orientacii (SZO) [Test the meaning of life orientations (LSS)]. M.: Meaning, pp. 16.

Leontyev D.A. (1999) Metodika predelnyh smyslov (MPS): metodiceskoe rukovodstvo [The technique of limiting meanings (MPS): a methodological guide]. M.: Meaning, pp. 36.

Mikhailova N.B. (2000) Psihologicheskie issledovaniya situacii emigracii [Psychological studies of the emigration situation]. Psychological Journal, T. 21, no. 1, pp. 26-38.

Stefanenko T.G. (2000) Etnopsihologiya [Ethnopsychology]. Moscow: Academic Project, pp. 320.

Ter-Minasova, S.G. (2004) Yazyk i mezhkulturnaya kommunikaciya [Language and intercultural communication]: 2nd edition, revised / SG Ter-Minasova. M.: Publishing House of Moscow State University, pp. 352.

Yanitsky M.S., Seray A.V. (2012) Osnovnye metodologiceskiye podkhody k izucheniuyu tsennostno-smyslovoy sfery lichnost [The main methodological approaches to the study of the value-semantic sphere of personality]. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, no.19 (1), pp. 82-97.

Таипова М.К.¹, Копжасарова Р.С.²,

¹кандидат педагогических наук, профессор, e-mail: mariamtaipova@gmail.com

²магистрант, e-mail: 87017169511@mail.ru

Университет «Алматы», Казахстан, г. Алматы

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОФИСНЫХ СОТРУДНИКОВ

В статье рассматривается прикладное значение профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников. Подчеркивается, что понимание содержания и структуры профессионально-личностной компетентности является важной составляющей успешно функционирующей системы управления кадровыми ресурсами современной компании. Отмечается, что современный менеджмент постепенно расширяет инструменты управления кадрами, вбирая достижения различных сфер научного знания, в том числе – педагогики и психологии. Одним из ведущих достижений в данной области является внедрение компетентностного подхода в сферу деятельности системы менеджмента коммерческих организаций.

Раскрывается сущность профессионально-личностной компетентности как интегративного качества личности профессионала, авторами приводится подробный анализ компонентов профессионально-личностной компетентности, раскрывается механизм их взаимовлияния и развития.

На основании покомпонентного анализа офисных сотрудников в статье предлагается авторское определение профессионально-личностной компетентности, а также схема, отражающая ее структурно-содержательную характеристику. Отмечаются четыре основных компонента профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников, развитие которых в условиях корпоративной среды является необходимой задачей стратегического роста компании.

В статье последовательно обосновывается необходимость целенаправленного развития и совершенствования профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников с использованием современных подходов менеджмента, а также педагогики и психологии.

Ключевые слова: профессионально-личностная компетентность офисных сотрудников, развитие профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников, психолого-педагогические инструменты в современном управлении, развитие кадрового потенциала офиса.

Таипова М.К.¹, Копжасарова Р.С.²

¹Ph.D., professor, e-mail: mariamtaipova@gmail.com

²Master of Education, e-mail: 87017169511@mail.ru

“Almaty” University, Kazakhstan, Almaty

Essence and structural and content characteristics of the professional and personal competence of office staff

The article discusses the practical importance of professional and personal competence of office staff. It is emphasized that the understanding of the content and structure of professional and personal competence is an important component of a successfully functioning human resource in management system of a modern company. It is noted that modern management is gradually expanding tools of human management, incorporating the achievements of various spheres of scientific knowledge, including - pedagogy and psychology. One of the leading achievements in this area is introduction of a competence-based tools in the scope of the management system of commercial organizations. The article reveals the essence of professional and personal competence, as the integrative personality and professional characteristic.

The authors describe a detailed analysis of the components of professional and personal competence, reveal the mechanism of its development.

The article proposes the author's definition of professional and personal competence of office staff, and a scheme reflecting the structural and informative characteristics based on component-based analysis. There are described four main components of professional and personal competence of office staff, whose development in the corporate environment is a necessary task of the strategic growth of company.

The article consistently substantiates the need for purposeful development and improvement of professional and personal competence of office staff, using modern management pedagogy and psychology tools.

Key words: professional and personal competence of office staff, development of professional and personal competence of office staff, psychological and pedagogical tools in modern management, development of Human Resources.

Таипова М.К.¹, Копжасарова Р.С.²,

¹педагогика ғылымдарының кандидаты, профессор, e-mail: mariamtaipova@gmail.com

²магистрант, e-mail: 87017169511@mail.ru

«Алматы» Университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Кеңсе қызметкерлерінің кәсіби-тұлғалық құзыреттілігінің мәні және құрылымдық-мазмұнды сипаттамасы

Бұл мақалада кеңсе қызметкерлерінің кәсіби-тұлғалық құзыреттілігінің қолданбалы мәні қарастырылады. Кәсіби-тұлғалық құзыреттіліктің мазмұны мен құрылымын түсіну қазіргі заманғы компанияның кадрлық ресурстарын басқарудың табысты жұмыс істейтін жүйесінің маңызды құрамдас бөлігі болып табылады. Қазіргі заманғы менеджмент ғылыми білімнің түрлі салаларындағы, соның ішінде педагогика мен психологияның жетістіктерін таңдай отырып, кадрларды басқару құралдарын біртіндеп кеңейтіп келеді. Осы саладағы жетекші жетістіктердің бірі коммерциялық ұйымдардың менеджмент жүйесінің қызмет саласына құзыреттілік тәсілді енгізу болып табылады.

Кәсіби тұлғаның интегративті сапасы ретінде кәсіби-тұлғалық құзыреттіліктің мәні ашылады. Авторлар кәсіби-тұлғалық құзыреттілік компоненттеріне толық талдау жасайды, олардың өзара қарым-қатынасымен даму механизмі ашылады.

Кеңсе қызметкерлердің компоненттік талдауының негізінде осы мақалада кәсіби-тұлғалық құзыреттілікті авторлық анықтау, сондай-ақ оның құрылымдық-мазмұндық сипаттамасын көрсететін сызба ұсынылады. Корпоративтік орта жағдайында дамуы компанияның стратегиялық өсуінің қажетті міндеті болып табылатын кеңсе қызметкерлерінің кәсіби-тұлғалық құзыреттілігінің төрт негізгі компоненті атап өтіледі.

Мақалада менеджменттің қазіргі заманғы тәсілдерін, сондай-ақ педагогика мен психологияны пайдалана отырып, кеңсе қызметкерлерінің кәсіби-тұлғалық құзыреттілігін мақсатты дамыту және жетілдіру қажеттілігі дәйекті түрде негізделеді.

Түйін сөздер: кеңсе қызметкерлерінің кәсіби-тұлғалық құзыреттілігі, кеңсе қызметкерлерінің кәсіби-тұлғалық құзыреттілікті дамытуы, қазіргі заманғы басқаруда психологиялық-педагогикалық құралдары, кадрлық әлеуетін дамыту.

Введение

На современном этапе, в сфере управления персоналом возрастает значение понимания психологических основ взаимодействия сотрудников в процессе профессиональной деятельности.

Особенности коммуникативных навыков и психологических предпосылок формирования профессионально-целесообразного поведения выступают одним из ключевых факторов успеха современного менеджмента коммерческих организаций. Выстраивание гармоничных отношений внутри коллектива, а также формирование умений и навыков преодолевать трудности в процессе осуществления профессиональной

деятельности являются признаками эффективности модели управления любой современной компании.

Современный менеджмент, находясь на стыке экономических учений, социологии, а также передовых достижений педагогики и психологии, во главу угла ставит необходимость формирования целостного восприятия профессиональной деятельности личностью, а также создание условий для более эффективного самовыражения сотрудников через профессиональную активность.

В связи с этим компетентностный подход, ранее рассматриваемый лишь в рамках педагогической науки в условиях модернизации системы

образования на основании положений болонского процесса, постепенно проникает и в сферу профессионально-личностного взаимодействия казахстанского общества.

Тем не менее, на современном этапе не выработано единого подхода к определению понятия профессионально-личностной компетентности. Данная статья посвящена исследованию сущности и структурно-содержательной характеристики понятия профессионально-личностной компетентности, которая имеет базовое прикладное значение для дальнейших разработок и является крайне актуальной в сфере решения задач по повышению эффективности деятельности коллектива коммерческих организаций.

В настоящее время крайне важной прикладной задачей является научная разработка проблемы раскрытия сущности и структурно-содержательной характеристики профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников, поскольку фактически отсутствуют масштабные исследования, охватывающие специфику развития профессионально-личностной компетентности в рамках корпоративной культуры. Тем не менее, отдельные вопросы, связанные с проблемой совершенствования профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников, достаточно хорошо освещаются с позиции педагогики и психологии, разделов менеджмента, психологии трудовой деятельности и других научных дисциплин и их прикладных направлений.

Объектом исследования выступает профессионально-личностная компетентность офисных сотрудников.

Предмет исследования – структурно-содержательная характеристика профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников как инструмент в системе управления персоналом коммерческой организации.

Цель исследования – сформировать структурно-содержательную характеристику профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников.

Для реализации названной цели были осуществлены следующие **задачи**:

Выявить важность компетентностного подхода в современной системе управления персоналом коммерческой организации.

Выявить сущность профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников;

Сформировать определение профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников.

Определить структурные элементы профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников.

Разработать структурно-содержательную характеристику профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников.

Методы и подходы исследования

В ходе исследования были использованы методы теоретического исследования и эмпирические методы. В числе методов теоретического исследования использован контент-анализ для определения концептуальных позиций авторов по проблеме применения компетентностного подхода в целом и в сфере управления кадровым потенциалом в частности. Частными методами применения контент-анализа стали: библиографический метод, аннотирование и реферирование.

В числе эмпирических методов были использованы данные проведенного анкетирования, наблюдения, а также изучения опыта, полученного в ходе научно-педагогической практики.

Наблюдение было проведено в рамках изучения коллектива головного офиса ТОО МФО КМФ.

Наблюдение проводилось в течение шести месяцев, с 20 ноября 2017 по 25 ноября 2018. Наблюдение являлось открытым, включенным, лонгитюдным.

Анкетирование проводилось в течение одного календарного месяца и основной целью было прикладное изучение специфики компонентов профессионально-личностной компетентности. В ходе исследования были изучены основные частные элементы профессионального блока и личностного блока характеристик, на основе методологий социологических и педагогических исследований. В исследовании приняло участие 40 человек. Анкетирование было проведено с использованием закрытых вопросов, условно разделенных на четыре блока, соответствующих каждому компоненту профессионально-личностной компетентности:

- рефлексивный;
- социально-коммуникативный;
- профессиональный;
- деятельностный.

Рассмотрение результатов анализа позволило подтвердить тезис об интегративной природе профессионально-личностной компетентности, а также сформировать основные проблемы и направления внедрения разработанной структурно-содержательной характеристики профессионально-личностной компетентности.

Для достижения цели исследования и основных задач, в ходе разработки статьи был сделан упор на такие **подходы** как компетентностный, синергетический, голографический, стратометрический подходы, общепринятые в современной педагогике и психологии, а также социогуманитарных исследованиях.

Гипотеза исследования сформулирована следующим образом:

Профессионально-личностная компетентность офисных сотрудников представляет собой сложное, многокомпонентное явление, формирование которого и характер проявления обусловлены как базовыми личностными качествами, так и спецификой корпоративной среды.

Научно-прикладная значимость работы заключается в том, что впервые разработана структурно-содержательная характеристика профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников, с учетом которой выведено авторское определение. Данные положения настоящей статьи структурируют, упорядочивают и придают прикладную направленность ранее разрозненных прикладных исследований, посвященных отдельным аспектам профессионально-личностной компетентности. Положения, вводимые в научно-прикладной оборот впервые в рамках исследования, частично изложенного в данной статье, являются основой для совершенствования организационных и методических основ управления персоналом офиса, с учетом прогрессивных психолого-педагогических подходов, в частности – компетентностного.

Характеристика материала исследования

Сложность социально-экономических условий предопределяет острую необходимость в поиске механизмов повышения лояльности коллективов в процессе взаимодействия с коллегами, клиентами, руководством. Кроме того, выявление ключевых критериев и формирование развитой профессионально-личностной компетентности являются важнейшими факторами эффективной и бесперебойной работы коммерческой организации в рамках ее хозяйственной деятельности.

Ни одна компания на современных условиях не может отрицать, что кадровые ресурсы играют важнейшую роль в формировании репутации на рынке, их качество влияет на качество товаров и услуг в итоге, формирует определенное мнение целевой аудитории о компании, прежде всего, за счет впечатления о деятельности и ее сотрудников. Поэтому неуделение внимания вопросу профессионально-личностных компетентностей

сотрудников офиса является крайней опрометчивым, с точки зрения эффективности управления персоналом коммерческой организации.

Если раньше считалось, что для повышения качества кадровых ресурсов вполне достаточно эффективно формировать систему отбора кандидатов, то на сегодняшний день является неоспоримым положение, согласно которому кадровый потенциал нужно и можно развивать в процессе профессиональной деятельности. Для этого и существует концепция профессионального и личностного роста, которая должна быть составной частью политики управления любой компании.

С точки зрения психологии, личность является сложным, составным объектом, что предопределяет рассмотрение ее свойств с позиции различных подходов и под различным углом зрения.

С точки зрения педагогики и психологии, компетентностный подход представляет собой интеграцию общих принципов достижения целей образовательного процесса, отбора содержания и оценки его результативности. Непосредственным итогом является формирование ключевых компетентностей (Верещагина 2010:45-49). В отношении управления человеческими ресурсами ключевой целью является управление персоналом таким образом, чтобы обеспечивать эффективную деятельность компании через результативность деятельности сотрудников, в том числе, связанной с преодолением целого комплекса проблем межличностного взаимодействия в коллективе, а также с целевой аудиторией. В данном случае, мы видим сращивание теории управления персоналом и современных достижений психологии и социологии.

В компетентностном подходе принято выделять компетентности, связанные с различными уровнями деятельности индивида. Эти компетентности отражают направления взаимодействия индивида вовнутрь Ц внутриличностные, и вовне – социальный и деятельностный аспекты, которые отражают определенные качества, именуемые компетенциями, содержащими умения, знания и навыки (Спенсер, 2005:128-165).

Можно выделить следующие компетентности, упоминаемые в различных источниках:

- коммуникативная;
- познавательная;
- интеллектуальная;
- информационная;
- технологическая;
- культурологическая;

- психологическая;
- психолого-педагогическая;
- профессиональная;
- социальная;
- общекультурная (Кублицкая, 2017:54-59; Равен, 2002: 135; Брюховецкая, 2013: 143; Ризаходжаева, 2017: 103).

Стоит отметить, что перечисленные виды компетентностей встречаются у различных авторов и отражают в какой-то степени специфический подход к понятию компетентности с точки зрения различных отраслей человеческой деятельности. Кроме того, психологами и социологами выделяется личная компетентность, как интегративное качество, взаимосвязанное с прочими видами компетентности, лежащее в основе и одновременно формируемое развитием других видов компетентности в процессе личностного и профессионального развития (Пехова, 2011: 184-186; Родин, 2010: 14-19).

Сложность в понимании понятия профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников предопределяет сразу несколько факторов:

Разнообразие компетенций, которые в современном менеджменте существенно варьируются в условиях различий стандартов к подбору персонала и осуществлению им своих должностных обязанностей;

Существование огромного разнообразия классификаций в отношении собственно компетентности;

Отсутствие единых стандартов к применению компетентностного подхода в условиях управления персоналом.

На наш взгляд, стоит исходить из понимания целесообразности профессионально-личностной характеристики сотрудника как индивида, осуществляющего деятельность, направленную на достижение целей и задач рабочего коллектива, выраженного в достижении целей и задач предприятия в целом.

Исходя из этой позиции, коммуникативная, познавательная, интеллектуальная, информационная, технологическая, культурологическая, психологическая, а также общекультурная компетентности можно обрисовать как базовую личностную компетентность сотрудника. Что приводит к пониманию личностной компетентности как области психологической структуры осознанной личности, которая формируется на этапах личностного развития и в процессе профессиональной самореализации может корректироваться (Исалиева, 2017: 18-22).

В то же время профессиональная и социальная компетентности являются обусловленными спецификой профессиональной среды. Компетентностный подход, в котором формируется как личность и как профессионал на сегодняшний день молодой специалист, предопределяет необходимость постепенного и постоянного сквозного совершенствования профессиональных навыков и на основании сформированной личностной компетентности. Приобретение определенной профессии предполагает последующее профессиональное развитие в условиях трудового коллектива при осуществлении задач, предопределенных деятельностью компании. Иными словами профессиональная компетентность формируется в условиях непосредственного осуществления профессиональной деятельности сотрудников (Чалдини, 2016: 122).

Социальная компетентность имеет под собой базовые установки и формируется в процессе становления личности, но также и в процессе приобретения профессий проходит существенную корректировку в условиях в отдельно взятом коллективе. В этой связи, специфика коммерческой организации рассматривается сугубо индивидуально, как уникальная формирующая среда, характеризующаяся самобытными условиями, обуславливающими модель целесообразного поведения. Эта модель, с одной стороны, диктуется политикой управления персоналом и клиентской политикой, а с другой стороны, сложным механизмом социально-коммуникативного взаимодействия группы индивидов в процессе решения профессиональных задач (Чалдини, 2016: 124).

Очевидно, что для успешного взаимодействия и осуществления должностных обязанностей одинаковую важность приобретает как личная, так и профессиональная компетентности, тем не менее, нельзя рассматривать эти два понятия отдельно, так как их дальнейшее развитие и реализация происходят посредством социально-обусловленных механизмов, предполагающих адаптацию индивида к условиям социума (Хасанова, 2012: 312; Инкаров, 2007: 112).

В то же время, личные и профессиональные качества сотрудников влияют на итоговые результаты деятельности организации вне зависимости от ее сферы деятельности. При этом, в сфере, где требуется постоянный контакт с коллективом, человеческий фактор становится ключевым. Если речь идет о вертикально-интегрированных компаниях, компаниях, обладающих достаточно разветвленной филиальной сетью, развитость

профессионально-личностной компетентности руководящего персонала, и персонала координирующего деятельность отделений, оказывает прямое воздействие на качественные показатели работы всей организации (McClland, 1973: 143, HumanResourceDevelopmentInternational, 2005: 2014). Тем не менее, на современном этапе, несмотря на многообразие методов и подходов к оптимизации кадрового потенциала, его развития и подбора, не существует единообразной и научно-обоснованной модели развития профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников, как и не существует единого определения данного понятия. Это не позволяет в полной мере реализовывать потенциал психолого-педагогических инструментов для развития кадров как наиболее важных стратегических ресурсов компании. При этом, стоит отметить, что для разработки и внедрения модели развития профессионально-личностной компетентности последняя должна опираться на научно-обоснованную структурно-содержательную характеристику.

Этот факт позволил нам выявить наличие высокой прикладной значимости разработки структурно-содержательной характеристики профессионально-личностной компетентности, которая могла бы выступать организационно-методической основой для внедрения компетентностного подхода в систему управления кадровыми ресурсами компании.

Результаты исследования

Компетентность, по мнению большинства авторов, является характеристикой личности, включающей в себя определенные специфические качества. Изучение различных подходов к определению компетентности позволило разграничить понятия компетентности и компетенций. В ряде источников оба понятия представляются тождественными, но это далеко не так.

Компетенции представляют собой знания, умения и навыки частного порядка. В тоже время компетентность характеризует совокупность компетенций, позволяющую охватывать в ту или иную сферу деятельности индивида в профессиональной, социальной или коммуникативной средах.

При изучении понятия компетентности было отмечено многообразие подходов, которые рассматриваются различными авторами с позиции собственного профессионального интереса. Это позволяет говорить о том, что компе-

тентность оценивается в зависимости от того, с какой целью осуществляется анализ и каков итоговый круг интересов, который стремится экстраполировать специалист при изучении содержательной характеристики. Отмечая данную специфическую особенность, нами также было установлено, что профессионально-личностная компетентность офисных сотрудников не выводилась ранее как определение совокупности специфических характеристик, описывающих профессиональные и личностные аспекты компетентности сотрудников офиса. Тем не менее, полагаем, что если мы рассматриваем личность и её специфические профессиональные качества в отношении сотрудников офиса, то представляется целесообразным говорить о том, что профессиональный аспект является ведущим, так как выражает мотивационный импульс проявления компетентности и её аспектов вовне – в профессиональной деятельности.

Социальные аспекты также рассматриваются, но в рамках изучения личности, как проявляющиеся офисными сотрудниками те или иные личностные качества через призму профессиональной деятельности. При изучении профессионально-личностной компетентности целесообразно говорить о тех структурных элементах социально-коммуникативного компонента, которые характеризуют личность, активно взаимодействующую в профессиональной среде.

Рассматривая специфические особенности компетентности как граней личности, были отмечены на следующие особенности:

- профессионально-личностная компетентность проявляет способности развития в течение всей жизни;

- профессионально-личностная компетентность трансформируется под воздействием окружающей среды, которой может выступать как социальная среда, так и сфера деятельности, а также то информационное пространство, которое запечатлевается в процессе профессионального и личностного развития.

Стоит отметить, что на различных этапах развития компетентности в качестве формирующей среды выступают различные социальные среды. Так, в отношении личных аспектов наибольшее формирующее влияние оказывает семья и близкое окружение в ранние периоды формирования личности. В тоже время приобретение профессии и профессиональное становление определяет уже высшие реакции (реакции рефлексии), формируемые в ответ на

необходимость принимать решения для осуществления профессиональных задач. Иными словами, профессионально-обусловленные аспекты личности относятся к формируемым элементам профессионально-личностной компетентности.

Личностные аспекты компетентности формируются в раннем возрасте на основе опыта общения, в первую очередь, с семьей и наиболее близким окружением. Социальная компетентность развивается из опыта общения и приобретенной ранее личностной компетентности, и позднее влияет на характер адаптации в период профессионального обучения и становления.

Однако, неверно утверждать, что профессионально-личностная компетентность в своем личностном аспекте заканчивает свое формирование на этапе приобретения и применения профессиональных навыков. Это далеко не так. Личностные аспекты компетентности трансформируются под мотивирующим воздействием профессиональной среды в профессионально-целесообразные качества, а также их проявления.

В некоторых случаях, под воздействием профессиональной среды может формироваться и, казалось бы, не свойственные ранее личностные характеристики, но необходимые с точки зрения закрепления в том или ином коллективе или той или иной профессиональной среде.

Существенной специфической особенностью профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников можно считать тот факт, что профессиональную компетентность можно развивать целенаправленно, и по мере развития, можно трансформировать социальную и коммуникативную составляющие в зависимости от требований и социальных установок, свойственных той или иной корпоративной культуре.

В тоже время личностная компетентность в большинстве случаев достаточно сложно поддается корректировке без специально организованных мероприятий. Как показали результаты анкетного исследования, в аспекте личностных характеристик, влияющих на профессиональную деятельность сотрудников офиса, присутствуют личностные установки, сформированные в глубинных слоях подсознания, отрефлексированные в достаточной степени для того, чтобы проявлять устойчивые установки, которые могут в ряде случаев, скажем, препятствовать эффективному деловому общению.

Например, анкетный опрос выявил, что более 60% респондентов испытывают коммуникативные трудности, выраженные в слож-

ностях социальной адаптации, переживания обиды и неуверенности в общении. Более чем у половины коллектива была отмечена повышенная стрессовость. Среди наиболее сложных элементов рефлексивного компонента было отмечено наличие низкого опыта конструктивного поведения в неординарных ситуациях. Наиболее проблемные элементы деятельностного компонента отмечены в сфере проявления стратегического мышления и умения координировать, а также абстрагирования в непрофессиональной ситуации. С данными сферами проявления деятельностного компонента испытывают трудности более 50% сотрудников от всего коллектива. В отношении профессионального компонента наиболее уязвимыми являются профессиональные навыки ведения делового общения и умения удерживать внимание аудитории, а также координировать деловое общение, с которыми имеют трудности 55% опрошенных сотрудников. Согласно результатам анализа, было выявлено, что у большинства сотрудников присутствуют внутриличностные блоки к общению с коллегами в спорных ситуациях, что указывает не на повышенную конфликтность, а скорее на сложности ведения аргументации и повышенную стрессовость.

Если профессиональные качества и их изменение не нуждаются в каких-то дополнительных стимулах к совершенствованию, то в отношении личностных аспектов при попытке корректировки или совершенствования могут вызывать отторжение вплоть до отказа со стороны персонала компании.

Само изменение личностных установок может рассматриваться индивидом как наступление на свободу личности. В данном случае крайне важным прикладным аспектом применения структурно-содержательной характеристики является возможность проработки тех элементов структуры профессионально-личностной компетентности, которые необходимы непосредственно при работе в данной корпоративной среде, не затрагивая личностную сферу восприятия индивидом своего свободного пространства.

Исходя из данных базовых положений социологии и психологии, нами был сделан вывод о необходимости введения понятия «профессионально-личностная компетентность» применительно к особенностям офисных сотрудников, так как ключевые составляющие компетентности являются в совокупности и неразрывности ведущими в определении результативности, как

деятельности коллектива, так и деятельности системы управления им.

Соответственно профессионально-личностную компетентность офисных сотрудников можно определить как интегративное качество личности, сформированное, с одной стороны, уровнем его личностного развития и, с другой стороны, спецификой профессиональной деятельности, и направленное на осуществление профессионально-целесообразного решения задач, обоснованных спецификой деятельности организации как основной формирующей среды.

Исходя из выведенного определения, профессионально-личностную компетентность можно определить как сформированную следующими ключевыми элементами:

- первый блок: личностная компетентность;
- второй блок: профессиональная компетентности.

В рамках первого блока или личностной компетентности формирующими элементами являются коммуникативная, познавательная, интеллектуальная, информационная, культурологическая, психологическая, общекультурная компетентность.

В рамках второго блока или профессиональной компетентности формируются профессиональная, социальная и технологическая компетентности личности.

Стоит отметить, что эти два понятия взаимосвязаны и находятся в постоянном внутриличностном взаимодействии (Родин, 2010:15).

Ряд исследований подтверждают, что интеллектуальная компетентность формирует особый вид – интеллектуально-корпоративную компетентность, которая находится на стыке профессиональной компетентности и личной компетентности, являясь итогом и одновременно условием взаимосвязи различных компонентов уровня профессионально-личностного развития. Этот факт еще раз доказывает необходимость внедрения интегрального понятия профессионально-личностной компетентности применительно к описанию характеристики офисных сотрудников (Хасанова, 2012: 212; Инкаров, 2007: 112).

Содержание элементов профессионально-личностной компетентности определяется двумя уровнями сознательной деятельности индивида.

Эти два уровня также соответствуют критериям формирования и сформированности, то есть периоду допрофессиональной и периоду профессиональной деятельности.

Сформированностью у офисных сотрудников характеризуется в полной мере познавательная, культурологическая, интеллектуальная, психологическая и общекультурная компетентности и составляющие существенной доли социальной компетентности.

При этом формирующейся также в определенной степени можно назвать психологическую и интеллектуальную, в большей степени профессиональную, коммуникативную и социальную составляющие. Это объясняется тем фактом, что психологическая и интеллектуальная составляющие компетентности характеризуются определенным уровнем сформированности, который в достаточно высокой степени поддается изменению под воздействием профессиональной среды и целенаправленного управления ею со стороны менеджмента компании.

Иными словами целенаправленное воздействие на уровень профессионально-личностной компетентности должно происходить не на уровне личностного осознания, а на уровне индифферентных характеристик, индивидуализированных в процессе профессиональной активности.

Обобщение вышеназванных элементов в единую интегративную профессионально-личностную компетентность ставит вопросы о рассмотрении и ее компонентов. В качестве профессионально-целесообразного поведения в условиях корпоративной среды эти компоненты можно выделить как:

- социально-коммуникативные;
- рефлексивные;
- деятельностные;
- профессиональные (Ризаходжаева, 2017: 27-37).

Основную сложность представляет то, что содержание каждого из вышеназванных компонентов особенно в вопросах социально-коммуникативного взаимодействия внутри коллектива и в процессе взаимодействия с клиентами обуславливается в большей степени спецификой деятельности организации, нежели спецификой компетентностного подхода как научного метода в современном менеджменте. Другими словами, приведенная выше структурно-содержательная характеристика дает представление о профессионально-личностной компетентности как о матрице. Детальное наполнение этой матрицы зависит, с одной стороны, от многообразия должностных обязанностей коллектива и, с другой стороны, от особенностей коллектива, в котором сотрудники являются частью обособленной социальной группы, границы которой обозначены профессиональной деятельностью (рисунок 1).

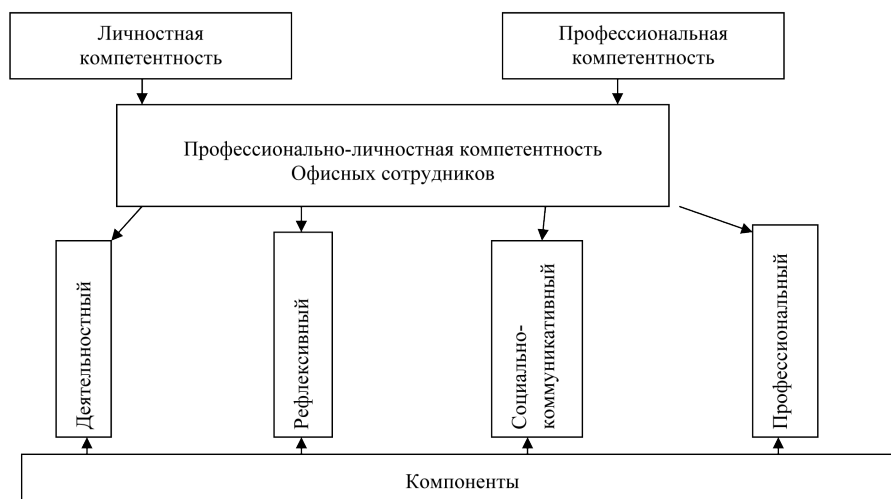

Рисунок 1 – Структурно-содержательная характеристика понятия «профессионально-личностная компетентность офисных сотрудников»

Специфика применения компетентностного подхода в условиях деятельности организации в отношении управления сотрудниками офиса предопределяет необходимость интегрированного подхода к определению компетентности сотрудников.

Компетентность сотрудников можно охарактеризовать как профессионально-личностную, наполненную, с одной стороны, личностными сформированными элементами, с другой стороны, профессиональными формируемыми качествами. Взаимосвязь этих элементов обуславливается перекрестным влиянием лично-социального и общесоциального опыта. Степень целенаправленности, последовательности и выраженности результатов формирования профессионально-личностной компетентности можно охарактеризовать как корпоративная культура офиса. Степень полезности корпоративной культуры офиса в условиях адаптации сотрудников влияет на адаптацию компании в целом к условиям изменения социально-экономических особенностей рынка и предпочтений клиента и может указывать на эффективность управления персоналом и его системность.

Создание оптимальных условий для развития профессионально-личностной компетентности сотрудников офиса формирует условия для успешной профессиональной деятельности, осуществления непосредственных должностных обязанностей наиболее эффективным образом, снижает уровень конфликтности в коллективе, повышает репутационные характеристики компании, а также позволяет осуществлять управление персоналом на системной основе с результатом, на который возможно влиять и который можно прогнозировать.

Создание условий для формирования профессионально-личностной компетентности создает дополнительные конкурентные преимущества и позволяет наиболее продуктивно задействовать кадровый потенциал в процессе достижения корпоративных целей. Значение изложенного выше исследования заключается в возможности целенаправленного формирования необходимого уровня профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников. Покомпонентное развитие профессионально-личностной компетентности офисных сотрудников делает процесс управления персоналом более контролируемым, предсказуемым, а результаты соизмеримыми с задачами компании.

Литература

- Human Resource Development International (2005). – Vol. 8. no 1. – 214 p.
 McClland D. C. (1973) Testing for competence rather than for «intelligence». – American Psychologist, 143 p.
 Брюховецкая Е.В. Анализ понятий «профессиональная компетентность» и «профессионально-педагогическая компетентность» // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XXV междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК., 2011. – С. 142-148.

Верещагина Л.А. Реализация компетентного подхода в психологии труда и организационной психологии // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12. Социология. – 2010. – С. 45-49.

Инкаров Б.Г., Таипова М.К., Сеитова Н.Ж. Компетентность и «Живучесть», как систеобразующие факторы конкурентноспособности специалиста // VIII Международная научно-практическая конференция «Непрерывное профессиональное образование в области технологии, конструирования изделий легкой промышленности». – М.: МГУДТ, 2007. – С. 112-115.

Исалиева С.Т. Исследование готовности к аналитической деятельности в разных сферах социальной практик // Научно-методический журнал «Педагогика и психология» КазНПУ. – 2017. – С. 18-22.

Коллинз Дж. От хорошего - к великому. Электронный ресурс. URL в точке доступа <https://www.mann-ivanov-ferber.ru/books/sse/good-great/>, дата обращения 23.12.2018

Кублицкая Ю.Г. Познавательная компетентность как предмет педагогического анализа // Современные проблемы науки и образования. – № 1. – 2017. – С. 54-59.

Пехова Н.Ю. Социология компетентности // Вестник экономики, права и социологии. – М.: МГУ им. М. Ломоносова, 2011. – С. 184-186.

Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация: пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», 2002. – 396 с.

Ризаходжаева Г. А. Формирование коммуникативной компетентности будущих специалистов в сфере туризма (на материале английского языка: дис.на соиск. еч. ст. PhD. – Туркестан: МКТУ им. Ходжи Ахмеда Яссави, 2017. – 154 с.

Родин Д.В. К вопросу о многообразии типов и видов компетентности персонала организации // Системное управление. – №3. – 2010. – С. 14-19.

Спенсер Л., Спенсер С. Компетенции в работе. М.: Когито центр., 2005. – С. 128-165.

Хасанова Г.Б., Исхакова Р.Р. Психология управления трудовым коллективом: Учебное пособие. – М.: ЛитРес., 2012. – 420 с.

Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. – Издание 5, пер. – М.: Мастера психологии, 2016. – 848 с.

References

Bryukhovetskaya E.V. (2011) Analiz ponyatiy «professionalnaya kompetentnost» i «professionalno-pedagogicheskaya kompetentnost» [Analysis of the concepts of “professional competence” and “professional and pedagogical competence]. Lichnost. semia i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii: sb. st. po mater. XXV mezhdunar. nauch.-prakt. Konf, Novosibirsk: SibAK.-pp.142-148

Chalдини R., Kenrick D. (2016) Sotsialnaya psikhologiya [Social Psychology]/ izdaniye 5.-per.. Moscow: Mastera psikhologii, 848 p.

Human Resource Development International, (2005), Vol. 8, no. 1, NY: Mode access, 214 p.

Inkarov B.G., Taipova M.K., Seitova N.Zh. (2007) Kompetentnost i «Zhivuchest». kak sisteobrazuyushchiye faktory konkurentnosposobnosti spetsialista [Competence and “Vitality” as system-forming factors of competitiveness of a specialist]. VIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Nepriyvnoye professionalnoye obrazovaniye v oblasti tekhnologii. konstruirovaniya izdeliy legkoy promyshlennosti».-Moscow: MGUDT, pp.112-115

Isaliyeva S.T. (2017) Issledovaniye gotovnosti k analiticheskoy deyatelnosti v raznykh sferakh sotsialnoy praktik [Research of readiness for analytical activity in different areas of social practice]Nauchno-metodicheskiy zhurnal: Pedagogika i psikhologiya, Almaty: KazNPU, pp.18-22

Khasanova G.B. (2012) Iskhakova R.R. Psikhologiya upravleniya trudovym kollektivom [Workforce Management Psychology]/Uchebnoye posobiye. Moscow: LitRes, 420 p.

Kollinz Dzh. Ot khoroshego - k velikomu [From good to great]. Web recurs, URL: <https://www.mann-ivanov-ferber.ru/books/sse/good-great/>, 23.12.2018

Kublitskaya Yu.G. (2017) Poznavatel'naya kompetentnost kak predmet pedagogicheskogo analiza [Cognitive competence as a subject of pedagogical analysis]. Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya, no 1, pp.54-59

McClland D. C. (1973) Testing for competence rather than for «intelligence», “American Psychologist”, no 28 (1), 143 p.

Pekhova N.Yu. (2011) Sotsiologiya kompetentnosti[Sociology of competence]. Vestnik ekonomiki. prava i sotsiologii. -Moscow: MGU im. M.Lomonosova, pp.184-186

Raven J. (2002) Kompetentnost v sovremennom obshchestve: vyyavleniye. razvitiye i realizatsiya[Competence in modern society: identification, development and implementation], Moskow: Kogito-Tsentr, 396 p.

Rizakhodzhaeva G. A. (2017) Formirovaniye kommunikativnoy kompetentnosti budushchix spetsialistov v sfere turizma (na materiale angliyskogo yazyka)[Formation of the communicative capacity of future specialists in the field of tourism] PhD dis.-Turkistan: MKTU im. Xodzhi Akhmeda Yacavi.-154 s.

Rodin D.V. (2010) K voprosu o mnogoobrazii tipov i vidov kompetentnosti personala organizatsii [On the issue of the diversity of types and types of competence of the organization's personnel]. Sistemnoye upravleniye, №3, pp.14-19

Spenser L., Spenser S. (2005) Kompetentsii v rabote[Competence in work]. Moskow: Kogito-Tsentr, pp. 128-165

Vereshchagina-L.A. (2010) Realizatsiya kompetentnostnogo podkhoda v psikhologii truda i organizatsionnoy psikhologii [Implementation of the competence approach in work psychology and organizational psychology]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta.Seriya 12-Sotsiologiya, pp.45-49

Абильмажинова О.С.¹, Джанбубекова М.З.²

¹PhD докторанты, Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті,
Қазақстан, Семей қ., e-mail: oryngul.a72@email.ru

²педагогика ғылымдарының докторы, Шәкәрім атындағы мемлекеттік университеті,
Қазақстан, Семей қ.

**БОЛАШАҚ МАМАНДАРДЫҢ ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫН
ДАМЫТУДА ИНТЕРАКТИВТІ ӘДІСТЕРДІ ҚОЛДАНУ**

Мақала жоғары оқу орнында болашақ мамандардың шығармашылығын дамытуда интерактивті әдістерді қолданудың ыңғайлы жолдарын қарастыруға арналған. Шығармашылық дегеніміз – қайшылықтарды шешуге бағытталған, ол үшін жекелік қасиеттердің болуын талап ететін, жеке адам үшін немесе әлеуметтік мәні бар жаңалыққа әкелетін адам әрекеті болып табылады. Интерактивті оқыту әдістерін тиімді пайдаланып, алға қойған мақсатқа жету үшін, белсенді оқытудың өзіндік талаптарын есепке алып, алғы шарттарын қанағаттандыру көрсетілген. Психологиялық тұрғыдан алғанда, интерактивті оқытудың тиімділігінің сыртқы көрсеткіштері ретінде болашақ мамандардың бірлескен әрекет ережелерін мойындай отырып, өзара әрекеттесуге ұмтылуын, топтық рефлексияның дамып, ұжымдық ынтымақтастықтың қалыптасуын, ал әсерлілігінің ішкі көрсеткіштері ретінде болашақ мамандардың өз міндеттері мен құқықтарын түсіне отырып, өзара әрекет дағдыларын меңгеріп, топтық жұмысқа дайын болуын, оқу әрекетінің субъектісіне айнала отырып, өзіндік рефлексиясының дамуына әкелетіндігі анықталған.

Оны шешу үшін ең алдымен оқыту мазмұны жаңартылып, әдіс-тәсілдің озығы өмірге келуі, олар әрбір азаматтың жеке басының қасиеттерін, қабілеттерін дамытып, шығармашылығын, талантын ұштайтындай болып ұйымдастырылуы қажет. Сонда ғана жоғары оқу орындарынан өз өміріне өзгеріс енгізе алатын, өз бетінше өмір сүру жолдарын таңдай алатын азаматтар тәрбиеленіп шығатындығы айқындалған.

Түйін сөздер: шығармашылық, интерактивті әдістер, тұлға, әрекет, қабілет.

Abil'mazhinova O.S.¹, Dzhanbubekova M.Z.²

¹PhD student, Kazakh Humanitarian Law Innovative University, Semey, Kazakhstan,
e-mail: oryngul.a72@email.ru

²Doctor of pedagogical science, Shakarim State University, Semey, Kazakhstan

The use of interactive methods for development of future specialists' creativity

The article discusses the best ways to use interactive methods in higher education for the development of creativity of future specialists. The basic conditions for the implementation of the goal of effective use of interactive methods, taking into account the basic requirements of active learning. From a psychological point of view of external indicators of the effectiveness of interactive learning tend to interact with future professionals, recognizing the collective behavior of a group developing reflexes, developing collective cooperation and understanding rights and responsibilities the future professionals as internal indicators of interactivity, the willingness to work, which leads to the development of self-reflection that becomes the subject of educational activities. To solve it, first of all, it is necessary to update the content of the educational process, and the best method is to develop the personality, skills, creativity and talent of each person. Only then will higher education institutions be able to educate citizens who are able to make changes in their lives and choose their own way of life.

Key words: creativity, interactive methods, personality, attitudes, abilities.

Абилямжинова О.С.¹, Джанбубекова М.З.²

¹докторантPhD, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, Казахстан, г. Семей, e-mail: oryngul.a72@email.ru

²Доктор педагогических наук, Государственный университет имени Шакарима, Казахстан, г. Семей

Использование интерактивных методов для развития творчества будущих специалистов

В статье рассматриваются оптимальные пути использования интерактивных методов в высшем учебном заведении для развития творчества будущих специалистов. Показаны основные условия для реализации цели эффективного использования интерактивных методов с учетом основных требований активного обучения. С психологической точки зрения, внешние показатели эффективности интерактивного обучения имеют тенденцию взаимодействовать с будущими специалистами, признавая коллективное поведение, развивая групповые рефлексии, развивая коллективное сотрудничество и понимая права и обязанности будущих профессионалов как внутренние индикаторы интерактивности, готовность к работе, что приводит к развитию саморефлексии, становящейся предметом образовательной деятельности.

Для ее решения, прежде всего, необходимо обновить содержание учебного процесса, и лучший метод – развить личность, навыки, креативность и талант каждого человека. Только тогда высшие учебные заведения смогут воспитать граждан умеющих вносить изменения в свою жизнь и выбирать свой собственный жизненный образ.

Ключевые слова: творчество, интерактивные методы, личность, установки, способности.

Кіріспе

Қазіргі таңда қоғамда болып жатқан өзгерістерге байланысты қоғам шығармашыл әрекет пен шығармашыл тұлғаға мұқтаж екенін күнделікті өмірдің өзі дәлелдеуде, осыған орай бүгінгі күні жоғары оқу орындары мен оқытушыларға үлкен талап қойылуда. Оқытудың басты мақсаты – шынайы өмірде болашақ мамандардың іс-әрекетінде қарым-қатынас жасай алу негіздерін қалыптастыру болып табылады.

Жаңаша көзқарастардың дамуы оқытуға ықпалын тигізуде. Студенттердің жан-жақты дамуына, сапалы білім алуына, өмірде жақсы көрсеткіштерге қол жеткізуінде оқу материалын жақсы меңгеруінің маңызы үлкен. «Шығармашылық» деген сөздің төркіні, этимологиясы «шығару», «ойлап табу» дегенге келіп саяды. Демек жаңа нәрсе ойлап табу, сол арқылы жетістікке жету деп түсіну керек. Философиялық сөздікте: шығармашылық – қайталанбайтын, тарихи қоғамдық мәні бар, жоғары сападағы жаңалық ашатын іс-әрекет, – деп түсіндіріледі. Көрнекті психолог Л.С. Выготский «шығармашылық» деп жаңадан ашатын әрекетті атаған (Берікұлы, 2004).

Шығармашылық – бүкіл болмыстың, қозғалыстың, дамудың, бір сөзбен айтқанда, тіршіліктің көзі. Қоғам құбылыстарында жеке адамның ақыл-санасында, іс-әрекетінде, ішкі жан-дүниесінде шығармашылықтың табиғи тетіктері үздіксіз жүріп жатады. Адамның шығармашылыққа деген жанданысы, оның өз жекелігін, өз қабілеттерін іске асыруға деген жолын ашады.

Шығармашылықтың мәнін аша отырып, оның «әрекет» ұғымымен тығыз байланысты екенін анықтауға болады. Шығармашылық әрекет арқылы шығармашылық қабілеттер қалыптасады, әрі қарай дамиды. Шығармашылық іс-әрекет шығармашылық елес, шығармашылық ойлау арқылы қалыптасады. Ал шығармашылық ойлау деп ойдың жылдамдығы, ұшқырлығы, икемділігі, тапқырлығы, дәлдігі алынады (Тұрғынбаева, 2005).

Сонымен шығармашылық дегеніміз – қайшылықтарды шешуге бағытталған, ол үшін жекелік қасиеттердің болуын талап ететін, жеке адам үшін немесе әлеуметтік мәні бар жаңалыққа әкелетін адам әрекеті болып табылады.

Шығармашылығы дамыған тұлғаның ерекшелігі – жалпы зерделілігі, өзіндік ой түйю, мақсат қоя білетіндігі. Ал педагогтардың жұмысы қабілетті балаларды танып біліп, демеп отыру.

Бұл үлкен жауапкершілік артатын күрделі мақсат. Оны шешу үшін ең алдымен оқыту мазмұны жаңартылып, әдіс-тәсілдің озығы өмірге келуі, олар әрбір азаматтың жеке басының қасиеттерін, қабілеттерін дамытып, шығармашылығын, талантын ұштайтындай болып ұйымдастырылуы қажет. Сонда ғана жоғары оқу орындарынан өз өміріне өзгеріс енгізе алатын, өз бетінше өмір сүру жолдарын таңдай алатын азаматтар тәрбиеленіп шығады. Адам баласының сөйлей бастаған кезінен бастап, бүгінгі күнге дейін жеткен жетістіктері шығармашылықтың нәтижесі. Бұған бүкілхалықтық, жалпы және жеке адамның шығармашылығы арқылы келдік. Әр жаңа ұрпақ өзіне дейінгі ұрпақтың қол жеткен

жетістіктерін меңгеріп қана қоймай, өз іс-әрекетінде сол жетістіктерді жаңа жағдайға бейімдей, жетілдіре отырып, барлық салада таңғажайып табыстарға қол жеткізеді.

Ы. Алтынсариннің мұғалім міндеттері туралы, қалай оқыту керек, қалай оқу керек деген талаптары біздің зерттеулерімізде маңызы болды (Берікұлы, 2004). Ы. Алтынсарин бойынша оқытудың жеке әдіс-тәсілдеріне:

а) оқыту әдісі – бұл баланың білімге құштарлығын оятатын, кейіннен өз бетінше білім көтеруіне бастайтын жол.

ә) сабақта баланың ой-әрекетін жаттықтыру.

Шығармашылық әр болашақ маманның жеке қабілеттері мен мүмкіндіктерін, танымдық іс-әрекеттері мен дағдыларының дәрежесін көрсетіп береді (Сабыров, 1996).

Осы мәселенің маңызы оқытушының міндеті, болашақ маманның бойында көрінбей тұрған мүмкіншіліктерін ашып көрсету. Осы міндеттерді орындауға оқытуда бірден-бір керегі – дұрыс, тиімді әдіс-тәсілдерді таңдап пайдалану. Бұл жұмысты дұрыс ұйымдастырған жағдайда болашақ маманның өз даму деңгейіне сәйкес ойы шыңдалып, белгілі бір жетістіктерге жетері сөзсіз. Педагог болашақ маманның өзін ізденуге жетелейді, ойлауға үйретеді, түрлі іс-әрекетке бағыттайды (Бұзаубақова, 2003).

Бұл бағытта болашақ мамандардың белсенділігін арттыруға мүмкіндік беретін әдістемелік тәсілдер «интерактивті» деп аталып жүр. Бұл әдістерді қолдану сырттай өте жеңіл көрінгенімен, өзіндік ерекшеліктері мен қиындықтары да бар.

Интерактив – ағылшынның «өзара әрекет» деген сөзі. Демек, интерактивті оқыту әдістері тұлға аралық қарым-қатынасқа негізделі отырып, «жеке тұлғаны дамытуға бағытталатын» қазіргі білім беру парадигмасын қанағаттандырады. Сонымен бірге, сапалы білім алудың алғы шарттары болып табылатын таным белсенділігі мен ізденіс дербестігін қалыптастырып қана қоймай, ары қарай дамытады (Әлімов, 2009).

Интерактивті оқыту әдістері дәстүрлі оқыту әдістерінен оқу үрдісінде болашақ мамандардың өзінің өмірлік тәжірибелерін пайдалану арқылы есте берік сақтауымен, мәліметтерді талдап, жинақтау арқылы жеке және кәсіптік қабілеттерін аша алуымен ерекшеленеді. Дегенмен, интерактивті оқыту қажетті ақпаратты игеруге уақытты көбірек бөлуді, бағалауда жаңа, күрделі өлшемдерді қолдануды қажет етеді және болашақ мамандардың танымдық іс-әрекетін басқаруда тәжірибесі аз оқытушыларға көптеген қиындықтар туғызады.

Интерактивті оқыту әдістерін тиімді пайдаланып, алға қойған мақсатқа жету үшін, белсенді оқытудың өзіндік талаптарын есепке алып, алғышарттарын қанағаттандыру керек (Жартынова, 2004).

Психологиялық тұрғыдан алғанда, интерактивті оқытудың тиімділігінің сыртқы көрсеткіштері ретінде болашақ мамандардың бірлескен әрекет ережелерін мойындай отырып, өзара әрекеттесуге ұмтылуын, топтық рефлексияның дамып, ұжымдық ынтымақтастықтың қалыптасуын, ал әсерлілігінің ішкі көрсеткіштері ретінде болашақ мамандардың өз міндеттері мен құқықтарын түсіне отырып, өзара әрекет дағдыларын меңгеріп, топтық жұмысқа дайын болуын, оқу әрекетінің субъектісіне айнала отырып, өзіндік рефлексиясының дамуын айтуға болады.

Психологиялық тұрғыдан алғанда, интерактивті оқытудың нәтижелілігінің сыртқы көрсеткіштері ретінде болашақ мамандардың топтық жұмыс ережелерін қабылдай отырып, нақты мақсаттар қоюға үйренуін, оқу топтарының жасақталып, қажетті оқу кеңістігінің қалыптасуын, ал табыстылығының ішкі көрсеткіштері ретінде болашақ мамандардың таным белсенділігі артып, жаңаша оқуға дайындықтарының жетіліп, өзара әрекеттесу дағдыларының дамып, ынтымақтастық ұжымның қалыптасуын айтуға болады. Жалпы алғанда, интерактивті оқытудың басты шарттары қауымдастық пен бәсекелестік болып табылады (Молдағалиев, 2006).

Топтың сандық құрамы оқыту немесе өзара әрекеттестіктің сапасын анықтамайды. «Өзара әрекеттестік» әдісінің өзекті ерекшелігі – ол ашу үрдісін білдіреді, оның мәні – болашақ мамандардың оқыту дағдыларын өзара әрекеттестік арқылы меңгеруі.

Интерактивті әдістерін қолданатын оқытушылар, тек ақпарат беретін және өздерінің қатысуынсыз берілген тапсырмаларды есте сақтауы нашар болады, болашақ мамандар қолдарындағы көтермелеуші қор – құрдастарының идеяларын пайдалана алмайды деп есептейді. Зерттеулердің «біз қолымызбен істегеннің 80 пайызын, оқығанымыздың 20 пайызын, естігеніміздің 10 пайызын ғана есте сақтаймыз» деген қорытындысын жиі естиміз.

Дайын білімді қабылдап алу арқылы қажетті икем-дағдыларды дамыту мүмкін емес. Сондықтан болашақ мамандардың арнайы іс-әрекет барысында икем-дағдыларды меңгеруі маңызды роль атқарады. Ол үшін оқыту білімді студенттердің өздігінен оқып-үйренуге бағытталуы керек (Кенжебеков, 2010).

Интерактивті негізде оқу мақсаты – білу емес, үйрене білу.

Болашақ мамандардан, шешу үшін кейбір нақты дұрыс жауабы жоқ, даулы мәселелерді неге беретіндігін сұрағанда, олар:

- өзіне деген сенімге тәрбиелейді;
- шешендік өнерін жетілдіреді;
- танымның мәнін түсінуге көмектеседі (яғни, кейде абсолютті шындық болмайтынын);
- сыни ойлау дағдыларын дамытады;
- өз пікіріне деген құқығын түйсінуге артады;
- пікірлердің көптігін түсінесің және т.б. деп жауап берген.

Жоғарыда аталғандарды «үйрене білу» деген ұғыммен жинақтауға болады. Яғни, үйрене білу – қажетті дағды, өйткені ол интеллектуалды тәуелсіздіктің негізі болып табылады және барлық дамыған және дамушы елдердегі азаматтар үшін қажет.

Өзара әрекеттесуге бағытталған үрдіс барысында студент істеп жатқан ісінің мәніне енеді. Болашақ мамандарға дайын жауаптары бар тапсырмалар бергенде, олардың танымдық белсенділік деңгейі жоғары болмайды. Ал, өз ойын тиянақтап, оны қорғау кезінде танымдық белсенділік деңгейі күрт артады.

Өзара әрекеттесу үрдісінің негізгі мәні өзара тәжірибе алмасу болмақ. Өйткені, болашақ мамандардың белгілі бір салада ортақ білімдері бар болғанымен, олардың тек өздері ғана білетін білімдері де бар екені айқын (Махмутов, 2010).

Танымдық іскерлікті қажетті интеллектуалды дағдылар деңгейіне қарай жіктеуге болады. Тиімді оқыту бағдарламасы болашақ мамандардың төмендегі іскерліктерін практикада қолдануды көздейді, олар:

- Фактілерді есте сақтау (аса көп күшті қажет етпейді);
- Құбылыстардың мәні мен маңызын түсіну;
- Білімдерді дағдылы және жаңа жағдайларда қолдану;
- Анализ (біз бір нәрсені құрамдас бөліктерге бөлу);
- Синтез (идеяларды жаңа нәрсе жасау үшін топтастыру);
- Бағалау (бір нәрсенің сапасы туралы пікір бөлісу).

Қоғамның дамуы осы аталған іскерліктердің барлығының болуын талап етеді, дегенмен білімдерді қолдану, синтездеу мен бағалау ішіндегі аса маңыздылары болып табылады (Рысбаев, 2014).

Жалпы интерактивті әдісті заманауи белсенді әдістердің бірі ретінде қарастыруға болады.

Интерактивті әдістерге келесі түрлерін жатқызуға болады: пікір талас, эвристикалық әңгіме, «миға шабуыл», рөлдік, «іскерлік» ойындар, тренингтер, кейс-әдіс, жобалар әдісі, көрнекілік мәліметтермен топтық жұмыс, бейне фильмдерді талқылау және т.б. Негізгі құзіреттіліктерін қалыптастыру көзқарасы бойынша, жаратылыстану-ғылыми пәндерді оқыту кезінде интерактивті әдістер ең маңыздысы болып табылады.

1. Жобалар әдісі. Қазіргі заманауи педагогикалық технологиялар арасында білім алушылар жобалық іс-әрекеттері негізгі құзіреттіліктерін қалыптастыруда білім алу – ең маңызды адекватты мақсат болып табылады. Жобалар әдісі жеке дамып келе жатқан дамушы технологиялар ретінде, әсіресе жеке іс-әрекеттердің нәтижелерін бағалау және жобалай алу, мәселелерді табу және шешу, өз бетінше ойлай білуге, шығармашылық бастамалары, білім алушылардың танымдық дағдыларын дамыту негізін жатқызуға болады. Жобалар әдісі білім алушылардың өз бетінше іс-әрекеттеріне, әсіресе белгілі уақыт аралығында жеке, жұптық, топтық орындайтын іс-әрекеттеріне үнемі бағытталған.

2. Кейс-әдіс. Кейс-әдіс (Case study) – экономикалық, әлеуметтік, тұрмыстық немесе басқа да күрделі жағдайлардың сипаттамаларында қолданылатын білім берудің техникасы. Білім алушылар кейспен жұмыс жасау кезінде болашақ мамандықтарына байланысты іздеу, әртүрлі білім салаларында қосымша ақпараттарды талдау жұмыстарын жүзеге асырады. Кейс әдісті басқа техникаларға қарағанда құрамына өзге күрделі емес таным әдістері кіретінін көрсетуге болады. Оған кіреді: моделдеу, жүйелік талдау, күрделі әдіс, ой тәжірибесі, сипаттау әдістері, классификациялары, пікір талас, ойын әдістері және т.б.

3. Зерттеу әдістері. Зерттеу әдісі кезінде білім алушылардан ең жоғарғы толық дербестікті талап етеді. Дегенмен, пәнді оқытудың алғашқы кезінде, педагогтың белсенді қатысуымен эвристикалық әдістерді топтағы әртүрлі деңгейдегі білім алушыларға қолданатынын ескеру қажет. Эвристикалық әдістерге білім алушылардың жаңа білімді өз бетінше іздеу мақсатында жүргізілетін әңгімелер, зертханалық жұмыс тапсырмалары жатады. Іс-әрекеттің бұл түрі ұжымдық талқылау жоспарынан кейінгі білім алушылардың өз бетімен педагогтың нұсқауынсыз тәжірибелік тапсырмаларды орындайтынын болжайды.

4. Пікір таластар. Оқу пікір таластары білім алушылардың тәртіп бойынша немесе өз

пікірлерін, ойларын, оқу мәселесі бойынша жорамалдарын өзара алмастыратынын көрсетеді. Пікір таластар субъектілердің өзара әрекеттесу формасы ретінде мамандандырылған білім мекемелерінде оқытушылардың тәжірибелік қызметінде соңғы уақытта қолданысқа көп ие.

5. Ойын әдістері. Ойын – әсіресе ересектер мен балаларға тән іс-әрекет түрі, сондықтан білім үрдісінде бұл іс-әрекет түрін пайдалану ертеректен белгілі, дегенмен жаратылыстану ғылымдарының негізін тануда еріксіз қызығушылығын арттыруы мүмкін, әсіресе іс-әрекеттің бұл түрін қолдану маңызды болып отыр. Ойынның іскерлік, еліктеушілік, рөлдік әртүрлі түрлерін пайдаланып, білім үрдісінде пәндік ағымында әртүрлілікті енгізуде оқу мәселесін шешуде берілген пәнді оқытуда жағымды мотивацияларын қалыптастырады. Ойын білім үрдісінде білім алушылардың белсенділігін жігерлендіреді және тіпті ең пассивтілерді тартады.

6. «Миға шабуыл» әдісі. Берілген әдіс, күрделі мәселелерді шешу бойынша ой туындауға бағытталған, күрделі тапсырмаларға пікір таластар ұйымдастыру барысында қойылған тапсырмаларды бірігіп шешу үрдісіне негізделген. Тапсырмада пәнаралық сұрақ немесе кәсіби маңызы бар тапсырма болуы мүмкін. «Миға шабуыл» әдісі білім алушылардың жоғарғы белсенді санының тартылып қатысуына мүмкін береді. Берілген әдісті сабақтың әртүрлі кезеңдерінде қолдануға: жаңа білімді енгізу үшін, білімдерін аралық бақылауда сапалы меңгеруге, алған білімдерін шыңдауға мүмкіндік береді. Қарастырылған интерактивті әдістерде құзіреттіліктерін қалыптастыру үшін жоғары кәсіби білім беретін мекемелерде әртүрлі пәндерді оқыту барысында қолданылуы мүмкін. Интерактивті әдістер қазіргі білім беру үрдісінде кең қолданысқа ие болып отыр. Бұл әдістерді жан-жақты меңгерген маман, сонымен қатар әртүрлі болашақ маман иелері және қазіргі білім алушылар үшін өте маңызды. Оқудың интерактивті әдістерін пайдаланудың жағымды сәттері немен тұжырымдалады? Интерактивті әдістерін пайдалану кезінде оқытушының рөлі күрт өзгереді, ол тек қана процестерді реттеп отырады және оны жалпы ұйымдастырумен айналысады, қажетті тапсырмаларды алдын ала дайындайды және сұрақтарды немесе топтарда талқылауға арналған тақырыптарды қалыптастырады, кеңестер береді, белгіленген жоспардың орындалу тәртібі мен уақытына бақылау жасайды. Қатысушылар әлеуметтік тәжірибеге – өзінің немесе басқа адамдардың тәжірибесіне жүгінеді, сон-

дықтан оларға бір-бірімен коммуникацияға түсуге, берілген тапсырмаларды бірігіп шешуге, кикілжіндерді болдырмауға, жақындасудың ортақ нүктелерін табуға, ымырашылдыққа баруға тура келеді. Психологтар оқу қарым-қатынасы жағдайында дәл қабылдаудың жоғарылайтынын қадағалаған, жаднама жұмыстарының нәтижелері артады, жеке тұлғаның – назар аудару тұрақтылығы, оны тарата білу сияқты интеллектуалдық, шығармашылық және эмоционалдық өзіндік ерекшелігі дамиды; әріптесінің іс-әрекетін оның дәлелдері мен мақсаттарын талдау қабілеті артады. Оқудың интерактивті әдістерінің артықшылығы қандай? Ең алдымен, интерактивті әдістер: студенттердің қызығушылығын туғызады; әрқайсысының оқу процесіне қатысу белсенділігін кеңейтеді; әрбір студенттің сезіміне назар аударады; оқу материалдарын тиімді меңгеруге бейімдейді; студенттерге көпжоспарлы әрекет етуге әсер етеді; кері байланысты (аудиторияның жауап беру реакциясын) жүзеге асырады; студенттердің пікірлері мен қарым-қатынастарын қалыптастырады; өмірлік машықтарды қалыптастырады; мінез-құлықтың өзгеруіне көмектеседі; шығармашылық тұрғыдан ойлау қалыптасады. Бұл үшін ең маңызды шарттар – интерактив бойынша тренингтік оқытушылардың жеке қатысу тәжірибесі. Оны ойынға жеке өзі қатысу «ми шабуылуы» немесе сөзсайыс жолымен ғана үйренуге болады.

Жоғары оқу орындарында, бүгінгі күнге дейін дәріс оқытуды ұйымдастырудың жетекші формасы болып табылатындықтан, біз дәрісті де қамтуды дұрыс деп есептедік. Студенттің оқу пәнімен алғашқы таныстығы содан басталады, ол жастарды лайықты мамандық пен ғылымға жетелейді, ғылыми білімдердің негізін қалайды. Жоғары оқу орындарындағы дәріс – оқытудың дидактикалық циклінің басты буыны. Егер дәріс ойлау қызметінің белсенділігін арттырған жағдайда, онда оқылатын жаңа оқу материалын студенттер жақсы меңгереді. Сондықтан дәрісте ең басты нәрсе – тыңдаушылардың ынта-ықыласын арттыру, олардың ойының дәріскер ойына еріп отыруы. Дәстүрлі дәрістердің басты кемшілігі кері байланыстың нашар болуында. Соңғы кездері ғылыми-әдістемелік және педагогикалық әдебиеттерде дәрістерді өткізуде интерактивті оқытудың құралдарын қолданатын жаңа инновациялық формалар сипатталуда. Біздің оқу орнында интерактивті дәрістер кеңінен қолданылуда. Бұндай дәрістерде кері байланыстың болуы міндетті. Интерактивті дәрістердің тиімді болуы

студенттердің сабаққа белсенді қатысуына, өзара белсенді араласуына байланысты. Интерактивті оқыту моделіне келесі сипаттамалар тән: шағын-дәрістер, топтардағы жұмыс, бақылау парағы немесе сынақ, рөлдік ойындар, жобаны әзірлеу, жағдайлық тапсырмаларды шешу, сарапшы топтарының пікір сайыстары, сұхбаттар, сұрақ – қыз (бақылау) және т.б.

Диалогтық әдіске негізделген дәріс сабақтарының жаңа формаларына тоқталайық.

1. Дәрісті өткізудің дәстүрлі емес формасы. Мәселелік (проблема) дәріс шынайы өмірдің қарама-қайшылықтарын оларды теориялық тұжырымдамалар негізінде бейнелеу арқылы моделдейді. Осындай лекциялардың мақсаты – студенттердің өз бетінше білім алуы. Мәселелік дәрістер студенттің өзіндік жұмыс істеу қабілетін, оның оқулық-танымдық белсенділігін арттыруға, алған білімдерін тәжірибеде қолдануға мүмкіндік береді.

2. Визуализациялық дәрістің негізгі мазмұны бейне түрінде беріледі (суреттер, графиктер, сызбалар және т.б.). Ол пайымдаудың белсенділігін арттыру және әр түрлі белгілік жүйенің көмегімен ақпаратты қайта кодтаудың тәсілі болып табылады.

3. Екі жақты дәріс. Мұндай дәріс түрінде сабақты екі оқытушы бір тақырыпта жүргізеді, олар қойылған мәселелік сұрақты өзара және аудиториямен байланысқа түсу арқылы шешеді. Дәрістің басты міндеті – қойылған мәселелік сұрақты шешуде студенттерді диалогқа шақыру арқылы оқытушылар арасындағы өзара мәдени қарым-қатынасты көрсету. Студенттер дәріс барысында өз ойларын ашық айта алады, сұрақтар қояды, талқыланып отырған мәселелік материалға қатысты өз қарым-қатынасын қалыптастырады, эмоционалды жағдайын көрсетеді.

4. Алдын ала қателермен жоспарлаған дәріс. Бұл дәріс түрі студенттерде мамандандырылған мәселелерді жедел түрде талдауды үйретуге, эксперт, оппонент, рецензент ретінде өз ойын білдіруге, шынайы немесе жалған ақпаратты анықтауды үйретуге бағытталған. Дәрісті әзірлеуде оқытушының басты міндеті мазмұндық, әдістемелік, мінез-құлықтық жағынан қателіктерді дәріске енгізу. Дәрісті түсіндіру барысында, қателерді оқытушы студент байқамайтындай етіп жасырады. Студенттердің міндеті дәріс өту барысында жіберген қателерді табу, сабақтың соңында қателерді ұсыну. Қателерді талқылауға 10-15 минут шамасында уақыт беріледі. Қателерді талқылау барысында

студенттер, оқытушы немесе ортақтасқан дұрыс жауаптар беріледі.

5. Пресс-конференция дәрісі. Дәріс формасы пресс-конференцияларды өткізумен ұқсас. Дәріс ерекшелігі келесіде: оқытушы дәрістің тақырыбын атайды және студенттерден тақырыпқа байланысты сұрақтарды жазбаша беруді сұрайды, әрбір студент 2-3 минуттың ішінде тақырып бойынша қызықтыратын сұрақтарды қағазға жазып, оқытушыға береді. Оқытушы 3-5 минут көлемінде сұрақтарды мазмұны бойынша сұрыптайды және дәрісті бастайды. Тақырып бойынша материалдарды берген кезде қойылған сұрақтарды да қамтиды. Дәрістің соңында оқытушы студенттердің сұрақтарына баға береді.

6. Әңгіме-дәріс. Оқу үрдісін өткізудің кең таралған және қарапайым түрі әңгіме-дәріс (аудиториямен диалог). Дәріс барысында оқытушы студенттердің барлығына немесе жеке сұрақтар қояды. Оқытушы сұрақтарды қоя отырып студенттерге жаңа материалдарды жеткізеді, студенттердің көңілін өзекті мәселелерге аударады. Мұндай дәріс түрін ұйымдастырғанда оқытушының міндеті – студенттердің ойлау қабілетін арттыру, пікір айтуға және қорытынды жасауға үйрету.

7. Пікір алмасу дәрісі. Дәрістің бұл түрінде оқытушы мен студенттер арасында талқыланып отырған мәселеге байланысты идеялер мен көзқарастар, ой алмасу еркін түрде жүреді. Дәрістің тиімділігі қойылатын сұрақтардың дұрыс таңдалғандығына, пікір алмасуды мақсатты бағытта жүргізгенге байланысты болады. Бұл дәріс түрі оқыту үрдісін жандандырады, аудиторияның танымдылық қызметін белсендіреді.

8. Нақты жағдайлық мәселелерді талқылау дәрісі. Бұл дәріс түрінде оқытушы нақты мәселелік жағдайды талқылауға шығарады. Оқытушы мәселелік жағдайды видео жазба, слайд, презентация ретінде ұсынады, сондықтан ол қысқа, бірақ оны талқылауға жетерліктей ақпаратпен қамтамасыз етілуі керек. Дұрыс әрі тиімді ұйымдастырған лекцияның тәрбиелік маңызы арта түседі, яғни, ойлау, еңбек әрекеті, пәнге деген ынта, ықылас және қызығушылық дамып, қалыптасады. Студенттердің шығармашылық ойлау қабілетін дамытады.

Оқытуды ұйымдастырудың төрт түрлі бағыты бар екені белгілі: студентке жеке өздігінен ізденуге мүмкіндік беру, студенттерге топтасып оқып-үйренуге жағдай жасау, студенттерді өздерін-өздеріне немесе өзара бағалату және іс-әрекет барысында білім игеруге жол ашу. Интерактивті оқыту әдістері дәстүрлі оқыту әдіс-

терінен оқу үрдісінде студенттердің өзінің өмірлік тәжірибелерін пайдалану арқылы есте берік сақтауымен, мәліметтерді талдап, жинақтау арқылы жеке және кәсіптік қабілеттерін аша алуымен ерекшеленеді. Дегенмен, интерактивті оқыту қажетті ақпаратты игеруге уақытты көбірек бөлуді, бағалауда жаңа, күрделі өлшемдерді қолдануды қажет етеді және студенттердің танымдық іс-әрекетін басқаруда тәжірибесі аз оқытушыларға көптеген қиындықтар туғызады. Интерактивті әдістерді университет тәжірибесіне енгізуді неден бастау керек деген сұрақта оқытушыларды ойландырады. Бұл әдіспен оқыту топтағы жағдайдың өзгеруін талап етері сөзсіз. Сондықтан студенттерде осы әдіспен жұмыс жасайтын оқытушы да белгілі бір уақыт дайындықтан өтулері қажет. Біздің пікірімізше оқытушы алдын ала біртіндеп интерактивті әдістерге құрылған – жұппен жұмыс, шағын топпен жұмыс тағы басқаларын ұйымдастырудан бастағаны абзал. Интерактивті әдістің дәстүрлі әдістерден артықшылығы студентті қозғалысқа түсіру енжар тыңдаушы емес, белсенді өз бетімен білім іздеуші, табиғат, қоғам заңдарын өз бетімен ашушы рөліне енгізу. Осындай тұрғыда тыныштықты бұзу қажет бұл – қозғалыс талдауға қатысу, пікірін дәлелдей білу, өзге көзқарас, пікірлермен санаса білу тәртіпсіздікті емес, ойлай білетін білімді, мәдениетті тұлғаны тәрбиелеу құралы. Қазіргі кезең дидактикасы интерактивті оқыту формасы мен әдістерінің дәстүрлі оқытуда мынадай негізгі айырмашылықтарын атап көрсетеді:

- Студенттердің танымдық қызметін міндетті түрде белсенді ету, шығармашылыққа баулу;

- Сабақта студенттің белсенділігін мүмкіндігінше ұзақ уақытқа көтеру;

- Студенттің проблемаларды шешу барысында (өз бетімен және топпен) жоғары деңгейде күш жігер салуы;

- Белсенді қызмет ету үшін эмоционалдық-еріктік жағдай тануы;

- Студент пен студенттер арасында қарым-қатынас үздіксіз тура және кері байланыстың болуы;

- Оқытушы қызметінің менеджер оқу үрдісін ұйымдастырушы, кеңесші рөліне ауысуы.

Жалпы интерактивті оқыту теориялық та, практикалық та тұрғыда зерттеуді қажет ететін дидактика міндеттерінің бірі болып саналады. Ал интерактивті оқыту формаларын, әдістерін пайдалану оқытушы мен студенттің қарым-қатынас жағдайын аса шеберлік, білімділік демократиялық бағытта уақыт талабына сай таңдауды қалайды. Оқыту үрдісінде жаңа тех-

нологияларды енгізіп интерактивті оқытуды пайдалану оқытушыларды шеберлік жағынан шыңдайтындығы дау тудырмайды. Интерактивті әдістерді пайдалану кезінде студенттер түсіну процесіне толыққанды қатысушылар болады, оның тәжірибесі оқу танымының негізгі қайнар көзі қызметін атқарады. Оқытушы дайын білімді бермейді, бірақ студенттерді өз бетімен ізденуге үйретеді. Білім берудің дәстүрлі нысандарымен салыстырғанда, интерактивті оқытуда оқытушы мен студенттің өзара әрекеттестігі ауысады: педагогтың белсенділігі студенттің белсенділігіне орын береді, ал педагогтың тапсырмалары олардың инициативасы үшін жағдай жасаушы болады. Бұл әдістерді игеру және қолдану үшін, оқытушыға топтық өзара әрекеттердің әр түрлі әдістемелерін білу қажет. Интерактивті оқыту өзара түсінікті, өзара әрекеттестікті, өзара байытуды қамтамасыз етеді. Интерактивті әдістер ешқандай жағдайда да дәрістік материалдардың орнын ауыстырмайды, бірақ оны жақсы меңгеруге септігін тигізеді және ең маңыздысы: пікірді, қатынастарды, мінез-құлық машығын қалыптастырады.

Интерактивті әдіске, сондай-ақ әр түрлі көмекші құралдарды пайдалана отырып: тақта, кітаптар, бейне материалдар, слайддылар, флип-чарттар, постерлер, компьютерлер және тағы басқа таныстырулар жатады. Сонымен қатар, оқу процесіне топтық пікірсайыстар, жазбаша мазмұндамалар және шығармалар, сұхбаттар, жастарды «тең-теңімен» қағидасы бойынша құрдастарымен жұмыс істеуге оқыту, бейнефильмдер мен бейнесюжеттерді қарап шығып талқылау, әртүрлі науқандар мен акцияларды өткізу. Интерактивті әдістер әмбебап болып табыла ма? Жоқ, интерактивті әдістер ешқандай жағдайда да сабақ өткізудің лекциялық нысанын алмастыра алмайды, бірақ лекциялық материалдарды жақсылап меңгеруге бейімдейді, ең маңыздысы сол, пікірлерді, қатынастарды, мінез-құлық дағдыларын қалыптастырады. Қатысушылар әлеуметтік тәжірибеге – өзінің немесе басқа адамдардың тәжірибесіне жүгінеді, сондықтан оларға бір-бірімен коммуникацияға түсуге, берілген тапсырмаларды бірігіп шешуге, кикілжіндерді болдырмауға, жақындасудың ортақ нүктелерін табуға, ымырашылдыққа баруға тура келеді. Психологтар оқу қарым-қатынасы жағдайында дәл қабылдаудың жоғарылайтынын қадағалаған, жаднама жұмыстарының нәтижелері артады, жеке тұлғаның – назар аудару тұрақтылығы, оны тарата білу сияқты интеллектуалдық, шығармашылық және эмоционалдық

өзіндік ерекшелігі дамиды; әріптесінің іс-әрекетін оның дәлелдері мен мақсаттарын талдау қабілеті артады. Оқудың интерактивті әдістерінің артықшылығы қандай? Ең алдымен, интерактивті әдістер: студенттердің қызығушылығын туғызады; әрқайсысының оқу процесіне қатысу белсенділігін кеңейтеді; әрбір студенттің сезіміне назар аударады; оқу материалдарын тиімді меңгеруге бейімдейді; студенттерге көпжоспарлы әрекет етуге әсер етеді; кері байланысты (аудиторияның жауап беру реакциясын) жүзеге асырады; студенттердің пікірлері мен қарым-қатынастарын қалыптастырады; өмірлік машықтарды қалыптастырады; мінез-құлықтың өзгеруіне көмектеседі; шығармашылық тұрғыдан ойлау қалыптасады.

Біз неліктен интерактивті әдістерге «иә» дейміз? Олар мыналарды:

- Жоғары уәжділікті;
- Тиянақты білімді;

- Қиялдау мен шығармашылықты;
- Тез тіл табысуды;
- Белсенді өмірлік көзқарасты;
- Командалық рухты;
- Жеке, дербестіктің құндылығын;
- Өз пікірін білдіру еркіндігін;
- Іс-әрекетке ерекше назар аударуды;
- Өзара сыйластықты;
- Демократиялықты қамтамасыз етеді.

Сабақты ұйымдастыруда интерактивті әдістер студенттердің негізгі құзіреттіліктерін шыңдап, дамытып қазіргі заман талабына сай бәсекеге қабілетті еліміздің дамуына үлес қосатын маман даярлауға мүмкіндік береді.

Қорыта айтқанда, әр технологияны қолдану арқылы белгілі бір жетістіктерге жете аламыз. Интерактивті әдіс әр адамды білім алудың барлық кезеңдерінде белсенді жағдайға қояды, білім алу үрдісін мәнді етеді, шығармашылығын дамытады.

Әдебиеттер

- Kaplan. AP Psychology. – New York: Kaplan Publishing, 2014. – P. 12–35.
- Kuther T.L. The Psychology Major's Handbook (2nd ed.). – Belmont, CA: Thomson Learning/Wadsworth, 2005. – P. 102.
- Landrum R.E., Davis S.F. The Psychology Major: Career Options and Strategies for Success (7th ed.). – Upper Saddle River, NJ: Pearson/Prentice Hall, 2013. – P. 17.
- McEntarffer R., Weseley A.J. Barron's AP Psychology (7th ed.). – Hauppauge, NY: Barron's Educational Series, 2016. – P. 5–17.
- Morgan B.L., Korschgen A.J. Majoring in Psych: Career Options for Psychology Undergraduates (5th ed.). – Boston, MA: Allyn & Bacon, 2013. – P. 98–105.
- Sternberg, Robert J. How to develop student creativity. – New York: Princeton, 1996. – P. 19-25.
- Woods P.J., Wilkinson C.S. (Eds.). Is Psychology the Major for You: Planning for Your Undergraduate Years. – Washington, DC: American Psychological Association, 1987. – P. 57-67.
- Әлімов А. Интербелсенді әдістерді жоғары оқу орындарында қолдану. – Алматы, 2009.
- Берікұлы ниетжан. «Педагогика. – Ақтөбе, 2004.
- Бұзаубақова К.Ж. Мұғалімнің инновациялық даярлығын қалыптастыру. – Алматы, 2002.
- Жартынова Ж.А. Интерактивті оқыту әдісін қолданып сабақты жоспарлау және басқару. – Алматы, 2014.
- Молдағалиев Б., Махимова А., Сатқанова Г. Интерактивті оқыту әдістері // Қазақстан мектебі. – 2006. – № 9.
- Мырзабаев А.Б. Шығармашылықты дамытуда белсенді оқытудың дидактикалық мүмкіндіктері: дис. автореф. – Қарағанды: Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, 2004.
- Сабыров Т.С. Болашақ маман жастардың танымдық әрекетін арттырудағы оқытудың әдістері мен формаларының дидактикалық жүйесін тиімді қолдануға мұғалімді даярлаудың теориялық негіздері. – Алматы, 1996.
- Тұрғынбаева Б.А. Мұғалімнің шығармашылық әлеуетін біліктілікті арттыру жағдайында дамыту // Теория және тәжірибе. – Алматы, 2005. – 174 б.
- Турлыбекова Н.М. Интерактивті дәрістерді өткізудің теориялық-әдістемелік негіздері // Мақала. – 2017.

References

- Alimov A. (2009) Interbelsendi adisterdi zhogary oku oryndarynda koldanu [Application of interactive methods in higher education institutions]. Almaty. (in Kaz.)
- Berikuly Nietzhan. (2004) Pedagogika [Pedagogy]. Aktobe. (in Kaz.)
- Buzaubakova K.Zh. (2002) Mugalimnin innovacijalyk dajarlygyn kalyptastyru [Formation of innovative training of the teacher]. Almaty. (in Kaz.)
- Zhartynova Zh.A. (2014) Interaktivti okytu adisin koldanyp sabakty zhosparlau zhane baskaru [Lesson planning and management using interactive teaching methods]. Almaty. (in Kaz.)
- Kaplan. (2014) AP Psychology. New York: Kaplan Publishing, pp. 12–35.

- Kuther T.L. (2005) *The Psychology Major's Handbook* (2nd ed.). Belmont, CA: Thomson Learning/Wadsworth, pp. 102.
- Landrum R.E., Davis S.F. (2013) *The Psychology Major: Career Options and Strategies for Success* (7th ed.). Upper Saddle River, NJ: Pearson/Prentice Hall, pp. 17.
- McEntarffer R., Weseley A.J. (2016) *Barron's AP Psychology* (7th ed.). Hauppauge, NY: Barron's Educational Series, pp. 5–17.
- Moldagaliev B., Mahimova A., Satkanova G. (2006) Interaktiviti okytu adisteri [Interactive teaching methods]. *Kazakstan mektebi*, no 9. (in Kaz.)
- Morgan B.L., Korschgen A.J. (2013) *Majoring in Psych: Career Options for Psychology Undergraduates* (5th ed.). Boston, MA: Allyn & Bacon, pp. 98–105.
- Myrzabaev A.B. (2004) Shygarmashylykty damytuda belsendi okytudyn didaktikalyk mumkindikteri [Didactic possibilities of active learning in creativity development]. Dis. Avtoref. Abaj atyndagy Kazak Ultyk pedagogikalyk universiteti [Abai Kazakh National Pedagogical University]. (in Kaz.)
- Sabyrov T.S. (1996) Bolashak maman zhastardyn tanyndyk areketin arttyrudagy okytudyn adisteri men formalarynyn didaktikalyk zhujesin tiimdi koldanuga mugalimdi dajarlaudyn teorijalyk negizderi [Theoretical bases of teacher training for effective use of didactic systems of forms and methods of teaching to increase cognitive activity of future specialist]. Almaty. (in Kaz.)
- Sternberg, Robert J. (1996) How to develop student creativity. New York: Princeton, pp. 19-25.
- Woods P. J., Wilkinson C. S. (Eds.). (1987) *Is Psychology the Major for You: Planning for Your Undergraduate Years*. Washington, DC: American Psychological Association, pp. 57-67.
- Turgynbaeva B.A. (2005) Mugalimnin shygarmashylyk aleuetin biliktikti arttyru zhagdajynda damytu [Development of teacher's creative potential in the conditions of professional development]. *Teorija zhane tazhiribe*. Almaty, 174 p. (in Kaz.)
- Turlybekova N.M. (2017) Interaktiviti daristerdi otkizudin teorijalyk-adistemelik negizderi [Theoretical-methodological bases of conducting interactive lectures]. *Makala*. (in Kaz.)

Serikova K.D.¹, Mynbayeva A.K.²

¹“Pedagogy and psychology” specialty 2 year master student, Al-Farabi Kazakh national university, Kazakhstan, Almaty, e-mail: serikova.kamilya@mail.ru

² doctor of pedagogical sciences, professor of the department of pedagogy and educational management, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: aigerim.mynbaeva@kaznu.kz

**DIAGNOSTICS OF STRESS AND DEVELOPMENT OF STUDENTS’
STRESS RESISTANCE BY CREATIVE METHODS**

The article deals with the actual problem of the XXI century – stress prevention and the development of students’ stress tolerance. The main provisions of the theories G. Selye, R. Lazarus, A. Antonovsky, as well as the concept of the study “stress prevention technology”, “technology of stress tolerance development” are considered. Based on the study of theory and practice, we have identified the conditions and principles of stress prevention and stress resistance development, developed a training program. Selected diagnostic tools. A diagnostic study was conducted, in which 54 students of the Al-Farabi KazNU and Abai KazNPU took part. As a diagnostic method, we chose the PSM-25 Scale of Psychological Stress (Lemur-Tesier-Fillion), the Coping Behavior in Stressful Situations (CBS) questionnaire (Kryukova), “Comprehensive assessment of stress manifestations” method (Y. Scherbatykh). It was established that according to the results of the PSM Questionnaire, 37% of students have a low level of stress, 39% have an average level and 24% of students have a high level of stress. Next, we determined a comprehensive assessment of the manifestations of students’ stress using the method of Yu. Scherbatykh. Thus, 9% of respondents have a low level of stress, 13% have a moderate level, 33% have an average level, 20% have a higher level than an average, 25% have a high level of stress.

Key words: stress, stress tolerance, coping behavior, creative methods, students.

Серикова К.Д.¹, Мынбаева А.К.²

¹«педагогика және психология» мамандығының 2 курс студенті, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: serikova.kamilya@mail.ru
² педагогика ғылымдарының докторы, педагогика және білім беру менеджменті кафедрасының профессоры, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aigerim.mynbaeva@kaznu.kz

Студенттердің күйзелісін және күйзеліске тұрақтылығын дамытуды креативті әдістер арқылы диагностикалау

Мақалада ХХІ ғасырдың өзекті мәселесі – студенттердің күйзелісі және күйзеліске тұрақтылығын дамыту қарастырылады. Г. Селье, Р. Лазарус, А. Антоновский және басқалардың тұрақтылық теорияларының негізгі ережелері, сонымен қатар «күйзелістің алдын алу технологиясы», «күйзеліске тұрақтылықты дамыту технологиясы» баяндалады. Теория мен практиканы зерттеу негізінде біз күйзелістің алдын алу және күйзеліске тұрақтылықты дамытудың шарттары мен ұстанымдарын бөліп көрсеттік, тренингтік бағдарлама құрастырдық.

Диагностикалық құралдар таңдап алынды. Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ және Абай атындағы ҚазҰПУ 54 студенті қатысқан диагностикалық зерттеу жүргізілді. Диагностикалау әдісі ретінде: Лемур-Тесье-Филлионның «PSM-25 психологиялық күйзеліс шкаласы», Т. Крюкованың (КЖКМК) «Күйзелістік жағдайлардағы копинг-мінез-құлық» сауалнамасы, (Ю. Щербатых) «Күйзелістің байқалуын кешенді бағалау» әдістемесі таңдап алынды. «PSM» сауалнамасының нәтижелері бойынша студенттердің 37%-інде күйзелістің төменгі деңгейі, 39% – орташа деңгейі және 24% – жоғары деңгейі бар екендігі анықталды. Содан соң, біз Ю.В. Щербатыхтың әдістемесі көмегімен студенттердің бойында күйзелістің байқалуын кешенді бағалауды анықтадық. Диагностикаға сәйкес, күйзелістің төменгі деңгейімен сұралған респонденттердің – 9%, қалыпты жағдайда –

13%, орташа деңгейде – 33%, орташадан жоғары деңгейде – 20% және күйзелістің 25% жоғары деңгейі бар студенттер болды.

Түйін сөздер: күйзеліс, күйзеліске тұрақтылық, копинг-мінез-құлық, креативті әдістер, студенттер.

Серикова К.Д.¹, Мынбаева А.К.²

¹магистрант 2 курса специальности «Педагогика и психология», Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: serikova.kamilya@mail.ru

²Доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и образовательного менеджмента, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: aigerim.mynbaeva@kaznu.kz

Диагностика стресса и развитие стрессоустойчивости студентов креативными методами

В статье рассматривается актуальная проблема XXI века – профилактика стресса и развитие стрессоустойчивости студентов. Рассмотрены основные положения теорий Г. Селье, Р. Лазаруса, А. Антоновского, а также понятия исследования «технология профилактики стресса», «технология развития стрессоустойчивости». На основе изучения теории и практики нами были выделены условия и принципы профилактики стресса и развития стрессоустойчивости, разработана тренинговая программа. Выбран диагностический инструментарий. Проведено диагностическое исследование, в котором приняло участие 54 студента КазНУ имени аль-Фараби и КазНПУ имени Абая. В качестве методов диагностики были выбраны: методика «Шкала психологического стресса PSM-25» Лемура-Тесье-Филлиона, опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС) Т.Крюковой, методика «Комплексная оценка проявлений стресса» (Ю.Щербатых). Установлено, что согласно результатам опросника «PSM» низким уровнем стресса обладает 37% студентов, средним уровнем – 39% и высоким уровнем стресса – 24% студентов. Далее мы определили комплексную оценку проявлений стресса студентов с помощью методики Ю.В. Щербатых. Согласно диагностике, низким уровнем стресса обладают 9% респондентов, умеренным – 13%, средним уровнем – 33%, уровень выше среднего имеют 20% студентов, высоким уровнем стресса обладают 25% опрошенных.

Ключевые слова: стресс, стрессоустойчивость, копинг-поведение, креативные методы, студенты.

Introduction

The problem of stress prevention and stress tolerance development attracts the attention of scientists all over the world, since it is connected with the issues of health protection of citizens, the development of their potential and resistance to global changes in all spheres of life. The need to prepare a new generation for coping with stress is noted in many educational documents, in particular, in the forecast of the development of competencies of students in OECD-2030. Therefore, our research is aimed at designing technologies and programs for the prevention of stress and the development of stress tolerance for future professionals. This is due to the development of the most effective, innovative methods, forms and means of diagnosis, training and education. An untrained person finds it difficult to experience any sudden changes, and this state is under stress. In this regard, there is a need for hard work and education in stress resistance in young people, as well as in carrying out activities for the prevention of stress. The purpose of the study is the diagnosis of stress and the development of a program for

the prevention of stress and the development of students' stress tolerance.

Research on the nature of stress and stress tolerance was done by foreign scientists: K. Jaspers (Jaspers 2009: 877), V.I. Petrushin (Petrushin, 2006: 368), A.P. Katunin (Katunin, 2012). In Kazakhstan, the study of stress tolerance is a young and developing field, its research is carried out by E.I. Barabanova, B.K. Zhumagaliyeva (Barabanova, Zhumagaliyeva, 2014), etc.

Drawing attention to the development of innovative methods for the prevention of stress and the development of stress tolerance, one of the most effective and environmentally friendly methods are creative methods. The study of creativity in Kazakhstan is engaged in, BA Ospanova (Ospanova, 2006: 288), K.M. Nagymzhanova (Nagymzhanova, 2010: 345), A.S. Amirova (Amirova, 2009: 45) and others.

Thus, this problem requires special attention in designing stress prevention technology and stress tolerance technology, identifying youth exposure levels to stress sources and their resistance to unexpected changes, as well as developing new methods to develop stress tolerance and stress prevention.

Literature review

If we consider the process of pathogenesis in the theory of G. Selye, then we can see that the nature of stress does not depend on the physiological response to stress. He also believes that the response of the body acts as a universal model of the defensive response, responsible for protecting the person and his body, preserving integrity. In general, the protective reaction goes through three stages and is an adaptation syndrome. A strong protective reaction of the body with a long time goes into a stage of stress. Three stages of stress development G. Selye compares with 3 stages of a person's life: childhood (with low resistance to environmental factors, anxiety), maturity (adaptation of a person to all external factors, increase in resistance), old age (loss of resistance, depletion of the body, fatigue) (Selye, 2012: 66).

At the heart of his theory, R. Lazarus considers the role of a subjective cognitive assessment of the potential threat, adverse impact, as well as the ability and ability of an individual to overcome stress. By threat, the author understands the undesirable negative influence of external and internal conditions. These conditions vary in intensity of exposure, degree of uncertainty of the source of stress, time of exposure, and individual resources for coping with stress.

When considering the evaluation of stress, he identifies three types of assessments:

- the initial assessment makes it clear whether the situation of a person is disturbed and if yes then how strong;

- secondary assessment allows to assess the requirements of the situation and the ability to overcome stress;

- Tertiary assessment helps to rationally assess the situation and choose the necessary method to respond to stress. Stress can change its negative nature, if you change the attitude towards it.

When assessing stress, it is important not to overestimate the significance of the event. Thus, we can conclude that the same source of stress affects a person differently, it all depends on the cognitive assessment of the situation. Typically, stressful situations arise if a person feels an interest in activities, high motivation, responsibility, and in the case when he assessed all the requirements, and they exceed his resources. In this case, stress reflects the level of dynamism in the life of an individual, since a person always strives to change something, to get something out of reach.

The theory of R. Lazarus pays great attention to the process of perception, assessment of the

situation, but leaves aside the problem of coping with stress, developing strategies and methods for confronting stress, and also does not define the role of the individual and personal resources of a person. After all, psychological stress is further developed when there is a delay or lack of a resource to combat it (Lazarus, 2000)

The theory of salutogenesis is one of the central in Germany for the study of stress and health psychology. The main question that is covered in this theory is how a person, experiencing a thousand sources of stress throughout his life, remains a somatically and psychologically healthy person. A group of researchers led by A. Antonovskiy conducted a lot of research, including the behavior of people who survived in the camps during the Second World War. It was found that many people from the camps were well adapted to livelihoods.

On the basis of the obtained results, A. Antonovskiy identifies a number of factors that help to cope with the severe effects of stress.:

- psychological factors (optimism, tolerance, internal balance, interpersonal skills, internal locus-control, creativity and intelligence);

- social factors (social environment, interpersonal communication, interaction with other people, cooperation);

- physical factors (environmental conditions).

A. Antonovskiy notes that people with a high level of a connectedness sense often avoid unpleasant situations that can potentially threaten their health, and vice versa are included in health-saving activities. The sense of connectedness affects the level of cognitive assessment of stress situations. People with a low sense of connectedness will regard any ambiguous situations as threatening, stressful, negative. People with a high sense of connectedness regard situations as challenges and will be actively involved in exploring new ways to solve these challenges. They will be easier to make contact and perceive useful information necessary to overcome stress. The feeling of connectedness is formed throughout life, especially actively in its first decades, but its level may change under the influence of various factors (Antonovskiy, 2006).

Thus, this theory of stress tolerance allows us to conclude that when the whole body is stressed on external influences, new adaptive human responses are revealed.

Methodology and research methods

We believe that the effectiveness of the process of developing students' stress tolerance in a higher educational institution will increase if we develop

(1) the theoretical foundations of stress prevention and stress tolerance technologies using creative methods, (2) a model for preventing stress and developing students' stress tolerance, and (3) conducting pedagogical work on their development, since the essence of stress prevention technologies and stress tolerance development will be revealed, a scientific approach will be used, a training program will be developed and their basis, statistically verified results of experimental pedagogical research.

The study involved 54 students of the Kazakh National University named after al-Farabi and the Kazakh National Pedagogical University named after Abay. In the diagnosis, the methods of the PSM-25 psychological stress scale by Lemur-Tesier-Fillion, the coping behavior in stressful situations (KPSS) Kryukova T.L. (Bolotova, 2018), the method of "Comprehensive assessment of stress manifestations" (Scherbatykh Yu.V.)

Definition of concepts

Based on the analysis of the concepts, we formulated such key definitions as "stress prevention technology" and "stress tolerance technology".

The technology of stress prevention is an ordered set of actions, operations and procedures aimed at preventing the state of mental stress that

occurs in a person in the course of activity in the most difficult and difficult conditions, both in everyday life and under special circumstances. *The technology of developing stress tolerance* is an ordered set of actions, operations and procedures for the development of a systemic personality trait, ensuring successful adaptation of an individual to the effects of external loads and negative factors without consequences for a person's physical and mental health.

Stress Prevention and Resilience Development Program

Prevention of stress and the development of stress by creative methods are possible with the implementation of the programs developed by us. The first program is devoted to stress prevention using creative methods and includes 6 training sessions on three levels of prevention. The second program is aimed at the development of stress resistance by creative methods (table). In our opinion, it is creative methods that are effective in dealing with stress, because they are accessible to everyone, they are environmentally friendly, they allow you to quickly resolve a problem situation, to find several alternative and innovative solutions in a short time.

Table – Stress Prevention and Stress Resilience Programs

The first stress prevention program using creative methods		The program for the development of stress resistance creative methods
Primary prevention	Training lesson 1 «What is stress?». Diagnosis of the level of exposure to stress. Training lesson 2 «The first signs of stress»	Training session 1 "The essence of stress resistance. Determining the level of stress resistance « Training lesson 2 «Stress resistance techniques and secrets»
Secondary prevention	Training lesson 3 "Solving problem situations using the Six Hats method. Training Session 4 "10 Ways to Prevent Stress».	Training lesson 3 "Brainstorming as a way to build stress tolerance" Training lesson 4 "Development of stress tolerance through associative search"
Tertiary prevention	Training Session 5 "Creative visualization of inner experiences». Training lesson 6 "Diagnostics of the level of exposure to stress"	Training Session 5 «Insight – a creative step to stress resistance»

The program of training sessions was compiled in accordance with the age, psycho-physiological and individual-personal characteristics of students. We chose a training form of training, because the training helps to develop personal and professional qualities of an individual, and also contributes to group interaction and the adoption of positive experience.

Conditions and principles of stress prevention and stress tolerance development

A psychological-pedagogical study on the use of creative methods for the development of the stress-resistance of schoolchildren was previously conducted (Serikova, 2018). We also defined the conditions for the prevention of stress and the development of stress tolerance:

– **activating internal resources** involves self-analysis, self-reflection, the search for their positive, internal and potential capabilities, abilities that can be used in coping with stress and the development of the personality's stress tolerance;

– **acceptance and support** involves accepting any creative ideas of the individual and their support. Only with the help of support and unconditional acceptance it is possible to build trusting relationships and help unlock the potential of the individual (Galagher, 1990);

– **accounting of individual features** it will help to deeply understand the problems and sources of stress for each person, as well as more effectively resolve any issues and develop resistance to stress;

– **continuity** of the methods and forms used is aimed at the correct combination and comprehension of methods and forms of work. The quality of the result depends on this combination;

– **motivation on using creative methods** is the formation of the initial motivation of students to use creative methods in situations of stress. In the event of a motivation, students' activities will be carried out consciously and with interest;

– **encouragement and positive reinforcement** will allow students to relax in search of new creative ideas;

We have highlighted the principles of stress prevention and stress resistance development by creative methods:

– **the principle of health preservation.** This principle reveals the importance of maintaining health and a careful attitude towards it at all stages of the socialization of the individual. With a healthy attitude towards the individual, proper protection from sources of stress is possible;

– **principle of resource mobilization.** When resisting stress and developing stress tolerance, maximum mobilization of internal human resources is necessary. This principle will allow you to use all the necessary arsenal and quickly deal with a potential source of stress;

– **principle of activation of creative resources.** Creative resources of a person make it possible to cope with stressful situations ambiguously, quickly and without loss. Such resources do not require much effort and are “environmentally friendly”;

– **principle of activity.** This principle implies certain actions of the student that must

be performed to develop stress tolerance or to counter stress;

– **the principle of humanization.** The main value and center of the programs being implemented is the individual, therefore all methods, methods and forms of work organization must be harmless, not violate human rights and stimulate the development of the individual;

– **the principle of awareness.** Before you fight any ailment or develop a certain quality, you need to understand and know what you have to deal with. This principle allows a person to become aware of the problem of stress and helps to choose the right, conscious ways of dealing with him, it is also consciously necessary to develop stress tolerance (Carver, 2005);

– **the principle of consistency.** Preventive work, as well as the development of stress tolerance, is based on the systemic interaction of various sciences, institutions of socialization, which allows you to look at the problem from all sides and in conjunction with other elements of the system.

Diagnostics of stress levels and stress tolerance of students

As a diagnostic method, we chose the Lemur-Tesier-Fillion PSM-25 Psychological Stress Scale Methodology, the Coping-Under-Stressful Situations Questionnaire (CPSU) Kryukova T.L. (Bolotova, 2018), the method of “Comprehensive assessment of stress manifestations” (Shcherbatykh Yu.V.) (Shcherbatykh, 2006: 256). The experiment was attended by students of the Al-Farabi Kazakh National University specialties “Social Pedagogy”, “Pedagogy and Psychology”, “Political Science”, “Geography” and students of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai of “Biology” specialty. In total 54 students participated in the diagnosis of stress levels and stress tolerance.

According to the results of the PSM Questionnaire, 37% of students have a low level of stress, an average level of 39% and a high level of stress of 24% of students (Figure 1).

Next, we determined a comprehensive assessment of the manifestations of students' stress using the method of Yu.V. Scherbatykh, thus, 9% of respondents have a low level of stress, 13% moderate, an average of 33%, 20% of students have a higher level, 25% of respondents have a high level of stress (Figure 2).

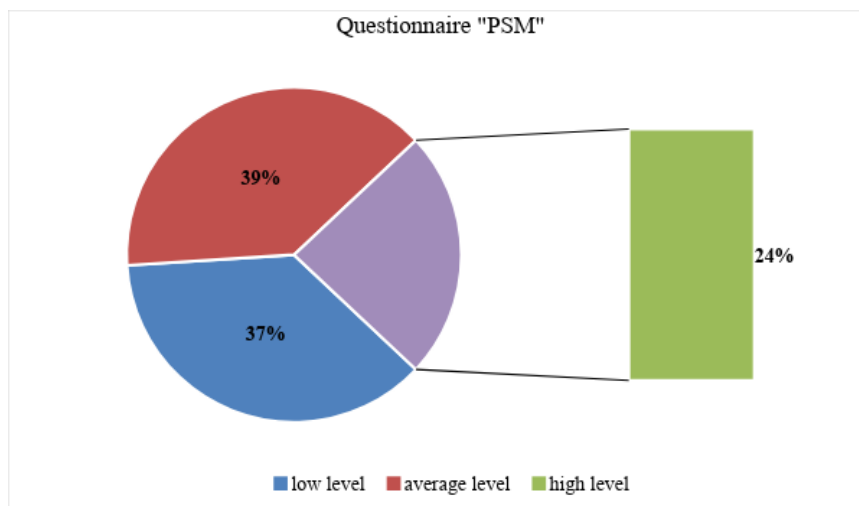

Figure 1 – results of stress level diagnostics (Questionnaire «PSM»)

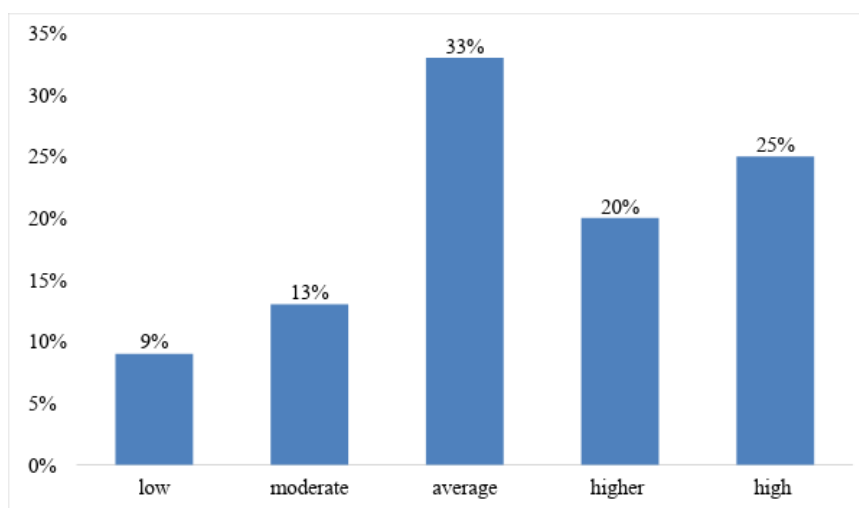

Figure 2 – results of stress level diagnostics (CBSS Yu.V. Scherbatykh)

Two people react to the same source of stress differently, each using his inherent coping behavior. According to the questionnaire “Coping behavior in stressful situations” T.L. Krukova, among our respondents in stressful situations, 44% use avoidance-oriented coping — such people are not used to solve problems on their own, they avoid conflict situations in every way and rarely defend their point of view, their rights; emotion-oriented coping is inherent in 20% of respondents – under stressful situations, people lend themselves to their emotions and are guided by them, can make decisions in a spur of the moment; 36% of students have problem-oriented coping – such people like to reason, rationalize a

situation, find a constructive solution and a way out of a situation. This coping is most favorable in stressful situations and helps to find the right solution without harm to the mental, physiological state of a person (Figure 3).

Based on the results of the diagnostic phase of the study, you can see that among the students participating in the study, the majority experience an average level of stress (PSM questionnaire – 39%, CBS (Coping behavior in stressful situations)– 33%), and 24% of students have a high level of stress according to the PSM questionnaire “And” CBS “– 25%. Respondents in stressful situations prefer coping, oriented to avoidance – 44% and coping, oriented to solving problems – 36%.

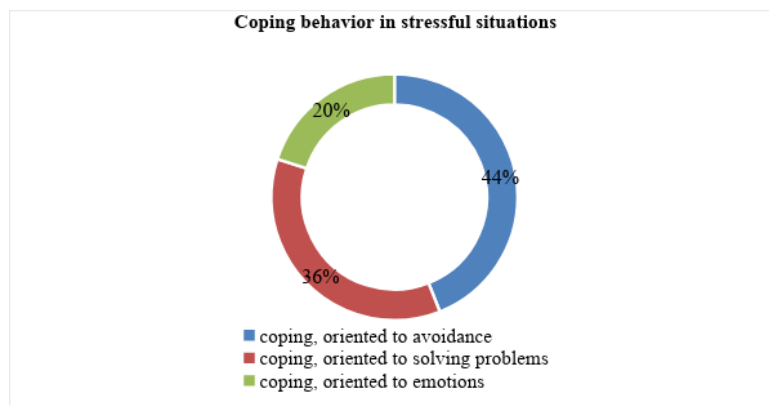

Figure 3 – results of CBS

Conclusion

Thus, the prevention of stress and the development of stress tolerance is possible with the implementation of the training program, compliance with the conditions and principles, the planned implementation of which will allow

to achieve the desired result. In our opinion, it is creative methods that are effective in dealing with stress, because they are accessible to everyone, they are environmentally friendly, and they allow you to quickly resolve a problem situation, to find several alternative and innovative solutions in a short time.

Литература

- Antonovsky, Aaron. *Unraveling The Mystery of Health. How People Manage Stress and Stay Well.* – San Francisco, Jossey-Bass Publishers. – 2006.
- Carver, C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 2005. – 549 p.
- Galagher D. Extraversion, neurotism and apprassal of stressful academic events // *Pers. and indiv. diff.* 1990. – Vol. 11. – N. 10. – P. 1053-1057.
- Барабанова Е.И., Жумагалиева Б.К. Психологические особенности профессионального стресса у госслужащих // *Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии.* – 2014. – Т.49 – №2. – С.80-85.
- Болотова А.К., Молчанова О.Н. Психология развития и возрастная психология. – СПб: Питер, 2018. – С. 478-483.
- Әмірова Ә.С. Бастауыш сынып оқушыларының шығармашылық іс- әрекетін қалыптастырудың теориясы мен практикасы: пед.ғыл.канд. ... автореф.-Алматы, 2009. – 45б.
- Катунин А.П. Стрессоустойчивость как психологический феномен // *Молодой ученый.* – 2012. – №9. – С. 243-246
- Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования / в кн.: *Эмоциональный стресс.* – Л.: Медицина, 2000.
- Нагымжанова К.М. Университет студенттерінің педагогикалық креативтілігін инновациялық білім беру ортасында қалыптастырудың ғылыми негіздері: пед. ғыл. док. ... дис.: 13.00.01. – Алматы, 2010. – 345 б.
- Оспанова Б.А. Педагогические основы формирования креативности будущих специалистов в системе университетского образования: дис.д.п.н. – Туркестан, 2006. – 288 с.
- Петрушин В.И. *Неврозы большого города* – М.: Говорящая книга, 2004. – 368с.
- Селье Г. *Стресс без дистресса.* – М.: «Книга по требованию», 2012. – 66 с.
- Серикова К., Мынбаева А.К. Развитие креативности для повышения стрессоустойчивости школьников // *Вестник КазНУ. Серия педагогическая.* – 2018. – № 3 (56). – С. 45-57. <http://bulletin-pedagogic-sc.kaznu.kz/index.php/1-ped/article/view/521>
- Щербатых В.Ю. *Психология стресса и методы коррекции.* – СПб.: Питер, 2006. – 256 с.
- Ясперс К. *Общая психопатология.* – М.: Практика, 2009. – 877 с.

References

- Amirova A.S. (2009) *Bastauysh synyp okushylarynyn shygarmashylyk is-areketin kalyptastyrudyn teoriyasy men praktikasay* [Theory and practice of formation of creative activity of primary school students]. Almaty, 45 p. (In Kazakh)
- Antonovsky A. (2006) *Unraveling The Mystery of Health. How People Manage Stress and Stay Well*, San Francisco, Jossey-Bass Publishers

- Barabanova E.I., ZHumagalieva B.K. (2014) Psihologicheskie osobennosti professional'nogo stressa u gossluzhashchih [Psychological features of professional stress in civil servants]. Vestnik KazNU. Seriya psihologii i sociologii [Vestnik KazNU. The Journal of psychology and sociology], 9(2), pp. 80-85. (In Russian)
- Bolotova A.K., Molchanova O.N. (2018) Psihologiya razvitiya i vozrastnaya psihologiya [Developmental psychology and age psychology]. Spb: Piter, pp. 478-483. (In Russian)
- Carver, C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. (2005) Assessing coping strategies: a theoretically based approach. Journal of Personality and Social Psychology, 549 p.
- Galagher D. (1990) Extraversion, neurotism and appraisal of stressful academic events. Pers. And Individ. Diff. Vol. 11 (10), p. 1053-1057.
- Katunin A.P. (2012) Stressoustojchivost' kak psihologicheskij fenomen [Stress resistance as a psychological phenomenon]. Molodoi uchenyj [Young scientist], 9, pp. 243-246 (In Russian)
- Lazarus R. (2000) Teoriya stressa i psihofiziologicheskie issledovaniya [The theory of stress and psychophysiological research]. Emocional'nyj stress [Emotional stress]. (In Russian)
- Nagymzhanova K.M. (2010) Universitet studentteriny n pedagogikalyk kreativtiligin innovaciyalyk bilim beru ortasynda kalyptastyrudyn gylymi negizderi [Scientific bases of increase of pedagogical creativity of students in system of innovative education]. Almaty, 345 p. (In Kazakh)
- Ospanova B.A. (2006) Pedagogicheskie osnovy formirovaniya kreativnosti budushchih specialistov v sisteme universitetskogo obrazovaniya: dis.d.p.n. [Pedagogical bases of formation of creativity of future specialists in the system of University education]. Turkestan, 288 p. (In Russian)
- Petrushin V.I. (2004) Nevrozy bol'shogo goroda [The neuroses of a big city]. Moscow, Govoryashchaya kniga [Speaking book], 368 p. (In Russian)
- Scherbatykh V.YU. (2006) Psihologiya stressa i metody korrekcii [Psychology of stress and methods of correction]. SPb.: Piter, 256 p. (In Russian)
- Selye G. (2012) Stress bez distressa [Stress without distress]. Moscow, Kniga po trebovaniyu [Book on demand], 66 p. (In Russian)
- Serikova K; Mynbayeva A.K. (2018) Razvitie kreativnosti dlya povysheniya stressoustojchivosti shkol'nikov [Development of creativity to improve the stress resistance of students]. Vestnik KazNU. Seriya pedagogicheskaya [Journal of Educational Sciences], v.56 (3), p. 45-57 (In Russian)
- Yaspers K. (2009) Obshaya psihopatologiya [General psychopathology]. Moscow, Praktika [Practice], 877 p. (In Russian)

2-бөлім
СОЦИОЛОГИЯ

Раздел 2
СОЦИОЛОГИЯ

Section 2
SOCIOLOGY

Амантаева Д.Б.¹, Бурханова Д.К.², Амитов С.А.³

¹Ph.D докторант, e-mail: jamik177@mail.ru

²и.о. доцента, Ph.D, e-mail: dana.burkhanova@gmail.com

³и.о. доцента, кандидат социол.н., e-mail: sultan.amitov1@gmail.com

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

ИНДУСТРИЯ КРАСОТЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена развитию индустрии красоты в современном обществе. Индустрия красоты в современном Казахстане становится популярной социальной тенденцией. Идеал красоты – это общий «взгляд» социума, который включает физические особенности (например, «крупные и надутые» или тонкие губы, большая или маленькая грудь и т.д.), а также продукты красоты, деятельность и услуги. Общество стремится быть красивым потому, что красота представляет своему обладателю преимущество в борьбе за выживание.

Мужчины придают большее значение физической attractiveness женщин, чем женщины по отношению к мужчинам. В результате, социальные возможности женщин в большей степени зависят от их физической красоты по сравнению с мужчинами, так женщины находятся под большим давлением, для соответствия идеалам красоты. Хотя стандарты женской красоты не так хаотичны во всем мире, они сильно меняются со временем и по всему миру. В Казахстане сегодня растет количество фолловеров (подписчиков) в instagram аккаунтах пластических хирургов.

Сегодня, как и во всем мире, в Казахстане медицинские технологии сделали возможным «строительство» тела как личного проекта с помощью косметических средств: эстетической хирургии и косметологии, трансплантации органов и транссексуальной хирургии. Женские тела стали полигоном как для инновационных технологий, так и для новых моделей потребления.

Ключевые слова: индустрия красоты, пластическая хирургия, attractiveness, феминность.

Amantayeva D.B.¹, Burkhanova D.K.², Amitov S.A.³

¹Ph.D student, e-mail: jamik177@mail.ru

²Ph.D, associate Professor, e-mail: dana.burkhanova@gmail.com

³associate professor, e-mail: sultan.amitov1@gmail.com

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

The beauty industry: prospects and tendencies of development in modern Kazakhstan society

The article is devoted to the development of the beauty industry in modern society. The beauty industry in modern Kazakhstan is becoming a popular social trend. The ideal of beauty is the General "look" of society, which includes physical features (for example, "large and pouty" or thin lips, large or small Breasts, etc.), as well as beauty products, activities and services. Society wants to be beautiful because beauty gives its owner an advantage in the struggle for survival.

Men attach more importance to the physical attractiveness of women than women in relation to men. As a result, women's social opportunities are more dependent on their physical beauty than men, so women are under great pressure to match the ideals of beauty. Although the standards of female beauty are not so chaotic around the world, they vary greatly with time and around the world. Today the number of followers (subscribers) in instagram accounts of plastic surgeons is growing in Kazakhstan.

Today, as all over the world, medical technologies in Kazakhstan have made it possible to "build"

the body as a personal project with the help of cosmetics: aesthetic surgery and cosmetology, organ transplantation and transsexual surgery. Women's bodies have become a testing ground for both innovative technologies and new consumption patterns.

Key words: beauty industry, plastic surgery, attraction, femininity.

Амантаева Д.Б.¹, Бурханова Д.К.², Амитов С.А.³

¹Ph.D докторанты, e-mail: jamik177@mail.ru

²Ph.D, доцент м.а., e-mail: dana.burkhanova@gmail.com

³әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, доцент м.а., e-mail: sultan.amitov1@gmail.com
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Сұлулық индустриясы: қазіргі қазақстандық қоғамдағы даму болашағы мен үрдістері

Мақала қазіргі қоғамдағы сұлулық индустриясын дамытуға арналған. Қазіргі Қазақстандағы сұлулық индустриясы танымал әлеуметтік үрдіске айналууда. Сұлулық идеалы – бұл физикалық ерекшеліктерді (мысалы, «үлкен және үрленген» немесе жұқа еріндер, үлкен немесе кішкентай кеуде және т.б.), сондай-ақ сұлулық өнімдері мен әрекет қызметтерін қамтитын жалпы «қөзқарас». Қоғам әдемі болуға ұмтылады, өйткені сұлулық өмір сүру үшін күресте өз иесіне артықшылық береді.

Көбінесе әйелдерге қарағанда ерлер әйелдердің физикалық тартымдылығына үлкен мән береді. Нәтижесінде, әйелдердің әлеуметтік мүмкіндіктері ерлермен салыстырғанда олардың тәндік сұлулығына тәуелді болады, сондықтан әйелдер сұлулық идеалына жету барысында үлкен қысымға тап болады. Әйелдер сұлулығының стандарттары бүкіл әлемде бірдей болмаса да, олар бүкіл әлем бойынша уақыт өте келе өзгереді. Қазақстанда қазіргі кезде пластикалық хирургтардың instagram аккаунттарындағы фолловерлер (жазылушылар) саны өсіп келеді. Бүгінде басқа елдердегідей Қазақстанда медицина технологиялары косметикалық өнімдердің көмегімен: эстетикалық хирургия және косметология, ағзаларды трансплантациялау және транссексуальдық хирургия арқылы дене «құрылысын» жеке жоба ретінде жасауға мүмкіндік берді. Әйел денесі инновациялық технология үшін де, жаңа тұтыну түрі үшін де объект болып тұр.

Түйін сөздер: сұлулық индустриясы, пластикалық хирургия, тартымдылық, нәзіктік.

Введение

В последнее время в казахстанском социуме появились новые идеалы красоты (аттракции) и новые возможности и современные спектры пластической или эстетической хирургии. Красота – это ценность, которая может быть улучшена с помощью пластической хирургии. Отсюда появляется вопрос о том, насколько эффективна пластика, и, какую роль она играет в эстетическом улучшении, а также увеличении экономических «побед» человека. Как правило, люди улучшают собственную аттрактивность с помощью пластической хирургии, для новой экономической «выгоды», например повышение в карьере и заключение брака.

Индустрия красоты в современном Казахстане становится популярной социальной тенденцией. Для начала необходимо дать определение понятию «индустрия красоты». В большом толковом социологическом словаре, нет точного совпадения, поэтому рассматриваются термины: «индустрия услуг» – (service industries). Индустрия в большей степени связанная с производством услуг,

а не товаров, например, туризм (Джери, Джери, 1999:243).

Красота – это степень измерения, которая измеряет уровень аттрактивности для других людей. Идеал красоты – это общий «взгляд» социума, который включает физические особенности (например, «крупные и надутые» или тонкие губы, большая или маленькая грудь и т.д.), а также продукты красоты, деятельность и услуги. Они могут включать: одежду, косметику, парикмахерские тренды, загар и солярии, и, конечно, пластическую хирургию (например, импланты груди, или губы, или липосакция) (Basil, Englis, Solomon, Ashmore, 1994:55).

С точки зрения антропологии, тяга к красоте – это один из первичных инстинктов человека. Общество стремится быть красивым потому, что красота представляет своему обладателю преимущество в борьбе за выживание. Часто в социуме красота означает совершенство.

Необходимо также отметить, что более аттрактивные люди имеют несколько ключевых преимуществ, именно в сфере трудовых отношений. Согласно данным социологических исследований, женщины и мужчины, обладающие бо-

лее интересной, завлекающей внешностью, чем среднестатистический человек, имеют большие успехи в карьере и в трудовой деятельности. Они активнее принимаются на работу, обладают более высокими стартовыми оплатами за труд. Как правило, такие работники, быстрее получают повышение в карьере оцениваются более высоко среди своих коллег, а также более аттрактивные сотрудники считаются более компетентными (Johnson, 2010:301).

Основная часть

Женщины с более аттрактивной внешностью позиционируются в окружающем социуме как более женственные, обладательницы феминных качеств, в то время как маскулинные типы профессий ассоциируются с мужскими качествами. Это приводит к тому, что на маскулинные типы должностей, где нет обязательных требований к внешности, более вероятно примут либо мужчину, либо неаттрактивную женщину, у которой феминные характеристики не так сильно выражены в ее образе, и соответственно, она будет представляться как более подходящий кандидат (Керша, 2015).

В работах исследователи Хамермеш и Биддл (Hamermesh; Biddle, 1998:178) показывают, что в США и в Канаде работники с более аттрактивной внешностью зарабатывают выше среднего примерно на 12 % больше, чем работники с красотой «ниже среднего» эталона, принятого в данном обществе, что сопоставимо с неравенством в оплате труда, а также является социальным неравенством, связанным с расой и полом.

На протяжении более двух десятилетий пластическая хирургия была областью феминистских исследований. Красота – это спорный символический ресурс, через который проходит граница между угнетением и освобождением, господством и сопротивлением, где все разрушается и восстанавливается (Craig, 2006:159).

Канадская феминистка Кэтрин П. Морган (1991) в своих работах говорила, что пластическая хирургия как технология колонизирует женские тела. После Кэтрин П. Морган многие западные феминистки стали рассматривать пластическую хирургию как инструмент расизма, а также патриархата (Morgan 1991; Bordo 1993; Kaw 1993; Balsamo 1996; Brush 1998; Gagne and McGaughey 2002; Negrin 2002; Frost 2005; Blum 2003, 2005).

Мужчины придают большее значение физической аттрактивности женщин, чем женщи-

ны по отношению к мужчинам. В результате, социальные возможности женщин в большей степени зависят от их физической красоты по сравнению с мужчинами, так как женщины находятся под большим давлением, для соответствия идеалам красоты. Хотя стандарты женской красоты не так хаотичны во всем мире, они сильно меняются со временем и по всему миру.

Современные СМИ, агентства рекламы, розничной торговли и развлечений производят яркие представления о красоте, которые меняются из года в год, и делают упор на эталонах для того, чтобы женщины стремились соответствовать образу тела в настоящее время: здесь и сейчас.

После исследований Хамермеша и Биддла все большее число ученых в разных исследованиях представили доказательства того, что красота человека дает более благоприятные результаты в различных сферах жизни. В тоже время как в определенной степени красота находится вне контроля человека (человек рождается с определенной внешностью, которая от него не зависит), для улучшения внешней красоты разработано разное множество эстетических медицинских процедур, как инвазивных, так и не являющихся таковыми. И если эти процедуры действительно улучшают облик и внешность человека, и это улучшение приводит к более высоким экономическим результатам, то такие процедуры могут быть рассмотрены как инвестиции в человеческий (эротический) капитал.

Исследования, в которых мужчин и женщин просили перечислить самые запоминающиеся черты противоположного пола, практически всегда показывают, что мужчины отдают предпочтение физическим качествам, в то время как женщины указывают такие черты личности, как интеллект или чувствительность (Dion, 1981:154; Huston, Levinger, 1978).

Общественное восприятие пластической хирургии сильно зависит от средств массовой информации и может не отражать широкий объем работы в рамках специальности (De Blacam, 2015:197).

Средства массовой информации могут отражать основные убеждения, отношения и ценности в сторону женской красоты, также могут влиять на изменения образов идеальной красоты и аттрактивности в культурах.

Рекламодатели и маркетологи полагаются на красивых и «шаблонно-соответствующих»

женщин, чтобы привлечь внимание к своей продукции и товарам, потому что они считают, что аттрактивные люди наиболее желанны, больше заслуживают доверие, и т.д. (Solomon, Эшмор, и Лонго, 1992:29).

Контент-анализ телевизионных рекламных роликов в Соединенных Штатах Америки установил, каждое 3,8 сообщение (рекламный ролик) было связано с яркой аттрактивностью (Downs and Harrison 1985).

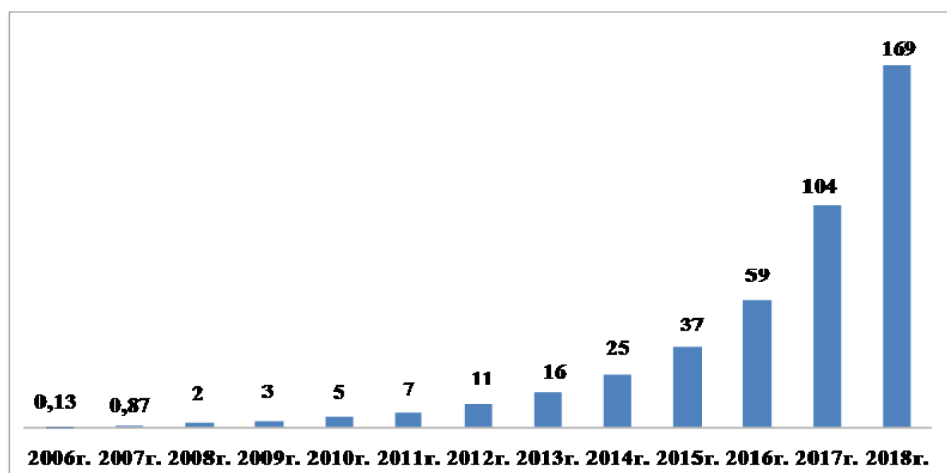

Рисунок 1 – Количество просмотров контента, связанного с красотой на видеохостинге YouTube, млн.

Ниже приведена статистика, которая показывает количество просмотров контента, связанного с красотой, в год на видеохостинге – YouTube. Так, в 2018 году контент, связанный с красотой, собрал более 169 миллиардов просмотров. Популярные виды материала красоты на YouTube включают в себя: учебники и

DIY¹-видео, обзоры, репост видео, а также видео, созданное бьюти-блогерами. По состоянию на июнь 2016 года на онлайн-видеоплатформе было опубликовано более 5,3 млн видеороликов.

¹ DIY видео (анг. Do It Yourself) характеризует вид деятельности, в результате которой можно что-то сделать или усовершенствовать своими руками, к примеру лайфхаки.

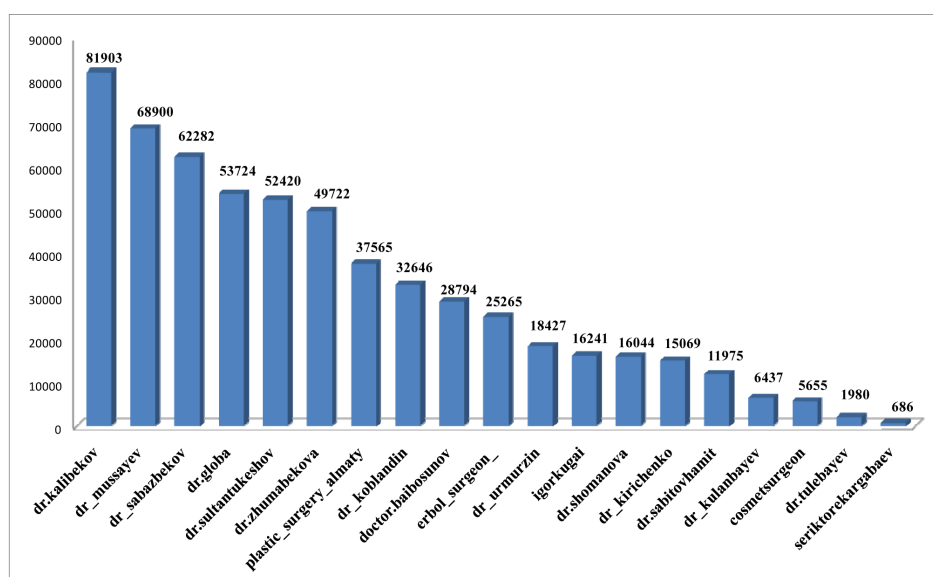

Рисунок 2 – Распределение фолловеров (подписчиков) по аккаунтам пластических хирургов РК

На сегодняшний день трудно представить повседневную жизнь без использования социальных сетей. Очень большое количество людей имеют аккаунт хотя бы в одной такой социальной сети. Большая часть потенциальных клиентов получают всю информацию о товарах через интернет. И их количество постоянно растёт.

В Казахстане сегодня растёт количество фолловеров (подписчиков) в instagram аккаунтах пластических хирургов. Так, на 30 апреля 2019 года общее число фолловеров в казахстанском сегменте instagram составляет более 585 тыс. человек.

На рисунке 3 представлено распределение фолловеров у аккаунтов пластических хирургов в Казахстане в социальной сети Instagram.

Другие исследования показали, что стандарты красоты множественны и оспариваемы, а также меняется основной смысл пластической хирургии. Если раньше к пластическим хирургам обращались в основном для устранения последствий, вызванных трагедией в жизни человека (авария, ожоги, травма и т.д), то сейчас эта тенденция «стандартизации» внешности по негласным шаблонам, навязанным обществу разными агентами (Taylor, 2007:77).

Многие эмпирические исследования, касающиеся индустрии красоты показывают, что красивые люди предпочитают встретить более успешных партнеров или супругов в различных сферах (Lee, 2012:224).

Если пластическая хирургия может предоставить человеку лучшее положение для выбора супруга на брачном рынке, то человек на протяжении жизни может пользоваться дополнительными денежными и экономическими преимуществами от брака с супругом с более высоким потенциалом заработка и более высоким социальным положением в обществе. Большой объем литературы демонстрирует преимущества наличия желательных физических характеристик.

Так, медицинские технологии сделали возможным «строительство» тела как личного проекта с помощью косметических средств: эстетической хирургии и косметологии, трансплантации органов и транссексуальной хирургии. Женские тела стали полигоном как для инновационных технологий, так и для новых моделей потребления.

Например, боготворение женской красоты через два гендерных представления пеппи и shuni вызвало растущий спрос на косметическую хирургию в Китае (Yang, 2011:334).

По мнению Наоми Вульф, эстетические хирурги являются прямыми финансовыми заинтересованными лицами в социальной роли женщины, которая требует, чтобы они чувствовали себя уродливыми (Ruby, 1996:15).

В декабре 2004 года в Китае состоялся первый конкурс «Мисс пластическая хирургия» в Пекине, спонсируемый как больницами косметической хирургии, так и частными клиниками красоты. Девятнадцать финалистов в возрасте 17-62 лет наперерыв стали в стране лучшими в номинации «искусственная красота» (genzao meinu). Для участия в конкурсе претендент должен был представить справки от медицинских работников, доказывающие, что участник был косметически «изменен».

В западных исследованиях используется выражение «*beauty pays*» (Hamermesh, 2011), означающее, что красота приносит прибыль. В связи с увеличением интереса общества к индустрии красоты в последние годы, наблюдается рост исследований, направленных на изучение внешности и влиянию внешности на многочисленные сферы жизни современного социума. Несмотря на различные взгляды мирового сообщества к пластическим операциям, сегодня эта отрасль индустрии красоты продолжает популяризоваться и увеличиваться из года в год.

Так по данным международного общества пластической и эстетической хирургии The International Society of Aesthetic Plastic Surgery (далее ISAPS), в 2017 году в мире было сделано 23,390,542 пластических и эстетических операций.

Всего в членах ISAPS в 2017 году – 43.500 хирурга. То есть на одного хирурга в мире приходится 537 операций в год. В период с 2016 года по 2017 год наблюдается рост самих пластических хирургов, так в 2016 году число хирургов составляло 43.100 человек.

По данным международного сообщества эстетических и пластических хирургов, наибольшее количество эстетических операций приходится на США – их доля на мировом рынке индустрии красоты составляет 14,5% в 2017 году, что на 1,5% меньше, чем в 2016 году. Несмотря на убывающую динамику, именно США остается флагманом потребления «красивой» хирургии.

Второе место в динамике мирового общества потребления индустрии красоты занимает Бразилия. Так, в 2017 году там было проведено 13,6% от общемирового числа пластических операций.

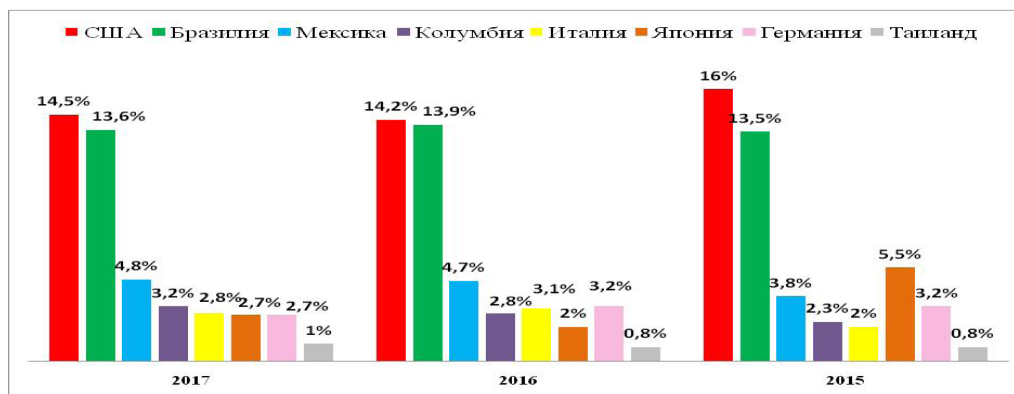

Рисунок 3 – Распределение количества пластических операций в мире, по странам

Третье место, т.е. 4,8% от общего количества операций, занимает Мексика, хотя и здесь в динамике 3-х лет можно увидеть спад.

Азиатки (азиатские – американки) имеют мотивацию к пластической хирургии – желание стереть с лица азиатские черты, такие как узкие глаза и плоский нос, и походить на лицо кавказца с широко раскрытыми глазами и выдающимся носом (Gilman 1999; Naiken, 1997; Kaw, 1993).

Внешняя аттрактивность (привлекательность) в мировом обществе рассматривается в современных социологических, психологических, этнографических и культурологических научных трудах, а также в философии и в лингвистике.

Современная индустрия красоты, или бьюти-индустрия, позиционируется в СМИ и в социальных сетях как гарант счастливой личной жизни, успешной карьеры и является одним из главных базисов материального достатка.

Современная популяризация индустрии красоты динамична под воздействием множества различных факторов, таких как фэйшн-индустрия, искусство, традиции, нормы, инновации в сфере аттракции.

Эмпирическая часть. Мнение экспертов

Нестандартные стандарты в современном мировом обществе оказывают значительное влияние на современную казахстанскую молодежь.

45 или 15 лет? Казахские пластические хирурги, сегодня признают, что чаще их клиентами становятся люди все более молодого возраста, которые пытаются следовать новым стандартам красоты.

Пухлые губы, европеизированный разрез глаз, глубокое веко, ярко выраженные скулы,

неестественная грудь – это наиболее частые запросы, встречающиеся у казахстанских пластических хирургов.

«Произошел «бум», пластической хирургии, особенно это касается Азиатских стран. И наряду с Китаем, Кореей, Японией, в Казахстане появилось множество клиник, которые занимаются, допустим, операциями на веках, так называемой европеизацией век, поэтому возрастной ценз – сместился к более молодым людям, начиная даже с 15, 16 лет» – (эксперт 1.пластический хирург Игорь К.).

«Хирургия идет вперед, она тоже делает нашу жизнь проще. У каждого человека есть свой выбор. Общество не имеет права диктовать ему правило, то как ему жить. Жить ему с нормальной красотой, естественным носом, с переделанными ушами или обычными...» (Динара Р., 23 года, клиент пластических хирургов).

«Нет ничего зазорного в том, что люди хотят сохранять свою молодость. Это вполне понятное желание. И очень многие после 30-ти лет начинают увлекаться – это становится неким хобби по усовершенствованию себя. Но есть категория людей, которая не увлечена ни тем, ни другим. При этом у них хватает свободного времени для того, чтобы разглядывать себя в зеркале и находить те самые изъяны. Они настолько не насыщены именно духовно, именно эмоционально, что они внешнюю свою оболочку ставят на первое место» (Зарина А., психотерапевт).

«Мои от природы узкие глаза были причиной неуверенности в себе, даже при помощи макияжа не удавалось получить уверенность в себе. Решение сделать блефаропластику было обдуманым. Мои глаза, не то чтобы доставляли мне неудобства, просто доставляли диском-

форт. И, почему бы не менять себя, если есть такая возможность? Мои несколько знакомых сделали такую операцию, я посмотрела, как у них прошло, и мне очень понравился их результат» (Айнур Н., 20 лет, блефаропластика).

В Казахстане блефаропластика – операция номер один среди всех проводимых пластических операций. Блефаропластика – это модный тренд. К данной операции прибегают в основном девушки и мужчины азиатской внешности.

«Казахстанские женщины, наряду с француженками и россиянками, прибегают к услугам пластических хирургов. Кто-то хочет стать моложе, кто-то красивее, кто-то исправляет врожденные патологии» (Игорь Б., пластический хирург).

В странах, в которых население или его часть исповедует ислам, к бьюти-салонам специфичное отношение, особенно у женщин, носящих хиджаб. По исламской религии, женщина не может снимать хиджаб перед чужими мужчинами, которые не входят в круг её семьи. В чём же заключается особенность таких бьюти-салонов? Во-первых, персонал в салонах красоты исключительно женский, что позволяет клиенткам не нарушать каноны религии и чувствовать себя в безопасности. Если салон красоты рассчитан на мужчин и на женщин, то для мужчин отводятся отдельные комнаты, и отсутствует доступ в женскую половину салона. Во-вторых, важным аспектом является и использование «халальной», разрешенной исламом косметики, в состав которой входят исключительно натуральные растительные масла и экстракты, и отсутствует спирт.

В таких салонах красоты, как правило, предусмотрены оборудованные места для молитвы с необходимыми атрибутами. О популяризации таких салонов говорит тот факт, что специальные салоны для мусульманок стали открывать по всему миру – от США до Японии.

Начиная с 2010 года, индустрия салонов красоты стала динамически развиваться, благодаря значительно возросшей востребованности профессиональных косметических услуг. Современная концепция красоты и ухода за собой буквально эволюционировала: если раньше услугами таких заведений пользовались преимущественно женщины, то за последние 10 лет мужской сегмент показательно увеличился. Как ожидается, прибыль мирового рынка салонов красоты возрастет из-за увеличения чистого дохода на душу населения. Сами потребители готовы платить больше ради профессиональ-

ных процедур. При этом значительное увеличение достатка представителей среднего класса изменило потребительской образ жизни, что увеличило готовность клиентов покупать косметические продукты и услуги. Вместе с тем за последние 5-7 лет поменялось отношение к привлечению клиентуры. Прежде всего, косметические салоны стали ориентироваться на целевые группы потребителей, подбирая специально под их нужды портфолио своих услуг. Маркетинговые стратегии разрабатываются таким образом, чтобы в условиях жёсткой конкуренции максимально заинтересовывать постоянных клиентов, предлагая им всевозможные бонусы – от программы лояльности до образцов люксовой косметики. Владельцам салонов стоит также учитывать демографические особенности рынков – этническое многообразие, а также востребованность услуг косметических салонов красоты подростками и детьми.

В Казахстане лишь одна кафедра (челюстно-лицевой хирургии) выпускает пластических хирургов.

Внешний вид человека – одежда, причёска, украшения – точно указывают на его место в социальной структуре общества и культурную принадлежность (Суслина, 2003:424).

В лонгитюдном исследовании Х. Донт и М. Тиггеманна (Погонцева, 2013:71) принимали участие девочки в возрасте 5-8 лет, авторы исследовали стремление девочек соответствовать идеалу красоты, который пропагандируется СМИ и рекламой. Было выявлено, что у большинства девочек наблюдалось желание уменьшить свой вес, что дополнялось низким уровнем чувства достоинства. Таким образом, девочки школьного возраста живут в культуре, в которой СМИ навязывают стереотип attractiveness, который отрицательно влияет на развитие образа тела и чувства собственного достоинства.

С начала XXI века определяется новый тренд в казахстанском обществе – пластическая хирургия в новом «казахстанском стиле», как гибрид западных идеалов красоты с традиционно казахскими эталонами внешности, а также зарождение модерн представлений о красоте с всевозможными вариациями и противоречиями.

Все чаще в научных трудах обсуждается паттерны влияния Средств Массовой Информации (СМИ), социальных сетей, лидеров мнений (бьюти-блогеров) на формирование новых линий и шаблонов во внешности современного человека. Как правило, объектом социологических исследований становится чаще все-

го молодежь. Непременно стоит отметить, что чаще всего также объектом изучения выделяют женщин, что можно объяснить тем, что индустрия красоты в большинстве случаев рассчитана на женскую целевую аудиторию: эстетические процедуры, косметология, пластические операции, салоны красоты, различные релакс и бьюти центры, косметика и так далее.

Каждая вторая реклама пропагандирует актуальные «идеалы красоты», так называемые «новые стандарты», к которым необходимо соответствовать современному человеку, и стремиться к идеалу. На сегодняшний день, в Западных странах и в США выделяется новое большое направление социально-психологических и медико-социальных исследований, которые посвящены проблемам определения фреймов понятия «красота» и повседневного поведения женщин.

В связи с их стремлением достичь этого стандарта многие женщины все чаще начинают зависеть от навязанных стандартов и образцов. Более того в ряде СМИ красота становится неким товаром, который можно как купить, так и продать. И если совсем недавно для всего мира были характерны различные идеалы, то теперь, в ходе глобализации СМИ разделение на Запад, США и СНГ в представлениях о моде и красоте практически стираются. Популярны показы мод и другие новые параметры красоты, такие как: определенный цвет волос, голливудский макияж и даже цвет глаз (цветные контактные линзы); бум на пластическую хирургию и диеты приводит к тому, что на данном этапе сложно

выделить конкретные имена актрис, певиц, моделей или других известных женщин, которые являлись бы идеалом для большинства женщин. Таким образом, современное представление о красоте довольно не стабильно и находится под постоянным изменением.

Современные стандарты внешности затрагивают не только казахстанское общество, но и все постсоветское общество в целом. Так, например, в 2016 году представительство Фонда им. Фридриха Эберта в Казахстане на основе социологического опроса: «Молодежь Центральной Азии. Казахстан» показало, что не последнюю роль в жизни современной молодежи играет фактор внешности. По данным исследования, на поставленный вопрос «Насколько вы довольны своей внешностью?» из 1000 респондентов лишь 19,7% ответили, что полностью довольны, что несомненно показывает изменение тенденций «стандартов красоты» в современном казахстанском социуме. Такие показатели отмечены среди всех респондентов, вне зависимости от пола, возраста и места жительства (Хуррельманн, 2016:45).

Аналогичные социологические исследования были проведены и в других постсоветских странах: Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан.

В отличие от Казахской молодежи, молодежь Узбекистана полностью довольна своей внешностью в 2,3 раза. Также, по данным опроса, в Таджикистане также высок процент удовлетворения своим внешним видом, что говорит о сохранении «традиционных» стандартов красо-

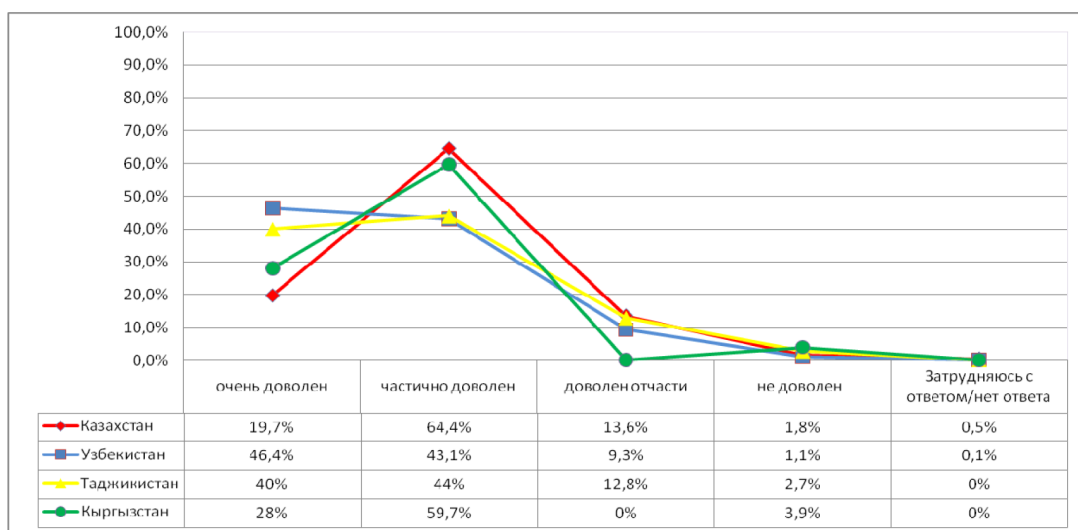

Рисунок 4 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько Вы довольны своей внешностью?», % (разбивка по некоторым странам Центральной Азии)

ты, в отличие от измененных ценностях и тенденциях в Казахстанском обществе.

Как показано на графике ниже, самой «недовольной» своей внешностью является молодежь Кыргызстана, где процент недовольных или желающих изменить свою внешность составляет 3,9%, В Таджикистане, несмотря на высокий процент принятия внешности, доля неудовлетворенных своей привлекательностью составляет 2,7%, в Казахстане данный процент равняется 1,8%, в Узбекистане всего 1,1% молодежи не довольны своей внешностью.

Заключение

Современные СМИ, агентства рекламы, розничной торговли и развлечений производят яркие представления о красоте, которые меняются из года в год, и делают упор на эталонах для того, чтобы женщины стремились соответствовать образу тела в настоящее время: здесь и сейчас. Внешняя привлекательность

(привлекательность) в мировом обществе рассматривается в современных социологических, психологических, этнографических и культурологических научных трудах, а также в философии и в лингвистике.

Современная индустрия красоты, или бьюти-индустрия, позиционируется в СМИ и в социальных сетях как гарант счастливой личной жизни, успешной карьеры и является одним из главных базисов материального достатка.

С изменением ценностей в современном социуме меняются и идеалы, нормы, традиции. Сегодня большую роль в повседневной жизни играет параметр внешней привлекательности. В связи с растущим интересом со стороны общества индустрия красоты в Казахстане будет развиваться с каждым днем. Сегодня у молодежи, одним из самых важных параметров успешной жизни является привлекательная внешность. В Казахстане наблюдается рост интереса социума к агентам индустрии красоты: пластическим и эстетическим хирургам, бьюти-блогерам.

Литература

- Basil G. Englis, Solomon, M., & Ashmore, R. Beauty before the Eyes of Beholders: The Cultural Encoding of Beauty Types in Magazine Advertising and Music Television. *Journal of Advertising*. – 1994. – №23 (2). – P. 49-64.
- Biddle, Jeff E., and Daniel S. Hamermesh. Beauty, Productivity, and Discrimination: Lawyers' Looks and Lucre. *Journal Labor Econ* -1998 – №16 (1) – P.172–201.
- Craig, M. L. Race, beauty, and the tangled knot of a guilty pleasure. *Feminist Theory*. – 2006. – № 7(2). – P.159–177.
- De Blacam, C., Kilmartin, D., Mc Dermott, C., & Kelly, J. Public perception of Plastic Surgery. *Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery*. – 2015. – №68(2). – P.197–204.
- DION, K. Physical attractiveness, sex roles and heterosexual attraction. In M. Cook (Ed.). *The bases of human sexual attraction*. New York: Academic Press. – 1981. – P.3-22
- Downs, A.C. and S.K. Harrison “Embarrassing Age Spots or Just Plain Ugly? Physical Attractiveness Stereotyping as an Instrument of Sexism on American Television Commercials,” *Sex Roles* – 1985. – №13(1/2). – P. 9-19.
- Hamermesh, D. *Beauty Pays: Why Attractive People Are More Successful*. OXFORD: Princeton University Press – 2011. – P.15-15
- Huston T. and Levinger G. Interpersonal attractions and relationships. *Annual Review of Psychology* – 1981. – № 29. – P.115-156.
- Johnson S.K., Podratz K.E., Dipboye R.L., Gibbons E. “Physical attractiveness biases in ratings of employment suitability: Tracking down the “beauty is beastly” effect”. *The Journal of Social Psychology* – 2010. – №150(3). – P. 301-318.
- Lee, S., & Ryu, K. Plastic Surgery: Investment in Human Capital or Consumption? *Journal of Human Capital*-2012. – 6(3) – P.224–250
- Ruby, J. Acts of Senseless Beauty. *Off Our Backs*. – 1996. – №26(6). – P.15-15
- Solomon, M.R., Ashmore, R., & Longo, L.C. The beauty match-up hypothesis: Congruence between types of beauty and product images in advertising. *Journal of Advertising* – 1992. – №21. – P. 23-34.
- Taylor-Alexander, S. *Beauty Shouldn't Co Your Life: Plastic surgery, modernity and a Mexican public health campaign*. *Culture, Theory and Critique* – 2017. – №58(1). – P.77–93.
- The Official Journal of the International Society of Aesthetic Plastic Surgery [Электронный ресурс] // URL: <https://www.isaps.org/medical-professionals/isaps-journal/> (дата обращения: 30.01.2019).
- Yang, J. Nennu and Shunu: Gender, Body Politics, and the Beauty Economy in China. *Signs*. – 2011. – №36(2). – P. 333-357.
- YouTube:annual beauty content views 2009-2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.statista.com/statistics/294655/youtube-monthly-beauty-content-views/> (дата обращения: 29.04.2019).
- Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. В 2-х томах / Пер. с англ. Н.Н. Марчук. – М.: АСТ, Вече, 1999. – Т.1 – 544 с.
- Клаус Хуррельманн, Молодежь Центральной Азии. Казахстан. На основе социологического опроса. – Издание второе. / Под научным руководством проф. (Германия, Берлин). – Алматы, 2016. – С. 281.

Мировой рынок салонов красоты: глобальные тенденции и перспективы развития. [Электронный ресурс] //URL:<https://cosmetology-info.ru/6683/news-Mirovoy-rynok-salovov-krasoty-globalnye-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya/> (дата обращения: 10.03.2019).

Погонцева Д.В. Представления о телесной красоте в современной культуре // журнал Психолог. – 2013. – № 8. – С. 71-79.

Статистика в Инстаграм, ЖЖ, YouTube, ВКонтакте для блогеров, SMM и бизнеса [Электронный ресурс] // URL:<https://pro.livedune.ru> (дата обращения: 07.04.2019).

Суслина Е. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. – М.: Молодая гвардия, 2003. – С. 424

Что красиво, то хорошо. О внешности с позиции в социальной структуре общества. [Электронный ресурс] // URL:http://thewallmagazine.ru/good-looking-influences-on-social-attitude/#_ftn18 (дата обращения: 15.03.2019).

References

Basil G. Englis, Solomon, M., & Ashmore, R. (1994). Beauty before the Eyes of Beholders: The Cultural Encoding of Beauty Types in Magazine Advertising and Music Television. *Journal of Advertising*, no. 23(2), pp. 49-64.

Biddle, Jeff E., and Daniel S. Hamermesh. (1998). Beauty, Productivity, and Discrimination: Lawyers' Looks and Lucre. *Journal Labor Econ*, no 16 (1), pp.172–201.

Craig M. L. (2006) Race, beauty, and the tangled knot of a guilty pleasure. *Feminist Theory*, no. 7(2), pp.159–177.

De Blacam C., Kilmartin, D., Mc Dermott, C., & Kelly, J. (2015). Public perception of Plastic Surgery. *Journal of Plastic, Reconstructive and Aesthetic Surgery*, no. 68(2), pp. 197–204.

Dion K. (1981). Physical attractiveness, sex roles and heterosexual attraction. In M. Cook (Ed.), *The bases of human sexual attraction* New York: Academic Press, pp. 3-22.

Downs A.C. and S.K. Harrison (1985), "Embarrassing Age Spots or Just Plain Ugly? Physical Attractiveness Stereotyping as an Instrument of Sexism on American Television Commercials," *Sex Roles*, no.13 (1/2), pp.9-19.

Dzheri D., Dzheri Dzh. (1999) *Bo' shoj tolkovy' j sociologicheskij slovar' . v 2-x tomah*. [The big explanatory sociological dictionary]. In 2 volumes, Moscow: Veche, AST.

Hamermesh D. (2011). *Beauty Pays: Why Attractive People Are More Successful*. OXFORD: Princeton University Press, pp.15-15

Huston T. and Levinger G. (1978). Interpersonal attractions and relationships. *Annual Review of Psychology*, no.29, pp. 115-156.

Johnson S.K., Podratz K.E., Dipboye R.L., Gibbons E. (2010). Physical attractiveness biases in ratings of employment suitability: Tracking down the "beauty is beastly" effect. *The Journal of Social Psychology*, no.150(3), pp. 301-318.

Klaus Xurrel'mann, (2016). *Molodezh' Central'noj Azii. Kazaxstan. Na osnove sociologicheskogo oprosa*. [Youth of Central Asia. Kazakhstan. On the basis of a poll], Second edition, Germany, Berlin. Almaty, pp. 281.

Lee S. and Ryu, K. (2012). Plastic Surgery: Investment in Human Capital or Consumption? *Journal of Human Capital*, no. 6(3), pp. 224–250

Pogonцева D.V. (2013) *Predstavleniya o telesnoj krasote v sovremennoj kul'ture* [Representations of bodily beauty in modern culture]. *Journal Psychologist*, no. 8, pp.71-79.

Ruby J. (1996). Acts of Senseless Beauty. *Off Our Backs*, no. 26(6), pp.15-15.

Solomon M.R., Ashmore, R., & Longo, L.C. (1992). The beauty match-up hypothesis: Congruence between types of beauty and product images in advertising. *Journal of Advertising*, no.21, pp.23-34

Statistics in Instagram, Live Journal, YouTube, Facebook for bloggers, social media and business. URL:<https://pro.livedune.ru>

Suslina E. (2003) *Povsednevnyaya zhizn' russkix shhegolej i modnicz* [Daily life of Russian dandies and fashionistas] Moscow: Young guard, pp.424.

Taylor-Alexander S. (2017) *Beauty Shouldn't Co Your Life: Plastic surgery, modernity and a Mexican public health campaign*. *Culture, Theory and Critique*, no. 58(1), pp.77–93.

The Official journal of the International Society of Aesthetic plastic surgery. URL: <https://www.isaps.org/medical-professionals/isaps-journal/>

What's beautiful is good. On appearance from a position in the social structure of society. URL:<http://thewallmagazine.ru/good-looking-influences-on-social-attitude> (accessed: 15.03.2009).

World market of beauty salons: global trends and prospects. URL: <https://cosmetology-info.ru/6683/news-Mirovoy-rynok-salovov-krasoty-globalnye-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya>

Yang J. (2011). Nennu and Shunu: Gender, Body Politics, and the Beauty Economy in China. *Signs*, no. 36(2), pp. 333-357.

YouTube: annual beauty content views 2009-2018. URL: <https://www.statista.com/statistics/294655/youtube-monthly-beauty-content-views/>

Арын Д.А.¹, Абжалиева А.Т.²

¹ PhD докторанты, e-mail: Duysenkul.aryn@gmail.com

²әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, e-mail: a.abzhaliyeva@gmail.com
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

ХАЛЫҚТЫҢ КӨШІ-ҚОНЫН ЗЕРТТЕУДЕГІ НЕГІЗГІ ӘЛЕУМЕТТАНУЛЫҚ КӨЗҚАРАСТАРДЫ ЖІКТЕУ

XXI ғасыр түбегейлі әлеуметтік және тарихи оқиғалар мен өзгерістерге толы дәуір, индустрияландыру мен жаһандандудың қоғамға тигізетін әсері терең, жаһандық сананың қалыптасу кезеңі. Жаңа дәуірдегі күрделі әлеуметтік-экономикалық және тарихи өзгерістер көші-қонның көлемі мен сипатына ықпал етуде. Көші-қон әлеуметтік процесс және әлеуметтік өзгеріс ретінде терең зерттеулерді қажет етеді.

Мақалада көші-қонды зерттейтін әлеуметтанулық теорияларға талдау жасалынып, олар көші-қон процесін түсіндіру бағытына қарай топтастырылған және жіктелген.

Мақаланың мақсаты – көші-қон феноменін түсіндіретін ғылыми еңбектерге шолу жасау және көші-қонның әлемдік теорияларын әлеуметтанулық парадигмалар тұрғысынан топтастыру. Әлемдік көші-қон теорияларын әлеуметтанулық ғылыми мектептер тұрғысынан синтездеу көші-қон феноменін әлеуметтанулық тұрғыдан сипаттауға, түсіндіруге және зерттеуге мүмкіндік береді. Сондай-ақ жаһандық миграциялық тенденциялардың қазіргі қазақстандық көші-қон саласындағы ахуалға тигізіп отырған әсеріне сыни талдау жасалынады.

Мақаланы жазу барысында авторлар, халықтың көші-қоны мәселесіне қатысты негізгі теорияларды әлеуметтану ғылымындағы негізгі парадигмаларға топтастыру және жіктеу әдістерін қолданды.

Қазіргі әлеуметтану ғылымында көші-қон құбылысын түсіндіру және талдауға теориялық тұрғыда негіз болатын, бірін-бірі толықтыратын қоғамдағы әлеуметтік құбылыстар мен процесстерді макро- және микродеңгейде түсіндіретін бірқатар ғылыми парадигмалар бар. Солардың біріншісі, қоғамдық жүйені алдыңғы орынға қоятын құрылымдық-функционалдылық көзқарас. Құрылымдық-функционалдылық парадигмасы көші-қонды әлеуметтік құбылыс және әлеуметтік процесс ретінде макродеңгейде қарастырып, көші-қонның себебі қоғамдағы негізгі жүйелердің, соның ішінде экономикалық жүйенің даму деңгейіне байланысты деп түсіндіреді.

Көші-қонның себептерін микродеңгейде түсіндіретін зерттеулер негізінен әлеуметтанушыларға тиесілі. Бұл теориялардың ерекшелігі – белгілі-бір нақты жағдайға байланысты жасалатын тұлғааралық қарым-қатынастардың ерекшеліктерін түсіндіру, яғни адам, оның іс-әрекеті мен мінез-құлқы, күнделікті өмірдегі әлеуметтік қарым-қатынастары басты орынға қойылады.

Көші-қонның себебін түсіндіретін үшінші топтағы теорияларды интегративті бағыттағы парадигмаларға жатқызамыз, яғни олар көші-қонның себебін құрылымдық және тұлғалық деңгейде, екіжақты қарастырды. Интегративті парадигмалар әлеуметтік шындықты объективті және субъективті, құрылымдық және динамикалық, қоғамдық және тұлғалық тұрғыдан бірдей алып талдайды. Бұл теориялар көші-қонға құрылымдық жүйелердің даму деңгейінің де және тұлғалық-индивидуалды факторлардың да әсерінің маңыздылығын зерттеуді бірдей қарастыратын миграциология ғылымы саласындағы жаңа теориялар.

Авторлар көші-қонды түсіндіретін алдыңғы қатарлы теорияларды талдай келе, көші-қон теорияларын П. Штомпканың қоғамдық құрылымды түсіндіретін төрт деңгейлі моделіне сүйене отырып жіктеуді ұсынады.

Түйін сөздер: көші-қон, ауылдан қалаға көшіп-қону факторлары, құрылымдық-функционалды талдау, әлеуметтік өзгерістер, жаһандандудың көші-қонға ықпалы.

Aryn D.A.¹, Abzhaliyeva A.T.²

¹PhD student, e-mail: Duysenkul.aryn@gmail.com

²Candidate of sociological sciences, e-mail: a.abzhaliyeva@gmail.com
al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

Classification of Basic Sociological Approaches in Studying Migration of Population

The 21st century is a time of complex social changes and historical events, the influence of globalization in society is deep, the time of the formation of global consciousness. Profound socio-economic and historical changes affect the volume and nature of migration processes. Migration of the population as a social process and social change requires a deep and comprehensive study in domestic science.

The article analyzes sociological theories in the field of population migration, they are grouped and classified according to the directions of explanation of the migration process.

The purpose of the article is a review of scientific papers explaining the phenomenon of migration and the grouping of world migration theory from the standpoint of the main sociological paradigms. The synthesis of world migration theories from the point of view of the main sociological schools allows for a deeper description, understanding and study of the phenomenon of population migration. The article also provides a comparative critical analysis of the impact of global migration trends on the migration status in modern Kazakhstan. In the course of writing this article, the authors used the methodology for classifying the world's leading theories in the field of migration into the main scientific paradigms in sociology.

In modern sociological science there are several scientific complementary paradigms explaining social processes and phenomena at the macro and micro levels. A detailed description of this approach is presented in the three main paradigms: the first structural and functional direction, which puts social systems at the head of the study. The structural-functional paradigm considers migration as a social phenomenon and social process at the macro level and explains the causes of migration with the level of development of structural systems in society, especially economic ones.

Theories explaining the causes of migration at the micro level are mainly owned by sociologists. A distinctive characteristic of such a theory is an understanding of the characteristics of individual and interpersonal relations in a certain situation, those that are in the foreground are people and their behavior, as well as their social interactions in everyday life.

The third group of the theory, explaining the reasons for migration, belongs to integrative paradigms in sociological science, they explain the migration process at two levels: structural and personal. Integrative paradigms analyze social reality simultaneously with objective and subjective, structural and dynamic, social and individual points of view. These theories are new theories in the field of migration, which consider the need to study the effects on migration and the level of development of structural systems, and individual and individual factors.

Analyzing advanced theories explaining migration, the authors propose to classify migration theories based on a four-dimensional model of understanding the social structure of P. Shtompka.

Key words: Migration, Factors of Rural-Urban Migration, Structural-Functional Analysis, Social changes, The Impact of Globalization on Migration.

Арын Д.А.¹, Абжалиева А.Т.²

¹PhD докторант, e-mail: Duysenkul.aryn@gmail.com

²кандидат социологических наук, e-mail: a.abzhaliyeva@gmail.com
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Классификация основных социологических подходов в изучении миграции населения

XXI век – время сложных социальных перемен и исторических событий, влияния глобализации на общество, время становления глобального сознания. Глубокие социально-экономические и исторические изменения влияют на объем и характер миграционных процессов. Миграция населения как социальный процесс и социальное изменение требует глубокого и всестороннего изучения в отечественной науке.

В статье анализируются социологические теории в области миграции населения, они сгруппированы и классифицированы по направлениям объяснения миграционного процесса.

Цель статьи – обзор научных трудов, объясняющих феномен миграции и группировки мировых теории миграции с позиции основных социологических школ дает возможность более глубокому описанию, пониманию и изучению феномена миграции населения. Также в статье дан сравнительный критический анализ влияния глобальных миграционных тенденций на миграционное состояние в современном Казахстане. В ходе написания данной статьи авторы использовали методику классифицирования ведущих мировых теорий в области миграции на основные научные

парадигмы в социологии. В современной социологической науке существует несколько научных взаимодополняющих парадигм, объясняющих социальные процессы и явления на макро- и микроуровнях. Детальная характеристика данного подхода представлена в виде трех основных парадигм: первое, структурно-функциональное направление, которое ставит во главе изучения общественные системы. Структурно-функциональная парадигма рассматривает миграцию как социальное явление и социальный процесс на макроуровне и объясняет причины миграции с уровнем развития структурных систем в обществе, в особенности экономических.

Теории, объясняющие причины миграции на микроуровне, в основном принадлежат социологам. Отличительная характеристика таких теорий – понимание особенностей индивидуальных и межличностных отношений в определенной ситуации, то есть на передний план ставится человек и его поведение, а также его социальные взаимодействия в повседневной жизни.

Третью группу теорий, объясняющих причины миграции, относим к интегративным парадигмам в социологической науке, они объясняют процессы миграции на двух уровнях: структурной и личностной. Интегративные парадигмы анализируют социальную реальность одновременно с объективной и субъективной, структурной и динамической, общественной и индивидуальной точек зрения. Эти теории являются новыми теориями в области миграциологии, в которых рассматривается необходимость изучения влияния на миграцию и уровень развития структурных систем, и индивидуальных и индивидуальных факторов.

Анализируя передовые теории, объясняющие миграцию, авторы предлагают классифицировать теории миграции на основе четырехмерной модели понимания социальной структуры П. Штомпки.

Ключевые слова: миграция, факторы сельско-городской миграции, структурно-функциональный анализ, социальные изменения, влияние глобализации на миграцию.

Кіріспе

XXI ғасырда көші-қон үдерісі жаһандық сипат алып отыр. Мемлекеттердегі жаппай индустрияландыру мен урбандану процестері, жаңа дәуірдегі күрделі әлеуметтік-экономикалық және тарихи өзгерістер көші-қонның көлемі мен сипатына ықпал етуде. Жаһандық миграциялық тенденция әлемдегі барлық мемлекеттерге, қоғамның барлық саласына әсер етіп, әлеуметтік қабаттар мен топтардың, тұрғындардың өмір сүру салтына күрделі өзгерістер әкелді. Бұл мақалада халықтың көші-қонын зерттеуге теориялық және әдістемелік негіз болатын, қазіргі әлеуметтану ғылымындағы негізгі парадигмалар топтастырылып, жіктеледі. Сондай-ақ, халықтың бір жерден екінші жерге көшіп-қонуы – күрделі әлеуметтік үдеріс және қазіргі қоғамда жаһандық масштабтағы өзекті құбылыс ретінде әлеуметтік тұрғыдан талданады.

Соңғы елу жылда әлемдік миграцияның көрсеткіштері айтарлықтай өзгеріске ұшырамаса да, бүгінде оның саяси мәні айтарлықтай маңызға ие, көші-қон қазіргі қоғамдағы қызу талқыланып отырған, эмоцияларға толы тақырып болып қала бермек (Castles, Haas, Miller, 2014: 1).

Халықаралық зерттеу ұйымдарының бағамдарына сүйенсек, 2015 жылы әлемде 244 халықаралық мигрант есепте тұрып, бұл көрсеткіш жер бетіндегі халықтың 3,3 пайызын құраған. Бір жағынан алғанда бұл жер бетіндегі бүкіл халықтың санына шаққанда өте аз көр-

сеткіш, яғни халықтың басым көпшілігі өз туған жерінде қала бермек. Алайда мемлекеттер үшін сыртқы көші-қонға қарағанда ішкі көші-қонның көлемі ауқымды және ішкі көші-қонның көп елдерде мемлекет тарапынан реттелуі үлкен мәселе туғызып отыр. Мысалы, 2009 жылы әлем бойынша мемлекеттер ішінде көшіп-қонушылардың саны 740 млн құраған (World Migration Report, 2018: 2).

Бүгінде көші-қон құбылыс ретінде «жіберуші» мемлекет үшін де «қабылдаушы» мемлекет үшін де қоғамдағы құрылымдық өзгерістерді тудырып, «жіберуші» мемлекеттер үшін дамуының негізгі факторына айналып отыр. Орталық Азияның бірқатар мемлекеттерінде еңбек және сауда көші-қонының жекелеген отбасылар мен аймақтардағы, тіпті, ұлттық экономикадағы үлесі өскен және шетелдердегі мигранттардың ақшалай аударымдарының мемлекеттің жалпы ішкі өніміндегі үлесі, шетелдік инвесторлар және халықаралық ұйымдардың көмектерінен анағұрлым жоғары (Садовская, 2016: 10). Білім алу мақсатындағы миграцияның елдің әлеуметтік және экономикалық дамуына айтарлықтай үлес қосатыны белгілі. 1960 жылдары Жапония, Оңтүстік Корея, Тайвань, Гонгконг білімді адамдардың дамыған шетелдерге көшіп кетуі жөнінен (brain drain) әлем бойынша алдыңғы орында тұрған. Алайда нақ осы уақытта аталған елдердің экономикасында жоғары өрлеу дәуірі басталған еді. Шетелден білім алып келген адамдар ел экономикасын көтеруге кіріскен еді

(brain gain) (Skeldon, 1997: 108-115). Зерттеуші осы тұста миграцияның кедейшілікке әсерін екі жақты қарастырады. Жоғарыда аталған мемлекеттер үшін көші-қон әлеуметтік-экономикалық дамудың факторы болса, дамушы мемлекеттердегі халықтың жылдам өсуі, елдегі құрылымдық кедейлік қазіргі бұл мемлекеттердегі көші-қонға әсер ететін негізгі факторлар болып отыр. Сонымен, көші-қонның бағыты қазір де көп өзгерген жоқ: көші-қон дамушы елдерден дамыған елдерге қарай бағыт алған. Дамыған елдерде иммигранттардың үлесі жергілікті халыққа шаққанда жылдан жылға өсіп келеді, бұл жағдай мигрантты қабылдаушы мемлекеттердегі әлеуметтік қатынастарға, мәдениетке, ұлттық сәйкестілікке және ұлттық саясаттың бағытына едәуір әсер етіп отыр. Кей жағдайда бірқатар мемлекеттерде жергілікті халық тарапынан ксенофобтық көзқарасты тудырып отырғаны белгілі.

Әлемдік миграциялық жағдайлар еліміздегі көші-қон процестеріне әсер етіп отыр. Көші-қон – қазақстандық кеңістікте тосын құбылыс емес. Ел тарихындағы демографиялық, әлеуметтік-экономикалық, мәдени өзгерістерге көші-қон үрдісі тікелей ықпал етті. Ішкі көші-қон республика аумағындағы ірі қалалардың пайда болуына әсер етті. Бүгінгі уақытта халықтың көші-қон үрдістері Қазақстан қоғамы үшін өзекті.

Қазіргі Қазақстан қоғамында ішкі көші-қон үрдісінің етек алуы аймақаралық әлеуметтік, демографиялық, экономикалық теңсіздіктерге байланысты. Елімізде ішкі көші-қон үрдісі біріншіден, мелекеттік билік құрылымдары тарапынан ұйымдастырылған түрде іске асырылып жатса, екіншіден, стихиялық түрде, негізінен әлеуметтік-экономикалық жағдайы төмен аймақтардан республикалық маңызы бар ірі қалаларға жұмыс іздеу мақсатымен жүруде. Ауыл жастарының қалаларға көшіп-қонуы өзекті болып отыр, өйткені қалаға қоныс аударған ауыл жастары Қазақстанның ірі қалаларының әлеуметтік-мәдени және этномәдени бейнесін трансформациялайды.

Ресми статистикалық ақпарат көзі соңғы онжылдықта елімізден 300 мыңнан аса адамның көшіп кеткенін көрсетеді. Елден көшіп кетушілердің басым бөлігі жастар, яғни еліміздің әлеуметтік-демографиялық қабаты және жастардың инновацияға бейім екенін ескерсек, онда еліміздің экономикалық-креативті әлеуеті деп те айта аламыз. Әлеуметтанулық зерттеулер нәтижесі жастар миграцияны өмір сүру мүмкіндіктерін арттырудың бірден-бір жолы ретінде қарастыратынын көрсетіп отыр.

Әлеуметтанушылар көші-қон процесін күрделі әлеуметтік процесс және құбылыс ретінде макро- және микродеңгейде, мигрантты жіберуші аймақ пен қабылдаушы аймақтардағы көші-қонға әсер етуші факторларды және осы факторлар арасындағы себеп-салдарлық байланысты, сондай-ақ көшіп-қонушының мінез-құлқын, әлеуметтік шығу тегін, әлеуметтік мәртебесін, әлеуметтік жағдайын, өмір сүру деңгейі мен өмір сүру сапасын қарастырады (Юдина, 2006: 221). Қазіргі заманғы халықтың көшіп-қону үрдісін зерттеушілер әлеуметтану ғылымының классиктерінің еңбектеріндегі әлеуметтанулық таным заңдылықтарын түсіндіру әдістемелеріне сүйенеді. Бұл заңды да, өйткені көші-қон әлеуметтік процесс ретінде қоғамдық ғылымдардың ішінде алдымен әлеуметтану ғылымының назарына ілікті.

Негізгі бөлім

Қазіргі әлеуметтану ғылымында көші-қон құбылысын түсіндіру және талдауға теориялық тұрғыда негіз болатын, бірін-бірі толықтыратын макро- және микродеңгейлі бірқатар ғылыми парадигмалар бар. Солардың біріншісі, қоғамдық жүйені басты орынға қоятын құрылымдық-функционалдылық теориясы. Құрылымдық-функционалдылық парадигмасы көші-қонды макродеңгейде қарастырып, көші-қонның себебі қоғамдағы жүйелердің, соның ішінде экономикалық жүйенің жағдайына байланысты деп түсіндіреді. Бүгінде әлеуметтік құбылыстар мен процестерді зерттеушілер тарапынан құрылымдық-функционализмге қызығушылық артқан. Бұның себебі, бәлкім, қазіргі жаһандану заманының салдарын түсіндіру барысында туындаса керек. Құрылымдық-функционалдылық парадигмасының мазмұны бойынша – адамның мінез-құлқының қалыптасуына және оның белгілі-бір жағдайларға қатысты белгілі-бір ортада жасаған іс-әрекетіне оның қоршаған ортасы әсер етеді. Осыған байланысты адамнан күтілетін әрекет пен оның жасаған іс-әрекеті үнемі сәйкес келіп отырады. Әлеуметтену барысында бір ұрпақтан екінші ұрпаққа қоғамдық құндылықтар беріледі және бұл қызметті отбасы атқарады. Отбасы арқылы адамның бойында сүйіспеншілік (отанға, жақынына), сәйкестілік (ұлттық) сезімдері қалыптасады. Міне, осы жерде әлеуметтану ғылымының универсалды жәдігері болып табылатын құрылымдық-функционалды парадигманың, Э. Гидденстің қазіргі заманның «сұрапыл күшіне» (Guggernaut) балаған

жаһандануға қарсы қойылатын теңдессіз теория бола алады. Парадигма өкілдерінің пайымдауы бойынша (мысалы, Р. Мергтонның айтуы бойынша) адамның қоршаған ортаға, қоғамға интеграциясы жанжалсыз жүруі керек. Құрылымдық-функционалдылық теориясы көші-қонның себебін қоғамдағы әлеуметтік-экономикалық жағдайлармен, қайсыбір қоғамда қалыптасқан дәстүр мен мәдениет тұрғысынан түсіндіреді.

Құрылымдық теория өкілдері көші-қонға әсер ететін факторларды төмендегіше топтастырады:

Экономикалық (жалақының аздығы, жұмыссыздық);

Әлеуметтік (баспана, мектеп, денсаулық сақтау мекемелері, дүкендер);

Демографиялық (жасы, жынысы, отбасылық жағдайы);

Саяси (ел ішіндегі саяси жағдайларға байланысты);

Діни ахуал.

Әйтсе де құрылымдық теория өкілдері көші-қонның негізгі мотивтері мен нәтижесін әлеуметтік-экономикалық факторлармен байланыстырады (Забирова, 2003: 131).

Миграция ғылымындағы құрылымдық-функционалдылық парадигмасы тұрғысынан түсіндіруге болатын алғашқы еңбектің бірі Э. Равенштайнның «Миграция заңдылықтары» атты мақаласы. Э. Равенштайн көші-қонның заңдылықтарын әлеуметтік-территориялық мобильділік тұрғысынан сипаттайды, көші-қонды мемлекеттегі экономикалық және саяси жүйелердің әлсіздігінен келіп туындайтын жағдай деп түсіндіреді. Э. Равенштайн зерттеулерін Ұлыбританиядағы халық санағы мәліметтеріне сүйене отырып жүргізген. Автор зерттеудің міндеттері ретінде индустриализация мен урбанизация дәуірі алдында тұрған ағылшын қоғамындағы миграциялық трендтерді, миграция ауқымын, және оған әсер ететін жағдайларды қарастырды. Сондай-ақ, Равенштайн миграцияға этностық сипат беріп, көшіп-қонушыларды жіктейді. Автор эмпирикалық бақылауларының нәтижесінде көші-қонның негізгі заңдылықтарын көрсетеді және бұл заңдылықтар миграциология ғылымының дамуына теориялық негіз болды:

Көшіп қонушылардың көбісі, әдетте, жақын қашықтыққа қоныс аударуға бейім.

Көші-қон бірнеше кезеңнен өтеді, сәтті көші-қон абсорбциямен (жұтылу) мәресіне жетеді.

Шалғай жатқан елді-мекендерден қоныс аударушыларды қалалардағы өнеркәсіптер мен ірі сауда орындары тартады.

Орнын басу: қала маңына таяу тұратын

халық сол қалаға қоныс аударғанда, олардың орнын шалғай елді-мекендерден келген қоныс аударушылар басады.

Ауыл халқы көшіп қонуға бейім.

Ауыл халқы қалаларға қарай қоныс аударуға бейім.

Көші-қонның негізгі себептері – экономикалық жайсыздық, нашар экология, тұрмыстың ауырлығы. Аймақтардағы әлеуметтік-экономикалық жағдайлар әртүрлі болып келеді. Қаладағы ыңғайлы тұрмыс ауыл халқын қалаға қарай тартады.

Қала халқы көші-қонның есебінен артады, көші-қонның көлемі қалалардағы индустриализация мен сауда орындарының көбеюіне тура пропорционал.

Қоныс аударушылар, әдетте, ересек, жалғыз-лікті жас адам, отбасылар сирек көшеді, ішкі миграцияда әйелдердің саны көп болса, ерлер сыртқы миграцияға бейім (Адедиран, 2015: 30-32).

Э. Равенштайнның ішкі көші-қонға қатысты постулаттары бүгінгі күнде дамыған мемлекеттерге қатысты ескірген теория болып саналуы мүмкін, алайда дамушы мемлекеттер үшін өзектілігін жоймаған. Қазіргі Қазақстандағы ішкі көші-қонның жағдайы өзге дамушы елдердегідей, ішкі көші-қон негізінен ауылдан қалаларға бағыттталып, елдегі урбандалу процесін жеделдетуде. Ресми статистикалық мәліметтер бойынша Қазақстанда қала халқы – 57%, ауыл халқы – 47%. Ауыл халқының қалаларға қоныс аударуының басты себебі ауылдардағы әлеуметтік-экономикалық жағдайдың төмендігі, ауылдық жерлерде жұмыс орындарының аздығы, ауылдық жерлердегі шектеулі инфрақұрылым, ірі қалалардың шалғай орналасуы.

Халықтың көші-қонын әлеуметтанулық тұрғыдан түсіндіретін теориялардың негізгісі американдық әлеуметтанушы Э. Лидің «Көші-қон теориясы» («A theory of migration»). Зерттеулердің нәтижесінде Э. Ли халықтың бір жерден екінші жерге көшіп қонуына итермелейтін факторларды анықтайды:

– тұрғындарды мекенінен (ауылдан) ығыстырушы факторлар (Push Factors): кедейлік, жұмыссыздық, кіріс деңгейінің аздығы, тұрмыстың ауырлығы, т.б.

– тұрғындарды екінші жерге (қалаға) тартатын факторлар (Pull Factors): кіріс мүмкіндіктерінің көбеюі, инфрақұрылым, ыңғайлы әрі жеңіл тұрмыс, т.б.

– көші-қонға кедергі келтіретін аралық факторлар (Intervening obstacles): елді-мекендердің шалғай орналасуы көшіп-қону үшін біраз

шығын келтіреді, көшіп баратын жердегі тұрғын үй бағасының қымбат болуы, туған жерге деген қимастық сезімдер, қалып бара жатқан жақын адамдар, т.б.

– жеке факторлар (Personal Factors) немесе адамның тұлғалық қасиеттері – көшіп баратын жердегі артықшылықтар мен қазіргі тұратын жердегі қиындықтарды салыстырып, рационалды ойлаудың нәтижесінде шешімге келу (Lee, 1966: 50).

Көші-қон әлеуметтануының дамуына үлес қосқан Э. Лидің «ығыстырушы-тартылыс факторлары» деген атпен белгілі теориясы көші-қонның себептерін әлеуметтанудағы құрылымдық-функционалдылық парадигмасы тұрғысынан түсіндіреді және Равенштайнның ауылдан қалаға көшіп қону постулаттары мен С. Стоффердің «ұстап қалушы» факторлары (Theory of intervening opportunities) тұжырымдарын толықтырады. Бұл теория бүгінгі күндегі өзектілігі, қазіргі қала халқының ауылдан көшіп келген ауыл жастарының есебінен ұлғаюымен анықталады. Бұл жағдай Э.Лидің көші-қонның «сұрыптық сипатта іске асады» деген тұжырымына дәлел. Э. Лидің теориясында көші-қонның негізгі себебі – әлеуметтік-экономикалық жағдайдың ауырлығы.

Құрылымдық теориялар аймақтар арасындағы көші-қон процесін түсіндіру барысында экономикалық және еңбек факторларының маңыздылығын алдыңғы қатарға қояды: көші-қонның басты себебі – аймақтар арасындағы кіріс теңсіздігі (Забирова, 2003: 132).

XX ғасырдың екінші жартысында экономика ғылымы көші-қонның әлеуметтік-экономикалық себеп-салдарлық байланысын жан-жақты зерттей бастады. Бұл теориялардың барлығы көші-қонға әсер ететін ығыстырушы-тартылыс факторларын анықтау арқылы құрылған. Осындай құрылымдық теорияның бірі – Артур Льюистің көші-қонның себептерін түсіндіретін классикалық макроэкономикалық теориясы. Жиырмамыншы ғасырдағы мемлекеттердің дамуы, экономикалардың интернационалдануы, үшінші әлем мемлекеттерінің деколонизациясы, әлемдік миграция үрдісінің жылдамдауы А. Льюистің құрылымдық неоклассикалық теориясының туындауына алғышарт болды. Льюис үлгісі экономикасы екі секторға – өнеркәсіп және ауылшаруашылық салаларына негізделген мемлекеттерге арналған, бұндай мемлекеттерде әдетте ауылшаруашылық саласында жұмыс қолы тым көп, ал өнер-

кәсіпте жеткіліксіз болып келеді. Сондықтан көші-қон ауылдан қалаға қарай, немесе табиғи ресурстары өте аз немесе жоқ, өнеркәсіп орындары өте аз, экономикасы ауылшаруашылық саласына қарап отырған мемлекеттерден дамыған мемлекеттерге бағытталады, яғни көші-қон теңсіздік пен кедейлікті жоюдың амалы (Wickramasinghe, Wimalaratane, 2016: 21). Льюис үлгісі бойынша экономикасы ауылшаруашылық саласы мен өнеркәсіпке салаларына құрылған мемлекеттерде екі сала жұмысшыларының жалақысының арасындағы айырмашылық шамамен 30 пайыз, осы жағдай тұрғындарды көші-қонға итермелейді. Рационалды ойлайтын адамдар өзіне максималды тиімді болатын жолды қарастырады. Бұл тұжырымды көші-қонның келесі үлгісі арқылы түсіндіреміз.

Осындай теорияның бірі – көші-қонның себебі аймақтардағы еңбек пен капиталдың теңсіз бөлінуі деп түсіндіретін М. Тодароның ұсынған үлгісі (Ивахнюк, 2015: 41). М. Тодароның неоклассикалық теориясын құрылымдық парадигмаға жатқызамыз, өйткені бұл үлгінің мазмұны миграцияның себебі мемлекеттің экономикалық жүйесінің дамуымен тығыз байланысты деп көрсетеді. Қалалардағы жұмыссыздық деңгейінің жоғары болуына қарамастан, ауылдан қалаға қоныс аудару – рационалды іс-әрекет болып табылады. Жұмысшылар қалаға көшіп барғанда алатын жалақысы мен ауылда тауып отырған табысының деңгейін салыстырып, егер қалада жүріп табатын табысы ауылда табатын табысынан жоғары болса ғана көшуге дайын. Осылай ойлауға негізделіп жасалынған әрекетті неоклассиктер рационалды әрекет деп түсіндіреді. Тодароның айтуы бойынша қала экономикасын көтеруге бағытталған кез келген іс-шара қаладағы халық санының артуына, жұмыссыздықтың ұлғаюына себеп болады, өйткені қаладағы өмір сүру деңгейін жақсарту ауылдық жерлерден жұмыс күшін тартады. Жұмыс орындарының аздығына қарамастан жоғары білімді адамдардың саны көбейе түседі де, жоғары білімділер жұмыссыздардың қатарын толықтыра түседі. Бұл жағдайда көші-қонға «тартылыс» факторларына қарағанда ауылдағы «ығыстырушы» факторлар әсер етеді (Todaro, 1969: 140). Сонымен, Тодаро үлгісі бойынша көші-қонға әсер ететін факторлар:

- рационалды ойлау (шығындар мен түсіретін табысты салыстыру);
- ауылдық жерлердегі «ығыстырушы» факторлар;
- ауыл мен қаладағы күтілетін табыс ара-

сындағы айырмашылық көші-қонды ұлғайтып, қаладағы қосымша жұмыс күштерін көбейтеді де, жұмыссыздықтың өсуіне алып келеді.

Тодароның көші-қон үлгісі біздің еліміздегі әлеуметтік-экономикалық жағдайды түсіндіруге қолайлы.

Қазақстанда жан басына шаққандағы жоғары білім деңгейінің басқа дамушы мемлекеттермен салыстырғанда жоғарылығына қарамастан, елімізде жұмыссыздық мәселесі өзекті. Мамандар тұрғындардың көп бөлігінің жұмысбастылығын қамтамасыз ету үшін келесі салаларды дамытуды ұсынады:

Ауыл шаруашылығы;

Тамақ және жеңіл өнеркәсіп;

Қызмет көрсету саласы мен туризм.

Елімізде халықтың 44 %-і ауылдық жерде тұрады. Ал, орташа және аз урбандалған елді мекендердің үлесі 60 %. Демек, ауыл шаруашылығын дамыту біздің еліміз үшін өзекті болып қалмақ.

Құрылымдық өзгерістер теориясының өкілдері (мысалы, А. Фишер, К. Кларк, Ж. Фурастье) халықтың әлеуметтік-экономикалық жағдайының артуы экономикадағы үшінші сектор – қызмет көрсету саласының дамуымен тығыз байланысты екенін айтқан. Жан Фурастье, француз әлеуметтанушысы және индустриалды қоғам теоретигі «XX ғасырдың үлкен үміті» еңбегінде қызмет көрсету саласы өркендеген қоғамда өмір сүру сапасының артуы, әлеуметтік қауіпсіздік, білімнің үстемдік құруы, мәдениеттің дамуы, біліктіліктің жоғары деңгейі, еңбектің гуманизациясы, жұмыссыздықтың жойылуы сияқты жағдайлардың орын алатынын айтады (Меньшикова, 2001: 15). Қызмет көрсету саласын дамытуды қолға алудың әлеуметтік және экономикалық сала үшін маңыздылығын әлемде ең дамыған елдерде қызмет көрсету саласынан түсетін кіріс елдің ЖІӨ-ге түсетін кірістің 80 пайызын құрап отырғандығынан көруге болады.

Сонымен, құрылымдық-функционалдылық парадигмасына жатқызуға болатын теориялардың барлығы да көші-қонға әсер ететін фактор – экономикалық саланың жағдайы деп көрсетеді. Миграция барлық жағдайда аз дамыған аймақтардан, елдерден, елді-мекендерден табыс табуға мүмкіндіктер жоғары болатын жерлерге қарай бағытталады. Зерттеушілер құрылымдық парадигма теоретиктерін сынап жатады: егер көші-қонның басты себебі экономикалық жағдай болатын болса, онда әлемде мигранттардың саны анағұрлым көбеймес пе еді? Алайда әлеуметтанушылар С. Стоффер және Э. Ли, ығыс-

тырушы факторлармен қоса көші-қон акторын мекенінде ұстап қалатын факторлардың да болатындығын айтады. Олар – туған жерге деген қимастық сезімдер, қалып бара жатқан жақын адамдарды қимау, т.б. сияқты сезімдер және шығынды есептеу. Әлеуметтанудағы құрылымдық-функционалдылық парадигманың кемшілігі, олар жүйені, жүйенің адамға әсерін бірінші орынға қояды. Яғни, адам қоғамға икемделіп, бейімделіп, қоғамға сай әрекет етуі керек. Бұндай тұжырым бір қарағанда дұрыс та көрінуі мүмкін. Көші-қонның құрылымдық теориясының өкілдері де көші-қон акторы – адамнан осыны күтеді. Бірақ бұл тәріздес теориялар қоғамды және оның құраушы жүйелерін (әлеуметтік, экономикалық, саяси, мәдени) алдыңғы орынға қойып, адамды жеке мені жоқ, қоршаған ортаға сай әрекет ететін «құрылғы» сияқты түсіндіреді. Тіпті, құрылымдық-функционалдылық парадигмасының негізгі өкілі Т. Парсонс өз теорияларында адамды да қоғамның бір жүйесі ретінде көрсетеді (Ритцер, Степницкий, 2018: 264). Әлеуметтанудағы интегративті парадигма теоретиктері Т. Парсонстың теориясын өзгерістерге икемсіздігі үшін сынға алған.

Әлеуметтанудағы көші-қон процесін түсіндіретін келесі теорияларды микроәлеуметтанулық парадигма топтастыруға болады. Бұл топтағы теорияларды отандық зерттеушілердің бірқатары көші-қонның субъективтік теориялары деп көрсеткен. Көші-қонның микродеңгейлі теориялары адамды көші-қонның агенті ретінде қарастырады. Бұл теория өкілдері қоғамның, қоғамдағы құрылымдық жағдайлардың көші-қонға тигізетін әсерін жоққа шығармайды, қоғамдағы әлеуметтік-экономикалық, саяси немесе экологиялық жағдайлар сияқты объективті факторлар көші-қонның бірден-бір себебі болады, бірақ көшу ниеті, қоныс аударуға шешім индивидуум деңгейінде қабылданады (Забирова, 2003: 134). Микроәлеуметтанулық көзқарас бойынша адам қоныс аударуға кететін шығындар мен көшіп барған жердегі табатын табысын салыстырып, яғни рационалды ойлау арқылы шешім қабылдап, соған байланысты әрекет ететін субъект ретінде қарастырылады. Бұндай көзқарасты біз М. Вебердің іс-әрекет көзқарас теориясынан, рационалды ойлау тұжырымдамасынан байқаймыз. Әлеуметтанушы Э. Ли көші-қонның «ығыстырушы» және «тартушы» факторларымен қоса, үшінші фактор – «ұстап тұрушы» жағдайлардың болатынын айтқан, яғни жеке адамға қатысты субъективті факторлар, олар – қимастық сезімдер, дәстүр

мен діннің әсері, адамның жеке қасиеттері – өзгерістерге, жетістікке ұмтылу, т.б. жағдайлар.

Әлеуметтанудың микроәлеуметтанулық парадигмасы тобына кіретін теориялар – әлеуметтік айырбас теориясы (Дж. Хоманс, П. Блау), рационалды таңдау теориясы (М. Вебер, Дж. Коулмен), символикалық интеракционизм (Дж. Мид, Г. Блумер, Ч. Кули), феноменология (А. Шюц), әлеуметтік акционализм (А. Турен) теориялары. Бұл теориялардың ерекшелігі – нақты жағдайға байланысты жасалатын тұлғааралық қатынастардың ерекшеліктерін түсіндіру, яғни адамды, оның іс-әрекеті мен мінез-құлқын басты орынға қоятындығында. Көші-қон процесін бихевиористік көзқарас тұрғысынан түсіндіретін еңбек – У. Томас пен Ф. Знанецкийдің «Европа мен Америкадағы поляк шаруасы» (1918). Бұл еңбек әлеуметтанудағы эмпирикалық әлеуметтанудың дамуымен қоса көші-қон теорияларын әдістемелік жағынан толықтыруға да үлкен үлес қосты. Авторлар еңбекте көші-қонның салдары, көшіп-қонушылардың жаңа жерге бейімделуі, олардың әлеуметтік шығу-тегі, көші-қонға итермелеген мотивтерін әлеуметтанудың эмпирикалық әдістері арқылы зерттеді (Сердюков, 2018: 296).

Жеке тұлғаның немесе отбасының қоныс аудару шешімін зерттеп, көші-қонды адамның жан-жақты ойластырылып қабылдаған шешімінің нәтижесі, рационалды әрекеті деп түсіндірген Г. Хаберкорн болды. Г. Хаберкорн көші-қонды адамның жеке қасиеттеріне байланысты жасалатын әлеуметтік іс-әрекет, процесс ретінде қарастырады. Адамның шешім қабылдауы сапалық қасиеттеріне байланысты – қатерден қорықпайтын, жаңа жерге тез бейімделгіш, қажетті ақпаратты жинап алып, оны екшеп, жауапкершілікті өз мойнына алуға бейім интерналдар миграцияға бейім. Хаберкорн қоныс аударған мигранттың іс-әрекетін былай сипаттайды – өзгеріске, жақсы өмірге ұмтылған адам жаңа жерге барынша кедергісіз әрі жылдам кірігу, бейімделу мақсатында, өзінің этникалық шығу-тегі бір адамдардан саналы түрде алшақтауға бейім (Забирова, 2003: 135).

Көші-қон адамның белгілі-бір өмір салтын ұстануынан келіп туындаған әрекет деп түсіндіретін тұжырымдама өкілдері – Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт, Р. Маккензи, М. Гордон, т.б. үлкен қалалардың, ондағы адам үшін ыңғайлы өмірдің мигрантты тартатын қасиетін қарастырған. Бұндай тұжырымдаманы ұстанушылар үлкен қалалардағы жылдам өмір, қала мәдениеті, қала инфрақұрылымы ауыл тұрғындарын, әсі-

ресе мобильділікке бейім жастарды тартатынын және қаланың «сіңіргіш, жұтып алатын» қасиетін айтады. Мысалы, Р. Парк – индивидтер мен әлеуметтік топтар бір-бірінен мәдениеттерді қабылдап, ортақ мәдениетті тудырып, индивидтердің әлеуметтік топқа әлеуметтік-мәдени түрде сіңіп кетуін ассимиляция деп түсіндіреді. Қала мигрантты қабылдамауы да мүмкін, жаңа мәдениетке үйренбеу, мойын ұсынбау маргиналдылыққа алып келеді (Park, 1950: 349). Осыған ұқсас ойларды Л. Вирттің еңбектерінен және күнделікті өмір әлеуметтануының негізін қалаушы А. Шюцтің еңбектерінен байқаймыз. Көші-қонды мобильділік, өзгерістер, бейімделу, әлеуметтену тұрғысынан зерттеп, көші-қон тек территориялық қозғалыс қана емес, адамның жан дүниесі, белгілі-бір өмір сүру салтына ұмтылудан келіп туындаған әлеуметтік мобильділік деп түсіндіреді бұл тұжырымдаманы ұстанушылар.

Жоғарыда аталған әлеуметтанушылардың ойларын қазіргі Қазақстанның жағдаймен салыстыруға болады. Қазіргі таңда әлемде жаһандандудың салдары урбанизация үрдісі қарқынды жүруіне әсер етіп отыр және Қазақстан осы әлемнің бір бөлігі ретінде бұл процестен тысқары қалмақ емес. Урбанизация үрдісіне әсер ететін жағдайлар:

Ауылдан қалаға қарай қоныс аудару;

Қала шетінде аудандардың пайда болуы;

Қалаға жақын орналасқан ауылдық елді-мекендердің қала статусын алуы;

Қала халқының табиғи өсімі.

Ауыл жастарының ауылдық жерлер мен аймақтық қалалардан республикалық деңгейдегі ірі қалаларға кетуінің артуы, қала шетінде орналасқан аудандардың ұлғаюы және кедейленуі еліміздегі урбанизация (үрдіс ретінде) мен урбанизацияланудың (урбанизация процесінде қол жеткізген әлеуметтік, экономикалық, мәдени, т.б. көрсеткіштер деңгейі) арасындағы үлкен айырмашылықтарды туғызуда. Бұл жағдай миграциологияда қалаға бейімделу, қала мәдениетін сіңіру мәселелерінің өзекті екенін көрсетеді.

Сонымен, көші-қонды микроәлеуметтанулық парадигма тұрғысынан түсіндіретін теориялар шешім қабылдау процесіндегі адамның психологиялық ерекшеліктеріне мән береді. Көші-қонға әсер ететін факторлар – ақпараттың ролі, сонымен бірге қатерлерді қабылдауға дайын болу, субъективті бақылау деңгейі, мобильділік, жетістікке, дамуға ұмтылу сияқты адамның жеке қасиеттері әсер етеді. Бихевиористік теория авторлары көші-қонға басты себеп болатын

құрылымдық жүйелердің ықпалын теріске шығармайды, миграция процесін сипаттауда психологиялық факторлардың маңызды роль атқаратынын баса айтады.

Көші-қонды түсіндіретін теориялардың келесі тобын интегративті парадигмаларға жататын теориялар деп топтастыруға болады. Интегративті парадигмалар әлеуметтік шындықты объективті және субъективті, құрылымдық және динамикалық, қоғамдық және тұлғалық тұрғыдан бірдей алып талдайды. Бұл теориялар көші-қонға құрылымдық жүйелердің даму деңгейінің де және тұлғалық-индивидуалды факторлардың да әсерінің маңыздылығын бірдей қарастыратын миграциология ғылымы саласындағы жаңа теориялар. Теориялық-әдістемелік негізін қалаған – жаңа заман әлеуметтануының классиктері П. Сорокин (әлеуметтік мобильділік теориясы), П. Штомпка (әлеуметтік өзгерістер теориясы), П. Бурдьё (конструктивтік структурализм), Ю. Хабермас (коммуникативті іс-әрекет теориясы), Э. Гидденстің құрылымдау теориясы.

Көші-қонды желілік қатынастар тұрғысынан түсіндіретін желілік теория, негізін қалаушы – Дуглас Массей. Миграциологияда желілер – адамның әлеуметтік капиталы, яғни туыстары, таныстары, жерлестері, отандастары. Д. Массей өз теориясына негіз етіп П. Бурдьё, Дж. Коулман, Р. Патнэм, Ю. Хабермас, Ф. Фукуяма, Н. Луманның әлеуметтік капитал туралы еңбектеріне сүйенді, олар әлеуметтік капитал топтық ресурстар, құндылықтар, қоғамдық игіліктер, топтық бірегейлік, сенім арқылы қалыптасады деп түсіндірді. Әлеуметтанушылар өз кезегінде әлеуметтік капиталдың теориялық-әдістемелік негізін әлеуметтік капиталдың мәнін экономикалық категория деп түсіндірген А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркстің теорияларынан алған (Абдикерова, 2017: 26). Әлеуметтану ғылымында әлеуметтік капиталдың негізін қалаған – Пьер Бурдьё. Ол әлеуметтік капиталды адамның топтық ресурстары, топтық байланыстары деп түсіндіреді және соларды адам өз пайдасына жұмсай алады. П. Бурдьё адамдық капиталдың төрт түрін көрсеткен: әлеуметтік (шығу тегі, таныстары), экономикалық (жиған қаражаты, меншігі), мәдени (алған білімі, тәрбиесі) және символдық (сенім). Адамның белгілі-бір әлеуметтік алаңда доминантты орынға ие болуы оның әлеуметтік капиталының деңгейіне байланысты болады. Адамның шығу тегі оның габитусын анықтайды, ал капитал – габитустан шығады. Габитус – әлеуметтендірілген дене, деп түсіндіреді Бурдьё

өз ойларын. Дж. Коулман адамның мінез-құлқының коллективті шешім қабылдауға тигізетін әсерін қарастырған. Қазіргі қоғамды ассиметриялық қоғам деп, дәстүрлі мәдениет пен жаңа мәдениет арасындағы қақтығысты сипаттайды. Жаңа акторлар (жаһандану) өз мүдделерін БАҚ арқылы таратуда; жаңа, өзге мәдениетті санаға күштеп сіңіруде, сөйтіп ескі акторларды (отбасы құндылықтары, туыстар, көршілер) ығыстыруда, осы тұста сенім проблемасы басты орында тұруы тиіс. Мемлекеттің ролінің басымдығы – жаңа мәдениетке төтеп беру үшін қоғамдық институттарды мемлекет реттеп отыруы тиіс. Дж. Коулман әлеуметтік капитал қоғамдық игіліктер деп түсіндірген.

Әлеуметтанудағы желілік талдау теориясы көші-қонды адамның топтық ресурстары мен ақпараттың бірден-бір әсер етуі тұрғысынан қарастырады. Теорияның мазмұны – адам бұрын көшіп кеткен таныстары, туыстары, жерлестері, өз ұлтының өкілдері, т.б. байланыстарына арқа сүйеніп, жаңа, өзіне таныс емес жерге (үлкен қалаға, өзге елге) көшуге бел буады, олар оның жаңа жерге бейімделуіне үлкен әсер етеді. Адам жаңа жерде желілік байланыстары арқылы қаражат жағынан, жұмысқа орналасу, баспанаға орналасу сияқты мәселелерін шеше алады. Бұл мигрантқа көші-қон барысындағы түрлі қиындықтарды (экономикалық, психологиялық) оңай жеңуге көмектеседі. Адам қоныс аударуға шешім қабылдау барысында әлеуметтік желілерден алған ақпараттарына сүйенеді. Қоныс аударушы үшін ақпараттың маңызы зор. Әлеуметтік желілер – қоныс аударуға итермелейтін, «ығыстырып» шығарушы фактор болып табылады. Осылайша Массей көші-қонды экономикалық өсімнің әсерінен, саяси, экономикалық және әлеуметтік салалардағы ғаламдық интеграциялардың салдарынан туындайтын процесс деп түсінді.

Жаһанданудың әсерінен көптеген процестер, оның ішінде халықтың көші-қоны соңғы жылдары қарқынды жүруде және көші-қонды жаһандану тұрғысынан түсіндіру заман талабы болып отыр. Әлемдік жүйелер теориясы көші-қонды жаһанданудың салдары, экономикалық және саяси интеграциялардың нәтижесінде жаппай интернациялану орын алып, ғаламдық нарық құрылып, ғаламдық капитал, тауарлар мен қызметтер айналысы ғаламдық еңбек күшін де үдете түседі. Көші-қон процесі, әсіресе, империалистік мемлекеттер мен бұрынғы колониялар арасында қарқынды. Жаһанданушылардың ойынша, экономиканың

интернационалдануы капитал айналымын үдетеді, ал ол өз кезегінде адамдардың қозғалысын тудыртып, көші-қон жаһанданудың салдарына айналады. Тауар, капитал және көші-қон ағыны елдер арасындағы шекаралардың алынып тасталынуына алып келеді және мемлекеттердің егемендігіне қауіп төндіреді. Жаһанданушылар көші-қон процесін «орталық-шеткері аймақ (периферия)» тұрғысынан қарастырады. Дамыған мемлекеттердегі жоғары экономикалық өсім мен дамушы елдердегі әлеуметтік-экономикалық және саяси проблемалар көшіп-қонушыларды тартатын және ығыстырушы факторлар болып табылады. Жаһанданудың көші-қонға әсерін С. Каслс және М. Миллер «The Age of Migration» атты еңбектерінде сипаттаған. Американдық әлеуметтанушы С. Сассен «The Mobility of Labor and Capital» атты еңбегінде дамушы елдерге салған инвестициялар сол елдерде эмиграцияның күшеюіне алып келеді деген қарсы тұжырым айтқан. С. Сассен өзінің «жаһандық қала» тұжырымдамасында жаһандық және цифрлық қоғамдағы әлеуметтік теңсіздіктің жаңа формаларын, кедейшіліктің жылдам таралуын, көші-қонның жаңа ерекшеліктерін сипаттаған (Грибова, 2018: 44).

Қазіргі заман әлеуметтанушысы И. Валлерстайн «әлемдік жүйелер» теориясында мемлекеттерді даму деңгейіне қарай орталық (ядро мемлекеттер), шеткі (перифериялар) деп бөлген. Әлеуметтану теоретигі И. Валлерстайн жаһандану мен қазіргі замандағы көші-қонды былайша сипаттайды:

– капитализмнің кең таралуы қалалардың дамуына әкеледі. Жаһанданудың салдарынан ірі қалалар пайда болады, ірі қалаларда мигранттарға сұраныс орын алады;

– дамушы елдерде капиталистік қатынастардың орнауы көші-қонға бейім мобильді халық қалыптасады;

– дамыған елдердегі ірі кәсіпорындардың иелері кәсіпорындарын арзан жұмыс күші, арзан шикізат, арзан жерлерге сала бастайды. Бұл өз кезегінде дамушы елдердің экологиясына орасан зиян келтіреді, алайда дамушы елдер қосымша жұмыс орындары үшін бұған көз жұма қарайды;

– экономикасы нарықтық қатынастарға ауысқан дамушы елдерде, құрылымдық дағдарыстың салдарынан көші-қон ауылдан қалаларға қарай жүреді, ал қалалардан дамыған елдерге қарай бағытталады.

Біз осы бағыттағы ойларды қазіргі заман әлеуметтанушылары Р. Коллинздің және Г. Дерлугьянның еңбектерінен көреміз.

Әдістеме

Мақаланы жазу барысында авторлар, халықтың көші-қоны мәселесіне қатысты негізгі әлемдік теорияларды әлеуметтану ғылымындағы негізгі парадигмаларға топтастыру және жіктеу әдістерін қолданды.

Қазіргі әлеуметтану ғылымында көші-қон құбылысын түсіндіру және талдауға теориялық тұрғыда негіз болатын, бірін-бірі толықтыратын қоғамдағы әлеуметтік құбылыстар мен процесстерді макро- және микродеңгейде түсіндіретін бірқатар ғылыми парадигмалар бар. Солардың біріншісі, қоғамдық жүйені алдыңғы орынға қоятын құрылымдық-функционалдылық теориясы. Құрылымдық-функционалдылық парадигмасы көші-қонды әлеуметтік құбылыс және әлеуметтік процесс ретінде макродеңгейде қарастырып, көші-қонның себебі қоғамдағы негізгі жүйелердің, соның ішінде экономикалық жүйенің даму деңгейіне байланысты деп түсіндіреді.

Қазіргі таңда әлеуметтік құбылыстар мен процесстерді зерттеушілер тарапынан құрылымдық-функционализмге қызығушылық артқан. Бұның себебі, мүмкін, қазіргі уақыттағы жаһандану заманының қарқынды жүруіне байланысты, жаһанданудың салдарын түсіндіру барысында туындаса керек. Өйткені бұл әдістеме адамзаттың менталды құндылықтарына сәйкес келеді: отбасы құндылықтарын қастерлеу, отбасының ұрпақтан ұрпаққа құндылықтарды трансформациялайтын қызметін берік ұстану, отанды сүю, ұлтын, тілін қадірлеу, дәстүрді құрметтеу сияқты мызғымас адамзат нормалары. Құрылымдық-функционалдылық парадигмасының мазмұны – адамның қалыптасуына және оның қандай да бір жағдайларға байланысты белгілі-бір ортада жасаған іс-әрекетіне оның қоршаған ортасы әсер етеді, яғни адамның қоғамда қалыптасқан үлгілерді қабылдауы. Сонда ғана адам қоғамға жанжалсыз кіріге алады деп түсіндіреді әдістемелік бағыт өкілдері.

Құрылымдық-функционалдылық көзқарастың теориялық-әдістемелік негізін қалаған Т.Парсонс, ол өз зерттеулерін О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, П. Сорокиннің еңбектеріне сүйене отырып жасады. Т. Парсонстың идеяларын одан әрі дамытып, толықтырған Р. Мертон болды (индивидтер, әлеуметтік топтардың қоғамға интеграциялануы барысында болатын қақтығыстар). Ол қоғамдағы әлеуметтік құбылыстардың қоғамға тигізетін айқын және жасырын әсерлерінің болатындығын түсіндірген. Көші-қон процесін түсіндіретін ілімдердің

басым көпшілігі бұл құбылысты құрылымдық-функционалдылық тұрғысынан сипаттайды, мысалы Э. Равенштайн, Э. Ли, А. Льюис, М. Тодаро, Т. Файст, т.б. зерттеушілер көші-қонды түсіндіру барысында қоғамның әлеуметтік-экономикалық, саяси даму деңгейі миграцияның негізгі себебі бола алады сипаттаған.

Яғни, құрылымдық-функционалдылық әдістеме, біріншіден, қоғамды жүйе ретінде қарастырады; екіншіден, қоғамдағы құбылыстар мен процестер бір-бірімен каузальды байланысып жатыр; қоғам өздігінен реттеліп отырады, әмбебап.

Көші-қонның себептерін микродеңгейде түсіндіретін зерттеулер негізінен әлеуметтанушыларға тиесілі. Микродеңгейлі парадигмаларға әдістемелік негіз болған теориялар: әлеуметтік айырбас теориясы (Дж.Хоманс, П. Блау), рационалды таңдау теориясы (М. Вебер, Дж. Коулмен), символикалық интеракционизм (Дж. Мид, Г. Блумер, Ч. Кули), феноменология (А. Шюц, Э. Гуссерль), әлеуметтік акционализм (А. Турен) теориялары. Бұл теориялардың ерекшелігі – белгілі-бір нақты жағдайға байланысты жасалатын тұлғааралық қарым-қатынастардың ерекшеліктерін түсіндіру, яғни адамды, оның іс-әрекеті мен мінез-құлқы, күнделікті өмірдегі әлеуметтік қарым-қатынастары басты орынға қойылады. Әдетте көші-қон саласында микродеңгейлі парадигмалардың әдістемелерін кеңінен қолданған әлеуметтанушылар болды – Г. Хаберкорн, У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт, Р. Маккензи, М. Гордон, т.б. бұл еңбектердің барлығы да көші-қонның себептері мен мотивтеріне тұлғалық деңгейде баға берілді. Бұл зерттеушілер көші-қонды зерттеу барысында әлеуметтану ғылымындағы әдістерді пайдаланды. Мысалы, У. Томас пен Ф. Знанецкий Европа мен Америкаға қоныс аударған поляк шаруаларының миграциялық мотивтерін зерттеу барысында әлеуметтанудағы сұрау, тереңдетілген сұхбат, құжаттарды талдау, бақылау әдістерін қолданды. XX ғасырдың басындағы ірі қалаларға қоныс аударушыларға жүргізілген зерттеулер әлеуметтанудағы сапалық зерттеу әдістерінің дамуына алғышарт болды.

Көші-қонның себебін түсіндіретін үшінші топтағы теорияларды интегративті бағыттағы парадигмаларға жатқызамыз, яғни олар көші-қонның себебін құрылымдық және тұлғалық деңгейде, екіжақты қарастырды.

Интегративті парадигмалар әлеуметтік шындықты объективті және субъективті, құрылымдық және динамикалық, қоғамдық және тұл-

ғалық тұрғыдан бірдей алып талдайды. Бұл теориялар көші-қонға құрылымдық жүйелердің даму деңгейінің де және тұлғалық-индивидуалды факторлардың да әсерінің маңыздылығын бірдей қарастыратын миграциология ғылымы саласындағы жаңа теориялар. Теориялық-әдістемелік негізін қалаған – жаңа заман әлеуметтануының классиктері П. Сорокин (әлеуметтік мобильділік теориясы), П. Штомпка (әлеуметтік өзгерістер теориясы), П. Бурдьё (конструктивтік структурализм), Ю. Хабермас (коммуникативті іс-әрекет теориясы), Э. Гидденстің құрылымдау теориясы. Айталық, миграциологиядағы желілік теориясының негізін қалаушы Д. Массей өз теориясына алғышарт ретінде П. Бурдьё, Дж.Коулман, Р. Патнэм, Ю. Хабермас, Ф. Фукуяма, Н. Луманның әлеуметтік капитал туралы еңбектеріне сүйенді, олар әлеуметтік капитал топтық ресурстар, құндылықтар, қоғамдық игіліктер, топтық бірегейлік, сенім арқылы қалыптасады деп түсіндірді. Әлеуметтанушылар өз кезегінде әлеуметтік капиталдың теориялық-әдістемелік негізін А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркстің теорияларынан алған, экономистер әлеуметтік капиталды экономикалық категория ретінде қарастырған.

Халықтың қоныс аударуын ғаламдық деңгейде түсіндіретін И. Валлерстайн, С. Каслс, С. Сассен, Р. Коллинз, Д. Массей, Скелдон, т.б. көші-қонды түсіндіру барысында интегративті парадигмалар өкілдерінің әлеуметтік өзгерістерді түсіндіруде қолданған әдістемесіне сүйенеді.

Қорытынды

Біздің ойымызша, көші-қонды әлеуметтік құбылыс және әлеуметтік процесс ретінде зерттеу барысында П. Штомпканың құрастырған қоғамның төртөлшемді моделі үйлесетін сияқты. П. Штомпка қоғамдағы әлеуметтік құбылыстар мен процестерді зерттеу үшін шындыққа үйлесетін жаңа әдістеменің қажет екендігін айтқан. Штомпканың түсіндіруі бойынша қоғам – үнемі өзгерісте болатын әлеуметтік процестер мен белгілі-бір заңдылықпен қайталанып отыратын әлеуметтік құбылыстардың жиынтығы. Яғни қоғам, Штомпканың айтуы бойынша динамикалық организм. Қоғам – әлеуметтік құрылым, әлеуметтік процестер мен құбылыстар – әлеуметтік құрылымды құраушылар. Көші-қонды түсіндіретін алдыңғы қатарлы теорияларды талдай келе, біз көші-қон теорияларын Штомпканың қоғамдық құрылымды түсіндіретін төрт деңгейлі моделіне сүйене отырып жіктеуді ұсынамыз. Яғни, халық-

тың көші-қоны – қоғамдағы өзгермелі әлеуметтік процесс және уақыт аралығында белгілі-бір заңдылықпен қайталанып отыратын әлеуметтік құбылыс ретінде төрт деңгейде қарастырылуы керек:

– бірінші деңгейде, Э. Дюркгеймнің құрылымды сипаттайтын теориясы мен әдістемелеріне сүйенетін функционалистік бағыт өкілдері және көші-қонды функционалистік тұрғыдан түсіндіретін теориялар. Негізгі идеясы – қоғамда қалыптасқан құндылықтар мен нормалар, әлеуметтік факт, коллективті сана, яғни, адамдардың жасаған іс-әрекеті, жалпы әлеуметтік процестер қоршаған ортаның әсерінен туындайды;

– екінші деңгейде, көші-қонды М. Шелер, А. Шюцтің феноменологиясына сүйене отырып сипаттайтын теориялар. Бұл теориялардың негізгі идеясы – күнделікті өмір, идеал, сенім, көзқарас, өмірлік ұстаным, фреймдер;

– үшінші деңгейде, Г. Зиммельдің көзқарастарына сүйеніп жасалған айырбас теориясы мен бихевиористік сипаттағы теориялар. Негізгі

идеясы – интеракциялар, адамдық қатынастар, мотивтер, мінез-құлықтар;

– төртінші деңгейде, К. Маркс пен М. Веберден бастау алатын, әлеуметтік таптар, әлеуметтік жіктелу, әлеуметтік топтарды зерттеушілер. Негізгі ұстанымдары – әлеуметтік таптар мен топтар арасында материалды игіліктердің теңсіз бөлінуі әлеуметтік жіктелуге алып келеді. Бұл – қызығушылықтардың әртүрлілігін туғызады, ал бұл өз кезегінде қоғамда жанжал, қарсылықтарды тудырады.

Көші-қон процесін сипаттайтын теорияларды талдай келе және оларды ғылыми тұрғыдан жіктей отырып, біз, көші-қон саласындағы қазіргі заманғы теориялардың интегративті парадигмалардың идеяларына сүйене отырып құрастырылғандығын көреміз. Әрине, қоғамдағы құрылымдық қателіктер, теңсіздіктер сөзсіз көші-қонды тудыратын басты факторлар бола алады, алайда бұл жерде көшіп-қонушының ішкі сенімдері, өмірлік ұстанымдары сияқты факторлардың болатындығын да ескеру орынды.

Әдебиеттер

- Абдикерова Г.О. Социальный капитал: основные концепции и стратегии // Вестник КазНУ им.аль-Фараби. Серия психологии и социологии. – 2017. – № 4 (63). – С. 26.
- Адедиран А.М. Ключевые вехи становления современной теории миграции в работах западных ученых XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2015. – № 1. С. 30-32.
- Brettell C. and Hollifield J. Migration Theory: Talking across disciplines. 3th Edition. – New York: Routledge, 2015. – P. 3-25.
- Castles S., Haas H., Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World (5th Edition). – Palgrave Macmillan, 2014. – P. 1-24.
- Collins R. Technological Displacement and Capitalist Crises: Escapes and Dead Ends // Political Conceptology. – 2010. – № 1. – [Электронный ресурс] URL: <http://politconcept.sfu.edu.ru>
- Грибова К.Л. Концепция глобального социального неравенства в творчестве Саскии Сассен // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. – 2018. – № 4 (24). – С. 41-58.
- Дерлугьян Г.М. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. – М.: Изд. Института Гайдара, 2013. – С. 176.
- Забирова А. Теории и концепции процессов миграции в зарубежной социальной науке // Евразийское сообщество. – 2003. – №2 (42). – С. 131-135.
- Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. – 2015. – № 1. – С. 36-51.
- Harris J., Todaro M. Migration, unemployment and development: a two-sector analysis // American Economic Review. – 1970. – № 1. – P. 126-142.
- Lee E.S. A theory of migration // Demography. – 1966. – Vol. 3. – № 1. – P. 47-57.
- Меньшикова Г.А. Экономика и социология непродуцированной сферы: Учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. Ун-та, 2001. – С. 15.
- Park R.E. Human Migration and the Marginal Man: Race and Culture. – Free Press, 1950. – P. 349
- Проценко Н. Читательская биография исторического социолога Георгия Дерлугьяна. Часть первая. [Электронный ресурс] URL: <https://gorky.media/context/menya-pogazilo-kakaya-zhe-zanudnaya-beliberda-majn-kampf-gitlera/>
- Ритцер Дж., Степницки Дж. Әлеуметтану теориясы. 10-басылым. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – Б. 264.
- Садовская Е. Международная миграция в Казахстане в период суверенитета // Казахстан Спектр. – 2016. – № 1 (75). – С. 10.
- Сердюков К.Н. Основные парадигмы социологического подхода к исследованию миграционных процессов (часть 1) // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. – 2018. – Т.18. – Вып. 3. – С. 295-299.
- Skeldon R. Migration and Development: A Global Perspective. – London: Longman, 1997. – P. 108-115.
- Skeldon R. Migration and Poverty // Asia-Pacific Population Journal. – 2002. – Vol. 17. – № 4. – P. 67-82

Stouffer S.A. Intervening opportunities: a theory relating mobility and distance // *American Sociological Review*. – 1940. – Vol. 5. – № 6. – P. 845-867.

Todaro M. P. A Model of Labour Migration and Rural Unemployment in Lessdeveloped Countries // *American Economic Review*. – 1969. – № 59. – P. 138-148.

Штомпка П. Социология социальных изменений / пер.с англ.под ред. В.А.Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.

Штомпка П. Социология: анализ современного общества/ пер. с польского С.М.Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.

Wickramasinghe A.A., Wimalaratane W. International migration and migration theories // *Social Affairs*. – 2016. – Vol. 1. – №.5. – P. 13-32.

World Migration Report. 2018. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.iom.int/wmr/world-migration-report-2018>

Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. – М: Академический Проект, 2006. – С.221.

References

Abdikerova G.O. (2017) Sotsial'nyi kapital: osnovnye kontseptsii i strategii [Social capital: basic concepts and strategies]. *The Journal of Psychology & Sociology*, no 4 (63), pp. 24-33.

Adediran A.M. (2015) Klyuchevye vekhi stanovleniya sovremennoy teorii migratsii v rabotakh zapadnykh uchenykh XX veka [Key milestones of the formation of the modern theory of migration in the works of Western scientists of the XX century]. *RUDN Journal of Sociology*, no 1, pp. 30-32.

Brettell C. and Hollifield J. (2015) *Migration Theory: Talking across disciplines*. Third Edition. New York: Routledge. pp. 3-25

Castles S., Haas H., Miller M. J. (2014) *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. 5th Edition. Palgrave Macmillan, pp.1-24

Collins R. (2010) Technological Displacement and Capitalist Crises: Escapes and Dead Ends. *Political Conceptology*, no 1, [Online] Available from: <http://politconcept.sfsu.edu> [Accessed 05.01.2010]

Derlug'yan G.M. (2013) Kak ustroyen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskiye temy. [How this world works. Outlines on macrosociological topics]. М.: Izd. Instituta Gaydara. p.176

Gribova K.L. (2018) Kontsepsiya global'nogo sotsial'nogo neravenstva v tvorchestve Saskii Sassen [The concept of global social inequality in the works of Saskia Sassen]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no 4 (24), pp. 41-58.

Harris J., Todaro M. (1970) Migration, unemployment and development: a two-sector analysis. *American Economic Review*, no 1, pp.126-142.

Ivakhnyuk I. V. (2015) Razvitiye migratsionnoy teorii v usloviyakh globalizatsii [The development of migration theory in the context of globalization]. *The Age of Globalization*, no 1, pp. 36-51.

Men'shikova G.A. (2001) *Ekonomika i sotsiologiya neproizvodstvennoy sfery. Uchebno-metodicheskoye posobiye*. [Economy and sociology of non-production sphere. Teaching manual] St.Peterburg. p. 195.

Lee E.S. (1966) A theory of migration. *Demography*. Vol. 3, no 1. pp. 47-57.

Park R.E. (1950) *Human Migration and the Marginal Man*. Race and Culture. Free Press. p. 349.

Protsenko N. (2018) Chitatel'skaya biografiya istoricheskogo sotsiologa Georgiya Derlug'yana [The reader's biography of the historical sociologist George Derlugyan]. Chast' pervaya. [Online] Available from: <https://gorky.media/context/menya-porazilo-kakaya-zhe-zanudnaya-beliberda-majn-kampf-gitlera/> [Accessed 4.09.2018]

Ritzer G., Stepnisky J. (2018) A'leumettanu teoriasy. 10 basyl'm [Sociological Theory. 10th edition]. Almaty: "Ul'tyq Ay'darma Biy'rosy" Qog'amdyq qory. pp. 264.

Sadovskaya E. (2016) Mezhdunarodnaya migratsiya v Kazakhstane v period suvereniteta. [International migration in Kazakhstan during the period of sovereignty] *Kazakhstan Spectrum. Scientific journal*, no 1 (75), pp. 7-42.

Serdyukov K.N. (2018) Osnovnyye paradigmy sotsiologicheskogo podkhoda k issledovaniyu migratsionnykh protsessov (chast' 1) [The main paradigms of the sociological approach to the study of migration processes (Part 1)]. *News of Saratov University. Series Sociology. Political science*, no 3 (18), pp. 295-299.

Skeldon R. (2002) Migration and Poverty. *Asia-Pacific Population Journal*, vol. 17. no 4. pp. 67-82

Skeldon R. (1997) *Migration and Development: A Global Perspective*. London: Longman. pp. 108-115.

Shtompka P. (2005) Sotsiologiya: analiz sovremennogo obshchestva [Sociology: analysis of modern society]. Per. s pol'skogo S.M.Chervonnoy. M. Logos. p. 664.

Shtompka P. (1996) Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy [Sociology of social change]. Per.s angl.pod red. V.A.Yadova. M. Aspekt-Press. p. 416.

Stouffer S.A. (1940) Intervening opportunities: a theory relating mobility and distance. *American Sociological Review*. vol. 5. no. 6, pp. 845-867.

Todaro M. P. (1969) A Model of Labour Migration and Rural Unemployment in Lessdeveloped Countries // *American Economic Review*. no. 59, pp. 138-148.

Wickramasinghe A.A., Wimalaratane W. (2016) International migration and migration theories. *Social Affairs*. Vol.1. no 5, pp. 13-32.

World Migration Report (2018) [Online] Available from: <https://www.iom.int>

Yudina T.N. (2006) Sotsiologiya migratsii: Uchebnoye posobiye dlya vuzov [Sociology of migration: textbook for universities]. M. Akademicheskii Proyekt. p. 272.

Zabirova A. (2003) Teorii i kontseptsii protsessov migratsii v zarubezhnoy sotsial'noy nauke [Theories and concepts of migration processes in foreign social science]. *Eurasian community*, no 2 (42), pp. 131-135.

Yesbergenova G.B.¹

Senior lecturer of the department of general and applied psychology,
al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: gulnur_2288@mail.ru

BEHAVIOURAL DISORDER: INTERVENTION FRAMEWORK FOR SCHOOLS AND COMMUNITIES

Behavioural disorders (BD) among school children and adolescents arguably represent a class of inveterate antisocial and disruptive behaviours that have been recognized to interfere with effective interaction with the environment. While behavioural disorder is often regarded as a relatively common phenomenon in all societies and well documented, yet various research efforts and treatment practices have all pointed to the fact that behavioural disorders have proved to be difficult to treat successfully. For this purpose therefore, certain possible correlates can be clustered into personal, family, school, and peer dimensions. It needs to be emphasized that any successful intervention programmes will most probably need to address these multiple factors and their interactions, requiring a multidimensional, multi-focus, preventive approach that encompasses the child's nature and family background. Both psychologists and school administrations may need to abandon traditional placement or exclusion activities in favor of a more comprehensive strategy that is based on inter agency collaboration and parent involvement and interventions. In this volume I will try to highlight some frameworks of understanding and proven intervention programmes for schools and the community. The article will close with an overview and rationale of contingent management programmes.

Key words: behaviours, disorder, peers, schools, parents.

Есбергенова Г.Б.

әлеуметтану және әлеуметтік жұмыс кафедрасының докторанты,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: gulnur_2288@mail.ru

Мінез-құлықтық бұзылулар: мектептер мен қоғамдастықтарға арналған араласу шеңбері

Оқушылар мен жасөспірімдер арасындағы мінез-құлықтық бұзылулар (МБ) қоршаған ортамен тиімді өзара іс-қимыл жасауға кедергі келтіретін жағымсыз әлеуметтік және жойғыш мінез-құлықтардың сыныбы болуы мүмкін. Мінез-құлықтық бұзылулар жиі барлық қоғамдарда салыстырмалы түрде таралған құбылыс ретінде қарастырылады және жақсы құжатталған болса да, әр түрлі зерттеу жұмыстары мен емдеу әдістері мінез-құлықтық бұзылулар табысты емдеу үшін қиын болғанын көрсетеді. Сондықтан осы мақсат үшін белгілі бір ықтимал корреляттар жеке, отбасылық, мектеп және құрдастары өлшемдеріне топтастырылуы мүмкін. Кез келген табысты араласу бағдарламалары, ең алдымен, осы көптеген факторларды және олардың өзара іс-қимылын ескеруі тиіс, бұл баланың табиғатын және оның отбасылық шығу тегін қамтитын көпмақсатты, алдын алу тәсілін талап етеді. Психологтарға да, мектеп әкімшіліктеріне де ведомстваралық ынтымақтастыққа, ата-аналардың қатысуы мен араласуларға негізделген неғұрлым жан-жақты стратегияның пайдасына бөлу немесе алып тастау жөніндегі дәстүрлі іс-шаралардан бас тартуға тура келуі мүмкін. Бұл мақалада мен мектеп пен қоғамдастық үшін кейбір түсіну шеңберін және тексерілген араласу бағдарламаларын түсіндіруге тырысамын. Мақала контингенттерді басқару бағдарламаларын шолумен және негіздеумен аяқталады.

Түйін сөздер: тәртіп, тәртіпсіздік, құрдастар, мектептер, ата-аналар.

Есбергенова Г.Б.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, докторантка кафедры социологии и социальной работы, Казахстан, г. Алматы, e-mail: gulnur_2288@mail.ru

Поведенческие расстройства: рамки вмешательства для школ и сообществ

Поведенческие расстройства (ПР) среди школьников и подростков, вероятно, представляют собой класс закоренелых антисоциальных и разрушительных поведений, которые, как было признано, мешают эффективному взаимодействию с окружающей средой. Хотя поведенческие расстройства часто рассматриваются как относительно распространенное явление во всех обществах и хорошо документированы, все же различные исследовательские работы и методы лечения указывают на тот факт, что поведенческие расстройства оказались трудными для успешного лечения. Поэтому для этой цели определенные возможные корреляты могут быть сгруппированы в личные, семейные, школьные и сверстнические измерения. Необходимо подчеркнуть, что любые успешные программы вмешательства, скорее всего, должны будут учитывать эти многочисленные факторы и их взаимодействие, что требует многомерного, многоцелевого, превентивного подхода, который охватывает природу ребенка и его семейное происхождение. Как психологам, так и школьным администрациям, возможно, придется отказаться от традиционных мероприятий по разделению или исключению в пользу более всеобъемлющей стратегии, основанной на межведомственном сотрудничестве, участии родителей и вмешательствах. В этой статье автор пытается осветить некоторые рамки понимания и проверенные программы вмешательства для школ и сообщества. В завершении проводится обзор и обоснование программ управления контингентами.

Ключевые слова: поведение, беспорядок, сверстники, школы, родители.

Introduction

A lot of studies that were done on the problem of behavioural disorders (BD) in the past decades demonstrate that children with hostile attributional tendencies are more likely to experience behavioral difficulties in interacting with peers. Aggressive children tend to display a hostile attributional bias in that they are more likely than average children to attribute hostile intent to a hypothetical peer after an ambiguous provocation by the peer. Especially when the provocation is directed towards the aggressive child. Furthermore, aggressive children are also known to have deficient in attributional skills. One study posits that when they are shown video recorded stimuli of benign provocations, the children also tend to demonstrate relative deficits in accurately interpreting others' intentions. They might as well misinterpret benign intentions as hostile, even when most of the presented cues favour a benign attribution (Dodge, 1993; Waas 1988).

Social information-processing theories of interpersonal behavior posit numerous possible mechanisms for behavioural responses (including attentional biases, response accessing, and response decision tendencies in addition to attributional and interpretational tendencies). Thus it is unlikely that attributional tendencies will be found to be the only mechanism by which the likelihood of aggressive responses is increased. These hostile attributional biases may appear to play more significant roles

in mediating angry, reactive aggressive behaviours than in nonangry, proactive aggressive behaviours.

Disturbing antisocial behaviours in children and adolescents constitute a significant problem in children's mental health services and are perhaps one of the most serious public health challenges for many countries (Earls, 1989; Prinz, 1991). Several of these behaviour disorders appear to cluster together and have been designated variously as conduct problem, conduct disorder, or externalizing disorder (Kazdin, 1987). Majority of the children and adolescents exhibiting this range of behaviours present with great frequency among cases defined as aggressive, disruptive, and difficult to teach by educators; as exhibiting specific learning disabilities and attention deficits/hyper activity by pediatricians; and as delinquent by criminologists.

Regardless of the label attached to the children exhibiting these behaviours, the nature, onset prevalence and prognosis of the syndrome appear to be remarkably stable and have critical significance to schools and society. Behavioural disorder (BD) constitutes a class of chronic, severe antisocial behaviours that typically begin in early childhood and extend into adulthood (Robins, Ratcliff, 1979) has outlined several facets of the syndrome differentiating it from other problems of childhood and from typical childhood behaviours. The first of these is antisocial behaviour. Children with BD typically and persistently manifest physical and verbal aggressions, stealing, lying and violation

of social norms and rights of others. A second component of BD is *chronicity*. Children with BD exhibit these serious disruptive and aggressive behaviours over months and years and they often are unresponsive to short-time home and classroom interventions. Such long time resistance to treatment is often a source of considerable stress to parents, teachers, and other children in the classroom. A third dimension of behavioural disorder is *impairment to functioning*. Children with BD exhibit antisocial behaviours in sufficient frequency and intensity to affect significantly their educational performance and interpersonal interactions. These dimensions suggest that children with BD often exhibit behaviours that clearly deviate from typical classroom and home behaviour. In addition, they often experience difficulties across academic periods and settings.

Whereas many children occasionally exhibit some of the behaviours associated with disorder, the term abnormal conduct is applied when several antisocial behaviours covary and are persistent, uncontrollable, and/or significantly impair home and school functioning (Boyle, Offord, 1990). Considering the fact that behavioural disorder and its associated antisocial behaviours have significant costs across society, considerable research on the disorder has occurred. Although this research has failed in general to provide convincing evidence for effective treatments of the disorder, it has yielded powerful information to aid in understanding the syndrome. In summarizing the research activities (Dumas, 1989) noted certain well-substantiated conclusions about chronic antisocial behaviour. These conclusions may help to shed light on the nature, prevalence and outcome of the abnormalities.

Series of epidemiology studies, whether clinical or statistical have identified consistently, an antisocial behaviour Syndrome or disorder. According to Quay, this type of behavioural disorder

is well-documented in the clinical and empirical literature (Quay, 1986). Thus numerous clinical and multivariate statistical studies have also provided consistent evidence for the syndrome. This behavioural disorder category appears robust given that it is stable across a variety of measures, informants and settings. Certain empirical evidence has also accumulated for the existence of other distinct subcategories within the behavioural disorder categories: undersocialized aggressive and socialized aggressive. Generally consistent with the empirical approach, Directorate of Social Monitoring (APA 1999) discusses three subtypes: solitary and aggressive, group and undifferentiated. The first subtype designated undersocialized-aggressive were documented in the works of Quay, and solitary aggressive characterised by aggressions, poor self-control, disruptive and difficulty in inter personal areas.

In many cases, undersocialized aggressive behavioural disorder has been associated with peer rejection, poor social skills and have often resulted in repeated failure of intervention programmes. The second major subtype, labelled socialized aggressive and group behavioural disorder is identified with delinquent behaviours carried out in group context. While socialized aggressive behaviour disorder lacks the isolated nature of undersocialized aggressive behavioural disorder it may as well include somewhat more positive prognosis. Other approaches of framing valid subcategories of behavioural disorder have focused on distinguishing children on the basis of the child's salient symptoms (e.g. arguing, fighting and temper tantrums vs. fire setting, lying, stealing and truancy and the child's overt confrontational and covert or concealed antisocial behavior.

General characteristics of behavioural disorder as outlined in the Directorate of Social Monitoring (DSM) are presented in table 1

Table 1 – Disturbance of conduct lasting at least 6 months, during which at least three of the following have been present

1	has stolen without confrontation of a victim on more than one occasion
2	has run away from home overnight at least twice while living in parental or parent surrogate home (or once without returning)
3	has often initiated physical fights
4	has lied several times (other than to avoid physical or sexual abuse)
5	has deliberately engaged in fire setting
6	Is often truant from school (for older person, absent from work

7	has broken into someone else's home, building, or car
8	has deliberately destroyed other's property (other than by fire setting)
9	has been physically cruel to animals
10	has forced someone into sexual activity with him or her
11	has used a weapon in more than one fight
12	has stolen with confrontation of a victim
13	has been physically cruel to people

DSM – criteria for diagnose of behavioral disorder (Quay, 1986)

Behavioural disorder is common in the general population, and quite common in clinical referrals and classrooms for children with serious emotional disturbance.

Estimates of the prevalence of conduct disorder in the general population range from about 3 to 7 % (Castello, 1989). Behavioural disorders have been identified as the most prevalent form of childhood disorder, while children with BD represent the most common type of referral for children's mental health services. One study of the prevalence of antisocial and mal-adjusted behaviours in regular classrooms, reported the frequencies of such behaviours to be ranging from 4 to 6% in elementary schools. The same study claimed that prevalence rates dropped somewhat in the high school years, which may be interpreted that students exhibiting such behaviours may leave or be excluded from school in later school years (Cairns, Neckerman, 1989).

Behavioural disorders has the tendency to stabilize over time than other childhood disorders.

Generally and in its most serious form, behavioural disorders often has an early onset and may progress to lifelong course, which in later years may develop into serious delinquency in adolescence and antisocial personality disorder and criminal behaviour in adult stage. Longitudinal studies also have provided consistent findings regarding the stability of aggressive behaviour, sometimes being compared to that found for intelligence, whereas other disorders of childhood (e.g. internalizing disorders) may respond to treatment or ameliorate spontaneously over time. Indeed some aspects of behavioural disorder may persist in a relatively constant form throughout the developmental part indeed. "A common belief that antisocial children will "grow out" of problem behaviours seems unfounded"(Robins, 1966). Individuals exhibiting

serious antisocial behaviours in adolescence and adulthood typically engaged in similar behaviours when they were very young. This also suggests that serious delinquent behaviour often may represent a syndrome comprising multiple antisocial behaviours that resists treatment and runs in families. In terms of syndrome's durability, resistance to short-treatment, and disabling effects, it is safe to compare and categorise the disorder into mental retardation, autism and blindness.

Among childhood disorders, the prognosis for change for children with behavioural disorder is relatively poor.

In many cases, because the syndrome may become an enduring condition requiring continuous monitoring and maintenance to gain and sustain treatment progress, it has become necessary that the prognosis for children with the disorder remains guarded. While series of diverse interventions targeted towards the syndromes have been reported, reviews of outcome results of these interventions have suggested that most treatments have been minimally effective particularly when antisocial behaviours which have an early onset, are diverse, and are pervasive, long term-problems in almost all of adult functioning are prominent (Frick, Lahey, 1991). These areas include education, occupation, interpersonal relations, health, relations with authorities and mental health. Many, if not all of the children with BD will more likely abuse substances and to suffer from alcoholism. Thus the extended consequences of the syndrome seems to be severe and pervasive.

A psychosocial framework for understanding behavioural disorder

Behaviour disorder is a complex problem with multi facets, covariates and determinants. However a number of characteristics seem to cluster within and around the syndrome in a systematic

way encompassing personal, familial, school and peers factors. (Jessor, 1991) has proposed that these dimensions provide a useful framework for understanding and preventing childhood psychopathological including behavioural disorders. Personal, family, school and peer variables associated with behaviour disorder, along with interactions among them, may provide a powerful explanatory and planning mechanism for providing comprehensive services to children with BD.

Given the resistance of the disorder to most treatment strategies, a comprehensive, intergrated intervention approach that addresses these dimensions and their interactions may be necessary to have a a preventive or remedial effect on the disorder. Personal characteristics. Children and youth with BD often exhibit relatively stable personal characteristics that covary with and may mediate antisocial behaviours (Cheney, Sampson, 1990). These characteristics may be particularly important because their onset frequently appears quite early in the child's development history. These often precede the occurrence of serious antisocial behaviours and may serve as markers for subsequent severe externalizing behaviours.

Personal characteristics associated with subsequent conduct disorder may appear in preschool years, sometimes as early as age 2. These may include resistance to discipline and irritability, developmental cognitive and language difficulties, and early aggressive behaviours. Cognitive factors also play very important and well-documented roles in antisocial behaviours and conduct disorders (Dodge, 1993). Antisocial children often exhibit a cognitive response bias in which they interpret ambiguous interpersonal stimuli as being hostile. This cognitive bias may result in and justify aggressive responses to the misperceived hostile stimulus. Children with conduct disorders also may be deficient in problem-solving skills particularly in generating multiple and/or prosocial problem solutions. These children tend to be limited and inflexible in solution generation, resulting in a narrow repertoire for responding to conflict situations.

Parent and family factors.

Among the most well-demonstrated precursors and covariates of behaviour disorders are parent and family characteristics and behaviours. Children with BD often come from families experiencing considerable stress in which members are alcoholic or engage in criminal activities or from families in which other members exhibit psychopathology. These factors are perhaps the most significant family

factors in relation to behaviour disorders are parent-child interactions and parent management practices (Loeber, 1990). General patterns of discipline practices of parents of children with BD often show externalising and tend to consist of a combination of inconsistent and highly punitive behaviours that may increase both deviant behaviours and alienation in their children.

Parents interactions in these families often are predominantly negative particularly in response to negative child behaviours. Positive behaviours either are not reinforced or are responded to with aversive reactions. Negative child behaviours often gain parent attention that are both aversive and inconsistent, resulting in increased, but unpredictable, attention for antisocial conduct versus prosocial behaviour (McGee, Short, 1991). The combination of this pattern of parent discipline tactics appears to be highly predictive of antisocial behaviour in their children. In so far as parent management practices constitute a relatively malleable factor in conduct disorders in their children, they on the other hand represent a positive and promising intervention area for schools and professional child psychologists.

School factors. Commonly school variables long have been associated with juvenile delinquency and conduct problems these recently have received attention in theoretical models of the development of models of antisocial behaviours, delinquency and conduct disorder. Usually, the children exhibiting antisocial behaviours have also been identified as poor readers. Antisocial and delinquent behaviour have been related to poor academic performance as well as to low school participation and disruptive behaviour in the classroom (Shapiro, Hynd, 1993). Increased rates of truancy also have been attributed to conduct disorders among school children.

Although variables as poor academic achievement constantly have been shown to relate to delinquent and antisocial behaviour, causal relationships between the two remain unclear. Both academic underachievement and conduct problems may tend to be related to similar antecedent variables including low economic status, family problems, and intellectual neurological, and language deficits (Walker, Stieber, Ramsey, 1991). Regardless of the nature of causal relationships associated with achievement and behavior disorder, their connection is well demonstrated and may have important implications for schools.

Peer Factors. This factor is based predominantly on peer group as an agent of socialization and a predictor variable in personality formation. A child's socialization process as it happens among peers with

whom a child spends lots of time together. Thus, other factors in addition to personal and family are the peer variables which have also been associated with conduct disorders. In many cases children exhibiting antisocial behaviours have often been found to be rejected by their peers often in response to their negative behaviours, even when these peer groups may consist of several highly aggressive children, all of whom exhibit similar characteristics (Tremblay, Masse, Perron, 1992). Frequently formed during early adolescence, these deviant groups become involved in serious delinquent and antisocial behaviours.

Family/parent intervention activities

It is generally known that parents and guardians traditionally have been relatively passive consumers of educational services and often have had only sporadic contact with school personnel. Their limited contacts most often have been for periodic reporting purposes or could be the result of some problems associated with academics or behaviour in the classroom. Even though school administration are mostly aware of the significance of family and community influences on student behaviours, relatively little emphasis has been placed on interventions for improving and/or using these influences to remediate educational and behaviour problems, principally for fear of being regarded incompetent, after all parents tend to trust the school teachers as the people who have been specially trained to be able to coerce children into proper behaviour through varieties of disciplinary measures (Wolf, Braukmann, Ramp, 1987). At the same time, parents on the other side are expecting the school to be able to inculcate good manners into the children they have trusted in the custody of the school. Never-the-less, school personnel on their part have noted the critical role of parental alienation in the development of BD and the importance of parental commitment to schools and education in successful intervention for BD.

In the light of the critical roles that parents can play in the development as well as in the treatment of conduct disorders, schools and school psychologists must work on parent interventions on two fronts. Both must compel a nontraditional orientation to the role of parents in education. First, they must develop mechanism for involving and empowering parents in educational activities with and for their children. Developing such frameworks will require considerable flexibility and resolution in the schools, but may be necessary in that parental commitment may be the *sin qua non* of successful

treatment of BD (Hawkins & Weis, 1985). Second, schools and school psychologists should emphasize interventions that improve parenting skills and management practices. Training in these areas may be a critical component of effective interventions with this complicated population.

Of the many intervention programmes in existence, one intervention approach that has been integral in the treatment of BD is the use of the so called 'contingency management programmes'. This contingency management applies the approach of operant conditioning to change children's behaviour. That is, a child or adolescent's behaviour is shaped through a systematic structuring of the consequences for his or her behaviour (Ross, 1981). The contingency management programmes have certain basic components which involve the establishment of some clear goals that include (1) positive behaviours (e.g., proper expression of anger, prosocial interactions with peers, respectful comments to adults) that are designed to be increased by providing consistent positive consequences when they are exhibited, and (2) negative behaviours (e.g., aggression, noncompliance to adults, rule-breaking behaviour) that are designed to be decreased through consistent negative consequences when they are exhibited. The rationale for contingency management programmes in the treatment of conduct disorders is based on the assumptions that conduct disorders develop, at least in part, as a result of a failure of the child or adolescent to learn to modulate his or her behaviour.

In many theories, this failure to develop behavioural control is a direct result of poor rearing environment in which primary socializing agents, such as a child's parents, fail to provide consistent and appropriate consequences for the child's behaviour. The consequences may be inconsistent, nonexistent, or even inappropriate in the sense that problematic behaviour may actually be reinforced by the parent (Patterson, 1986). Primarily, the programmes for contingency management are designed to provide a corrective learning environment for the children or adolescents by establishing very clear behaviour expectations and consistent consequences for their behaviours.

It must be mentioned that while the primary rationale for contingency management programmes focuses on compensating for inadequate socializing environments, some rationale can as well be made for these programmes based on some of the individual predispositions to conduct disorders. For example, a subgroup of children with conduct disorders have a specific response style that leads to their behaviour

to be more driven by rewards than punishments labeled the “reward-dominant” response style (O’Brien, Frick, 1996). Besides a raft of studies on the subject has revealed that many children with conduct disorders have intellectual deficits, particularly verbal deficits, that can interfere with their ability to associate their behaviours with their consequences, particularly if their consequences are delayed or inconsistent. In both of these cases, the rationale for contingency management programmes is that such children, because of their individual predispositions, are more susceptible to the less-than-optimal contingencies that operate naturally in their environment. Therefore, there is a need for more structured environments in which the contingencies for their behaviour are very tightly controlled in order to prevent further behavioural disorders.

The development of sophisticated and multisystem treatment of behavioural disorders has been a great advancement for the treatment of simpler forms of offending, but simpler forms of treatment such as parent training have not been thoroughly examined and tested. While it is clear that family therapy in general has been effective with adolescent offenders and certainly may be more beneficial than individual therapy alone, it is understanding the case to recommend that more investigation and knowledge-building needs to be done (Pettit, Bates, Ddge, 1983). It is widely agreed that the area deserves more attention, given the increased rates of juvenile offending over the years, and the often high corresponding costs that are incurred at the societal level as a result of public and private properties destruction, incarceration law enforcement, mental health services and remedial education.

In addition to these, there are more inherent personal costs involved with the emotional and physical harm to victims of antisocial behavior

and the distress that juvenile-offending youths and their families experience. In view of the potential for negative consequences, the need to understand and apply more effective forms of treatment for adolescent antisocial behavior is clearly warranted and cannot be overemphasized. (Chamberlain, Rosicky, 1995; Henggeler et al., 1993).

Conclusion

In this article attempts have been made to reiterate the fact that behavioural disorder is a difficult and multidimensional class of behaviours that have been known to be resistant to diverse treatment strategies. The article also shows that characteristics and stability of the disorder have been well-documented, as have personal, family, school, peer, and other correlates. The article also discusses the rationale for contingency management programmes. The article maintains that successful interventions for the disorder must take into account the complexities of the syndrome, thus requiring collaboration and coordination across a number of settings and among the numerous community agencies serving these children. The volume also contends that more research and practices need to be put in place by schools to address the common feature in the experience of children including those with behaviour disorder, as schools and school psychologists may be the appropriate leaders in service provision to this population. Such leadership may require additional training and expertise, along with organizational flexibility. It also advocates for the complimentary collaborations between family and educational establishments in recognition of the significant role played by the parents in causing and treating behavioural disorder and thus represent a positive and promising intervention area for schools and professional child psychologists.

References

- American Psychiatric Association. (1999). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (3rd ed., rev.). Washington, DC: Author
- Boyle, M.H. & Oford D.R. (1990) Primary prevention of Conduct disorder: Issues and prospects. *Journals of the American Academic of Child and Adolescent psychiatry*, no 29, pp. 227-235.
- Castello, E.J.(1989). Developments in child psychiatric epidemiology. *Journal of the American Academy of child and adolescent Psychiatry*, no 28, pp. 836-841.
- Cairns, R.B., Cairns, B.D., & Neckerman, H.J. (1989). Early school dropout: Configurations and determinants. *Child Development*, no 60, pp. 1437-1452
- Cheney, C.O., & Sampson, K. (1990). Issues in identification and service delivery for students with conduct disorders: “The Nevada Solution” *Behavioral Disorders*, no 15, pp. 174-179.
- Chamberlain, P., & Rosicky, J. G. (1995). The effectiveness of family therapy in the treatment of adolescents with conduct disorders and delinquency. *Journal of Marital and Family Therapy*, no 21(4), pp. 441-459.

- Dodge, K.A. (1993). Social-cognitive mechanisms in the development of conduct disorder and depression. In L.W. Porter & M. R. Rosenzweig. *Annual review of psychology* (pp.559-584) Palo Alto, CA: Annual Reviews, Inc.
- Dumas, J.E.(1989). Treating antisocial behaviour in children: Child and family approaches. *Clinical psychology Review*, no 9, pp. 197-222
- Dodge, K.A. (1993). Social-cognitive mechanisms in the development of conduct disorder and depression. In L.W. Porter & M. R. Rosenzweig. *Annual review of psychology* (pp.440-495) Palo Alto, CA: Annual Reviews, Inc.
- Earls, F. (1989) Epidemiology and child psychiatry: Entering the second phase. *American Journal of Orthopsychiatry*, no 59, pp. 279-283
- hawkins, J. D. & Weis, J. G. (1985). The social development model: an
- henggeler, S. W., Melton, G. B., Brondino, M. J., Scherer, D. G., & hanley, J. h. (1997). Multisystemic therapy with violent and chronic juvenile offenders and their families: The role of treatment fidelity in successful dissemination. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, no 65(5), pp. 821-833.
- J. David hawkins, Joseph G. Weis: The social development model: An integrated approach to delinquency prevention. *Journal of Primary Prevention* December 1985, Volume 6, Issue 2, pp. 73-97
- Jessor, R. (1991) Risk behaviour in adolescence: A psychological framework for understanding and action. *Journal of adolescent health*, no 12, pp. 597-605
- Kazdin, A.E.(1987b). behavior disorders in childhood and adolescence. Beverly hills, CA: sage.
- Loeber, R. (1990). Development and risk factors of juvenile antisocial behaviour and delinquency. *Clinical Psychology Review*, SPb, pp. 10-42 .
- Miller, G. E., & Prinz, R. J. (1990). Enhancement of social learning family interventions for childhood conduct disorder. *Psychological Bulletin*, no 108(2), pp. 291-307.
- McGee, R.L., & Short, R.J.(1991). The prevalence of social maladjustment among school-aged children. *Psychology in the schools*, no 28, pp. 285-289.
- O'Brien BS, Frick P.J.: (1996) Reward dominance: associations with anxiety, conduct problems, and psychopathy in children. *Journal Abnormal Child Psychology*. Apr; no 24(2), pp. 223-40.
- Patterson, G. R., & Stouthamer-Loeber, M. (1984). The correlation of family management practices and delinquency]. *Child Development*, no 55, pp. 1299-1307.
- Pettit, G. S. Bates, J. E., & Ddge, K. A. (1983). Family interaction patterns and children's conduct problems at home and school: A longitudinal perspective. *School Psychology Review*, no 22, pp. 403-420.
- Quay, h. C. (1986). Conduct disorder, In h. C. Quay & J. S. Werry (Eds.), *Psychological disorders of childhood*. (3rd ed., 35-72). New York: Wiley
- R Gaylord-Ross and M. Weeks: (1981) Task difficulty and aberrant behavior in severely handicapped students. *Journal Applied Behavior Analysis*. Winter; no 14(4), pp. 449-463.
- Robins, L.N., & Ratcliff, K.S. (1979) Risk factors in the continuation of childhood antisocial behaviour into adulthood. *International Journal of Mental health*, no 7, pp. 96-116.
- Robins, L.N. (1966) *Deviant children grown up*. Baltimore: Williams & Wilkins.
- Frick, P. J., Lahey, B. B., Christ, M. A. G., Loeber, R., & Green, S. (1991). history of childhood behaviour problems in biological relatives of boys with attention-deficit hyperactivity disorder and conduct disorder. *Journal of clinical child Psychology*, no 20, pp. 445-451
- Shapiro, S.K., & Hynd, G.W. (1993). Psychobiological basis of conduct disorder. *School Psychology Review*, no 22, pp. 386-403.
- Tremblay, R. E., Masse, B., Perron, D., Leblanc, M., Schwartzman, A. E., & Ledingham, J. E. (1992). Early disruptive behaviour, poor school achievement, delinquent and delinquent personality: Longitudinal analyses. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, no 60, pp. 1-10
- Walker, h. M., Stieber, S., & Ramsey, E. (1991). Longitudinal prediction of the school achievement, adjustment, and delinquency of antisocial versus at-risk-boys. *Remedial and Special Education*, no 12, pp. 43-51.
- Wolf, M. M., Braukmann, C.J., & Ramp, K.A. (1987). Serious delinquent as part of a significantly handicapping condition: cures and supportive environments. *Journal of Applied Behaviour Analysis*, no 20, pp. 347-359.

Кылышбаева Б.Н.¹, Борецкий О. М.²

¹доктор соц.наук, доцент, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: kbibigul10@gmail.com

²кандидат философских наук, доцент, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: cinema-paradiso@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ КАЗАХСТАНСКОГО КИНО

В статье рассматриваются методологические основы исследования кинематографа в контексте трансформации культурно-исторической среды, при выделении герменевтического комментирования важнейших фактов развития казахстанского кино. Различные аспекты исследования феномена киноискусства как нового способа освоения социальной действительности являются проблемными полями научного поиска многочисленных направлений гуманитарных знаний. Социокультурологический спектр проблем исследования кинематографа выдвигает проблему взаимосвязи развития кинематографа с историко-культурными изменениями, происходившими в обществе, с учетом влияния смены социально-исторических формаций на формирование особенностей общества и восприятия кинематографа. В течение прошлого столетия произошел переход от классической просветительской культуры к господству компенсаторно-развлекательных функций, носителем которых была культура массовая, к которой относится кинематограф. Анализ кино непременно должен быть одновременно и анализом общества, так как излишняя концентрация на форме и эстетике кино ведет к отрыву от социального контекста и как следствие к односторонности и искажениям социальной действительности. В условиях глобализации казахстанское общество переживает трансформацию ценностей, пересматриваются существующие модели социального поведения. Становление постинформационного пространства, спровоцировавшее ситуацию так называемой «нулевой» степени культуры, сформировало новую систему восприятия социокультурной реальности. Современная аудиовизуальная культура приобретает определяющий статус в аспекте формирования социально валидной личности. Рассмотрение кинематографа под социологическим углом зрения позволяет поставить новые вопросы о роли казахстанского кинематографа как о двусторонней коммуникации, позволяющей выявить и описать не только художественные особенности процесса развития кинематографа, но и социокоммуникативные аспекты его влияния на общество.

Ключевые слова: модернизация общественного сознания, позитивная мифология, массовая культура коллективное бессознательное, архетипы, национальная идея, культурные коды, кинематограф.

Kylyshbayeva B.¹, Boretsky O.M.²

¹Doctor of sociological science of the Department of Sociology and social work, al-Farabi National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: kbibigul10@gmail.com

²candidate of philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, al-Farabi National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: cinema-paradiso@mail.ru

Methodological Approaches to the Study of Sociocultural Reality in the Mirror of Kazakhstani Cinema

The article discusses the methodological foundations of the study of cinema in the context of the transformation of the cultural and historical environment, while highlighting the hermeneutical commentary on the most important facts of the development of Kazakhstani cinema. Various aspects of the study of the phenomenon of cinema as a new way of mastering social reality are problematic fields of scientific search for numerous areas of humanitarian knowledge. The sociocultural spectrum of cinema research

issues raises the problem of the relationship between cinema development and historical and cultural changes taking place in society, taking into account the influence of changing socio-historical formations on the formation of social characteristics and cinema perception. During the last century, there was a transition from the classical enlightenment culture to the dominance of compensatory-entertainment functions, the carrier of which was the mass culture to which cinema belongs. The analysis of cinema must necessarily be simultaneously an analysis of society, since an excessive concentration on the form and aesthetics of cinema leads to a separation from the social context and, as a result, to one-sidedness and distortion of social reality. In the context of globalization, Kazakhstan's society is undergoing a transformation of values, and existing models of social behavior are being revised. The formation of the post-information space, which provoked the situation of the so-called "zero" degree of culture, formed a new system of perception of sociocultural reality. Modern audiovisual culture acquires a defining status in the aspect of the formation of a socially valid personality. Consideration of cinema from a sociological point of view allows us to raise new questions about the role of Kazakhstani cinema as a two-way communication, allowing to identify and describe not only the artistic features of the development of cinema, but also the sociocommunicative aspects of its influence on society.

Key words: Modernization of public consciousness, positive mythology, mass culture, collective unconscious, archetypes, national idea, cultural codes, cinema.

Кылышбаева Б.Н.,¹ Борецкий О.М.²

¹әлеуметтану ғылымдарының докторы, доцент,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: Bibigul.Kylybbayeva@kaznu.k

² философия ғылымдарының кандидаты, доцент,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: cinema-paradiso@mail.ru

Қазақстан киносының айнасында әлеуметтік-мәдени шындықты зерттеудің әдістемелік тәсілдері

Мақалада кинематографияны мәдени және тарихи ортаны өзгерту контексінде зерттеудің әдіснамалық негіздері талқыланып, қазақстандық кинематографты дамытудың маңызды фактілеріне герменевтикалық түсініктеме берілген. Әлеуметтік шындықты меңгерудің жаңа тәсілі ретінде киномен феноменін зерттеудің әртүрлі аспектілері гуманитарлық білімнің көптеген салаларын ғылыми ізденістердің проблемалық салалары болып табылады. Кинематографиялық зерттеулердің әлеуметтік-мәдени спектрі әлеуметтік өзгерістер мен кинематографияны қалыптастыруға әлеуметтік-тарихи қалыптасулардың әсерін ескере отырып, кинематографты дамыту мен қоғамдағы тарихи-мәдени өзгерістер арасындағы өзара қарым-қатынас мәселесін көтереді. Өткен ғасырда классикалық ағарту мәдениетінен кинотеатрға тиесілі жаппай мәдениет болатын тасымалдаушы-көңіл көтеру функциясының үстемдігіне көшу болды. Кинотеатрдың талдауы міндетті түрде қоғамның талдауы болуы керек, өйткені киноның нысаны мен эстетикасына шамадан тыс шоғырлану әлеуметтік контекстен бөлініп, нәтижесінде әлеуметтік шындықтың бір жақтығы мен бұрмалануына әкеледі. Жаһандану жағдайында Қазақстан қоғамы құндылықтардың трансформациясы үстінде, ал әлеуметтік мінез-құлықтың қазіргі үлгісі қайта қаралуда. «Нөлдік» деп аталатын мәдениет жағдайын тудырған пост-ақпараттық кеңістікті қалыптастыру әлеуметтік-мәдени шындықты қабылдаудың жаңа жүйесін құрады. Қазіргі заманғы аудиовизуалды мәдениет әлеуметтік тұрғыдан жарамды тұлғаны қалыптастыру аспектісінде анықталған мәртебеге ие болады. Кинотажды әлеуметтану тұрғысынан қарау қазақстандық киноның рөлі туралы жаңа сұрақтарды кинематографты дамытудың көркемдік ерекшеліктерін ғана емес, оның қоғамға әсер етуінің әлеуметтік-коммуникативтік аспектілерін анықтауға және сипаттауға мүмкіндік беретін екі жақты байланыс ретінде көтеруге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: қоғамдық сананы жаңғырту, позитивті мифология, жаппай мәдениет, ұжымдық бейсаналық, архетиптер, ұлттық идея, мәдениет кодексі, кино.

Введение

Значение искусства кино в формировании позитивной мифологии общества достаточно велико. Кинематографическое осмысление происходящих перемен порождает социальную рефлексию и задает тон общественным процессам. В этой связи интересно и важно проанализировать культурные паттерны, их влияние на фор-

мирование ценностей, смыслов и идеалов, определить средства и инструменты, с помощью которых кинематограф транслирует в общественное сознание позитивные ценности в русле «Мәңгілік ел». Сейчас перед специалистами стоит задача проанализировать содержание казахстанского кинематографа на выявление культурных паттернов, исследовать его влияние на социальное поведение, установки и настрое-

ния, на формирование ценностей, смыслов и идеалов молодежи. Определить средства и инструменты, с помощью которых кинематограф транслирует в общественное сознание позитивные ценности и национальную идею. Специалисты могут провести теоретико-методологическое исследование архетипов в кинофильмах в контексте научного социологического знания и проанализировать коллективное бессознательное и его архетипы. Архетип в кинематографе – это смысловая и конструктивная единица, которая дает зрителю возможность самоидентифицироваться, моделировать поведение, демонстрировать конкретные архетипические образы. Архетипический образ формирует «образец для подражания», культурные коды и элементы позитивных образов и паттернов как ориентиров массового сознания, формирующих позитивную идентичность.

Основная часть

Кино является в какой-то мере отражением общества, вбирает в себя идеологии и конфликты, характерные для определенного его периода. Однако, по мнению специалистов, «высвечивая господствующие в обществе идеологемы, кино вместе с тем отражает стремления, находящиеся в противоречии с доминантной идеологией, и тем самым деконструируют ее» (Mai, Winter, 2006). Анализ кино непременно должен быть одновременно и анализом общества, так как излишняя концентрация на форме и эстетике кино ведет к отрыву от социального контекста и как следствие к односторонности и искажениям социальной действительности.

Кинофильмы представляют собой специфический тип материала, в котором социальные и культурные ценности воплощены в наиболее простом и доходчивом для восприятия виде. Массовая доступность, грамотная маркетинговая компания делают кинофильм одним из массовых эффективных механизмов распространения той или иной идеи в обществе. Поэтому кинематограф за редким исключением отказывается от художественных принципов и становится идеологическим проводником.

Можно выделить три группы исследований, отличающихся друг от друга использованием методов анализа, трактовкой субъект/объекта кинотекста и пониманием функций кино. Первое направление – семиотические теории, рассматривающие киноискусство как автономный, самодостаточный способ высказывания. Вто-

рое направление – разнообразные социологические направления в анализе кинотекстов, для которых киносценарии и кинотехники являются неотъемлемой частью социальной реальности и изменения кинотекстов, прежде всего, связаны с трансформациями в структурах социальных отношений. Третья группа исследований расположилась в рамках философского дискурса, и кинотексты здесь представлены в качестве специфических метафизических и гносеологических проектов, которые предлагают новые способы как существования (кинореальность), так и означивания (кинообразы). Кино, используя свои средства художественной выразительности, либо повторяет социальные практики, либо замещает познавательные процессы.

Постинформационное общество предлагает человеку такой плюрализм выбора и действий, что суть любого фактора социокультурного влияния нуждается в строгом научном интерпретировании и объяснении. «Слабым звеном» идеологической работы является неумение коммуницировать с массовым сознанием, основы которого лежат в коллективном бессознательном. Главный ресурс модернизации страны – это позитивная мифология, формирование психологии среднего класса, способного жить в новых условиях. Массовая культура должна транслировать положительные ценности, такие как «целеустремленность», «здоровье», «успех», и такими жизненными императивами, как «вера в себя», «в свое призвание», «в свою страну» – значит создать продуктивную технологию жизни, а не выживания. Выживание требует других навыков и способностей. Такое качество массовой культуры оказывает более важное влияние, чем политические и экономические реформы, ибо такие умонастроения нацеливают на правильное и позитивное понимание жизни с верой в настоящее. Казахстанская массовая культура должна по аналогии с Голливудом культивировать всеобщую мечту. Не могут развиваться общество и экономика без позитивных ориентиров массового сознания, без мифологического наполнения массовой культуры. Поэтому особую актуальность приобретает вопрос о том влиянии, которое оказывает взаимодействие кино и масс-медиа на личность в условиях современных социальных реалий, перестав снимать кинофильмы, сериалы, рекламу с нулевой мифологией.

В условиях глобализации казахстанское общество переживает трансформацию ценностей, пересматриваются существующие мо-

дели социального поведения. Становление постинформационного пространства, спровоцировавшее ситуацию так называемой «нулевой» степени культуры, сформировало новую систему восприятия социокультурной реальности. Современная аудиовизуальная культура приобретает определяющий статус в аспекте формирования социально валидной личности. Рассмотрение кинематографа под социологическим углом зрения позволяет поставить новые вопросы о роли казахстанского кинематографа как о коммуникаторе, позволяющем выявить и описать не только художественные особенности процесса развития общества, но и социокоммуникативные аспекты его влияния на общество.

Архетипические образы, репрезентация времени и пространства в кино влияют на образы и восприятия национального государства. Независимый Казахстан стал продвигать идею казахстанской государственности и идентичности через кинематографическое переосмысление национальной истории. Однако, считать современный казахстанский кинематограф только лишь транслятором официальной пропаганды было бы ошибкой. Большинство фильмов иллюстрируют изменчивость и гибридность различных дискурсивных линий вопросов национальной идентичности в Казахстане. Выделяются три такие линии.

В основе первой из них лежит гражданский подход к нации и инклюзивность национальной идентичности. В данном случае нация видится как этнически и религиозно многообразная общность с акцентом на такие черты казахскости, как открытость, дружелюбие и гостеприимство. Принадлежность к нации основана не на этничности, а на признании себя гражданином Республики Казахстан после распада Советского Союза. Другой дискурсивный подход, выраженный в современных кинолентах, основывается на религиозном аспекте казахской национальной идентичности. Третий дискурсивный подход казахстанских кинематографистов основывается на социально-экономической динамике нациестроительства. В этом случае внимание зрителей привлекается к инакомыслию, сопротивлению и критике видения современной казахской государственности элитами. Здесь ставится под сомнение то чувство принадлежности к единой общности, которое провозглашают вышеупомянутые дискурсы. Вместо этого Казахстан изображается расколотой и разобщенной нацией, где трещины пролегают между бедными и богатыми, народом и

государством, законностью и беззаконием, городом и селом, моралью и безнравственностью.

Вдобавок к этому, многие фильмы в рамках третьего типа дискурса рассказывают нравоучительные истории о переходе постсоветского Казахстана к капитализму. Краткий обзор современных казахстанских кинокартин иллюстрирует всю сложность различных дискурсов, касающихся формирования государственности и национальной идентичности. Официально одобренный подход предлагает аудитории одновременно противоречащие и дополняющие друг друга трактовки понятия нации с точки зрения этноцентрической и гражданской перспектив. Такое видение конкурирует с альтернативными кинематографическими дискурсами, строящимися на религии или на социально-экономических проблемах Казахстана. Это демонстрирует отсутствие единого центра в лице режима, который бы контролировал процесс формирования идентичности в казахстанском кинематографе.

Различные аспекты исследования феномена киноискусства как нового способа освоения социальной действительности являются проблемными полями научного поиска многочисленных направлений гуманитарных знаний. Историко-культурологический спектр проблем исследования кинематографа выдвигает проблему взаимосвязи развития кинематографа с историко-культурными изменениями, происходившими в обществе. Рассматривались вопросы влияния смены социально-исторических формаций на формирование особенностей общества и восприятия кинематографа. В течение прошлого столетия произошел переход от классической просветительской культуры к господству компенсаторно-развлекательных функций, носителем которых была культура массовая, к которой относится кинематограф. Освещение аспектов соприкосновения и воздействия на кинематограф масс-медиа нашло свое отражение в творчестве Г.О. Абикеевой (Абикеева, 2006, 1998, 2001, 2003, 2013), К. Айнагуловой (Айнагулова, 1990, 158), Ш. Акинер (Акинер 1998, 136), О.М. Борецкого (Борецкий, 2016, 2013, 2010, 2015), Г.Гордона (Гордон, 2014, 208), Ж.Делеза (Делез, 2013: 560), В.Ю. Дунаева (Дунаев, 2007: 399), Ю.М. Лотмана (Лотман, Цивьян, 1994), Б.Ногербека (Ногербек, 1998), Нурлановой К.Ш. (Нурланова, 1993: 208 – 263), К. Разлогова (Разлогов, 2010: 304), М.С. Сабит (Сабит, 2008: 42 – 49), И.Т.Смаиловой (Смаилова, 2006, 2010, 2011) и др.

Кинематограф, как и социология, играет роль инструмента самопознания и самосовер-

шенствования общества. Кино, как и социальная наука, поднимает важные социальные проблемы, разница лишь в методах их обнаружения. Социология четко формулирует проблемную ситуацию, а фильм рассказывает историю, которая в результате может и не донести до зрителя всех вложенных автором смыслов и или вообще достичь прямо противоположного эффекта. Тем не менее, кинематограф является одной из немногих сфер в Казахстане, где могут проявляться альтернативные интерпретации нацистронительства.

В зарубежной исследовательской практике существует множество работ, акцентирующих взаимовлияние киноиндустрии и доминирующей идеологии общества. Например, в книге Jarvie I. C. «Movies and Society» (Jarvie, 1970: 394) приводятся данные социологических исследований типов художественных фильмов, развитие и экономическая структура киноиндустрии, очерчиваются персональные роли и мировоззрения, спроектированные кинозвездами Голливуда. Также рассматривается социальное влияние фильмов на зрителей. Анализируются фильмы как средство передачи социальных ценностей.

Madelyn S. Gould and David Shaffer, M.D. в работе «The Impact of Suicide in Television Movies» (Madelyn, 1986; 315) сделали корреляционный анализ между кинонасилием и частотой подростковых самоубийств. Известный профессор социологии Richard Butsch в своей статье «Class and Audience Effects: A History of Research on Movies, Radio, and Television» (Richard, 2001, 112-120) исследует влияние на уязвимые группы зрителей, таких как дети, женщины, иммигранты, представители низшего класса телевизионных фильмов, радио, акцентируя внимание на специфике восприятия полученной информации, а также в работах David Parkinson и Raymond Bellour (Parkinson, 2012, 264 ; Bell our R., 2012: 413) показано влияние кино на социальное поведение.

Анализ процессов, происходящих в национальной киноиндустрии, позволяет ориентировать производителей на популяризацию лучших образцов современности, уникального историко-культурного наследия страны, исторических событий и выдающихся личностей. Более того, один из эффективных способов актуализировать и интегрировать казахстанскую культуру в мировое пространство лежит в области киноиндустрии.

Первые казахстанские фильмы, начиная с «Амангельды», были наполнены мощным

идеологическим содержанием. «Огромное количество картин снималось заказного, производственного и историко-революционного характера» Абикеевой (Абикеева, 2006, 2013), затем военно-патриотического направления. Среди них было немало шедевров, таких как «Сказ о матери» «Земля отцов» «Наш милый доктор», «Конец Атамана», «Ангел в тубетейке», «Транссибирский экспресс». В период перестройки появилось первое так называемое «независимое» кино, фильмы, участвовавшие на международных конкурсах: «Прикосновение», «Волчонок среди людей» – «Влюбленной рыбки» «Кардиограмма», «Жизнеописание юного аккордеониста», «Фара» и др. С начала 90-х годов в казахстанских фильмах показываются народные трагедии, умалчиваемые в годы Советской власти: «Суржекей – ангел смерти», «Жизнеописание юного аккордеониста», «Людоед» «Гибель Отрара», «Батыр Баян», «Юные годы Абая», «Козы Корпеш и Баян Сулу», «Юность Жамбыла». Достойны внимания картины, побуждавшие общую рефлексию, пытающиеся ставить экзистенциальные вопросы простого человека: «Айналайын», «Разлучница», «Аллажа», «Голубиный звонарь», «Слабое сердце», «Тот, кто нежнее», «Шанхай», «Горький дым осени», «Аксуат», «Заманай», «Счастье», «Трасса», «Тюльпан», «Уроки гармонии».

Фильмы последних лет имеют все больше социальный характер, актуализируя совместный поиск решения общих проблем, поиска культурных кодов, способных интегрировать современное разобщенное общество. Такими кодами можно считать фильмы «Дорога к матери», «Аманат», «Кунанбай», «Оралман», «Балуан Шолақ», «Қазақ Елі», «Культегин», «Мұзбалақ», «Алмас қылыш», «Амре» и другие.

Разобщенность общества преодолеть может культура, выполняющая функцию программирования человеческой жизни (ее ценностей, идеалов, норм, целей, вкусов, табу). И из всех искусств, перефразируя классика, важнейшим программистом является, конечно, кино. Сегодня ни казахстанская литература, ни музыка, ни живопись в принципе не работают на поле предложения смыслов, а кино действительно является массовой культурой и в 25-30 фильмах, которые снимаются ежегодно, что-то предлагается.

Сегодня кино работает со зрителем, не имеющим советского бэкграунда. С одной стороны, это легче, потому что у молодежи сегодня нет того опыта, переживаний, неотрефлексированной ностальгии, которые есть у людей постарше.

Какие же смыслы предлагаются сегодня молодому поколению в нашем казахстанском кино? В целом, пространство смыслов раскрывается в трех главных трендах. Во-первых, Идеологический тренд, который представлен такими фильмами, как «Путь лидера», «Так сложились звезды», «Дорога к матери». Второй тренд – это Коммерческое кино, которое за последние 5-6 лет набрало большие обороты. Сюда относятся фильмы жанровые и рассчитанные на развлечение, от романтических комедий до зомби-триллеров, которые нет необходимости перечислять. Наконец, третье направление и наиболее интересное – Авторское кино, где ставятся радикальные вопросы о ценностях и смыслах. Оно представлено ветераном нашего кинематографа Дарежаном Омирбаев, фильмами Ермека Турсунова, Эмиром Байгазиным с картиной «Уроки гармонии» и так называемым «партизанским кино», в лице Адильхана Ержанова и Серика Абишева. О «партизанском кино» последние два года говорилось очень много как о некоей альтернативе в плане некоммерческого кинематографа, киноязыка и в плане высказывания молодых на социальную тему.

В этой связи интересно рассмотреть, в каких смысловых моделях рефлексировалась культурная матрица «традиция и современность». Во-первых, это государственный патриотизм – модель, представленная картинами «Жаужурек мын бала» и «Казахское ханство». Эта модель преимущественно обращена к этноисторическим истокам, так сказать, к генезису нации. Затем можно выделить постсоветский этнонационализм – эта модель представлена картинами «Кунанбай», «Аманат», «Дорога к матери». Эти фильмы, обращенные к молодежному сознанию (и не только к нему), связаны с переоценкой советского и предсоветского прошлого. Широкому обиходу коммерческого кино можно отнести к модели, которую мы называем интертейментом новой лояльности, сюда относятся фильмы «Келинка Сабина», «Ограбление по-казахски», «Свадьба на троих» и т.д. В основном, это комедии и другое жанровое кино. И, наконец, четвертая модель – честная социальность, которая представлена опять же «партизанским кино»: «Хозяева», «Уроки гармонии», «Шлагбаум», «Жол», «Чума в ауле Каратас». Эта острая социальность возникла буквально в последние два-три года и связана с появлением молодежного «кинематографа рассерженных», который поднимает вопросы справедливости и обращает на себя внимание, может, не столько широко-

го казахстанского зрителя, сколько зарубежных фестивалей.

Если говорить в целом о традиции и современности, то многие наши фильмы, различные и даже противоположные по стилю и замыслу, смыкаются в этой теме. Скажем, новая картина Нуртаса Адамбая «Тараз», хоть и завуалированно, ставит вопрос о том, что именно архаическая традиция ведет к трагедии. А в фильме «Чума в ауле Каратас» Адильхана Ержанова, сама чума и есть традиция, и люди ничего не делают и не хотят делать, чтобы ее сломать. Эта остро-социальная картина, кстати, названа лучшим азиатским фильмом 2016 года. И, наконец, этот же вопрос столкновения традиционной и современной морали стоит в новой картине Гаухар Нуртас «Токал». Фильм красноречиво говорит об этом уже в своем слогане: «Древняя традиция или современная мораль?». Можно сказать, что на изломе времен казахстанское кино молодых рефлексировало тему традиции и современности как ключевую в мировоззренческих поисках нового поколения.

По мнению кинокритика Карима Кадырбаева «Мелодрама успешно обосновалась на телевидении, а на больших экранах хотя и мелькают периодические драмы, боевики и триллеры, но запоминаются в основном комедии. Это вызвано, в первую очередь, социально-экономическими и политическими факторами. Психологически казахстанский зритель стагнирует в застойно-депрессивном настроении. Кинематограф как сфера обслуживающая дает «позитивное» комедийное кино (Кадырбаев, 2018). Казахская комедия в силу своего жанра отзеркаливает социальную реальность, выпукло вырисовывая повестку дня современного состояния, начиная с вопросов адаптации аул-город, заканчивая трансформацией семейных ценностей. Если российский кинематограф демонстрирует модели нациестроительства посредством деконструкции славного военного, спортивного, технического прошлого, укрепляя идею патриотизма, то казахстанское кино показывает, что единственным ресурсом, опорой, мощной сетью у нас выступает семья. Данный тренд высвечивает проблему «the trust», доверия государству, что является темой отдельного обсуждения. Если говорить о трендах в комедийном жанре, как как отмечает К.Кадырбаев, «В основе последних успешных комедий непременно лежит сказочный или фантастический элемент. Казахские кинематографисты переняли моду на сказочный постмодернизм, на котором

зидается голливудский мейнстрим. К примеру, картина Ернара Нургалиева «Брат или брак». Не самая выдающаяся с точки зрения драматургии, довольно неровная по юмору и крайне неоднозначная по посылу комедия внезапно порвала кассы кинотеатров и зашла на девятую неделю проката. Однако если посмотреть на фильм под другим углом, то мы увидим постмодернистскую локализованную версию сказки «Белоснежка и семь гномов». Вместо злой королевы здесь семейные традиции, а вместо гномов – пятеро разнохарактерных братьев, которые полностью отвлекают зрительское внимание от центральной любовной линии. Здесь даже принц постмодернистски карикатурен. Секс-символ казахстанского телевидения Тауекел Мусилим в первой же сцене появляется верхом на коне и в течение всей картины не расстается с условной «коронай» (формой пилота). И, естественно, как и в любой постмодернистской сказке (вспомните «Шрека» или «Холодное сердце»), принц остается ни с чем, а принцесса выбирает простолюдина с золотым сердцем, невзрачной внешностью и очень специфическим чувством юмора. Выходящая в прокат романтическая комедия «5 причин не влюбиться в казаха» Аскара Узабаева и Асель Садвакасовой уже не просто опирается на костыли «диснеевского» постмодернизма, а напрямую цитирует вновь ставшую актуальной в этом году (благодаря киноверсии) классическую сказку «Красавица и Чудовище». В «Келинка тоже человек» присутствует пусть и

избитый, но все еще действенный фантастический прием – обмен телами (Кадырбаев, 2018).

Выводы

Исследование кинематографа в контексте трансформации культурно-исторической среды происходит при помощи герменевтического комментирования важнейших фактов развития казахстанского кино, позволившего вскрыть влияние конкретики социальной эмпирии на формирование эстетики кинематографа как массового искусства, а также понять причины актуализации тех или иных аспектов влияния киноискусства на личность на определенном этапе развития общества. При изучении проблем, сопряженных с выявлением культурных кодов, генеральных линий развития кинопредпочтений современного социума и спецификой массового восприятия позитивных мифологем, используется концепция культурного поля, идея исторического процесса расширения культуры, системный подход к культурным феноменам, принцип конструирования социальной реальности, теоретико-информационный подход к культурным феноменам. Методологические ориентиры и теоретические приоритеты определены в терминах складывающейся в настоящее время парадигмы единой системы естественно-научного и гуманитарного знания, находящей своё выражение в эмпирической эстетике, теории информации, теории коммуникации и др.

Литература

- David Parkinson. History of Film. London: Thames&Hudson, 2012. — 264 p.
<https://www.buro247.kz/culture/cinema/strana-kotoraya-smeetsya-ili-kak-komediya-stala-samym-populyarnym-zhanrom-kazakhstanskogo-kino.html>
- Jarvie I.C. «Movies and Society». ERIC. Basic Books, Publishers, NY, 1970, 394p..
- Mai M., Winter P. Kino, Gesellschaft und sozioli. Wirklichkeit: Zum Verhältnis von Sociologie und Film//Das kino der Gesellschaft –die Gesellschaft des kino. Interdisziplinart Pozition,Analysen und Zugange/Hrsg/von. M.Mai,R. Winter.Koln,2006
- Raymond Bellour. Between-the-Images.JRP/Ringier& Les Presses du Reel,-2012. – 413 p.
- Richard Butsch.Class and Audience Effects: A History of Research on Movies, Radio, and Television/ Journal of Popular Film and Television. Volume 29, 2001 - Issue 3: Spectatorship in Popular Film and Television,Pages 112-120
- Абикеева Г. «Кино Центральной Азии. 1990-2001». – Алматы, 2001.
- Абикеева Г. «Кинодом Махмальбаф». Книга. Серия «Кинотексты». – М.: Издательство «Новое литературное обозрение», 2013. – 368 с .
- Абикеева Г. Национальное строительство в Казахстане и других странах Центральной Азии, и как этот процесс отражается в кинематографе. – Алматы: Ылым, 2006. – 308 с.
- Абикеева Г.«Новое казахское кино». – Алматы, 1998.
- АбикееваГ. «The Heart of the World: Films from Central Asia». – Алматы, 2003.
- Айнагулова К., Алимбаева К. Тенденции развития киноискусства Казахстана. – Алма-Ата, 1990. – 158 с.
- Акингер Ш. Формирование казахского самосознания. От племени к национальному государству: учебное пособие – Алматы: Ылым, 1998. – 13 б.
- Борецкий О. М. Главный ресурс модернизации страны – это позитивная мифология // Элита Казахстана. Власть. Бизнес. Общество – Том 2. – Алматы, 2010. – С. 202-215.

- Борецкий О. М. Заслуживает ли массовый кинематограф философского внимания? // Адам элемі: Философский и общественно-гуманитарный журнал. – 2015. – №1-2 (63-64). – С. 55-65.
- Борецкий О. М. События и явления в новом казахстанском кино. – Алматы: Қазақ Университеті, 2016. – 10 с.
- Борецкий О. М., Ким Л.М. Свобода и отчуждение виртуального мира от телевидения до интернета // Адам Әлемі - Мир Человека. Философский И Общественно-Гуманитарный Журнал. 2016 №1. – С. 13 – 22.
- Борецкий О. М.. О миссии кино // «СТАРОЕ И НОВОЕ» С.Эйзенштейн и современный кинематограф: наследие, художественные традиции, направления и перспективы развития: мат. Первой Междунар. науч.-практ. конф. – Алматы, 2013. – С. 258-261.
- Гордон Грей. Кино: визуальная антропология. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 208 с.
- Дунаев В.Ю. Онтологические основания социогуманитарной рефлексии. – Алматы: ИФП МОН РК, 2007. – 399 с.
- Жиль Делез. Кино. – М.: Ad Marginem, 2013. – 560 с.
- Лотман Ю.М., Цивьян Ю.Г. Диалог с экраном. – Таллин, 1994. – 464 с.
- Ногербек Б. Кино Казахстана. – Алматы: НПП, 1998.
- Нурланова К.Ш. Символика мира в традиционном искусстве казахов // Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. – Алматы: Ғылым, 1993. – С. 208 - 263.
- Разлогов К. Искусство экрана: от синемаатографа до Интернета. – М.: РОССПЭН, 2010. – 304 с.
- Сабит М.С. Национальная идея и казахстанская действительность // Содержание и мобилизующий потенциал общенациональной идеи; мат.-ы респ. науч.-теор. конф. – Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2008. – С. 42 - 49.
- Смаилова И.Т. «Постмодернизм» в казахском кинематографе в контексте мирового кинопространства // Сборник докладов международной научно-практической конференции КазНАИ им. Т. Жургенова. – Алматы, 2006. – С. 388-394.
- Смаилова И.Т. В поисках рыцаря эпохи. Современное казахское игровое кино // Мысль. – № 10. – 2010
- Смаилова И.Т. Обретение собственной самоидентификации» в пространстве кочевой реальности» (на примере фильмов казахстанских кинематографистов) // Сборник докладов международной научно-практической конференции КазНАИ им. Т. Жургенова. – Алматы, 2005. – С. 528-534
- Смаилова И.Т. Проблема изображения в современном казахском кино/ / Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия Философия. Культурология. Политология. – 2010. – № 1. – С. 223-228.
- Смаилова И.Т. Современное казахское игровое кино: обозначение собственной территории в евразийском кинопространстве// Международная научно-практическая конференция «Идея независимости в искусстве. История и современность, октябрь 2011. – С. 35.

References

- Abikeeva G. (1998) Novoe kazakhstanskoe kino [New Kazakh cinema], Almaty
- Abikeeva G. (2003) The Heart of the World: Films from Central Asia. Almaty
- Abikeeva G. (2006) Nazionalnoe stroitelstvo v Kazahstane I drugih stranah Zentralnoi Asii I kak etot prozes otragaetsa v kinematografe [National construction in Kazakhstan and other countries of Central Asia, and how this process is reflected in the cinema]. - Almaty: Science, pp. 308
- Abikeeva G.(2001) Kino Zentralnoi Asii [Cinema of Central Asia], Almaty
- Abikeeva G.(2013) Kinodom Makhmalbaf [Kinodom Makhmalbaf]. Book. Publishing house “New literary review”. A series of “Kinoteksty”. Moscow, pp. 368
- Akiner Sh. (1998) Formirovanie kazakhskogo samosoznania. Ot plemeni k nazionalnomu gisudarstvu [Formation of the Kazakh self-consciousness. From tribe to national state: textbook] - Almaty: Science, pp. 136.
- Aynagulova K., Alimbaeva K. (1990) Tendenzii rasvitya kinoiskusstva Kazakhstana [Tendencies of development of cinematography of Kazakhstan]. - Alma-Ata, pp.158.
- Boretsky O.M. (2016) Sobytia I ayavlenia v novom kazakhstanskom kino [Events and phenomena in the new Kazakhstan cinema] “Kazakh University” pp.10.
- Boretsky O.M., (2010) Glavnii resurs strany-eto pozitivnaya mifologia [The main resource for the modernization of the country is positive mythology] Elite of Kazakhstan. Power. Business. Society - Volume 2, Almaty ., pp. 202-215.
- Boretsky O.M., (2013) O missii kino [About the cinema missions // “OLD AND NEW” S.Eisenstein and modern cinema: heritage, artistic traditions, trends and development prospects] First International scientific.- practical. conf. - Almaty, pp. 258-261
- Boretsky O.M., Kim L.M. (2016) Svoboda I othugdenie virtualnogo mira ot TV do Interneta [Freedom and alienation of the virtual world from television to the Internet] / The World of Man. Philosophical And Social-Humanitarian Journal P. 1, pp. 13 - 22
- Boretsky O.M., Zaslugivaet li massovyi kinematigraf filisifskogo vnimania. [Does mass cinema deserve philosophical attention?] Adam Elemi: Philosophical and Social-Humanitarian Journal. - 2015. - №1-2 (63-64). pp. 55-65.
- David Parkinson.(2012) History of Film. London: Thames&Hudson,pp.264
- Dunaev V.Yu. (2007) Ontologicheskie osnovania sociogumanitarnoi refleksii [Ontological grounds of sociohumanitarian reflection]. - Almaty: IFP of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, pp. 399 .
- Gilles Deleuze. (2013) Cinema.M.: Ad Marginem, pp. 560.
- Gordon Gray. (2014) Kino:visualnaya antropologia [Film: visual anthropology]. Moscow: New Literary Review . pp.208
<https://www.buro247.kz/culture/cinema/strana-kotoraya-smeetsya-ili-kak-komediya-stala-samym-populyarnym-zhanrom-kazakhstanskogo-kino.html>

- Jarvie I.C. (1970) «Movies and Society» .ERIC. Basic Books, Publishers, NY, pp. 394
- Lotman Yu.M., Tsivyan Yu.G. (1994) Dialogue with the screen, Tallinn,
- Madelyn S. Gould, Ph.D., M.P.H., and David Shaffer, M.D. (1986) The Impact of Suicide in Television Movies, N Engl J Med; pp.315:690-694
- Mai M., Winter P. Kino, Gesellschaft und sozioli. Wirklichkeit: Zum Verhältnis von Sociologie und Film//Das kino der Gesellschaft –die Gesellschaft des kino. Interdisziplinart Pozition, Analysen und Zugänge/Hrsg/von. M.Mai, R. Winter. Koln, 2006
- Mai M., Winter P. (2006) Kino, Gesellschaft und sozioli. Wirklichkeit: Zum Verhältnis von Sociologie und Film//Das kino der Gesellschaft –die Gesellschaft des kino. Interdisziplinart Pozition, Analysen und Zugänge/Hrsg/von. M.Mai, R. Winter. Koln,
- Nogerbek B. (1998) Kino Kazakhstana [Cinema of Kazakhstan]. -Almaty: NPC,.
- Nurlanova K.Sh. (1993) Symvolika mira v tradizionom iskusstve kazakhov [Symbolism of the world in the traditional art of Kazakhs] Nomads. Aesthetics: Knowledge of the world by traditional Kazakh art. - Almaty: White, pp. 208 - 263
- Raymond Bellour. (2012) Between-the-Images. JRP/Ringier & Les Presses du Reel, pp.413
- Razlogov K. (2010) Iskusstvo ekrana: ot cinematographa do Interneta [Screen Art: from the Cinematograph to the Internet.] Moscow: ROSSPEN, pp. 304.
- Richard (2001) Butsch. Class and Audience Effects: A History of Research on Movies, Radio, and Television/ Journal of Popular Film and Television. Volume 29, - Issue 3: Spectatorship in Popular Film and Television, Pages pp. 112-120
- Sabit MS (2008) Nationalnaya idea i kazakhstanskaya deistvitel'nost' [The National Idea and Kazakhstan's reality]// Content and mobilizing potential of the national idea; Mat. S resp. Scientific-theor. Conf., - Almaty: Institute of Philosophy and Political Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, - pp. 42 - 49
- Smailova I.T. (2006) Postmodernism v kazakhskom kinematografe v context mirovogo kinematografa [Postmodernism” in the Kazakh cinema in the context of world cinema space] Collection of reports of the international scientific and practical conference of KazNII named after. T. Zhurgenova. - Almaty, pp. 388-394
- Smailova I.T. (2010) V poiskah ryzara epohi. Sovremennoi kazakhskoi igrovoe kino [In search of the knight era. Modern Kazakh fiction film] Thought. - № 10.
- Smailova I.T. (2010) Problema isobrageniya v sovremennom kazakhskom kino [Problem of the image in modern Kazakh cinema] Bulletin of KazNU named after Al-Farabi. Series Philosophy. Culturology. Political science. - - No. 1, pp. 223-228
- Smailova I.T. (2005) Obretnenie sobstvenoi samoidentifikatsii v prostranstve kochevoi realnosti [Finding your own self-identification «in the space of nomadic reality»](on the example of films of Kazakhstani filmmakers) Collected papers of the international scientific and practical conference of KazNal them. T. Zhurgenova. - Almaty, pp. 528-534
- Smailova I.T. (2011) Sovremennoe kazakhskoe igrovoe kino [Modern Kazakh feature film: the designation of its own territory in the Eurasian cinema space] International scientific-practical conference “The idea of independence in art. History and modernity, October, pp. 35

Калдыбаев С.З.¹, Пузиков М.Ф.², Кудро Н.М.³

¹магистрант Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: saken1995-24@mail.ru

²доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им.аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: puzikova.svetlana@inbox.ru

³доктор социологических наук, профессор, Казахский национальный университет им.аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: puzikova.svetlana@inbox.ru

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ В ОЦЕНКЕ МАССОВОГО
СОЗНАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА АЛМАТЫ)**

Основная цель данной работы – обнаружить факторы и условия профилактики и противодействия религиозно-политическому экстремизму в условиях глобализации, в частности в Республике Казахстан. Основные направления и идеи научного исследования будут достигнуты путем решения следующих задач: дать уточненное религиозноведческое определение религиозно-политическому экстремизму; раскрыть факторы и социальную базу экстремистского поведения с учетом этнического и конфессионального измерений; и предложить методы профилактики и противодействия религиозно-политическому экстремизму на основе структурного анализа. Объектом исследования явились студенты г. Алматы в возрасте от 18 лет и старше, имеющие временную или постоянную прописку. Результаты опроса показывают, что большинство опрошенных жителей в возрасте от 18 лет и старше позиционируют себя как верующие. Тем не менее, анализ показывает, что 25% студенческой молодежи признает себя неверующими атеистами или агностиками. В обществе студентов необходимо распространять идею о том, что каждый человек вправе сам решать религиозные вопросы в рамках, дозволенных законами, основываясь на своих конституционных правах. никто не вправе «пристыдить» человека за веру или неверие, или выбор какой-либо религиозной конфессии. Большинство верующих студентов видят в религии возможность духовного самосовершенствования и ощущение защищенности. Ценность проведенного исследования заключается в том, что его результаты по профилактике и противодействию религиозно-политическому экстремизму могут рассматриваться в качестве основы дальнейшего изучения места и роли, состояния и специфики религиозного экстремизма, а значимость состоит в углублении и расширении знаний о противодействии религиозному экстремизму в условиях глобализации. Практическое значение исследования видится в том, что для предотвращения политической радикализации религиозно-политического экстремизма необходима последовательная работа по социально-политической активности верующих.

Ключевые слова: религия, экстремизм, СМИ, религиозно-политический экстремизм

Kaldybaev S. Z. ¹, Puzikov M. F. ², Kudro N.M ³

¹Master's student, Al-Farabi Kazakh National University. e-mail: saken1995-24@mail.ru

²doctor of historical sciences, professor, Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: puzikova.svetlana@inbox.ru

³doctor of sociology, professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan,
Almaty, e-mail: puzikova.svetlana@inbox.ru

**Religious Extremism And Terrorism In The Evaluation Of The Mass Consciousness Of The
Student Youth (Socio-Psychological Analysis On The Example Of Almaty)**

The topic of this study is “Religious-political extremism in assessing the mass consciousness of the youth of Almaty city”. The main objective of this work is to reveal the factors and conditions of the de-

velopment and coping with religious and political extremism in the context of globalization, in particular in the Republic of Kazakhstan. The main directions and ideas of scientific research will be achieved by solving the following tasks: to provide accurate religious and political extremism; the protection of the factors and the social base of extremist behaviour with the account of ethnical and confessional measurements; and to suggest methods of the prophylaxis and resistance of religious-political and political extremism on the basis of a structural analysis. The object of the research was students of Almaty aged 18 years and older, having a temporary or permanent registration. The main results and conclusions of this study: the results of the survey show that the majority of the surveyed residents aged 18 years and older position themselves as believers. Nevertheless, the analysis shows that 25% of students admit that they are unbelievers atheists or agnostics. In the society of students, it is necessary to spread the idea that each person has the right to decide religious issues within the limits permitted by law, based on his constitutional rights. No one has the right to "shame" a person for his faith or disbelief, or the choice of a religious denomination. The value of the study lies in the fact that its results on the prevention and counteraction of religious-political extremism can be considered as the basis for further studying the place and role, condition and specificity of religious extremism, and its significance lies in deepening and expanding knowledge about countering religious extremism in the context of globalization. The practical significance of the study seems to be that, to prevent the political radicalization of religious-political extremism, consistent work is needed on the socio-political activity of believers.

Key words: religion, extremism, mass media, religious-political extremism.

Қалдыбаев С.З.¹, Пузикова М.Ф.², Кудро Н.М.³

¹әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің магистранты,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: saken1995-24@mail.ru

²тарих ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: puzikova.svetlana@inbox.ru
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

³әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: puzikova.svetlana@inbox.ru
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Студент жастардың жаппай санасын бағалаудағы діни экстремизм мен терроризм (Алматы қаласы мысалындағы әлеуметтік-психологиялық талдау)

Зерттеу тақырыбы: «Алматы қаласы жастарының жаппай санасын бағалаудағы діни-саяси экстремизм». Бұл жұмыстың негізгі мақсаты – жаһандану жағдайында, атап айтқанда Қазақстан Республикасында діни-саяси экстремизмнің алдын алу және қарсы күрес факторлары мен жағдайларын анықтау. Ғылыми зерттеудің негізгі бағыттары мен идеяларына келесі міндеттерді шешу арқылы қол жеткізіледі: діни-саяси экстремизмнің нақтыланған дінтану анықтамасын беру; этникалық және конфессиялық өлшемдерді ескере отырып, экстремистік мінез-құлықтың факторлары мен әлеуметтік базасын ашу; және құрылымдық талдау негізінде діни-саяси экстремизмге қарсы әрекет ету және алдын алу әдістерін ұсыну. Зерттеу объектісі Алматы қаласының 18 және одан жоғары жастағы, уақытша немесе тұрақты тіркелген студенттері болды. Сауалнама нәтижелері сауалнамаға қатысқан 18 және одан жоғары жастағы тұрғындардың көпшілігі өздерін сенушілер ретінде ұстанатынын көрсетеді. Дегенмен, талдау көрсеткендей, студент жастардың 25% өзін бейберекет атеистер немесе агностиктер деп таниды. Студенттер қоғамында әрбір адам өзінің конституциялық құқықтарын негізге ала отырып, заңдармен рұқсат етілген шеңберде діни мәселелерді өзі шешуге құқылы деген идеяны тарату қажет. Адамды сену немесе сенімсіздік немесе қандай да бір діни конфессияны таңдау үшін «ұятқа қалдыруға» ешкімнің құқығы жоқ. Діндар студенттердің көпшілігі дінге рухани өзін-өзі жетілдіру мүмкіндігін және қорғаныс сезімін көреді. Жүргізілген зерттеудің құндылығы оның діни-саяси экстремизмнің алдын алу және оған қарсы іс-қимыл жөніндегі нәтижелері Діни экстремизмнің орны мен рөлін, жай-күйі мен ерекшелігін одан әрі зерделеу негізі ретінде қаралуы мүмкін, ал маңыздылығы жаһандану жағдайында діни экстремизмнің қарсы іс-қимылы туралы білімді тереңдету мен кеңейтуден тұрады.

Түйін сөздер: религия, экстремизм, СМИ, діни-саяси экстремизм.

Введение

Актуальность темы определяется важностью исследования возрастающей роли социальных, политических и культурных взаимоотноше-

ний, и необходимостью роста межрелигиозного и межкультурного диалога между странами и этносами. Это связано с возрастанием и распространением религиозно-политического глобального характера экстремизма. Значность слова

«религия» и его производных («религиозность», «религиозный») препятствует адекватному пониманию роли религии в мировой политике. В обыденном словоупотреблении существует столько толкований смысла этого слова, что для научных целей приходится намеренно сужать его значение. Среди основных значений слова «религия» можно назвать религию как «мировоззрение»; религию как «набор ритуалов» или «культ»; религию как собственный опыт переживания сверхъестественных сил религий как «совокупность институтов». В качестве фактора глобализации религия выступает, главным образом, в двух своих ипостасях: «как система убеждений (мировоззрение)» и как «набор социальных институтов».

Как известно, одним из проявлений радикального настроения населения является религиозно-политический экстремизм. Дать универсальное определение религиозно-политическому экстремизму и терроризму не представляется возможным в связи с многообразием форм проявления этого сложного явления, его исторической изменчивостью, отсутствием четких критериев и обоснованных теоретико-методологических позиций в отношении понимания данного феномена. В настоящее время в казахстанской правовой системе полностью сформирована современная законодательная база, направленная на противодействие политическому экстремизму. Поэтому деятельность органов государственной власти по обеспечению безопасности Республики Казахстан определена концептуально и строится на основе официально принятой концепции обеспечения безопасности населения. Вместе с тем, как показывает анализ, в последние годы устойчиво растет количество членов различных религиозно-политических объединений. В меньшей степени опрошенные выразили обеспокоенность слабостью государства (13,2%), пропагандой нетрадиционных течений среди молодежи (11,8%), проблемами личной безопасности (8,5%), нетерпимостью (3,1%) и другими менее релевантными в процентном отношении причинами (10,9%). Как уже было отмечено, простые граждане часто отождествляют один вид экстремизма с другим. Средние оценки проявления экстремизма примерно одинаковы. Религиозный экстремизм – 2,53, национальный – 2,33% и политический – 2,25. Немного отстраненным от этой триады находится терроризм сам по себе – 1,96. Среднее значение всех средних равняется 2,2675 со стандартным отклонением 0,2364, что не является статистичес-

ки значимым и это в основном происходит за счет молодежи. В связи с этим, необходимость повышения религиозной грамотности, как один из путей профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма, определила актуальность данного исследования.

Объектом социального анализа явились жители г. Алматы, главным образом студенческая молодежь. **Предмет данной работы** – проблемы профилактики и противодействия религиозно-политическому экстремизму в мировом сообществе, опираясь на приметы и факты казахстанской действительности.

Цель данного исследования:

– выявить причины роста отдельных проявлений религиозного экстремизма и условия профилактики на территории в городе Алматы, и на всем пространстве в Республике Казахстан. Для этого нужно решить следующие задачи:

– дать уточненное с позиций социолога определение религиозно-политическому экстремизму;

– раскрыть факторы и социальную базу экстремистского поведения молодежи с учетом этнических и конфессиональных измерений;

– предложить некоторые методы профилактики и противодействия политическому экстремизму на основе структурного анализа.

Методология данного исследования заключается в себе содержащие объект и предмет исследования, в которых приняли участие жители г. Алматы в возрасте от 18 лет и старше, имеющие временную или постоянную прописку в городе Алматы.

Метод исследования: интервьюирование студентов Алматы проводилось во время прохождения занятий по месту учебы во время перерывов между занятиями перед входом в университет КазНУ им. аль-Фараби. Территория опроса нейтральная, поэтому не требовалось письменного или какого-либо иного разрешения со стороны администрации вуза. Опрос проводился методом стандартизированного интервью «face-to-face» с использованием планшетов со встроенным программным обеспечением – модулем опросником.

Метод опроса «Face-to-face» – в переводе с английского «лицом к лицу». Он позволил получить от респондентов большое количество информации с высокой степенью достоверности. В ходе личного опроса была возможность применить различные методы мотивации. Опрос велся при личной беседе, в отсутствие посторонних лиц, неучаствующих в анкетировании.

При необходимости респонденту предъявляются карточки, рисунки, фотографии. В опросе применялись планшеты, прошитые специальными приложениями модулями опросниками. Ответы респондента заносились профессиональным интервьюером. Полученные данные в процессе опроса подвергались статистической обработке и анализу. В процессе опроса использовались графики и таблицы с ответами различных групп на вопросы исследовательской анкеты.

Выборочная совокупность опроса составила 1000 респондентов. Выборка многоступенчатая, квотная, отражающая репрезентативную совокупность демографической структуры.

Квота использовалась нормированная, по 50 респондентов с каждого ВУЗА из списка, предоставленного Заказчиком.

Социологический инструментарий: анкета, инструкция, письмо-обращение, внедренные в планшет.

Обработка данных: 1 оператор, статистический пакет «SPSS».

Период проведения полевого этапа исследования: октябрь, ноябрь 2018 года.

Продолжительность работ: 18 дней.

Организация работ, экспертиза, контроль с 2 супервайзерами.

Погрешности полученных показателей статистически незначительны ($\pm 3,0\%$). Это позволяет экстраполировать результаты данного социологического опроса на генеральную совокупность и формулировать соответствующие выводы.

Настоящий доклад явился вариантом социологического анализа данных. В нем указываются наиболее значимые показатели. В приложениях представлен полный объем результатов исследования.

Гипотеза и степень разработанности проблемы. Проблема профилактики и противодействия религиозно-политическому экстремизму в условиях глобализации является предметом изучения различных направлений науки. К этому обращаются не только религиоведы, но и историки, социологи, философы, юристы, психологи, политологи. Во время изучения данной проблемы использовались данные многих ученых, например таких как Т.Р. Гарр (Гарр, 2015); А.А.Козлов (Козлов, 2003); Ф.Ф. Нурыев (Нурыев, 2016); Ж.Т. Тощенко (Тощенко, 2007). Во время анализа данных публикаций выявилось, что хотя проблемам терроризма и экстремизма посвящена значительная литература, отсутствует пока единая общепринятая трактовка ряда понятий.

Значение данного исследования

Социологическое исследование молодежи и студентов сопровождалось определенными затруднениями в связи с особенностями самого объекта исследования. Молодежь меняется и вместе с нею изменяются социальные нормы, установки, их ценности. Каждое их поколение привносит в свои ряды все новые идеи, символы, вкусы, модели поведения, внешнего образа и другие проблемы. Вместе с тем, отношение к молодежи и студентам со стороны старшего поколения тоже непостоянно с течением времени, и оно меняется. Например, возрастной промежуток, который принято считать периодом молодости, тоже претерпевает с приходом каждого нового поколения. Вдовершение всего, в силу биологических особенностей молодого поколения каждой эпохи, то есть гормональных всплесков каждого молодого человека, любой человек в молодые годы достаточно пассионарен. Поэтому молодежь одинаково способна как на большие подвиги, так и на жестокие преступления.

В силу этого трудно успеть за развитием реальности и поэтому результаты исследований оказывались не всегда достоверными.

Отметим, что студенты, являясь частью молодежи, отличаются социальной активностью. К тому же, студенческая молодежь как социально-профессиональная группа находится в особой фазе – стадии социализации, которая характеризуется определенными социально-психологическими особенностями.

Алматинские студенты отличаются своим социально значимым положением в городе: летом, в период каникул, особенно заметно их отсутствие в социальной инфраструктуре и розничной торговле города. Торговцы жалуются на «мертвый сезон», НПО – на отсутствие человеческих ресурсов. Отличием алматинских студентов от областных является более широкая география прибывших иногородних.

Таким образом, прибывшие из разных городов и сел молодые искатели интеллектуально правильного образа и духовной истины, привносят в развитие города свои региональные идеи, символы и образы поведения. На период совместного проживания в кампусах или арендуемых квартирах студенты делятся своими накопленными знаниями, умениями и религиозными представлениями. Поэтому среди студенческой молодежи происходит процесс изменения религиозных доктрин. То есть конкурирующие между собой религиозные доктрины, взгляды, представления и верования распространяются

и размножаются, зачастую превознося большую путаницу в религиозные представления молодежи.

Нормальный гражданин является носителем балансированных гармоничных отношений импульсов жертвенности во имя высоких общечеловеческих ценностей патриотизма, защиты окружающих и инстинкта самосохранения.

Молодежь, в особенности студенческая, – пассионарна в своей сущности, в силу чего у молодых юношей и девушек возможно нарушение гармонии «импульс жертвенности – инстинкт самосохранения». Поэтому молодые люди способны как на большие подвиги, так и на великие глупости.

Обзор литературы

В последние годы мы все чаще и чаще слышим слова «терроризм» и «экстремизм». Сообщениями о террористических актах пестрят газетные полосы, о них сообщают дикторы радио и телевидения. Но если лет десять-пятнадцать назад все это нас не касалось, так как происходило где-то далеко, то сегодня волна террора накрыла весь мир. Для многих граждан терроризм из абстрактного понятия превратился во вполне реальный кошмар. Терроризм и экстремизм как социально-политические явления далеко не молоды. История насчитывает уже более 100 лет (Ханбабаев, 2011).

Сегодня за рубежом функционируют десятки научных центров по изучению терроризма и экстремизма, существует обширная литература, посвященная всестороннему анализу этого негативного феномена общественной жизни (Ковлер, 1990). Энциклопедический словарь по психологии общения определяет терроризм как феномен политической психологии, специфический для обострения конфликтных ситуаций, который выражается в уничтожении конкретных лиц (реже сооружений или культурных ценностей) в случае отказа удовлетворить требования террористов. Причем эффективность терроризма психологически зависит от трех факторов:

- 1) подкрепления угрозы в форме ее частичной реализации;
- 2) внутренней готовности пойти на компромисс;
- 3) масштабов риска, на который готовы пойти со стороны конфликта.

Экстремизм – это феномен в социальной психологии, проявляющийся в условиях открыто конфликтных ситуаций как средство их максимального обострения (Гришнова, 2000).

Террористическая активность проявляется в прямой угрозе уничтожения людей, если та сторона, которой предъявлен ультиматум, не выполнит требования террориста или террористов. С социальной точки зрения экстремизм так определяет «Словарь конфликтолога». В нем терроризм рассматривается как идеология и политика, основным орудием которых является террор А.А.Бодалева (Бодалева, 2011); Т.Р.Гарр (Гарр, 2015).

Научное исследование терроризма и экстремизма позволяет рассмотреть супертерроризм как социально-политическое явление периода глобализационных процессов. Такой подход дает возможность рассмотреть терроризм в более пространственном процессе интеграции и дезинтеграции, в условиях глобального кризиса современности. С этой точки зрения супертерроризм должен исследоваться как одно из последствий множественных изменений, происходящих в культурной, социальной и политической жизни наших детей А.А.Козлов (Козлов, 2003), Г.И.Авцинова (Авцинова, 2014).

В публикациях по данной проблеме мы наблюдаем большой разброс мнений: они разные и противоречивые. Отправной точкой для исследования терроризма и экстремизма должны быть люди – «именно люди со всеми их разнообразными идентичностями, желаниями и убеждениями должны быть центром анализа конфликта». Объективным условием, необходимым для возникновения чувства неудовлетворенности его предпосылкой, является существующее социальное противоречие, особенно в деловых кризисных явлениях, что мы наблюдаем сегодня Р.А. Амирокова (Амирокова, 2014); К.Хиршман (Хиршман, 2012).

Как следует из анализа литературы, одним из наиболее значимых свойств экстремизма является его направленность против представителей определенных социальных групп или сложившегося порядка осуществления властных отношений общества в целом, или его отдельных элементов. Это свойство экстремизма основывается на чувстве неудовлетворенности существующим положением дел, когда особенно остро проявляются чувства социальной депривации и безисходности (Черниловский, 1992). Чувство неудовлетворенности признается на этом основании причиной, ведущей к возникновению экстремизма. Оно в конечном счете ведет к заострению таких представлений, которые могут постоянно возрастать в сознании больших масс людей. Основным признаком

такого психологического выгорания явилось наличие побудительного элемента, который предполагает непосредственное действие или воплощение идеи в социальную практику, что отличается от непосредственной готовности индивида совершить действие, но является элементом содержания высказывания или убеждения (Дибиров, 2013).

Отправной точкой социологического изучения феномена экстремизма является его понимание как типа девиантного поведения, направленного против существующих в обществе норм, правил, принципов, обычаев, традиций. Первое направление в исследовании экстремизма заключается в изучении генезиса и происхождения явления; второе – в определении особенностей проявления экстремизма в социальной действительности (Мотышов, 1990). Научное исследование того или иного явления сродни постановке диагноза. Если пациенту, например, будет поставлен неверный диагноз, то и лечение будет неэффективным или даже губительным. Поскольку в качестве пациента в нашем случае выступает общество в целом, то игра в политкорректность с диагнозом относительно таких деструктивных явлений как экстремизм и терроризм может слишком дорого обойтись всему обществу. Более того, неточные формулировки рождают штампы, которые потом способствуют разжиганию конфликтов и появлению не существовавших ранее противоречий (Тощенко, 2007).

Сегодня много спорят об экстремизме как разрушительном для общества и личности феномене современного общественного бытия. Однако, общепринятого понимания экстремизма, различных форм его проявления пока

нет в массовом сознании. В научном сообществе также пока еще недостаточно разработаны методологическая база и методика его исследования (Чиркин, 1995). В то же время очевидно и то, что для выработки эффективной политики по диагностике, профилактике и преодолению экстремизма необходимо теоретическое толкование его сущности. Чрезвычайно важно обнаружение сущности экстремизма и для формирования юридической базы борьбы с ним (Нурыев, 2016).

Результаты исследования

– Отношение населения к проявлениям экстремизма и терроризма

Мотивом экстремизма является стойкая неприязнь и (или) нетерпимое отношение, испытываемое лицом к другим гражданам, их группам вследствие несогласия с их взглядами, по причине их принадлежности к определенной национальности, расе, конфессии, религиозному объединению и т.д.

В непосредственной беседе с простыми гражданами на круглых столах фокус-группах замечается неосознанное отождествление одного вида экстремизма с другим. К примеру, религиозный экстремизм исламского толка путают с национализмом, или наоборот.

Как показано на рисунке 1, почти половина опрошенных, или 48,5%, совсем не беспокоятся по поводу распространения терроризма и еще пятая часть, или 21,5%, в незначительной степени обеспокоена по этому поводу. 30% в значительной степени обеспокоены по данному вопросу.

В какой степени Вы испытываете беспокойство по поводу распространения экстремизма и терроризма в Казахстане?

Рисунок 1

Таким образом, 51,5% в той или иной степени обеспокоены по поводу распространения экстремизма. Для этой части опрошенных был

специально задан уточняющий вопрос – «Что конкретно вызывает Ваше беспокойство?». На рисунке 2 показано, что четверть опрошенных,

или 25%, назвали в качестве причины обеспокоенности «салафитов». Хотя с точки зрения религиоведов это скорее всего «псевдосалафиты» или «квазисалафиты», тем не менее, в народе именно это название закрепилось за приверженцами такого радикального течения в Исламе.

Рисунок 2

На вопрос: «Что больше всего Вас как личность беспокоит сегодня?»

Как уже было отмечено, простые граждане часто отождествляют один вид экстремизма с другим. Как показано на рисунке 3, средние оценки проявления экстремизма примерно одинаковы:

религиозный экстремизм – 2,53, национальный – 2,33% и политический – 2,25. Немного отдаленно от этой триады находится терроризм сам по себе – 1,96. Среднее значение всех средних равняется 2,2675 со стандартным отклонением 0,2364, что не является статистически значимым.

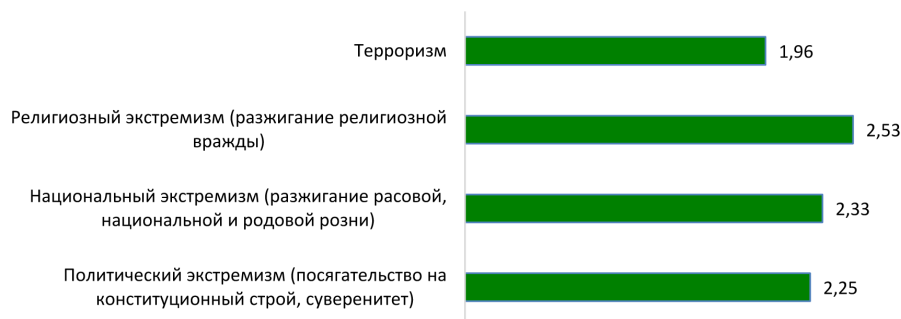

Рисунок 3

Оценка проявления экстремизма, средние значения

Первое. Таким образом, остается обеспокоенность жителей мегаполиса дальнейшим распространением экстремизма и терроризма. Половина, или 51,5%, опрошенных в той или иной степени обеспокоена распространением вероятности терроризма и распространением нетрадиционных религиозных доктрин. В профилактической информационно-разъяснительной работе следует успокаивать население и информировать о неустанной и бдительной работе

соответствующих компетентных органов и правоохранительных органов.

Второе. Также наблюдается неполное осознание религиозного экстремизма. В профилактических целях учителям и практикам следует и дальше изучать тему религиозного экстремизма, четко проводя разграничение с политическими и националистическими составляющими данного феномена.

– Информированность о религиозном экстремизме.

Религиозный экстремизм напрямую связан

с религиозными организациями. Многие религиозные организации лишь прикрываются своим влечением к религии, но на самом деле пропагандируют свои интересы, контролируя сознание человека, разрушают человека как личность, тем самым нарушают права, разрушают семейную этику, возбуждают конфликты на религиозной основе, ограничивают или лишают человека конституционных прав. Но эта связь еще не переходит в форму открытого насилия. И не только конкретные тоталитарные секты являются его питательной почвой, но и традиционные религии.

Религиозный экстремизм не рождается на пустом месте. И предупредить его появление намного разумнее, чем с ним бороться. Поэто-

му задачей профилактики экстремизма и терроризма является информирование горожан о реальных целях радикальных псевдорелигий. В предоставленной диаграмме отражаются ответы респондентов на вопрос о желании и возможности получить полную и достоверную информацию о деятельности религиозных экстремистов. 4,7% считают такую информацию доступной, но не интересующей и только 1,4% не нашли интересующую их информацию. 3% опрошенных получают какую-либо интересующую их информацию о целях и идеях религиозных экстремистов. Подавляющее большинство, или 90,9%, опрошенных не имеют никакого желания в получении подобной информации.

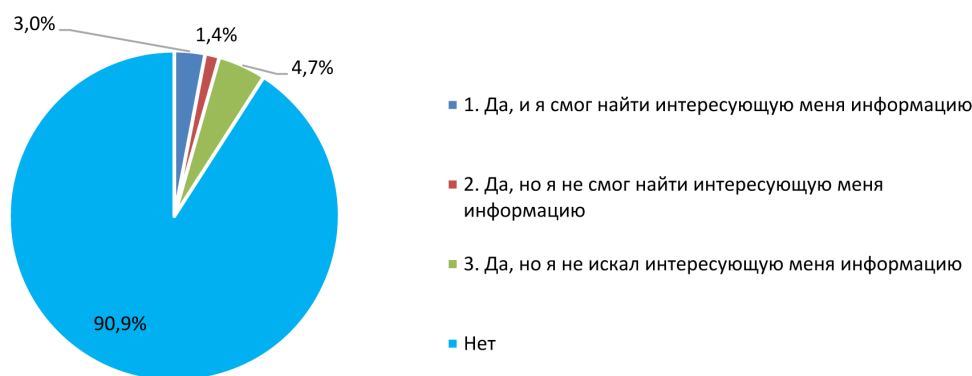

Рисунок 4

Возникло ли у Вас когда-либо желание получить информацию об идеях, целях и деятельности религиозных экстремистов?

Основные выводы и рекомендации

Актуальным остается вопрос обеспокоенности жителей мегаполиса эффективностью государственной политики в отношении экстремизма и терроризма. Половина, или 52,7%, опрошенных считает или склонна считать, что законы в данной сфере действенны, но для другой половины населения требуется профилактическая, разъяснительная работа.

Также наблюдается обеспокоенность горожан по поводу своей безопасности. Поэтому следует в информационно-разъяснительной работе сменить тон с негативных настроений на более позитивные ноты.

Остается обеспокоенность студенческой молодежи и всех жителей г. Алматы дальнейшим

распространением экстремизма и терроризма. Половина, или 51,5%, опрошенных в той или иной степени обеспокоена распространением вероятности терроризма и распространением нетрадиционных религиозных доктрин. В разъяснительной деятельности следует информировать население о неустанной и бдительной работе, и ею должны заниматься соответствующие компетентные органы и каждый житель мегаполиса.

Наблюдается также неполное осознание жителями г. Алматы опасных действий со стороны экстремистов. В профилактических действиях следует четко проводить разграничение с деяниями экстремистов и нетрадиционалистов. Некоторая часть горожан не совсем четко отличает политический экстремизм от религиозного нетерпения.

Наблюдается также снижение тревожности по поводу возможности проявлений терактов.

Тем не менее, большинство опрошенных обеспокоены угрозой дестабилизации обстановки в городе из-за экстремалов.

Низкий уровень жизни, бытовые проблемы и отсутствие перспектив в дальнейшей жизни, по мнению опрошенных, конечно же, способствуют возникновению экстремизма и терроризма. С другой стороны, почти половина из них склоняется в сторону причине, объясняющей возникновение экстремизма внешними факторами.

Незначительная часть имела опыт столкновений с экстремизмом. Но чаще всего религиозный экстремизм и межнациональные конфликты переплетаются и их размежевание носит только теоретический характер. Кроме разъяснения пагубности псевдорелигиозных течений, ученым и практикам необходимо обратить внимание на опасность смешивания понятий.

Выявлена также основная причина проявления экстремизма и терроризма, что они связаны с материальной нуждой. Необустроенность быта определяет шаткое сознание населения, готовое подвергнуться экстремистскому воздействию. В общественном сознании образ опрошенных террористов носит негативный характер как человека малодушного, стремящегося через жертвы построить свое благополучие, которых обманули обещаниями. Выяснено и то, что преступное лицо радикализма никак не связано с религией. И несмотря на бдительную и безукоризненную службу правоохранительных органов, общественность мегаполиса совсем не отрицает возможность террористических актов на территории большого и малого города. Таких среди опрошенных оказалось в два раза больше, чем тех, которые не испытывают никаких тревог. В средствах массовой информации необходимо отражать работу правоохранительных органов по предупреждению и раскрытию экстремистских деяний.

Из опроса общественного мнения видно, что горожане мало заинтересованы в идеях, целях и намерениях деятельности экстремистов и террористов. В интернет-ресурсах некоторые молодые люди увлекаются романтическими призывами экстремистски настроенных храбрых героев о их переменах и великих подвигах. В видео-, аудио- и текстовых материалах умело используются технологии психологического программирования. Особенно пагубно воздействуют такие ре-

сурсы на несформировавшихся молодых людей и, особенно на психически неуравновешенных и больных. Поэтому в информационно-разъяснительной работе необходимо призывать горожан не обращаться к сомнительным источникам информации.

Выявлено также, что жители города мало заинтересованы в получении информации о работе государственных органов по пресечению экстремизма и терроризма, это не удивительно, так как по благоприятному стечению событий и не в последнюю очередь благодаря работе соответствующих органов, в последнее время не было случаев экстремистских проявлений.

Тем не менее возникает острая необходимость усиления работы правоохранительных органов и идеологического сектора местных исполнительных органов Управления Общественного развития с тем, чтобы предупредить экстремистские проявления во всех сферах общества, хотя в целом общественность поддерживает деятельность государственных органов по выявлению и пресечению экстремистской и террористической деятельности отдельных лиц.

Высокая доля колеблющихся с ответом о поддержке деятельности государственных органов и удовлетворении мерами властей, принимаемыми для устранения причин, влияющих на рост экстремизма и терроризма, говорит о слабой информированности населения по предупреждению терроризма. Однако большинство населения поддерживает запрет деятельности ряда религиозных объединений, исповедующих экстремистские взгляды, выражает готовность помогать государственным органам в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Большинство населения считает действия властей по предотвращению угроз экстремизма и терроризма адекватными и достаточными.

Считаем, что в связи с рисками и угрозой со стороны религиозных экстремистов в высших и средних учебных заведениях, выпускающих по специальностям «История», «Философия», «Религиоведение», «Политология», «Культурология», «Социология», «Социальная работа», «Педагогика», «Журналистика», необходимо рекомендовать ввести в учебные планы и базовые учебные программы дисциплины, прививающие студентам навыки проведения информационно-разъяснительной и контрпропагандистской работы.

Литература

- Авцинова Г.И. Экстремизм политический // Политическая энциклопедия: В 2 томах. – М., 2014. – Т.2. – С.450.
- Амирокова Р.А. Политический экстремизм: к постановке проблемы // Социокультурные, политические, этнические и гендерные проблемы современного российского общества. Материалы 49-й научно-методической конференции «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2014. – С. 250.
- Бодалева А.А. Психология общения. Энциклопедический словарь. – М. Изд.-во «Когито-Центр», 2011 – С.120.
- Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2015. – С.464.
- Гришнова Е.Е. Гражданское общество и правовое государство: проблемы теории и практики. – М.: Моск. Унив. им. Н.Э. Баумана, 2000.
- Дибиров А.Н., Сафаралиев Г.К. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, организация, практика, профилактика и противодействие. – Махачкала, 2013. – С.220.
- Ковлер А.И. Исторические формы демократии. Проблемы политико-правовой теории. – М., 1990.
- Козлов А.А. Экстремизм социальный // Социологическая энциклопедия. – М.: Мысль, 2003. – С.863.
- Мотышов В.П. Плюрализм: возможно ли единство // В кн. Квинтэссенция. – М., 1990.
- Нурьев Ф.Ф. Изучение отношения современной молодежи к проблеме экстремизма // Молодой ученый. – 2016. – С. 750-754.
- Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структура и уровни социологического знания // Социс. 2007. – № 9. – С.230.
- Ханбабаев К.М. Сущность экстремизма, религиозно-политического экстремизма, терроризма: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений – Махачкала, 2011. – С.250.
- Хиршман К. Меняющееся обличье терроризма. // Международный терроризм и право: Реф.Сб.ИНИОН.РАН. Центр социал.научно-информ.исследований. Отдел просвещения. – М., 2002. – С. 56.
- Черниловский З. Гражданское общество //Опыт исследования. – 1992. – №6.
- Чиркин В.Е. Легализация и легитимизация государственной власти. // Советское государство и право. – 1995. – №8.

References

- Avtsinova G.I. (2014) Extremism politicheski [Political extremism]. Political encyclopedia. 2 c. M. T.2, p.450.
- Amirokova P.A. (2014) Politicheski extremism: k postanovke problemy[Sociokulturnye, politicheskie, etnicheskie i gendernye problemy sovremennogo rossiskogo obshestva [Political extremism: problem statement]. Socio-cultural, political, ethnic and gender problems of modern Russian society. Proceedings of 49-th scientific-methodical conference “University science – the region”. Stavropol: publishing house of SSU, p.250.
- Bodaleva A.A. (2011) Psihologia obshenia [Psychology of communication]. Encyclopedic dictionary. M. Ed.-in the Cohito Center – p.120.
- Garr T. R. (2015) Pochemu ludi buntuyut [Why men rebel].SPb.: Peter, p.464.
- Grishnova E. E. (2000) Grazhdanskoe obshestvo i pravovoe gosudarstvo: problem teori i praktiki [Civil society and the civic state: problems of theory and practice].Mosk. Univ. named after N. Eh. Bauman.
- Dibirov A. N., Safaraliev G. K. (2013) Sovremenni politicheski extremism: ponyatie,istoki, prichiny, ideologia, organizatciya, praktika, profilaktika i protivodeistvie [Modern political extremism: concept, origins, causes, ideology, organization, practice, prevention and counteraction]. Makhachkala, p.220.
- Kovler A. I. (1990) Istoricheskie formy demokrati. Problemy politico-pravovoi teorii [Historical forms of democracy. Problems of political and legal theory]. M.
- Kozlov A. A. (2003) Extremism socialnyi [Social extremism]. Sociological encyclopedia. M.: Thought, p.863.
- Motyashov V.P. (1990) Pluralism: vozmozhno li edinstvo [Pluralism: is unity possible]. In the book Quintessence. M.
- Nuryev F.F. (2016) Izuchenie otnoshenia sovremennoi molodezhi k problem extremisma [The study of the attitude of modern youth to the problem of extremism]. Young scientist. pp.750-754.
- Toschenko Zh.T. (2007) Paradigmy, struktura i urovni sociologicheskogo znaniya [Paradigms, structure and levels of sociological knowledge]. Socis, no 9, p.230.
- Khanbabaev K.M. (2011) Sushnost extremisma, religiozno-politicheskogo extremisma, terrorisma [The essence of extremism, religious and political extremism, terrorism]. Textbook for students of higher educational institutions. Makhachkala, p. 250.
- Hirshman, K. (2002) Menyausheesya oblichie terrorisma [The changing guise of terrorism]. International terrorism and law: Ref.Collection.RAN Center social.scientific-inform.researches. The Department of enlightenment. M, p. 56.
- Chernilevsky Z. (1992) Grazhdanskoe obshestvo. [Civil society]. Research experience, no. 6.
- Chirkin V. E. (1995) Legalizatciya i legitimizatciya gosudarstvennoi vlasti [Legalization and legitimization of state power]. Soviet state and law, no.8.

Дүйсенова С.М.¹, Омарова А.Т.², Сұлтанова А.М.³

¹әлеуметтану және әлеуметтік жұмыс кафедрасының аға оқытушысы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: sofia.duisenova@kaznu.kz

²Ph.D, әлеуметтану және әлеуметтік жұмыс кафедрасының аға оқытушысы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: omarova.ase@mail.ru

³әлеуметтану және әлеуметтік жұмыс кафедрасының аға оқытушысы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: sultanova8012@gmail.com

**ЖОҒАРЫ ОҚУ ОРЫНДАРЫНДАҒЫ ЖАСТАРДЫҢ
МАМАНДЫҚ ТАҢДАУ СТРАТЕГИЯСЫ**

Студенттердің жалпы білім беру стратегиясын зерттеу барлық оқу жүйесінің тиімділігін арттыруға ықпал етеді. Мұндай зерттеулер студенттердің оқу процесін ұйымдастыруды жеңілдетеді, жас ұрпаққа еңбек нарығына тез бейімделуіне мүмкіндік береді. Бүгінгі күні отандық ғылымда осындай зерттеулердің жетіспеушілігі байқалады, ал бұл өз кезегінде Қазақстандағы жоғары білім беру жүйесіне әсер етеді. Қазақстандық студенттердің білім беру стратегиясы туралы ақпараттардың шектеулі болуы осы мәселе бойынша біртұтас зерттеулер жүргізуге қызығушылықты тудырады. Мақалада эмпирикалық зерттеулерге, білім беру саласындағы жастардың мүмкіндіктеріне талдау беріледі, Қазақстандағы жоғары оқу орындарындағы жүйелік мәселелер көрсетіледі. Мақала мақсаты болып қазақстандық жоғары оқу орындарында оқитын жастардың мотивін анықтау арқылы стратегияларды анықтау табылады. Мақаланың зерттеу сұрақтары болып келесілер алынады: Қазіргі жастардың білім беруді таңдау себептері қандай? Жоғары оқу орындарында оқитындардың білім беру стратегияларына қанағаттануындағы қазіргі білім жүйесінің рөлі қандай? Білім және ғылым саласындағы студенттердің жоспары қандай? Ақпараттарды жинау сандық және сапалық әдістер кешенін қолдану арқылы жүргізілді. Бірінші жағдайда анкеталық сауалнама (1200 анкета) қолданылды, оған Қазақстанның ұлттық және мемлекеттік университеттерінің студенттері, магистранттары және докторанттары қатысты. Тереңдетілген зерттеу мен фокус топтық зерттеу магистранттар мен докторанттар арасында өткізілді. Респонденттерді іріктеу келесідей түрде бөлінді: студенттер – 60%, магистранттар – 30%, докторанттар – 10%. Бұл пропорция аталған әлеуметтік топтың бас жиынтық сипаттамасын көрсетеді. Анкета ірі университеттерде (Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Қ.И. Сәтбаев атындағы ҚазҰЗТУ, Е.А. Бүкетов атындағы ҚарМУ), Қазақстанның ірі қалаларындағы үш университетте (Астана, Алматы, Қарағанды) өткізілді. Бұл қалалар мыңдаған жастарға білім алуға және олардың өмірлік мақсаттарына жетуіне мүмкіндік береді. Сандық зерттеулер нәтижесінің мәліметтері SPSS компьютерлік бағдарламасында өңделді және талданды. Мақаланың теориялық және тәжірибелік мәнділігі ғылым әлеуметтануы, білім әлеуметтануы саласының, білім беру және ғылыми бағдарламалардың, білім беру концепцияларының мәліметтерін байыту мен бұдан ары дамытуға әсер ететін тұжырымдалған қағидаларында болып табылады. Авторлар мақаланың зерттеу нәтижелерінде жастардың әрбір әлеуметтік тобының әртүрлі мотивтермен және нәтижелермен сипатталатын типтерін, сонымен бірге, білім беру стратегияларының әртүрлі деңгейіндегі факторлар кешенінің әсерін көрсетеді. Эмпирикалық мәліметтерді жинаудағы сандық және сапалық әдістерді кешенді қолдану қазіргі Қазақстан жастарының білім және ғылым стратегияларын анықтау үшін қажетті толыққанды ақпарат алуға көмектеседі.

Түйін сөздер: білімдік стратегия, студент жастар, жоғары білім, мотивация.

Duisenova S.M.¹, Omarova A.T.², Sultanova A.M.³

¹senior lecturer of the Department of Sociology and Social Work, al-Farabi Kazakh national university, Kazakhstan, Almaty, e-mail: sofia.duisenova@kaznu.kz

²Ph.D, senior lecturer of the Department of Sociology and Social Work, al-Farabi Kazakh national university, Kazakhstan, Almaty, e-mail: omarova.ase@mail.ru

³senior lecturer of the Department of Sociology and Social Work, al-Farabi Kazakh national university, Kazakhstan, Almaty, e-mail: sultanova8012@gmail.com

The strategy of a specialization choice of young people in higher education

The study of the general educational strategy of students improves the efficiency of the entire training system. Such studies facilitate the organization of the educational process for students, enable the younger generation to more quickly adapt to the labor market. Today, domestic science feels the inadequacy of such research, and this in turn affects the system of higher education in Kazakhstan. Limited information about the educational strategies of Kazakhstan students awakens interest in conducting a holistic study of this problem. The article provides an analysis of the empirical research, opportunities for young people in the field of education, shows the system problems of higher educational institutions in Kazakhstan, the formation of specific organizational solutions, as well as directions in solving these problems. The purpose of the article is to identify strategies by identifying the motives of students in Kazakhstani universities. The research question of the article was as follows: What are the reasons for the educational choice of modern youth? What is the role of the current education system in meeting the educational strategies of students in higher education? What are the students' plans in education and science? Data collection was carried out using a complex of quantitative and qualitative methods. In the first case, a questionnaire was used (1200 questionnaires), in which students, undergraduates and doctoral students from national and state universities of Kazakhstan participated. In-depth interviews and focus group research was conducted among undergraduates and doctoral students. In the general section of the sample, the respondents were distributed as follows: students - 60%, undergraduates - 30%, doctoral students - 10%. This proportion reflects the characteristics of the general population of this social group. The survey was conducted in large universities (LN Gumilyov ENU, Al-Farabi Kazakh National University, KNTU named after KI Satpayev, KarSU named after academician E. Buketov) in three major cities of Kazakhstan (Astana, Almaty, Karaganda). These cities provide thousands of young people with the opportunity to receive education and achieve their life goals. These quantitative research results were processed in the SPSS computer program and analyzed. The theoretical and practical importance of the article lies in the elaborated statements that contribute to the further development and enrichment of data in the field of the sociology of science, the sociology of education, educational and scientific programs, educational concepts. As a result of the study, the authors show types that are characterized by different motives and performance of each social group of young people, as well as the influence of a complex of factors of different levels of educational strategies. The integrated use of quantitative and qualitative methods in the collection of empirical information will help to obtain complete information for determining the educational and scientific strategies of the youth of modern Kazakhstan.

Key words: educational strategies, student youth, higher education, motivation.

Дүйсенова С.М.¹, Омарова А.Т.², Султанова А.М.³

¹старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: sofia.duisenova@kaznu.kz

²Ph.D, и.о. старшего преподавателя социологии и социальной работы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: omarova.ase@mail.ru

³старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: sultanova8012@gmail.com

Стратегия выбора специализации молодёжи в высших учебных заведениях

Изучение общей образовательной стратегии студентов позволяет повысить эффективность всей системы обучения. Такие исследования облегчают организацию учебного процесса для студентов, дают возможность молодому поколению быстрее адаптироваться к рынку труда. На сегодняшний день в отечественной науке чувствуется недостаточность таких исследований, а это в свою очередь сказывается на системе высшего образования в Казахстане. Ограниченность информации об образовательных стратегиях казахстанских студентов будирует интерес к проведению целостного исследования этой проблемы. В статье дается анализ эмпирического исследования, возможностей молодежи в сфере образования, показываются системные проблемы высших учебных заведениях Казахстана, формирование конкретных организационных решений, а также направления в решении данных проблем. Целью статьи является выявление стратегий путем определения мотивов учащейся молодежи в казахстанских высших учебных заведениях.

Исследовательский вопрос статьи заключался в следующем: Каковы причины образовательного выбора современной молодежи? Какова роль нынешней системы образования в удовлетворении образовательных стратегий обучающихся в высших учебных заведениях? Каковы планы студентов в сфере образования и науки? Сбор данных был проведен с помощью использования комплекса количественных и качественных методов. В первом случае использовался анкетный опрос (1200 анкет), в котором участвовали студенты, магистранты и докторанты национальных и государственных университетов Казахстана. Глубинные интервью и фокус-групповое исследование проводилось среди магистрантов и докторантов. В общем разрезе выборки респонденты распределились следующим образом: студенты – 60%, магистранты – 30%, докторанты – 10%. Данная пропорция отражает характеристики генеральной совокупности данной социальной группы. Анкетирование было проведено в крупных университетах (ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, КазНУ имени аль-Фараби, КНИТУ имени К.И. Сатпаева, КарГУ им. академика Е.А. Букетова) в трех крупных городах Казахстана (Астана, Алматы, Караганда). Эти города дают многотысячной молодежи возможность для получения образования и достижения их жизненных целей. Данные результаты количественного исследования были обработаны в компьютерной программе SPSS и проанализированы. Теоритическая и практическая важность статьи заключается в выработанных положениях, способствующих дальнейшему развитию и обогащению данных в области социологии науки, социологии образования, образовательных и научных программ, образовательных концепций. Авторы в результате исследования статьи показывают типы, характеризующиеся разными мотивами и результативностью каждой социальной группы молодежи, а так же влияние комплекса факторов разного уровня образовательных стратегий. Комплексное использование количественных и качественных методов при сборе эмпирических сведений поможет получить полноценную информацию для определения образовательной и научной стратегий молодежи современного Казахстана.

Ключевые слова: образовательные стратегии, студенческая молодежь, высшее образование, мотивация.

Кіріспе

Жастардың білім стратегияларын зерттеу қазақстандық әлеуметтанудағы басым салалардың бірі болып табылады. Бұл мәселеге деген зерттеушілік қызығушылық Еуропалық Кеңестегі студент жастарының мінез-құлқындағы орын алып жатқан өзгерістерді түсіндіруге тырысып жатқан еуропалық ғалымдардың арасында да айтарлықтай жоғары (Bergsmann, 2015). Қазақстандық ғалымдардың зерттеушілік қызығушылығын мемлекеттің жас болуымен және де сапалы білімі бар, тілдерді меңгерген мамандардың өткір жетіспеушілігімен түсіндіруге болады. Білім беру саласындағы қиындықтарды зерттеу жоғары білімі бар мамандарды дайындаудың ұлттық жүйесіндегі аса күрделі сәттерді анықтауға мүмкіндік береді. Бұндай зерттеулер студенттер үшін оқу үрдісін практикалық тұрғыдан ұйымдастыруды жеңілдетеді, сонымен бірге келешекте дәл осы жастарға еңбек нарығында тезірек бейімделуге көмектесетін болады.

Мемлекет бұл жүйені реформалауға, қазіргі замандағы жастардың білімге қатысты уәждемелерін, басымдықтарын анықтауға бағытталған әлеуметтанулық зерттеулерді жүргізуге қаражат бөлуіне қарамастан, отандық ғылымда осындай зерттеулердің жетіспеушілігі сезіледі, ал бұл өз кезегінде Қазақстандағы жоғары білім жүйесі-

нің дамуын қиындатады. Білім алып жатқан жастардың білім стратегиялары туралы біртұтас ақпараттың шектеулілігі мен жоқ болуы осы мәселеге толыққанды зерттеу жүргізуге деген қызығушылықты тудырады. Бұл ретте қазіргі уақыттағы білім жүйелері заманауи тәуекелдерді құру сыбайластары болып табылатындығын түсінуіміз қажет (Huang, 2015). Рефлексивті тәуекелді білімді қалыптастыру білім берудің міндеті болуы тиіс.

Әдіснама және әдістер

«Білім беру стратегиясы» ұғымы заманауи әлеуметтік жарияланымдарда белсенді түрде қолданылып жатыр (Колесникова, 2006), бұл термин әр түрлі деңгейлердегі білім берудің мәселелерін талдау үшін қолданылады: мемлекеттік, аймақтық, ұйымдық, топтық, тұлғалық. Бұл ретте, «білім беру стратегиясы» термині, өзінің танымалдылығына қарамастан, бір мәнді түсіндірмеге ие болмады. Жарияланымдардың авторлары бұл категорияның нақты анықтамасынан жиі қашқақтайды, бұл өз кезегінде қолда бар тәсілдемелерді салыстыруда қиындық туғызады. Алайда авторлық тәсілдемелерді зерттеу барысында айта кететін бір нәрсе: «білім беру стратегиясы» ұғымының мазмұнын анықтаған кезде, ереже бойынша, стратегияның қалыптасуы когнитивті мен мінез-құлықтық екі

деңгейде жүретіндігін ескереді (Заборова, 2013). Басқаша айтқанда, стратегияны өз алдына мақсат қоятын және оны жүзеге асыру үшін қандай да бір құралдарды қолданатын, саналы түрде әрекет ететін субъект іске асырады.

Әлеуметтік топтардың және жеке индивидтердің мінез-құлықтарын зерттеуге қатысты зерттеушілердің қызығушылықтарын арттыру стратегиялық тәсілдеме тұрғысынан келесілермен шартталған – бір жағынан, әлеуметтік теорияның дамуымен: бұрын әскери-саяси саланы, ұйымдық басқару мен бизнес-үрдістер саласын зерттеу үшін ғана қолданылған «стратегия» категориясын қолдану саласының ұлғаюы орын алды (Карлоф, 1991). Қазіргі уақытта зерттеушілер мінез-құлық стратегиялары, тұлғалардың стратегиялары туралы және де «...адам өзінің стратегияларын жүзеге асыруға қабілетті, шынайы әрекет етушіге қандай жағдайларда айналатындығын анықтау» қажеттілігі жайлы әңгіме қозғап жатыр (Радаев, 2002).

Білім беру саласында стратегиялық мінез-құлықты жағдаятты фрагменттік мінез-құлық тәжірибелерінен ажырату үшін білім беру стратегиясы мінез-құлықтың байланыстырушы сызығы, білім алушы жасаған стратегиялық шешімнің, таңдаудың салдары болып табылатындығын ескеру қажет. Көптеген авторлар білім стратегиясының осындай айрықша ерекшелігін атап кеткен. Мысалы, И.И. Харченконың пікірінше, білім стратегиясы дегеніміз жас буынның кәсіби білім алу мен білім саласындағы белгілі бір мінез-құлық модельдерін жүзеге асыру әдістерін таңдау болып табылады (Харченко, 2007). М.Л. Максимованың ойынша, білім стратегиясы жоғары білімді алу түрлері мен әдістерін таңдаудың реттілігі болып табылады (Максимова, 2007). Қызметтердің сапасын, студенттердің қанағаттанушылығын зерттеу және де олардың мінез-құлықтық ниеттері жоғары білімнің бәсекелі нарығындағы жоғары білім стратегиясының әжептәуір маңызды аспектілері болып саналады, бұл студенттерді ғылымға, техникаға тартып және ұстап тұруға жағдай жасайды (Mestrovic, 2017).

Егер кәсіби білімдер әлеуметтік зерттеулердің дәстүрлі құралы болса, онда бұл, ең алдымен, батыс әлеуметтануының ықпалының нәтижесі болып табылады. 1920 жылдардан бастап батыс әлеуметтануының өкілдері кәсіби білімдердің әлеуметтік талдауына ерекше көңіл бөлді. Ақыры, бұл алынған зерттеудің нәтижесін әлеуметтік білімнің жеке саласы ретінде заңдастыруға мүмкіндік берді. Чикаго әлеуметтану мектебінің

ең үздік идеялары (Э. Хьюз және басқалары), адами ресурстарды басқару Арчер (Archer, 2013), Б. Бернштейн (Бернштейн, 1971), с. Бурдьё (Bourdieu, 1986a: 239), Е. Гидденс (Giddens, 1993), J. Coleman (Coleman, 1990), D. McClelland (McClelland, 1987: 541) және өзге де көптеген зерттеушілер де бұл мәселеге баға жетпес үлес қосты.

Одан арғы кәсіби өсу мүмкіндігі мен еңбек нарығындағы сұранысқа ие болу мүмкіндігі ретінде жоғары білімді игеруге айрықша көңіл бөлінеді. Мысалы, Дэвис Мур 1966 (Davis; Moore 1966), Дж. Коулман, Дж. Блау ссылки және т.б. секілді функционалистер білім және мансап стратегияларына қол жеткізу әдістеріндегі теңсіздік мәселесін қарастырған (П. Бурдьё, Б. Бернштейн және басқалары). Оларға келесілер жатады: ұйымдастыру сапасында, оқу мекемелері, кодтаушы мәдениет (және де бұл кодтар әлеуметтік категорияларға қатысты салыстырмалы түрде жаңа болып табылады).

Заманауи шетелдік зерттеушілердің арасында зерттеулерді білім саласындағы келесідей әр түрлі жолдарды зерттеу жолымен жүргізген ғалымдар да бар: әлеуметтік қалыптасудың болжамдары мен мәселелерін жасау (Lawrence, 2005: 61), өзге елдердің тәжірибесіне негізделі отырып, бизнестің білім алудың қалыптасуы формирование (Arthur; Peterson 2012: 37) мен өзгеруіне ықпалы (Lawrence, 2002: 101; Coffey, 2001: 71) (Joy, 2008: 55), ел саясатымен білім саласында жүргізіліп жатқан мәліметтердің салыстырмалы әлеуметтік-мәдени талдауы (Sutton, Levinson, 2001: 56) және білім әлеуметтануының халықаралық деңгейін зерттеу (Apple, Ball, Gandin, 2010: 47).

Білім әлеуметтік кеңістікті кеңейтеді, өмір сүру салты мен мәдени кеңістіктің арасында байланыстырушы сипатына ие, жеке мүдделерді халықтың мүддесімен біріктіретін еркін азаматтың рухын қамтамасыз ететін әлеуметтік субъект мәртебесін қалыптастырады (Abdikerova, Kylyshbaeva, Duisenova, 2014: 4490). Бұл шешім материалдандырылуы әбден мүмкін. Дегенмен, әкімшілік мемлекеттік басқармасының орталықсыздандырылуы үрдісі білімнің орталықсыздандырылуына әсер етуі мүмкін, бұл ретте азаматтық қоғам институттарының дамуы ішкі мектепті демократияландырады (Бекишев, 2013: 39).

Осыған орай, кәсіпқойлық, әлеуметтік мәртебе және байлық көзқарасынан жаңа реформаларды енгізуге деген өткір қажеттілік туындап отыр. Алайда білім кеңістігін нақты

әлеуметтік және географиялық контекстен ажырату белгілі бір дәрежеде қалып тұр. Әлеуметтік сипаттамалардың теңсіздігі, білімдегі теңсіздік, кеңістіктік сегрегация міндетті түрде тәуекел аймағының өрістеуімен, капиталдың қайта құрылысымен және мәдениеттердің күрделі диалогымен бірге жүреді (Sadyrova, 2016: 15).

Қазіргі уақыттағы кейбір қазақ әлеуметтанушылар да осы бағыттағы зерттеулермен айналысады. Олар білім жүйесі, білімнен тыс орын алатын топтардың әлеуметтік кемсітушілігі арқылы сабақтастық пен трансформацияға көңіл аударады: «Бар айып мектеп пен білім жүйесінде, ал барлық жауапкершілік лайықсыз және орынсыз болып табылады (Омирбаев, 2015: 63). Бұл жерде біз қоғамда болып жатқанды ғана көріп тұрмыз. Мектептерде сондай айқын болғанның барлығы үшін ешбір кінә жоқ. Білімдегі реформалар білім мәселесімен байланысты, бірақ олар бұл мәселелерді толықтай шешуге қабілетсіз немесе жағдайды қиындата түседі. Бұдан бөлек, жоғары білімді алу мүмкіндігі әлеуметтік теңсіздіктің көрсеткіші секілді: «Жоғары білімді алу қабілеттілігенде айқын өзгерістер бар (Абдираимова, 2011: 87).

Білім траекторияларын зерттеу орын алып жатқан өзгерістерді талдауға және қоғамның сұраныстарына жылдам жауап беруге жағдай жасайды. Біздің зерттеуіміздің нәтижелері, біздің ойымызша, жоғары білімді алу уәждемелерін анықтауға көмектесетін болады, Қазақстандағы жоғары оқу орындарының жүйелі мәселелерін барынша ашық көрсетеді, нақты бір ұйымдық шешімдерді қабылдау үшін негіз бола алады, жоғары білім беру жүйесін әлдеқайда ашық әрі тиімді жасауға әсер етуі мүмкін.

Талқылау

Жастардың жоғары оқу орындарындағы білім алуының маңызды факторларын талдай отырып, біз алынған мәліметтерді 4 факторға топтастырдық: кәсіпқойлық, қолайлылық, тәуелділік және нейтралитет. Кәсіпқойлық факторы білім үрдісінің когнитивті құраушысына негізделген: өзін-өзі дамытуға бағыттанушылық, мәдени капиталды кеңейту. Қолайлылық пен тәуелділік факторлары білім алушылардың сыртқы ортамен, респонденттердің конформдылығына және ата-аналардың, жақын адамдардың қандай ЖОО-да, қандай мамандық бойынша оқуға қатысты таңдауды қабылдау барысына әсеріне бағытталған мінез-құлық стратегиясы байланысымен сипатталады. Нейтралитет факторлары білім алушылардың стратегияларының когни-

тивті және мінез-құлықтық бола білуінен көрінеді.

«Кәсіби» факторларға мазмұнды уәждеменің негізіндегі когнитивті стратегияға бағытталған көрсеткіштер топтастырылды: жоғары білім дипломын алу – 79%; білімді азамат болу – 72%; білікті маман болу – 41%; жоғары білім менің қабілеттерімді жүзеге асыруға мүмкіндік береді – 38%; жоғары білімі бар адамдардың өмірі мен қоршаған ортасы қызықты және толыққанды болып табылады.

«Қолайлылық» факторларына біз келесідей жауаптарды жатқыздық: жоғары білімі бар адамдарда жоғары табыс алуға мүмкіндік көбірек – 51%; жоғары білім менің мансабыма көмектесетін болады – 47%; жоғары біліммен жақсы жұмысқа орналасуға болады – 45%; жоғары білімсіз қоғамның ең жоғары тобына кіру мүмкін емес – 19%; білімді адам білімі жоқ адамға қарағанда қоғамда көбірек құрметтелетін болады – 8%. Қоғам білімнің қажеттілігін көбірек түсіне бастауда, себебі ол «...студенттерге әлемнің ақпараттан хабардар және белсенді азаматтары болуына мүмкіндік береді» (Giroux, 2015). Бұның дәлеліне жоғары білімді алудың маңыздылығына қатысты берілген бағасын келтіруге болады. Алайда, жөнділкке, еңбек нарығында жұмысбастылықты қамтамасыз ете алатын дағдыларды дамытуға көзделген жоғары білім стратегиялары өздерінің артықшылықтары мен кемшіліктеріне де ие болатындығын есте сақтау қажет. Олар өз кезегінде өз-өзімен қанағаттану мен қоғамға деген ашықтық дәрежелерінде көрініс табуы мүмкін (Gibbs, 2015).

«Тәуелділік» факторларына респонденттердің келесі жауаптары жатқызылды: біздің жанұямызда барлығы жоғары білімге ие – 12%; менің ата-анам жоғары білім алуымды қалайды – 7%. Жоғары білімді алу туралы шешімді қабылдау барысында өзге адамдардың пікірлері студенттер үшін аса маңызды емес екендігін айта кету жөн. Олар жоғары білім қазіргі замандағы қажеттілік пен заманауи қоғамның шарты екендігін саналы түрде қабылдайды.

Соңғы фактор – бұл студенттік өмірден туындаған немесе жоғары білімді алу туралы шешім қабылдау сәтіндегі өзге жоспардың болмауынан туындаған фактор: студенттік өмірді көру – 43%; ЖОО-ға түсуден басқа жоспарым жоқ – 27%; жұмыс істегім келмейді – 3%; мен жоғары білімсіз жұмыс таба алмаймын – 4%.

Жоғары білімді алумен қатар, жоғары оқу орнын таңдау мотивтерін білу студенттердің білім стратегияларын анықтауға көмектеседі.

Анықталған факторларға сәйкес, біз мәліметтерге когнитивті және мінез-құлықтық стратегиялардың негізінде топтастырдық. Когнитивті стратегияға бағытталған «кәсіпқойлық» факторларына келесі жауаптар топтастырылды: ЖОО-ның беделі мен жоғары атағы; мамандық бойынша жақсы білім; білікті оқытушылар; жақсы техникалық және ресурстық база.

Мінез-құлықтық стратегияны сипаттайтын «қолайлылық» факторлар типіне жататын жауаптар: тегін білім алу/қолжетімді төлеу; бітіргеннен кейін жұмыс табу жеңіл; түсу кезінде бізде жеңілдіктер/шегерімдер болды; үйіме жақын орналасқан. Сонымен бірге, бұл стратегияның екінші факторы жастар позициясының тәуелділігін көрсетеді (мамандық таңдаудағы өзінің жақын ортасына тәуелді болуы): менің ата-анам осындай кеңес берді; еңбекақысы жоғары мамандық таңдау; басқа оқу мекемесіне түсе алмадым; университетте туысқандарым немесе таныстарым жұмыс жасайды. Соңғы «нейтралитет» факторында келесідей жауаптар: студенттердің жақсы контингенті; түсу қиын емес; ол жерде біздің туысқандарымыз, таныстарымыз білім алды; оқу қиын емес. Біз ЖОО-ға түсу кезінде шешім қабылдау ішкі белгісіздікпен және сыртқы ықпалға көңіл бөлумен байланысты екендігін болжай аламыз.

Жоғары білімді алу барысында студенттердің уәждемелерінің арасында диплом алу мен білімді азамат болу көш басында, ал өзге мотивтер болса әлдеқайда кем пайыздық көрсеткіштерге ие. Осы зерттеу нәтижелеріне сүйене отырып, жастар үшін ең маңыздысы мазмұны немесе біліктілік емес, болашақ мамандықты игеру емес, жоғары білімнің формальдылығы, яғни олар жоғарғы оқу орнының бітіргеннен кейін алатын символдық капитал болып табылатындығын көре аламыз. Қазіргі заман жастары үшін білімді болу – еңбек нарығының талабы.

Уәждеме құрылымының екінші деңгейінде білімнің әлеуметтік-кәсіби құрамдас бөлігі орналасты. Бұл деңгей жоғары табыс алу мүмкіндігі, білімнің кәсіби өсу мен мансапқа, беделді жұмысқа орналасуға ықпалы жайлы пікірлерді қамтиды.

Білім стратегиялы дәстүрлі модель бойынша, бірінші кезекте, индивидтің өмірлік жоспарларын жүзеге асыруға көмектесетін кәсіби стратегияларды іске асыруына қызмет ететін (еңбек нарығында индивид үшін қанағаттанарлық орынды табу). Заманауи модель болса өмірлік жоспарларға қол жеткізу барысындағы білім және кәсіби стратегияларды параллельдеуді

бағамдайды. Және егер де бірінші, «дәстүрлі», модельде кәсіби білімді табыстау функциясы басым болса, онда екінші модельде мәртебелік функция көбірек үстем бола бастауда (ең дегенде, алғашқы кәсіби білімді алудың формальды білім институттар шеңберінде). ЖОО-дан білім мәртебесін дәлелдейтін заңды жолмен алынған диплом қажет, ал білім мен біліктілікті қосымша білім жүйесі арқылы қажеттілік туындаған сәтте алуға болады. Білімнен еңбекке көшу білім мен жұмысты өзара байланысты алма-кезек немесе параллельді алу мен қайта бастаудың, бір жағынан – кәсіби білім мен біліктілікті жинаудың, басқа жағынан – олардың бар екендігі туралы сертификаттарды (ЖОО дипломы мен мамандандырылған курстарды өту туралы куәліктерден бастап, еңбек кітапшасындағы еңбек өтілі туралы тіркеулерге дейін) жинаудың ұзақ үрдісіне айналады. Бұндай көшудің маңызды бастапқы қағидасы болып білім және кәсіби траекториялардың үздіксіздік қағидасы табылады (Терентьев, 2014).

Респонденттердің студенттік өмірмен танысу арманын қолайлылық факторларына жатқызуға болады. Студенттер үшін өмір толыққанды, әр түрлі, қызықты оқиғаларға толы болуы, адамдармен танысу байланыстарын кеңейту маңызды болып табылады. Бұл студенттер үшін университет әлеуметтенудің тек процессуалдық қана емес, сондай-ақ мазмұнды каналы да болып табылатындығын дәлелдейді.

Уәждеме жүйесінің келесі сатысында танымдық-кәсіби позицияны көре аламыз: білікті маманның қалыптасуы және де оның қабілеттерінің, потенциалының жүзеге асуы. Алайда, зерттеу барысында білімнің әлеуметтік мобильділік факторлары респонденттер үшін ең маңызды еместігін байқауымыз қажет. Демек, әлеуметтік өсу мен әлеуметтік беделдің арасындағы байланыс студенттердің бойынан университет бітірумен бірге азая түседі. Яғни, бұл дегеніміз жоғары білімнің болуы индивидтің әлеуметтік беделі емес, қоғамдық нормаға айналатындығын білдіреді.

Уәждеменің соңғы деңгейі респонденттердің бейкам мінез-құлықтарын сипаттайды. Бұл ата-аналар тарапынан болатын балаларға деген тікелей немесе жанама қысыммен, сондай-ақ жұмыс жасау ынтасының жоқ болуына байланысты. Бұл жерден шығатыны – жоғары білімді алудың маңызды факторлары болып дипломның бар болуы, келешектегі жоғары табыс пен мансап қуу саналады, ал кәсіби-мазмұнды уәждеме екінші орында орналасады. Бұның барлығы қоғамда

білім жүйесі мен оның девальвациясына деген қарым-қатынас ең жақсы жолмен өзгермегендігін көрсетеді әрі дәлелдейді.

Білім стратегиясының қалыптасуы ЖОО-ға түсу туралы шешімді қабылдау сәтінен басталады, нақты ЖОО-ны таңдаумен анықталады. Сол себепті, студенттердің университетті таңдауына талдау жасау маңызды.

Біз студенттердің білім стратегияларына зерттеу жүргізу барысында студенттер мен олардың ата-аналары Қазақстандағы жоғары білім жүйесіндегі өзгерістерге қалайша бейімделетіндігін, сондай-ақ олар оқу мекемелерін, оқу бағдарламаларын қалай таңдай алатындығын көрдік.

Бұл зерттеудің нәтижелері бойынша студенттер үшін символдық капитал ең маңызды екендігін байқай аламыз. Өйткені, респонденттер үшін (44,7%) жоғары оқу орнының беделі ең маңызды әсер етуші фактор болып есептеледі. Студенттер үшін екінші орында тегін немесе қолжетімді білім түр (38,2%). Өкінішке орай, студенттер арасында бұл жағдай жиі орын алады.

Студенттер үшін үшінші орында ата-аналарының кеңесі маңызды (32,9%). Себебі, студенттер өздерінің ата-аналарынан тәуелді болып келеді, сондықтан да біз ата-аналар өз балаларының таңдауды жасауына ең үлкен ықпалға ие болатындығын байқадық.

Бүгінгі күні жастар үшін жоғары білім алу өте маңызды. ЖОО-ның аты болашақта жұмысқа орналасуға жағымды түрде әсер етуі мүмкін, олар оқып жатқан мамандық бойынша жоғары табысқа жеткізетін мүмкіндік беретіндігіне (24,1%), сондай-ақ ЖОО (олар білім алатын) жұмысты жеңіл табуға көмектесетіндігіне (11,9%) сенеді (өйткені, әрбір ЖОО-да жұмысбастылыққа көмектесетін бөлімше бар).

Бұдан бөлек, ЖОО-ны таңдау кезінде респонденттер үшін білім алушылардың контингенті (10,6%), оқу мекемесінің жақсы ресурстық пен техникалық базасымен жабдықталғандығы (9,4%), сонымен бірге ЖОО-ның қолжетімділігі (құжат тапсырып жатқан ЖОО) 9,8% маңызды болып табылады.

Студенттердің ғылыми-зерттеушілік жобалардағы төмен белсенділігі білім алуды келешекте жалғастыруларына әсер етеді. Студенттердің ғылыми-зерттеушілік жұмысқа деген қызығушылығының төмендігінің себептері: бизнес немесе коммерциялық мекемелермен салыстырғандағы ғылыми институттардың және ғылыми мекемелердің студенттерді тартпауы немесе төмен дәрежеде тартуы; білім саласындағы ғылыми

жұмыстар беделділігінің төмендігі; ЖОО-да ғылыми қоғамдастықтардың, клубтардың болмауы; студенттердің ғылыми қоғамдастықтардың қызметі туралы хабардар болмауы.

Студенттердің пікірінше, ғылыми жұмыстардың тең кішкентай бөлігі ғана олардың болашақ мансаптарына көмектесе алады.

Мен ғылыми қоғамдастықтар немесе клубтар жайлы алғаш рет естіп тұрмын. Ал менің ғылыми жұмысым туралы айтсақ, мен ғылыммен тек сабақ уақытында ғана айналысамын. Жалпы менде ғылыми қызығушылық бар. Егер де дұрыс ақпарат пен хабарландыру болса, мен клубтарға, ғылыми іс-шараларға қатысатын едім (3 курс студенті).

Мен ғылыми жұмыспен саналы түрде айналысамын. Магистратураға, одан кейін докторантураға түсуді жоспарлап отырмын. Оқытушылардың көмегімен әр түрлі студенттік ғылыми жобаларға қатысып, жүлделі орындарға ие боламын (4 курс студенті).

Мен бірінші курста университетке, біздің кафедраның мұғалімдеріне үйреніп келе жатырмын. Ғылым туралы ойлап та көрмедім. Мүмкін, келешекте бұған деген қызығушылық болатын шығар. Қазір болса қызығушылық та, уақыт та жоқ (1 курс студенті)

ЖОО студенттерінің арасында білім алу мотивтерін анықтау негізінде келесідей білім стратегиялары анықталды.

1-стратегия. Кәсіби өзін-өзі дамыту. Аталмыш стратегия білімде немесе өндірісте өзін-өзі таныту ұмтылысын көрсетеді. Бұл өз кезегінде кәсіби дағдыларды алу барысында дамуды, жақсы теориялық базаны және өзін-өзі ұйымдастыру дағдыларын талап етеді. Бұл стратегияның маңызды сипаттамасы – кәсіпқойлықтың ресми көрсеткіштері емес, тек мазмұндық құрамдастары. Бұл дегеніміз бірінші кезекте өзі үшін жұмыс істеуді білдіреді. Келешектегі жұмысқа орналасу кезінде бірінші орында кәсіби даму тұратын болады, ал табыс деңгейі мен кәсіби өсу перспективалары одан төменірек маңыздылыққа ие болады.

Бірінші стратегия бойынша білім алушылардың негізгі мақсаты мен жоспары келесі постулаттарға негізделген: кәсіби білімнің міндетті түрде болуы, жұмыс ол үшін қызықты әрі маңызды болуы тиіс (яғни ол өзін қолайлы сезінуі қажет), сонымен бірге үнемі өзін-өзі жетілдіру мүмкіндігі болу керек.

2 стратегия. Бағытталған даму. Стратегияның бұл типі кәсіби дамуға бағытталған адамдарды біріктіреді. Бұл стратегияның өкілде-

рі бірегей дағдылар мен білімнің минималды деңгейіне ие (шет тілін білу және мамандық бойынша еңбек өтілі). Бұған қоса, берілген топ өкілдерінің жоғары мәртебеге ие болу талпынысы. Өзірге олар тұрақты жұмысқа шығуға дайын емес, бірақ

қазіргі күннен бастап пайдалы таныстар мен байланыстарды табуға инвестициялар жұмсау үстінде. Қойылған мақсатқа жетудің негізгі әдісі – жақсы диплом және (немесе) білім алуды жалғастыру арқылы бағытталған даму.

1-сурет – Студенттердің кәсіби өзін-өзі дамыту стратегиясы

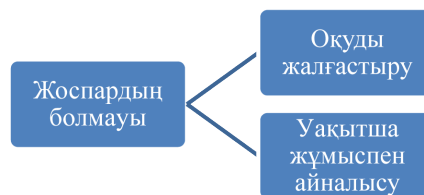

2-сурет – Студенттердің бағытталған даму стратегиясы

Екінші стратегияға сәйкес, білім алушылар үшін беделді және жақсы төленетін жұмысқа орналасу үшін жоғары деңгейдегі білімді алу маңызды. Дипломды алғаннан кейін олар беделді жұмысқа тұрады немесе жемісті мансап үшін магистратураға немесе докторантураға түседі.

3 стратегия. Жұмыс істеуді қаламау (мәңгі студент). Бұл стратегияны ұстанатын студенттер білім алуды жалғастыру қажетті нәрсе деп есептейді. Барлық басқа мақсаттар маңызды емес. Сонымен бірге, болашақ жұмысқа талпыну

деңгейі өте төмен болып табылады. Бұл адамдар еңбек нарығына шығуға дайын болмауымен немесе саналы түрде одан қашақтауларымен сипатталады. Біз бұл стратегия түрінің өкілдерін ақиқатты іздеушілермен салыстыра алмайтындығымызды атау жөн, өйткені олардың бойында даму мен тұлғалық өсуге деген ұмтылыс жоқ. Бұл адамдарды келешекте білім алуға деген ерекше қызығушылығы жоқ, алайда әлі де жұмыс жасауға дайын емес «мәңгі студенттер» ретінде анықтауға болады.

3-сурет – Студенттердің мәңгі студент стратегиясы

Жоғарыда келтірген ақпаратқа сәйкес, білім алушылар өздерінің еңбек нарығында толықтай көрмейтіндігін немесе жұмыс жасаудан қорқатындығын атауға болады. Оларда болашаққа деген жоспарлары жоқ. Бұл болашаққа деген жоспары болмау себебінен магистратураға немесе докторантураға түсетін, қосымша жұмыс жасайтын

студенттердің категориясы. Зерттеудің келесі міндеті білім алушылардың жоғары кәсіби білімін алуды жалғастыру стратегиясын анықтау болды. Бұл жерде білім деңгейлері бойынша оқуды жалғастырудың қолжетімді нұсқалары ретінде магистратура мен докторантура қарастырылды.

Алынған мәліметтерге сәйкес, бакалавриат студенттерінің ең маңызды стратегиясы – магистратураға түсу, бакалавриат студенттерінің 66.2% магистратураға түсуге деген ниеттерін білдірді. Ал докторантураға түскелі жатқан магистранттардың көрсеткіші 11.8% құрады. Магистратураға түсуді қаламайтын студенттер – 9,6%, ал 12,4% өздерінің алдағы білім стратегиясын анықтамағандығын айтты. Келешекке деген нақты жоспардың болмауы жоғары білім

жүйесіндегі стратегиялық шешімді қабылдауды бірнеше жылдарға шегінуді білдіреді.

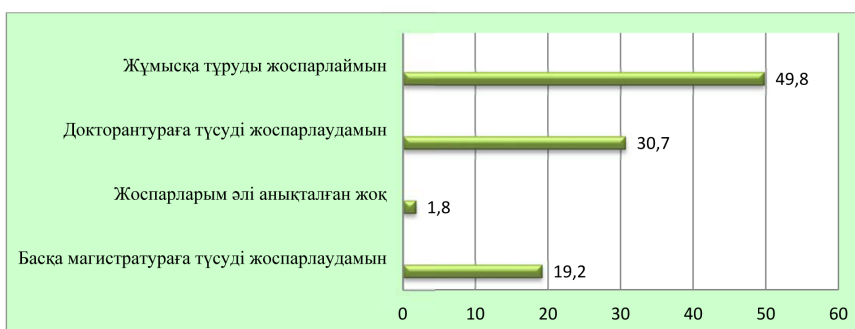
Бакалаврлардың магистратураға түсу барысындағы зерттеудің ең маңызды сұрағы мотивпен байланысты. Зерттеудің нәтижелеріне сүйене отырып, магистратураға түсудің ең маңызды мотиві болып жоғары деңгейдегі білімді алу табылады. Студенттер бакалавриаттың білім деңгейі толық емес деп есептейді, осы жерден осындай жоғары көрсеткіш шығады.

4-сурет – Бакалавриат студенттерінің магистратураға түсу мотивтері

Біз өз алдымызға білім жүйесінің барлық деңгейлеріндегі білім мотивтерін анықтау мақсатын қойғандықтан, магистранттар мен док-

торанттарды докторантураға түсуге әсер еткен факторлар туралы сұрадық.

5-сурет – Магистратурадан кейін білім стратегиясын жалғастыру

Сұралған респонденттердің 49.8% магистранттары аяқтағаннан кейін жұмысқа орналасу-

ды жоспарлайды, ал жауап бергендердің 30.7% докторантураға түсуді жоспарлап отыр (5-су-

рет). Сонымен бірге, магистранттардың 19.7% өз мамандықтарын ауыстыру мақсатында магистратураға қайта түсуді жоспарлайды немесе шетелде оқуды жалғастыруды қалайды. Өкінішке орай, магистранттардың арасында келешекке деген жоспарын әлі де анықтамағандар да кездесті (1.8%).

Егер Мендес-Кадена зерттеуінде гендер әлеуметтік теңсіздікте көрініс тапқан жәбірлік немесе қатыгездік ретінде қабылданған көптеген тәжірибелер, формалар мен мінезқұлықты анықтаса (Mendez-Cadena, 2014), біздің зерттеуімізде гендерлік айырмашылықтар жағымды бояуға ие. Мысалы, сұралғандардың әйел заты ғылыми факторлардың әсерінен докторантураға түсу ниеттерін білдірді (әйелдердің 43.1% докторантураға түсуді, ғылыммен және оқытушылық қызметпен айналысуды қалайды, ал осындай ниеті бар ерлердің үлесі 37.8% құрады). Және де Қазақстанның білім кеңістігіндегі әйелдердің жәбірленуі жайлы сөз қозғауға да болмайды. Ерлер негізінен докторантурада оқуға бейім, ғылыми дәрежені игеру кәсіби мансапқа жету үшін қадам болып табылады (ерлердің – 33.7%, әйелдердің үлесі – 38.2%). Осы берілген мәліметтер бойынша қорытынды жасай отырып, докторантураға түсудің мотивтері гендерлік айырмашылықтарға ие екендігін айтуға болады. Әйелдер «ғылыми»

тұрғыдағы пайданы көбірек бағаласа, ерлер мансап қууды мақсат ретінде көреді және ғылыми істермен байланысты бедел, мойындау секілді артықшылықтарды көздейді.

Қорытынды

Осылайша, жастардың білім стратегияларын зерттеу жоғары білім жүйесін реформалауды әлдеқайда жұмсағырақ жалғастыруға, магистратура мен докторантураға түсетін талапкерлердің іріктеуін қатаңырақ жүргізуге жағдай жасайды. Жастардың білім стратегияларын түсіну жоғары білім потенциалының тиімділігін бағалауға мүмкіндік береді. Органың білім стратегиясына әсерін екі бағытта зерттеуге болады. Біріншіден, білім алушылардың әлеуметтік позицияларын өзгерту немесе ұдайы өндіру мақсатында жоғарғы оқу орнының ұсынылатын мүмкіндіктерінің жүйеленуіне. Нақты білім мекемелеріне деген қолжетімділік отбасының ресурстарымен және де білім алушының білімге қатысты жоспарларын жүзеге асыруға арналған бастапқы мүмкіндіктерімен анықталады. Екіншіден, білім саласының мәселелерін талдау нақты білім мекемелеріндегі оқуды ұйымдастырумен байланысты. Оқу үрдісін ұйымдастыру білім алушылардың мүдделері мен талаптарына сәйкес келуі тиіс.

Әдебиеттер

- Abdikerova G.O., Kylyshbaeva B.N., Duisenova S.M. Quality education as a basis for professional mobility of youth in the Republic of Kazakhstan // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. - 2014. - №116. - P. 4487–4492.
- Margaret S. Archer *Social Origins of Educational Systems* (Classical Texts in Critical Realism (Routledge). New York, 2013. OXON ISBN: 978-0-415-63903-3.
- Bergsmann, Evelyn; Schultes, Marie-Therese; Winter, Petra *Evaluation of competence-based teaching in higher education: From theory to practice* // *Evaluation and Program Planning*. – 2015. Vol. 52. P.1-9
- Bernstein B. 'On the classification and framing of educational knowledge' in Young. M.F.D. (ed.), *knowledge and control*. London: Collier-Macmillan, 1971.
- Bourdieu P. *The Forms of Capital* // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of education*, edited by J. Richardson. New York: Greenwood, 1986.
- Coleman, James S. *Equality and Achievement in Education*. Boulder, CO: Westview Press, 1990.
- Davis K., Moore W.E. *Some principles of stratification* // Bendix R., Lipset S.M. *Class, Status and Power*. New York, 1966.
- Esther Mendez-Cadena, Mara; Martinez-Corona, Beatriz; Perez-Nasser, Elia *Violence Generating Practices in a Postgraduated Academic Space* // *Revista ra Ximhai*. – 2014. Vol. 12. Edition: 1. C.33-47.
- Gibbs, Paul *Happiness and Education: Troubling students for their own contentment* // *TIME & SOCIETY*. - 2015. Vol. 24. №:1 P. 54-70
- Giddens A. *Sociology*. Cambridge: Polity press. - 1993.
- Giroux, Henry A. *Neoliberalism's war against Higher Education and the Role of Public Intellectuals* // *Limite-revista de Filosofia y Psicologia*. – 2015. Vol. 10. №:34. P. 5-16.
- Huang, Teng *Reflexive Risk-Education and Cosmopolitanism in the Risk Society* // *Globalizations*. – 2015. Vol. 12. №:5. P.744-757
- James Arthur; Andrew Peterson *The Routledge Companion to Education*. Routledge, 2012.
- John L. Rury *Lawrence Education and Social Change: Themes in the History of American Schooling*. Erlbaum Associates, 2002.

- Davis, Dannielle Joy Policy Research and the Sociology of Education: Contributions to Understanding the Experiences of Marginalized Populations. *Journal of Thought*, 2008. Vol. 43, No. 3-4.
- McClelland, David C. *Human Motivation* / David C McClelland // New York: Cambridge University Press, 1987 P. 663.
- Margaret Sutton; Bradley A.U. Levinson Policy as Practice: Toward a Comparative Sociocultural Analysis of Educational Policy. Ablex, 2001.
- Mestrovic, Dunja Service quality, Students' satisfaction and behavioural intentions in STEM and IC Higher Education Institutions // *Interdisciplinary Description of Complex Systems*. - 2017 Vol. 15. №:1. P.66-77
- Michael W. Apple; Stephen J. Ball; Luis Armando Gandin *The Routledge International Handbook of the Sociology of Education*. Routledge, 2010.
- Sadyrova M.S. The role of higher education in the formation of the professional capacity of young people // *International Journal of Social Relevance & Concern*. -2016. №9(4), P. 15-20
- Әбдірайымова Г.С. Қазақстандағы жоғары білім: әлеуметтік тәжірибелер, субъектілер мен мүдделер (әлеуметтанулық зерттеу нәтижелері бойынша). – Алматы: «Жібек жолы», 2011. – 139 б.
- Бекишев К. ҚР білім жүйесіндегі инновациялар. // *Танымдық-ғылыми білім алу: шақырулар мен мүмкіндіктер*. – М.: Мәскеу университетінің басылымы, 2013. 36-53 б.
- Заборова Е.Н., Озерова М.В. Образовательные стратегии: подходы к определению понятия и традиции исследования // *Известия Уральского 19 федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. № 3. (116). 105-113 с.
- Карлоф Б. Деловая стратегия: Концепция. Содержание. Символы. – М.: Экономика, 1991. – 239 с.
- Колесникова И.А. В педагогике под образовательной стратегией понимается несколько другое – стратегия освоения содержания образования. Образовательные стратегии // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2006. № 1. 15-21 с.
- Максимова М.Л. Образовательные стратегии студентов регионального университета: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Н. Новгород, 2007.
- Омирбаев С.М. Интернационализация высшего образования в Республике Казахстан // *Реализация Болонского процесса в Казахстане: модернизация подходов в контексте современных трендов*. – Алматы, 2015. – 63 с.
- Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии // *Социол. исслед.* – 2002. № 7. – 3-14 с.
- Терентьев К.Ю. Высшее образование в структуре образовательных стратегий современной молодежи // *Непрерывное образование: XXI век*. Научный электронный журнал. – 2014. Выпуск 2(6). 1-12 с.
- Харченко И.И. Формирование и реализация образовательных и профессиональных стратегий современной молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Новосибирск, 2007.

References

- Abdikerova G.O., Kylyshbaeva B.N., Duisenova S.M. (2014) Quality education as a basis for professional mobility of youth in the Republic of Kazakhstan. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 116, pp. 4487 – 4492.
- Abdirayymova G.S. (2011) *Kazaqstandagi jogarı bilim: aleumettik tajiribeler, subektiler men muddeler (aleumettanulyk zertteu natijeleri boynsha)* [social experiments, subjects and interests of higher education in Kazakhstan (according to the results of sociological research)]. *Almaty: Jibek joly*. P. 139.
- Bekishev K. (2013) *KR bilim juyesindegi innovaciýalar [Innovations in the education system of the RK]*. Cognitive science education: challenges and opportunities. M.: publication of the University of Moscow. pp. 36-53.
- Bergsmann, Evelyn; Schultes, Marie-Therese; Winter, Petra (2015) Evaluation of competence-based teaching in higher education: From theory to practice. *Evaluation and Program Planning*, Vol. 52. pp.1-9
- Bernstein B. (1971) 'On the classification and framing of educational knowledge' in Young. M.F.D. (ed.), *knowledge and control*. London: Collier-Macmillan.
- Bourdieu P. (1986) *The Forms of Capital*. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of education*, edited by J. Richardson. New York: Greenwood.
- Coleman, James S. (1990) *Equality and Achievement in Education*. Boulder, CO: Westview Press.
- Davis K., Moore W.E. (1966) *Some principles of stratification*. Bendix R., Lipset S.M. *Class, Status and Power*. New York.
- Davis, Dannielle Joy (2008) *Policy Research and the Sociology of Education: Contributions to Understanding the Experiences of Marginalized Populations*. *Journal of Thought*, Vol. 43, no. 3-4.
- Esther Mendez-Cadena, Mara; Martinez-Corona, Beatriz; Perez-Nasser, Elia (2014) *Violence Generating Practices in a Post-graduated Academic Space*. *Revista ra Ximhai*, Volume:12. Edition:1. pp.33-47.
- Gibbs, Paul (2015) *Happiness and Education: Troubling students for their own contentment*. *TIME & SOCIETY*, Vol. 24. No.:1. pp. 54-70
- Giddens A. (1993) *Sociology*. Cambridge: Polity press.
- Giroux, Henry A. (2015) *Neoliberalism's war against Higher Education and the Role of Public Intellectuals*. *Limite-revista de Filosofia y Psicologia*, Vol. 10, no.: 34. pp.5-16
- Huang, Teng (2015) *Reflexive Risk-Education and Cosmopolitanism in the Risk Society*. *Globalizations*, Vol. 12. No.:5, pp.744-757
- James Arthur; Andrew Peterson (2012) *The Routledge Companion to Education*. Routledge
- John L. Rury Lawrence (2002) *Education and Social Change: Themes in the History of American Schooling*. Erlbaum Associates.

- Karlof B. (1991) *Delovaya strategiya: Kontsepsiya. Soderzhaniye. Simvoly.* [Business Strategy: Concept. Content. Characters] M.: Economy, 239 p.
- Kharchenko I.I. (2007) *Formirovaniye i realizatsiya obrazovatel'nykh i professional'nykh strategiy sovremennoy molodezhi* [Formation and Implementation of Educational and Professional Strategies of Modern Youth]: Author. dis. ... Cand. sociol. sciences. Novosibirsk.
- Kolesnikova I.A. (2006) *V pedagogike pod obrazovatel'noy strategiyey ponimayetsya neskol'ko drugoye - strategiya osvoyeniya soderzhaniya obrazovaniya. Obrazovatel'nyye strategii* [In pedagogy, an educational strategy is understood to be somewhat different - a strategy for mastering the content of education. Educational strategies]. *News of the Volgograd State Pedagogical University*, n. 1. pp. 15-21.
- Maksimova M.L. (2007) *Obrazovatel'nyye strategii studentov regional'nogo universiteta* [Educational strategies of regional university students]: author. dis. ... Cand. sociol. sciences. N. Novgorod.
- Margaret S. Archer (2013) *Social Origins of Educational Systems (Classical Texts in Critical Realism (Routledge))*. New York. This edition first published by Routledge 2 Park Square, Milton Park, Abingdon, OXON ISBN: 978-0-415-63903-3
- Margaret Sutton; Bradley A.U. Levinson (2001) *Policy as Practice: Toward a Comparative Sociocultural Analysis of Educational Policy*. Ablex.
- McClelland, David C. (1987) *Human Motivation / David C McClelland* // New York: Cambridge University Press, 663 p.
- Mestrovic, Dunja (2017) *Service quality, Students' satisfaction and behavioural intentions in STEM and IC Higher Education Institutions. Interdisciplinary Description of Complex Systems*, Vol. 15, no:1. pp. 66-77.
- Michael W. Apple; Stephen J. Ball; Luis Armando Gandin (2010) *The Routledge International Handbook of the Sociology of Education*. Routledge.
- Omirbayev S.M. (2015) *Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya v Respublike Kazakhstan* [Internationalization of higher education in the Republic of Kazakhstan]. *Implementation of the Bologna process in Kazakhstan: modernization of approaches in the context of modern trends*. Almaty, 63 p.
- Radaev V.V. (2002) *Eshche raz o predmete ekonomicheskoy sotsiologii* [Once again on the subject of economic sociology]. *Sociol. Researches*. No.: 7. pp. 3-14.
- Sadyrova M.S. (2016) *The role of higher education in the formation of the professional capacity of young people*. *International Journal of Social Relevance & Concern*, no.: 4. pp. 15-20.
- Terentyev K.Yu. (2014) *Vyssheye obrazovaniye v strukture obrazovatel'nykh stategiy sovremennoy molodezhi* [Higher education in the structure of educational statistics of modern youth]. *Continuing education: XXI century. Scientific electronic journal Issue no 2 (6)*, pp. 1-127.
- Zaborova E.N, Ozerova, MV (2013) *Obrazovatel'nyye strategii: podkhody k opredeleniyu ponyatiya i traditsii issledovaniya* [Educational strategies: approaches to the definition of the concept and tradition of research]. *News of the Ural Federal University. Ser. 1. Problems of education, science and culture*. no.: 3 (116), pp. 105-113.

Маульшариф М.

кандидат социологических наук, доцент,
Академия государственного управления при Президенте РК,
Казахстан, г. Нур-Султан, e-mail: m.maulsharif@apa.kz

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ КАЗАХСТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В настоящее время мировоззрение современного поколения молодых людей в большей степени формируется под влиянием масс-медиа, материалы которых несут поток различной информации. Изучение источников и отношение к содержанию передаваемой ими информации представляется малоизученным в контексте познаний о мире молодежи.

В этой статье проводится сравнительный анализ мнения казахстанской и российской молодежи относительно источников информации, которыми они пользуются, и отношения к некоторым видам поведения, которые транслируются через масс-медиа, включая социальные сети. Также рассматривается оценка информационного поля как части общего духовного и ценностного пространства, в котором взаимодействует молодежь.

Методология исследования. В основу данной статьи легли результаты социологического исследования «Ценностные ориентации молодежи России и Казахстана», проведенного методом опроса. Целевой группой исследования выступала молодежь в возрасте от 14 до 29 лет. Всего было опрошено: в России – 1240 респондентов, в Казахстане – 903.

Результаты исследования: молодежь обеих стран похожа в своих предпочтениях и мировоззрении. Однако, сопоставление данных в одинаковых позициях указывает на наличие существенных различий в данных и расхождений во мнениях.

Ключевые слова: молодежь, Казахстан, Россия, источники информации, социальные сети, отношение.

Maulsharif M.

candidate degree of sociological sciences (PhD), Ass. Prof., Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan, Nur-Sultan, e-mail: m.maulsharif@apa.kz

Features of the Use of Information Sources of Kazakhstan and Russian Youth

At present, the worldview of the modern generation of young people is largely shaped by the influence of the mass media, the materials of which carry a stream of various information. The study of sources and attitudes towards the content of the information transmitted by them seems insufficiently explored in the context of knowledge about the world of youth.

This article provides a comparative analysis of the views of Kazakhstan and Russian youth on the sources of information they use, and attitudes towards certain types of behavior that are broadcast through the mass media, including social networks. It also considers the assessment of the information field, as part of a common spiritual and value space in which young people interact.

Research Methodology. This article is based on the results of a sociological research “Value Orientations of the Youth of Russia and Kazakhstan”, conducted by the survey method. The target group of the research was young people aged 14 to 29 years. In total, the survey was polled: in Russia – 1240 respondents, in Kazakhstan – 903.

Results of the research: the youth of both countries are similar in their preferences and worldview. However, a comparison of data in the same positions indicates that there are significant differences in the data and differences of opinion.

Key words: youth, information sources, Kazakhstan, Russia, attitude.

Мәуілшәріп М.

социология ғылымдарының кандидаты, доцент, ҚР Президенті жанындағы мемлекеттік басқару академиясы, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., e-mail: m.maulsharif@apa.kz

Қазақстандық және ресейлік жастардың ақпарат көздерін қолдануындағы ерекшеліктері

Қазіргі кезде жастардың дүниетанымы көбінесе әртүрлі ағымдар мен бағытта жүретін бұқаралық ақпарат құралдарының әсерінен қалыптасады. Ақпараттық дереккөздерді және ондағы беріліп жатқан ақпараттардың мазмұнына қатысты зерттеулер жастар әлемі туралы білімді тану тұрғысынан аз зерттелген.

Бұл мақалада қазақстандық және ресейлік жастардың өздерінің қолданатын ақпарат көздері туралы пікірлерін, олардың бұқаралық ақпарат құралдары арқылы, соның ішінде әлеуметтік желілер арқылы таратылатын белгілі бір мінез-құлық түрлеріне қатысты пікірлеріне салыстырмалы талдау жасалды. Сондай-ақ, мұнда жастар өзара әрекеттесетін ортақ рухани және құндылықты кеңістіктің бір бөлігі ретіндегі ақпараттық алаңды бағалау қарастырылады.

Зерттеу әдістемесі. Бұл мақала сауалнама әдісімен өткізілген «Ресей мен Қазақстан жастарының құндылық бағдарлары» атты социологиялық зерттеулердің нәтижелеріне негізделген. Зерттеудің мақсатты тобы 14-29 жас аралығындағы жастар болды. Іріктелген жиынтық барлығы Ресейде – 1240 респондент, Қазақстанда – 903 респондентті қамтыды.

Зерттеудің нәтижелері: екі елдің жастары ақпараттық дереккөздер түрлерін қалауы және дүниетанымымен ұқсас. Дегенмен, бірдей позициялардағы деректерді салыстыру барысында олардың пікірлерінде айтарлықтай айырмашылықтар бар екенін көрсетеді.

Түйін сөздер: жастар, ақпарат көздері, Қазақстан, Ресей, қатынас.

Введение

За последние несколько лет информационная среда существенно изменилась. Телевидению как источнику информации появились другие альтернативы. Заметно выросла популярность социальных сетей, а развитие мобильных технологий еще больше усилило их присутствие в повседневной жизни.

Несмотря на это, социологические исследования в сфере информационной активности молодежи достаточно фрагментарны: чаще они включены в другие исследования. Как правило, исследуются источники информации, которыми пользуется молодежь, в основном, для того, чтобы выявить, насколько она знакома с той или иной ситуацией, узнать ее запросы и спрогнозировать поведение, прежде всего, в политической сфере и, частично, в экономической. Поэтому представляется целесообразным изучение информационного поля как части общего социокультурного пространства, в котором действует и общается нынешнее поколение молодых людей, условно обозначенных как Y и Z.

В нашей работе мы проводим сравнительный анализ источников информации, которыми пользуется казахстанская и российская молодежь, и их мнения касательно содержания информации, транслируемой через СМИ, социальные сети.

Целью статьи является исследование особенностей молодежи Казахстана и России по

отношению к контенту масс-медиа посредством анализа информационно-коммуникативных ресурсов.

Методология исследования. В основу данной статьи легли результаты социологического исследования на тему «Ценностные ориентации молодежи России и Казахстана»¹, проведенного методом опроса. Автору данной статьи принадлежит анализ раздела «Источники информации и молодежь». Сравнительно-сопоставительный анализ эмпирических данных проводился на основе показателей по источникам информации, мнения молодежи о нравственных и нормативных составляющих контента.

Целевой группой исследования выступала молодежь в возрасте от 14 до 29 лет (включительно). В Республике Казахстан к молодежи относятся молодые граждане в возрасте от 14 до 29 лет. В Российской Федерации молодежная группа позиционируется в возрасте от 14 до 30 лет (включительно).

В выборочную совокупность исследования попали респонденты в возрасте от 30 лет и старше. Данные респонденты так или иначе связаны с молодежью и молодежной политикой – это преподаватели ВУЗов, представители

¹ В период с октября 2017 по февраль 2018 года НИЦ «Молодежь» было организовано и проведено социологическое исследование на тему «Ценностные ориентации молодежи России и Казахстана». Автору данной статьи принадлежит анализ данных по разделу «Источники информации и молодежь».

молодежных организаций, представители молодежных ресурсных центров.

Всего было опрошено: Россия – 1240 респондентов, Казахстан – 903 респондента.

Опрос в Республике Казахстан был проведен в 14-ти областях и гг. Астана, Алматы. География

исследования в Российской Федерации: Екатеринбургский регион – 12,0 % (N149) опрошенных, Костромской – 21,0 % (N261), Курский – 25,9 % (N321), Новосибирский – 41,0 % (N509).

В таблице 1 приведен социально-демографический профиль участников массового опроса,

Таблица 1 – Социально-демографический профиль участников массового опроса, %

	Мужчины	Женщины	14-19 лет	20-23 лет	24-29 лет	Старше 30 лет*	Казахи	Русские	Другие
Казахстан	48,9	51,1	40,5	27,1	29,4	2,9	80,2	12,7	7,1
Россия	37,9	62,1	41,7	33,9	18,4	6,0	0,9	92,0	7,1

Литературный обзор

Ценность и значимость информационно-коммуникативных ресурсов не подлежит сомнению. Более того, средства массовой информации, особенно электронные масс-медиа, являются источниками сведений, ориентирующими индивида в обществе.

Согласно идеям автора понятия «электронное общество» М. Маклюен (Маклюен, 2003), телевидение как источник информации, фактически превращает мир в «глобальную деревню», а появление нового средства доставки информации меняет людей больше, чем контент этого средства.

Информация и ее источники тесно взаимосвязаны с понятием «информационное общество». В социологических исследованиях данное понятие используется для обозначения общества качественно нового типа, в котором преобладает деятельность, связанная с производством, потреблением, передачей и хранением информации.

По утверждению Т. Стоуньер, в рамках постиндустриального общества национальные информационные ресурсы представляют собой крупнейший потенциальный источник богатства (Стоуньер 1986). По мнению И. Масуды, в информационном обществе компьютерные технологии выступают в качестве новой производственной силы. Последствия информационно-технологической революции будут выражены в виде массового производства качественной когнитивной информации и новых технологий (Масуда, 1983).

Автору «волновой» концепции общественного развития Э.Тоффлеру (Toffler, 1980) принадлежит концепт о том, что в эпоху постиндуст-

риализма и информационного общества, переход к информационной собственности представляет собой революционный взрыв, поскольку это первая собственность, которая нематериальна, неосязима и потенциально бесконечна.

В наше время остается одной из самых популярных концепция информационного общества Д. Белла (Bell, 1999), согласно которой в современном информационном обществе человеческий выбор оказывается решающей детерминантой социально-исторического развития.

Автор книги «Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы сетевого интеллекта» Дон Тапскотт (Тапскотт, 1999) сделал попытку осмыслить глобальность происходящих с человечеством изменений в контексте цифровой экономики и системы государственного управления, базирующейся на использовании информационных компьютерных технологий.

С вступлением человечества в эпоху Интернета и цифровых технологий, а также развертыванием в «глобальной паутине» социальных сетей ситуация резко изменилась. В настоящее время Интернет и социальные сети плотно вошли в нашу жизнь, и уже невозможно представить без них полноценное общение. Многие проводят время в чтении сетевых блогов и новостей.

В отчете ВВС говорится о том, что 28% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет подтвердили, что получают новости, в основном, из соцсетей, в то время как телевидение остается главным источником информации для 24% (26 стран, N5000). Авторы отчета пришли к выводу, что 51% людей, имеющих доступ к Интернету, используют соцсети для того, чтобы узнать об основных событиях дня. Получение

информации о последних событиях из соцсетей особенно популярно в молодежной среде и среди женщин (https://www.bbc.com/russian/features/2016/06/160615_social_media_as_news_provider).

Многие страны регулярно проводят мониторинг информационных ресурсов. Так, согласно результатам опроса, проведенного по используемым молодыми людьми источникам информации, в Италии в 2017 году 53,9 % людей в возрасте от 14 до 29 лет смотрели новости по телевизору, а 48,8 % из них использовали для этой цели Facebook. Только 10,6 % респондентов заявили, что проверяют новости в Twitter (<https://www.statista.com/statistics/374564/households-with-a-television-in-italy>).

В последнее время заметно увеличились исследования, связанные с электронными масс-медиа, социальными сетями и динамикой изменений количества и качества пользователей в них. Так, Ellison N.B., Boyd D.M. (Ellison, Boyd, 2007) изучали сайты социальных сетей и поведения пользователей в контексте интенсивности использования; исследование Strater K, Richter H. (Strater, Richter, 2007) посвящено проблемам конфиденциальности в социальных сетях. В исследовании H. Waheed и др. (Waheed и др.) проведена оценка поведения различных пользователей в социальных сетях – подростков, студентов, взрослых, пожилых людей и профессионалов в контекстах конфиденциальности, обмена информацией и доверия.

Революция в социальных сетях оказывает сильное влияние на молодое поколение, изменяя его взгляд на коммуникации в виртуальном мире. Есть веские основания полагать, что источники и модели потребления информации могут оказывать влияние на поведение людей, в особенности молодежи. Исследователи и специалисты в области изучения различных аспектов жизни молодежи также отмечают, что идеалы и мировоззрения современного поколения молодых людей в большей степени формируются под влиянием Интернета, в особенности социальных сетей (de Vries, 2015). Исследование С.А. Зверьковой (Зверькова, 2016) выявило наиболее яркие типы современной молодежи в информационном обществе. Она установила, что «молодежь сетевая» с реальным миром взаимодействует по исключительной необходимости, так как в реальном мире им не комфортно; «молодежь полусетевая» является наиболее обнадеживающей на успешное развитие общества; «молодежь не сетевая», по сравнению с предыдущими типами

молодежи, более склонна к инновационному поведению.

Сила социальных сетей также активно применяется политиками и включена в коммуникационную стратегию управления социальной группой молодежи (Mengü и др., 2014; Keating, Melis, 2017).

Результаты и обсуждение

Согласно данным социологического исследования, основным источником получения информации как для казахстанской, так и для российской молодежи являются социальные сети, блоги. Разница заключается в том, что интенсивность обращения к социальным сетям у российской молодежи значительно выше, чем у казахстанской.

Национальные и республиканские телеканалы наиболее популярны среди казахстанской молодежи, тогда как их выбрали лишь 18,4% россиян. Разница в ответах, по данному варианту, между казахстанскими и российскими респондентами составляет 30%. В то же время, почти на 15% больше россиян, чем казахстанцев (22,1%), пользуются местными региональными телеканалами.

В первой тройке ответов были: казахстанская молодежь – 55,6% социальные сети, блоги, 48,4% – национальные, республиканские телеканалы; республиканские, 30,4% национальные интернет-сайты; 69,7% опрошенных российской молодежи указали на социальные сети, блоги, 37,0% – местные региональные телеканалы и 28,6 % – республиканские, национальные интернет-сайты.

Следующая тройка ответов распределена следующим образом:

- казахстанцами были выбраны: 19,6% – ближайшее окружение, 14,4% – коллеги, однокурсники и 11,8% – зарубежные интернет-сайты;
- россиянами: 28,1 % – ближайшее окружение, 24,9% – коллеги, однокурсники и 13,3% – радио.

Зарубежными интернет-сайтами пользуются почти столько же представителей российской молодежи, что и казахстанской.

Наименьшей популярностью как среди казахстанской, так и российской молодежи пользуются все виды печатных изданий. Особенно низкий спрос наблюдается на национальные и республиканские газеты и журналы. Заметим, что у казахстанской молодежи показатели все же выше, чем у их российских сверстников – 8,7% и 4,3% соответственно. Однако, мы считаем, что это можно не воспринимать, как некоторую

особенность в предпочтениях. Учитывая темп развития цифровых технологий, эти данные могут ничего не значить.

В Казахстане популярность национальных и республиканских телеканалов в основном обеспечивается за счет предпочтений респондентов старше 30 лет, что составляет 75% от всех указанных мнений. Следующей за ними значится младшая группа молодежи в возрасте от 14 до 19 лет с показателем в 54,4%. Социальные сети, напротив, пользуются наибольшим спросом среди возрастной группы от 20 до 29 лет, средний показатель по ним составляет около 63%.

73,5% российской молодежи в возрасте от 14 до 23 лет включительно указали на «социальные сети, блоги». По мере перехода в более старшую возрастную группу, у россиян обращение к социальным сетям как к источнику информации снижается, тогда как роль местных, региональных телеканалов возрастает (таблица 2).

Интересным для анализа является вариант, замыкающий первую тройку ответов – ближнее окружение. В целом, его значение значительно выше для россиян, чем для казахстанской части опрошенных, причем это касается всех возрастных категорий.

Таблица 2 – Источники информации, из которых респонденты узнают события, новости, происходящие в стране

30 и старше лет	24-29 лет	20-23 лет	14-19 лет	Источники информации	14-19 лет	20-23 лет	24-29 лет	30 и старше лет
Казахстан					Россия			
75,0%	47,0%	42,3%	54,4%	Национальные, республиканские телеканалы	18,2%	16,8%	19,1%	19,7%
33,3%	20,8%	25,9%	19,8%	Местные, региональные телеканалы	37,2%	37,8%	35,8%	48,5%
0,0%	8,1%	2,3%	7,3%	Зарубежные телеканалы	4,1%	4,0%	6,4%	0,0%
25,0%	31,8%	24,5%	35,6%	Интернет-сайты республиканские, национальные	27,3%	28,5%	32,4%	28,8%
50,0%	59,7%	65,0%	52,9%	Социальные сети, блоги	73,6%	73,4%	67,6%	50,0%
4,2%	15,7%	23,2%	23,4%	Ближнее окружение (родственники, знакомые, друзья)	32,9%	27,7%	28,4%	22,7%

Большинство опрошенных казахстанских и российских молодых людей ежедневно проводят в Интернете, в среднем, около 2-3 часов. Вдвое больше казахстанцев (22%), чем россиян (11,9%), используют Интернет «не более одного часа в день». В обеих странах большинство таких респондентов относятся к возрастной группе от 30 лет и старше. Заметим, что в Казахстане их в два раза больше, чем в других возрастных группах. В то же время, россиян, которые проводят в Интернете более 5 часов каждый день, значительно больше, чем казахстанцев: ответы россиян составляют 20,8%, тогда как казахстанцев – 14,2%.

Российская молодежь всех возрастных категорий, в целом, проводит больше времени в се-

ти Интернет, чем казахстанская: 20,8% и 14,2% соответственно. Число россиян, считающих, что они зависимы от Интернета, в два раза больше, чем казахстанцев: 9,4% и 5,4% соответственно.

Мнения молодежи РФ и РК значительно расходятся относительно контента материалов, которые публикуются в масс-медиа. В целом, большинство опрошенных двух стран ответили «да» на вопрос «Как Вы считаете, должны ли материалы, которые публикуются в средствах массовой информации, проходить специальный, так называемый, нравственный контроль (например, запрет на использование в СМИ табачной продукции, запрет на использование обнаженного тела, на использование бранных слов и т.п.)?» (рисунок 1).

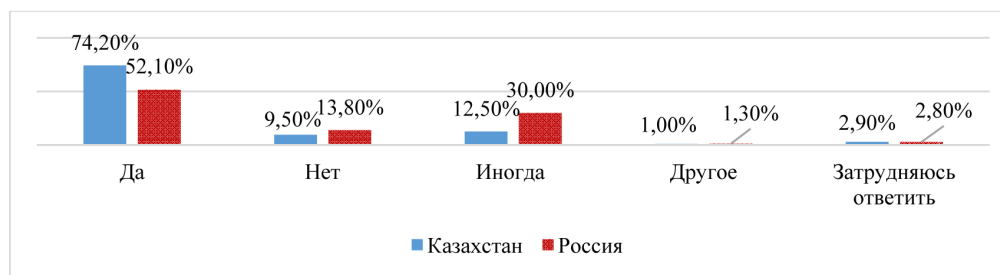

Рисунок 1 – СМИ и социально-нравственный контроль

Также статистически были обработаны данные в разрезе этнической принадлежности казахстанцев. Значимых различий в ответах казахского и русского этносов не наблюдались. И те, и другие в абсолютном большинстве высказались за контроль содержания материалов, которые публикуются в СМИ (в среднем, ответы обеих групп составили около 76%). Наиболее существенные статистические расхождения были заметны в ответах других этносов. Это скорее можно объяснить небольшой выборочной совокупностью представителей других национальностей, относительно первых двух.

Относительно наличия аккаунтов молодежи в социальных сетях показатели распределились следующим образом:

- у казахстанской молодежи почти в одинаковой мере популярны такие социальные сети, как «ВКонтакте» и Instagram, 81,3 % и 80,6%, соответственно;

- у российской молодежи популярность Instagram ниже почти на 20%, чем «ВКонтакте»;

- Facebook не является явным фаворитом среди молодежи, лишь у 48,6% казахстанских и 37,3 % российских респондентов имеются аккаунты в нем;

- около 40% казахстанской молодежи пользуются «Мой мир@mail.ru», тогда как он менее популярен среди российской молодежи;

- аккаунты в «Twitter» и «Одноклассники» имеются больше у россиян: 30,4% и 32,0% соответственно; у казахстанских респондентов 17,9% и 15,2% соответственно.

Значимых данных по этому вопросу, отличающихся от общей дистрибуции в разрезе пола, возраста, образования и социального статуса, не обнаружены.

Мнения молодежных групп двух стран сильно расходятся по отношению к некоторым видам поведения сверстников, таким как «сексуальная свобода», «употребление алкоголя», «употребле-

ние никотина» и «нецензурная брань». Разница в отрицательных оценках казахстанцев и россиян составляет свыше 20% по всем выделенным видам поведения: казахстанцы более критичны и нетерпимы к ним. Заметим, что число одобряющих указанные типы поведения в данном вопросе как в РК, так и в РФ абсолютное меньшинство: практически получены идентичные ответы. Нейтрально-равнодушных к подобным видам поведения значительно больше среди россиян, чем среди казахстанцев (таблица 3).

Среди российской молодежи значительно преобладают те, кому все равно или безразлична сексуальная свобода и употребление алкоголя.

Мужчины более лояльно относятся к сексуальной свободе, чем женщины, в обеих странах. Соотношение ответов, относящихся положительно: 20,5% мужчин в Казахстане и 20,7% в России и 12,1% и 11,1% женщин соответственно. Возраст играет определенную роль в том, как респонденты относятся к сексуальной свободе. Особенно это заметно среди казахстанской молодежи. Так, разница в ответах 14-19-летних и 24-29-летних составляет 12,2% в пользу последних.

Однако, по отношению к другим видам девиантного поведения значимых различий во мнениях мужчин и женщин, а также в возрастных группах не обнаружено. В целом, по мере взросления респонденты становятся менее безразличными. В этническом разрезе показатели статичны.

Абсолютное большинство молодежи обеих стран убеждено в том, что разговоры о нормах, ценностях, взаимопомощи и иных духовных ценностях следует начинать с 14-17 лет (см. таблицу 4). Также некоторое количество казахстанцев, значительно превышающее российское, считает, что 18-20 лет также подходит для таких разговоров. Мнения респондентов разошлись в более, чем на 10%, по таким позициям, как «о правилах и нормах поведения», «о высших ценностях» и

«о взаимопомощи»; но почти совпали по вопросам духовных ценностей и здоровья человека. Однако, в обеих странах такие характеристики

опрашиваемых как гендер, этнос, социальный и образовательный уровни существенного влияния не оказали на формирование мнений.

Таблица 3 – Отношение молодых людей к некоторым видам поведения, встречаемым в СМИ, в %

24-29 лет	20-23 лет	14-19 лет	Виды поведения	14-19 лет	20-23 лет	24-29 лет
Казахстан			Россия			
Сексуальная свобода			Сексуальная свобода			
21,2%	14,1%	9,0%	Положительное	12,5%	15,1%	13,9%
13,4%	21,0%	21,2%	Все равно, безразлично	50,2%	44,4%	35,3%
65,4%	64,9%	69,8%	Отрицательное	37,3%	40,6%	50,7%
Употребление наркотиков			Употребление наркотиков			
1,6%	4,9%	1,3%	Положительное	3,3%	4,8%	1,5%
7,4%	13,7%	8,7%	Все равно, безразлично	12,3%	11,6%	15,5%
91,0%	81,4%	90,0%	Отрицательное	84,4%	83,6%	83,0%
Употребление алкоголя			Употребление алкоголя			
3,2%	6,3%	3,9%	Положительное	5,5%	6,2%	4,5%
19,7%	25,1%	25,0%	Все равно, безразлично	52,6%	49,5%	43,6%
77,1%	68,6%	71,1%	Отрицательное	41,9%	44,4%	52,0%
Употребление никотина			Употребление никотина			
4,2%	4,3%	3,5%	Положительное	5,0%	4,9%	2,0%
15,4%	21,3%	19,6%	Все равно, безразлично	40,0%	42,9%	43,3%
80,4%	74,4%	77,0%	Отрицательное	54,9%	52,3%	54,7%
Употребление токсических веществ			Употребление токсических веществ			
1,6%	4,9%	1,7%	Положительное	2,6%	4,1%	0,0%
8,4%	11,2%	9,6%	Все равно, безразлично	13,7%	13,0%	14,4%
90,0%	83,9%	88,7%	Отрицательное	83,7%	82,9%	85,6%
Нецензурная брань			Нецензурная брань			
5,6%	6,8%	3,9%	Положительное	5,3%	8,1%	6,5%
25,6%	27,2%	21,0%	Все равно, безразлично	57,1%	52,7%	44,5%
68,8%	66,0%	75,1%	Отрицательное	37,6%	39,2%	49,0%
Безнравственное поведение			Безнравственное поведение			
1,9%	4,9%	3,0%	Положительное	3,5%	4,9%	2,5%
15,4%	15,5%	14,3%	Все равно, безразлично	22,3%	23,7%	23,6%
82,6%	79,6%	82,7%	Отрицательное	74,2%	71,4%	73,9%

Таблица 4 – Возраст, с которого следует начинать говорить о ..., в %

	Казахстан				Россия			
	14-17 лет	18-20 лет	21-23 года	24-29 лет	14-17 лет	18-20 лет	21-23 года	24-29 лет
Правилах и нормах поведения	83,4	12,0	2,5	2,1	94,8	3,8	0,8	0,6
Высших ценностях (мораль, нравственность, патриотизм)	69,4	23,0	5,0	2,6	79,4	16,8	2,2	1,7
Взаимопомощи	75,3	16,6	5,0	3,1	88,8	8,4	2,4	0,4
Духовных (религиозных) ценностях	60,6	26,4	5,8	7,2	59,0	22,8	10,0	8,1
Духовном здоровье человека	69,9	18,0	6,9	5,2	62,7	19,6	10,7	7,0

На вопрос «Что обеспечивает, по Вашему мнению, национальную безопасность государства и безопасность нации в целом?» большинство респондентов из обеих стран продемонстрировали идентичные ответы: варианты «армия» и «правовая база» были наиболее часто выбираемыми. При этом российская сторона менее уверена, чем казахстанская, в силе правовой базы по обеспечению национальной безопасности: 85,0% и 77,1% соответственно. Третьим фактором 70,9% казахстанцев указали на «идеология, патриотизм», а 66,6% россиян – «нравственное общество и мораль».

В силу религии (мечеть, церковь и т.д.) верит наименьшее количество респондентов в обеих странах, однако свое предпочтение ей отдали на 17,2% (сумма ответов «да» и «скорее да») больше казахстанской молодежи, чем российской.

Заключение

Описанные в данной статье результаты исследования показывают, что казахстанская и российская молодежь во многом схожа в вопросах пользования информационно-коммуникативны-

ми ресурсами. Однако, в поведенческом аспекте молодые люди двух стран существенно расходятся в интенсивности пользования социальными сетями и рефлексией на нравственный контент, передаваемых через Интернет и масс-медиа. Могут ли обнаруженные различия объясняться культурной особенностью стран и социальными нормами или же ответы следует искать в разрушительном влиянии социальных сетей на поведение личности?

Известно, интернет дает большие возможности, определенная информационная раскрепощенность рождает творческие подходы. Вместе с тем, высокая пользовательская активность, чрезмерное увлечение интернетом не всегда означают успешность, развитие личности с устойчивым набором социальных навыков. С другой стороны, низкая активность в социальных сетях может означать неумение пользоваться ими, невозможность добыть ту или иную необходимую информацию.

Очевидным является необходимость рассмотрения роли масс-медиа как основного инструмента формирования личности, ее культурного и интеллектуального развития.

Литература

- Vries D. A., Peter J., de Graaf H. and Nikkenb P. Adolescents' Social Network Site Use, Peer Appearance-Related Feedback, and Body Dissatisfaction: Testing a Mediation Model // *Journal of Youth and Adolescence*. 2016. -№ 45.- 211–224 pp. – Электронный ресурс. - Режим доступа doi: 10.1007/s10964-015-0266-4
- Ellison N.B., Boyd D.M., Social network sites: Definition, history, and scholarship // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2007. -13(1). – pp. 210–230. 10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x
- Keating A., Melis G., Social media and youth political engagement: Preaching to the converted or providing a new voice for youth? // *The British Journal of Politics and International Relations*. First Published July 7, 2017. Электронный ресурс. – Режим доступа <https://doi.org/10.1177/1369148117718461>
- Masuda Y. *The Information Society as Postindustrial Society*. Washington: World Future Society. -1980. – 178 p.
- Mengü S. Ç., Güçdemir Y., Ertürk D., Canan S. Political Preferences of Generation Y University Student with Regards to Governance and Social Media: A Study on March 2014 Local Elections. // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.616>
- Number of TV households in Italy from 2008 to 2017 (in million households). – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/374564/households-with-a-television-in-italy/>
- Strater K, Richter H. Examining Privacy and Disclosure in a Social Networking Community. // *Proceedings of the 3rd Symposium on Usable Privacy and Security*. – 2007. p. 157–158.
- Waheed H. et.all. *Investigation of user behavior on social networking sites*. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5289435/>
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М. -1999.
- Зверькова С.А. Портрет молодежи в информационном обществе // *Социально-экономические явления и процессы*. 2016. – Т. 11, № 3. – С.21-25. doi: 10.20310/1819-8813-2016-11-3-21-25
- Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. – М.- 2003.- 464 с.
- Основной источник новостей для молодежи – соцсети, а не ТВ. – Электронный ресурс. – Режим доступа https://www.bbc.com/russian/features/2016/06/160615_social_media_as_news_provider
- Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // *Новая технократическая волна на Западе*. М. -1986.- С. 394–413.
- Тапскотт Д. *Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта*/ Пер.с англ. И. Дубинского. Под ред. С.Писарева //Киев. – INT Пресс: Москва. – Релф. бук. – 1999. – 432 с.
- Тоффлер Э. *Третья волна* / пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова и др. – М., 2009.

References

- Bell D. (1999) The coming post-industrial society. The experience of social forecasting / Trans. from English. V.L. Inozemtsev. M., 1999.
- de Vries D. A., Peter J., de Graaf H. and Nikkenb P. (2016) Adolescents' Social Network Site Use, Peer Appearance-Related Feedback, and Body Dissatisfaction: Testing a Mediation Model. *Journal of Youth and Adolescence*. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/25788122>
- Ellison N.B., Boyd D.M. (2007) Social network sites: Definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x>.
- Keating A., Melis G. (2017) Social media and youth political engagement: Preaching to the converted or providing a new voice for youth? *The British Journal of Politics and International Relations*. <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1369148117718461>
- Masuda Y. (1980) The Information Society as Postindustrial Society. Washington: World Future Society, 178 p.
- McLuhan M., (2003) Understanding Media: The extensions of Man / trans. from English V. Nikolaev. M., 2003. 464 p.
- Mengü S. Ç., Güçdemir Y., Ertürk D., Canan S., (2014) Political Preferences of Generation Y University Student with Regards to Governance and Social Media: A Study on March 2014 Local Elections. *Procedia – Social and Behavioral Sciences* <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.616>
- Number of TV households in Italy from 2008 to 2017 (in million households) <https://www.statista.com/statistics/374564/households-with-a-television-in-italy/>
- Stonier T. (1986) The Wealth of Information: A Profile of the Post-Industrial Economy. *New technocratic wave in the West*. M., 1986. Pp. 394–413.
- Strater K, Richter H., (2007) Examining Privacy and Disclosure in a Social Networking Community. *Proceedings of the 3rd Symposium on Usable Privacy and Security*. SOUPS'07. ACM; 2007. p. 157–158.
- Tapscott D., (1999) Digital society: the pros and cons of the era network intelligence / Trans. I. Dubinsky. Ed. By S. Pisarev. Kiev. – INT Press; Moscow. – Relf. beech.-1999.-432 p.
- The main source of news for young people is social networks, not TV. https://www.bbc.com/russian/features/2016/06/160615_social_media_as_news_provider
- Toffler, E. (2009) The Third Wave / Trans. from English K.Yu. Burmistrov et al. M., 2009
- Waheed H. et.all. Investigation of user behavior on social networking sites. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5289435/>
- Zverkova S.A. (2016) Portret molodejy v informacionnom obshestve [Portrait of youth in the information society]. *Journal Socio-economic phenomena and processes*. V. 11, No. 3, 2016. P.21-25. doi: 10.20310 / 1819-8813-2016-11-3-21-25

Кенжегалиев К.К.¹, Ерохина М.А.²

¹кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: kulushk@mail.ru

²магистрант, e-mail: kusochkipecheni@mail.ru

Кокшетауский государственный университет имени Ш. Уалиханова, Казахстан, г. Кокшетау

ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КОРЗИНЫ СТУДЕНТОВ

В поисках возможных решений современных проблем студенческой молодежи было проанализировано текущее состояние государственной молодежной политики и выявлена необходимость активного участия в решении существующих проблем.

Студенчество является самой активной частью общества, поэтому проблемы социальной политики имеют непосредственное отношение к молодежи, об этом говорят международные события последних лет. Любое развитое государство должно вырабатывать адекватную социальному страту общества социальную политику. Этой проблеме посвящены работы зарубежных и российских ученых Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Т. Парсонса, К. Поланьи, Ш. Рамона, Р.М. Ахмадинурова, О.С. Виханского, Н.А. Волгина, В.Д. Кондратьева, А.И. Наумова, З.П. Румянцевой.

Исследование проводилось в контексте совершенствования социальной защищенности малообеспеченной части населения, в частности студенческой молодежи. Проблема потребительской корзины студентов является наиболее актуальной социальной проблемой, в связи с постоянным удорожанием продуктом питания, а стипендии студентов не индексируются. По нашим данным, свыше 50% студентов подрабатывают для восстановления физической силы, не говоря о восстановлении умственных способностей. Нами изучены продуктовые рынки и цены на основные продукты питания. В статье представлен анализ изучения состава потребительской корзины казахстанского студента. Статистическим методом определены потребляемые продукты питания студентов. Методом ранжирования мы старались определить ранг каждого продукта в меню студентов. Дана интерпретация полученных результатов исследования.

Ключевые слова: продукты питания, ранг, ранжирование, минимальная потребительская корзина, студенчество, социальный стандарт.

Kenzhegaliev K.K.,¹ Yerokhina M.A.²

¹candidate of Pedagogic Sciences, associate Professor, e-mail: kulushk@mail.ru

²master's degree student, e-mail: kusochkipecheni@mail.ru

Kokshetau State University named after Sh. Ualikhanov, Kazakhstan, Kokshetau

Study of the state of the consumer basket of students

In search of possible solutions to contemporary problems of student youth, the current state of the state youth policy was analyzed and the need for active participation in solving existing problems was revealed. Studentship is the most active part of society, therefore the problems of social policy are directly related to young people, as evidenced by the international events of recent years. Any developed state should develop a social policy adequate to the social stratum of society.. This problem was studied in works of such foreign and Russian scientists as E. Durkheim, R. Merton, T. Parsons, C. Polanyi, S. Ramon, P.M. Akhmadinurova, OS Vikhansky, N.A. Volgina, V.D. Kondratieva, A.I. Naumova, Z.P. Rumyantsev.

The study was conducted in the context of improving the social security of the low-income part of the population, in particular students. The problem of the consumer basket of students is the most pressing social problem, due to the constant rise in the cost of food, and student scholarships are not indexed. According to our data, over 50% of students work to restore physical strength, not to mention the restoration of mental abilities. We have studied the food markets and prices for basic foodstuffs. The article presents an analysis of the study of the composition of the consumer basket of Kazakhstan students. The consumed

foods of students are determined by a statistical method. We used the ranking method to determine the rank of each product in the students menu. Interpretation of the obtained research results is given.

Key words: food, rank, ranking, minimum consumer basket, students, social standard.

Кенжеғалиев К.К.,¹ Ерохина М.А.²

¹педагогика ғылымдарының кандидаты, доцент, e-mail: kulushk@mail.ru

²магистрант, e-mail: kusochkipечeni@mail.ru

Ш. Уәлиханов атындағы Көкшетау мемлекеттік университеті, Қазақстан, Көкшетау қ.

Студенттердің тұтыну қоржынының күйін зерттеу

Студенттердің қазіргі заманғы проблемаларын шешудің ықтимал шешімдерін іздестіру барысында мемлекеттік жастар саясатының қазіргі жағдайы талданып, бар проблемаларды шешуге белсенді түрде қатысу қажеттілігі анықталды. Студенттер – қоғамның ең белсенді бөлігі, сондықтан әлеуметтік саясат проблемалары жастармен тікелей байланысты, соңғы жылдары бұл туралы халықаралық оқиғалар айтады. Бұл мәселеге Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс, К. Поланы, Ш. Рамон, Р.М. Ахмадинуров, О.С. Виханский, Н.А. Волгин, В.Д. Кондратьев, А.И. Наумов, З.П. Румянцева сияқты шетелдік және ресейлік ғалымдардың жұмыстары арналған кез келген дамыған мемлекет қоғамның әлеуметтік стратегиясына әлеуметтік саясатты әзірлеуі керек. Зерттеу әлеуметтік қорғауды жетілдіретін аспектіде әлеуметтік жағынан халықтың ең аз қорғалған студенттер қауымына арналған. Студенттердің тұтыну қоржынының мөлшері, азық-түліктің қымбаттауына байланысты өте өзекті әлеуметтік проблемаға жатады. Біздің пайымдауымызша, студенттік жастардың 50% денсаулығын қалыпты жағдайда ұстау үшін ақыл-ой еңбегімен айналыспаса да қосымша табыс табумен айналысады. Зерттеу барысында азық-түлік базарындағы тұтыну тауарларын қарап және оның бағаларына зер салдық. Статистикалық әдіспен тұтынатын тағамдарды анықтадық. Студенттердің тұтынатын тағамдарының рангілерін анықтадық. Мақалада қазақстандық студенттердің тұтыну қоржынының құрамын зерттеу талдауы келтірілген. Бағалау әдісін қолдана отырып, студенттер арасында ең көп тұтынылатын өнімдерді анықтадық.

Түйін сөздер: азық-түлік, ранг, рангілеу, минималды тұтынушылық қоржын, әлеуметтік стандарт, студенттер.

Введение

Социальная защита – защита социальных прав как неотъемлемой части прав человека. Она предусматривает специальные меры юридического и практического характера для защиты интересов граждан, которые не могут самостоятельно реализовать свои права (социальная защита детей, престарелых, инвалидов.) Она включает также политические меры по повышению общественного статуса группы с неравными возможностями (инвалидов, женщин, молодёжи, людей пожилого возраста этнических меньшинств и др.), то есть проведение политики равных прав и равных возможностей (Абдыкаликова, 2010: 154-155). Политика западноевропейских стран основывается на идее государства всеобщего благоденствия, создании примерно равных возможностей всем гражданам, обеспечении высокого уровня жизни и нарастание социального равенства, справедливости (Гасмагамбетов, 1997: 14,23). Казахстан, находясь в числе развивающихся стран, тем не менее имеет показатели низкой продолжительности жизни и не удовлетворительного

состояния здоровья населения, что является негативным фактором в развитии человеческого потенциала. Абсолютно очевидно, что более высокий жизненный уровень, стремление к полноценному питанию в соответствии с повышением социально-экономического статуса человека способствует укреплению здоровья, являющегося важным фактором повышения благосостояния и продолжительности активной трудовой деятельности личности.

В нынешних условиях особую актуальность приобретает создание системы социальной защиты студентов, основными задачами которой являются организация системы сохранения и укрепления нравственного и физического здоровья молодых людей, помощь в сложных ситуациях, налаживание отношений в социуме, анализ конкретных социальных ситуаций, способствующих саморазвитию личности студента, реализации его творческого потенциала.

Основная часть

Студенчество, являясь значительной частью общества, в т. ч и молодежи, отличается высо-

ким уровнем стремления к личностно-профессиональному самоутверждению, творческим потенциалом, активным интересом к практическому участию в социальных преобразованиях Казахстана, собственным отношением к различным сторонам общественной жизни страны, собственными социальными ориентациями, и в недалеком будущем выступят определяющей силой социально-политического, экономического и культурного развития страны.

Не являясь производительной частью населения и практически не участвуя в производстве товаров и услуг, оно тем самым практически не имеет самостоятельных материальных источников своего жизнеобеспечения, находясь в зависимости от родителей и системы социальной защиты и поддержки. Все это обуславливает необходимость рассмотрения студенчества как одного из важных объектов системы социальной защиты и поддержки. Многие студенты, покидая родительский дом, приспосабливаются к социальным и экономическим изменениям, у них появляются финансовые обязанности и необходимость грамотно распределять свободное время и деньги (Das, 2014: 488-497).

Ф.Д. Гусейнова в своем исследовании «Студенчество: структура доходов и материальное благополучие» (2004) достаточно подробно характеризует современное положение студентов, выводя, таким образом, на совокупность различных рисков социального характера, которым они могут подвергаться в современных условиях (Гусейнова 2004: 34-56). Это исследование доказывает, что одной из острых и злободневных для студентов проблемой остается проблема экономическая. Так, к факторам социальных рисков студенчества она относит коммерциализацию и продолжающееся удорожание высшего профессионального образования, нестабильность производственной сферы в экономике, что допускает отсутствие гарантий на трудоустройство по завершении обучения в вузе, а также в целом рост социального и материального неблагополучия и т.д.

По мнению российского исследователя студенчества А.Р. Мшвилдадзе, современные студенты подразделяются на несколько групп в зависимости от стартовых позиций и возможностей родителей (Мшвилдадзе, 2008: 95-96).

При характеристике социального статуса и положения представителей студенческой молодежи необходимо учитывать то обстоятельство, что социально-экономический потенциал современной молодежи вообще объективно характе-

ризуется как нестабильный и имеет тенденцию к ухудшению. Поэтому анализ социально-экономического положения студентов как фактора должен включать в себя в первую очередь рассмотрение демографических характеристик (возраст, пол), социальных параметров (принадлежность к социальному слою, уровень образования), а также экономического положения представителей студенчества (условия проживания, уровень дохода и т.д.) (Юдин, 1995: 54).

В образовательной политике и в научной сфере понятию «социальное измерение» в последнее время уделяется большое значение (Европейская комиссия, ЕАСЕА, 2011: 7). В коммюнике Бергена мы находим определение того, что социальное измерение «делает качественное высшее образование одинаково доступным для всех, и подчеркиваем необходимость создания соответствующих условий для студентов, чтобы они могли завершить свое обучение без препятствий, связанных с их социальным и экономическим прошлым. Социальное измерение включает меры, принимаемые правительствами, чтобы помочь студентам, особенно из неблагополучных групп, в финансовом и экономическом аспектах и предоставить им услуги по консультированию» (Bergen Communique, 2005: 4). Одно исследование, сфокусированное на социальном измерении: PL4SD (взаимное обучение для социального измерения), которое проводилось в 2014-2015, основано на определении социального измерения Лондонского коммюнике. В качестве ключевых факторов для успеха образования они подчеркивают «способность учащихся; материальные и нематериальные (например, социальные и культурные) ресурсы и возможности». Также важны неакадемические факторы, такие как социальный фон и условия обучения, например, баланс между работой и учебой. В социальном измерении они работают в 8 категориях целей: *поддержка студентов, расширение доступа, удержание и успех, мониторинг и оценка, объединение обучения и работы, международная мобильность, обучение на протяжении всей жизни и 11 (политических) мер: услуги по консультированию и поддержке, финансовая поддержка студентов, стимулы для финансирования учреждений, услуги по консультированию и поддержке, преподавание и обучение, информационные кампании, альтернативные пути поступления, сотрудничество со школами, сбор данных и исследования и сотрудничество с другими, гибкие стимулы для учреждений, политика регистрации* (PL4SD, Информационный лист 4).

Больше исследований сосредоточено на удовлетворенности студента, что также интересно и ведет к его благополучию (Asgari, Borzooei 2014: 130-140). Котлер и Келлер дают другое определение удовлетворенности. Удовлетворение объясняется как «чувство удовольствия или разочарования человека, возникающее в результате сравнения воспринимаемого продукта (или результата) продукта с его ожиданиями (Kotler, 2009:57-69). Таким образом, они сосредотачиваются на ожиданиях студентов, на том, что студенты считают важным и желательным, и на различиях, которые приносит реальность.

Asgari и Borzooei считают, что ответственность за удовлетворение студентов лежит на университете: *«Общая удовлетворенность студентов зависит от суммы академических, экономических, социальных, физических и духовных ценностей студентов как продукта университета»*. Они предложили модель в соответствии с тем фактом, что детерминанты *частичной удовлетворенности учащихся одновременно проявляются в общей удовлетворенности*, поэтому следует учитывать, что *индивидуальный подход к ним* будет частично охватывать изучаемый вопрос. Был выявлен ряд факторов, которые «позволяют оценить удовлетворенность студентов широким спектром услуг, предоставляемых учреждениями образования. К ним относятся: учебный процесс, административный персонал, уровень социальной защиты, процесс приема (информация, персонал), управление факультетом, библиотека, студенческая столовая, психологический климат в кампусе, преподаватели, международное сотрудничество, развлекательные мероприятия при поддержке факультета». Этот анализ показывает, что социальная удовлетворенность студентов важна, в то время как она помогает студентам достичь лучших академических достижений и благополучия. В нашем исследовании был сделан акцент на прожиточном минимуме и удовлетворенности студентами составом их потребительской корзины.

Прожиточный минимум – минимальный денежный доход на одного человека, равный по величине стоимости минимальной потребительской корзины. Минимальная потребительская корзина представляет собой минимальный набор продуктов питания, товаров и услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности человека в натуральном и стоимостном выражении. Она состоит из продовольственной корзины и фиксированной доли расходов на непродовольственные товары и услуги.

В Законе Республики Казахстан «О прожиточном минимуме» установлена правовая основа для определения и использования минимальной потребительской корзины в Казахстане. Минимальная потребительская корзина предназначается для расчета величины прожиточного минимума. Минимальная потребительская корзина казахстанца делится на две составляющие: продовольственная корзина и непродовольственные товары и услуги.

Продовольственная корзина рассчитывается уполномоченным органом по статистике по научно-обоснованным физиологическим нормам потребления продуктов питания, определяемым уполномоченным органом по здравоохранению. Стоимость продовольственной корзины рассчитывается путем умножения научно-обоснованных физиологических норм потребления продуктов питания, входящих в продовольственную корзину для различных половозрастных групп населения, на средние цены регистрации в представительных объектах розничной торговой сети по состоянию на середину текущего месяца в городе республиканского значения, столицы, областных и районных центрах.

Стоимость расходов на непродовольственные товары и услуги определяется путем увеличения стоимости минимальной продовольственной корзины на фиксированную долю расходов на минимально необходимые непродовольственные товары и услуги, устанавливаемую в порядке, определяемом Правительством Республики Казахстан. (1)

В разных странах потребительская корзина отличается как по составу, так и по цене. В Республике Казахстан в состав продовольственной корзины входят: пять видов мяса (говядина, свинина, курица, конина и баранина), четыре вида круп (рис, манка, гречка, овсянка), макаронные изделия, колбаса, три вида хлеба, говяжья печень, рыба, молоко и сметана. А так же творог, твердый сыр, десяток яиц, масло (сливочное и подсолнечное), маргарин, фрукты (арбуз, яблоки, виноград), курага, овощи (лук, свекла, капуста, огурцы, помидоры, морковь, картофель и горох), сахар, соль, специи, майонез, дрожжи и чай. Величина прожиточного минимума в январе 2019 года составила 26 915 тенге, по сравнению с декабрем 2018 года увеличилась на 1,8 %.

Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что структура питания населения в значительной степени дефектна, а пищевой статус имеет существенные отклонения от фор-

мулы сбалансированного питания по уровню потребления макро- и микронутриентов, имеющих важнейшее значение в регуляции процессов обмена веществ и функции отдельных органов и систем (Агбалиян, 2005: 16-19). Специалистами ВОЗ доказано, что 80% всех заболеваний в той или иной мере связаны с нарушением питания, а 40% заболеваний непосредственно обусловлены питанием (Доценко, 2005: 47-61). Питание относится к тем важнейшим факторам окружающей среды, которые с момента рождения и до самых последних мгновений жизни воздействуют на организм человека. Пищевые вещества, преобразуясь в процессе метаболизма в структурные элементы клеток нашего организма, всецело обеспечивают физическую и умственную работоспособность, определяют здоровье и продолжительность жизни человека (Лаптев, 1975: 123). Крайне важно удовлетворять ежедневные потребности в питании, чтобы организм функционировал должным образом и поддерживал свое здоровье на оптимальном уровне. Боль-

шинство питательных веществ, таких как белок, углеводы, жиры и большинство минералов, могут быть получены из пищевых источников. Каждое питательное вещество играет важную роль в установлении здоровья, обмена веществ и нормальной функции организма (Brown, 2017: 320-327.)

Нашей целью при изучении потребительской корзины наших студентов было узнать, насколько правильно и полноценно они питаются. В исследовании было опрошено 85 студентов. Для получения данных о наиболее употребляемых продуктах среди учащихся мы применили метод ранжирования. Учащимся было предложено заполнить таблицу рангов и присвоить каждому наименованию продуктов (12 наименований) соответствующий ранг (по степени необходимости и частоте употребления) от 1 до 12. (Тем продуктам, которые противопоказаны или не употребляются опрашиваемыми, мы автоматически присвоили ранг 13) (Кенжегалиев, 2015: 104-111).

Таблица 1 – Анкета с продуктами питания для ранжирования респондентами

№	Наименование продуктов	Ранг
A	Семга, форель	
B	Мед	
C	Молочные продукты (сметана, кефир, масло, молоко)	
D	Макаронные изделия, крупы	
E	Торты, мороженое	
F	Овощи	
G	Фрукты	
H	Яйца	
I	Мясо (говядина, баранина, конина, свинина, курица)	
J	Лаваш быстрого приготовления («Роллтон», «Бигбон»), «Доширак»)	
K	Хлеб	
L	Колбасные изделия	

На основе анализа и систематизации анкетных данных составляем матрицу рангов (таблица 2)

Таблица 2 – Матрица рангов продуктов питания в меню студентов

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L
1	10	7	3	2	7	4	4	3	2	1	5	6
2	9	8	2	2	7	3	6	1	3	4	1	5
3	12	8	2	1	11	6	6	1	1	3	2	6

Исследование состояния потребительской корзины студентов

4	7	10	3	2	9	6	6	4	5	8	1	7
5	---	7	3	1	10	6	6	4	5	8	2	9
6	10	8	10	2	10	1	2	2	---	12	3	8
7	10	8	1	2	4	2	2	2	3	10	1	7
8	12	---	3	1	4	1	5	6	3	---	1	1
9	9	6	4	3	7	4	5	5	4	6	1	5
10	7	9	3	5	6	4	3	2	3	8	1	3
11	10	12	3	4	6	4	6	7	1	9	1	4
12	12	9	1	2	5	4	4	1	2	3	1	9
13	12	12	10	5	6	5	3	7	7	4	4	4
14	---	8	5	4	6	3	---	2	2	---	1	---
15	10	11	4	1	12	1	3	2	2	12	1	5
16	4	1	---	---	1	1	1	---	1	5	---	---
17	---	10	4	4	5	4	4	3	2	4	3	11
18	---	10	7	2	9	3	6	11	5	11	1	4
19	11	12	9	1	3	10	5	4	8	7	6	2
20	12	12	12	7	5	2	4	12	3	6	1	8
21	12	7	1	2	5	5	4	1	1	12	1	3
22	12	10	4	5	6	8	1	7	3	2	9	11
23	12	11	2	3	10	5	7	6	4	9	1	8
24	9	---	5	6	8	4	3	7	1	---	2	---
25	10	7	1	1	---	2	2	3	3	---	1	5
26	7	2	1	1	2	2	2	2	1	7	1	2
27	---	---	3	2	5	4	4	2	1	6	1	5
28	---	1	10	2	11	12	12	11	10	3	1	12
29	---	---	1	1	5	3	3	3	7	7	1	7
30	10	10	2	3	5	4	4	5	2	10	1	3
31	12	10	3	1	4	4	3	2	1	2	1	3
32	8	6	3	3	8	6	6	3	1	1	1	6
33	---	---	4	8	6	3	3	4	2	5	1	4
34	12	9	7	4	11	5	6	3	2	10	1	8
35	5	4	4	6	7	3	3	8	2	---	1	8
36	---	---	4	2	4	3	3	3	2	4	1	2
37	8	7	4	2	6	5	5	3	4	4	1	5
38	12	10	1	1	7	5	2	7	1	10	1	3
39	12	11	2	1	9	7	6	5	4	8	3	10
40	12	10	8	8	9	6	6	5	2	12	1	8
41	5	12	1	2	12	3	2	1	1	5	1	1
42	12	12	6	1	5	2	2	12	3	12	1	4
43	12	12	6	3	7	2	2	8	1	10	4	7
44	12	10	4	5	11	7	8	6	2	3	1	9
45	10	9	3	2	8	6	7	4	5	12	1	11
46	12	9	4	8	10	6	7	5	3	11	1	2
47	10	4	6	8	5	4	3	7	2	11	1	9
48	12	12	1	5	2	2	1	1	12	12	1	12
49	1	1	3	3	1	1	1	1	1	3	3	1
50	12	11	3	6	7	4	8	2	9	5	1	10
51	12	11	5	4	10	1	9	2	7	6	3	8
52	5	9	2	8	10	4	6	7	3	12	1	11
53	12	11	1	2	10	6	7	4	8	5	3	9
54	10	9	4	2	8	3	7	1	6	1	2	5

55	10	9	4	2	5	3	8	1	6	1	1	7
56	5	9	10	3	11	7	6	8	1	12	2	4
57	11	10	7	1	9	2	8	3	4	12	5	6
58	6	---	1	3	3	2	2	2	3	3	1	1
59	8	7	3	2	5	2	8	1	4	1	1	6
60	7	6	2	1	7	4	2	2	3	4	3	2
61	11	10	4	2	9	5	8	3	1	---	6	7
62	2	---	8	5	---	8	8	4	3	6	1	7
63	9	8	5	2	7	4	4	6	3	---	1	---
64	1	1	1	4	3	1	1	3	1	12	1	1
65	---	---	8	1	12	2	1	1	3	8	1	9
66	---	6	2	3	5	4	1	2	3	---	1	1
67	6	---	1	4	5	3	3	2	3	7	1	2
68	8	4	1	3	7	2	2	4	1	5	3	6
69	7	8	6	4	9	3	2	5	10	12	1	11
70	8	7	3	1	6	1	4	1	2	1	1	5
71	10	11	3	4	9	5	6	7	2	8	1	12
72	11	10	7	2	12	5	6	1	8	3	9	4
73	12	3	1	5	3	3	3	2	2	2	1	2
74	12	11	4	10	8	7	6	3	1	2	5	9
75	9	4	3	7	6	1	1	2	8	2	5	3
76	5	3	2	10	9	1	1	1	2	3	4	2
77	12	10	1	9	8	5	6	7	3	4	2	11
78	12	10	4	3	9	7	8	2	5	6	1	11
79	11	7	4	4	7	3	6	3	5	1	2	8
80	8	6	4	2	6	3	7	3	6	5	1	7
81	10	9	4	5	8	4	7	3	1	6	2	7
82	11	9	5	4	9	5	8	1	6	3	2	7
83	9	7	1	1	7	5	6	2	7	4	3	8
84	9	6	2	3	7	2	6	1	4	3	2	6
85	7	5	2	4	9	2	3	1	4	1	1	6

На основе таблицы рангов была составлена матрица частот (таблица 3)

Таблица 3 – Матрица частот, показывающая наиболее часто потребляемые продукты питания

№ ранга	C1	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L
1	9	2	4	17	17	2	10	9	17	19	8	54	6
2	7	1	1	11	22	2	14	12	18	17	5	10	8
3	7	0	2	16	12	4	15	13	15	18	10	9	6
4	6	1	3	18	12	4	17	9	8	8	8	3	7
5	6	5	1	5	8	13	12	4	6	6	7	4	8
6	6	2	6	4	3	10	8	19	4	4	7	2	8
7	5	6	9	4	2	13	5	7	9	4	4	0	10
8	5	6	7	3	5	7	2	9	3	4	6	0	9
9	4	7	11	1	1	12	0	1	0	1	2	2	7
10	4	13	15	4	2	7	1	0	0	2	5	0	2
11	4	6	8	0	0	5	0	0	2	0	3	0	7
12	3	25	8	1	0	4	1	1	2	1	12	0	3
0 или 13	3	11	10	1	1	2	0	1	1	1	8	1	4
Итого:		85	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85

Для того, чтобы выявить наиболее значимые продукты питания с помощью коэффици-

циента значимости определяем их. $R_i = \frac{1}{N} \sum C_i t_{ij}$
(Кенжегалиев, 2015)

$$R_A = \frac{1}{85} (9 \times 2 + 7 \times 1 + 7 \times 0 + 6 \times 1 + 6 \times 5 + 6 \times 2 + 5 \times 6 + 5 \times 6 + 4 \times 7 + 4 \times 13 + 4 \times 6 + 3 \times 25 + 3 \times 11) = 4,05$$

$$R_B = \frac{1}{85} (9 \times 4 + 7 \times 1 + 7 \times 2 + 6 \times 3 + 6 \times 1 + 6 \times 6 + 5 \times 9 + 5 \times 7 + 4 \times 11 + 4 \times 15 + 4 \times 8 + 3 \times 8 + 3 \times 10) = 4,55$$

$$R_C = \frac{1}{85} (9 \times 17 + 7 \times 11 + 7 \times 16 + 6 \times 18 + 6 \times 5 + 6 \times 4 + 5 \times 4 + 5 \times 3 + 4 \times 1 + 4 \times 4 + 4 \times 0 + 3 \times 1 + 3 \times 1) = 6,64$$

$$R_D = \frac{1}{85} (9 \times 17 + 7 \times 22 + 7 \times 12 + 6 \times 12 + 6 \times 8 + 6 \times 3 + 5 \times 2 + 5 \times 5 + 4 \times 1 + 4 \times 2 + 4 \times 0 + 3 \times 0 + 3 \times 1) = 6,81$$

$$R_E = \frac{1}{85} (9 \times 2 + 7 \times 2 + 7 \times 4 + 6 \times 4 + 6 \times 13 + 6 \times 10 + 5 \times 13 + 5 \times 7 + 4 \times 12 + 4 \times 7 + 4 \times 5 + 3 \times 4 + 3 \times 2) = 5,12$$

$$R_F = \frac{1}{85} (9 \times 10 + 7 \times 14 + 7 \times 15 + 6 \times 17 + 6 \times 12 + 6 \times 8 + 5 \times 5 + 5 \times 2 + 4 \times 0 + 4 \times 1 + 4 \times 0 + 3 \times 1 + 3 \times 0) = 6,55$$

$$R_G = \frac{1}{85} (9 \times 9 + 7 \times 12 + 7 \times 13 + 6 \times 9 + 6 \times 4 + 6 \times 19 + 5 \times 7 + 5 \times 9 + 4 \times 1 + 4 \times 0 + 4 \times 0 + 3 \times 1 + 3 \times 1) = 6,32$$

$$R_H = \frac{1}{85} (9 \times 17 + 7 \times 18 + 7 \times 15 + 6 \times 8 + 6 \times 6 + 6 \times 4 + 5 \times 9 + 5 \times 3 + 4 \times 0 + 4 \times 0 + 4 \times 2 + 3 \times 2 + 3 \times 1) = 6,68$$

$$R_I = \frac{1}{85} (9 \times 19 + 7 \times 17 + 7 \times 18 + 6 \times 8 + 6 \times 6 + 6 \times 4 + 5 \times 4 + 5 \times 4 + 4 \times 1 + 4 \times 2 + 4 \times 0 + 3 \times 1 + 3 \times 1) = 6,84$$

$$R_J = \frac{1}{85} (9 \times 8 + 7 \times 5 + 7 \times 10 + 6 \times 8 + 6 \times 7 + 6 \times 7 + 5 \times 4 + 5 \times 6 + 4 \times 2 + 4 \times 5 + 4 \times 3 + 3 \times 12 + 3 \times 8) = 5,4$$

$$R_K = \frac{1}{85} (9 \times 54 + 7 \times 10 + 7 \times 9 + 6 \times 3 + 6 \times 4 + 6 \times 2 + 5 \times 0 + 5 \times 0 + 4 \times 2 + 4 \times 0 + 4 \times 0 + 3 \times 0 + 3 \times 1) = 8,04$$

$$R_L = \frac{1}{85} (9 \times 6 + 7 \times 8 + 7 \times 6 + 6 \times 7 + 6 \times 8 + 6 \times 8 + 5 \times 10 + 5 \times 9 + 4 \times 7 + 4 \times 2 + 4 \times 7 + 3 \times 3 + 3 \times 4) = 5,52$$

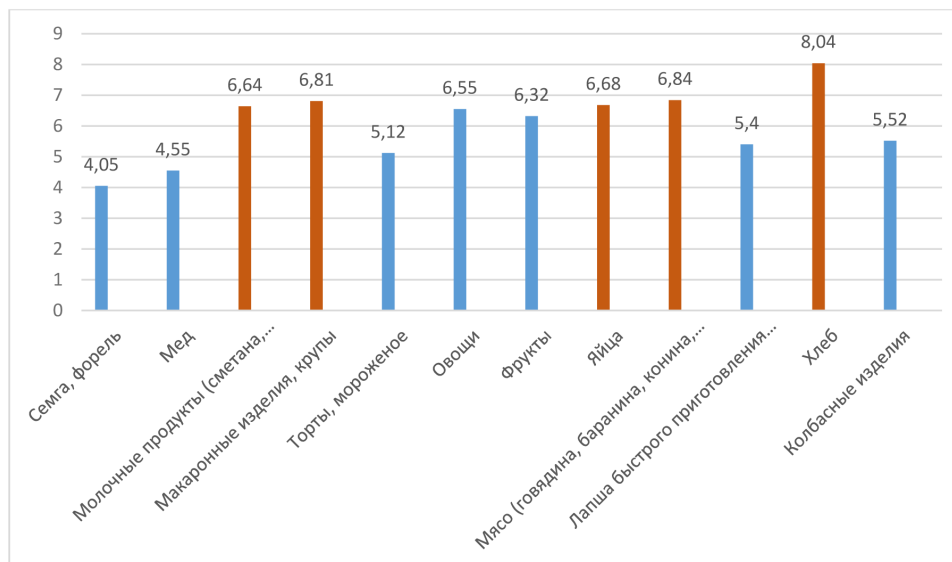

Рисунок 1 – Сравнительная гистограмма потребляемых продуктов питания

Выводы

1. После вычисления коэффициента значимости мы выявили наиболее часто употребляемые продукты среди студентов. Ими

оказались хлеб, мясо, яйца, макаронные изделия, молочные продукты.

2. Богатые витаминами и микроэлементами овощи и фрукты, в которых так нуждается молодой организм, находятся лишь на 6 и 7 месте

по частоте употребления. Рыба, в частности форель, занимает последнее место среди предпочтений опрошиваемых, хотя является кладезью полезных веществ.

В рыбе много йода, фтора, фосфора, кальция, селена, цинка, витаминов А, D, E, PP и группы В. Селен называют «микроэлементом долголетия». Он укрепляет иммунитет, препятствует старению организма и развитию опухолевых процессов. Фосфор укрепляет костную ткань, играет важную роль в работе мозга. Йод регулирует деятельность эндокринной системы.

Такой, далеко не самый разнообразный рацион, встречается у каждого четвертого студента.

3. Исходя из результатов исследования, мы можем полагать, что не каждый студент может позволить себе такие продукты питания как торты, пирожные, мед, колбасные изделия.

4. Многие студенты из числа приезжих отметили, что существуют некоторые материальные трудности с оплатой съемной квартиры либо комнаты, оплатой учебы и нехваткой денег на личные нужды.

5. Причем некоторые студенты, проживающие в городе, также высказались о волнующих их проблемах. К ним относятся высокие цены за обучение, а также отсутствие стипендий за отличные успехи в учебе.

6. Напомним, лишь у 25 % опрошенных есть государственная стипендия в размере от 20949 до 24091 тысяч тенге, которыми студенту нужно оплатить питание, проезд, проживание, покрыть собственные расходы на одежду и развлечения. Что касается остальных 75 % обучающихся, то их расходы полностью ложатся на плечи родителей.

7. Питание должно соответствовать возрасту и нагрузкам студента и соответствовать его потребностям в белках, жирах, углеводах, микроэлементах и витаминах. Оно должно укреплять иммунитет и являться профилактикой тех

заболеваний, которые можно предотвратить.

8. Стоит напомнить, что 76% опрошиваемых – это девушки-будущие матери, за которыми стоит будущее Казахстана. «Рождение новых граждан и приумножение нации – это главная стратегическая цель нашего государства», – сказал Бывший Глава Республики Казахстан.

В лице современной молодежи в казахстанском обществе сформировался абсолютно новый культурный тип, существенно отличающийся от прежних поколений: сформировался слой молодежи с новыми ориентирами, ценностными установками на достижение успеха, рациональным экономическим поведением.

9. Предлагаем создать для студенческой молодежи наилучшие условия для овладения наукой, будущей специальностью на международном уровне.

«Здоровье нации – главный приоритет государства. Это означает, что казахстанцы должны потреблять качественные продукты» – говорится в Послании народу Казахстана «Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни», с которым Бывший Глава государства обратился 5 октября 2018 года.

Поэтому подрастающее поколение должно воспитываться в соответствующих условиях. В первую очередь, речь идет о физическом и психологическом здоровье. Для того, чтобы быть здоровым, готовым к физической и умственной активности, необходимо в первую очередь позаботиться о правильном, сбалансированном питании.

Нынешняя молодежь – это исключительный и знаменательный фактор перемен, носитель новых идей.

Поэтому наша задача – помочь молодым людям реализовать свой потенциал во благо государства. В связи с этим, мы должны использовать все свои ресурсы для создания необходимых социально-экономических, психологических, образовательных условий для подрастающего поколения.

Литература

- Абдыкаликова Г.Н., Курманов А.М. Социальная защита населения в условиях демографических изменений в Республике Казахстан» – Астана, 2010 г.– С. 154-155.
- Агбалян, Е. В. Проблемы питания и здоровья на Крайнем Севере / Е. В. Агбалян, Л. П. Лобанова, А. А. Буганов // Здоровье населения и среда обитания. – 2009. – № 6. – С. 16-19.
- Asgari M., Borzooei M. Evaluating the Learning Outcomes of International Students as Educational Tourists // Journal of Business Studies Quarterly. 2014, No 5. Pp. 130-140.
- Brown O, O'Connor L & Savaiano D. Mobile MyPlate: A pilot study using text messaging to provide nutrition education and promote better dietary choices in college students. J Am Coll Health. 2017. – Pp. 320-327.
- Гусейнова Ф.Д. Студенчество: структура доходов и материальное благополучие / Ф.Д. Гусейнова // Материалы II Все-

российской научной конференции «Будущее России: стратегии развития», 14-15 декабря 2004 г. – М., 2005. – С. 34-56.

Das B, Evans E. Understanding weight management perceptions in first-year college students using the health belief model. *J Am Coll Health*. 2014. – Pp. 488-497.

Доценко В.А. Практическое руководство по надзору за организацией питания и здоровьем населения / В.А. Доценко // СПб. 2006. – С. 47-61.

Кенжеғалиев Қ. Педагогикалық зерттеулерде математикалық статистика әдістерін қолдану: Оқу құралы/ Қ. Кенжеғалиев. – Астана: Фолиант, 2015. – 104-111 б.

Kotler, P & L Keller, K. *Marketing Management*. Upper Saddle River, N.J.: Pearson Prentice Hall, 2009. – P. 57-69

Лаптев А.Н. Руководство к практическим занятиям по гигиене / А.Н. Лаптев, И.Н. Малышев // М., 1975. – С. 123.

Мшвилдадзе А. Р. Студенчество города Хабаровска: миф и реальность. // Вестник ТОГУ. – 2008. – № 3 (10). – С. 95-96.

Тасмағамбетов И. Н. Социальная политика и политическая трансформация. – Алматы: «Галым», 1997. – С. 14-23.

The European Higher Education Area – Achieving the Goals, Communiqué of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education, Bergen, 19-20 May 2005. – P. 4.

Юдин В.П. Социальная защита: понятие, сущность, границы: Учеб.-метод. пособие / В.П. Юдин. – Казань: Казан. гос. технологический. университет, 1995. – С. 54.

(1) Закон Республики Казахстан «О минимальных социальных стандартах и их гарантиях» от 19 мая 2015 г. №314-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.12.2018 г.).

References

Abdyikalikova G.N., Kurmanov A.M., (2010) *Sotsialnaya zaschita naseleniya v usloviyah demograficheskikh izmeneniy v Respublike Kazahstan* [Social protection of the population in the conditions of demographic changes in the Republic of Kazakhstan], Astana, pp. 154-155.

Agbalyan E.V., Lobanova L.P., Buganov A.A (2009) *Problemyi pitaniya i zdorovya na Kraynem Severe* [Nutrition and Health Problems in the High North]. *Public health and habitat*, no 6. – pp. 16-19

Asgari M., Borzooei M. (2014). Evaluating the Learning Outcomes of International Students as Educational Tourists. *Journal of Business Studies Quarterly*, no. 5, pp. 130-140.

Brown O, O'Connor L, Savaiano D (2017).: «A pilot study using text messaging to provide nutrition education and promote better dietary choices in college students». *J Am Coll Health*. pp. 320-327.

Guseynova F.D. (2005) *Studenchestvo: struktura dohodov i materialnoe blagopoluchie* [Students: income structure and material well-being]. *Materials of the II All-Russian Scientific Conference “The Future of Russia: Development Strategies”*, pp. 34-56.

Das B, Evans E. (2014) Understanding weight management perceptions in first-year college students using the health belief model. *J Am Coll Health*, pp. 488-497.

Dotsenko V.A. (2006) *Prakticheskoe rukovodstvo po nadzoru za organizatsiey pitaniya i zdorovem naseleniya*. [Practical Guidelines for Supervision of Nutrition and Public Health]. SPb, pp. 47-61

Kenjeғalıev Q. (2015) *Pedagogikalıq zertteýlerde matematikalıq statistika ádisterin qoldaný* [Application of mathematical statistics methods in pedagogical research]. *Textbook / K. Kenzhegaliev*. Astana: Foliant, pp.168.

Kotler P, & Keller K. (2009). *Marketing Management*. Upper Saddle River, N.J.: Pearson Prentice Hall, pp. 57-69

Laptev A.N. Malyshev I.N. (1975) *Rukovodstvo k prakticheskim zanyatiyam po gigiene* [Guide to practical classes in hygiene]. Moscow, pp. 123.

Mshvildadze A R. (2008) *Studenchestvo goroda Habarovska: mif i realnost* [The students of the city of Khabarovsk: myth and reality]. *Bulletin of Pacific State University*, no. 3 (10), pp 95-96.

Tasmagambetov I. N. (1997) *Sotsialnaya politika i politicheskaya transformatsiya* [Social policy and political transformation]. *Almaty: Galym*, pp.14-23.

The European Higher Education Area – Achieving the Goals (2005) *Communiqué of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education*, Bergen, pp. 4.

Yudin V.P. (1995) *Sotsialnaya zaschita: ponyatie, suschnost, granitsyi* [Training method. Manual]. Kazan: Kazan. State tehnol. Univ., pp. 54.

(1) Law of the Republic of Kazakhstan “On minimum social standards and their guarantees” of May 19, 2015, no 314-V (with amendments and additions as of December 28, 2018)

Shnarbekova M.K.

Ph.D, senior lecturer of the Department of Sociology and Social Work,
al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

EDUCATION AND SOCIAL REPRODUCTION: THE IMPACT OF SOCIAL BACKGROUND ON EDUCATIONAL CHOICE OF YOUTH

Higher education is becoming an integral stage in the life cycle of modern Kazakhstani youth, as education plays an important role in shaping the competitiveness of the young specialist. In the period of independence, the market of educational services of Kazakhstan is not only institutionalized, but also have been impacted by significant quantitative and qualitative reforms. Modern youth has a wide range of choices in the educational space, but nevertheless, according to the data of the Information and Analytical Center, only 12% of the total number of university graduates have done the job they were trained. Despite the expansion of opportunities affecting government regulation in providing the labor market with demanded specialists, the practice of successful employment is not only related to obtaining higher education, but is largely due to effective strategies of young people in choosing higher education. In this regard, the significance of the study of factors that are important for young people in choosing higher education is actualized. A sociological study of the strategies of young people in choosing higher education in all its versatility opens up new opportunities and prospects for their forecasting and regulation in accordance with the demands of the economy. This article presents the research findings of the complete process of choosing a higher education starting from educational plans to choosing university and specialty on the basis of the study among high school students and their parents.

Key words: higher education, choice of profession, university prestige, educational plans, the level of education of parents, professional aspirations of school leavers, the value of higher education.

Шнарбекова М.К.

Ph.D, әлеуметтану және әлеуметтік жұмыс кафедрасының аға оқытушысы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: meruert.shnarbekova@kaznu.kz

Білім беру мен әлеуметтік жаңғыру: отбасының әлеуметтік мәртебесінің жастардың кәсіби таңдауына ықпалы

Білім деңгейін жоғарылату жастардың өміріндегі негізгі кезеңдердің бірі болып келуде, әсіресе, еңбек нарығындағы бәсекеге қабілеттілік деңгейіне білімнің жоғары ықпалымен сипатталатын қазіргі қоғам шарттарында білімнің маңыздылығы жоғары десек қателеспейміз. Тәуелсіздік жылдары елімізде білім беру саласында сапалық және сандық өзгерістер кеңінен орын алуда. Жастардың жоғары білімді таңдау кеңістігі кеңейді, дегенмен «АҚ Ақпараттық-сараптау орталығының» мәліметтеріне сүйенсек, жұмысқа тұрған ЖОО түлектерінің барлығының ішінен тек 12%-ы өз мамандығы бойынша орналасады. Еңбек нарығын қажетті мамандармен қамтамасыз етуді мемлекеттік реттеу мүмкіндіктерінің артуына қарамастан, жұмысқа тұрудың сәтті тәжірибелері тек жоғары білімді алумен ғана емес, ал көбіне жастардың жоғары білімді таңдаудағы шешімдері мен кәсіби ұстанымдарымен байланысты екендігін қайта көрсетеді. Осы орайда жастардың жоғары білімді таңдауда қандай факторларды ескеретінін зерттеу маңыздылығы артып отыр. Жастардың білімдік және кәсіби ұстанымдарын кешенді әлеуметтанулық зерттеу оларды болжауға және экономика қажеттіліктеріне қарай бейімдеуге жаңа мүмкіндіктер ашады. Аталмыш мақалада мектеп түлектері мен олардың ата-аналары арасында жүргізілген зерттеу негізінде жастардың жоғары білімді таңдау үрдісінің барлық құрамдас бөліктері (мамандық таңдау, жоғары оқу орнын таңдау) зерттелінген.

Түйін сөздер: жоғары білім, мамандықты таңдау, университет рейтингісі, біліми жоспарлар, ата-ананың білім деңгейі, мектеп түлектерінің кәсіби ұмтылыстары, жоғары білімнің маңыздылығы.

Шнарбекова М.К.

Ph.D, старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы,
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: meruert.shnarbekova@kaznu.kz

Образование и социальное воспроизводство: влияние социального статуса семьи на образовательный выбор молодежи

Получение высшего образования становится неотъемлемой стадией жизненного цикла современной казахстанской молодежи, что в определенной мере обусловлено тем, что образование занимает важную роль в формировании конкурентоспособности молодого специалиста. В период независимости Казахстан не только институционально трансформировал рынок образовательных услуг, но и провел значительные количественные и качественные реформы. Современная молодежь имеет широкий спектр выбора в образовательном пространстве, но тем не менее, согласно данным «АО Информационно-аналитического центра», из общего числа выпускников вузов, принятых на работу, только 12% устраиваются по специальности. Несмотря на расширение возможностей, влияющих на государственное регулирование в обеспечении рынка труда востребованными специалистами, практика успешного трудоустройства связана не только с получением высшего образования, а во многом обусловлена образовательными и профессиональными устремлениями самой молодежи. В связи с этим, значимость исследования факторов, которые являются важными для молодежи в выборе высшего образования, актуализируется. Социологическое исследование профессиональных ориентаций молодежи в выборе высшего образования во всей ее многогранности открывает новые возможности и перспективы для их прогнозирования и регулирования в соответствии с запросами экономики. В данной статье представлены результаты изучения полного процесса выбора высшего образования, начиная от образовательных планов до выбора вуза и специальности на основе проведенного исследования среди старшеклассников и их родителей.

Ключевые слова: высшее образование, выбор профессии, рейтинг университета, образовательные планы, уровень образования родителей, профессиональные устремления выпускников школ, значимость высшего образования.

Introduction

Education becomes one of the main mechanisms of upward social mobility in modern conditions - it is a “tool” of distribution of individuals by status positions, and thus, eliminates the “construction” of direct inheritance of status. Despite the fact that many critics of education note the failure of the education system in the implementation of meritocratic functions and define it as a “means” of reproduction of social order in society, it is impossible to deny the fact that in modern societies the status is not inherited automatically. The importance of sociological research of higher education and choice of profession actualized in connection with the following trends:

First, many countries have a policy of increasing access to higher education. However, research findings show that despite ongoing reforms, aimed at raising participation in tertiary education of youth from “unprivileged groups”, social inequality persists (Reay, David and Ball, 2005). Thus, increasing access to higher education creates many opportunities, but not equal (Sianou, Kyrgiou and Iakovos Tsiplakides, 2009).

Second, inequality in higher education persists, as expansion is often accompanied by quality dif-

ferentiation and stratification of higher education. Thus, the “elite” universities are dominated by representatives of the middle and upper classes (Morley and Aynsley, 2007). As a result, the choice of university and profession is important, as it is the prestige and status of higher education and profession are significant than just getting higher education (Troiano and Elias, 2014).

Third, the educational choice is also significant, as the diploma of higher education is the determinant of the transaction to the labor market. The prestige of the university is “a certain guarantee of achieving managerial and professional success. The relationship between higher education and the labor market is characterized as “moderate meritocracy” (Baiba and Ulrich, 2007: 27).

In the international literature, sociological discussions on nature of higher education choice of young people originate from the 70 years of the XX century. In Kazakhstan, however, the choice has been the subject of active discussion only in recent years. The need to study this issue is a consequence of (1) the imbalance between the supply and demand of professional personnel, that is, the glut of young professionals in one industry and the shortage of personnel in another, (2) the expansion of paid edu-

cation, (3) the mass of higher education for young people, especially in the last decade.

The lack of empirical research on choice in the context of Kazakh society makes it possible to assume that the findings of this study will be interesting. The study of the features of the choice of higher education in all its diversity allows us to identify objective and subjective motives of choice and to study the degree of influence of family capital and to find answers to the following questions: What is Kazakhstan's reality in terms of the implementation of international standards of education? How do Kazakh youth determine their next steps after graduation? What are their educational strategies? Does social inequality matter in higher education choice of Kazakh youth?

Main part

Literature review. Attempts to understand the complex process of choosing higher education are based on economic and sociological approaches. Within the framework of economic approaches, choice patterns are explained on the basis of the concept of cost-benefit analysis, emphasizing the importance of only the financial component (Manski and Wise, 1983), **without taking into account its indirect effects**, which are reflected in low academic performance, low awareness of universities and educational programs, as well as the lack of educational experience among family members, etc. In addition, within the framework of economic approaches, the differentiation of choice in the context of social origin is not considered (DesJardins, Toutkoushian, 2005). Accordingly, the researchers have noted that non-economic, less tangible factors could also influence the choice (Paulsen, 2001). In order to eliminate such shortcomings, sociological theories consider structural contexts for a deeper understanding of the sources of differentiation of choice by social origin (Bourdieu, 1986).

The problem of inequality in education is systematically considered in Raymond Boudon's works «Education, opportunity and social inequality» (Boudon, 1974). Boudon raised the question of how educational non-equality affects the social. The answer to the question of what can be expected from the reforms in education depended on the solution of this question. Boudon's analysis is based on a «simulation model» describing the interaction of education and social stratification. The result of the analysis is that the reduction of inequality in educational opportunities does not lead to a decrease in social inequality, the expansion of access to educa-

tion simply leads to inflation of diploma of higher education in the labor market.

In our study, we used a three-stage model of Hossler and Gallagher, which combines both sociological and economic perspectives. According to this model, the process of choosing higher education includes three stages. At the first stage (comprehension) high school students decide whether they will receive higher education or not. At the second stage (search) information about universities and faculties is collected. The third stage (choice) includes the choice of specific University and educational trajectory (faculty, specialty) (Connor, 1999). In the article is presented the data of the study of the final stage of the process of choosing higher education - the decision on the choice of university and professional trajectory.

R. Boudon distinguishes between primary and secondary effects of family resources in education. The primary effects are directly determined by the influence of the economic well-being of families to the academic achievements of children (Goldthorpe, 1996). Children from families with higher income study better than their counterparts from low-income families. Since the families with higher income provide their children with the best conditions for the development of high educational capital (Dhesi, 2001: 16).

Materials and methods. This article analyzes the results of a survey conducted among graduate students and their parents. The study involved students from private and public, specialized and general education, urban and rural schools. Since the survey was conducted in the last months of the school year, it is assumed that among high school students formed certain educational plans after graduation and decided on the choice of university and profession, which gives us the opportunity to study the main motives of this choice.

Research results

The importance of higher education. Kazakh school youth attaches great importance to higher education as a way of achieving other life goals: 56.6% believe that higher education is a key prerequisite for achieving financial prosperity through high incomes, 56.8% – to acquire a widely demanded profession, 50.5% – to make a professional career. Higher education is not essential for finding friends (13.4%), a way of changing residence (4.5%) and extending studies (3%). Consequently, for today's youth higher education is a necessary condition for a successful social biography and is considered as

a kind of investment in the future status position. The younger generation believes that a higher level of education makes the individual more competitive in the labor market and increase opportunity to be employed.

Form of education: paid or free. Two indicators determine economic accessibility of higher education: the possibility of studying on a fee basis and the possibility of using different forms of preparation for admission. In general, according to the sample, the majority of families (61.4%) are ready to “invest” the child’s education

(self-assessment), but for 14.5% - paid education is generally unacceptable and 14.5% can allocate a little money from the family budget for education, but they are not sufficient for education in the country’s universities. The sharp difference between the possible costs and the cost of education at the university is manifested in rural families. Willingness to provide education on a fee basis is expressed not only in large cities and the capital, but also in rural areas (58.3%). However, in large cities, this figure is higher by almost 20% and is 76.2%.

Table 1 – Availability of paid education in different social groups

Total sample	14,5%	14,5%	61,5%
Single-parent families	12,5%	12,5%	75,0%
Rural families	25,0%	16,7%	58,3%
Urban families	4,8%	9,5%	76,2%
Metropolitan families	18,2%	18,2%	63,6%

The possibility of a school graduate to study at the university on a fee basis is differentiated in terms of income of parents. Thus, for 28.6% of low-income families to teach their child at the university on a fee basis is completely unacceptable. While, for 94.7% of high-income

families, the priority is the quality of education, not the cost. They are ready and have the resources to «invest» their child’s education. High incomes of parents expand the child’s opportunities to obtain the desired higher education, including on a paid basis.

Table 2 – Opportunity to study on a paid basis in the context of monthly family income

Answer options	Income level			
	Low	Below average	Average	High
Paid education is unacceptable for us	28,6%	22,6%	15%	-
It is possible to study on a commercial basis in a certain amount	42,9%	16,1%	15%	5,3%
The most important thing is getting a quality education in a prestigious university, regardless of the cost of education	28,6%	61,3%	60%	94,7%

Analysis of the possibilities of using different forms of preparation for admission shows that in the context of the settlement of statistical differences in the indicator of additional training is not revealed. The data are presented in table 3.

However, the opportunities for additional education on a fee basis are slightly inferior to young

people in small and medium-sized cities. Among them, 46.9% attend paid additional classes, while this figure in large cities is 56.2%. Even in rural areas, this figure is slightly higher. This is due to the relatively high cost of paid training courses in small towns against the background of «affordable» training courses of low quality in rural areas. The data are presented in table 4.

Table 3 – «Are you preparing in addition to the unified national testing?» in the context of the settlement

Answer options	Youth of large cities	Youth of small/medium-sized cities	Youth of the countryside
Yes	65,2%	64,8%	69,5%
No	34,8%	35,2%	30,5%
Total	100,0%	100,0%	100,0%

Table 4 – The form of preparatory training in the context of the settlement

Settlement	On paid basis	Free of charge	Both
Big city	56,2%	43,2%	0,7%
Medium/small town	46,9%	50,0%	3,1%
Rural area	50,7%	47,8%	1,5%

Choice of the university. The choice of the university is socially determined, as it is carried out in different spatial, temporal and social contexts, which have financial and symbolic dimensions (Connor, 1999). The prestige of the university to some extent represents the quality of education and affects the competitiveness of its graduates in the labor market. The prestige of the university allows potential employers to assess the qualifications of their graduates. This practice is widespread as it is the most affordable and cost-effective way to assess the level of qualification of a young specialist without work experience.

The emergence of specialized schools and private schools differentiate the level of knowledge and create new restrictions for graduates of secondary schools, in particular in rural areas. In villages and small towns, the choice of graduates is determined or often limited not only by family resources, but also by the amount of starting educational capital of the school graduates themselves. Starting educational capital is formed at school, and largely depends on the quality of school education. In this regard, it is important to analyze the accessibility of higher education through the school education.

During the research, we grouped universities by prestige into “top”, “medium” and “weak” on the basis of the national ranking of universities, the education fee and popularity of the university among the population of Kazakhstan. Also to this classification was added a separate category - foreign universities.

Analysis of the relationship between the type of school and the choice of higher education institution shows significant differences. High school students of secondary schools do not demonstrate intentions to study in foreign universities and many of them have not yet decided where they will go to study, while high school students of private schools show strong aspirations to study in foreign and prestigious domestic universities and do not even consider studying in low-ranking universities. Professor of Education at Cambridge University D.Reay argues that young people from unprivileged groups choose universities with low academic prestige, as they feel familiar with such an environment and believe that it will be easier for them to get used to (Reay, 2001). Bourdieu considers this self-exclusion as an indirect influence of social origin on the choice of higher education (Bourdieu, 1986). Data on the choice of university by type of school are presented in table 5.

Table 5 – Type of high school education and choice of university номер таблицы уточните

Type of school	Top universities	Medium	Weak	Foreign	Difficult to answer
Secondary school	28,2%	13,8%	10,8%	-	47,2%
Private school	35,8%	7,1%	-	35,7%	21,4%

During the study, the analysis of factors that are taken into account by school youth when choosing a particular university was carried out as well. In terms of importance, the leading three include such criteria as prospects for quality education (61.4%), an interesting specialty (51.7%) and low pay, opportunities for free education (46.8%). It is significant that the quality of education in the public opinion of young Kazakhstan is designed by certain universities and their “brand” and three less important criteria include a convenient, close location to the place of residence (27.1%), the provision of a hostel (26.1%) and the presence of a military department (22.5%).

Choice of speciality. The decision to choose a specialty is an important part of the process of higher education choice, which leads to certain faculties and departments. Professional choice is influenced by macro- and micro-level factors. At the macro level, important are the mechanisms of social stratification in society and their role in education, at the micro-level, the social status and education of parents, academic performance, motivation, type of settlement, etc. In the study specialty were grouped into five educational trajectories:

1. Humanities, legal and social sciences, including the faculties of literature, journalism, philosophy, sociology and art.
2. Science, including faculties of mathematics, physics, chemistry.
3. Health care, including medicine, dentistry, pharmaceuticals.
4. Technical, including architecture, engineering, polytechnic faculties.
5. Economic, including faculties of economics, finance, management.
6. Military professions, including aviation.

The analysis of professional preferences of students of graduation classes in the context of gender demonstrates a strong contrast in the choice of professions of technical profile, fields of science, health and military affairs. For instance, among girls who want to engage in science is reduced to almost zero, while among boys this figure is 4.5%, and boys than girls are characterized by the aspirations of the choice of technical professions, every third young man plans to study in this direction. Thus, the desire to study in engineering and technical areas is manifested among boys. The proportion of girls wishing to work in the health sector is five times higher than among of boys. In other educational trajectories there are no significant gender differences in educational aspirations, except for military affairs. Those wishing to work in this area, as expected, are three

times higher among boys than girls. Gender differentiation is associated with the concepts of ‘male’ and ‘female’ (Arnot, 1999), and engineering professions are defined as male, and professions as primary school teachers and nurses as female, as they enable women to combine work with household responsibilities.

Consideration of the educational level of parents, in particular the father, provides an opportunity to better understand the social differentiation in the choice of higher education. Students whose fathers have higher education (bachelor’s degree and higher) are more likely to choose technical and economic professions. The main reasons for the choice are the opportunity to have connections, high earnings, access to power and the realization of potential. High school students, whose fathers do not have higher education, often choose humanities, and their choice is determined by the possibility of employment in the future.

Family income was classified according to national standards into “high”, “medium” and “low” levels. High school students whose family income is high tend to get economic and management specialties, their choice is determined by the possibility of self-realization, and this professional trajectory is defined as a vocation for their self-esteem. High school students from middle-income families demonstrate a focus on technical professions, while their peers from low-income families show aspirations to work in the medical field.

In scientific literature, the success of professional self-determination is associated primarily with the content of motivational formations that underlie it. According to the survey, 37.8% of respondents purposefully prepared for the chosen specialty. Not unimportant aspect of professional choice is the score of the unified national test, every third respondent made a decision on its basis (33.3%), every fourth makes a choice when applying, in this regard, it is important to familiarize the graduate and his parents with the characteristics of the chosen specialty (25.6%).

The study assessed the school success of students, their family resources and school resources. On the one hand, the results of the analysis show that the education system does not prevent young people from the lower social strata, on the other hand, educational inequality exists. It is formed before school. Manifestations of such inequality are called “primary class effect”. In addition, people from socially vulnerable groups are more likely to choose educational trajectories that lead to positions with low social status, which is not explained by

their academic success - this is a secondary class effect. The researchers explained this behavior by the different habitus of social groups. The study showed that the processes outside the education system have a much greater impact on the educational chances of a school graduate than the processes in educational institutions.

Conclusion

The study shows that there is a differentiation in the choice of higher education, which is rather expressed not in the availability of higher education in general, but in the inequality of opportunities for quality education and training in prestigious universities, including foreign ones. The effects of family capital in the choice are indirect: privileged groups have more opportunities to obtain additional information about universities and the order of enrollment, to develop high educational capital, to use paid training services, to study in private schools, etc. The gap between the level of school preparation and the requirements for university entrants contributes to the development of the institute of paid training services in the country, in particular tutoring. This trend increases the economic differentiation in the training of prestigious universities and obtaining an educational grant, as the use of private tutoring services involves additional costs from the family budget. While obtaining an educational grant for training requires a set of high scores on the entrance exams to the university. In addition, the policy of prestigious universities requires a high score even from applicants who want to study on a fee basis. Speaking about the effects of family capital, we

pay special attention to the possibilities of admission to certain universities, rather than opportunities for training in a particular specialty, as training in a similar specialty is carried out, both in prestigious and in non-prestigious universities. And accordingly, the indicator of the quality of education in the labor market is the rating and brand of the university of education.

The specificity of the modern process of professional self-determination is its dynamism: self-determination today has an operational nature and accompanies a person in all active economic activity. Traditionally, the sociological approach considered the problem of professional self-determination at the micro level, i.e. the subject was a person. However, in the transition periods in the development of society, the focus of research is transferred from the individual to the social group. Based on this, we define the specifics of the sociological approach to the problem of professional self-determination as the self-determination of a social group in the changing conditions of macro and micro environment. This process is characterized by stages and specific tasks determined by the level of social development of the group.

High school students are a special social group at the stage of primary professional self-determination. At this stage, they carry out theoretical (pre-experimental) acquaintance with the world of professions, form professional intentions and choose the appropriate sphere of professional training. We come to the conclusion that the primary professional choice of school students is focused primarily on social self-determination - the desire to take a certain position in the social and professional structure of society.

References

- Reay, D., David, M. E., and Ball, S. (2005). *Degrees of choice: Social class, race and gender in higher education*. Stoke-on-Trent: Trentham Books.
- Eleni Sianou, Kyrgiou & Iakovos Tsiplakides (2009) Choice and social class of medical school students in Greece, *British Journal of Sociology of Education*, 30:6, 727-740.
- Morley, L. and Aynsley, S. (2007) "Employers, Quality and Standards in Higher Education: Shared Values and Vocabularies or Elitism and Inequalities?" *Higher Education Quarterly* 61: 229-249.
- Helena Troiano, Marina Elias. (2014) University access and after: explaining the social composition of degree programmes and the contrasting expectations of students. *Higher Education* 67:5, pages 637-654.
- Rivza, Baiba; Teichler, Ulrich. (2007). The Changing Role of Student Mobility // *Higher Education Policy*, V. 20 №4, p. 457-475.
- Manski C., Wise D. (1983) *College choice in America*. MA: Harvard University Press; p. 240
- DesJardins S., Toutkoushian R. (2005) Are students really rational? The development of rational thought and its application to student choice. *Higher Education: Handbook of Theory and Research*. 2005; pp. 191-240.
- Paulsen M. (2001) *The economics of human capital and investment in higher education. The finance of higher education: Theory, research, policy, and practice*. New York: Agathon Press; pp. 55-94.
- Bourdieu P. (1986) The forms of capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press; pp. 241-258

Boudon R. Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society / R. Boudon. N.Y.: Wiley, 1974.

Connor H., Burton R., Pearson R., Pollard E., Regan J. Making the Right Choice: How Students Choose Universities and Colleges, London: CVCP. 1999.

Goldthorpe, J. (1996). Class Analysis and the Reorientation of Class Theory: The Case of Persisting Differentials in Educational Attainment. *British Journal of Sociology* 47(3), pp. 481-505.

Dhesi, A. (2001). Expectations and post-school choice: some data from India. *Education Training*, 43(1), pp.14

Reay D. Finding or losing yourself: working-class relationships to education?, *Journal of Education Policy*, 2001, 16(40): 333-46.

Arnot M., Weiner G., David M. Closing the Gender Gap: the post war era and social change, Cambridge: Polity Press. 1999; p. 208.

¹Тулбаев Н.Н., ²Абдирайымова Г.С.

¹докторант, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: nu.tulebayev@gmail.com

²доктор социологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: gulmira.abdiraimova@kaznu.kz

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА: ПРОФЕССИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ В КАЗАХСТАНЕ

Статья посвящена анализу социальной работы и рассмотрению доминирующих факторов формирования общественного восприятия, источников доступной и достоверной информации о социальной работе как профессии. В статье также рассматриваются некоторые барьеры и сложности, присущие сформированному стереотипному мышлению о социальной работе как профессии в Казахстане.

В статье представлены результаты количественного исследования, проведенного Центром социологического исследования и социального инжиниринга КазНУ им. аль-Фараби в октябре 2018 г. среди обучающихся по специальности «Социальная работа». Целью исследования является оценка профессиональных компетенций необходимых для социальных работников, а также анализ имиджа, утверждений и стереотипов, распространенных среди будущих специалистов социальной работы; определение основных мотивов выбора профессии как определяющих факторов выбора студентами социальной работы как профессии. Один из исследовательских вопросов касается рассмотрения социальной работы как профессионального проекта в национальном и глобальном контекстах.

Авторы делают вывод о том, что социальные работники должны занять лидирующие позиции в популяризации своей профессии, исходя из того, что она характеризуется интегрированностью, требующей постоянного изучения, профессионального развития, сохранения знаний и практических навыков. Социальная работа как профессиональный проект должна заявить о своих функциях и ролях на государственной политической арене, так как именно она дает возможность предотвратить социальную несправедливость и создать адекватную социальную политику, направленную на решение вопросов социально-уязвимых слоев населения.

Ключевые слова: социальная работа, профессия, профессиональный проект, студенты, восприятие, социальные работники.

¹Tulebayev N.N., ²Abdiraimova G.S.

¹PhD student, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: nu.tulebayev@gmail.com,

²doctor of sociological sciences, professor, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: gulmira.abdiraimova@kaznu.kz,

Social Work: Profession And Professional Project In Kazakhstan

The article is devoted to the analysis of social work and consideration of the dominant factors in the formation of public perception, sources of available and reliable information about social work as a profession. The article also discusses some of the barriers and difficulties inherent in the stereotypical thinking that has been formed about social work as a profession in Kazakhstan.

The article presents the results of a quantitative study conducted by the Center for Sociological Research and Social Engineering of the Al-Farabi Kazakh National University in October 2018 among students in the specialty "social work". The aim of the study is to assess the professional competencies necessary for social workers, as well as the analysis of the image, statements and stereotypes that are common among future social work professionals; identifying the main motives for choosing a profession

as the determining factors for students in choosing social work as a profession. One of the research questions concerns the consideration of social work as a professional project in national and global contexts.

The authors conclude that social workers should take a leading position in promoting their profession based on the fact that it is characterized by integration, which requires constant study, professional development, preservation of knowledge and practical skills. Social work as a professional project should declare its functions and roles in the state political arena, since it is this that provides an opportunity to prevent social injustice and create an adequate social policy aimed at resolving issues of socially vulnerable groups of the population.

Key words: social work, profession, professional project, perception, social workers, students.

Түлебаев Н.Н.¹, Әбдірайымова Г.С.²

¹докторант, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., nu.tulebayev@gmail.com

²әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., gulmira.abdiraimova@kaznu.kz

Әлеуметтік жұмыс: Қазақстандағы кәсіп және кәсіби жоба

Мақала әлеуметтік жұмысты кәсіп ретінде талдауға және қоғамдық қабылдауды қалыптастырудың басым факторларын, әлеуметтік жұмыс туралы қолжетімді және нақты ақпарат көздерін кәсіп ретінде қарастыруға арналған. Мақалада Қазақстандағы мамандық ретінде әлеуметтік жұмыс туралы қалыптасқан стереотиптік ойлауға тән кейбір кедергілер мен қиындықтар қарастырылады.

Мақалада 2018 жылдың қазан айында әл-Фараби атындағы ҚазҰУ әлеуметтік зерттеу және әлеуметтік инжиниринг орталығының «әлеуметтік жұмыс» мамандығы бойынша білім алушылар арасында жүргізген сандық зерттеудің нәтижелері берілген. Зерттеудің мақсаты – әлеуметтік қызметкерлер үшін қажетті кәсіби құзыреттілікті бағалау, сонымен қатар болашақ әлеуметтік жұмыс мамандары арасында таралған имиджді, бекітулер мен стереотиптерді талдау; мамандық таңдаудың негізгі себептерін студенттердің әлеуметтік жұмысты мамандық ретінде таңдауының анықтаушы факторы ретінде анықтау. Зерттеу мәселелерінің бірі әлеуметтік жұмысты ұлттық және жаһандық контекстегі кәсіби жоба ретінде қарастыру болып табылады.

Авторлар тұрақты зерттеуді, кәсіби дамуды, білім мен практикалық дағдыларды сақтауды талап ететін интеграциялықпен сипатталатынына сүйене отырып, әлеуметтік қызметкерлер өз мамандығын танымал етуде көшбасшылық позицияға ие болуы тиіс деген қорытынды жасайды. Әлеуметтік жұмыс кәсіби жоба ретінде мемлекеттік саяси аренадағы өзінің функциялары мен рөлдері туралы мәлімдеуі тиіс, өйткені ол әлеуметтік әділетсіздіктің алдын алуға және халықтың әлеуметтік осал топтарының мәселелерін шешуге бағытталған адекватты әлеуметтік саясат құруға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: әлеуметтік жұмыс, мамандық, кәсіби жоба, студенттер, қабылдау, әлеуметтік қызметкерлер.

Введение

Социальная работа является относительно молодой специальностью в Казахстане и несмотря на интенсивность своего развития, сталкивается с определенными трудностями, связанными с процессом статусной профессионализации. Помимо структурных проблем, существующих в силу естественного и исторического развития социальной работы, таких как социальная солидарность и сохранение традиций поддержки, существуют ограничительные барьеры в развитии социальной работы, именно в Казахстане. Как отмечают многие исследователи, одним из таких барьеров является отсутствие доступной информации о социальной работе и ее возможностях, а также сформировавшийся в казахстанском обществе несколько негативный образ социального работника.

Социальная работа как профессия способствует оказанию помощи людям, находящимся в трудной жизненной ситуации, а также социальным изменениям и развитию, социальной сплоченности, расширению прав и возможностей всех людей. Принципы социальной справедливости, прав человека, коллективной ответственности и проявления разнообразия являются основными в социальной работе. Опираясь на концептуальные теории социальной работы, социальных наук, гуманитарных наук и знаний, социальная работа привлекает людей и институционализированные структуры для решения жизненных проблем и повышения благосостояния общества.

Несмотря на позитивное влияние социальной работы в обществе, результаты западных исследований об общественном восприятии социальной работы демонстрируют существующее

негативное восприятие профессии, обусловленное стереотипными представлениями о данной профессии, барьерами, ошибочным и шаблонным изображением социальной работы в средствах массовой информации. На сегодняшний день сложившееся мышление о социальной работе является ограниченным и не отражает суть профессии, что, следовательно, ведет к формированию неблагоприятного имиджа социальной работы как о неэффективном подходе к решению проблем социально уязвимых слоев населения. Отсутствие достоверной информации и знаний о социальной работе, множестве услуг и функций, которые предоставляют социальные работники в рамках своей профессии, способствуют формированию в некоторой степени критического восприятия профессии. Существующее отрицательное общественное восприятие социальной работы может привести ко многим серьезным последствиям, включая недоверие со стороны населения, негативную стигматизацию, уменьшение количества услуг, оказываемых нуждающимся, снижение количества социальных работников.

Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, междисциплинарный характер и широкий профиль оказываемых услуг социальной работы также способствует негативному восприятию общественности вследствие невозможности отличить социального работника от других профессионалов, в связи с этим трансформация образа и общественного восприятия социальной работы должна начинаться с четкого понимания и определения ее роли и миссии (Corvo, Selmi, Montemaro, 2003).

Необходимость формирования позитивного имиджа социальной работы и социального работника актуализирует вопрос в целом об изучении публичного восприятия социальной работы, не только широкой общественностью, но и непосредственно специалистами. Важность изучения общественного восприятия как фактора эффективности социальной работы определяется существующим противоречием между высокой значимостью данной работы для общества и ее низким статусом и престижем среди населения.

В свою очередь, понимание сложившегося восприятия социального работника и социальной работы как профессии, а также формирование корректного восприятия данной деятельности будет способствовать снижению сопротивления клиентов при оказании им социально-психологической помощи, позволяя тем самым социаль-

ным работникам более эффективно и продуктивно взаимодействовать с ними на доверительной основе. Также, формирование благоприятного имиджа данной профессии позволит снизить ментальный барьер населения Казахстана для запроса и получения социальных услуг.

Вместе с тем адекватное представление специфики профессии социальной работы и функций социального работника позволит увеличить спектр, а также повысить эффективность предоставляемых услуг категориям населения, нуждающимся в этом. Важно понимать, что определение основных источников, влияющих на формирование общественного восприятия, является ключевым в понимании причин низкого общественного статуса социальной работы и социальных работников. Немаловажным является и тот факт, что общественное восприятие социальной работы влияет на формирование профессии и в течение длительного периода времени. Соответственно, создание позитивного имиджа будет способствовать набору талантливых социальных работников широкого спектра в будущем.

Обзор литературы

Социальная работа как практический вид деятельности, проходя через эволюционные этапы своего развития, определялась и воспринималась неоднозначно (Staniforth, Fouché, O'Brien, 2011). С начала своей профессионализации социальная структура общества, как и профессиональная структура социальной работы, претерпевала значительные изменения. И как результат, на сегодняшний день области профессиональной практики социальной работы значительно расширились (Corvo, Selmi, Montemaro, 2003:88).

С момента институционализации профессии проводились многочисленные исследования, цель которых состояла в изучении тенденций общественного восприятия и отношения общества как к социальным работникам, так и к социальной работе как профессии в целом. Так, в середине XX-го века исследователи начали изучать общественное восприятие профессии социальной работы и факторы его формирования. Некоторые из исследований также включали сравнение статуса профессии социального работника с другими профессиями. Полученные данные исследований показали определенное негативное отношение к профессии и к социальным работникам в целом, что привело к масштабной рабо-

те над общественным имиджем профессии (Гулебаев, Абдирайымова, 2019).

Одно из исследований, направленных на понимание и изучение степени осведомленности общества о социальной работе, отношения людей к данной профессии и специалистам, было проведено Конди в 1978 году, в котором участвовали 250 собственников домов в четырех различных штатах США. Результаты исследования показали, что по сравнению с первой волной подобных исследований, проведенных в 50-х годах, осведомленность о социальной работе незначительно улучшилась. Респонденты среди прочих функций социального работника, прежде всего, отмечали роль социальных работников в защите прав детей и в семейном консультировании. Полученные данные свидетельствуют о том, что именно в эти годы осведомленность американской общественности о спектре ролей социальных работников была весьма ограничена, несмотря на то, что эти показатели и улучшились по сравнению с данными 50-х годов (Condie et al., 1978). Тем не менее, социальным работникам, по-прежнему, ошибочно приписывали роли и функции, которые не входят в круг их профессиональных компетенций. Кроме того, социальная работа была воспринята как одна из наименее престижных профессий в сфере социальных услуг. Так, большинство респондентов (около 90%) высказали определенные сомнения по поводу обращения к социальным работникам с личными проблемами.

В 2004 году в США ученые ЛеКрой и Стинсон провели эмпирическое исследование путем случайного телефонного опроса, в котором приняло участие 386 респондентов. Участникам исследования были заданы вопросы об их отношении к социальной работе и социальным работникам, где 60% респондентов отметили положительное восприятие профессии социальной работы и самих социальных работников. Также, в данном исследовании профессия социального работника сравнивалась с другими профессиями сферы социальных услуг – психиатрами, психологами, консультантами, медсестрами и также представителями духовенства (LeCroy, Stinson, 2004:168).

Вместе с тем, отмечают некоторые изменения, связанные с повышением осведомленности о важности социальной работы и значимости вклада социальных работников в решении трудных жизненных ситуаций, а также с формированием четкого понимания важности социальных работников в обществе. Согласно резуль-

татам исследования среди возможных вариантов карьерных траекторий, социальная работа как профессия получила наименьшее одобрение в качестве будущего выбора для детей респондентов в сравнении с остальными смежными профессиями.

Согласно полученным данным, ЛеКрой и Стинсон определили, что основным источником формирования восприятия и информации для респондентов является личный контакт с социальным работником. Более трети (35%) респондентов принимали какую-либо помощь от социального работника, еще 32% получали информацию о социальных работниках из различных средств массовой информации (например, телевидение, фильмы, журналы, книги и газеты). Около половины респондентов считают, что для осуществления практической деятельности социального работника необходима только степень бакалавра, в то время как одна треть респондентов считает, что необходима и степень магистра. Полученные данные также свидетельствуют о недостаточной осведомленности населения в целом о возможностях обучения и о существующих образовательных программах по социальной работе (LeCroy, Stinson, 2004:170).

Комли отмечает, что одной из основных причин сложившегося негативного имиджа социальной работы является недостаточность вклада со стороны самих социальных работников. По его мнению, именно социальные работники должны распространять позитивную информацию о профессии, их профессиональных ролях и деятельности, в том числе используя широкие возможности и преимущества академической сферы (университетов и колледжей) (Comley, 1985).

Неизвестность и низкий престиж профессии социальной работы являются следствием негативного фокуса СМИ к социальной работе (Brawley, 1995). Во многом имидж социальной работы как профессии исторически зависел от средств массовой информации, служивших инструментом информирования общественности о деятельности социальных работников. Тауэр так же отмечает, что ответственность за распространение негативного имиджа социальной работы, за дезинформированность общественности о социальной работе и ее клиентах несут сами социальные работники. По его мнению, представителям данной профессии стоит перестать опираться на мнения и деятельность людей, не имеющих отношения к профессии в формировании ее имиджа, и самим взять ответственность за «развенчание существующих

мифов», формирование позитивного имиджа и распространение корректной информации о социальной работе (Tower, 2000).

Одним из узловых направлений подобной ответственности является непрерывное привлечение абитуриентов и формирование новых конкурентоспособных специалистов. Именно они смогли бы занять позиции социальных работников, необходимость в которых неуклонно растет в государственных, частных структурах и организациях, должности которых зачастую занимают специалисты из смежных областей (Biggerstaff, 2000).

Целью проведенного ЛеДуксом исследования среди специалистов и студентов являлась оценка факторов, влияющих на выбор карьеры в сфере социальной работы как своей будущей профессии. В результате, наиболее распространенными факторами, определяющими выбор абитуриентов социальной работы как своей будущей профессиональной деятельности, являются личное общение с социальным работником, волонтерская или другая деятельность, связанные с ней стратегии построения будущей академической карьеры (LeDoux, 1996).

В рамках проекта, инициированного в 2004 году Национальной ассоциацией социальной работы США в сотрудничестве с исследовательской компанией Crosby Marketing Communications, были проведены серии фокус-групповых исследований, шесть из которых привлекли участников из числа широкой общественности, тогда как две из них состояли из социальных работников, представляющих три крупных города США. По результатам данного исследования было выявлено, что, несмотря на то, что представления и оценка общественности социальной работы оказались несколько выше, чем предполагалось изначально, в обществе существует сложившееся общее негативное восприятие профессии. Причины, объясняющие отрицательное общественное восприятие, включают общие стереотипы о нелегких физических и эмоциональных условиях труда, недостаточной оплате, негативном представлении социальной работы в СМИ, отсутствии достоверной и доступной информации о социальной работе и услугах, предоставляемых социальными работниками. Также было установлено, что респонденты не имеют представления о существующем разнообразии практик социальной работы и то, что выполнение профессиональных компетенций социального работника требует высокой квалификации от специалистов.

Национальная и международная кампания по образованию и информированию общественности о социальной работе ставила своей целью обеспечивать общее руководство, предоставлять ресурсы и разработать основные индикаторы защиты для социальных работников (NASW, 2005). Ее деятельность сводилась к повышению осведомленности и воссоздания культуры уважения к профессии социальной работы, распространению информации о культурном разнообразии, расширению понимания о предоставляемых социальных услугах, привлечению молодежи в социальную работу в качестве волонтеров, а также улучшению возможностей трудоустройства для профессиональных социальных работников. Посредством публичного продвижения кампания предоставляет отклик на новостные статьи, которые ошибочно идентифицируют местных добровольцев как социальных работников, и путем отслеживания сообщений о лицах, которые не являются социальными работниками по образованию, но выполняющие их функции, формирует позитивный образ социальной работы и способствует ее дифференциации. Благодаря деятельности Национальной ассоциации социальных работников как профессиональной организации развиваются стандарты для усовершенствования социальной политики, расширяется общественное знание о социальной работе посредством продвижения рекламных роликов национального и регионального уровня в США, различных медиаисторий, формирующих позитивный образ социальной работы.

Деннисон, Пул и Кадиш провели комплексное исследование среди студентов второго курса бакалавриата различных специальностей социально-гуманитарного направления в университете Северной Каролине и использовали специализированный авторский инструментарий. Апробированная шкала Лайкерта состояла из 45 пунктов, включая демографические данные (5 пунктов), отношение к социальной работе (4 пункта), информированность о социальной работе (1 пункт), следующие 34 пункта были разделены на 3 шкалы: информированность о социальной работе как профессии (11 пунктов), информированность об условиях труда социальных работников (18 пунктов), информированность о позициях и должностях социальных работников. Последний пункт опроса касался заинтересованности студентов в получении специальности социального работника.

Результаты исследования показали, что наиболее информированными о специальности и

ее особенностях стали студенты, имеющие среди членов семьи или среди близких родственников практикующего социального работника. Необходимо отметить, что наличие близкого родственника-социального работника оказало благоприятное влияние на формирование интереса к будущей специальности и ее выбора в качестве своей профессии. Исследователями определена независимая переменная, влияющая на степень информированности и заинтересованности в социальной работе, которая находит свое выражение в волонтерской деятельности или работы в организациях, предоставляющих социальные услуги. Этот вывод является крайне важным, демонстрирующим тот факт, что обучение через добровольный вклад в общественное благо, служение обществу, волонтерство (*service-learning*) является важным фактором в формировании интереса к социальной работе и ее позитивного имиджа среди учеников выпускных классов школ, абитуриентов, студентов вузов (Dennison, Poole, Qaish, 2007).

Проведенный анализ демонстрирует, что существующие разночтения в категориальном определении и сформировавшийся негативный публичный имидж профессии являются отражением неопределенности непосредственно профессионального сообщества о миссии и главных функциях социальной работы (Staniforth, Fouché & O'Brien, 2011:193, Agresta, 2004, Olin, 2013; Staniforth, Fouché, Beddoe, 2014). Главным выводом является не только изучение сложившегося негативного образа социальной работы как профессии и социальных работников в СМИ и масс-медиа, но анализ значимости восприятия социальной работы ее специалистами, которые в свою очередь имеют возможность распространять достоверную информацию о своей профессии и влиять на ее выбор абитуриентами.

Позитивное общественное восприятие данной профессии способствует росту общественного доверия к социальным работникам и количеству обращений, консультаций и помощи при необходимости. Тогда как, существующий негативный имидж не только представляет социальных работников как непрофессионалов, неспособных искренне помочь, но и к тому же формирует чувство стыда, связанного с обращением за помощью к социальному работнику, основанного на предвзятом мнении, что они чувствительны только к определенным формам социальной несправедливости.

Материалы и Методы

Одним из ограничительных барьеров в развитии социальной работы является отсутствие доступной информации о социальной работе и ее возможностях и границах. При наличии большой конкуренции со стороны смежных специальностей, которые имеют определенные схожие навыки и знания, профессионалам и представителям академической сферы социальной работы следует активнее работать над подготовкой квалифицированных специалистов, а также использовать свое образование, собственный опыт для информирования общественности о дифференцирующих факторах социальной работы (Doelling, 2005; Jones, 2005).

Для изучения формирования имиджа социальной работы как одного из новых профессиональных видов деятельности была произведена оценка понимания профессионального имиджа и статуса среди обучающихся специальности социальной работы г.Алматы, в котором приняли участие 200 студентов разных уровней обучения (бакалавриат, магистратура, докторантура PhD).

Целью данного исследования является содержательный анализ профессиональных компетенций, необходимых для социальных работников, а также сравнительная оценка признания значимости и ценности профессии, утверждений и стереотипов, распространенных среди обучающихся. Особое внимание уделяется ведущим типам мотивации выбора профессии как определяющих факторов, влияющих на эффективность процесса профессионального самоопределения.

Социальная работа, являясь разносторонней специальностью, охватывает профессионалов в области здравоохранения, бизнеса, некоммерческих организаций, военного дела, частной практики и многих других. При демонстрации разнообразия ролей, выполняемых специалистами социальной работы, в сочетании с формированием более реалистичного имиджа в средствах массовой информации самими социальными работниками общественное восприятие постепенно компарируется с реальной сущностью данной профессии. Так как не только медиа, но и непосредственно представители социальной работы формируют общественное мнение, а также влияют на развитие региональной и национальной уровней социальной политики.

Результаты и Обсуждение

В данном контексте, в фокусе внимания стали интерпретации обучающихся относительно их будущей специальности. Так, по резуль-

татам исследования большинство респондентов (75,8%) отметили, что социальная работа у них ассоциируется с благородной и бескорыстной профессией; 59,8% респондентов ответили, что они ассоциируют социальную работу с понятием

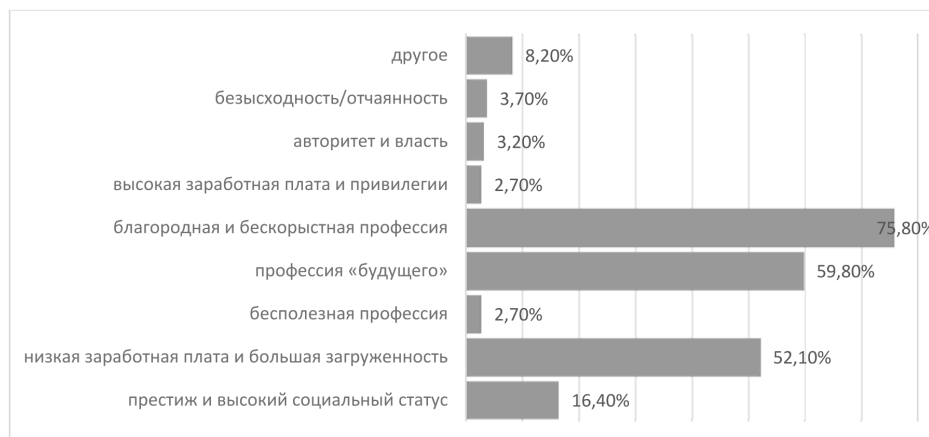

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос «Какие ассоциации у Вас вызывает понятие социальной работы?»

«профессия будущего», тем самым подчеркивая, что казахстанское общество на данный момент не совсем готово принимать услуги социального работника и воспринимать социальную работу как инструмент помощи. Более половины обучающихся считают, что социальная работы это большая загруженность и недостаточная оплата труда (52,1%). 16,4 % студентов – социальных работников отметили, что социальная работа у них ассоциируется с престижем и высоким социальным статусом. «Бесполезной» профессией считают – 2,7% опрошенных респондентов (рисунок 1).

Так как социальная работа является профессией, основывающейся на личностных и общественных ценностях (value-based profession), для будущих социальных работников крайне важным является понимание специфики ее ценностной основы. В связи с этим студентам был задан вопрос о качествах, необходимых для социального работника. Большинство респондентов считают, что для социального работника в первую очередь необходимы гуманность и милосердие (88,6% респондентов полностью согласны с данной категорией), отзывчивость (85,4%), умение сопереживать другому человеку (87,2%) и эмоциональная устойчивость (75,3%), наименее важными качествами являются развитая интуиция (62,1%), твердость характера (53,4%).

Сложившийся негативный образ, опреде-

ленные стереотипы и стигмы относительно профессии социальной работы и социальных работников, в свою очередь отрицательно влияют на развитие института социальной работы как в клинической практике социальной работы, так и в академической сфере. Согласно результатам исследования, большинство респондентов согласны с утверждением, что социальный работник взаимодействует со всеми людьми, кто оказался в сложной жизненной ситуации (95,4%), также подавляющее большинство респондентов понимают, что социальная работа требует много терпения, выносливости, проявления эмпатии и сострадания (96,4%). Результаты этого исследования показали, что респонденты считают важным проявить сочувствие к клиентам, где эмпатия по-прежнему является контекстно-зависимым явлением.

В меньшей степени единодушные во мнении респонденты продемонстрировали относительно убеждения «социальные работники должны помогать всем людям» (70,7% согласны с утверждением в той или иной мере). Однако, несмотря на существующие стигмы о социальной работе в Казахстане, большинство студентов не согласны с утверждением, что в Казахстане быть социальным работником стыдно (68,9%), вместе с тем, 37,4% респондентов считают, что социальная работа в казахстанском обществе имеет «женское лицо».

Неоднозначно мнение респондентов относительно функциональных обязанностей социальных работников, треть респондентов (33,3%) согласилась с утверждением, что одной из главных функциональных обязанностей социального работника является доставка лекарств и продуктов пожилым людям, тогда как 47,5% обучающихся с данным утверждением не согласны.

Несмотря на существующие барьеры в формировании позитивного имиджа социальной работы, стоит отметить, что среди будущих специалистов социальной работы существует четкое понимание о том, что данная профессия и ее специалисты крайне необходимы казахстанскому обществу (78,1%), и что социальные работники положительно меняют жизнь других к лучшему (90,9%).

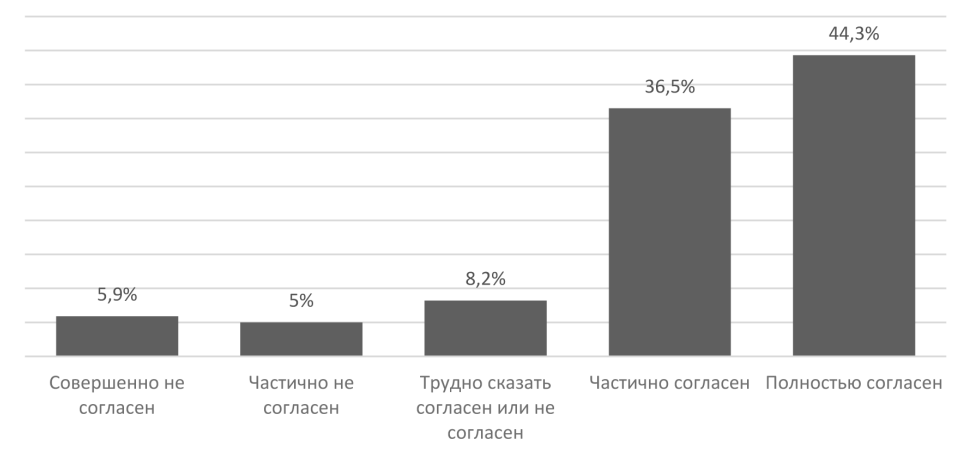

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что социальный работник это тоже самое, что и психолог?»

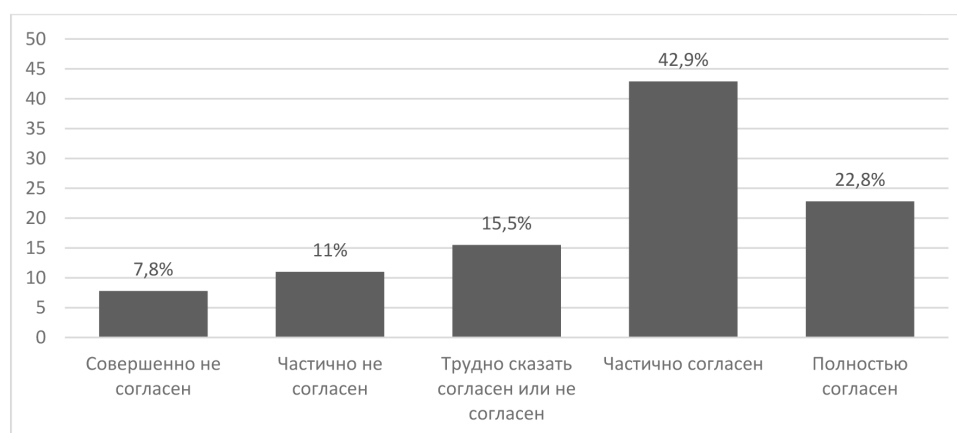

Рисунок 3 – Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что социальный работник это тоже самое, что и социальный педагог?»

Социальная работа в силу своей специфики перекликается со смежными профессиями психолога и социального педагога, однако, несмотря на наличие областей соприкосновения, стоит отметить, что это разные сферы деятельности как в клинической практике, так и в науке. Однако на сегодняшний день нет четкой диф-

ференциации между данными специальностями, ее не видят даже сами будущие социальные работники, так 80,8% респондентов согласились с утверждением, что социальный работник и психолог это тоже самое, из них 44,3% полностью согласны с данным утверждением (рисунок 2), 65,7% опрошенных также согласны с

утверждением что социальный работник и социальный педагог являются тождественными профессиями (рисунок 3).

В связи с отсутствием четкого внутреннего понимания специфики социальной работы среди студентов и сложившимися стереотипами, влияющими на восприятие престижа и статуса данной профессии, студентам был задан вопрос «Гордитесь ли Вы, что являетесь будущим социальным работником?», на который большинство респондентов ответили, что согласны лишь частично

(33,3%), тогда как 20,1% совершенно не гордятся своей будущей профессией.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос о чувстве дискомфорта или неудобства в кругу друзей и знакомых при упоминании своей профессией, и хотя 50,2% отметили, что никогда не испытывают чувство дискомфорта при упоминании их специальности, более трети респондентов (37,0%) иногда испытывают чувство дискомфорта или неудобства, и 10,5% испытывают подобные ощущения очень часто при упоминании своей будущей профессии (рисунок 4).

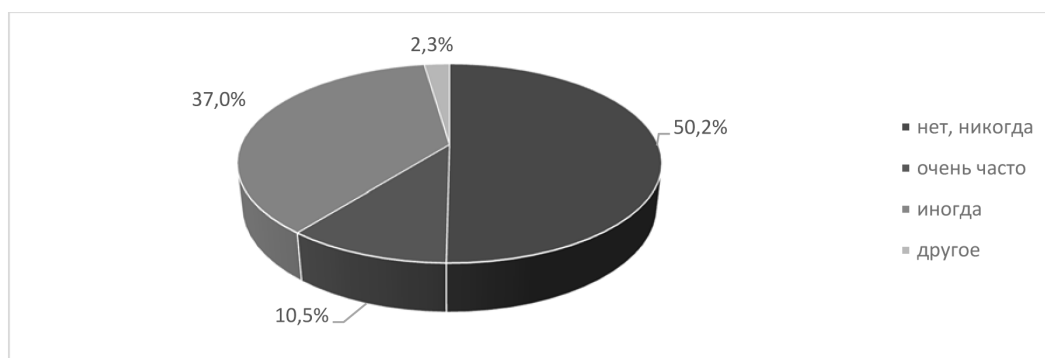

Рисунок 4 – Распределение ответов на вопрос «Ощущаете ли Вы чувство дискомфорта или неудобства в кругу друзей и знакомых, когда говорите о том, что Вы – социальный работник?»

Также, по мнению респондентов, это может быть следствием не только низкого статуса и престижа социальной работы в Казахстане, но и результатом недостаточной информированности общества о социальной работе и специфике ее деятельности.

Неоднозначное распределение мнений у респондентов относительно утверждения о том, что в Казахстане сформировалось негативное отношение к социальным работникам, так 37,9% респондентов не согласны с данным утверждением, тогда как примерное количество респондентов,

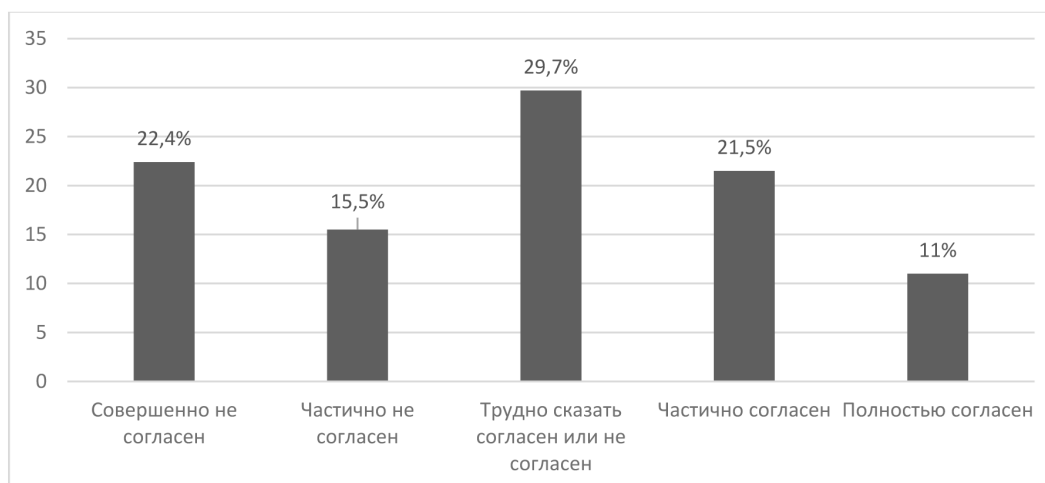

Рисунок 5 – Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что в Казахстане сформировалось негативное отношение к социальным работникам?»

напротив, согласны с данным утверждением (33,5%), затрудняются оценить свою позицию по данному утверждению 29,7% опрошенных (рисунок 5).

Среди мер, отмеченных будущими социальными работниками по улучшению общественного имиджа профессии, на первом месте стоит необходимость увеличения заработной платы, так считают 79,9% респондентов, так как престиж и

высокий статус профессии напрямую коррелируются с получаемым доходом и предоставляемыми привилегиями (рисунок 6). Сегодня социальные работники часто работают в трудных условиях за низкую заработную плату, вместе с тем им не предоставляются достаточных гарантий и стимулов. На сегодняшний день студенты социальной работы считают, что также важным является проведение политики формирования позитивного имиджа

Рисунок 6 – Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, что необходимо сделать для улучшения общественного имиджа профессии социального работника?»

(социальные ролики, фильмы и т.д.) в СМИ и социальных сетях (65,8%), а также фокусирование внимания на распространении социальной работы в сельской местности (32,9%).

В свою очередь, после окончания вуза по специальности «Социальная работа» планы

респондентов неоднозначны. Так, большинство респондентов планирует продолжить обучение в магистратуре, но по другой специальности (28,9%), 25,7% респондентов планируют работать по специальности в управлениях социальной защиты населения, 21,1% опрошен-

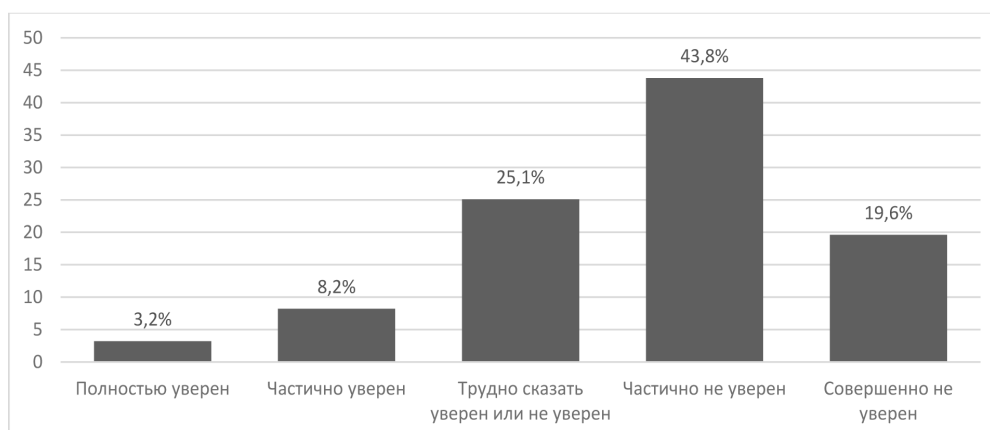

Рисунок 7 – Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы уверены в своем успешном трудоустройстве по выбранной специальности?»

ных планируют продолжить обучение в области социальной работы, 19,3% планируют работать в другой области, и только 11,5% планируют работать именно социальным работником.

Одним из факторов, влияющих не только на формирование общественного восприятия социальной работы, но и на выбор ее в качестве своей будущей профессии абитуриентами, помимо получаемого дохода и условий труда, является возможность успешного трудоустройства после окончания вуза. Сегодня большинство студентов, обучающихся по специальности «Социальная работа», не уверены в своем успешном трудоустройстве по выбранной специальности (43,8% частично не уверены, 19,6% совершенно не уверены), тогда как 25,1 % затруднились оценить шансы на трудоустройство после окончания вуза (рисунок 7).

Заключение

Таким образом, необходимость создания позитивного имиджа социальной работы и социального работника актуализирует вопрос об изучении основных источников влияния на формирование общественного восприятия, так как это восприятие и формирует профессию в течение длительного периода времени, соответственно, может способствовать набору талантливых молодых людей, выбирающих профессию социального работника в будущем.

Результаты исследований показывают, что обучение через служение обществу в средних школах до поступления в вузы и колледжи является значительным рычагом влияния и имеет возможность способствовать распространению достоверной информации о социальной работе, формированию понимания специфики ее деятельности и выбору ее как профессии будущего, что вместе в совокупности приводит к созданию позитивного имиджа профессии. Вместе с тем, крайне важным является распространение информации среди абитуриентов, студентов других специальностей, так как именно в этот период формируются установки о профессиях, действующие на протяжении всей дальнейшей жизни. Опрос обучающихся по социальной работе показал, что многие студенты не являются по своей природе эмпатичными, они не нацелены на личностный и профессиональный рост, поскольку выбранная ими специальность является «случайной» и не обеспечивает, по мнению большинства, перспективы карьерного роста.

Обладая достоверной информацией о специ-

фике, о ценностном фундаменте и о ресурсных и финансовых возможностях в рамках данной специальности, каждый практикующий социальный работник, студент должен занять проактивную позицию и внести свой индивидуальный вклад в распространении достоверной информации среди общественности и среди своего ближайшего окружения в повседневной жизни. В то же время, профессиональные социальные работники в процессе формирования более реалистичного имиджа в масс-медиа и распространения информации о своей деятельности сталкиваются с вопросами соблюдения принципов конфиденциальности клиента, принципов корпоративной культуры организации, что значительно осложняет их участие в создании благоприятного общественного восприятия социальной работы.

В процессе создания интегративной модели с учетом внутренних и внешних факторов различных уровней, формирующих общественное восприятие социальной работы и социальных работников, становится очевидным, что социальные работники сами являются ответственными за распространение достоверной информации о своей профессии и услугах, не только в прямой, но и в косвенной практике с сообществами и организациями.

В целом, следует сделать вывод о том, что социальные работники должны занять лидирующие позиции в просвещении общественности о профессии и ее особенностях. Утвердительно мнение большинства респондентов относительно того, что социальная работа – это основанная на практике профессия и академическая дисциплина, которая способствует социальным изменениям и развитию, социальной сплоченности, расширению прав и возможностей и освобождению людей. Принципы социальной справедливости, прав человека, коллективной ответственности и уважения разнообразия являются центральными в социальной работе. Опираясь на теории социальных и гуманитарных социальная работа привлекает людей и структуры для решения жизненных проблем и повышения благосостояния.

Социальные работники также должны заявить о своей миссии и мандате на государственной политической арене, так как общественность должна быть проинформирована о социальной работе как профессии, которая дает возможность предотвратить насилие, социальную несправедливость и создать адекватную социальную политику, направленную на решение вопросов социально-уязвимых

слоев населения. Позитивное понимание и восприятие социальной работы в казахстанском обществе формируют широкую общественную поддержку, которая в свою очередь способствует

достижению профессиональных целей данной профессии, развитию социальной работы как профессии и укреплению как академической дисциплины в университетах.

Литература

- Agresta J. Professional role perceptions of school social workers, psychologists, and counselors // *Children and Schools*. – 2004. – №26 (3). – P. 151-163.
- Biggerstaff M. Development and validation of the Social Work Career Influence Questionnaire // *Research on Social Work Practice*. -№10. – P.34–54.
- Brawley E. A. Mass media. in R. L. Edwards (Ed.-in-Chief), *Encyclopedia of social work*, 19th ed. Vol. 2, Washington, DC: NASW Press. – 1995. – P. 1674–1682.
- Comley M. All in a day's work // *New Statesman and Society*. – 1985. – №109. – P. 21–23.
- Condie C.D., Hanson J.A., Lang N.E., Moss D.K., Kane R.A. How the Public Views Social Work // *Social Work*. -1978. - №23. – P. 47–53.
- Corvo K., Selmi P., Montemaro S.M. Icons of Conformity: The Marketing of Social Work Education // *Journal of Community Practice*. – 2003. – №11 (1). – P. 85–99.
- Dennison S.T., Poole J., Qaqish B. Students' Perceptions of Social Work: Implications for Strengthening the Image of Social Work among College Students // *Social Work*. – 2007. – №52(4). – P.350–360.
- Doelling C. N. *Social Work Career Development A Handbook for Job Hunting and Career Planning*, 2nd Edition. NASW press, 2005. – 238 p.
- Jones L. K. Better wages for social workers—Why not? // *Social Work Today*. – 2005. - July/August). – P. 32–36.
- Le-Doux C. Career patterns of African-American and Hispanic social work doctorates and ABDs // *Journal of Social Work Education*. – 1996. -№32. – P. 245–252.
- LeCroy C., Stinson E. The public's perception of social work: Is it what we think it is? // *Social Work*. – 2004. – №49(2). – P.164-174.
- Olin J. The Public and the Profession's Perception of Social Work // *Columbia Social Work Review*. -2013. №4(1). – P. 92–102.
- Staniforth B., Fouché C., O'Brien M. Still doing what we do: Defining social work in the 21st century // *Journal of Social Work*. – 2011. -№11(2). – P.191-208.
- Staniforth, B., Fouché, C., Beddoe, L. 'Public Perception of Social Work and Social Workers in Aotearoa New Zealand', *Aotearoa New Zealand Social Work*, 2014. no. 26(2–3), pp. 48–60.
- Tower K. In our own image: Shaping attitudes about social work through television production // *Social Work Education*. – 2000. – №36. – P.575–585.
- Кампания по просвещению о социальной работе. Сайт фонда национальной ассоциации социальных работников [Электронный ресурс] // <https://www.naswfoundation.org/Our-Work/Social-Work-Public-Education-Campaign> (дата обращения: 07.04.2019).
- Тулбаев Н.Н., Абдирайымова Г.С. Профессиональный статус социальной работы и социальных работников: анализ общественного восприятия // *Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия Психологии и социологии*. – 2019. №1(68).

References

- Agresta, J. (2004) Professional role perceptions of school social workers, psychologists, and counselors, *Children & Schools*, no. 26(3), pp.151-163.
- Biggerstaff, M. (2000). Development and validation of the Social Work Career Influence Questionnaire. *Research on Social Work Practice*, no.10, pp. 34–54.
- Brawley, E. A. (1995). Mass media. In R. L. Edwards (Ed.-in-Chief), *Encyclopedia of social work* (19th ed., Vol. 2, pp. 1674–1682). Washington, DC: NASW Press.
- Comley, M. (1985). All in a day's work. *New Statesman and Society*, no. 109, 21–23.
- Condie, C.D., Hanson, J.A., Lang, N.E., Moss, D.K., Kane, R.A. (1978) 'How the Public Views Social Work', *Social Work*, no.23, pp. 47–53.
- Corvo, K., Selmi, P., Montemaro, S.M. (2003) 'Icons of Conformity: The Marketing of Social Work Education', *Journal of Community Practice*, no. 11(1), pp. 85–99.
- Dennison, S.T., Poole, J., Qaqish, B. (2007) 'Students' Perceptions of Social Work: Implications for Strengthening the Image of Social Work among College Students', *Social Work*, no.52(4), pp. 350–60.
- Doelling, C. N. (2005) *Social Work Career Development: A Handbook for Job Hunting and Career Planning*, 2nd ed. NASW press.
- Jones, L. K. (2005, July/August). Better wages for social workers—Why not?, *Social Work Today*, pp. 32–36.
- Kampania po prosvyashneiu o sotsialnoi rabote [Social Work Public Education Campaign]. Sait fonda natsionalnoy associacii

sotsialnih rabotnikov [web-page of the foundation of national association of social workers]. URL: <https://www.naswfoundation.org/Our-Work/Social-Work-Public-Education-Campaign>(retrieved: 07.04.2019).

Le-Doux, C. (1996). Career patterns of African-American and Hispanic social work doctorates and ABDs, *Journal of Social Work Education*, no. 32, pp. 245–252.

LeCroy, C., Stinson, E. (2004). ‘The public’s perception of social work: Is it what we think it is?’ *Social Work*, no.49(2), pp. 164-174.

Olin, J. (2013) ‘The Public and the Profession’s Perception of Social Work’, *Columbia Social Work Review* no.4(1), pp. 92–102.

Staniforth, B., Fouché, C., & O’Brien, M. (2011). ‘Still doing what we do: Defining social work in the 21st century’, *Journal of Social Work*, no. 11(2), pp. 191-208.

Staniforth, B., Fouché, C., Beddoe, L. (2014) ‘Public Perception of Social Work and Social Workers in Aotearoa New Zealand’, *Aotearoa New Zealand Social Work*, no. 26(2–3), pp. 48–60.

Tower, K. (2000). In our own image: Shaping attitudes about social work through television production, *Social Work Education*, no.36, pp. 575–585.

Tulebayev, N.N.; Abdiraïymova, G.S. Professional’nyy status sotsial’noy raboty i sotsial’nykh rabotnikov: analiz obshchestvennogo vospriyatiya [professional status of social work and social workers: an analysis of public perception] *KazNU Herald. Psychology and sociology series*. No. 1, Vol. 68. 2019. To be published.

Садырова М.С.¹, Нуран Д.Н.²

¹д.соц.н., проф. кафедры социологии и социальной работы, e-mail: msadirova58@gmail.com

² PhD докторант, 2-курс «Социальная работа», e-mail: dinara386@mail.ru
Казахский Национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

РАЗВИТИЕ ОБЩЕНИЯ НЕЗРЯЧЕЙ МАТЕРИ И РЕБЕНКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе результатов монографического исследования авторы анализируют специфику общения незрячей матери и ребенка. В данной статье рассматривается специфика взаимоотношения слепой матери и зрячего ребенка. Как и зрячие женщины, слепые женщины заботятся о своих собственных детях. Цель данной статьи анализировать факторы влияющие на успешную адаптацию слепых женщин к материнству. Научная значимость предложенной темы заключается в том, что в Казахстане проблема незрячих матерей недостаточно изучена. А практическая значимость данной статьи заключается в том, что дается методика составления технологии с незрячими матерями.

Сравнительный анализ показывает, что для слепых матерей такие простые действия, как грудное вскармливание, купание, прогулка, кормление и прием лекарств, приобретают некоторые сложности, даже порождают стресс и неуверенность в отношении ухода за детьми. Слепые матери в коммуникации с ребенком нуждаются в помощи третьего лица. Авторы, выделяя основные формы контакта с ребенком незрячей матери, пришли к выводу, что у незрячей матери становление непосредственно-эмоционального общения затруднено, что отражается на темпе и качественных особенностях их психического развития.

Незрячие женщины, несмотря на свою слепоту, не имея зрительного контакта при общении с ребенком, стараются использовать все необходимые виды вербальной и невербальной коммуникации. По проведенным исследованиям по этой проблематике можем выявить коммуникативные особенности общения незрячей матери и ребенка. В данном исследовании были приняты теоретические основы поддержки вербальной и невербальной коммуникации.

Проблема адаптации к материнству незрячих женщин в казахстанской науке рассматривается впервые.

Ключевые слова: слепота, незрячие матери, коммуникация, общение незрячей матери и ребенка.

Sadyrova M.S.¹, Nuran D.N.²

¹doctor of sociology science, prof. of the department of sociology and social work, e-mail: msadirova58@gmail.com

²PhD doctoral student of «Social work», al-Farabi Kazakh National University;
Kazakhstan, Almaty, e-mail: dinara386@mail.ru

The development of communication between blind mother and visual child: research problem statement

The Authors of the article analyze the specifics of communication of Blind mother and Child on the basis of results of a monographic research. The article is concerned with the specifics of relationship of Blind mother and Sighted child. As well as Sighted women, Blind women care for own children. The purpose of this article to analyze the factors influencing successful adaptation of Blind women to motherhood. The scientific significance of the proposed topic lies in the fact that in Kazakhstan's reality, the problem of blind mothers is not sufficiently investigated. And the practical significance of this article is to give the method of compiling technology with Blind mothers.

A comparative analysis shows that for Blind mothers such simple actions as breastfeeding, bathing, walking, feeding and taking medications, get some difficulties, even generate stress and uncertainty regarding child care. Blind mothers in communication with the child need the help of the third person. The

authors, highlighting the main forms of contact with a child with a Blind mother, have concluded that it is difficult for a blind mother to develop direct emotional communication, which is reflected in the pace and qualitative characteristics of their mental development.

Despite the blindness of the Blind women, without having visual contact at communication with the child, they try to use all necessary types of verbal and nonverbal communication. According to the research conducted on this issue, we can identify communication features of communication between blind mothers and children. In this study, the theoretical foundations of supporting verbal and non-verbal communication were adopted.

The problem of adaptation to motherhood of blind women in Kazakhstan science is considered for the first time.

Key words: blindness, blind mothers, communication, communication between blind mother and child.

Садырова М.С.¹, Нуран Д.Н.²

¹әлеуметтану ғылымының докторы, әлеуметтану және әлеуметтік жұмыс кафедрасының профессоры, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: msadirova58@gmail.com

²«әлеуметтік жұмыс» мамандығының 2-курс PhD докторанты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: dinara386@mail.ru

Зағип ана мен қалыпты көретін баланың қарым-қатынасының дамуы: зерттеу мәселесінің қойылуы

Монографиялық зерттеулердің нәтижелері негізінде авторлар зағип ана мен баланың қарым-қатынасының ерекшеліктерін талдайды. Берілген мақалада соқыр ана мен көзі көретін баланың өзара байланысының өзгешелігі қарастырылған. Зағип әйелдер де көзі көретін әйелдер сияқты өздерінің балаларына қамқорлық етеді. Мақаланың мақсаты зағип аналардың аналыққа табысты бейімделуіне ықпал ететін факторларды талдау болып табылады. Тақырыптың ғылыми маңыздылығы Қазақстандық шынайылықта зағип аналар мәселесінің жеткілікті зерттелмеуінде. Ал мақаланың тәжірибелік маңыздылығы зағип аналардың балаларымен жұмыс жасауда технология құру әдісін ұсыну болып табылады.

Салыстырмалы талдаулардың нәтижелері көрсеткендей, зағип аналар үшін омыраумен емгізу, шомылдыру, далада қыдырту, тамақтандыру және қажетті дәрі-дәрмектерін беру сияқты қарапайым қимылдар біршама қиындықтар тудырады, тіпті осылардың салдарынан балаларына күтім жасауда сенімсіздік пен күйзеліске ұшырайды. Зағип аналар баласымен коммуникация барысында үшінші жақтың көмегіне мұқтаж. Авторлар зағип ана мен бала байланысының негізгі түрлерін көрсете отырып, зағип аналардың тікелей эмоционалды қарым-қатынас қиындығына ұшырайды деген тоқтамға келіп отыр.

Зағип аналар өздерінің соқырлықтарына, баламен қарым-қатынаста көзбен көру мүмкіндігінің болмауына қарамастан вербалды және вербалды емес коммуникацияның қажетті барлық түрлерін қолдануға тырысады. Осы мәселе бойынша жүргізілген зерттеулер бойынша зағип ана мен баланың қарым-қатынасының коммуникациялық ерекшеліктерін айқындай аламыз. Бұл зерттеуде вербалды және вербалды емес коммуникацияны қолдаудың теориялық негіздері келтірілген.

Зағип аналардың аналыққа бейімделу мәселесі Қазақстанда бірінші рет қарастырылуда.

Түйін сөздер: соқырлық, зағип аналар, коммуникация, зағип ана мен баланың қарым-қатынасы.

Введение

Процесс модернизации социальной работы в РК требует особого внимания к вопросам создания эффективных социальных технологии взаимодействия незрячей матери и ребенка. Актуальность темы заключается в том, что соответствует государственной политике РК в сфере социальной защиты инвалидов, которые предполагают профилактику инвалидности; социальную защиту, в том числе реабилитацию инвалидов; и интеграцию инвалидов в общество.

Однако, на сегодняшний день нет ни практики оказывания различного рода услуг людям с

ограниченными возможностями здоровья, нет ни ученых, не занимающихся проблемами, существующими в семьях, в которых родители имеют инвалидность по зрению. Тогда как нарушения зрения у родителей и отсутствие действенной комплексной помощи таким семьям, безусловно, не может не сказываться на качестве жизни детей, воспитывающихся в таких семьях. Незрячие матери являются новым объектом исследования в социальной работе.

Цель работы связана с характеристикой социальной работы, направленной на преодоление трудностей в коммуникации незрячей матери и ребенка.

Задачи:

- сопоставительный анализ теории коммуникации в ракурсе общения незрячей матерей и ребенка;
- описать особенности поведения матери в общении с ребенком;
- сравнительный анализ проведенных исследований зарубежом и в России;
- характеризовать основные формы и трудности в процессе коммуникации незрячей матерей и ребенка;
- дать рекомендации по адаптации к материнству незрячей женщины.

Методы исследования: при написании статьи использованы монографический метод, метод системного и факторного анализа, наблюдение за взаимодействием между матерью и ребенком и обобщения литературных данных по теме исследования.

Гипотеза:

- условием развития общения незрячей матери и ребенка является наличие коммуникативных умений;
- общение незрячей матери и ребенка обусловлено качеством социализации в семье и социуме;
- эффективность общения незрячей матери и ребенка зависит от поддержки социальных служб и родственников.

Материал и методы

Глаз является основным органом человека, который позволяет полноценно познать себя, окружающий мир и социализироваться в социуме. С помощью этого органа мы можем показать нашу любовь, заботу и теплоту. Как отмечает Апарна Шах, глаз является органом зрения; он играет очень важную роль не только в жизни, но и в человеческом теле, которое дает нам чувство зрения, позволяя нам узнать больше об окружающем мире. Глаз позволяет нам видеть и интерпретировать формы, цвета и размеры объекта в мире, обрабатывая свет, который они отражают или излучают. Также, глаз – самая уязвимая часть человеческого тела, которая выражает внутренние чувства, недуги тела, ума и красоту лица (Aparna Shah: Biology discussion). Потеря зрительного органа или врожденная слепота лишают человека жить полноценно в этом мире. Становясь матерью, незрячая женщина лишается от многих возможностей в общении с ребенком.

Атсуши Сенжу и другие исследователи в своих исследованиях выявили, что младен-

цы очень чувствительны к коммуникативным сигналам взрослых, так как используют зрительный контакт, с первых дней после рождения. В течение первого года зрительный контакт модулирует изучение младенцами новых лиц, способность следить за взглядом и степенью кортикальной активации во время восприятия лица (Atsushi, Senju, 2013).

В исследовании методологией изучения социальной коммуникации незрячей матери и ребенка являются теории коммуникации. Роль коммуникации играет большую роль в развитии ребенка. Коммуникация учеными определяется как процесс, который включает в себя вербальные и невербальные формы, которые отправитель использует для обмена информацией (Giselly, Oseni, Laurentino, Barbosa, 2011). Слово «вербал» происходит от латинского слова «verbum – слово». А слово коммуникация происходит от латинского слова «communicare», что в переводе означает «общения». Таким образом, из этого следует, что вербальная коммуникация означает обмен вещами посредством слов. Это могут быть информация, чувства, мысли, поддержка и воспоминания и т.д. Типы вербальной коммуникации: общение лицом к лицу, общение по телефону, службы видеочата, написание письма, проведение лекции (это ключевой пример полезности словесного общения в академическом контексте), создание объявлений, сообщения из голосовой почты (Verbal communication, 2016). А невербальное общение происходит без использования устного или письменного слова. Вместо письменных или устных слов он опирается на различные невербальные сигналы, такие как физические движения, цвета, знаки, символы, диаграммы сигналов, для того чтобы выразить чувства, отношения или информацию. Хотя в невербальной коммуникации слово не используется, но оно может эффективно передавать многие человеческие чувства более точно, чем словесные методы общения. Типы невербальной коммуникации: зрительный контакт, выражения лица, жесты, поза и ориентация тела, расстояние, близость, юмор, личный внешний вид, условное обозначение, визуальная связь.

Зрительный контакт это – важный канал межличностного общения, который помогает регулировать поток коммуникации. И это вызывает интерес у других. Также зрительный контакт выражает интерес, заботу, теплоту и доверие (Nonverbal communication).

Переходя непосредственно к общению нез-

рячей матери с ребенком, необходимо анализировать особенности коммуникативных навыков. Так как говоря о коммуникативных способностях незрячих матерей, Викки Маркер отметил, что несмотря на свою слепоту стараются быть коммуникативными своими детьми и также дополнит свои недостатки с другими заботами, как обеспечение визуальной стимуляцией для своего ребенка (Vickie Parker, Marriage and Family therapy).

Процесс становления непосредственно-эмоционального общения с ребенком может быть представлен в виде задач, последовательно решаемых матерью и ребенком. Первоначально, ребенок, присутствуя в зоне восприятия матери, становится источником наиболее значимых для нее впечатлений. Вследствие этого мать выделяет ребенка как объект восприятия и развивает поисковую активность, направленную на нее. Далее ребенок для матери становится субъектом общения.

Затем, выделяя действия матери, передаваемый ею коммуникативный смысл и поддерживая их, ребенок становится посредником в передаче культурно-фиксированных способов общения, что позволяет матери овладеть ими. По Т.П. Кудриной основным критерием оценки эффективности действия матери служит проявление в ответ активности ребенка, выраженный различными средствами (Кудрина, 2015).

В социальной работе проблема общения незрячей матерей и ребенка изучена недостаточно. В Вашингтонском университете в 2013 году было проведено исследование по данной проблематике. Для исследования исследователи разделили выборку младенцев на две группы: пять младенцев со слепой матерью и зрячим или частично зрячим отцом и 51 ребенок с двумя видящими родителями. Затем исследователи показали двум группам видео людей и сравнили взгляд младенцев слепых матерей с взглядом младенцев с видящими родителями. Они оценивали детей дважды: один раз, когда им было от 6 до 10 месяцев, и еще раз, когда детям было от 12 до 15 месяцев. Затем они оценили развитие мозга у детей в возрасте от 2 до 4 лет.

Результаты исследования показали, что дети, рожденные слепыми матерями, имеют лучшее зрительное внимание и память, чем их коллеги с видящими родителями. Также выявлено, что необходимость быстро переключаться между общением со слепыми родителями и видящим миром может на самом деле улучшить способности малышей, повышая их визуальное внимание. Слепые люди, возможно, не в состоянии

смотреть в глаза своих малышей, но они все еще взаимодействуют так же, как через звук, прикосновение и разговор. На протяжении всего исследования дети слепых матерей могли следить за взглядом человека и смотреть на лица так же, как и те, чьи матери могли видеть в сопоставимом возрасте. Результаты показали, что зрительное внимание и память дети слепых матерей действительно выступали лучше, чем их сверстники во все времена.

Основной результат исследования заключается в том, что дети слепых матерей значительно увеличили свое внимание-получение вокализации матери сверх того, что показали дети зрячих родителей (Ghose, 2013).

Российские ученые Конюхова Е. Ю. и Ларионова И. А. в проведенном исследовании в 2014 году выявили ряд проблем коммуникации между незрячей матерью и ребенком. По исследованию для всех незрячих матерей стандартными являются следующие проблемы: самостоятельная прогулка, лечение ребенка в домашних условиях (дозировка лекарств, способы приема ребенком лекарственных средств) и гигиенические процедуры (купание, чистка зубов, подстригание ногтей). Также незрячие матери отмечали, что им трудно самостоятельно знакомить детей с литературой, собирать пазлы, учить рисованию, раскрашиванию. Все незрячие матери, принявшие участие в анкетировании, выделили, что они рассказывают сказки и стихи самостоятельно и используют детскую литературу, изданную на аудионосителях. Матери указали, что зачастую очень трудно заинтересовать ребенка книгой, изданной в специальных форматах – шрифтом Л.Брайля. Также были отмечены роль современной электронной звуковой книжки и игрушки в их жизни, которые помогают в проведении развивающих занятий в домашних условиях (Конюхова, 2017:11-15).

Для сопоставительного анализа коммуникационных особенностей общения незрячей матери и ребенка, мы предпочли также рассмотреть взаимоотношения слепого ребенка и матери. Взаимоотношение слепого ребенка и матери было изучено в исследованиях Т.П. Кудриной в 2013 году. Для изучения взаимодействия использовалась **методика феноменологического анализа видеоматериалов**, разработанная в ФГНУ «ИКП РАО» (Ю.А. Разенкова, Е.Б. Айвазян, И.А. Выродова, Т.П. Кудрина, Г.Ю. Одиноква, А.В. Павлова). На цифровую видеокамеру снимались ситуации взаимодействия, игры матери с младенцем без игрушки или с

игрушкой. Исследователь предлагал матери поговорить или поиграть с младенцем так, как это происходит обычно. Никаких ограничений или рекомендаций в выборе и количестве игр исследователь не делал. Полученные видеоматериалы каждой пары были просмотрены и «разбиты» на сюжеты, *имеющие некоторую организацию в пространстве и следующие структурные характеристики: начало (иницирование), продолжение общения и завершение*. В каждом эпизоде были выделены феномены, которые анализировались и оценивались как «эффективные» и «неэффективные». Основным критерием оценки эффективности действий близкого взрослого служила проявленная в ответ активность ребенка, выраженная различными средствами. «Ответы» младенца на стимуляцию матери могли проявляться в вегетативных, эмоциональных, речевых и двигательных реакциях. Возникновение внимания у слепого младенца выражалось слуховым сосредоточением, двигательным замиранием, изменением поведения в виде прекращения плача, улыбки, усиления или прекращения сосания соски. Активность проявлялась через голосовые, положительно окрашенные эмоциональные реакции, направленные действия (протягивание рук к матери, к игрушке, повороты и перевороты к близкому взрослому или предложенному им предмету), мимические реакции (вытягивание губ), движения головой (Кудрина, 2016).

Исследования показали важность вербальных и невербальных форм коммуникации и для незрячей матери, и для незрячего ребенка.

Результаты и обсуждение

По проведенным исследованиям И. Биалистока было выявлено, что полиязычные дети показали более эффективные результаты зрительного контакта и реакции на внешние средства коммуникации. А моноязычные дети коммуникацию воспринимают через зрительный контакт, т.е. ребенок через зрительную реакцию показывает непонимание лексики другого языка (Bialystok, Craik, 2010.). Здесь необходимо отметить особенности незрячей матери, которая не может полноценно использовать невербальные формы коммуникации. Нами также выявлено, что среда социализации ребенка оказывает сильное влияние на использование детьми зрительных форм контакта. Особенно дети, которые воспитываются в детских домах, получают мало зрительного контакта или социального взаимодействия отстают в развитии и адаптации со-

циальной среде. Этот факт подтверждается выше анализированным исследованием (Senju, 2013).

Исследованиями было обнаружено, что слепая мать и слепой ребенок имеют идентичные проблемы и идентичную реакцию на коммуникативные вызовы окужающей среды. Выявлен основной недостаток в коммуникации незрячей матери, как медленная реакция эмоционального общения, которая является особенностью психологического развития. Данная проблема показывает недостаток обучения незрячей матери к коммуникативным технологиям общения с ребенком.

Актуальной проблемой в социальной работе с незрячими матерями является выявление основных индикаторов, определяющих структуру и характер коммуникации незрячей матери и ребенка. Нами выделены следующие индикаторы, определяющие коммуникацию незрячей матери и ребенка как особенности развития, возможности социальной среды для коммуникации, социально-психологические, личностно-эмоциональные и социально-экономические возможности незрячих матерей.

Обобщая результаты исследования, предлагаем следующие методы коммуникации при общении незрячей матери и зрячего ребенка: использование мимики и жестукуляции, использовать предметы, игрушки и другие материальные средства для коммуникации, телесные формы коммуникации как объятие, поцелуй, приближение, прикосновение и т.д. Важную роль играют, также вербальные формы коммуникации как общение, разговоры, рассказы, беседа, обсуждение, объяснение. Этот факт подтверждается результатами исследования зарубежным исследователем Гизелью Барбосой. Ею подчеркивается, что хотя мать без зрения, взаимодействия с ребенком были пронизаны физическим контактом, включая прикосновение, ласки и тактильные отношения. Подчеркиваются также следующие моменты: жесты, продемонстрированные матерью, не дополняли ее устный язык, что представляет собой потерю в ее невербальном общении (Oseni, Barbosa, 2011).

Проводя исследования, Т.П. Кудрина выявила существенную проблему общения матери и ребенка. Зрячие и незрячие матери меньше уделяют внимания вербальным аспектам коммуникации с ребенком. Проблема незрячей матери понятна. Они часто используют вербальные формы общения для компенсации зрительного контакта, также они часто прибегают к телесным контактам с ребенком. Здесь необходимо

отметить, что они недостаточно используют мимику и жесты в зрительном контакте с ребенком. Но по исследованиям Т.П. Кудриной, лишь 36% зрячих матерей использовали эмоционально насыщенные игры или ласковый «разговор» с ребенком (Кудрина, 2015). Можно сделать вывод, что эмоциональному общению незрячей матери и ребенка необходимо уделять внимание, т.е. проводить тренинги, создавать технологии социально-психологического и эмоционального общения.

При общении незрячей матери и ребенка большую роль играет возраст ребенка. Ребенок до трех лет не осознает слепоту матери. В этот период телесный контакт и дыхания, запах, вибрация или потоки воздуха, нежные прикосновения губ, носа играют в контакте и принятии матери ребенком. Как отметили российские ученые, благодаря такому близкому контакту младенец быстро откликнулся, проявлял интерес к инициативам матери, поддерживал взаимодействие и не стремился его прервать. Таким образом, оптимальным для развивающего взаимодействия является такая организация пространства, при которой слепой ребенок максимально полно будет способен воспринимать лицо матери сохранными органами чувств (Кудрина, 2015). Незрячие матери должны знать, что младенцы реагируют и удерживают внимание к инициативам матери, когда она доступна восприятию младенца (находится близко), тактильно поддерживает свое обращение к ребенку и при этом ключевые характеристики ее речи (экспрессия, интонация, тембр, темп, паузы, предваряющие высказывание) позволяют обращению четко выделиться из окружающего ребенка шумового фона. Следовательно, незрячих матерей мы должны учить более активному и тесному общению с ребенком. В этом заключается специфика незрячей матери с ребенком.

Только начиная с трех лет ребенок начинает понимать, что у матери нету реакции на его визуальные формы действия. В этот период необходимо проводить социальную работу с ребенком и другими членами семьи, для объяснения особенности взаимоотношения с матерью целью которую является формировать чувство ответственности и лидерство в отношении с матерью. Задачей данной работы должна быть повысить инициативу и активность ребенка в общении с незрячей матерью. Ребенок должен перейти на активную форму проявления своих потребности через вербальные и невербальные формы коммуникации.

Однако эффективность общения незрячей

матери и ребенка в основном зависит от личностных характеристик матери и ребенка. В этих случаях стоит обратить внимание на гиперактивность или пассивность, безразличие ребенка, а также учитывать специфику темперамента и отношение к материнству женщины.

Также дистанция между матерью и ребенком влияет на результат успешной коммуникации между ними. Ребенок, находясь в объятии матери, чувствует пространство близкого человека и защищенность от внешних воздействий. Материнский инстинкт в этом отношении помогает женщине полноценно почувствовать себя матерью и ответственность не только за себя, но и за жизнь ребенка.

Особую важность имеет подготовка доступного пространства для молодой незрячей матери, суть которого заключается в подготовке максимально удобной обстановке и расположении мебели и вещей в квартире или дома с учетом слепоты и защищенности незрячей женщины. С другой стороны, социальное пространство должно быть безопасным для младенца. В решении этой задачи должны активно включаться социальный работник и близкие люди.

Также, по мнению Е.Ю. Конюховой, родители, несмотря на свою слепоту, сами должны воспитывать своего ребенка. Некоторые, боясь трудностей по уходу, кормлению и воспитанию младенца или не желая себя слишком обременять, передают ребенка на попечение бабушки, живущей отдельно. В этом случае ребенок отвыкает от родителей. Он не чувствует материнского тепла и ласки. Он не воспринимает их ни как своих родителей, ни как воспитателей, а самое главное, не складываются искренние, доверительные отношения. В дальнейшем такой ребенок обычно стесняется перед окружающими слепоты своих родителей. В этой связи специалисту важно разъяснить близким людям, в каких именно случаях их помощь требуется, а когда незрячие родители могут справиться со своими обязанностями самостоятельно (Конюхова, 2014: 224). Только тесная связь между ребенком и матери является залогом успешного взаимопонимания в дальнейшем.

Заключение

В практике социальной работы в Казахстане недостаточно уделяется внимание проблемам незрячих матерей. Незрячая женщина, как и любая женщина, хочет полноценно почувствовать все социальные роли, которые

предназначены всем женщинам. Но из-за потери зрения с рождения или по другим причинам женщина делается уязвимой, беззащитной, это проявляется комплексом неполноценности, апатией, депрессией и неуверенностью в своих возможностях. Следовательно, незрячая женщина является особым объектом социальной работы. Требуется создание теоретических основ и практических технологий социальной работы незрячими женщинами. Даже зарубежом мало исследований и практического опыта по данной проблеме. Только в медицине достаточно изучена проблема инвалидов по зрению.

Проблема незрячих матерей касается не только их, но и ближайшего окружения. Можно выделить супруга, родителей, друзей, социальных работников, психологов, медиков, работников сферы образования и воспитания. Выше выделенные социальные группы помогают осуществлению эффективного контакта незрячей матери с ребенком и помогают женщине в становлении матерью.

Как выше сказано, основными проблемами развития общения незрячей матери и ребенка являются:

- неполноценное использование невербальных форм коммуникации;
- медленная реакция эмоционального общения, которая является особенностью психологического развития;
- влияние комфортности социальной среды для их коммуникации, социально-психологические, личностно-эмоциональные и социально-экономические возможности незрячих матерей;
- незрячие матери меньше уделяют внимания вербальным аспектам коммуникации с ребенком;
- недостаточно используют мимику и жесты в зрительном контакте с ребенком;
- не всегда учитываются матерью важность контактирования между ею и ребенком как результат коммуникации.

Для решения этих проблем нами были пред-

ложены следующие рекомендации:

- обучение незрячих матерей к коммуникативным технологиям общения с ребенком;
- в социальной работе с незрячими матерями необходимо учитывать индикаторы как особенности развития, возможности социальной среды для коммуникации, социально-психологические, личностно-эмоциональные и социально-экономические возможности незрячих матерей;
- предлагаются при общении незрячей матери и зрячего ребенка следующие методы коммуникации, как использование мимики и жестукуляции, предметов, игрушек и других материальных средств для коммуникации, телесные формы коммуникации как объятие, поцелуй, приближение, прикосновение и т.д. Важную роль играют также вербальные формы коммуникации как общение, разговоры, рассказы, беседа, обсуждение, объяснение;
- в социальной работе с данной группой женщин рекомендуется обращать внимание на эмоциональное общение незрячей матери и ребенка. Предлагается проводить тренинги, создавать технологии социально-психологического и эмоционального общения;
- предлагается социальному работнику уделять внимание возрасту ребенка незрячей матери и учитывать их возрастную специфику;
- создание оптимального взаимодействия между незрячей матерью и ребенком способствует формированию благоприятных отношений между ними;
- целью социальных технологий для незрячих матерей должна быть необходимость повышение коммуникативной активности матери и ребенка с учетом их возрастных особенностей;
- социальная работа должна вестись не только с незрячими матерями, но и с ребенком, отцом, с родственниками и другими социальными институтами, с которыми они взаимодействуют.

References

- Aparna Shah. Role of Eye in Human Body (With Diagram). Biology discussion. <http://www.biologydiscussion.com/articles/sense-organs-and-endocrine-system-of-human-body-with-diagram/2286>
- Atsushi Senju, Leslie Tucker, Greg Pasco, Kristelle Hudry, Mayada Elsabbagh, Tony Charman, Mark H. Johnson. The importance of the eyes: communication skills in infants of blind parents // *Proceedings of the royal society B*. 2013. DOI: 10.1098/rspb.2013.0436
- Giselly Oseni Laurentino BarbosaI; Luana Duarte WanderleyI; Paula Marciana Pinheiro de OliveiraII; Cristiana Brasil de Almeida RebouçasIII; Paulo César de AlmeidaIV; Lorita Marlena Freitag Pagliuca. Verbal and nonverbal communication of a blind mother with limited dexterity during infant feeding. *Acta paul. enferm.* vol.24 no.5 São Paulo 2011 <http://dx.doi.org/10.1590/S0103-21002011000500011>

Verbal communication: Meaning, Importance, Types, Examples. On November 9, 2016 By Various Contributors. <https://www.importantindia.com/24327/verbal-communication-meaning-importance-types-examples/>

Nonverbal communication: Definition, Types, Importance (Explained). <https://iedunote.com/nonverbal-communication>

Vickie Parker. Visually Impaired parents raising sighted children. Marriage and Family therapy. <http://www.vickieparkermft.com/viparents.php>

Кудрина Т.П. Преодоление трудностей в развитии общения матери и слепого младенца./Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – М., 2015

Tia Ghose. Babies of Blind Moms Excel in Vision Tests. 2013.

<https://www.livescience.com/28585-sighted-babies-better-visual-abilities.html>

Конюхова Е.Ю., Ларионова И.А. Социальная работа с незрячими и слабовидящими родителями детей младенческого и раннего возраста. – Екатеринбург, 2017. – 53 с.

Кудрина Т.П. Мать и слепой недоношенный младенец: особенности взаимодействия // Альманах «Дефектология. Развитие традиций отечественной научной школы». 26/2016. №26

Bialystok E& Craik FIM. 2010.Cognitive and linguistic processing in the bilingual mind. Curr.Dir.Psychol. Sci. 19.

Конюхова Е. Ю., Ларионова И. А. Воспитание и раннее развитие нормально видящих детей незрячими родителями: проблемы и пути развития // Педагогическое образование в России. – 2014. –№ 4. – С. 222-225.

References

Aparna Shah. Role of Eye in Human Body (With Diagram). Biology discussion. <http://www.biologydiscussion.com/human-body/eye/role-of-eye-in-human-body-with-diagram/25180>

Atsushi Senju, Leslie Tucker, Greg Pasco, Kristelle Hudry, Mayada Elsabbagh, Tony Charman, Mark H. Johnson (2013). The importance of the eyes: communication skills in infants of blind parents.Proceedings of the royal society B.. DOI: 10.1098/rspb.2013.0436

Bialystok E& Craik FIM (2010).Cognitive and linguistic processing in the bilingual mind.Curr.Dir.Psychol. Sci. 19.

Konyuhova E. YU., Larionova I. A. (2014) Vosпитание i rannee razvitiye normal'no vidyashchih detej nezryachimi roditelyami: problemy i puti razvitiya [Upbringing and early development of normally seeing children by blind parents: problems and ways of development] Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. no.4, pp. 222-225.

Konyuhova E.YU., Larionova I.A. (2017) Social'naya rabota s nezryachimi i slabovidyashchimi roditelyami detej mladencheskogo i ranнего vozrasta [Social work with blind and visually impaired parents of infants and young children]. Ekaterinburg, pp. 53.

Kudrina T.P. (2015) Preodolenie trudnostej v razviti obshchenie materi i slepogo mladenca [Overcoming difficulties in the development of communication mother and a blind baby]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk

Kudrina T.P. (2016) Mat' i slepoj nedonoshennyj mladenec: osobennosti vzaimodejstviya [Mother and blind premature infant: interaction features]. Al'manah "Defektologiya. Razvitiye tradicij otechestvennoj nauchnoj shkoly" no. 6.

Giselly Oseni Laurentino Barbosa (2011). Verbal and nonverbal communication of a blind mother with limited dexterity during infant feeding / Acta paul. enferm. São Paulo. vol.24, no.5.

Nonverbal communication: Definition, Types, Importance (Explained). <https://iedunote.com/nonverbal-communication>

Tia Ghose. Babies of Blind Moms Excel in Vision Tests. <https://www.livescience.com/28585-sighted-babies-better-visual-abilities.html>

Verbal communication: Meaning, Importance, Types, Examples. On November 9, 2016 By Various Contributors. <https://www.importantindia.com/24327/verbal-communication-meaning-importance-types-examples/>

Vickie Parker. Visually Impaired parents raising sighted children. Marriage and Family therapy. <http://www.vickieparkermft.com/viparents.php>

3-бөлім
ШЕТЕЛДІК ӘРІШТЕСТЕРДІҢ МАҚАЛАЛАРЫ

Раздел 3
СТАТЬИ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

Section 3
ARTICLES OF FOREIGN COLLEAGUES

Бикадамова А.К.¹, HorstKonradReschke.², Токсанбаева Н.К.³, Токсанбаева Н.Б.⁴

¹PhD докторант, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: anarmilitary@mail.ru

²психология ғылымының докторы, Лейпциг Университетінің профессоры,
Германия, Лейпциг қ., e-mail: reschke@rz.uni-leipzig.de

³психология ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: n.toksanbaeva@mail.ru

⁴жалпы және қолданбалы психология кафедрасының оқытушысы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: nazka94@bk.ru

ЕМТИХАН АЛДЫНДАҒЫ ҚОРҚЫНЫШТАН ШЫҒУДЫҢ ЖОЛДАРЫ

Баршамызға белгілі жоғары оқу орындарында оқитын студенттерде емтихан алдында стресс, қорқыныш сезімдері жиі кездесетін мәселе. Бұндай тұжырымға осыған дейін студенттердің стресстік күйлерінің деңгейін анықтау үшін алғашқы тәжірибені жүргізгеннен кейін келген едік. Ал бұл мақалада тақырыпқа деген феномальдық көзқараспен емтихан алдындағы қорқыныш мәселесі көрсетілген. Неміс ғалымдары Фем мен Фидрихтың «Prüfungsangst» ғылыми еңбегіндегі сараптамаларды, әдістемелерді негізге ала отырып, емтихан алдындағы қорқыныштың үлгісінен кейін бұндай күйден шығуға көмектесетін кеңес беру үдерісіне мысал ретінде, тәжірибеде төрт әдіс туралы түсінік береді (психодрама, кернеу, Цюрих ресурстық үлгілері және ішкі топпен жұмыс істеу). Сол әдістердің бастапқы үшеуі жайлы таныстыра отырып, жағдайлық факторларды бейімдеу және іске қосудан басқа (емтихан шарттары) тиісті емтихандық қорқыныштың пайда болуына ықпал ететіні жайлы және жоғары оқу орындарында емтихан тапсыру үшін оқуды жетілдіру бойынша ұсыныстар беріледі. Мақалада оқу жетекшісі педагогикалық-психологиялық немесе психологиялық кеңес беріп, оны өз еркімен қолдана алатыны және оқуға байланысты жеке сұрақтарымен бірге тегін оқуды қолдап, соны қамқорлыққа алғаны анағұрлым тиімді екені дәріптеледі.

Түйін сөздер: емтихан қорқынышы, емтихан қорқынышын зерттей отырып, кеңес беру, емтихан қорқынышының этиологиясы, психодрама, кернеу, Цюрихтің ресурстық моделі, ішкі топ, жоғары оқу орындарындағы емтиханға дайын болу жағдайлары.

Bikadamova A.K.¹, Horst Konrad Reschke.², Toksanbaeva N.K.³, Toxanbayeva N.B.⁴

¹PhD student, Kazakh National University named after al-Farabi, Kazakhstan, Almaty, e-mail: anarmilitary@mail.ru

²Doctor of Psychology, Professor at the University of Leipzig, Germany, Leipzig, e-mail: reschke@rz.uni-leipzig.de

³doctor of psychological science, Professor, Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: n.toksanbaeva@mail.ru

⁴Kazakh National University named after al-Farabi, lector of the Department of General and applied psychology,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: nazka94@bk.ru

Overcoming test anxiety

In student counseling at the universities, test anxiety is a frequent issue. In this article, following a phenomenological description of test anxiety, it will be demonstrated that, in addition to being a clinically relevant disorder, test anxiety can also represent an adequate response to the given situation. With reference to the model of test anxiety postulated by Fehm & Fydrich, the authors counseling process using two exemplary case studies, thereby providing insight into four therapeutic techniques utilized in their practice (psychodrama, tapping acupressure, the Zurich Resource Model, as well as working with the «inner team»). The authors demonstrated that, that in addition to predisposition and triggers, factors inherent in the test situation itself can contribute to a realistic degree of test anxiety and offer preliminary considerations for developing examination conditions at universities which contribute to learning.

Key words: test anxiety, case study of counseling in test anxiety, etiology of test anxiety, psychodrama, tapping acupressure, Zurich Resource Model, the «inner team», learning-friendly conditions at universities.

Бикадамова А.К.¹, Horst Konrad Reschke.², Токсанбаева Н.К.³, Токсанбаева Н.Б.⁴.

¹PhD докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: anarmilitary@mail.ru

²доктор психологических наук, профессор Университета Лейпциг,
Германия, г. Лейпциг, e-mail: reschke@rz.uni-leipzig.de

³доктор психологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: n.toksanbaeva@mail.ru

⁴преподаватель кафедры общей и прикладной психологии, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: nazka94@bk.ru

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАХА ПЕРЕД ЭКЗАМЕНОМ

Как нам всем известно, студенты, обучающиеся в высших учебных заведениях часто сталкиваются с проблемой страха перед экзаменами, к такому выводу мы пришли после экспериментального определения уровня стрессового состояния студентов. В этой статье проблема страха перед экзаменом рассматривается с феномальной точки зрения.

Основываясь на эксперименты и методики, описываемые в научной работе «Prüfungsangst» немецких исследователей Фема и Фридриха, мы даем модели страха перед экзаменом, а после – представление о трех из четырех практических методах (психодрама, точечный массаж, образцы ресурсов Цюриха и работа с подгруппой), как пример использования их в процессе консультации по преодолению страха перед экзаменами.

Таким образом, в данной статье, помимо адаптации и внедрения ситуационных факторов (требований к экзаменам), предлагается, влияя на появление экзаменационного страха, улучшить подготовку к сдаче экзамена в высших учебных заведениях.

В статье говорится, что тренер эффективно предоставляет педагогико-психологические или психологические консультации, осуществляет их добровольно и поощряет бесплатное образование по личным вопросам, связанным с обучением.

Ключевые слова: экзаменационный страх, консультация с исследованием экзаменационного страха, этиология страха перед экзаменом, психодрама, точечный массаж, модель ресурсов Цюриха, подгруппа, готовность к экзаменам в вузе.

«Оқитын адамдар емделеді» деп еуропалық ғалым Тренкамп айтып өткен екен. Бір қарағанда қызық ой болғанымен, зерттеуге өте өзекті мәселе болып табылады. Жалпы студенттер үшін әсіресе стресстік боп табылатын жағдаяттарды білу маңызды. Сол жағдаяттардың біріне емтихан алдындағы қорқынышты жатқызуға болады. Өрқайсымызға белгілідей, депрессия сияқты психикалық күйлер мен мазасыздық күйлер ұзақ мерзімдегі стресстің салдарынан болады. Атақты физиолог Г. Сельс стрессті жоғары экстрималды факторлардың әсеріне орай арнайы бейімделмеген реакция ретінде тәжірибе түрінде зерттеді. Бұл реакция, экстрималды факторға тәуелді емес, ағзадағы қорғаныс күштерінің тез арада мобильденуінен, кенеттен болған жағдайға немесе оны шешуге қолданылатын әдістерден көрініс табады. Осы қолайлы жол табылмайынша ағза шамадан тыс қызмет атқарады. Бірақ адамда қосымша күш шектеулі болатындықтан стресс күйі адамдарда түрлі аурулардың болуына және тұлғаның жеке қасиеттерінің деформациялауына (бұзылуына) әкеп соғады.

Стресс себептері ағзаның биологиялық бүтіндігіне, сондай-ақ адамның психологиялық дәрежесіне нұқсан келтіреді. Осы негізде стресс

күйі екі топқа бөлінеді – физиологиялық және психологиялық стресс. Физиологиялық стресс физикалық ықпалдар тудырады, олар түрлі кедергілер, сондай-ақ қатты дыбыс интенсивті жарық, ауаның жоғарғы қысымы, вибрация т.с. сияқтылар болуы мүмкін.

Психологиялық стрессте оқиғаның экстрималдығы адамның сол жағдайды қалай қабылдап, оны бағалайтындығына байланысты. Күтпеген жерден тапсырманың күрделенуі, қажетті дайындықтың жоқтығы, уақыттың жетіспеуі, жұмыстың жоғары маңыздылығы, сонымен қатар жүктелген жұмысқа деген тұлғалық тек жауапкершілік, міне осылар стресстің пайда болуына ықпал ететіндер.

Стресске әсер беруші екі форма бар. Сырттай олар өте өзгеше, бірақ соңғы нәтижеге қарағанда ұқсас. Біріншісі – тежелу әсері – ол қозғалыс белсенділігінің тежелуімен, жаңа ақпаратты өте қиын ұғып, еш сақтай алмауымен, тіпті айналадағылардан естігенін дұрыс жеткізе алмауымен, қарапайым әрекеттерді орындай алмаумен сипатталады.

Негізгі эмоциялары қорқыныш, селсоқтық пен немқұрайлылықтағы жәрдемсіздік, нәтижесінде қорытындыларға немкетті қарау болып

табылады. Адам жағымсыз жағдайды күте-күте қатып қалады, мұны сырттан басқа адам жөндеуі керек.

Келесі қарама-қайшы әсер импульсивті деген атауды иеленді. Сырттан қарағанда жоғарғы белсенділік көрсетеді, әрдайым қозғалыста, сөзі көп, бір уақытта түрлі жұмыстарды істеуге оқталады, бірақ ешқайсысын аяғына жеткізбейді. Ойы болмайтын ұсақ-түйекке тіріліп сан-саққа шашырайды. Көңіл-күйі шектен тыс тұрақсыз, құштарлығы ашушандыққа ауысады. Әр адамда қиын жағдайларда осы әрекеттер түрліше көрініс береді – біреулерде тежелгіш, басқаларда импульсивті әсер беру формасы байқалады.

Стресстің пайда болуына себепшілер әрекетті орындауға құралдардың (қаражаттың) жетіспеуі және қалаған нәтижеге жетуге деген сенімсіздік болып табылады. Сондықтан бұл күйдің шешімі әрекет мазмұнын объективті қайта ұйымдастыруға келіп саяды. Егер адам қиындықтарды шешудің қалыптасқан әдістерін игерген болса, оқиғаның жаңашылдығы, қиын жағдайда шешім іздеу немесе әрекеттің жауаптылығы стресс жағдайын жоғалтады. Күрделі жағдайда ең қажетті қолда бар нәрсені мақсатты пайдалана білу және әрекеттің нақты бағдарламасын жасау. Алайда эмоциялық стресске әкеп соғатын толық объективті себептерді жоғалту әрқашан мүмкін бола бермейді, сондықтан адамның өзінде өзінің күйін реттеп, басқара алатын әдістер қалыптастыру қажет.

Стресстің белгілері: алақанның терлеуі, жүрек соғысының жиілеуі, тер басу, асқазанның дұрыс қызмет атқармауы, ауыз кебу, жұтына алмау, беті қызару немесе бозару, қан қысымының жоғарылауы, буынға күш түсу, еңсесі түсу, ұйқының бұзылуы. Стресспен қалай күресуге болады?

Бұл үшін стресстің физиологиясымен жақсы таныс болу керек. Айталық, ұрыс немесе күтпеген жағымсыз жағдай болды: адам қобалжулы, өзін қоярға жер таппай жүр, оны әділетсіздік тұншықтырып барады, өзінің керек кезде дұрыс шешімге келе алмай, айтарға сөз таба алмағанына ыза болып тұр. Ол бұдан қуана-қуана құтылар еді, бірақ әлгі болған жағдай көз алдынан кетер емес. Қайта реніш, ашу, ыза келеді.

Осындай стресстің үш физиологиялық механизмін бөлуге болады.

Біріншіден, адам миының бір түкпірінде доминанта деп аталатын қозудың интенсивті тұрақты ошағы қалыптасты, ол ағзаның барлық әрекетін, адамның барлық қимылы мен ойын өзіне бағындырып алады, яғни сабыр сақтау

үшін осы доминантаны құрту немесе қарсы доминанта қалыптастыру керек. Барлық сергітуші әдістер (кітап, қызықты роман оқу, кино көру, сүйікті ісімен айналысу) қарама-қарсы доминанта қалыптастыруға бағытталған. Міне, сондықтан әрқайсымыздың жағымды эмоцияға жол ашылған сүйікті ісіміз болуы керек.

Екіншіден, доминанта пайда болғаннан кейін соңынан ерекше тізбекті әсерлер дамиды – ми қуысының түкпіріндегі – гипоталамус қозады, ол маңайынағы теміргипофизді қанға көп мөлшерде аденокортикотропты гормон (АКТГ) бөлуге мәжбүрлейді. АКТГ-нің әсерінен бүйрек үстілер адреналин мен басқа да физиологиялық белсенді заттар (стресс гармонин) бөледі, олар көп қырлы нәтижеге әкеледі: жүрек соғысы жиілейді және күшейеді (есімізге алайық, ол қорыққанда, қобалжығанда, ашуланғанда кеудемізден шығып кетердей болады), қан қысымы көтеріледі (меңзеңдіктен басымыз ауырады, жүрек талмасы болады, дем алысымыз жиілейді). Осы фаза кезінде интенсивті түрде буынға күш түсуіне жағдайлар даярланады. Бірақ қазіргі адам, бұрынғы алғашқы адамдарға қарағанда стресстің соңынан жиналған буын энергиясын жұмсайды. Сондықтан оның қанында биологиялық белсенді заттар көпке дейін айналыста болады, бұл жүйке жүйесінің, не ішкі органдардың тынышталуына мүмкіндік бермейді. Стресс гармондарының күшін қайтару керек, бұндағы ең жақсы көмекші – дене шынықтыру, буынға интенсивті күш түсіру.

Үшіншіден, стресс күйін сақтайды (тек-тірес сәтті шешілген жоқ және қандай да бір қажеттілігін қанағаттандырылмай қалды, өйтпегенде кері эмоциялар болмас еді), ойдың қабаттарына қайта-қайта доминанттың белсенділігін импульстар арттырып тұрады, ал қайта стресс гормондарын бөлінуі жалғасады.

Бұндай күйге әсіресе емтихан алдында студенттердің басым көпшілігі ұшырап жатады. Сондай сезімді анықтап, студенттерге сол қорқыныш сезімінен шығуға көмек беру мәселесі көптеген ғалымдармен зерттеліп, психологтармен жұмыс жасалуда.

Әрбір факультетте студенттермен тығыз байланыста жұмыс істейтін және оларға кеңес беріп, алаңдаушылық танытатын оқу жетекшісі бар екені баршамызға аян.

Осыған байланысты оқу жетекшісі өзінің бастапқысатыдан бастап студенттермен жұмыс жасай алатын мүмкіндігімен ерекшеленеді. Яғни кеңес беру қызметін жағымды пайдалануға әсерін тигізе алатын бірден-бір тұлға.

Оқу жетекшісі факультетке байланысты жыл

сайын 8,3% студенттерге қол жеткізеді. Университеттегі кеңес беру құрылымдық байланыстың тағы бір артықшылығы факультеттермен тікелей байланыста болып, жоғары оқу орнында және нақты факультеттерде ішкі білім алу жағдайында және туындайтын қиындықтарда жетекшілер білімі қажет болып табылады. Факультеттің комитеттері тұжырымдамалық түрде жоспарланған. Оқу жетекшілері факультеттерде мысалы, оқу бағдарламаларына, ресми құрылымдарына жаңа аккредитациялау тұрғысынан тікелей немесе жанама әсер етеді. Студенттер кеңесінде жиі талқыланып, алаңдатушылық туындатып отырған мәселелер студенттерді жауапкершілікпен оқуға және өзін-өзі оқытуларына бейімдеу қиындықтары, мотивация проблемалары, стрессті бастан өткізумен қоса психикаларының бұзылулары. Мәселен шетелдік, атап айтқанда Германияда соңғы алты жылда емтихан алдындағы қорқыныш мәселесімен оқытушыларға жүгінген кеңес алушылардың жылдық пайыздық саны орта есеппен 16% 2014, 12% 2015, 18% 2016, 15% 2017 болыпты.

Психологиялық немесе психотерапиялық кеңес беру орталықтарында студенттермен жұмыс істейтін басқа авторлардың жинақталған тәжірибесіне сай келеді. Holm Nadulla сондай-ақ соңғы жылдары клиникалық тиісті емтихан алдындағы қорқыныштың айқын өсуін атап өтіп, Болон реформалары арқылы өзгерген стресс-насихаттау оқу жағдайларымен байланыстырады (Holm Nadulla, 2009: 354). Авторлар университеттерде белгілі бір негіздемелік жағдайлардың әрдайым әдеттегідей болмаса да, көбінесе, кем дегенде, сақтап қалуы студенттердің емтихан алдындағы қорқыныштары туралы гипотезамен бөліседі.

Осы тұрғыда бұл мақаланың екі мақсатын көрсетеміз: біріншіден, оқу жетекшілері студенттермен өз жұмысында емтихан алдындағы қорқыныштың сан алуан себептерін алатынын көрсету және олардың жалпы көпфакторлы болып табылатынын баяндау. Екіншіден, емтихан алдындағы қорқыныштың жоғары оқу орындарында белгілі бір емтиханға негізделген жағдайлары бар екенін атап өту. Бұл студенттердің тиісті емтиханға баруына қорқыныш туғызуы мүмкін.

Сондай-ақ жоғары оқу орындарының оқытуға ыңғайлы және емтихан алдындағы қорқыныш төмендейтін оқу жағдайларын қалай орнатуға үлес қосуы мүмкін екендігі туралы алғашқы ұсыныстар беріледі. Бұл осы мәтіннің келесі құрылымына әкеледі, яғни бірінші бөлімде: емтихан алдындағы қорқынышты және фе-

номенологиясын таныстырудан басқа, емтихан алдындағы қорқыныштың теориялық түсіндірмелі тәсілдері ұсынылған. Мақаланың екінші бөлімінде тәжірибедегі екі мысал арқылы емтихан алдындағы қорқынышты тудыратын әртүрлі факторларды көрсетіледі. Сондай-ақ оқу жетекшілері емтихан алдындағы қорқынышы бар студенттерге көмектесу үшін әртүрлі әдістерді қалай қолдану керек екені туралы сөз қозғалады. Қорытындылай келе, жоғары оқу орнында оқу үшін қолайлы жағдайлардың бастапқы идеялары кей жағдайда мысалға негізделген.

Емтихандық қорқыныш туралы кең тараған әдебиет болғандықтан (Fehm; Fydrich, 2018), неміс ғалымдары Fehm, Fydrich практикалық тәжірибелерінде емтихан қорқынышының пайдалы анықтамасын кеңінен жазып, әдебиеттерінің кейінгі курсына қысқаша түрде теориялық тұжырымдамалық модельдер ұсынады. Олар студенттерге кеңес беруде маңызды болып табылады. Salmon (1990) музыканттардың сахнадағы қорқынышын анықтағаннан кейін, Fehm және Fydrich емтихан қорқынышы емтихан жағдаяттарында, немесе емтиханға дайындық кезінде емтихан талаптарына сай емес кезде анық сезілетінін айтып кеткен. Қорқыныш өзін мінез-құлық, эмоция, таным және физиология деңгейлерінде көрсетеді. Клиникалық маңызды емтихан қорқыныштары күнделікті өмірге және немесе оқытуға немесе кәсіби жетістіктерге әсер ететін кезде кездеседі (Fehm; Fydrich, 2011).

Бұл анықтамада, атап айтқанда, емтихан қорқынышына қажетті шектеулі шектеулер болғандықтан, бұл анықтама аса қызықты болып көрінеді. Fehm және Fydrich емтихан шарттарының жағдайына, сондай-ақ (жеке) сараптама жағдайына ықтимал әсер етуі мүмкін екендігін анық көрсетеді (Fehm; Fydrich, 2011). Авторлардың пікірінше, Fehm және Fydrich анықтайтын түсініктемелерінің кеңеюі өте мағыналық болып келеді. Күнделікті жұмысында оқу жетекшілері қайтадан сынақтан өтіп, студенттердің емтихан қорқынышынан мұқият реакцияға душар ететін жағдайлармен бетпе-бет кездеседі. Мысалы, егер үміткер емтиханның сипатын түсіну үшін тырыспаса, емтиханға қалай дайындалу керектігін білмейді және ол осы емтиханның құрбаны болады. Емтихан қорқынышының диагностикалық жіктемесін қараудан қорқу психикалық бұзылуларға арналған тиісті жіктеу жүйесіне сәйкес DSM IV (Америка қауымдастығының психикалық бұзылуларының диагностикалық және статистикалық нұсқаулығы, Saß, Wittchen, Zaudig, Houben,

2003) және ICD-10 (Психикалық бұзылулардың халықаралық жіктемесі, V тарау) аурудың құндылығы бар бұзылуларға нақты қолданылмайды.

Мысалға, F40.2 бойынша, ICD-10-дағы сынақтардың бір бөлігіндегі емтихан қорқынышы белгілі бір (оқшауланған) фобиялар болып табылады. Мұнда «емтихан қорқынышы» термині пайда болады (Dilling Mombour, Schmidt, 2015: 195). Сараптамада қорқыныш нақты емтихан жағдайында тұрады. Екінші жағынан, емтихан жағдайында болатын алаңдаушылық емтихан қорқынышынан асып кетуі мүмкін. Демек, ICD-10 сәйкес, F40.1 бойынша әлеуметтік фобияның астында шоғырландыру керек еді. Алайда, егер теріс салдарға қатысты ұзаққа созылған алаңдаушылықтар мен тұрақты теріс ойлар жалпыланған үрейлі бұзылулардың (F41.1) диагнозынан асып кетеді (Kossak; Schuster, 2017).

Іс жүзінде емтихан қорқынышы жағдайында, бірнеше факторлардың әдетте пайда болатын әсері бар, яғни, осы үш мүмкіндіктің аралас формаларын табуға болады, Kossak айтуынша өте күрделі оқыту мен емтихан қорқынышының генезисі мен қолдауына қатысатын көптеген факторлар бар. Біз мұнда бір жақты: ата-ана үйін, оқу ортасын, мектепте әсер ететін және емтихан қорқынышын тудыратын және кері байланыс пен стратегиялар мен әр түрлі ММ-ға әсер ететін білім беру ортасын, басқа да оқу құралдарын, атрибуттарды және т.б. таба аламыз (Kossak, 2016: 80). Осы себептер бойынша тәжірибелік жұмыста емтихан қорқынышына клиникалық зерттеулер мен диагностика жүргізудің мағынасы жоқ. GunterSchmidt айтуынша, гипноземистикалық тұрғыдан, қорқынышты патологиялық деп санауға болмайды, бірақ қауіпті жағдайда адамның шешімін қабылдауы керек. Бұл қорқыныштың қажеттілігі туралы сұрақты тудырады (Häublein, 2018). Оқу жаттықтыруларында пайдаланылатын емтихан қорқынышының жіктелуі ұсынылған мәселеге сәйкес келеді, диагностикалық-психиатриялық жіктеуді көрсетпейді.

Емтихан қорқыныштары әдетте дайындық уақытында, сондай-ақ психикалық және физикалық шиеленістің жоғарылауымен бірге емтихан жағдайында болғандықтан, олар әдеттегі стресс реакциясына сәйкес келеді.

Қысқаша айтқанда, Kaluza стресс жағдайына жауап ретінде зардап шеккен адамның басынан кешірген процестеріне қатысты (Kaluza, 2007: 9) жайттар туралы еңбегінде жазып өткен. Бұл төрт түрлі деңгейдегі симптомдарды қамтиды, олар

да емтихан қорқынышын тудырады: физикалық деңгейде ең жиі кездесетін белгілер: жүректің жиі соғуы, терлеу, қызару, бозарып кету, дірілдеу, ысу, асқазан-ішек қозғалғыштығын жоғарылату, кіші дәреттің жиілігі, ауыздың құрғауы, сонымен қатар жалпы ыңғайсыздық; ұзаққа созылған стресстің әсерінен бұлшық ет кернеуі, бас ауруы және зейін қою қабілетінің төмендеуі мүмкін (Kossak, 2015:19). Эмоционалды деңгейде Kossak емтихан қорқынышының ең көп кездесетін белгілерін, ең алдымен көңіл-күйдің алаңдаушылығын, алаңдаушылықты, күтпеген сәтсіздіктерге және олардың ықтимал салдарына қатысты алаңдаушылықты атап өтеді. Мысалы, маскара болу, ұятқа қалу үрейі. Бұдан басқа, сәтсіздіктің теріс тәжірибесі, сондай-ақ ашулану, ызалану, күмәндану немесе ішкі тыныштық сияқты ұят және көңілі қалу сияқты сезімдер болуы мүмкін. Бұл тұрғыда Kossak эмоциялардың когнитивтік процестермен тығыз байланысын көрсетеді және сезімдердің ақыл-ой жұмысына және оның сапасына әсер ететінін көрсетеді. Осылайша, «тіпті кішкене теріс сезімдердің оқытуға кедергі келтіретін әсері бар» (Kossak, 2016:52). Мұны, мысалы, оқу блоктарында немесе зейін қою бұзылғанда немесе емтиханға дайындықта көруге болады. Емтихан жағдайындағы білім жеткілікті түрде алынбайды немесе қолданылмайды. Когнитивтік деңгейдегі белгілер, әдетте, алаңдаушылық жағдайында теріс ойлар арқылы «оқу блоктары» арқылы көрінеді. Теріс ойлар, әсіресе, жағдайдың өзі немесе жағдайдың теріс салдарына күдік тудырады (апат ойлары). Сонымен қатар, Fehm және Fydrich айтуынша, қажет қамқоршылардың күткен көңілі қалуы мен күтілген сәтсіздікке ұялу маңызды рөл атқарады». Өзінің жеке адамына қатысты теріс өзіндік белгілер түріндегі теріс ойлар типтеріне «Мен тым ол үшін ақымақпын» деген пайымдаулар жатады. Kossak пікірінше, «автоматты ойлар, күштеп келетін ойлар, сәтсіз ойлар, өзін-өзі толықтыру және міндеттерді шешетін ойлар үдерістерде кедергі болуы мүмкін. Олар оқу және есте сақтау блогы, қабылдау мен көңіл бөлу кателіктері, зейін қою қабілетінің бұзылуы болып табылады (Kossak, 2015:64).

Fehm және Fydrich мінез-құлық деңгейінде екі негізгі аспектіні бөліп көрсетуге болады: Біріншіден, дайындық кезіндегі қолайсыз оқу стратегиялары, ал екіншіден, емтиханға дайындық пен емтихан жағдайына қатысты мінез-құлықтан қашу (Fehm, Fydrich, 2011:10).

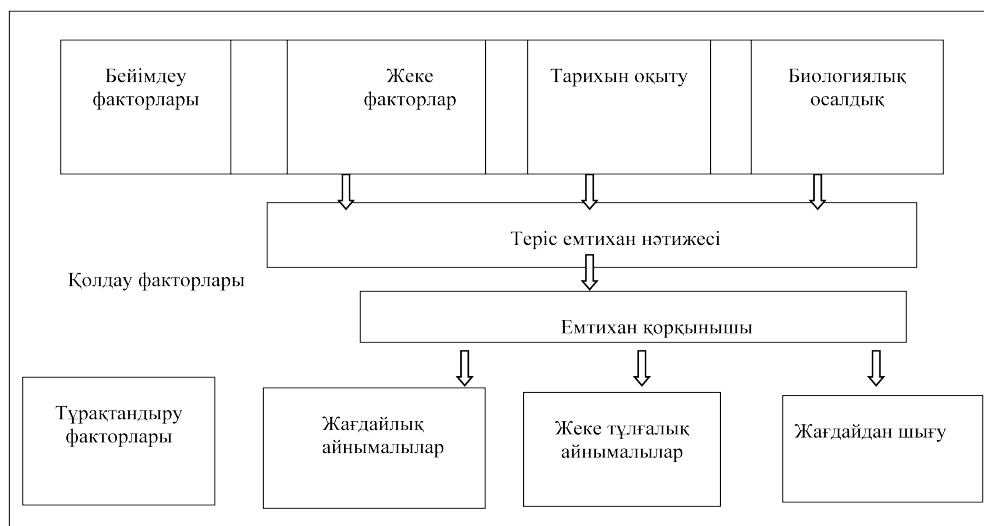
Қолайсыз білім беру стратегиялары, мысалы, студенттер өздерінің қорқынышын көп оқу-

мен жеңе алатынын немесе өздері үшін өз білімін қалыптастыра алмайтынын көрсетеді. Күту ұзақтығы, өз кезегінде, мазасыздығымен байланысты: алаңдаушылық неғұрлым көп болса, емтихан жағдайынан аулақ болғанда, кешігу неғұрлым ауқымды болады. Нейробиологиялық тұрғыдан қорқыныш реакциясын ағзаның өмір сүруін қамтамасыз ететін архаикалық құтқару және қашу бағдарламасы ретінде қарастыруға болады. Нейробиологиялық тұрғыдан алғанда, алаңдаушылықты жою организмнің тірі қалуын қамтамасыз ететін архаикалық құтқару және ұшу бағдарламасы ретінде қарастырылуы мүмкін. Хипокамптың бұл учаскелері қауіпті жағдайларда тез әрекет етуге қабілетті болу үшін өшіріледі, өйткені когнитивті функциялары жоқ. Іс жүзінде бұл модель «қараңғылану» немесе зақымдану құбылысын түсіндіру үшін графикалық түрде қолданылуы мүмкін. Бұл жағдайда зерттелген контент емтихан жағдайында жойылмайды.

Осы бөлімде практикалық кеңестерге әсіресе емтихан қорқынышына арналған үш теориялық түсіндірме амалдар келтірілген: өзін-өзі реттеу моделі, өзін-өзі бағалау моделі және емтихандық қорқынышты емдеу эвристикалық жұмыс моделі. Өзін-өзі реттейтін модельде Карвер мен Шейер өз үлгісінде өздігінен басқару механизмдерін сипаттайды: Осыған сәйкес, мақсатқа жетуді қалайтын адамдар нақты жағдайды

қалаған мақсаттық жағдаймен салыстыратын кері байланыс циклдарын пайдаланады.

Егер бұл салыстыру келіспеушіліктерге әкеп соқса, онда бұл кернеу, тіпті қорқыныш тудырады; мақсатқа жету емес немесе өте аз бағаланған мүмкіндіктері мен ресурстары болады. Ковингтонның өзін-өзі бағалау моделі табысты тәжірибе (оқу және кәсіби жетістіктер) мен өзін-өзі бағалаудың арасындағы байланысты орнатады. Содан кейін емтиханның сәтсіздігі өзін-өзі бағалауға шабуыл ретінде көрінеді. Осылайша, емтиханды тапсыру тәжірибесі адам үшін теріс тәжірибе болып табылады, бұл өзін-өзі бағалаудың жоғалуы және болашақта алдынала ұмтылатын. Фем мен Фидрихтің айтуынша, модельдің тағы бір негізгі болжамы «адамдар мен олардың қоршаған ортасы сараптамасы адам қабілетіне, әділетті емтихан жағдайлары сияқты сыртқы факторлар үшін емес» (Fehm, Fydrich, 2011:23). Бұған қоса, бұл модель емтихандарды кейінге қалдыру мінез-құлқына қызықты көзқараспен қарауға мүмкіндік береді. Осыған сәйкес, созуды өзін-өзі қорғаушы мінез-құлық ретінде түсінуге болады, демек, емтихан қорқынышына байланысты демотивациялық мінез-құлықты жақсы түсіндіреді. Емтихан қорқынышын емдеуге арналған эвристикалық жұмыс моделі. Fehm мен Fydrich емтихан қорқыныштарын емдеудің эвристикалық жұмыс үлгісін пайдаланады.

1-сурет – Емтихан қорқынышының бұзылу үлгісі

Бұл емтихан қорқынышы дамуындағы жан-жақты аспектілерді қарастыруға мүмкіндік бере-

ді. Оларды бейімдеу, қолдау және тұрақтандыру факторларына бөле отырып, Fehm мен Fydrich

емтихан қорқынышының пайда болуында көптеген түрлі әсерлердің маңызды рөл атқаратынын және олардың бір-біріне әсер ететінін ескерген жөн екенін айтады.

1-суретте Fehm және Fydrich әзірлеген модельдің егжей-тегжейлі қысқартылған нұсқасы көрсетілген. Бұл Fehm және Fydrich пайымдауынша емтихан қорқынышы жеке, оқу-тарихи және физикалық деңгейлерге бейімделетін факторлардың өзара әрекеттесуі арқылы туындайды және оған қолдау сияқты факторлар әсер етуі мүмкін. Мысалы, теріс емтиханның нәтижелері туындауы мүмкін.

Үшінші компонент – бұл емтихан қорқынышымен күресудің проблемалық аспектілерін күшейтуге және нығайтуға көмектесетін, ол қорқынышты болдырмау және оны кейінге қалдыру сияқты тұрақты факторлар (Fehm, Fydrich, 2011:25). Fehm мен Fydrich өз ғылыми еңбектерінде қолдау көрсету факторларындағы жағдайлық айнымалыларды жіктеп, емтихан қорқынышын тудыратын және обструктивті жағдайларға нақты мысалдар келтірді.

Зерттеудің нәтижелері және оларды талқылау

Төмендегі бөлімдер жоғарыда көрсетілген теориялық түсіндірме модельдері бар екі мысал арқылы көрсетіледі. Бұл студенттер арасында емтихан қорқынышын тудыруы мүмкін, сондықтан авторлар кеңес беру бойынша кеңесшілерді жаңа қарсы күрес стратегияларын дамытуда және өз жағдайларын басқаша шешуді қолдайды.

1-мысал «Prüfungsangst» ғылыми еңбегінің авторы Lydia Fehm қосымша біліктілігі бар психодраматист болғандықтан оның жұмысында тәжірибелі клиентке бағытталған тәсілдері бар. Келесі кеңес беру мысалында әртүрлі әдістер мен рәсімдермен клиенттің атынан жұмыс істеу ұсынылады. Психодраматикалық әдістерді қолдану арқылы, көңіл-күй мен ұят сезімі және қайтадан қайталанбау қорқынышынан арылтады. Өйткені студенттер бақылаудан айырылу қорқынышынан зардап шегеді (Қорытынды: «Мен бір рет сәтсіздікке ұшырадым, бірақ мен емтиханнан өтіп кеттім деп ойласам да, қайтадан қайталануы мүмкін»). Оның ескі стратегиясы – студенттер соншалықты көп оқыса да аяғына дейін төтеп бере алмай, сәтсіздіктен қорыққаннан және екінші рет әрекет етуден бас тартқаннан және өз күтуіне (және оның қоршаған ортасы) бұл стресстік жағдайда, оның досы одан ажырайтын қосымша фактор ретінде қосымша ауыртпалық тудырады. Бұл қосымша кернеу, ол кезде ол оған сәйкес

келмейді. Ол стресспен байланысты физикалық симптомдарға, болашаққа қатысты қорқынышқа (зардап шегуші және жағымсыз сценарийлерге) жиі шалдығады, емтиханға дұрыс зейін қоя алмай, соңында емтиханнан шығып кетеді. Қысымның өсуі жалғасуда. Кеңес іздеуші қазір тек екі сәтсіздікті ғана емес, тағы бір семестр өткізеді, емтихан жалғасуда. Бұдан басқа, ол физикалық жүктеме шегіне келіп түседі.

Келесі жағдайлық ауыспалы факторлар одан әрі қолдайтын факторлар ретінде ескерілуі керек: Соңғы емтихан ретінде бұл емтихан экзистенциалды қауіп ретінде қарастырылуы керек. Егер ханым осы емтиханнан өтпесе, оның бүкіл өмірлік жоспары тоқтайды, «біреу аяғымның астынан еденді тартып алған секілді»). Осындай емтихан студенттерге қиын тиеді (жоғары деңгейдегі қиындықтармен), өйткені ол «уақыт бойынша өте тығыз» және «шын мәнінде не келетінін білмейді», өйткені емтихан студенттерге арналған ең басты талап болып табылады. Сондай-ақ, білім алушы емтиханға қалай дайындала алатынын білмейді. Өздерінің үлкен сенімсіздіктеріне байланысты, кеңес іздеген адамда, емтихан жағдайындағы тапсырманы түсінбегені үшін үлкен алаңдаушылық туындайды, содан кейін емтихан алушылардан түсіну сұрақтарын сұрауға мүмкіндігі болмайды, өйткені олар көбінесе емтихан уақытында бірге болмайды. Яғни, Fehm ханымның мақсаты емтиханға дер кезіндегі дайындық емтихан алдындағы қорқыныш сезімін сейілтеді деген кеңесті беру негізгі мақсаты ретінде санайды. Жоғарыда айтып кеткен драманы студенттерге қолдану арқылы олардың келесі емес, уақытында өтіп жатқан семестрде емтиханды сәтті тапсырулары керек деген кеңес беріп, ол кезде қорқыныш сезімдерінің анағұрылым аз болатынын дәлелмен келтіреді.

Психодрамалық желіде жағымсыз ойлар мен мазасыздық күйлерді зерттеп танығаннан кейін кернеудің көмегімен көп уақытқа дейін мазалайтын сәтсіздіктен болатын үреймен күресу үшін, күмәндарын сейілту үшін әрі қарай кеңес беру жүргізіледі.

Өзін-өзі емдеуде алдымен кеңеске жүгінген тұлға шақырылады. Оған: «емтиханыңызды ойша тапсырып жатқанда да тұла бойыңызда пайда болатын сезімдер мен іс-ірекеттеріңізге мән беріңіз» деп айтылады. Сол кезде мәселен С. ханым сәтсіздікті басынан кешіретіні туралы сезімді бірінші сезінеді. Әдет бойынша ішінде қысым болғанын сезінеді. Автор бұл дабылды бірден бастап онға дейінгі шкаламен есептелінетіндей етіп бағалайды. С. ханым өз

қорқынышын бағалау шкаласымен 9,5 деп беріледі. Осыдан кейін студентке тұла-бойындағы энергиялы нүктелерге бір мезетте өз қорқыныштарын көрсете отырып басу туралы ұсыныс беріледі. Осыны бірнеше рет жасаған кезде бірнеше рет «Мен тағы да емтиханнан құлаймын», «мен тапсырманы уақытылы орындай алмай қаламын ғой» деген сияқты мазасыздық аспектілері көрінеді. Сондай-ақ «мен өзімнен көңілім қалды» деген ойлары мазалайтынын С. ханым айтып, асқазан тұсында қысым сезімінің бұрынғыдай мазаламайтындықтан қорқыныш сезімін басқа шкаламен көрсететінін айтады. Үшінші мәрте елестетіп көруден кішкене ғана қорқатынынан гөрі «менің қолымнан келеді» деген сезімі басым түскенін айтады. Кеңес алушы өз-өзін анағұрылым тыныш сезінетінін айтып, өзінің орындығында да тыныш отырып тап сол сәтте тек аз ғана қорқыныш сезінетінін айтады. Ол енді «менің қолымнан келеді» деген сезімде.

Бір апта өткеннен соң кеңеске зәру студент өзінің өзгергенін айтады. Емтиханға сол бірқалыпты сезімімен жақсылап дайындалуға жеткілікті уақыты бар екенін айтып қуанды.

Сонымен қатар жетекшісінен үй тапсырмасы ретінде емтиханды жақсы тапсыруға сендіретін пайдалы кеңестері бар мақаланы алып соны талқылайды.

Семестр аралығында жаттықтырушы С. ханыммен тағы да екі кездесуді өз еркімен мақсаттарын алдын ала ойластырып қою үшін кеңес беруге ұйымдастырады. Сонымен қатар жаттықтырушы кеңес алушысына тағы да бір мәрте кеңеске келе алатынын, тыныштық сезімдерінің бұзылған жағдайында қосымша көмекке жүгіне алатынын айтып жігерлендіреді. Емтиханға бір күн қалғанда С. ханым тағы да кеңеске келіп, тағы да әдістемені өзінен өткеріп, тексерілу үшін. Ол үшінші ретінде: «Арт жаққа ой тастай отырып бұның менімен болғанына қуанамын да, өйткені осының арқасында өзімді, анығырақ өзімнің тұла-бойымда болатын құбылыстарды тани білдім және енді олармен енді бұрынғыдай емес күресем аламын» деп хабарлайды.

Жүйелі түрде жұмыс жасап жүрген терапевт ретінде автор өз ортасына көрсететін мазасыздығы бар адамдармен де, өз-өзіне көмек көрсетуге дәрменді адамдармен де үздіксіз кездесіп отырады. Бұл зерттеуде студенттермен сипатталған симптомдар мен мәселелер емес жалпы кез келген адамның бойында кездесетін сезімдер туралы сипатталған.

Кеңестің бұл түрінде негізгі назарды алынған ақпараттарға сүйене отырып өзгертуге болатын

болжамдарға аудартады. Солардың негізінде студенттер мәселелерінің басқа да жаңа шешімдерін таба алады.

Зерттеудің әдістері:

Емтиханның басталуынан екі апта өтсе де П. ханым өзінің жақсы дайындалғанына қарамастан және не өз әрекеттерін сенімді білсе де өзінің жай-күйіне көңілінің толмайтынын айтады. Сондықтан да кеңес беруші Цюрихтік ресурсмодель П. ханымға ұсынады.

Түсініктеме: Цюрихтік ресурстық моделі (ZRM-Züricher recourse Modell) (Krause, Storch, 2011) Цюрих университетінде құрылған. Ол психоаналитикалық және мотивациялық психология негізіндегі өзіне нейроғылыми жаңалықтарын қамтыған, өзін-өзі ұстауға психо құрылым жасауға жәрдемдесетін тренинг. Адамдар өз-өздерін өзгерту мақсатында жағдаятты саналы түрде әрі аз санасыз түрде және санасыз түрдегі қажеттіліктерін елестету үшін осы тренингтің көмегіне жүгінеді. Ол олардың өзгеріс үдерісіне қажет болып табылады. Цюрихтік ресурстық моделін (ZRM-Züricher recourse Modell) әзілеушілері нейробиологиялық ресурстар концепциясын болжайды, яғни «нейрондық жүйені белсендендіретін барлық нәрсе» өзгеріске пайдалы болып табылады деген ұстанымды дәріптейді. Индикаторлар ретінде Krause мен Storch «соматикалық маркерлер» деп атайтын жағымды эмоциялар табылады. Цюрихтік ресурстық моделі (ZRM-Züricher recourse Modell) негізгі бөлігіне оқушыға позитивтік сезімдерді табуға көмектесе алатын әртүрлі, түрлі-түсті суреттердің орасан бай коллекциясы жатады.

П. ханым «іштей күлу» (соматикалық маркер) суретін таңдау тапсырмасында көгалды таңдау шешімін ұйғарады. Төменде келесі қадамға оған терминдер де сәйкес болып беріледі. «Идеялар себеті» тізімінен студент «іштей өзін күлдіретін»: кеңістікті таңдайды. Соңғы этапта «Мен...» деп басталатын терминдері бар сөйлем құрылады. П. ханым өзіне жағымды әсер ететін (соматикалық маркер): «мен болашаққа сеніммен қараймын» деген сөйлемді таңдайды. Осылайша студент қосымша символдармен, суреттер мен терминдермен, әндердің мәтіндерімен коллаж жасау ұсынысымен үйге өзінің фотосын түрлі-түсті көшірме түрінде алып кетеді. Жақсы сезімде қалу үшін ойланып суретті түсіндірудің енді қажеті болмайды.

Кеңес беру бастапқы кездегі болған әңгіме мен қазіргі жағдайды салыстырумен тәмам болады. П. ханым өзінің соңғы рет қашан

осыншама сенімді әрі батыл болғандығы жайлы есіне де түсіндіре алмайтын едім деп айтады. Ал оқу жетекшісі оны осындай сезімді жоғалтпауға кеңес беріп, осындай сезімге шақырады.

Сонымен «коучингты» танып білудің арқасында студенттер өздерінің бойындағы қорқыныш сезімдерімен күресе алады. Бұл ойлауды реттеу мен ойлауға сұрау салу жаңа ресурстарын белсендендіру жолдары арқылы жасала алады. Өздеріне өздері әсер ете алушылық қабілеті-

мен шыныққан, кеңес ала алатын студенттер өздерінің оқуларындағы қиындықтары мен мәселелерімен жақсырақ күресе алады. Тек қана оқуда ғана емес жалпы өмірлерінде де көмекші болады. Яғни емтихан алдындағы қорқыныш сезімінен шығудың жолдарына жататын жоғарыда сипаттап өткен әдістемелерді, тренингтерді алдағы уақытта іс-тәжірибе жүзінде Отандық ЖОО-да оқитын студенттерге қолдануды мақсат тұтамыз.

References

- Fehm L., Fydrich T. (2011) *Prüfungstangst*. Hogrefe, pp. 1-7.
- Holm-Hadulla R.M., Hoffman F.H., Sperth M., Funke, J. (2009). *Psychische Beschwerden und Störungen von Studierenden. Vergleich von Felstichproben mit Klienten und Patienten einer psychotherapeutischen Beratungsstelle*, pp. 278-355.
- Sas H., Wittchen H.U., Zaudig M., Houben I., *Diagnostisches und Statistisches Manual Psychischer Störungen-DSM-IV-TR* (2003). Göttingen:Hogrefe, p.5.
- Kaluza G., *Gelassen und sicher im Stress. Stress erkennen, verstehen, bewältigen* (2007). Heidelberg: Springer Verlag, p.9.
- Kossak H.C., *Prüfungsangst-Beraten aus Sieben Perspektiven* (2015). Heidelberg, p.33.
- Dilling H., MombourSchmidt M. *ISD-10. Internationale Klassifikation psychischer Störungen*, Bern:Hogrefe, p.10.
- Krause,Storch., *Ressourcen aktivieren dem Unbewussten. Manual für die Arbeit mit der ZRM-Bildkartei* (2001). Bern, p.27.
- Salmon P.G., *A psychological perspective on musical performance anxiety: a review of the literature. Medical Problems of Performing artists*, pp. 2-11.
- Ameln F., von Gerstman R., Kramer, J., (2005). *Psychodrama*, Heidelberg: Springer Medizin Verlag, pp. 7-8.
- Busch B. (2017). *Lerncoaching Jahresbericht*(Unveröffentlichtes Manuskript) Osralfia Hochschule für angewandte Wissenschaften, Fachhochschule Braunschweig, pp.44-48.
- Daimler R. (2015) *Basics der Systematischen strukturaufstellungen*. München:Kosel, pp.55-59.
- Morschitzky H. (2017). *Prüfungen meistern-Angste überwinden*. Ficher Gann, pp. 15-17.
- Freiwald A., Hillis K. (2018) *Wege aus der Prüfungsangst*Verhaltenstherapie und Psychosoziale Praxis. pp. 637-652.
- Kumbier D. (2018) *Das Innere Team in der Psychotherapie*. Psychotherapie. pp. 102-122.
- Kossak H.C. (2011) *Beratung und Behandlungen von Prüfungsangsten*. Praxishinweise. Göttingen: Hogrefe, pp. 95-101

Дуанаева С.Е.¹, Бердибаева С.К.², Гарбер А.И.³

¹докторант кафедры общей и прикладной психологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан, e-mail: Sandugash0606@mail.ru

²доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: berdybaeva_sveta@mail.ru

³доктор PhD психологии в Университете современных наук нидерланды, e-mail: alena.garber@gmx.de

РОЛЬ СТРЕССА КАК ПРОВОДНИКА МЕЖДУ ЗДОРОВЬЕМ И БОЛЕЗНЬЮ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Проблема сохранения здоровья студентов является одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед обществом и государством РК. В настоящее время в РК обучается более 1 миллиона студентов. Проблема здоровья студентов в последние годы привлекает внимание ученых, врачей и педагогов, что обусловлено высокой заболеваемостью студенческой молодежи и во многом негативным характером климатогеографических, экологических, социально-экономических и социально-психологических факторов, оказывающих влияние на формирование здоровья студентов РК. Основная деятельность студентов – учебная. Однако развитие высшей школы на современном этапе характеризуется глобальным возрастанием объема информации, постоянной интенсификацией труда студентов, широким внедрением новых технических средств в учебный процесс, что требует от молодых людей новых компетенций, отвечающих этим новым требованиям, для которых нужен новый физический, когнитивный и психоэмоциональный потенциал. Отчеты о заболеваемости студентов, которые приведены в начале статьи, тому конкретное подтверждение. Эти отчеты о состоянии здоровья студентов неумолимо указывают на сильно возросший процент соматических заболеваний, которые напрямую или косвенно ассоциируются с преодолением предъявляемых к студенту требований. В настоящее время актуальными остаются вопросы поиска и разработки эффективных форм организации лечебно-профилактической помощи студентам. Однако только система здравоохранения не может эффективно воздействовать на здоровье студентов и сохранять его без учета психологической составляющей заболеваемости студентов.

В этом смысле ВОЗ рассматривает именно стресс как одну из самых больших опасностей для здоровья человека в 21-м столетии. Хронический стресс, называемый иногда «токсическим», согласно современным нейроэндокринологическим исследованиям стресса, возможно, играет центральную роль, обуславливая возникающие вследствие его воздействия воспалительные процессы в организме. Исходя из этого, в нашей статье, основываясь на концепции Г. Шредера, мы рассматриваем «стресс» в роли проводника, который несёт информацию, начиная с норм человеческого мышления и поведения (состояние здоровья) и заканчивая стратегиями преодоления напряжения (состояние болезни), так как стресс проявляет себя во многих психосоматических болезнях как их причина. Поэтому учет роли стресса как проводника между здоровьем и болезнью – на уровне как здравоохранения, так и психологического консультирования и психотерапии позволит сохранить здоровье будущим поколениям, позволит создать необходимую теоретическую и практическую базу для решения проблемы преодоления стресса у студентов.

Таким образом, проблема охраны здоровья студентов многоплановая и многоаспектная и не может быть решена только системой здравоохранения с медицинских позиций. Она требует комплексного подхода, именно с позиций новой области научного знания – «медицины стресса». Вместе с тем, фундаментальных комплексных психопрофилактических программ по стрессменеджменту в РК пока не разработано, также число клинических психологов, которые могли бы ее как разработать, так и реализовывать, пока невелико.

Ключевые слова: стресс, болезнь, здоровье студентов, психопрофилактика, стрессменеджмент.

Duanaeva S.E.¹, Berdibaeva S.K.², Garber A.I.³

¹Phd doctorant of the department of general and applied psychology,

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: Sandugash0606@mail.ru

²Doctor of psychological sciences, professor of the department of general and applied psychology

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: berdybaeva_sveta@mail.ru

³Stichting Euregio University/Hochschule – Non Professorin Dr.phil. Netherland, e-mail: alena.garber@gmx.de

The role of stress as a conduit between health and illness at student age

The problem of preserving the health of students is one of the most pressing tasks facing the society and the government of Kazakhstan. Currently, over 1 million students are studying in Kazakhstan. The problem of student health in recent years has attracted the attention of scientists, doctors and teachers, due to the high incidence of student youth and the largely negative climate, geographical, environmental, socio-economic and socio-psychological factors that affect the health of people in Kazakhstan's students. The main activity of students is educational. In higher education, there is a universal need for information, which requires young people to have new competencies that meet these new requirements, for which a new physical, cognitive, and psycho-emotional potential is needed. Student morbidity reports. These indicators indicate that students do not have a sufficiently high percentage of cases of somatic diseases that are directly or indirectly related to overcoming the requirements of students. Currently, the issues of searching and developing effective forms of organizing treatment-and-prophylactic care for students remain relevant. However, the psychological component of the incidence of students remains.

In this sense, WHO considers Chronic Stress, sometimes referred to as "toxic," according to available neuroendocrinological studies, stress may play a central role, causing the effects of its effects on the body's inflammatory processes. Based on this, in our Schröder article, we see "stress" in the roles of the conductor, the basics that carry information, which leads to normal thinking and behavior (health) and gradual overcoming of stress (illness state), as stress manifests themselves in many psychosomatic diseases as their cause. Thus, the creation of a healthy future generation will create a theoretical and practical basis for solving the problems of overcoming stress in students.

Thus, the problem of protecting the health of students is multifaceted and cannot be solved only in the health care system. It requires an integrated approach, "stress of medicine." At the same time, fundamental integrated psychoprophylactic stress management programs in the Republic of Kazakhstan have not yet been developed, as well as the number of clinical psychologists who could be in its development, and so far have been implemented.

Key words: stress, illness, student health, psychoprophylaxis, stress management.

Дуанаева С.Е.¹, Бердібаева С.К.², Гарбер А.И.³

¹жалпы және қолданбалы психология кафедрасының докторанты, әл-Фараби атындағы

Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: Sandugash0606@mail.ru

²психология ғылымдарының докторы, жалпы және қолданбалы психология кафедрасының профессоры, әл-

Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: berdybaeva_sveta@mail.ru

³Euregio University College-дегі психология ғылымының PhD докторы профессор, e-mail: alena.garber@gmx.de

Студенттік кезеңдегі денсаулық пен ауру арасындағы дәнекер ретіндегі стрестің ролі

Студенттердің денсаулығын сақтау мәселесі – қоғам мен Қазақстан мемлекетінің алдында тұрған ең өзекті мәселелердің бірі. Қазіргі уақытта Қазақстанда 1 миллионнан астам студент оқиды.

Соңғы жылдары Қазақстан студенттерінің денсаулығының мәселесі, студенттердің денсаулығының қалыптасуына жағымсыз әсер ететін климаттық, географиялық, экологиялық, әлеуметтік-экономикалық және әлеуметтік-психологиялық факторлар – ғалымдар, дәрігерлер мен мұғалімдердің назарын аударды. Студенттердің негізгі қызметі – білім алу. Сонымен қатар, қазіргі кезеңде жоғары білім берудің дамуы ақпарат көлемінің жаһандық өсуімен, студенттердің жұмысын үнемі жандандырумен, жастарға жаңа физикалық, когнитивтік және психоэмоционалды жаңа талаптарға сай, жаңа құзыреттілікті талап ететін білім беру үдерісіне жаңа техникалық құралдарды енгізумен сипатталады. Мақаланың басында берілген студенттердің ауруы жағдайы жайында есептер осыған нақты дәлел. Студенттердің денсаулығының жай-күйі туралы осы есептер, тікелей немесе жанама түрде студенттерге қойылатын талаптардың ұлғаюы, соматикалық аурулардың пайызының қатты өскендігін көрсетеді. Қазіргі кезде студенттерге емдеу-профилактикалық көмекті ұйымдастырудың тиімді формаларын іздестіру және дамыту өзекті мәселелердің бірі болып қала береді. Дегенмен, денсаулық сақтау жүйесі студенттердің психологиялық құрамдас бөлігін ескерместен, студенттердің денсаулығына тиімді әсер ете алмайды.

Бұл тұрғыда ДДҰ стрессті ХХІ ғасырда адам денсаулығына ең үлкен қауіптің бірі деп санайды. Кейде «улы» деп аталатын созылмалы стресс қазіргі заманғы нейроэндокринологиялық зерт-

теулеріне сәйкес, ағзаның қабыну процестерін тудыруда басты рөл атқарады. Біздің мақаладағы Г. Шредердің тұжырымдамасына негізделе отырып, біз стресті – адамның ойлау және іс-әрекет нормалары (денсаулық күйі) және стрессті жеңу стратегиясы (аурудың күйі) арасындағы дәнекер ретінде қарастырамыз, себебі стресс көптеген психосоматикалық аурулар себебі ретінде көрінеді. Сондықтан стресстің денсаулық мен аурудың арасында дәнекер ретінде рөлін ескере отырып, денсаулықты сақтау мен психологиялық кеңес беру және психотерапия деңгейінде, болашақ ұрпақтардың денсаулығын сақтауға мүмкіндік беретін теориялық және практикалық базаны құру студенттердің денсаулығын сақтау үшін мәселенің шешімі болып табылады.

Осылайша, студенттің денсаулығының проблемасы көп қырлы және көп өлшемді болып табылады және денсаулық сақтау жүйесі тек медицина тұрғысынан шешіле алмайды. Ол ғылыми білімнің жаңа саласы – «стресс-медицина» көзқарасы тұрғысынан алғанда кешенділікті қажет етеді.

Сонымен қатар, Қазақстан Республикасында стрессменеджмент бойынша психопрофилактикалық кешенді бағдарламалары әзірше әзірленбеген және оны дамытып, енгізе алатын клиникалық психологтардың саны әлі де аз.

Түйін сөздер: стресс, ауру, студенттер денсаулығы, психопрофилактика, стрессменеджмент.

Введение

Актуальной проблемой современного общества является состояние здоровья студентов, которых в целом в РК насчитывается около 1 миллиона человек. Не случайно 2017 год был объявлен в Алматы годом молодежи. Г.К. Каусарова и Г.С. Уразиманова в своей статье, посвященной проблеме медико-социальной оценки состояния здоровья и оптимизации медицинской помощи студентам РК, говоря о здоровье студентов, которые, как ожидается, должны быть наиболее здоровой частью общества, не являются таковой по причине недостаточного внимания общества к здоровью, сокращению количества профилактических осмотров, отсутствию цельной системы диспансерного наблюдения, возрастании удельного веса функциональных отклонений и хронических заболеваний, ухудшении показателей физического воспитания (Каусова, Уразиманова, 2017).

Одной из задач молодежной политики РК является проведение исследований по актуальным проблемам молодежи и создание необходимых условий для ее профессионального, духовного и физического развития. В президентском послании Н.А. Назарбаева «Казахстан-2030» была определена стратегия органов образования и здравоохранения по профилактике болезней и укреплению здоровья путем подготовки граждан РК к ведению здорового образа жизни, соблюдению правильной гигиены и санитарии, рационального питания (Назарбаев, 2030).

В данном случае причина рассматривается с медицинской, реабилитационной и социально-политической точек зрения. Сама постановка вопроса пока не учитывает психологическую составляющую возникновения болезни, эпиде-

миологии заболеваемости у студентов, которая сейчас активно разрабатывается новой наукой, а именно: «медициной стресса» (Haugrand, Ullrich, Weniger, 2015).

При этом Г.К. Каусова и Г.С. Уразиманова в дальнейшем отмечают и другие причины, негативно влияющие на повышение заболеваемости у студентов. В целом, они относят студентов к группе повышенного риска, так как условия современной жизни ведут к тому, что студенты в период обучения испытывают воздействие целого комплекса средовых факторов, негативно влияющих на состояние их физического, психического и репродуктивного здоровья. Возрастающие требования к уровню подготовки специалистов-медиков высшего и среднего звена, обусловленные увеличением потока научной информации, внедрением инновационных образовательных технологий, приводят к перегрузке студентов. Повышается их психоэмоциональная напряженность, истощаются адаптационные резервы нервной, эндокринной и иммунной систем, возрастает вероятность заболеваний. Кроме того, экономические трудности, переживаемые страной, повсеместное ухудшение экологической обстановки, крушение многих социальных устоев не могут не отразиться на образе жизни и состоянии здоровья студенчества. Снижение общего уровня культуры, в том числе санитарно-гигиенической, в той или иной степени способствует распространению зависимых видов поведения, таких, как курение, потребление алкоголя, наркотических и психоактивных веществ (Статистические отчеты, 2017, Today.kz. 2017).

Здоровье студентов, наряду с их социальной зрелостью, является необходимым условием обучения, и высокой профессиональной

пригодности. Студенты составляют особую социальную группу, объединенную определенным возрастом, специфическими условиями труда и жизни, со своими ценностями, установками, эталонами поведения. Условия современной жизни ведут к тому, что студенты вынуждены адаптироваться к комплексу новых факторов, среди которых не последнюю роль играют постоянное умственное и психоэмоциональное напряжение, информационный стресс, частые нарушения режима труда, отдыха и питания.

У современных студентов наибольший удельный вес по распространенности занимают функциональные заболевания нервной системы, кариес зубов, хронические воспалительные заболевания ЛОР-органов, миопия, артериальная гипертензия, заболевания органов пищеварения (Сухарева, Шубочкина, Молчанова, Куликова, 2009).

По результатам исследований многих авторов, для образа жизни современного студенчества характерна высокая частота и распространенность факторов риска хронических заболеваний. Кроме того, по данным различных исследователей, круг факторов, отрицательно влияющих на здоровье учащейся молодежи, в наше время расширяется (заккрытие студенческих санаториев-профилакториев, несбалансированность питания, нерациональный режим дня, недостаточное материальное обеспечение, отсутствие надлежащих условий для эффективных форм физического воспитания и др.) (Байер, Камаев, Поздеева, Дмитроченков, Ананьин Раппопорт, 1997:2005:2010).

Безусловно, что состояние здоровья студенческой молодежи во многом определяется «школьной патологией». Однако в период обучения в колледжах уровень физического здоровья студентов еще более снижается, а число хронических больных из года в год возрастает. При получении профессионального образования отмечается значительно более высокая распространенность функциональных отклонений и хронических заболеваний на старших курсах по сравнению с первыми курсами; при этом выявлен более быстрый рост распространенности хронических болезней по сравнению с функциональными отклонениями, на одного студента в среднем приходится 1,5-3 диагноза (Атрощенко, Баранов, Кожевникова, 2005:2010:2011:).

В диссертационном исследовании доктора медицинских наук С.А. Батрымбетова «Медико-социальная характеристика студентов и научное обоснование концепции охраны их здоровья (на

примере г. Актобе Республики Казахстан) был проведен ретроспективный анализ данных, который показал, что состояние здоровья студентов, поступивших на первый курс высших учебных заведений, год от года ухудшается. Среди студентов, обращавшихся по поводу потери трудоспособности, преобладают студенты первого и второго курсов (59,8%), что может свидетельствовать о неудовлетворительной их адаптации к новым требованиям обучения в вузе и условиям проживания (Батрымбетова, 2008).

За период обучения студентов в вузе общая заболеваемость по обращаемости увеличивается: по классу нервных болезней – в 1,4 раза, органов пищеварения – в 2,5 раза, мочеполовой системы – в 2,3 раза, костно-мышечной системы в 1,5 раза ($p < 0,05$). Уровень хронических заболеваний к четвертому курсу обучения увеличивается в 1,5 раза.

За период исследования с 2003 по 2006 год общая заболеваемость по обращаемости выросла в 1,6 раза при увеличении первичной заболеваемости в 2 раза. Неблагоприятным является опережающий рост первичной заболеваемости по сравнению с общей заболеваемостью по обращаемости по таким классам, как болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (соответственно в 2,4 раза против 57,1%), болезни системы кровообращения (в 1,8 раза против 52,2%), болезни органов дыхания (в 1,8 раза против 56,2%), органов пищеварения (в 1,8 раза против 33,3%), кожи и подкожной клетчатки (в 1,8 раза против 27,0%). С одной стороны, это можно объяснить совершенствованием лечебных и профилактических мероприятий, с другой – продолжающимся распространением заболеваний среди молодежи.

Вместе с тем, опережающий рост общей заболеваемости по обращаемости по отношению к первичной заболеваемости служит основанием для утверждения, что среди студентов накапливается хроническая патология. Рост общей заболеваемости по сравнению с первоначальным уровнем за период наблюдения произошел по болезням глаза и его придаточного аппарата в 2,3 раза в сравнении с ростом первичной заболеваемости этого класса на 90%; соответственно, по болезням нервной системы выявилось соотношение в 2,1 раза и 44,3%, костно-мышечной системы и соединительной ткани – в 2 раза и 30,0%, мочеполовой системы – в 2,6 раза и 79,0% при $p < 0,05$.

Наиболее значимыми факторами условий и образа жизни, влияющими на здоровье студен-

тов, являются уровень жизни ($r=0,89\pm 0,2$), условия проживания ($r=0,88\pm 0,2$), переутомление ($r=0,87\pm 0,2$), недостаток средств на питание ($r=-0,78\pm 0,2$), наличие детей, ($r=0,78\pm 0,2$), медицинская активность ($r=0,68\pm 0,2$), психологические факторы и наличие стрессов ($r=0,68\pm 0,2$), табакокурение ($r=0,51\pm 0,2$), злоупотребление спиртными напитками ($r=0,48\pm 0,2$), двигательная активность ($r=0,47\pm 0,1$), совмещение учебы с работой ($0,41\pm 0,15$). Элиминация влияния таких индивидуально и социально управляемых факторов, как полноценный отдых, качественное питание, семейное положение, вредные привычки, медицинская и двигательная активность дает эффект снижения средней хронической заболеваемости среди студентов на величину от 0,42 до 1,2 случая.

В работе С.А. Батрымбетовой более четко сформулирована психологическая составляющая заболеваемости в студенческом возрасте, несмотря на то, что исследование было проведено ей в 2003-2006 гг., оно не потеряло своей значимости и актуальности и сегодня (Батрымбетова, 2008).

С нашей точки зрения, интересно и важно остановиться именно на психологической составляющей болезни, которая в современной литературе и исследованиях всё больше рассматривается с точки зрения психологии стресса, несмотря на неоднозначность мнений в рассмотрении этого понятия.

Теоретические подходы к определению понятия «стресс» характеризуются чрезвычайно

продолжительной историей, при этом, они не утратили своей конкурентоспособности среди многочисленных концептуальных новшеств в области системы здравоохранения. Благодаря новым научным открытиям и накопленному опыту многократно осуществлялись попытки найти универсальное определение стресса. Напрасным ожиданием является неоднократно выраженная надежда ученых на формулирование одного универсального, «общепринятого» определения стресса. Все определения стресса чаще всего либо не точны, либо в разной степени применимы. Эти определения не могут совместить в себе все аспекты одного феномена, но могут обратить наше внимание на определенные стороны одного из его аспектов.

При этом концепция стресса в большей степени проявила себя в области её возможного применения на практике. Это нашло своё отражение в раскрытии тематики стресса как проводника между здоровьем и болезнью, так и в рефлексии регуляторной деятельности человека в условиях стресса. До сих пор при сравнении негативных последствий психического перенапряжения, кажется на первый взгляд, что стресс приравнивается как понятие к таким состояниям человека как: переутомление, монотония, фрустрация и пресыщение. Способы преодоления психической нагрузки в зависимости от её качества и количества представлены в таб. 1 ниже (Шредер, 2016).

Таблица 1 – Способы преодоления психической нагрузки

Формы психической нагрузки	Способы преодоления и формы отдыха
Переутомление «Я чувствую себя уставшим и опустошённым»	Восполнить энергию Пассивный отдых, паузы для отдыха, просмотр интересных телепередач, чтение, сон, прогулка, сауна
Монотония «Мне скучно»	Интересное, захватывающее дух занятие Чтение интересной литературы, стратегические игры, интернет, решение загадок, спорт, работа в саду, выход в «свет»
Фрустрация «Я чувствую себя обиженным, лично задетым и ограниченным в своих действиях»	Приятное, времяпрепровождение, поощрение самого себя Пойти пообедать, сделать покупки, «позволить себе что-то купить», общаться с близкими людьми, сходить в сауну, сделать маникюр
Пресыщение «ничего не хочется, всё одно и то же».	Смена деятельности Сделать паузу в работе, а также в общении с людьми, уйти в отпуск, путешествовать в одиночку, найти интересное занятие

Стресс	Работа над решением проблемы
«Я чувствую себя напряжённым, угнетённым большой занятостью без передышки»	Уменьшить количество внешних раздражителей, поговорить с хорошими друзьями, заняться мышечной релаксацией, воспользоваться психологическими, физическими и социальными ресурсами, продумать план действий

Если же исходить из основных положений концепции стресса, то область её применения намного шире. Эта концепция охватывает весь спектр психофизической регуляции поведения человека и позволяет на межпредметном уровне объединить в ней, как теорию, так и практику. Отчасти новые, актуальные открытия в области медицины, генетики и психологии являются составной частью иерархично построенной биопсихо-социальной системы человеческой деятельности:

– от возникающих в результате стресса воспалительных процессов в клетке посредством эндокринных реакции в организме, до обусловленных стрессом факторов общественного развития,

– от стрессовых генетических изменений в период эмбрионального развития человека до

патологических изменений в структуре мозга, а также хронических болезней. Исходя из этого, становится возможным принятие мер, укрепляющих здоровье (Шредер, 2016).

Регуляция поведения в состоянии «стресса» описывается как свойство психобиотической регуляции, которое является целесообразной реакцией и поведением человека, возникающих в критически сложных ситуациях. Этот концептуальный подход предполагает дальнейшее уточнение и конкретизацию генетических, соматических, психических и социальных механизмов происходящих событий и их сопутствующих им эффектов для изучения успешности регуляционной деятельности человека. Это является перспективным направлением развития дальнейших исследований психофизической стабильности индивидуумов в континууме «здоровье – болез-

нь». Тем самым свою практическую направленность доказала концепция ступеней дестабилизации и дополнительной регуляции поведения в условиях напряжения. Применение теории ступеней дестабилизации по Шрёдеру (2016) представляет собой теоретически обоснованную и релевантную задачам практики основу регуляции поведения (таб. 2).

Таблица 2 – Этапы дополнительной регуляции и дестаби-

лизации под воздействием напряжения в стрессовой ситуации (Шрёдер, 2016)

В Таблице 2 показаны этапы дестабилизации регуляции деятельности человека под влиянием стресса. Поэтапное нарастание числа неудач (от первого до второго этапа) приводит к неблагоприятным последствиям для здоровья и появлению заболеваний (Шредер, 2016).

На I этапе речь идет о регуляции повсед-

невных дел, здесь нет угрозы потребностям при выполнении ежедневных задач. Они могут выполняться «автоматически». Противоречия, возникающие в основном между условиями окружающей среды и собственными ожиданиями развития ситуации, как правило, разрешаются посредством эмоциональной и когнитивной регуляции. При обострении противоречивости взаимодействия человека с окружающей средой, могут генерироваться планы и цели, переходящие в действия, которые параллельно подвергаются когнитивному контролю человека. Это является *нормой* в повседневной регуляции поведения для обеспечения адаптации человека к постоянно меняющимся условиям среды. При этом человек не нуждается в дополнительной регуляции, а также не нужны особая экстренная энергетическая и эмоциональная мобилизации.

В случае если эту сбалансированность больше не удастся поддерживать, и оценка трудностей и возможностей их преодоления в стрессовой ситуации начинает угрожать потребностям человека, тогда подключается экстренная/аварийная программа, обозначаемая еще со времен классических концепций как состояние стресса/ стрессовая реакция (этап II: *острый стресс*). Они представляют собой рационально - подготовительную психоэнергетическую реакцию для решения проблемы ухудшившейся жизненной ситуации. Результат зависит от соответствия между попытками решения проблемы и использованием имеющихся у человека ресурсов. В случае если попытка удачна, эта фаза ограничена во времени, и описывается как острый стресс. И тогда эта регуляция снова переключается на свой обычный (рутинный) этап (этап I) регулирования. Благодаря успешному преодолению вновь и вновь возникающих, стрессовых ситуаций, индивидуум приобретает опыт и соответствующие компетенции. Это является основой процесса развития любой личности. Именно до этого момента концепция рассматривает свойства регуляции, которые соответствуют уровню «здоровье».

Опасным для здоровья становится такое состояние напряжения, когда не удаётся разрешить имеющееся противоречие в системе человек-окружающая среда. Переход на III этап переживается, прежде всего, как замешательство и кризис ориентировки в ситуации, что приводит к необходимости длительной мобилизации (*хронический стресс*).

На этой ступени все известные попытки решения проблемы оказываются неэффективными,

человеку не ясно, как будет развиваться ситуация, страдает самооценка человека, организация его действий также нарушена. Дальнейшее обострение критического положения проявляется в нарастании неэффективности преодоления возникающих трудностей. Согласно стадии истощения, описанной ещё в 1937 г. Селье, все имеющиеся ресурсы постепенно исчерпываются, что приводит к повышению риска психофизического *истощения*. Без оказания соответствующей помощи существует опасность дальнейшей эскалации этого состояния: хронификации множественных функциональных нарушений и психовегетативных реактивных нарушений. При этом формируются патогенетические установки с характерной симптоматикой, приводящей в дальнейшем к достижению четвертого этапа – «дестабилизации» уровня «болезнь». Человек оказывается в статусе «пациента», ему ставится диагноз, и его начинают считать медицинским случаем в широком значении этого слова. Исходя из этого, в нашей статье мы рассматриваем «стресс» в роли проводника, который несёт информацию, начиная с норм человеческого мышления и поведения (состояние здоровья) и заканчивая стратегиями преодоления напряжения (состояние болезни), так как стресс проявляет себя во многих психосоматических болезнях как их причина.

Отчеты о заболеваемости студентов, которые мы привели в начале статьи, тому конкретное подтверждение. Эти отчеты о состоянии здоровья студентов неумолимо указывают на сильно возросший процент соматических заболеваний, которые напрямую или косвенно ассоциируются с преодолением предъявляемых к студенту требований.

В этом смысле ВОЗ рассматривает стресс как одну из самых больших опасностей для здоровья человека в 21-м столетии; предположительно в 2020 году каждый второй больничный лист будет связан с пережитым стрессом. Открытия соматопатологии в микропроцессах и морфологических изменениях под влиянием хронического стресса за последние десять лет далеко выйдут за пределы психических расстройств, выводя главные заболевания цивилизации в центр внимания. Между тем, определяющее значение таких факторов риска как питание и недостаток движения при инфаркте, артериосклерозе, ожирении, диабете 2-го типа и инсульте ставится под сомнение. Хронический стресс, называемый иногда «токсическим», возможно играет центральную роль, обуславливая возникающие вследствие его

воздействия воспалительные процессы в организме (Haurand, Ullrich, Weniger, 2015). До сих пор были известны корреляции между объемом стрессовой нагрузки и имеющимися соматическими заболеваниями, новые же исследования указывают на цепочки причинно-следственных связей как на саму причину заболевания. Поэтому учет роли стресса как проводника между здоровьем и болезнью – на уровне как здравоохранения, так и психологического консультирования и психотерапии позволит сохранить здоровье будущим поколениям, позволит создать необходимую теоретическую и практическую базу для решения проблемы преодоления стресса у студентов.

Таким образом, проблема охраны здоровья студентов многоплановая и многоаспектная и не может быть решена только системой здравоохранения с медицинских позиций. Она требует комплексного подхода, именно с позиций новой области научного знания – «медицины стресса» (Haurand, Ullrich, Weniger, 2015). Вместе с тем, фундаментальных комплексных психопротективных программ по стрессменеджменту (Гарбер, Карапетян, Решке, 2018). в РК пока не разработано, также число клинических психологов, которые могли бы ее как разработать, так и реализовывать пока невелико.

Литература

- Атрощенко, Г.Н. Влияние занятий по физической культуре на сердечно-сосудистую систему и дыхательную систему студентов // Гигиена и санитария. – 2005. – № 1. – С. 41-42.
- Батрымбетова, С. А. Медико-социальная характеристика студентов и научное обоснование концепции охраны здоровья (на примере г. Актобе РК): автореферат диссертации на соискание доктора медицинских наук / С.А. Батрымбетова. – М., 2008. – 47 с.
- Байер К. Здоровый образ жизни. – М.: Мир, 1997. – 368 с.
- Баранов А. А. Стратегия «Здоровье и развитие подростков России» (гармонизация Европейских и Российских подходов к теории и практике охраны и укрепления подростков). – М., 2010. – 108 с.
- Гарбер, А.И., Карапетян, Л., Решке, К. (2018). Управляй стрессом с оптимизмом! Обучающая тренинговая программа по стресс-менеджменту на основе современной поведенческой психологии и психотерапии. Göttingen: Cuvillier-Verlag. – 2018. – 192с.
- Гарбер, А.И. Управляй стрессом с оптимизмом! Обучающая тренинговая программа по стресс-менеджменту на основе современной поведенческой психологии и психотерапии / А.И. Гарбер, Л.Ш. Карапетян., К.-Х. Решке. – 2 изд., испр. и доп. – Самара: Арт-Лайт, 2018. – 192 с.
- Кожевникова Н. Г. Роль факторов риска образа жизни в формировании заболеваемости студентов // Земский врач. – 2011. – №6. – С. 13-17.
- Камаев И. А., Поздеева Т. В., Непряхин Д. В. и др. Инновационные технологии формирования здоровьесберегающего поведения: метод. рекоменд. – Н. Новгород: Пламя, 2005. – 52 с.
- Камаев И.А., Поздеева Т.В., Дмитроченков А.В., Ананьин С.А. Здоровье и образ жизни школьников, студентов и призывной молодежи: состояние, проблемы, пути решения. – Н. Новгород, 2005. – 108 с.
- Каусова Г.К., Уразиманова Г.С. Медико-социальная оценка состояния здоровья и оптимизация медицинской помощи студентам (обзор литературы) // Вестник КазНМУ. – 2017. – №4. – С. 295-297.
- Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана.
- Раппопорт, И.К. Системный подход к проведению врачебных профессиональных консультаций подростков и молодежи // Гигиена и санитария. – 2010. – № 1. – С. 55-62.
- Решке, К., Шредер Н. Optimistisch den Stress meistern. Tübingen, DGVT Verlag. – 2010. – 264 с.
- Сухарева Л.М., Шубочкина Е.И., Молчанова С.С., Куликова А.В. Гигиенические проблемы формирования здорового трудового потенциала в современных условиях // Вестник РАМН. – 2009. – № 8. – С. 23-27.
- Статистические отчеты. 29 мая 2017 г.
- Хауранд С., Улрих, Г., Венигер, М. Stressmedizin. Medizinisch Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft. Berlin. – 2015. – 300 стр.
- Shreder N. H. Das Stresskonzept – in Theorie und Praxis moderner denn je. Verhaltenstherapie und psychosoziale Praxis, 2016. 48 (3), S. 539–551.

References

- Atrashenko G.N. (2005) Vlianie znanii po fizicheskoi kulture na serdechno-sosudistoi sistemi i dyhatelnoi sistemi studentov [The impact of physical education classes on the cardiovascular system and the respiratory system of students]. Hygiene and sanitation pp. 41-42.

- Batrymbetova, S. A. (2008) Mediko-sotsialnaia harakteristika studentov i nauchnoe obosnovanie kontseptsii ohrany zdorovia [Medical and social characteristics of students and the scientific rationale of the concept of health care]. (na primere g Aktobe RK): avtoreferat dissertatsii na soiskanie doktora meditsinskih nauk S.A. Batrymbetova. - M., pp. 47
- Baiyer K. (1997) Zdorovy obraz jizni. [Healthy lifestyle]. – M.: Mir, pp. 368
- Baranov A. A. (2010) Strategia «Zdorove i razvitie podrostkov Rossii»[Strategy “Health and development of adolescents in Russia”]. (garmonizatsia Evropeiskih i Rossiskih podhodov k teorii i praktike ohrany i ukreplenia podrostkov) pp. 108.
- Garber, A.I., Karapetian, L., Reshke, K. (2018). Upravlai stressom s optimizmom! Obuchaya treningovaya programma po stress-menedjmentu na osnove sovremennoi povedencheskoi psihologii i psihoterapii. Göttingen: Cuvillier-Verlag.
- Garber, A.I. (2018) Upravlai stressom s optimizmom! Obuchaya treningovaia programma po stress-menedjmentu na osnove sovremennoi povedencheskoi psihologii i psihoterapii A.I. Garber, L.Sh. Karapetian., K.-H. Reshke – 2 izd., 1spr. 1 dop. – Samara: Art-Lait, pp. 192.
- Kojevnikova N. G. (2011) Rol faktorov riska obraza jizni v formirovanii zabolevaemosti studentov [The role of lifestyle risk factors in the formation of student morbidity]. Zemskii vrach. pp. 13-17.
- Kamaev I. A., Pozdeeva T. V., Nepriahin D. V. i dr. (2005) Innovatsionnye tehnologii formirovaniya zdorove sberegausego povedenia[Innovative technologies of health-saving behavior formation].: Metod. Rekomend. – N. Novgorod: Plamia, pp. 52
- Kamaev I.A., Pozdeeva T.V., Dmitrochenkov A.V., Ananin S.A. (2005) Zdorove i obraz jizni shkolnikov, studentov i prizyvnoi molodeji sostoianie, problemy, puti reshenia[Health and lifestyle of schoolchildren, students and recruiting youth: state, problems, solutions] N. Novgorod: pp. 108
- Kausova G.K., Urazimanova G.S. (2017) Mediko-sotsialnaia otsenka sostoiania zdorovia i optimizatsia meditsinskoi pomoshi studentam[Medical and social health assessment and optimization of medical care for students]. (obzor literatury) Vestnik KazNMY. pp. 295-297.
- Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan N.Nazarbaeva narody Kazahstana.
- Rappoport, I.K. (2010) Sistemnyi podhod k provedeniih vrachebnyh professionalnyh konsultatsi podrostkov i molodeji[A systematic approach to the conduct of professional medical consultations for adolescents]. Gigiena i sanitaria pp. 55-62.
- Reshke, K., Shreder H. 2010g. Optimistisch den Stress meistern. Tübingen, DGVT Verlag str
- L.M. Suhareva, E.I. Shubochkina, S.S. Molchanova, A.V. Kulikova (2009) Gigienicheskie problemy formirovaniya zdorovogo trudovogo potentsiala v sovremennuh usloviah . Vestnik RAMN pp. 23-27.
- Haurand C., Ullrich H., Weniger M. (2015). –pp.56
- Shreder N. (2016) Das Stresskonzept – in Theorie und Praxis moderner denn je. Verhaltenstherapie und psychosoziale Praxis, pp. 539–551.

¹Aimaganbetova O.Kh., ²Zhantikeev S.K.,
³Adilova E.T., ⁴Sadvakassova Z.M., ⁵Kasym L.

¹doctor of psychological sciences, professor of the general and applied psychology department, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: alnara25@mail.ru

²candidate of psychological sciences, associate professor of psychology, Astana Turan University, Kazakhstan, Nur-Sultan, e-mail: zhantikeev_serik@mail.ru

³PhD student, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: elnura.adilova@mail.ru

⁴Candidate of pedagogical sciences of the general and applied psychology department, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: zuhra76@mail.ru

⁵assistant of the Centre of cross – cultural researches, University of Guelf, Canada, e-mail: l.kassym@gmail.com

INFLUENCE OF CULTURE ON PSYCHOLOGICAL GENDER DIFFERENCES

This article is devoted to the study of the influence of culture on psychological gender differences. In defining the very concept of “gender”, we proceeded from the generally accepted understanding that gender is primarily a social and biological characteristic, thanks to which the whole world is divided into the world of men and women. Consequently, in modern cross-cultural psychology, gender is viewed as a complex sociocultural construct that determines differences in roles, behavior, mental and emotional characteristics of men and women.

The article presents the basic concepts of gender studies, theories and methods of gender studies in a cross-cultural context, and also studies psychological gender differences in different cultures. Also described are the theoretical and methodological aspects of conducting applied gender studies ö D. Matsumoto, J. Berry, G. Triandis, and others, the focus of which is the study of the main attributes of masculinity and femininity. An analysis of the results of these studies allowed J. Berry and his colleagues to conclude that a high degree of agreement on male and female stereotypes proved the effect of psychological universals that determine gender characteristics.

Thus, studying the influence of culture on psychological gender differences gave us the opportunity to formulate the conclusion that any type of culture contributes to the manifestation of certain differences in behavior between men and women, as well as differences related to their role, responsibilities and responsibilities in society, what appears to be true for one culture may not be for another. In this regard, we need to further explore the role that culture plays in creating and maintaining gender and gender differences.

Key words: culture, gender, masculinity, femininity, gender stereotypes, gender prejudices, etc.

Аймағанбетова О.Х.¹, Жантикеев С.К.², Адилова Э.Т.³, Садвақасова З.М.⁴, Л. Касым⁵

¹психология ғылымдарының докторы, жалпы және қолданбалы психология кафедрасының профессоры, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: alnara25@mail.ru

²психология ғылымдарының кандидаты, доцент, Астана-Тұран университеті, Қазақстан, Астана қ., e-mail: zhantikeev_serik@mail.ru

³жалпы және қолданбалы психология кафедрасының PhD докторанты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: elnura.adilova@mail.ru

⁴педагогика ғылымдарының кандидаты, жалпы және қолданбалы психология кафедрасының доценті, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: zuhra76@mail.ru

⁵Гуэлф университеті кросс-мәдени зерттеу орталығының қызметкері, Канада, e-mail: l.kassym@gmail.com

Психологиялық гендерлік айырмашылыққа мәдениеттің әсері

Бұл мақала психологиялық гендерлік айырмашылықтарға мәдениеттің әсерін зерттеуге арналған. «Гендер» деген түсінікті анықтауда біз жалпыға бірдей түсінікке сүйендік, гендер бұл

алдымен әлеуметтік-биологиялық сипаттама, соның арқасында бүкіл әлем ерлер мен әйелдердің әлеміне бөлінеді. Демек, қазіргі кросс-мәдени психологияда гендер кешенді әлеуметтік-мәдени құрылыс, рөлдердегі айырмашылықтарды анықтау, жүріс-тұрыс, ерлер мен әйелдердің ақыло-ойы мен эмоциялық сипаттамаларын қарастырады.

Мақалада гендерлік зерттеулердің негізгі ұғымдары, мәдениетаралық контексте гендерлік зерттеулердің теориялары мен әдістері, сондай-ақ әртүрлі мәдениеттердің гендерлік айырмашылықтары зерттеледі. Сондай-ақ, қолданбалы гендерлік зерттеулерді теориялық және әдіснамалық аспектілер сипатталады – Д. Мацумото, Дж. Берри, Г. Триандисом және басқалар, бастысы ерлер мен әйелдіктің негізгі белгілерін зерттеу болып табылады. Осы зерттеулердің нәтижелерін талдау Дж.Берри мен оның әріптестеріне ерлер мен әйелдердің стереотиптеріне қатысты жоғары дәрежелі келісім гендерлік сипаттамаларды анықтайтын психологиялық әмбебаптардың әсерін дәлелдеді деген қорытынды жасауға мүмкіндік берді.

Осылайша, мәдениеттің гендерлік айырмашылықтарға әсерін зерттеу бізге мәдениеттің кез келген түрінің ерлер мен әйелдердің мінез-құлқындағы белгілі бір айырмашылықтардың пайда болуына, сондай-ақ олардың қоғамдағы рөліне, міндеттеріне және жауапкершілігіне қатысты айырмашылықтардың пайда болуына, бір мәдениеттің шынайылығы басқаша болуы мүмкін. Осыған байланысты біз гендерлік және гендерлік айырмашылықтарды қалыптастыру мен сақтауда мәдениеттің рөлін одан әрі зерттеуіміз керек.

Түйін сөздер: мәдениет, гендер, маскулиндік, феминистік, гендерлік стереотиптер, гендерлік нанымдар және т.б.

¹Аймаганбетова О.Х., ²Жанतिकеев С.К., ³Адилова Э.Т., ⁴Садвакасова З.М., ⁵Касым Л.

¹доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: alnara25@mail.ru

²кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, университет Астана-Туран, Казакстан, г. Нур-Султан, e-mail: zhanlikeyev_serik@mail.ru

³PhD докторант кафедры общей и прикладной психологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, Алматы, e-mail: elnura.adilova@mail.ru

⁴кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии,

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, Алматы, e-mail: zuhra76@mail.ru

⁵сотрудник центра кросс-культурных исследований университета Гуэлф, Канада, e-mail: l.kassym@gmail.com

Влияние культуры на психологические гендерные различия

Данная статья посвящена изучению влияния культуры на психологические гендерные различия. При определении самого понятия «гендер» мы исходили из общепринятого понимания, что гендер – это, прежде всего, социально-биологическая характеристика, благодаря которой весь мир делится на мир мужчин и женщин. Вследствие этого, в современной кросс-культурной психологии гендер рассматривается как сложный социокультурный конструкт, детерминирующий различия в ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках мужчин и женщин.

В статье представлены основные понятия гендерных исследований, теории и методы гендерных исследований в кросс-культурном контексте, а также изучаются психологические гендерные различия в разных культурах. Также описаны теоретико-методологические аспекты проведения прикладных гендерных исследований – Д. Мацумото, Дж. Берри, Г. Триандисом и др., в центре внимания которых находится изучение основных атрибутов маскулинности и феминности. Анализ полученных результатов этих исследований позволили Дж.Берри и его коллегам сделать вывод, что высокая степень согласия относительно мужских и женских стереотипов доказала действие психологических универсалий, определяющих гендерные особенности.

Таким образом, изучение влияния культуры на психологические гендерные различия дало нам возможность сформулировать вывод, что любой тип культуры способствует проявлению тех или иных различий в поведении между мужчинами и женщинами, а также различий, связанных с их ролью, обязанностями и ответственностью в обществе, то, что представляется верным в отношении одной культуры, может не соответствовать – в другой. В связи с этим, мы должны глубже изучать роль, которую играет культура в создании и поддержании гендера и гендерных различий.

Ключевые слова: культура, гендер, маскулинность, феминность, гендерные стереотипы, гендерные предубеждения и др.

Introduction

Recently, cross-cultural studies have become very popular with studies that focus on problems related to the study of gender behavior. Today, gender is regarded as a social and biological characteristic that makes it possible to divide the whole world into the world of men and women.

Consequently, in modern cross-cultural psychology, gender is defined as a complex sociocultural construct that determines differences in roles, behavior, mental and emotional characteristics of men and women.

In the context of the study of gender today, it is customary to distinguish two concepts – “sex” and gender and their derivatives.

The term “gender” (biological sex) refers to biological and physiological differences between men and women, manifested in anatomical, physiological, hormonal and biochemical sex differences (Kozlov, 2010).

The concept of “sex roles”, defining roles associated with biological functions, is used to describe the forms and patterns of behavior peculiar to men or women. Based on these differences, all

available collective images come into play, including values, cultural beliefs and expectations, which leads to male and female differences in socialization and differentiation of roles (Kozlov, 2010).

The concept of “gender identity” reveals the degree of awareness and acceptance by an individual of his gender and corresponding sex roles. The sexual identity of men is characterized by the awareness that they are, above all, men and identification with the masculine gender. Female gender identity is determined by the awareness of the woman herself as a woman who is able to realize herself in certain forms of behavior peculiar only to the identification of women with the female gender (Kozlov, 2010).

The emotional-cognitive component of the gender identity is determined by the influence of ecological, socio – political contexts, which in turn are determined by the type of economy aimed at providing food, and by the ever-increasing influence of acculturation to which most cultures, mainly from external media, Internet and other means of telecommunications, which lead to a significant change in stereotypes, ideologies and practices in other cultures.

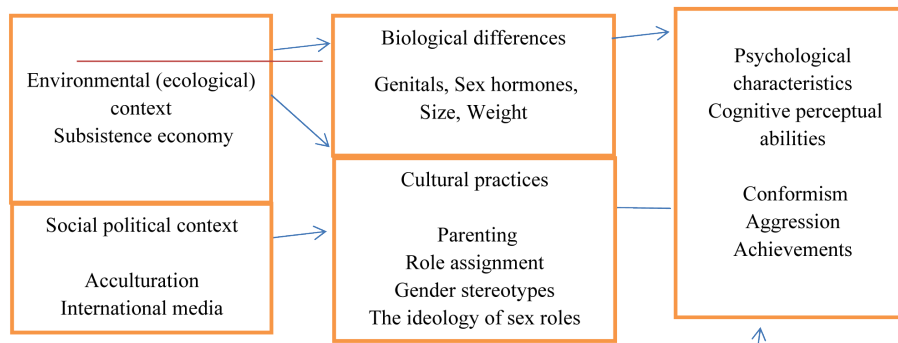

Figure – The relationship between contextual variables and gender differences in behavior

As for the concept of “psychological gender”, it is most often used to characterize those forms and patterns of behavior that are generally accepted for men or for women in the context of this particular society or culture.

The term “gender roles” shows how much a person accepts and follows the behaviors inherent in a particular culture.

The concept of “gender identity” reveals the extent to which a person is aware of or acknowledges the fact that he accepts certain gender roles.

The term “gender stereotypes” is used to describe typical psychological and behavioral characteristics

traditionally attributed to men and women in certain cultures.

However, today there are significant individual and psychological differences regarding these roles and stereotypes due to the fact that not all people fit into the stereotypes defined by traditional gender and gender roles accepted in society. These are, for example, women or men with non-traditional sexual orientation.

In the context of cross-cultural of gender, the study of the influence of culture and its characteristics on gender becomes more relevant.

These studies began in the United States in the 1950s and 1960s with the women’s rights

movement, which led society to take a fresh look at their role in society (Matsumoto, 2010:174). At that time, almost all studies devoted to the study of the problems of women were conducted mainly by male scientists. As a result, research was one-sided and understanding that there are so many differences between men and women, that women's psychology differs from that of men.

Today, similar studies are being carried out by scientists, both men and women, and studies are carried out on two samples, which makes it possible to expand the approaches, leading to numerous discussions and criticism.

Thus, in the end of twentieth century and in the beginning of twenty first century Gender Studies firmly occupied an important place among the topics addressed in the context of cross-cultural research (Matsumoto, 2010:175).

At the same time, there was a revision of generally accepted views and in relation to cultural norms that determine the characteristics of male and female stereotypes and behavior. However, today, despite numerous studies and the results obtained in this field, modern psychology still cannot unambiguously answer whether the behaviors of men and women, typical of many cultures, are absolute for others.

Main part

The basis of the theoretical and methodological aspects of conducting gender studies is modern multi-factorial theories (Matsumoto, 2010; Berry, 2007; Triandis, 2010), whose focus is on studying the basic attributes of masculinity and femininity. Numerous experimental and empirical studies based on this approach confirm its objectivity and reliability.

Today, cross-cultural psychology uses new methods of personality assessment, contributing to the study of gender representations in different cultural groups. For example, recently, a five-factor personality model (McCrae & Costa) has been widely used, aimed at studying the five main characteristics – extroversion, consent, consciousness, emotional stability and openness (Matsumoto, 2010: 325).

In addition, in the modern period, many new methods are widely used, the focus of which is the study of various aspects and manifestations of gender behavior of men and women from different cultures and living in different countries.

The starting point for modern cross-cultural studies of gender characteristics is the conclusion, formulated by D. Matsumoto, that gender features in the cross-cultural aspect need

to be studied in four areas – the study of gender stereotypes; gender roles and self – concept; G. Hofstede researches, as well as the study of psychological gender differences, including features related to the abilities in the field of perception, solving spatial and cognitive tasks, conformity and subordination, aggression and other psychological constructs (Hofstede, 1984).

In modern societies, gender stereotypes based on traditional forms of gender differentiation still persist: a man must be strong, independent, self-determined, emotionally restrained, whereas a woman must be dependent, weak, caring, emotional.

The most known in the field of gender stereotypes in the cross-cultural aspect received a study of American psychologists R. Williams and Best, who with the help of "Adjective check list" (ACL), conducted a survey of 3,000 residents of 30 various countries (Berry, 2010: 90).

In the course of the study, the subjects were asked to mark those adjectives that more commonly used for characteristic of the women, and those that are specific to men. At the same time, they should have noted those adjectives that, from their point of view, are peculiar of typical ideas about men or women accepted in their culture.

Systematizing and summarizing the answers, Williams and Best came to the conclusion that if more than two-thirds of respondents from a particular country indicated the same adjective as associated with a characteristic of a particular gender, this characteristic was considered generally accepted in the relevant culture. Then, by comparing the received data corresponding to the culture as a whole, the researchers decided that if this or that characteristic is accepted by more than two-thirds of the studied cultures, we can assume that there is a cross-cultural consensus on this characteristic to describe men or women. The results obtained revealed a high level of cultural commonality in the views on characteristics that are attributed to both men and women.

The degree of coincidence of typical descriptions of men and women, obtained from representatives of different cultures, was very high. For each country, adjectives associated with stereotypical ideas about men and women, for which a high level of consensus was manifested, were assessed using the *Affective meaning scoring system*.

All participants in the study, regardless of cultural affiliation, showed the same result as the adjectives they use, the men who are consistently associated with the stereotype, carried more action and power than the adjectives associated with the stereotype of

the woman. However, in countries such as Japan, South Africa, Nigeria, the pancultural influence of the preference of the male stereotype was not observed, and in Italy, Peru, Australia – female.

In general, the analysis of the results of these studies have allowed J. Berry and his colleagues conclude that the high degree of consensus on the male and female stereotypes has proven the effect of psychological universals defining gender.

Consequently, the presence of universally prevalent gender stereotypes makes it possible to assume that there are evolutionary conditioned cultural parallels defined by the division of labor between men and women, and the commonality of these psychological characteristics is a consequence of the universal form of the division of labor.

Simultaneously, R. Williams and Best conducted another type of analysis of the results obtained. To find out how these adjectives are distributed by their affective or emotional meaning, for each country, they evaluated adjectives by such indicators as preference, strength and activity. At this time, they also saw a striking similarity with respect to male and female stereotypes. For example, in all the countries studied, characteristics that are traditionally associated with men were attributed to greater strength and activity compared to characteristics associated with women.

Thus, the study showed that the division of labor associated with the difference in the reproducing functions of men and women caused differences in behaviors, which, in turn, led to differences in psychological characteristics.

Studies conducted by Williams and his colleagues on the study of gender stereotypes, have been further developed. In particular, they analyzed data from previous studies, collected in 25 countries using the “ACL” questionnaire and based on the five-factor model of personality, consisting of five basic personality dimensions, also known as the “Big Five” (Berry, 2010).

Analyzing the results of the study, psychologists have found that men in all studied cultures are characterized by higher rates in all dimensions, except for “social conformity”; at the same time, among women, regardless of cultural background, indicators for this dimension are much higher than among men.

In addition, the study showed that differences regarding gender stereotypes are most profound in those countries that are characterized by a more traditional, hierarchically organized type of society, which are characterized by a lower level of social and economic development, a low percentage of

women receiving education in higher education institutions.

Williams and his colleagues have deepened their research, re-evaluating the results obtained by them earlier in 27 countries using the “ACL” questionnaire on the measuring scales of the five-factor model. Then they analyzed the identified differences between men and women for each country separately. Scientists have discovered that the results they obtained earlier were generally confirmed for all countries. In addition, they compared data on gender differences on these scales with estimates on cultural scales, taken from two major works devoted to the study of values, as well as a number of demographic indicators and earlier estimates concerning gender ideology.

Based on the analysis and systematization of the results of the study, R. Williams and his colleagues concluded that differences in gender stereotypes are higher in those countries that are characterized by a more traditional, hierarchically organized type of society, lower levels of social, economic development, and a small percentage of women enrolled in higher education (Berry, 2010).

In countries that are characterized by the desire for equality of men and women, the differentiation between male and female gender stereotypes was less pronounced for all five factors.

Thus, analyzing the results of these studies, we can conclude that, in general, gender stereotypes are fairly stable in all cultures. In accordance with the typical image, generally accepted in all studied cultures, men are perceived as active, strong, independent and critical; prone to dominance, independence, showing such psychological traits as aggressiveness, demonstrativeness and perseverance. From the point of view of the five – factor model, the image of a man is associated with such personality traits as extraversion, neuroticism, and openness.

Women are perceived as more passive, weak, caring, and adaptive, and are characterized by the need for submission, adherence to authority, custody, belonging, and heterosexuality. They are characterized by the highest rates on the “social compliance” scale according to the five main personal factors,

Analyzing gender differences in the self – concept, D. Matsumoto cites the results of studies conducted by R. Williams and Best, who asked students from 14 countries to evaluate 300 adjectives of the ACL questionnaire in terms of whether these adjectives describe their real or ideal “I”. In addition to such indicators as preference, strength and activity, the responses received were

also evaluated on a scale of masculinity – femininity (Matsumoto, 2010).

The study showed that the ratings of men corresponding to both their real and ideal “I” were higher in terms of masculinity, respectively, the ratings of women were higher on the feminine scale. However, the presentation of both men and women about their ideal “I” were higher on a scale of masculinity than the actual description of themselves, that is, women would like to see themselves having psychological traits traditionally associated with men.

According to estimates of measurements related to emotional factors (preference, strength, activity), the “I – concept”, characteristic of men, was distinguished by higher ratings on the scale of power. In some countries, there was a relative similarity between the estimates of men and women in all three dimensions, while in other countries there were significant discrepancies. R. Williams and Best suggested that the level of discrepancy is related to such variables as socioeconomic status, religion and the percentage of women working outside the home.

Thus, the results of the study showed cross-cultural stability of gender differences, characterized by a number of universal psychological constructs.

If we talk about the researches of G. Hofstede, who conducted a large – scale survey of employees of a large transnational corporation, they were primarily devoted to the study of professional values. Based on the results obtained, Hofstede identified four dimensions that describe cultural differences. One of the most important measurements was the scale – masculinity (MA), which reflected the degree to which a particular culture forms, encourages and preserves value differences between men and women. The high rates of masculinity among representatives of a certain culture showed that the accepted in this culture ideas about professional activity and work in enterprises are associated with the male sex (Hofstede, 1984).

The study showed that the highest masculinity scores were found in Japan, Austria, Venezuela and Italy. Conversely, low marks on the MA scale are typical for countries such as Denmark, the Netherlands, Norway and Sweden, which differ in minimizing sex and gender differences associated with work.

Thus, a study conducted by G. Hofstede showed that cultural norms describing the types of behavior characteristic of men and women have different psychological effects on representatives of these cultures and results directly affect their behavior in everyday life (Hofstede, 1984).

Almost all studies of gender behavior, conducted in a cross-cultural context, prove that typical behavioral patterns for men and women resulting from biological and physiological differences are a source of differences in the areas of psychology and mentality.

An analysis of the literature has shown that a number of researchers (Matsumoto, 2010; Berry, 2007; Purtinga, 2010) distinguish three areas of their manifestation – perceptual / spatial / cognitive abilities; conformance and submission; aggressiveness. The results of the study of these areas led researchers to conclude that, despite the existence of gender differences characteristic of all cultures, in each of these areas, differences between men and women appear differently depending on the culture.

For example, many psychologists say that men have better developed mathematical abilities and spatial imagination than women, who are distinguished by more developed linguistic abilities. The analysis of test results carried out in European countries using standardized methods confirms the validity of this point of view. The Russian psychologist A. Anastasi also wrote about this at one time, that adolescent boys have better developed mathematical abilities, and girls have better linguistic ones .

At the same time, studies conducted by J. Berry showed that men and women of the Inuit Eskimo men living in Canada have no such differences. Canadian psychologist suggested that the superiority of men in spatial thinking is typical for cultures that are characterized by “compactness” (relative homogeneity), sedentary lifestyle and agricultural forms based on agriculture, while the superiority of women is characteristic of nomadic cultures of more open type living mainly through hunting and gathering (Berry, 2010).

Psychological gender differences are also realized in gender role stereotypes, according to which women are more conformal and prone to submission than men. This stereotype is due to the fact that, according to traditional notions, a man is “the head of the family”, therefore he has power and authority. Women involved in housekeeping are obliged to obey the man.

However, studies of the conformity index in representatives of 17 cultures conducted by J. Berry showed that the extent to which this stereotype corresponds to reality varies greatly from culture to culture. According to this psychological characteristic, between the studied cultures, obvious differences were found, connected, in

the opinion of the researchers, with the cultural concept of compactness, as in the case of the level of development of spatial abilities.

One of the stereotypes of gender differences in behavior is the conclusion that men are more aggressive than women. Indeed, as practice shows, men commit more crimes related to the manifestation of aggressiveness and violence.

Studies aimed at studying the biological correlates of aggression have shown that in men the development of aggressiveness occurs due to an increase in testosterone levels. However, studies conducted by J. Berry, M. Sigall revealed that the hormonal factor only to some extent can influence the level of aggressiveness growth, when the human body is “ready for sex differences, the culture can drown out or strengthen them”. On this basis, they came to the conclusion that it is culture and social environment that can contribute to the development of aggressive tendencies or, conversely, restrain them (Berry, 2010).

A number of researchers do not agree with this view. They believe that male aggression, which is a compensatory mechanism, helps the growing boy to resolve the conflict between identification with his mother and other people of the opposite sex, raising him in childhood, and the need to enter adulthood as a man, who is most acute in the period of sexual ripening. According to this model, aggressiveness is a “gender-marking” form of behavior.

Regardless of which specific mechanisms are responsible for the formation of gender differences associated with aggressive behavior, it is clear that gender stereotypes are determined by cross-cultural differences.

When studying gender differences in different cultures of particular interest are studies of preferences choosing a partner. One of the interesting studies of preferences in choosing a partner in the cross-cultural aspect is a study conducted by Bass and his colleagues, who collected data from 37 samples with a total number of 10,000 respondents from 33 countries. Subjects were asked to mark their preferences in two lists of potential partner characteristics, putting down ratings in order of preference. As the study showed, the men and women participating in the survey put on the first place such characteristics as “kind and understanding”, on the second – “smart”, on the third – “interesting person”, on the fourth – “healthy” and “religious” on the last. The study also showed that, regardless of the cultural affiliation, the interviewed women evaluated their partners’ ability to earn well higher than men. At the same time, men, regardless

of cultural affiliation, evaluated the physique of a partner higher than women (Matsumoto, 2010).

The study also showed that there are cultural differences in the matter of assessing chastity. For example, if this characteristic of a bride turned out to be unimportant for representatives of North European cultures, then for men living in China, India, Iran it is very important that the bride is chaste.

Culture also has a great influence not only on preferences when choosing a partner, but also on such a feeling as love. Studies of cross-cultural psychologists have shown that romantic love is more appreciated in those cultures in which kinship is not so strong and less so in cultures where relationships between partners in marriage are supported by strong kinship ties. For example, Japanese youth value romantic love less than student from West Germany does, and American student’s grades are intermediate between the first and second. At the same time, American students, in comparison with young Swedes, draw a sharper border between love and sex.

In 1993, the researcher Dion conducted a study of the understanding of love and intimacy in Canada and the United States, which traditionally belong to individualistic societies, as well as in China, India, and Japan, which traditionally belong to collectivist cultures. The study showed that in individualistic cultures people emphasize on romantic love and personal fulfillment in marriage. However, individualism makes the achievement of these results problematic. Collectivist cultures, on the contrary, favor the strengthening of intimacy, but it, as a rule, is wasted on many kinship ties.

In 1993, Kauppinen – Toropainen and Gruber conducted a cross cultural study of the hostile behavior of men towards women in a study of gender. The study involved women residing in the United States, Scandinavia, and the former Soviet Union. The study showed that the majority of information about the hostile behavior towards women was noted by residents of the United States. Women from Scandinavia had fewer psychological problems and were in more favorable work environment than American women. As for women from the former Soviet Union, the study showed that they were subjected to less sexual harassment than respondents from other countries (Matsumoto, 2010).

A cross-cultural study conducted in 2010 in Kazakhstan by Z.M. Balgimbaeva gender bias showed that men have gender bias towards women. And among the Uighurs, they are more

pronounced than among the male Kazakhs, and especially the male Russians (Balgimbaeva, 2012).

A cross-cultural study of attitudes towards rape victims was conducted in 15 countries by a psychologist from Singapore Ward. The study showed that representatives of the UK, Germany and New Zealand showed a favorable attitude towards rape victims. At that time, students from Turkey, Mexico, Zimbabwe, India, and especially Malaysia expressed disapproval of them. So, we know there are quite a few examples when rape victims in India are killed or expelled from communities. As it happened quite recently in 2016 in Malaysia, when the raped girl was just beaten to death with stones (Lebedeva, 2012).

Analyzing such attitudes towards women, it can be concluded that attitudes towards rape victims reflect a common attitudes toward women who are generally more favorable in countries with more modern gender – role ideology and less favorable in countries where the percentage of women working outside the home is low and the level of literacy is low.

Conclusion

Today, in the twenty first century this problem has become particularly relevant in view of the fact that the modern woman begins to take a more active role in society. For example, in a number of developed countries, women become heads of state (England,

Brazil, Nicaragua, Latvia, etc.). In the United States today, a woman is running for president but in countries with traditionally masculine culture, changes in attitudes toward women are gradually taking place.

Therefore, in the context of studying the influence of culture on gender you can see new aspects of the development of society, to involve deeper into the essence of the processes. Socio-economic, political and cultural changes taking place in modern society, the emergence of new values lead to a rethinking of sex-role behavior of different cultures therefore, it is very important today to conduct cross – cultural research (Lebedeva, 2012).

Men and women will always have specific gender roles in any society and in any culture. Any type of culture contributes to the manifestation of certain differences in behavior between men and women, as well as differences related to their role, duties and responsibility in society. What appears to be true for one culture may not correspond to the state of affairs in another. The specific mechanisms underlying these differences should be the subject of further research, which should take into account the complex nature of the interaction between biological, cultural and psychological factors.

Thus, cross-cultural research on gender is a relatively new area of psychological research that will allow us to further explore the role that culture plays in creating and maintaining gender and gender differences.

Литература

- Aimaganbetova O.H., Turgumbayeva A.M. The impact of culture on gender stereotypes. Bulletin of KazNU. Series of Psychology and Sociology. – 2016. – №3 (58). – С. 4-12.
- Балгимбаева З.М. Кросс-культурное исследование гендерных предубеждений: автореф. дисс. на соискание ученой степени д. психол. н. – Алматы, 2012.
- Бендас Т.В. Гендерная психология. – СПб, Питер, 2005. – 431.
- Берри Дж., Пуртинга А., Сигал М., Дасен П. Кросс-культурная психология. Исследования и применение /перевод с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2010.
- Клецина И.С. От психологии пола к гендерным исследованиям в психологии // Вопросы психологии. – 2002. – № 2. – С. 61-78.
- Козлов В.В., Шухова Н.А. Гендерная психология. – М.: Смысл, 2010.
- Коул М. Культурно – историческая психология. Наука будущего. – М.: Когито-Центр, 2012.
- Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс – культурную психологию. – М.: Издательский дом «Ключ», 2012.
- Matsumoto D. Culture and Psychology. – CA: Brooks Cole, 1996.
- Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. – СПб.: Прайм – Евразия, 2002.
- Мацумото Д. Психология и культура. – СПб.: Прайм – Евразия – М.: Ома Пресс, 2010.
- Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология. – СПб.: Питер, 2012.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2012.
- Триандис Г. Культура и социальное поведение. – М.: Форум, 2010.
- Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. – Beverly Hills, CA: Sage, 1984.
- Vygotsky L.S. Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978.

Vygotsky, L.S., & Luria, A.R. Studies on the history of behavior: Ape, primitive, and child (V.I. Golod & J.E. Knox, Eds.). – Hillsdale, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates, 1993.

References

- Aimaganbetova O.H., Turgumbayeva A.M. (2016) The impact of culture on gender stereotypes. *Bulletin of KazNU. Series of Psychology and Sociology*, no 3 (58), pp. 4-12.
- Balgimbaeva Z.M. (2012) Kross-kul'turnoye issledovaniye gendernykh predubezhdeniy [Cross-cultural study of gender bias], author. diss. for the degree of Doctor of Psychology. Almaty, p.32.
- Bendas T.V. (2005) Gendernaya psikhologiya [Gender psychology]. SPb, Peter, pp. 431.
- Berry J., Purtinga A., Sigal M., Dasen P. (2010) Kross-kul'turnaya psikhologiya. Issledovaniya i primeneniye [Cross-Cultural Psychology. Research and application] translation from English. Kharkiv: Humanitarian Center.
- Kletsina I.S. (2002) Ot psikhologii pola k gendernym issledovaniyam v psikhologii [From psychology of gender to gender studies in psychology]. *Questions of psychology*, no 2, pp. 61-78.
- Kozlov V.V., Shukhov N.A. (2010) Gendernaya psikhologiya [Gender psychology]. Moscow: Meaning
- Koul M. (2012) Kul'turno – istoricheskaya psikhologiya. Nauka budushchego [Cultural – historical psychology. Science of the future]. M.: Kogito – Center
- Lebedeva N.M. (2012) Vvedeniye v etnicheskuyu i kross – kul'turnuyu psikhologiyu [Introduction to ethnic and cross – cultural psychology]. M.: Publishing house “Key”.
- Matsumoto D. (1996) Culture and Psychology. CA: Brooks Cole.
- Matsumoto D. (2002) Chelovek, kul'tura, psikhologiya. Udivitel'nyye zagadki, issledovaniya i otkrytiya. [Man, culture, psychology. Amazing riddles, explorations and discoveries]. SPb.: Prime – Evroznak.
- Matsumoto D. (2010) Psikhologiya i kul'tura [Psychology and Culture], translation from English. SPb.: Prime, Evroznak, Moscow, Oma Press.
- Pochebut L.G. (2012) Kross-kul'turnaya i etnicheskaya psikhologiya [Cross-cultural and ethnic psychology]. SPb.: Peter.
- Stefanenko T.G. (2012) Etnopsikhologiya [Ethnopsychology]. M.: Aspect Press.
- Triandis G. (2010) Kul'tura i sotsial'noye povedeniye [Culture and social behavior], translation from English. M.: Forum.
- Hofstede G. (1984). Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage.
- Vygotsky L.S. (1978). Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. Cambridge, MA: Harvard University Press
- Vygotsky, L.S., & Luria, A.R. (1993) Studies on the history of behavior: Ape, primitive, and child (V.I. Golod & J.E. Knox, Eds.]. Hillsdale, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates.

Трубников В.П.¹, Гарбер А.И.²

¹ PhD докторант 3-го курса, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: viktor040688@mail.ru

²Dr. PhD, ассоциированный профессор психологии, Реабилитационная клиника «Reinhardshöhe», Германия, г. Бад Вильдунген, e-mail: alena.garber@gmx.de

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ,
ВЛИЯЮЩИХ НА ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ДЕНЬГАМ**

Изучение психологии денег и работа с молодёжью по формированию денежной культуры особенно важны сейчас в Казахстане для формирования самостоятельности, финансового интеллекта, экономической свободы, умения принимать адекватно-грамотные решения, а так же полноценного роста и развития молодой, перспективной во всех отношениях личности гражданина своей страны. В данной статье рассмотрен психологический анализ основных факторов, влияющих на отношение человека к деньгам, так как именно от них зависит не только здоровое отношение к монетарным ценностям, но и все ценностно-смысловые аспекты отношений человека к себе и к миру, включая культуру поведения в целом. Ценностно-смысловое отношение к деньгам формируется в период становления и развития человека, то есть в течение всей его жизни. При анализе факторов внешнего и внутреннего воздействия на отношение человека к деньгам учитывался тот факт, что современные деньги давно вышли за рамки экономического регулятора социальных отношений, став весьма значимым аспектом, обнажающим психологические проблемы личности и общества до максимального предела.

Адриан Фернхем в своей работе «Личность и деньги» выделил шесть основных факторов, непосредственно влияющих на денежное поведение человека, включающих его социальное положение, окружение и экономический статус, гендерную принадлежность индивидуума, его возраст и характерные личностные особенности. Каждый из этих факторов был подробно рассмотрен в нашей статье, благодаря анализу современных исследований, проведенных с учетом факторной структуры отношения к деньгам. В целом, избавление от идеологических мифов и уравнилельной этики социалистического периода истории Казахстана, овладение новыми стратегиями совладающего поведения позволит в будущем сформировать у человека здоровое отношение к деньгам, их социальным функциям, приведет к современному уровню развития денежных отношений. Сформированное здоровое отношение к деньгам позволит молодёжи отойти от потребительского отношения и деструктивно-пассивного ожидания помощи от родных, близких и государства.

Ключевые слова: деньги, ценность, внешние и внутренние факторы, культура, отношение.

Trubnikov V.P.¹, Garber A.I.²

¹ PhD doctoral, 3rd year, Kazakh national University named after al-Farabi, Kazakhstan, Almaty, e-mail: viktor040688@mail.ru

² PhD, associate Professor of psychology Rehabilitation clinic «Reinhardsh-he», Germany, Bad Wildungen, e-mail: alena.garber@gmx

Psychological analysis of the main factors influencing on the person's attitude to money

The study of the psychology of money and work with young people on the formation of monetary culture is especially important now in Kazakhstan for the formation of independence, financial intelligence, economic freedom, the ability to make adequate and competent decisions, as well as the full growth and development of a young, promising in all respects the personality of a citizen of his country. In this article the psychological analysis of the main factors influencing the relation of the person to money as not only the healthy relation to monetary values, but also all value and semantic aspects of the

relations of the person to itself and to the world, including culture of behavior as a whole depends on them is considered. Value-semantic attitude to money is formed during the formation and development of man, that is, throughout his life. When analyzing the factors of external and internal influence on the human attitude to money, the fact that modern money has long gone beyond the economic regulator of social relations, becoming a very important aspect, exposing the psychological problems of the individual and society to the maximum limit, was taken into account.

Adrian Fernham in his work "Personality and money" identified six main factors that directly affect the monetary behavior of a person, including his social status, environment and economic status, gender of the individual, his age and personal characteristics. Each of these factors has been discussed in detail in our article, thanks to the analysis of modern research carried out taking into account the factor structure of the relationship to money. In General, getting rid of ideological myths and equalizing ethics of the socialist period of the history of Kazakhstan, mastering new strategies of coping behavior will allow in the future to form a healthy attitude to money, their social functions, will lead to the modern level of development of monetary relations. Formed a healthy attitude to money will allow young people to move away from consumer attitudes and destructive-passive expectations of help from family, friends and the state.

Key words: money, value, external and internal factors, culture, attitude.

Трубников В.П.¹, Гарбер А.И.²

¹3 курс PhD докторанты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: viktor040688@mail.ru

²Dr. PhD, қауымдастырылған психология профессоры Reinhardsh-he
«Оңалту клиникасы», Германия, Бад Вильдунген қ., e-mail: alena.garber@gmx.de

Адамның ақшаға деген қарым-қатынасына әсер ететін негізгі факторларды психологиялық талдау

Ақша психологиясын зерттеу және жастармен ақша мәдениетін қалыптастыру бойынша жұмыс қазіргі таңда Қазақстанда дербестікті, қаржылық интеллектіні, экономикалық еркіндікті қалыптастыру, барабар-сауатты шешімдер қабылдай білу, сондай-ақ өз елінің азаматы тұлғасының барлық жағынан болашағы бар жас, толыққанды өсуі мен дамуы үшін аса маңызды. Бұл мақалада адамның ақшаға деген қарым-қатынасына әсер ететін негізгі факторлардың психологиялық талдауы қарастырылған, өйткені оларға тек монетарлық құндылықтарға деген салауатты қарым-қатынас қана емес, сонымен қатар адамның өзіне және әлемге деген қарым-қатынасының барлық құндылық-мағыналық аспектілері, жалпы мінез-құлық мәдениетін қоса алғанда. Ақшаға құндылық-мағыналық көзқарас адамның қалыптасуы мен дамуы кезеңінде, яғни оның өмір бойы қалыптасады. Адамның ақшаға қарым-қатынасына сыртқы және ішкі әсер ету факторларын талдау кезінде қазіргі заманғы ақша әлеуметтік қатынастардың экономикалық реттеушісі шеңберінен бұрын шығып, жеке тұлға мен қоғамның психологиялық проблемаларын барынша шегіне дейін жалаңаштандыратын аса маңызды аспектіге айналған факт ескерілді.

Адриан Фернхем өз жұмысында «Жеке тұлға және ақша» адамның ақшалай мінез-құлқына тікелей әсер ететін алты негізгі факторды бөлді, оның әлеуметтік жағдайы, ортасы мен экономикалық мәртебесі, индивидуумның гендерлік қатыстылығы, жасы мен тән жеке ерекшеліктері бар. Осы факторлардың әрқайсысы ақшаға деген қарым-қатынастың факторлық құрылымын ескере отырып жүргізілген заманауи зерттеулерді талдаудың арқасында біздің мақалада егжей-тегжейлі қаралды. Жалпы, Қазақстан тарихының социалистік кезеңіндегі идеологиялық мифтер мен теңдестірілген этикадан арылу, ортақ мінез-құлықтың жаңа стратегияларын меңгеру болашақта адамда ақшаға, олардың әлеуметтік функцияларына деген салауатты қарым-қатынасты қалыптастыруға мүмкіндік береді, ақша қатынастарының қазіргі заманғы даму деңгейіне әкеледі. Ақшаға деген дұрыс қарым-қатынас жастардың тұтынушылық қарым-қатынастарынан және туыстарынан, жақындарынан және мемлекеттен деструктивті-пассивті көмек күтуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: ақша, құндылық, сыртқы және ішкі факторлар, мәдениет, қатынас.

Изучение психологии денег особенно важно на данный момент в Казахстане для формирования новой культуры денежных отношений среди молодёжи – перспективного будущего страны. Влияние денег на поведение человека и его характер многократно описаны (с самых разных ракурсов диаметрально противоположных точек

зрения) преимущественно в художественно-публицистической литературе трагикомического характера, включающих эзотерические изыски разнообразных мифов народов мира. Психология же реального отношения к монетарным ценностям и денежного поведения человека с точки зрения фундаментальной науки – область

весьма малоизученная. История человечества, начиная самого начала появления денег, всегда находилась в табуированных рамках морально-этических догм религиозных и общественных постулатов, порождая загадочность образа и меры этого своеобразного символа достижений, власти и успеха. А.Б. Фенько в своей работе «Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях» по этому поводу пишет: – «То есть оказалось, что люди думают о деньгах почти постоянно, но говорят о них очень мало и с очень немногими людьми. С ростом доходов возрастает «таинственность» и стремление скрыть свое богатство» (Фенько, 2000: 50).

К таким же выводам пришли в своих исследованиях специалисты по психологии отношения человека к деньгам:

– М.Ю. Семенов в работе «Психология денег: денежные эффекты» (Семенов, 2011);

– Е. Каиров в работе «Отношение к деньгам наемных работников транснациональных компаний в Казахстане» (Каиров, 2005);

– О.С. Дейнека в работе «Экономическая психология» (Дейнека, 2000) и другие.

О том, что деньги важны в жизни практически любого человека, свидетельствуют многие факторы, проявляющиеся в наблюдаемом поведении человека. С одной стороны – неконтролируемое стремление к деньгам может являться источником девиантно-аффективного поведения, физического и психического дисбаланса здоровья индивидуума, его жизни и даже смерти, что подтверждается данными мировой статистики (Статистика, 2018).

С другой стороны – *социально-субъективное отрицание денег как «ценности» отражается на реальности объективного восприятия действительности человеком, порождая у него необоснованные иллюзии, что негативно влияет на конструктивность денежного поведения индивидуума.*

При всём при этом необходимо учитывать, что интенсивное информационно-маркетинговое давление, формируя активное потребительское поведение у человека, исходит из рыночных законов корпоративной прибыли, подчиняя себе все остальные аспекты жизни индивидуума. Монетарные ценности современного мира неразрывно связаны с человеком, его повседневной деятельностью, реализацией личностных ресурсов, творчеством, увлечениями, а так же такими чисто человеческими эмоциями как зависть, ненависть, дружба и любовь.

Необходимо учитывать, что Концепция здо-

рового образа жизни индивидуума включает в себя не только физиологические компоненты здорового питания и свободного времяпрепровождения, но и психологические аспекты конструктивно-здорового отношения к деньгам, являющимися для некоторых субъектов неиссякаемым стрессогенным источником внутреннего и внешнего конфликта. Конфликтные ситуации, в которых адаптивные возможности личности не соответствуют величине субъективно оцениваемой действующей нагрузке нарастания индивидуальных ощущений стресса, зачастую приводят к изменению объективных обстоятельств, порождая во многих случаях эффект полного разрушения отношений там, где можно было обойтись простым выяснением вопроса либо уточнением исходных данных мотивации того или иного поступка.

В этой связи психологический анализ основных факторов, влияющих на отношение человека к деньгам, позволит конструктивно систематизировать научный подход к вопросам формирования культуры здорового отношения к деньгам.

К. Ямаучи и Д. Темплер выделили пять основных факторов психологического влияния на отношение человека к деньгам, учитывая гендерные, демографические, социокультурные, национальные и личностные аспекты, повторяющегося денежного поведения присущего для определенной страны, вероисповедания, семейных установок и воспитания (Yamamuchi, 1982).

Знаменитый американский психолог, ведущий специалист в мире в области изучения психологии денег и их влияния на поведение человека, Адриан Фернхем в своей работе «Личность и деньги» выделил шесть основных факторов, непосредственно влияющих на денежное поведение человека, включающих его социальное положение, окружение и экономический статус, гендерную принадлежность индивидуума, его возраст и характерные личностные особенности (Фернхем, 2001).

На наш взгляд, шесть основных факторов, выделенных А. Фернхемом как основные, системно объясняют механизмы формирования основного денежного поведения человека и факторы, влияющие на него.

В данной конкретной статье первоначально обратимся к рассмотрению **гендерного фактора** отношения человека к деньгам.

Шон Берн в своей работе «Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения» установил, что традиционные роли мужчины и женщины в процессе материального обеспе-

чения семьи в настоящее время имеют весьма размытые границы, но, тем не менее, гендерный фактор влияния на денежное поведение человека проявляется повсеместно (Берн, 2009).

Женщины и мужчины, по мнению Е.И. Горбачева и А.Б. Купрейченко, тратят деньги совершенно по-разному. Отмечая в своих работах своеобразный эгоизм мужчин, порою сокращающих семейный бюджет, для покупки предметов своей увлеченности, они подчеркивают противоречия между существующими в обществе социальными представлениями о деньгах и ценностью денег для личности. Как считают эти исследователи, именно внутри системы факторов влияния, значений и смыслов ценностного компонента, которыми человек наделяет деньги, рождается его субъективное отношение к деньгам, приводящее, иногда, к глобальному внутриличностному конфликту. Неэффективно-спонтанное экономическое поведение, по их мнению, наступает именно тогда, когда противоречия нравственных или иных ценностей и норм сопровождаются острыми негативными переживаниями, связанными с деньгами и тревогой по поводу их отсутствия. У человека с достаточно низкой самооценкой и неуверенностью в себе денежное поведение может быть связано либо с тотальной экономией, либо, наоборот, с неоправданно высокими показными тратами – транжирством, проявляя, таким образом, многогранность факторов влияния на ценностно-смысловые аспекты отношения к деньгам человека (Горбачева, 2006).

А.Б. Фенько также указывает на проявление гендерных факторов влияния по отношению к деньгам: «По мнению Белка и Валлендорфа, женщины думают о деньгах как о способе приобретения вещей, а мужчины – власти. Поэтому все деньги, с которыми имеют дело женщины, – это профанные деньги, за исключением тех, которые тратятся на личные удовольствия (в последнем случае они олицетворяют зло). Деньги, которыми пользуются мужчины, частично сохраняют свой сакральный характер. Эти авторы считают также, что деньги, заработанные трудом, не приносящим внутреннего удовольствия, являются целиком профанными, а извлекаемые из любимого дела доходы воспринимаются как сакральные» (Фенько, 2000: 52).

А.В. Шперлинь в своем исследовании отмечает существенные различия в отношении к деньгам у мужчин и женщин. Выявленные им различия в группах мужчин и женщин с разным уровнем дохода указывают на то, что мужчинам

с доходом в 1000 долларов (при среднестатистических показателях по выборке 1494 доллара) свойственна большая психологическая напряженность, вызванная их финансовым положением. У них выше тревожность, меркантильность и скупость в отношении денег, чем у мужчин в других группах. Женщины с таким уровнем дохода имеют более низкие показатели по этим факторам (за исключением значений фактора финансовой озабоченности, снижающихся линейно по мере роста их дохода). Для женщин с таким уровнем дохода, в отличие от мужчин, такое положение является скорее точкой снижения психологического напряжения в монетарной сфере, проявляющегося по ряду факторов отношения к деньгам (Шперлинь, 2013).

Возрастной фактор влияния на денежное поведение человека исследовали Г.Э. Белицкая (Белицкая, 2003); А.А. Капустин (Капустин, 2001); В. Подуска (Poduska, 1992) и другие.

Все они обращают внимание на то, что факторы влияния отношения человека к деньгам меняются по мере его взросления, интеллектуального роста и развития личности. По мнению этих исследователей, деньги, удовлетворяя материальные потребности человека, выступают как средство существования и достижения более высокого качества жизни, определяющего статус человека в обществе, одновременно обеспечивая его самоактуализацию и самоутверждение личности путем реализации творческих и иных идей.

Кроме того, они указывают, что деньги также являются фактором влияния на духовную ориентированность личности, приводя, с одной стороны, к полной деградации, выраженной через жадность, бесчестие, зависть, предательство и т.д. Или, с другой стороны, наоборот, к духовному возвышению индивидуума посредством благотворительности, щедрости и меценатства.

М.Ю. Семенов и Мацнев Ю.В. в своей работе «Ценность денег в разные возрастные периоды» пишут, что «ценность денег для младшей возрастной группы оказалась значительно ниже. Следовательно, можно говорить о том, что «монетарная социализация» происходит в период возникновения экономической самостоятельности. Для молодежи 16-26 лет оказались более важными ценности самореализации, что, возможно, объясняется финансовой помощью родителей и, следовательно, наличием свободных ресурсов» (Семенов, 2005:107).

О.С. Дейнека неоднозначно указывает на то, что человек, с возрастом приобретая жизненный и финансовый опыт, обретает способность пла-

нирывать свой бюджет, меняя личностное отношение к основным мотивам потребления. Увеличение личных накоплений на случай кризисных ситуаций, болезней и других проблем, начинает создаваться индивидуумом для себя и своей семьи как «подушка безопасности» материального характера. Она также указывает на результаты многих исследований, которые показывают, что молодёжь, более чем старшее поколение, использует денежные траты и спонтанно-незапланированные покупки как своеобразный фактор психотерапии и самоуспокоения. (Дейнека, 2000).

Характерные особенности личности как фактор влияния на денежное поведение человека проявляются в ситуациях, непосредственно связанных с деньгами. Человек ведет себя определенным образом, демонстрируя типовое денежное поведение, проявляющееся не только на индивидуальном уровне, но и устойчиво проецируемое им как в семейных, так и социальных отношениях.

«Денежные» типы людей с характерными для них привычками, обобщённые системой критериев и признаков были объединены и классифицированы в рамках психоаналитического анализа клиническими психологами Х. Голдбергом и Р. Левисом (Goldberg, 1978).

Они определили четыре основные направления значения денег для человека, непосредственно проявляемые в его характере.

1) Деньги как символ безопасности:

– «Аскет» – получает удовольствие в самоотречении и показной бедности, пряча зависть и враждебность по отношению к более богатым;

– «Компульсивный эконом» – копит деньги, обретая чувство защищенности и безопасности, характерная черта – страх потери и недоверия к окружающим;

– «Компульсивный завсегдатай распродаж» – ощущает превосходство над другими людьми, покупая вещи дешевле, чем они;

– «Фанатичный собиратель» – для него коллекционирование это смысл жизни, часто заменяющее живое общение.

2) Деньги как символ власти:

– «Манипулятор» – использует деньги для эксплуатации человека, играя на их тщеславии и жадности;

– «Строитель империи» – строитель социальных систем, демонстрируя собственную независимость и уверенность в своих силах, пытаясь сделать других зависимыми от него;

– «Крестный отец» – использует деньги для взяток и контроля, обеспечивая себе чувство собственного превосходства.

3) Деньги как символ любви:

– «Покупатель любви» – покупает любовь и уважение, делая благотворительные взносы, пытается избежать чувства отверженности, угождая другим своей щедростью;

– «Продавец любви» – обещает другим любовь, привязанность и ласку, которая льстит его самолюбию;

– «Похититель любви» – жаждет любви, но чувствуя, что её не заслуживает рискует в других ситуациях, ведя себя поверхностно в любовных отношениях.

4) Деньги как символ свободы:

– «Покупатель свободы» – деньги для них это освобождение от правил, обязательств и даже просьб, которые ограничивают его самостоятельность и независимость;

– «Борец за свободу» – отвергает деньги и материальные ценности, считая, что дружба и товарищество являются для него главной наградой в борьбе против денег.

В основе классификации Н. Формана (N. Forman, 1987) лежат базовые символы денег, такие как власть, свобода и безопасность. Разрабатывая классификацию «денежных» типов личности, он определил основные типы человеческого характера, обозначив их следующим образом: магнат, транжира, скряга, игрок и торгаш. Кроме того, этот исследователь рассмотрел некоторые виды неврозов, связанных с накоплением денег, оплатой налогов, составлением завещания или использованием кредитных карт. Минимизировав «денежную» типологию личности до пяти типов и оставив ярко выраженные, такие как «скряга» (аналог компульсивного эконома) и «завсегдатай распродаж», Н. Форман добавил три новых характерных типажа такие как – «транжира», «азартный игрок» и «магнат», символизирующих совокупный образ и включающих в себя такие характерные типы как «строитель империи» и «крестный отец» из типологии Х. Гольдберга и Р. Льюиса.

По представлению Н. Формана:

– «транжира» – демонстрирует навязчивое и бесконтрольное поведение в отношении своих расходов, особенно в моменты депрессии и чувства отверженности;

– «магнат» – зарабатывает деньги для достижения высокого статуса и одобрения окружающих;

– «азартный игрок» – ощущает власть, которую ему приносит выигрыш, а его ожидания компенсируют риски проигрыша.

О.С. Дейнека, определяя такие же денежные типы, как и Н.Форман при внешнем

сходстве наименований, описывает их существенные отличия, выделяя следующие символы-ассоциации, связанные с понятием «деньги», характерные для человека, такие как средство существования, зарплата, самоутверждение, сила, комфорт, развлечения, конфликт, моральное зло, капитал, благополучие, счастье, информация, развитие и ответственность. По её мнению, ключевые символы денег в характере человека для:

- «аналитических» типов символизируют – безопасность;
- «наивных» – конфликт и моральное зло;
- «импульсивных» – власть и свободу;
- «экспрессивных» – самоутверждение и престиж (Дейнека, 2004).

В процессе исследований и наблюдений основной типологии характера «денежного» типа людей дополняли такие исследователи как В. Подуска (Poduska, 1985), И.Г. Андреева (Андреева, 2000) и другие.

Описывая основные проявления характера «денежного» типа людей, каждый из них по-своему характеризовал их психологические склонности и привычки, варьируя основные понятия определениями стиля характерного «денежного» поведения. Добавив к основной классификации такие «денежные» типы как «денежный флегматик» (равнодушен к деньгам); «денежный паразит» или «попрошайка»; «завистник», «мошенник», «шулер», «авантюрист», «искатель выгоды», «реалист», «предприниматель» и «трудолюбивый» эти исследователи значительно обогатили характеристики людей, демонстрирующие влияние денег на их психологию и денежное поведение в целом.

Рассмотрев гендерные, возрастные и характерно-личностные факторы, влияющие на отношение человека к деньгам, далее рассмотрим три последующих фактора влияния на отношение к деньгам, исходящие из «социального положения», «окружения» и «экономического статуса» человека.

Перейдем к рассмотрению фактора влияния «социального положения» на отношение индивидуума к деньгам. Казалось бы, безусловно, то, что первичные навыки обращения с деньгами формируются непосредственно в семье, в которой человек родился и вырос. Однако, необходимо отметить, что в работах А. Фернхнема как такового отдельного понятия «семья» нет и в этой связи можно закономерно предположить, что он включил данное обозначение в более обширное понятие, такое как «окружение» человека.

Результаты исследований психологии отношения человека к деньгам американского пси-

холога – семейного терапевта Клу Маданес и ее брата экономиста Клаудио Маданеса (Маданес, 1998) по своей сути, полностью согласуются с выводами А. Фернхнема. В опубликованной ими работе «Тайное значение денег» эти исследователи указывают на то, что деньги являются фактором энергии, движущей миром, остро возбуждающую эмоциональную сферу человека в виде любви, ненависти, зависти, жалости, злобы, доброты и стремления к власти. Отмечая огромную роль денег в развитии семейных конфликтов, К. и К. Маданесы также считают, что именно стиль жизни и решения, касающиеся денег, будут определять, какие взаимоотношения установятся между супругами, так как лишь немногие супружеские пары в начале семейной жизни детально обсуждают денежные вопросы. Большинство людей плывёт по течению, не слишком задумываясь о том, когда и как им следует принимать решения по отношению к деньгам, в основном решая денежные вопросы на ходу, то есть по мере их возникновения. Если, по их мнению, «Большинство людей плывёт по течению», то это явно указывает на отсутствие привития детям культуры конструктивно-здорового обращения с деньгами в большинстве современных семей.

Рассматривая фактор отношения человека к деньгам, определенный А. Фернхнем как «социальное положение», установлено, что оно может быть либо врожденным, либо приобретенным, но не стабильно изначально, т.к. подвержено изменениям. Перемена социального положения чаще всего влечёт за собой смену принадлежности к той или иной общественной группе. (Избранов, 2001). В этой связи «социальное положение» индивидуума как фактор влияния на отношение человека к деньгам является переменным фактором внешнего воздействия, что можно рассмотреть на примере изменения социального положения людей после распада СССР.

Необходимо отметить, что идеологическая концепция социалистического общества психологически отрицала «ценность» денег как таковых, породив тем самым своеобразный отголосок «рыночной экономики» в виде «спекуляции» и «теневой экономики» с подпольными цехами и другими атрибутами эпохи «тотального дефицита», включающих массу других малопривлекательных побочных явлений в виде «блата», очередей, талонов и запасов самого разного товара, закупаемого населением впрок и не всегда по назначению. Несомненно, с распадом СССР

многие потеряли свое социальное положение, когда на смену плановой экономики, вместе со свободой рынка и открытием границ для поступления товаров самого разного достоинства и качества произошла резкая смена психологического климата, выдвинувшая на передний план агрессивно-рыночный стиль социально-индивидуального поведения человека. Рыночная экономика, наполнив пространство красивыми вещами, внесла свои прагматические коррективы во взаимоотношения и психологический климат людей, поменяв кардинально функцию денег, обусловив «ценность денег» в совершенно другом ракурсе, значительно усилив их влияние на психику человека, изменив их социальный статус, по мнению А.Б. Фенько (Фенько, 2005).

В работе Е.В. Шелкопляса «Деньги, собственность и массовая психология: психолого-экономическая утопия» рассматривается немаловажный фактор влияния денег на человека в отдельности и социум (социальное окружение) в целом. Автор подчеркивает, что «именно деньги являются глубинными причинами дисгармонии социальных и экономических отношений в обществе» (Шелкопляс, 2005: 11). С другой стороны – деньги являются причиной субъективного благополучия человека в виде счастья. Каждый человек, социализированный в современном обществе, знает, что такое деньги и для чего они существуют.

Кроме того, хотелось бы отметить, что основные психологические модели денежного поведения человека, как правило, формируются в соответствии с социально-демографическим статусом человека и его индивидуально-социальными предпочтениями в монетарных отношениях.

Далее рассмотрим пятый фактор отношения человека к деньгам, определённый А. Фернхемом как «окружение». Окружение человека состоит не только из его семьи, но и той социальной среды, которая определена вышерассмотренным «социальным положением» индивидуума.

В отношении референтной группы, хотелось бы привести как пример исследование и выводы, полученные Вивианой Зелизер, которая установила, что отношение к деньгам человека зависит от способа их получения – честный, не честный, а также конкретных целей по их дальнейшему использованию. Именно на эффекте «отмывания» так называемых «грязных» денег основаны некоторые программы по созданию различного рода фондов помощи и спонсорских программ, отчисляющих часть своей прибыли (явно сомнительно-

го происхождения) на благотворительные нужды как бы «замаливая грехи» (Зелизер, 2002:58).

То есть ценностно-смысловая иерархия отношения человека к деньгам, связанная с ценностями его референтной группы, сталкиваясь с социальной реальностью в виде существенных противоречий монетарного влияния на сформированные у него морально-этические и социальные нормы, могут дестабилизировать человека настолько, что приведут его к «денежным расстройствам», занимающим всё большее место среди современных психических и психосоматических заболеваний, порой являясь основной и единственной причиной суицида (Статистика, 2018).

Е.Г. Ефремов и М.Ю. Семенов, исследовав такое понятие как «уровень материальных потребностей», установили желаемое как силу потребности и как уровень притязаний в данной сфере. На их взгляд, уровень материальных потребностей «зависит от сложившейся системы материальных расходов, тех норм материальной жизни, которые сформировались у человека под влиянием референтного и ближайшего социального окружения, СМИ, родительской семьи и т.п. (Ефремов, 2003: 208). То есть в данном контексте подчеркивается роль референтной группы, определяющей уровень материальных потребностей индивидуума.

Как и фактор «социальное положение», фактор влияния на отношения человека к деньгам, определённым А. Фернхемом как «окружение» человека, является переменным фактором, то есть не стабильным, так как подвержен изменениям в течение всей жизни человека.

Шестой фактор, выделенный А. Фернхемом как фактор формирования основного денежного поведения человека, это его «экономический статус».

Практически любое событие в современном социуме имеет в той или иной мере денежный эквивалент решения вопроса. Безусловно, что отражение и восприятие экономико-бытовой реальности в сознании человека являются важнейшими аспектами субъективной жизни человека, отражая его смысловую интерпретацию «ценности» денег. Но, тем не менее, здоровое стремление к терминальным ценностям «безбедной жизни» элементарно-бытового благополучия, выявленных М. Рокичем, напрямую зависят от применения инструментальных ценностей положительно-активного характера (Rokeach, 1973).

«Экономический статус» человека определяющий фактически-социальную роль инди-

видуума в виде предпринимателя или фермера, являющихся либо хозяевами, либо наемными работниками, являющихся подчиненными – формирует совершенно разное отношение человека к деньгам (Дейнека, 2000). В данном контексте очевидно, что подчеркивается превалирование «экономического статуса» над остальными факторами влияния, формирующими основные постулаты отношения человека к деньгам.

Факторы влияния «ценности» денег в контексте их психологического восприятия в течение многих веков были завуалированы правилами приличия религиозных и общественных догм, но, тем не менее, практически все знают, что любые социальные и человеческие действия современности основаны непосредственно на «цене вопроса», т.е. на деньгах. Молодое поколение жителей страны конца XX в. и начала XXI века попало в своеобразную психологическую раздвоенность между установками, получаемыми в семье от старшего поколения, выросшего на идеологии СССР, и реальной экономико-социальной обстановкой, продиктованной совершенно новыми рыночными отношениями.

Деньги как таковые достаточно давно перешли из ряда экономического феномена в феномен социальный, а значит не только психологичес-

кий, но и политический. Как утверждает профессор О.С. Дейнека в своей работе «Динамика макроэкономических компонентов образа денег в обыденном сознании»: «Проникнув в политику и образовав ее специфические формы (денежную, финансово-кредитную, налоговую, тарифную, политику доходов и заработной платы и т.д.), деньги стали не только экономическим, но и политическим и политико-психологическим феноменом. Именно в психологии людей лежат причины таких макроэкономических или политических явлений, как «денежные расстройства», «финансовые извращения», «инфляционные психозы», «финансовые паники» (Дейнека, 2002:36).

В заключении необходимо отметить, что все шесть основных факторов, оказывающих влияние на денежное поведение человека, выделенных А. Фернхемом, а именно «социальное положение», «окружение», «экономический статус», «гендерная принадлежность», «возраст» и «характерные личностные особенности», являются переменными факторами, так как подвержены изменениям в период процесса становления, взросления и развития человека, что позволяет его обучить разнообразным стратегиям совладающего поведения при формировании личностно-здорового отношения к деньгам.

Литература

- Андреева Г.М. Социальная психология. – 5-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 362 с.
- Андреева И.В. Экономическая психология: социокультурный подход. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.
- Бабосов Е.М. Общая социология: Учеб. пособие для студентов вузов. - 2-е изд., стер. – Мн.: Тетра Системс, 2004. – 640 с.
- Белицкая Г.Э. Особенности отношения к деньгам: деньги как предмет личностного осмысления. // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов 25-28 июня 2003 года: В 8 т.- СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.- Т. 1. – 120-125 с.
- Берн Шон. Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. – М.: Издательство: Прайм-Еврознак, 2007. – 204 с.
- Goldberg H., R. Lewis, Money Madness: The Psychology of Saving, Spending, Loving and Hating Money. – London: Springwood, 1978.
- Горбачева Е.И., Купрейченко А.Б. Отношение личности к деньгам: нравственные противоречия в оценках и ассоциациях. // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 4. – 26-37 с.
- Дейнека О.С. Динамика макроэкономических компонентов образа денег в обыденном сознании О.С. Дейнека.// Психологический журнал. Ред. А.В. Брушлинский. – 2002. – Том 23 №2 март-апрель 2002. -36-47 с.
- Дейнека О.С. Экономическая психология. Учеб. пособие – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2000. – 160 с.
- Дейнека О.С. Символизация денег: Опыт эмпирического исследования. Проблемы экономической психологии. // Том 1. Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 207-241 с.
- Ефремов Е. Г., Семенов М. Ю. Материальная удовлетворенность // Омский научный вестник. – 2003. – Вып. 23. – № 2. – 207-210 с.
- Зелизер В. Создание множественных денег. В. Зелизер Экономическая социология. – 2002. т. 3. N4. – 58–72 с.

- Избранов А.А. Энциклопедический словарь конституционного права / Сост. А.А. Избранов. – Мн.: Изд. В.М. Суров, 2001. – 626 с.
- Каиров Е. Отношение к деньгам наемных работников транснациональных компаний в Казахстане. //Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов. Психология XXI века. 22-24 апреля 2005 г. Под редакцией В.Б. Чеснокова – СПб., 2005. – 627 с.
- Капустин А.А. Отношение различных социальных групп к деньгам: На основе комплексного социально-психологического исследования. //Автореф. дис. канд. психол. наук.- Ярославль: Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2001.- 25 с.
- Маданес К. и К. Маданес, Тайное значение денег. Пер. с англ. А.Д. Иорданского. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 192. 3 – 6 с.
- Poduska B. Money, marriage, and maslow`s hierarchy of needs. B. Poduska. American Behavioral Scientist. -1992. – Vol. 35. – Issue 6.- pp. 756-770.
- Poduska, B. Financial counseling using principles of Adlerian psychology. B. Poduska. Journal of Adlerian Theory Research & Practice, 1985. --Vol. 41. -№ 2. – p. 136-146.
- Rokeach M. The nature of human values Free Press, 1973 – p. 438
- Семенов М.Ю. Психология денег: денежные эффекты. //Омские социально-гуманитарные чтения – 2011: матер. IV Межрегион. науч.-практ. конф. (Омск, 15-16 марта 2011 г.) – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011. – 252-256 с.
- Семенов М.Ю., Мацнев Ю.В. Ценность денег в разные возрастные периоды. Молодежь и ценности современного общества: //Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 28-29 апреля 2005 года. Г. Омск. Гл. ред. В.И. Разумов, зам. гл. ред. В.А. Баринов, В.В. Бабкин. Ред. Коллегия: А.А. Варакин, Я.Ю. Ворожко, О.В. Камшилин, О.Д. Майстришин, И.В. Носов. – Омск: типография «Ютон», 2005. – 376.-106-109 с.
- Статистика самоубийств, стресса и т.д. в мире. 2018 г. <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/statistic.htm>
- Фенько А.Б. Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях //Психологический журнал, № 1 -2000. – 50-62 с.
- Фернхем А. и П. Хейвен. Личность и социальное поведение. Гл. 9.7 Личность и деньги, – СПб.: Питер, 2001. – 297-336 с.
- Furnham Adrian and Patrick Heaven. Personality and Social Behaviour. 27 Nov 1998. p. 211
- Furnham Adrian and Michael Argyle. The Psychology of Money. 23 Oct 2013. p. 179
- Forman N. Mind of Money. N. Forman. – Toronto, 1987.
- Шелкопляс Е.В. Деньги, собственность и массовая психология: психолого-экономическая утопия. – М., 2005.
- Шперлинг А.В. Влияние уровня дохода на отношение к деньгам: гендерный аспект.// Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология» Bulletin of the South Ural State University Series “Psychology” 2013, vol. 6, no. 4, pp. 67-72.
- Yamamuchi K., Temper D. The development of a money attitude scale. Journal of Personality Assessment. 1982. Vol. 46. pp. 522–528.

References

- Andreyeva G.M. (2008) Sotsial'naya psikhologiya. [Social psychology] 5 izd. M.: Aspekt Press, 2008. p. 362
- Andreyeva I.V. (2000) Ekonomicheskaya psikhologiya: sotsiokul'turnyy podkhod.[Economic psychology: socio-cultural approach] SPb.: Piter, 2000, 512 p.
- Babosov Ye.M. (2004) Obshchaya sotsiologiya: [General sociology] Ucheb. posobiye dlya studentov vuzov. 2 izd., ster. Mn.: Tetra Sistems, 2004, 640 p.
- Belitskaya G.E. (2003) Osobennosti otnosheniya k den'gam: den'gi kak predmet lichnostnogo osmysleniya. [Features of the relation to money: money as a subject of personal comprehension]Yezhegodnik Rossiyskogo psikhologicheskogo obshchestva: Materialy 3-go Vserossiyskogo s'yezda psikhologov 25-28 iyunya 2003 goda: V 8 t. SPb.: Izd-vo S.Peterb. un-ta, Vol. 1, pp. 120-125.
- Bern Shon. (2009) Gendernaya psikhologiya. Zakony muzhskogo i zhenskogo povedeniya. [Gender psychology. Laws of male and female behavior] 204 p.
- Goldberg H., R. Lewis,(1978) Money Madness: The Psychology of Saving, Spending, Loving and Hating Money – London: Springwood
- Gorbacheva Ye.I., (2006) Kupreychenko A.B. Otnosheniye lichnosti k den'gam: npravstvennyye protivorechiya v otsenkakh i assotsiatsiyakh. [Personal attitude to money: moral contradictions in assessments and associations] Psikhol. Zhurn, Vol. 27, no 4, pp. 26-37.
- Deyneka O.S. (2002) Dinamika makroekonomicheskikh komponentov obraza deneg v obydennom soznanii.[Dynamics of macroeconomic components of the image of money in everyday consciousness] Psikhologicheskii zhurnal / Red. A.V. Brushlinskiy. 2002. Tom23 №2 mart-aprel', pp. 36-47.
- Deyneka O.S. (2000) Ekonomicheskaya psikhologiya. [Economic psychology] Ucheb. posobiye SPb: Izd-vo SPeterb. un-ta, 160 p.
- Deyneka O.S. (2004) Simvolizatsiya deneg: Opyt empiricheskogo issledovaniya. Problemy ekonomicheskoy psikhologii. [Symbolization of money: the Experience of empirical research. Problems of economic psychology.] Tom 1. Otv. red. A.L.Zhuravlev, A.B. Kupreychenko. – М.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», pp. 207-241.
- Yefremov Ye. G., Semenov M. YU. (2003) Material'naya udovletvorennost'. [Material satisfaction] Omskiy nauchnyy vestnik.. Vol. 23, no 2, pp. 207-210.
- Zelizer V. (2002) Sozdaniye mnozhestvennykh deneg. [The creation of multiple money] V. Zelizer Ekonomicheskaya sotsiologiya, Vol. 3, no 4, pp. 58–72.

- Izbranov A.A. (2001) Entsiklopedicheskiy slovar' konstitutsionnogo prava: [Encyclopedic dictionary of constitutional law] Sost. A.A. Izbranov. – Mn.: Izd. V.M. Surov, 626 p.
- Kairov Ye. (2005) Otnosheniye k den'gam nayemnykh rabotnikov transnatsional'nykh kompaniy v Kazakhstane. [Attitude to the money of employees of multinational companies in Kazakhstan.] Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh spetsialistov. Psikhologiya XXI veka. 22-24 aprelya 2005 g. Pod redaktsiyey V.B.Chesnokova SPb., 627p.
- Kapustin A.A. (2001) Otnosheniye razlichnykh sotsial'nykh grupp k den'gam: [Attitudes of different social groups to money] Na osnove kompleksnogo sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya. Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk.- Yaroslavl': Yaroslav. gos. un-t im. P. G. Demidova, 25 p.
- Madanes K. i K. Madanes. (1998) Taynoye znachenie deneg. [The secret meaning of money] Per. s angl. A.D. Iordanskogo. M.: Ne-zavi-simaya firma «Klass», Vol 2, pp. 15-21
- Poduska B. (1992) Money, marriage, and maslow's hierarchy of needs. B. Poduska. American Behavioral Scientist, Vol. 35, no 6, pp. 756-770.
- Poduska, B. (1985) Financial counseling using principles of Adlerian psychology. B. Poduska. Journal of Adlerian Theory Research & Practice, Vol. 41, no 2, pp. 136-146.
- Rokeach M. (1973) The nature of human values Free Press, 1973 p. 438
- Semenov M.YU. (2011) Psikhologiya deneg: denezhnyye efekty. [Psychology of money: monetary effects] Omskiye sotsial'no-gumanitarnyye chteniya 2011: mater. IV Mezhhregion. nau.-prakt. konf. (Omsk, 15-16 marta 2011 g.) Omsk: Izd-vo OmGTU, pp. 252-256.
- Semenov M.YU., Matsnev YU.V. (2005) Tsennost' deneg v raznyye vozrastnyye periody. [The value of money in different age periods] Molodezh' i tsennosti sovremennogo obshchestva: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 28-29 aprelya 2005 goda. G. Omsk. Gl. red. V.I.Razumov, zam. gl. red. V.A.Barinov, V.V.Babkin. Red. Kollegiya: A.A.Varakin, YA.YU. Vorozhko, O.V.Kamshilin, O.D.Maystrishin, I.V.Nosov. Omsk: tipografiya «Yuton», Vol 6, pp. 106-109.
- Statistika samoubiystv, stressa i t.d. v mire. 2018 g. <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/statistic.htm>
- Fen'ko A.B. (2000) Problema deneg v zarubezhnykh psikhologicheskikh issledovaniyakh. [The problem of money in foreign psychological research] Psikhologicheskiy zhurnal, № 1 2000. pp. 50-62
- Fernkhem A. i P. Kheyven. (2001) Lichnost' i sotsial'noye povedeniye. [Personality and social behaviour] Gl. 9.7 Lichnost' i den'gi, SPb.: Piter, pp. 297-336.
- Furnham Adrian and Patrick Heaven. (1998) Personality and Social Behaviour, 211 p.
- Furnham Adrian and Michael Argyle. (2013) The Psychology of Money, 179 p.
- Forman N. (1987) Mind of Money. Toronto, 987 p.
- Shelkopyas Ye.V. (2009) Den'gi, sobstvennost' i massovaya psikhologiya: psikhologo-ekonomicheskaya utopiya. [Money, property and mass psychology: psychological and economic utopia] M., 2005.
- Shperlin' A.V. (2013) Vliyaniye urovnya dokhoda na otnosheniye k den'gam: gendernyy aspekt. [Impact of income on attitudes to money: gender] Vestnik YUUrGU. Seriya «Psikhologiya» Bulletin of the South Ural State University Series "Psychology", vol. 6, no. 4, pp. 67-72.
- Yamamuchi K., Temper D. (1982) The development of a money attitude scale. Journal of Personality Assessment, Vol. 46, pp. 522-528.

Сарбасова Г.Ж.¹, Решке Х.К.²

¹ PhD докторанты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: 85gulzat@mail.ru, 87757226402

² профессор, Лейпциг университеті, Германия, Лейпциг қ., e-mail: Konrad.Reschke@web.de

**ПСИХОЛОГТАРДЫҢ ЭМОЦИОНАЛДЫ АЙМАҒЫН
ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ТАЛДАУ**

Мақалада жоғары оқу орны студенттерінің эмоционалды аймағы қарастырылған. Студенттердің тұлғалық және психологиялық ерекшеліктеріне сипаттамалар жасалды, жоғары оқу орнында білім алу барысында кездесетін қиындықтар, оның эмоцияға әсер етуі туралы материалдар орын алды. Студенттердің жас ерекшелігіне байланысты қалыптасатын психологиялық өзгерістер, олардың жаңа ортаға бейімделуі, білім алудағы оқуға деген мотивтері және бірінші курс студенттерінде кездесетін эмоционалды қиындықтарды ашуда олардың емтихан алдындағы қобалжулары мен қорқыныштары, стресске түсуі жайлы мәселелер сипатталды. Эмоция мәселесі бойынша шетелдік еңбектерге талдау жасау негізінде эмоционалды өзгерістер мен оның тұлға психологиясындағы ролі туралы ақпараттар да негізге алынды. Эмоционалдықтың мазмұнды аспектілері субъект үшін ерекше маңызы бар құбылыстар мен жағдайлар көрсетілді. Эмоционалдықтың сапалық қасиеттері индивидтің сыртқы әлем құбылыстарына қатынасы сипаттала келе эмоциялардың басым белгілері көрсетілді.

Бұл тұжырымдарға сай студенттерге диагностикалық әдістемелерді жүргізу арқылы олардың эмоционалды аймағы зерттеліп, алдағы уақытта онда анықталған эмоционалды қиындықтарды түзету-дамыту жұмыстарын жүзеге асыру негізге алынды.

Студенттерге жүргізілген зерттеу нәтижелері салыстырмалы түрде көрсетілуі негізінде төртінші курс студенттерінің эмоционалды аймағы үйлесімді дамуда болды, бұл студенттердің өз эмоцияларын ұстанған және әр түрлі өмірлік жағдайларда өзін қандай да бір дәрежеде бақылай алатынын көрсетеді, мұндай нәтиже жоғары оқу орнының білім беру барысында студенттердің психологиялық жағдайын қамтудың жетістігінің кепілі екендігін көрсетті. Жоғары оқу орны студенттерінің психологиялық аймағына талдау жасау арқылы олардың осы жас ерекшелік кезеңінде болашақ кәсібіне деген мотиві де орын алды, студенттердің эмоцияларының жақсы деңгейде болуы олардың өз-өздерін тануы, басқара алуы, ортасымен қарым-қатынасқа түсе алуында екендігі теориялық тұрғыда тұжырымдалды.

Түйін сөздер: эмоциялар, эмоциялық аймақ, эмоциялық уайымдар, сезімдер, стресс, қобалжу, эмоционалды ұстамдылық.

Sarbasova G.J.¹, Reschke, H.K.²

¹ PhD student, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: 85gulzat@mail.ru, 87757226402.

² Professor, University of Leipzig, Germany, Leipzig, e-mail: Konrad.Reschke@web.de

Psychological analysis of the emotional sphere of the future psychologists

This article discusses the problems of the emotional sphere of University students. Personal and psychological characteristics of students were compiled; materials were presented on the difficulties encountered in the process of studying at the university and their influence on emotions. In connection with the age characteristics of the students, psychological changes were described, their adaptation to

the new environment, the motives for getting education, their anxiety and fear of exams, the revelation of the emotional difficulties encountered by first-year students, and problems with stress.

Based on the analysis of foreign research on the problem of emotions, information on emotional changes and their role in the psychology of the personality has been taken as a theory. The content aspects of emotionality include perspectives and situations of particular importance to the subject. The qualitative properties of emotionality are characterized by the attitude of the individual to the phenomena of the external world. In accordance with the conclusions, the students were studied their emotional sphere by diagnostic techniques and further taken as the basis of correctional and developmental work with identified emotional difficulties.

As a result of a comparative analysis of students' emotional sphere, it was revealed that the emotional sphere of fourth-year students is harmoniously developed, students support their emotions and can in any degree control themselves in various life situations, which is the key to the success of a higher educational institution in providing psychological state students in the learning process.

Analyzing the psychological sphere of students of higher educational institutions, at a given age period, a special place is occupied by the motivation for the future profession, it is theoretically formulated that students have positive emotions, as well as the ability to recognize and manage it, communicate with friends.

Key words: emotions, emotional sphere, emotional experiences, feelings, stress, anxiety, emotional distance.

Сарбасова Г.Ж.¹, Решке Х.К.²

¹докторант PhD, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: 85gulzat@mail.ru, 87757226402.

²профессор, Лейпцигский университет, Германия, г.Лейпциг, e-mail: Konrad.Reschke@web.de

Психологический анализ эмоциональной сферы будущих психологов

В данной статье рассмотрены проблемы эмоциональной сферы студентов вуза. Были составлены характеристики личностных и психологических особенностей студентов, представлены материалы о трудностях, встречающихся в процессе обучения в вузе и их влияние на эмоции. В связи с возрастными особенностями студентов были описаны психологические изменения, их адаптация к новой среде, мотивы к получению образования, их тревожность и страх перед экзаменами, раскрытие эмоциональных трудностей, встречающихся у студентов первого курса, проблемы со стрессом. На основе анализа зарубежных трудов по этой проблеме за основу взята теория об эмоциональных изменениях и их роли в психологии личности. В содержательные аспекты эмоциональности включены явления и ситуации, имеющие особое значение для субъекта. Качественные свойства эмоциональности характеризуются отношением индивида к явлениям внешнего мира.

В соответствии с этими выводами изучена эмоциональная сфера студентов путем проведения диагностических методик.

В результате сравнительного анализа эмоциональной сферы студентов было выявлено, что эмоциональная сфера студентов четвертого курса гармонично развита, студенты поддерживают свои эмоции и могут в какой-либо степени контролировать себя в различных жизненных ситуациях, что является залогом успеха работы высшего учебного заведения в обеспечении психологического состояния студентов в процессе обучения. Анализируя психологическую сферу студентов высших учебных заведений, в данный возрастной период, особое место занимает мотивация к будущей профессии, теоретически сформулировано, что у студентов преобладают позитивные эмоции, а также умения распознавать их, управлять ими, общаться с друзьями.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональная сфера, эмоциональные переживания, чувства, стресс, тревожность, эмоциональная сдержанность.

Кіріспе

Қазіргі психология – педагогика ғылымының қарастыратын сұрақтарының көптігіне қарамастан, жоғары оқу орны студенттерінің эмоционалдық аймағын зерттеу жолдарымен тәсілдері әлі де жете зерттелмеген мәселелердің қатарында қалып отыр. Оны шешу жоғары оқу орнында студенттердің эмоционалдық аймағын зерттеуді есепке алуды талап етеді. Біз психика мен мінез-құлық туралы эмоциялардың әсерін сипаттайтын теорияны қарастырдық.

Егер студентті жеке тұлға ретінде қарастырсақ, онда 18-20 жас – адамгершілік және эстетикалық сезімдердің белсенді даму кезеңі, мінезді қалыптастыру және тұрақтандыру, әсіресе, ересек адамның әлеуметтік рөлдерінің толық кешенін меңгеру маңызды: азаматтық, кәсіби-еңбек және т.б. осы кезеңмен "экономикалық белсенділіктің" басталуына байланысты, бұл демографиялық адамның дербес өндірістік қызметке қосылуын, еңбек өмірбаянының басталуын және өз отбасын құру туралы түсініктері қалыптасады. Эмоционалды тұрақтылыққа (В.В. Белоус, В.С. Мерлин, В.М. Русалов т.б.) белгілі бір күйдің тұрақтылығын білдіретін тұлға қасиеті деген анықтама береді. Көптеген зерттеушілер эмоционалды аймақтың дамуында эмоционалды жағдайлардың ролін, эмоционалды тұрақтылықты кеңінен қарастыруда (В.М. Русалов). Дегенмен, эмоционалды сфераның тұрақтылығы ұғымына психологиялық-педагогикалық әдебиеттерде бір жақты анықтама берілмейтіндігіне көзіміз жетті. Біз зерттеуімізде Л.М. Аболин, М.И. Дьяченко, О.А. Казакова, Е.В. Романина және т.б. (Аболин, 1987:19) еңбектеріне сүйене отырып, жан-жақты талдау жасауды негізге алдық.

Студентті белгілі бір жастағы адам ретінде және тұлға ретінде үш жағынан сипаттауға болады:

1) психологиялық үдерістердің, тұлғаның жағдайы мен қасиеттерінің бірлігі болып табылатын психологиялық ерекшелігі. Психологиялық жағынан ең бастысы – психикалық қасиеттер (бағыты, темперамент, мінезі, қабілеті), олардың психикалық процестерінің қарқынды дамуына психикалық жағдайлардың, білімдердің пайда болуына байланысты. Алайда, нақты студентті зерттей отырып, осы индивидтің ерекшеліктерін,

оның психикалық процестері мен жағдайларын ескеру қажеттілігі;

2) студенттің белгілі бір әлеуметтік топқа, ұлтқа және т.б. қажеттілігінен туындайтын қоғамдық қарым-қатынастар, сапалар іске асырылатын әлеуметтік қатынастармен;

3) жоғары жүйке қызметінің түрін, талдағыштардың құрылымын, сөзсіз рефлексстерді, инстинктілерді, физикалық күштерді, дене бітімін, бойын, бет келбетін, терінің, көздің түсін және т.б. қамтитын биологиялық ерекшеліктері. Эмоционалды сапалар адамның кәсіби қызмет аймағын таңдауда және оның жеке стилін қалыптастыруға қатысып, адамның жалпы өмірлік әрекетінің сапасын бейнелейді. Жоғары оқу орнындағы оқыту формалары, әдістер, интеллектуалдық қызмет мазмұнын бекітетін аса жоғары талаптар студенттердің жүйке жүйесіне шамадан артық күш түсіріп, оқу нәтижесіне ықпалы етеді.

Эмоционалды сфера организмнің өмірлік қызметінің белсенді формасын қамтамасыз ететін негізгі реттеу жүйесінің бірі. Эмоция қоршаған ортаның кез келген ықпалын тез бағдарлайды. «**Эмоция** (франц. *emotion*, лат. *emoveo* – толғану) – адам мен жануарлардың сыртқы және ішкі тітіргендіргіштер әсеріне реакциясы, қоршаған ортамен қарым-қатынасы негізінде пайда болатын көңіл-күй. Эмоцияның жоғары түрі адамның іс-әрекетінің өнімді болуына мүмкіндік туғызады. Жағымсыз эмоция адамның іс-әрекетіне азды-көпті зиян келтіреді. Олар қорқыныш, **қайғы**, абыржу, налу, үмітсіздену, үрейлену т.б.

Ж.В. Чиорджи 2002 жылы эмоция мәселесіне байланысты көптеген шетелдік әдебиеттерге біздің қарастырып отырған мәселелер бойынша талдау жасалып, келесідей тұжырымдар сипатталды. Айналадағылардың эмоцияларын түсінудің жоғары дамыған қабілетінің болуы мен позитивтілікте. Жағымсыз эмоционалдық жағдайларға жоғары сезімталдық депрессияға әкеп соқтыратын сенімдерді ұстанады (Ciagochi, 2002:198). Демек, төмен эмоционалдық сезімталдықта өз артықшылықтары бар екендігін тұжырымдаған. Ал адам стресске әр түрлі жауап қайтаруын және оның пайда болған жағдайдың жаңалығына байланысты болуына А. Георге копинг теоретигі, эмоцияны реттеуші динамикалық моделдің екі факторына ғылыми талдау жасаған

олар, адам және жағдай (George, 2013:593). Бұнда адам ақпаратқа бейімделетін уақыт ағымы қарастырылған. А. Алдао 2012 жылы эмоцияларды реттеу бойынша әдебиеттің кеңейтілген шолуында эмоцияларды реттеу үдерістерінің динамикалық сипатын растады және адамға әсер ететін аспектілерін (демографиялық вариация, жеке тұлға), эмоцияларды тудыру үшін қолданылатын ынталандыруларды, эмоцияларды реттеу стратегияларын таңдау мен іске асыру тәсілдерін және бағаланатын нәтижелердің түрлерін қоса алғанда, нақты стратегиялардың тиімділігіне әсер ететін факторлардың шешімін атап өтті. Ол факторлар пайдалы және эмоцияларды реттеу құндылығындағы мәдени және әлеуметтік айырмашылықтардың дәлелдері. (Aldao, 2012:754). Ж.П. Вакер 2007 жылы когнитивті және әлеуметтік үдерістерге байланысты зерттеулерді талдауда эмоцияларды реттеу ол күйзеліске және эмоцияларды білдіруге бағытталған стратегияны тұжырымдады. (Baker, 2007:96). Р.С. Лазарус 1991 жылы стресті жеңудің жолдарын алға жылжитты. Стресс және онымен күресу теориясының тиімділігі – стратегия мен ағымдағы жағдай арасындағы сәйкестік мәселесін негізге алды, яғни адамдардың когнитивті стресс мәселесінде стресс адамның индивидуалды реакциясы ретінде, ол оның субъективті бағалауымен (стресстік фактормен) және осы қауіпті жеңу үшін өзінің ресурстарымен анықталуын қарастырған. (Lazarus, 1991). Л.Ф. Баррет 2001 жылы эмоцияларды реттеу стратегиясының теориясында олардың өзгермелі жағдайлық контекстермен және олар арқылы динамикалық өзара әрекеттесуін дәйектілікпен көрсетті. (Barrett, 2001:386). Г.А. Бонанно 2005 жылы эмоционалды әсер етпеушілік бұл эмоционалды бұзылысты білдіреді, ол депрессия мен мазасыздану салдарынан пайда болатын үдіріс. Осы бағытта олар жақындарын жоғалтқан адамдардың эмоцияларын зерттеуге бағытталған жұмыстарды да жүзеге асырған (Bonanno, 2005:135). В.Л. Фридриксон 2008 жылы жағымды эмоциялар адамның әлеуметтік ортадағы көңіл-күйін, пайда болатын қандайда бір қиындықтарға жеңіл қарауды, оған бейімделіп жеңуге бағыттайтындығы туралы сипаттаған (Fredrickson, 2008).

Шынымен адам әр кезде өзін-өзі белсендіріп, алда болатын түрлі жағдайларға өздігінен жа-

ғымды болжау жасап, эмоционалды икемді болуға тырысуы оның психологиялық денсаулығын жақсартады.

К.Г. Коифман 2010 жылы адамның сезімтал болмауы, түрлі жағдайларға өз сезімін білдіртпеуі оның эмоционалды аймағының бұзылуымен байланысты болып келетіндігін тұжырымдаған. Депрессивті бұзылыстың өзі эмоционалды дисрегуляциямен байланысты бұл «түрлі эмоционалдық ынталандыруларға стереотиптік және бейім емес реакциялар» болып табылады (Coifman, 2010:478). Яғни бұндай жағдайда адамға әсер ету оның сезімімен жұмыс жасау үлкен психологиялық қызметті талап етеді.

И.Р. Галетзер-Левю 2012 жылы әртүрлі колледж студенттерінің бейімделудегі қиындықтарын қарастырған, бейімделе алмаушылықтың ортамен қарым-қатынасында болатын кедергілерді, бұнда адамның түрлі жағдайларға, стресс тудыратын мәселелерге икемді болуды атап кеткен (Galatzer-Levy, 2012:542). Бұл қағида арқылы қандайда бір туындағын қиындықтан шығу бағытында адам санасы соған икемділік көрсетуі ондағы туындаған қиындықтарға жауап бере алатындығын көрсетіп отыр.

Ж. Фюстос 2012 жылы ішкі сезімталдықты байланыстырған растаушы дәлелдер ұсынған, олар эмоциялардың жақсартылған реттелуі бар адамның күйі (Füstös, 2012). Ж.Ж. Гросс 2012 жылы эмоцияларды реттеу бойынша зерттеулерінде бірінші кезекте жиілікті реттеуге, күйзеліске және эмоцияларды білдіруге бағытталған стратегиялардың үйлесімділігін сипаттаған. Эмоциялар реттелуін зерттеу стресс және оны жеңу тұрғысынан айтарлықтай қарастырылса, олардың туа біткен бейімделу немесе бейімсіз салдарлары тұрғысынан эмоцияларды реттелудің стратегиясын жіктеу үрдісі сақталады (Gross, 2012).

С.Л. Рубинштейн өз теориясында эмоцияны қажеттіліктердің болуының субъективті формасы деп көрсетеді. Бұл дегеніміз - мотивация субъектіге эмоционалды құбылыс түрінде ашылады да оларға қарай іс-әрекетті бағыттайды.

А.Н. Леонтьев эмоцияны іс-әрекет жүйесінде қарастырды. Ол: эмоциялар – өзіне іс-әрекетті бағындырмайды, қозғалыстың «механизмі» және «нәтижесі» болып табылады деп көрсетті. Эмоциялар ішкі сигналдар функциясын орындайды. Эмоция ерекшелігі, олар мотивтер

арасындағы қатынасты бейнелейді. Аффектілер әрекет соңында пайда болып, әрі жағдайдың жалпы бағасын береді, ал эмоциялар болған немесе мүмкін болатын жағдайға бағалау және жеке қатынасты бейнелейді деген ойды білдіре отырып, «мотивтер сезілмеген уақытта да, олар өздерінің психикалық бейнеленуін ерекше формада – әрекеттің эмоционалды бояуы формасында табады» деген пікір айтады.

В.К. Вилюнас эмоциялардың функционалды жіктелуіне күш салды. Ол эмоциялардың екі негізгі түрлерін бөліп көрсетеді: жетекші және өндіргіш. Жетекші эмоциялар қажеттілік затының мәнін және мағынасын ашады. Осы жетекші эмоциялар іс-әрекет мотивімен, тікелей байланысады. Ал сезімдер – айқын сипаттағы заттық сипаттағы тұрақты эмоционалды бастан кешулер болып табылады және іс-әрекетке қатысады, бірақ жағдайға тәуелді болмайды.

Айқын эмоциялар студенттік кезеңдерде өздерін танытып маңызды рөл атқарады (университетке қабылдау, мемлекеттік емтихандар, т.б.). Олар мақсатқа жету мотивациясын нығайтуға көмектесе алады. Белгілі бір эмоциялар тәжірибесі, оның көзқарасын қалпына келтіру үшін, жеке басын қалыптастыруға әсер етеді. Студенттердің эмоционалды процестері үшін оқыту процесінде олардың жоғары қарқындылығы сипатталады, алуан түрлілігі, жедел қалыптасуы, ауысуы. Студенттердің кең спектрлі компоненттерінің эмоциялық саласында маңызды нәрсе – олардың оқу нәтижелері үшін жауапкершілік болып табылады. Эмоционалды сала эмоционалды уайым мен сезімнен тұрады. Кез келген уайым – кез келген жеке тұлғаның қажеттіліктерін қанағаттандыру үшін бағалау процесі болып табылады.

Эмоция, сезім жастардың ішкі жан дүниесін байытып, оның қабылдауын ашық, мазмұнды етіп, қиындықтарды жеңуге деген белсенділігін туғызады. Эмоциялық қобалжулар студенттердің тұлғалық қалыптасуына, көзқарастарын қайта құруға, шындыққа қатынастарына ықпал етеді. Әсіресе, студенттердің эмоционалды сферасында өз оқуының нәтижесіне деген жауапкершілік сезімі аса маңызды.

Студент тұлғасы қалыптасуында іс-әрекет нәтижелілігінің төмендеуі өз кезегінде оның эмоционалды күйзелісі мен мазасыздануын күшейтеді, осылайша тұйық шеңбер пайда болады. Мазасызданудың жоғарғы деңгейі невротикалық

сипаттағы түрліше функционалды бұзылуларға әкеп соғуы мүмкін. Біз мазасызданудың қолайсыздық қаупін алдын ала сезумен байланысты, эмоционалды дискомфортты бастан кешу екенін анықтадық. Қорқыныш – бала өміріне және сәттіліктеріне төніп тұрған қауіптің мидағы бейнесі. Мазасыздық – қорқынышты эмоционалды түрде сезіну.

Г.Г. Аракелов, Н.Е. Лысенко мазасыздану – бұл кез келген адамның тұрақты қасиеті, шектеулі уақыттағы адамның анықталған күйі ретінде суреттелетін көп мәнді психологиялық термин деп көрсетеді. Соңғы жылдардағы әдебиеттерге жасалған талдауларда мазасыздану түрліше көзқараста қарастырылған. Онда адамға әртүрлі стресстерден әсер етуден туындайтын, қиын өзара когнитивтік, аффективтік және құлықтық реакция нәтижесінен пайда болатын жоғары мазасыздану туралы тұжырымдалады.

К. Роджерс мазасызданудың бастауын сана деңгейінің астында жатқан құбылыстар бар, егер де олар жеке тұлға үшін қауіпті сипатта болса, онда оларды саналы тұрғыдан ұғынғанға дейінгі бейсана астында қабылдап қоюы мүмкін деп көрсетеді. Мазасыздану жалпы мағынасында қауіпті сезінумен байланысты жағымсыз эмоция. Мазасыздану құбылысына тән қауіпті алдын ала сезіну ерекшелігі, оның басқа эмоциялық құбылыстар арасындағы маңыздылығын көрсетеді.

Эмоционалды сфера қобалжу және сезімнен тұрады. Кез келген қобалжу бұл индивидтің қандай да бір қажеттілікке қанағаттану үрдісін бағалау. Адамның эмоционалды қобалжуы эмоция және эмоционалды күйге бөлінеді. Д.О. Хебб адамның эмоционалды қозу мен практикалық әрекетінің табыстылығы деңгейінің арасындағы тәуелділікті эксперименталды жолмен анықтауға мүмкіндік алды.

Іс-әрекет барысында студенттерде стресс жағдайы оқу және басқа да бағдарламаларды орындауға психологиялық дайындықпен, сапалар мен дағдылардың берік қалыптасуымен, олардың мінез-құлқын жоғары оқу орнының оқытушылары мен басшылары жағынан шебер басқарумен ескертіледі. Б.Г. Ананьев өмір сүру және еңбек жағдайларын ойлайтын адамға ғана емес, сезінетін адамға да есептелгенін жазады.

Егер студенттің теріс эмоциялары (мазасыздық, уайымдану, қорқыныш, стресс) болса, онда

табысқа жетуге бағытталған іс-әрекетте келесі ерекшеліктер бар:

1. Жоғары сезімтал индивидтер эмоционалды өткір, төмен жетілгендерден гөрі, сәтсіздік туралы хабарламаларға жауап береді.

2. Жоғары сапалы адамдар төмен жетілгендерден нашар, стресстік жағдайларда немесе тапсырманы шешуге бөлінген уақыт тапшылығы жағдайында жұмыс істейді.

3. Сәтсіздіктен қорқу – жоғары дәрежелі адамдардың тән ерекшелігі. Бұл қорқыныш олардың табысқа жету ұмтылысынан басым.

4. Табысқа жету мотивациясы төмен адамдарда басым. Әдетте, ол мүмкін сәтсіздік қауіптілігін арттырады.

5. Жоғары күшті адамдар үшін сәтсіздікке қарағанда табыс туралы хабар үлкен ынталандырушы күшке ие.

6. Нашар адамдар сәтсіздік туралы хабарды ынталандырады.

7. Жеке мазасыздық индивидті өзіне қауіп төндіретін көптеген объективті қауіпсіз жағдайларды қабылдауға және бағалауға бейімдейді.

Осылайша, адамның эмоционалды саласы оның уайымдары мен сезімдерінің кең спектрін білдіреді. Ол ынталандырушы, реттеуші, ақпараттық тапшылықты жою сияқты бірқатар функцияларды орындайды, олардың ішінде негізгі бағалау болып табылады. Эмоциялық сала эмоционалды күйзелістер мен сезімдерден тұрады.

Студенттердің стресс жағдайы қызмет барысында оқу және басқа да бағдарламалар үшін психологиялық дайындық, қасиеттер мен дағдыларды қалыптастыру, университет оқытушылары мен басшыларының олардың мінез-құлықтарын шебер басқаруды ескертеді. Б.Г. Ананьев өмірі мен жұмыс жағдайлары адамның ойлауына емес, сезіміне көп есептелінген дейді. Ал бұл жағдайдың алдын алуда икемділік мәселесін қарастыра келе ол өмірдегі қандайда бір күйзелісте және стресстік жағдайда үлкен рөлді атқаратындығын атап кеткен адамдардың икемділікке үйрету арқылы көптеген мәселелерді дұрыс шешіп, оны жеңуге деген ынтаның болуын тұжырымдаған. Шынымен әрбір адам өз-өзімен психологиялық икемді болуына байланысты жұмыс істеуі оның эмоционалды жағдайын жақсартуға түседі деген ой-пікір бұл зерттеумен танысу барысында қалыптасты.

Фредриксон В.Л. 2001 жылы Оң эмоциялар туралы қалай? Соңғы жылдары оң эмоциялардың (Fredrickson, 2001; Fredrickson & Cohn, 2008; Ong, 2010) адаптивті, ресурс құраушы артықшылықтарын қолдау үшін зерттеулердің әсерлі көлемі жинақталған. Оң эмоциялар дағдарысты жеңуге көмектеседі (Фолкман & Москович, 2000), жеке және әлеуметтік ресурстарды жақсартады (Ong, 2010:359).

Әдебиеттерге терең талдау жасау арқылы жоғары қобалжу адамға түрліше стресстік ситуациялардың әсер етуінен аффективті, когнитивті және мінез-құлықтық реакциялардың нәтижесінде пайда болатындығын анықтадық. Бұл қобалжу түрі жоғары ситуативті мазасызданумен өзара әрекеттесе отырып, стресс пен дистресстің күшеюіне әкеліп жеткізеді.

Қобалжу жеке адамның қасиеті және оның қалпы ретінде ажыратылады. Қобалжу – жеке тұлға сипаты, оның эмоционалды аймағын сипаттайды. Қобалжу деңгейі стресске деген жеке сезгіштікті білдіреді. Өте жоғары қобалжу психологиялық қолайсыздықтың субъективті байқалуы. Сонымен, қобалжу – көп мағыналы психологиялық термин, индивидтің нақты уақыт кезеңінде белгілі бір қалпын суреттейтін және оның эмоционалды аумағын сипаттайтын жеке адам сипаты, әрі тұрақты қасиеті. Өте жоғары деңгейдегі қобалжу психологиялық қолайсыздықтың субъективті байқалуы сияқты болуы мүмкін. Бұл жеке адамның белсенділігінің шарты ретіндегі пайдалы қобалжу. Ол қобалжу өзін-өзі қайта құруға, өзін немесе ситуацияны өзгертуге дайындық сигналы ретіндегі мазасыздану болып табылады.

Эмоционалды процестердің (ішкі және сыртқы) теріс әсері, яғни эмоционалды тұрақтылық студенттің қиын жағдайлардағы қызметінің тиімділігі болып табылады. Студенттің белсенділігі эмоционалды стресс жоққа шығарылмайтын – қиын жағдайлардағы шиеленіс. Ол қалыпты емес жағдайда (емтихан) бағаланады: жауапкершіліктің артуы, үлкен психикалық стресс, шаршау. Мысалы, емтихандармен байланысты эмоционалды қалыпты зерттеу билетпен танысқан кезде оның қарқындылығының өсіп, содан кейін шарықтау шегіне жетіп, азаяды деп көрсетеді. Жарқын эмоционалды реакциялар жауап қарсаңында

әдетте, басым зияткерлік шиеленіс болмайды, бірақ кейбір алаңдаушылықтар болады. Негізінен, емтихандардан кейін белсенділік әлсірейді, бірақ эмоциялық алаңдаушылық өте жоғары болып қалады.

Ерекше эмоциялар студенттің қиын кезеңдерінде (емтихан тапсыру, аралық бақылау, сессияға дайындық т.б.), олар мақсатқа жету және күш-жігерлерін арттырып мотивтерін күшейтуге ықпал ете алады. Қандай да бір эмоцияларды, сезімдерді бастан кешіру студенттің жеке тұлғасын қалыптастыруға, оның көзқарастарын қайта құруға, шындыққа, қарым-қатынасқа әсер етеді. Оқу үрдісінде студенттердің эмоциялық процестеріне олардың үлкен қарқындылығы, әртүрлілігі, бір эмоциядан екіншісіне ауысуы, жоғары сезімдердің жедел қалыптасуы тән. Эмоциялық үдерістердің теріс әсерлеріне (сыртқы және ішкі) беймәлім болуы, яғни эмоциялық тұрақтылық – студент үшін қиын жағдайларда қызмет нәтижелерінің шарты. Студенттердің эмоциялық сферасы компоненттерінің кең спектрінде өз оқу нәтижелері үшін жауапкершілік сезімі ерекше маңызды болып келеді.

Бұл ғылыми-теориялық тұжырымдарды негізге ала отырып жоғары оқу орнындағы болашақ психологтардың эмоционалды аймағындағы болатын өзгерістер туралы өзіндік көзқарасымызды талдай келе олардың эмоционалды аймағын анықтадық.

Зерттеудің объектілері мен әдістері:

Зерттеу жұмысы Семей қаласы, Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университетінің 1 курс қазақ тобы (47 студент) мен 4 курс (48 студент) студенттеріне жүргізілді. Барлық респондент саны 95 болды.

Зерттеу әдістері:

Н. Холл ұсынған «Эмоционалды интеллект» (сауалнама EQ)

Дж Гросс ұсынған ERQ (эмоцияларды реттеу сауалнамасы) әдістемесі бойынша нәтиже

С. Коухеннің және Г. Вилиансонның «Оқудағы стресс және стресске тұрақтылықта өзін-өзі бағалауы» тесті

Зерттеудің нәтижелері және оларды талқылау

Зерттеу барысында келесі нәтижелер алынды:

Әдістеме келесі 5 шкала бойынша өңделді

1) «эмоциялды хабардар болу» шкаласы бойынша сұралған студенттердің 50%-ы жоғары көрсеткіштерге ие, 30%-ы орташа көрсеткіштерге, 20%-ы төмен көрсеткіштер берді;

2) «өз эмоцияларын басқару» шкаласы бойынша 65%-ы жоғары, 28%-ы орташа, 7%-ы төмен көрсеткіштерге ие;

3) «өзін-өзі мотивациялау» шкаласы бойынша сұралған студенттердің 50%-ы жоғары, 44%-ы орташа, 6%-ы төмен көрсеткіштерге ие;

4) «эмпатия» шкаласы бойынша сұралған студенттердің 59%-ы жоғары, 39%-ы орташа, 2%-ы төмен көрсеткіштерге ие;

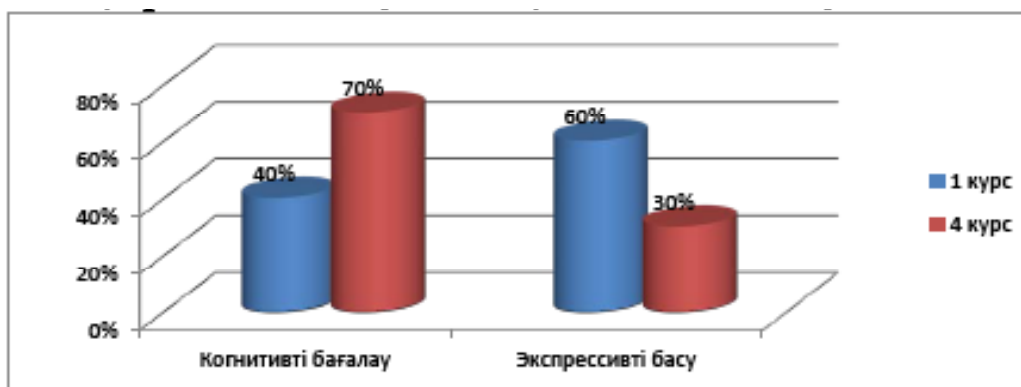
5) «басқа адамдардың эмоцияларын тану» шкаласы бойынша студенттердің 53%-ы жоғары, 44%-ы орташа, 3%-ы төмен көрсеткішке ие болды.

Келесі жүргізілген әдістеме мақсаты арқылы студенттердің когнитивті бағалауы мен экспрессияны басу анықталды. Мұнда Дж Гросс ұсынған ERQ (эмоцияларды реттеу сауалнамасы) әдістемесі жүргізілді.

Когнитивті қайта бағалау мен экспрессияны басуда жеке айырмашылықтарды бағалау үшін 10 сұрақтан құралған ERQ сауалнамасы әзірленді. Когнитивті қайта бағалау шкаласы алты тармақты қамтиды (мысалы: "Мен өз эмоцияларымды басқару үшін мен өз жағдайыма деген қатынасты өзгертемін"; экспрессияны басу шкаласы – төрт тармақ, мысалы: "өз эмоцияларымды басқару үшін мен олардың сыртқы көріністерін тежеймін"). Респонденттерден 1-ден 7-ге дейінгі берілген бекітулерді шкала бойынша белгілеу қажет, мұндағы 1 («мүлдем келіспеймін») 7-ге дейін («толығымен келісемін»). Бұл әдістеме келесі көрсеткіштері бойынша 1 курс студенттерінің когнитивті бағалаулары 40% болса, экспрессивті басу 60% көрсетті, ал 4 курс студенттерінде когнитивті бағалау 70% болса, экспрессивті басу 30% да болғандығын анықтадық. Бұл әдістеме нәтижесіне талдау жасар болсақ, студенттердің эмоционалды аймағы алғаш курста бейімделу бағытында болғандықтан, онда кедергілер мен өзіне деген қатынасына байланысты қиындықтар кездесетініне байланысты жасаған болжамымыз

дәлелденді. Ал жоғары курс студенттерінің эмоционалды аймағы қалыптасқан өздеріне деген

сенімділігі жоғары және когнитивті тұрғыда өздерін жоғары бағалай алулары анықталды.

1-сурет. Дж Гросс ұсынған ERQ (эмоцияларды реттеу сауалнамасы) әдістемесі бойынша нәтиже

1-курс студенттерінің оқу барысындағы эмоционалды аймақтарындағы қиындықтар олардың алғаш рет емтихан тапсыруларымен байланысты екендігі әңгімелесу барысында көрінді, дегенмен факторларды анықтау мақсатында оларға келесі әдістемелер жүргізіліп нәтижелер шығарылды.

С. Коухеннің және Г. Вилиансонның «Оқудағы стресс және стресске тұрақтылықта өзін-өзі бағалауы» тесті арқылы жоғарғы және төменгі курс студенттерінің емтихандық стресс дәрежесін анықтадық. Зерттеуде өзін-өзі бағалау стресске тұрақтылық төмен болған сайын соғұрлым оқудағы стресс жоғарылайды деген қорытындыға келдік. 1-курс студенттерінің көбінде емтихан стрессі «жағымсыз түс көру», «асығу және уақыт жеткіліксіздігін сезінумен» көрінеді. Емтихандық стрессті жоғары дәрежедегі студенттер (сыналушылардың 70,3%-ы), сонымен қатар «жағымсыз түс көру», асығу және уақыт жеткіліксіздігін сезінумен қатар «қорқыныш, үрейді» де қосады. Емтихандық стрессті орташа дәрежедегі студенттер (сыналушылардың 13%-ы) «төмен жұмыс қабілеттілікті», «жоғары шаршауды» және «бас ауруын» айтады.

Сонымен, емтихан стрессі жоғары дәрежесі сыналушылардың 70,3%-да көрінді, орташа 13% және төмен 16,7%.

4-курстың емтихандық стресс дәрежесі келесідей – жоғары 26,6%, орташа 16,7% және төмен 56,7%-ды құрады. 4-курс емтихандық стрессте «көмексіздік әсерін» жоғары бағалады. Студенттердің арасында емтихандық стресс

дәрежесі жоғары (сыналушылардың 26,6%-ы) «басқаға назар аударудың тым жоғарылығы», «көңіл қоюдың төмендігі», «асығу, уақыт жеткіліксіздігі», «көмексіздік сезімін» көрсетеді. Емтихандық стрессі орташа студенттер (сыналушылардың 16,7%-ы) «көңіл-күйдің төмендігі», «депрессия», «басқа ойлардан шыға алмауды» көрсетеді. Емтихандық стрессі төмен студенттер «көмексіз қалғандық сезімін» көрсетеді.

Кіші және жоғары курс студенттеріне жүргізілген зерттеу талдауы бойынша емтихандық стресс кіші курстан қарағанда жоғары курс студенттерінде төмен екендігі туралы қорытынды шығардық. Зерттеу нәтижесі кіші және жоғары курс студенттерінде стресс дәрежесінің айырмашылығы болатындығы нақтыланды.

Алынған мәліметтер ситуативті қобалжу көрсеткіші жүйке үрдістерінің күшіне қозу және тежелуге тәуелді екенін көрсетті.

Дегенмен, сауалнаманың нәтижелерін өңдеуде тәжірибеге қатысушылардың эмоционалды тұрақтылық деңгейлерінің төменгі факторларын кәсіби мамандану кезеңінде арнайы ұйымдастырылған дамытушы эксперименттен кейін анықтауды қажет етеді.

Тәжірибелі-эксперименталды жұмыс – қалыптастырушы – жоғары оқу орны үрдісі жағдайында студенттердің эмоционалды сферасын зерттеу жағдайын анықтау мақсатында жүргізілді.

Соныменен зерттеудің теориялық әдістерін

қолдану негізінде эмоционалды сфераны зерттеудің жолдарымен тәсілдері айқындалып, студенттің кәсіби сапасы ретіндегі эмоционалды тұрақтылық мәселесі, эмоционалды аймақты зерттеу құрылымы, өлшемдері нақтыланды және студенттердің эмоционалды тұрақтылығын қалыптастырудың психологиялық шарттары айқындалды.

Сонымен, жүргізілген тәжірибелік жұмыстардың нәтижелері көрсетіп отырғандай, эмоционалды тұрақтылықты қалыптастыруда эмоциялық күйдің өзгеріске ұшырауы – тікелей мақсатқа бағытталған дамыту жұмыстарын жүргізуге байланысты. (Біздің тәжірибелік дамытушы жұмыстардан соң, яғни тренинг сабақтарынан кейін), респонденттердің эмоционалды тұрақтылығы қалыптасуы едәуір жоғары деңгейге көтеріліп, тұлғалық өсуіне бірқатар ықпалын тигізді. Яғни, тәжірибелік эксперимент жұмыстарының зерттеу мәселесін шешуде оң ықпалы болды деп толықтай айта аламыз.

Студенттердің эмоционалды тұрақтылығының деңгейлері арасындағы өзгерістер эмоционалды сфераны зерттеудің әдістерін дұрыс таңдау арқылы жүзеге асырылды.

Жоғары оқу орны студенттерінің эмоционалды сферасының дамуын зерттеудің жеткіліксіздігін зерттеу нәтижесінде айқын аңғардық.

Бағалаудың субъективтік көрсеткіші ретінде мыналарды таңдадық:

- 1) жағдайға байланысты алаңдаушылық дәрежесі;
- 2) агрессия деңгейі;
- 3) тұлғаның жалпы психикалық күйі.

Сонымен қатар, сипатталған эксперименттің нәтижелері бойынша студенттердің тұлғасының дамуы, эмоционалды сферасы даму деңгейінің ерекшеліктері көрсетіліп, зерттеу жолдарымен тәсілдері анықталды.

Бірінші курстарда студенттер ұжымы қалыптасады, ақыл-ой қызметін ұтымды ұйымдастыру

дағдылары мен іскерліктері негізгі орында болады, таңдаған мамандығына бейімділігін сезінеді, Еңбек, бос уақыт пен тұрмыстың оңтайлы уақыты жасалады, тұлғаның кәсіби маңызды қасиеттерін өз бетімен білім алу және өзін-өзі тәрбиелеу бойынша жұмыс жүйесі белгіленеді. Демек, студент өз эмоцияларын басқаруды үйренуі керек.

Жүргізілген зерттеуімізді талдай келе, студенттер тұлғасының эмоциялық сферасының ерекшеліктерін анықтадық. Эмоциялық процестерде студенттің іс-әрекетінің шарттары мен міндеттері ерекше көрініс тапты, оның қоршаған ортасында не болып жатқанын түсінетінін және істеп жатқан ісіне деген қатынасы көрінді. Студенттердің эмоционалды аймағы оның уайымдары мен сезімдерінің кең спектрін білдіреді. Кез келген тәжірибе – бұл адамның қандай да бір қажеттіліктерін қанағаттандыру процесін бағалау. Сезімдер пәндік сипатқа ие, яғни кейбір нақты объектімен (зат, адам, оқиға және т. б.) байланысты. Болашақ психологтардың эмоциялары олардың ішкі әлемін байытады, оны қабылдауды жарқын және мазмұнды етеді, белсенділікке, қиындықтарды жеңуге итермелейді.

Қорытынды

Жүргізілген зерттеу жұмысының нәтижесі арқылы болашақ психологтардың эмоционалды аймағы диагностикалық әдістемелер негізінде анықталды, бұның нәтижесінде 1 және 4 курс студенттерінің арасындағы айырмашылық көрініс берді. 1 курс студенттерінің эмоционалды аймағындағы қиындықтар анықталды, олардың алғашқы сессияға деген қорқыныштары, жаңа әлеуметтік ортаға бейімделулері мен аралық бақылау үшін қобалжулары мен стресстік күйде болулары әдістеме нәтижесінде көрінуіне байланысты оларды түзету жұмыстары өз қажеттілігін көрсетті. Алдағы уақытта 1 курс студенттеріне арналған арнайы психологиялық көмек беру бағдарламасын құрып жүзеге асыру негізге алынды.

Әдебиеттер

Аболин Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. – Казань: Изд. Казан. Ун-та.-1987. – С. 261.

Aldao, A., & Nolen-Hoeksema, S. One versus many: Capturing the use of multiple emotion regulation strategies in response to an emotion-eliciting stimulus//Cognition & Emotion. - 2012. - doi.10. - № 27. - P. 753-760.

Baker, J. P., & Berenbaum, H. Emotional approach and problem-focused coping: A comparison of potentially adaptive strategies // Cognition & Emotion.-2007.- doi. 10-№ 21.-P. 95–118.

- Barrett, L. F., & Gross, J. J. Emotional intelligence: A process model of emotion representation and regulation // *Emotions: Current issues and future directions emotions and social behavior*.2001.-P. 286–310.
- Bonanno, G. A. Resilience in the face of loss and potential trauma//*Current Directions in Psychological Science*.-2005.-P.135–138.
- Bonanno, G. A., Papa, A., Lalande, K., Westphal, M., & Coifman, K. The importance of being flexible: The ability to both enhance and suppress emotional expression predicts long-term adjustment // *Psychological Science*.-2004.-P. 482–487.
- Bradley M.M, Codispoti M, Cuthbert BN, Lang P.J. Emotion and motivation I: Defensive and appetitive reactions in picture processing // *Scientific journal Emotion*.-2001.-P.301-400.
- Galatzer-Levy, I. R., Burton, C. L., & Bonanno, G. A. Coping flexibility, potentially traumatic life events, and resilience: A prospective study of college student adjustment // *Journal of Social & Clinical Psychology*.-2012.- P.542–567
- George A. Regulatory Flexibility: An Individual Differences Perspective on Coping and Emotion Regulation George A. Bonanno and Charles L. Burton //*Perspectives on Psychological Science*.-2013.-P.591– 612
- Gross, J. J. Emotion Regulation choice: A conceptual framework and supporting evidence // *Journal of Experimental Psychology: General*.- 2012.-P 200-320.
- Coifman, K. G, & Bonanno, G. A. When distress does not become depression: Emotion context sensitivity and adjustment to bereavement //*Journal of Abnormal Psychology*.- 2010.-P.479–490
- Ciarrochi J.V. Emotional intelligence moderates the relationship between stress and mental health / J.V. Ciarrochi, F.P. Dean, S. Anderson // *Personality and Individual Differences*. - 2002.- P. 197 - 209.
- Ong, A. D. Pathways linking positive emotion and health in later life //*Current Directions in Psychological Science*.- 2010.- P.358–362
- Русалов В.М. Влияние эмоций на динамику слуховой чувствительности //*Физиология человека*. 1979. - № 2. - 195-202.С.
- Fredrickson, B. L. The role of positive emotions in positive psychology: The broaden-and-build theory of positive emotions // *American Psychologist*.-2001.-P.218–226.
- Folkman, S., & Moskowitz, J. T. (2000). Positive affect and the other side of coping //*American Psychologist*.-2000.-P.647–654.

References

- Abolin L.M. Psihologisheskie mehanizmi emozionalnoi ustoychivosti sheloveka. [Psychological mechanisms of emotional stability of the person] Kazan: izd un-ta,pp.261
- Aldao, A., & Nolen-Hoeksema, S. (2012) One versus many: Capturing the use of multiple emotion regulation strategies in response to an emotion-eliciting stimulus.*Cognition & Emotion*. pp. 753–760.
- Baker, J. P., & Berenbaum, H. (2007) Emotional approach and problem-focused coping: A comparison of potentially adaptive strategies *Cognition & Emotion*,pp. 95–118.
- Barrett, L. F., & Gross, J. J.(2001) Emotional intelligence: A process model of emotion representation and regulation // *Emotions: Current issues and future directions emotions and social behavior*,pp. 286–310.
- Bonanno, G. A.(2005) Resilience in the face of loss and potential trauma. *Current Directions in Psychological Science*,pp.135–138.
- Bonanno, G. A., Papa, A., Lalande, K., Westphal, M., & Coifman, K. (2004) The importance of being flexible: The ability to both enhance and suppress emotional expression predicts long-term adjustment. *Psychological Science*,pp. 482–487.
- Bradley M.M, Codispoti M, Cuthbert BN, Lang P.J.(2001) Emotion and motivation I: Defensive and appetitive reactions in picture processing. *Scientific journal Emotion*,pp.301-400.
- Galatzer-Levy, I. R., Burton, C. L., & Bonanno, G. A. (2012) Coping flexibility, potentially traumatic life events, and resilience: A prospective study of college student adjustment. *Journal of Social & Clinical Psychology*,pp.542–567
- George A. (2013)Regulatory Flexibility: An Individual Differences Perspective on Coping and Emotion Regulation George A. Bonanno and Charles L. Burton.*Perspectives on Psychological Science*,pp.591– 612
- Gross, J. J. (2012) Emotion Regulation choice: A conceptual framework and supporting evidence.*Journal of Experimental Psychology: General*,pp. 200-320.
- Coifman, K. G, & Bonanno, G. A.(2010) When distress does not become depression: Emotion context sensitivity and adjustment to bereavement.*Journal of Abnormal Psychology*.pp.479–490
- Ciarrochi J.V. (2002) Emotional intelligence moderates the relationship between stress and mental health. *Personality and Individual Differences*,pp.197 - 209.
- Ong, A. D.(2010) Pathways linking positive emotion and health in later life. *Current Directions in Psychological Science*,pp.358–362
- Русалов В.М. (1979) Vliyaniye emosii na dinamiku sluhovoi shustvitelnosti. *Fiziologia sheloveka* [The influence of emotions on the dynamics of auditory sensitivity] human Physiology № 2,pp.195-202
- Fredrickson, B. L. (2001) The role of positive emotions in positive psychology: The broaden-and-build theory of positive emotions *American Psychologist*.-2001.-P.218–226.
- Folkman, S., & Moskowitz, J. T. (2000). Positive affect and the other side of coping *American Psychologist*, pp.647–654.

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім Раздел 1 Психология Психология

Дүйсенбеков Д.Д., Нурадинов А.С., Абрелева М.М., Шералы Б.С.
Искаженная ментальность экстремизма и терроризма в контексте психологических исследований 4

Akhtaeva N.S., Sundetova G.O., Tastanova A.A., Sadykova N.M., Boltayeva A.M., Sailinova K.K.
Psychological determinants of declining interest in the future professional activity of senior students 11

Sadykova N.M., Zhubanazarova N.S., Baimoldina L.O., Akhtayeva N.S., Omirbek G.A.
Psychological research of the formation of professional identity in psychology students 18

Abishova P.B., Nurtayeva M.M., Aimaganbetova O.Kh., Tashymova F.S.
Relationship of emotional intelligence level and coping strategies investigation 24

Ерденова М.Б., Кустубаева А.М.
Психогенетические и психофизиологические маркеры когнитивных способностей 35

Kairatova I.K., Kudaibergenova S.K.
Research of procrastination in connection with students' personal characteristics
(on the example of Kazakhstan)..... 44

Ахметова А.И., Айтказинова Б.Т.
Экспериментальная проверка эффективности программы психолого-педагогического
сопровождения одаренных детей 53

Ковалев С.Э.
Культурный шок как источник трансформации смысловой сферы участников международных программ.. 72

Таипова М.К., Копжасарова Р.С.
Сущность и структурно-содержательная характеристика профессионально-личностной
компетентности офисных сотрудников..... 93

Абильмажинова О.С., Джанбубековы М.З.
Болашақ мамандардың шығармашылығындамытуда интерактивті әдістерді қолдану..... 103

Serikova K.D., Mynbayeva A.K.
Diagnostics of stress and development of students' stress resistance by creative methods 112

2-бөлім Раздел 2 Социология Социология

Амантаева Д.Б., Бурханова Д.К., Амитов С.А.
Индустрия красоты: перспективы и тенденции развития в современном казахстанском обществе..... 122

Арын Д.А., Абжалиева А.Т.
Халықтың көші-қонын зерттеудегі негізгі әлеуметтанулық көзқарастарды жіктеу..... 132

Yesbergenova G.B.
Behavioural disorder: intervention framework for schools and communities 145

Кылышбаева Б.Н., Борецкий О.М.
Методологические подходы в изучении социокультурной реальности в зеркале казахстанского кино 153

<i>Калдыбаев С.З., Пузиков М.Ф., Кудро Н.М.</i> Религиозный экстремизм и терроризм в оценке массового сознания студенческой молодежи (социально-психологический анализ на примере города Алматы).....	162
<i>Дүйсенова С.М., Омарова А.Т., Сұлтанова А.М.</i> Жоғары оқу орындарындағы жастардың мамандық таңдау стратегиясы.	172
<i>Маульшариф М.</i> Особенности использования источников информации казахстанской и российской молодежи	184
<i>Кенжеғалиев К.К., Ерохина М.А.</i> Исследование состояния потребительской корзины студентов.....	193
<i>Shnarbekova M.K.</i> Education and social reproduction: the impact of social background on educational choice of youth.....	203
<i>Түлебаев Н.Н., Абдирайымова Г.С.</i> Социальная работа: профессия и профессиональный проект в Казахстане	211
<i>Садырова М.С., Нуран Д.Н.</i> Развитие общения незрячей матери и ребенка: постановка проблемы исследования.....	224

3-бөлім Раздел 3
Шетелдік әріптестердің мақалалары Статьи зарубежных коллег

<i>Бикадамова А.К., Horst Konrad Reschke, Тоқсанбаева Н.К., Токсанбаева Н.Б.</i> Емтихан алдындағы қорқыныштан шығудың жолдары.....	234
<i>Дуанаева С.Е., Бердибаева С.К., Гарбер А.И.</i> Роль стресса как проводника между здоровьем и болезнью в студенческом возрасте.....	243
<i>Aimaganbetova O.Kh., Zhantikejev S.K., Adilova E.T., Sadvakassova Z.M., Kasym L.</i> Influence of culture on psychological gender differences.....	252
<i>Трубников В.П., Гарбер А.И.</i> Психологический анализ основных факторов, влияющих на отношение человека к деньгам.....	261
<i>Сарбасова Г.Ж., Решке Х.К.</i> Психологтардың эмоционалды аймағын психологиялық талдау.	271

CONTENTS

Section 1 Psychology

- Duisenbekov D., Nuradinov A., Abreleva M., Sheraly B.*
Distorted mentality of extremism and terrorism in the context of psychological research-studies.....4
- Akhtaeva N.S., Sundetova G.O., Tastanova A.A., Sadykova N.M., Boltayeva A.M., Sailinova K.K.*
Psychological determinants of declining interest in the future professional activity of senior students 11
- Sadykova N.M., Zhubanazarova N.S., Baimoldina L.O., Akhtayeva N.S., Omirbek G.A.*
Psychological research of the formation of professional identity in psychology students 18
- Abishova P.B., Nurtayeva M.M., Aimaganbetova O.Kh., Tashymova F.S.*
Relationship of emotional intelligence level and coping strategies investigation 24
- Yerdenova M., Kustubayeva A.M.*
Psychogenetic and psycho-physiological markers of cognitive abilities.....35
- Kairatova I.K., Kudaibergenova S.K.*
Research of procrastination in connection with students' personal characteristics
(on the example of Kazakhstan)..... 44
- Ahmetova A.I., Ajtkazinova B.T.*
Experimental verification of the effectiveness of the program of psychological and pedagogical support of gifted children 53
- Kovalev S.E.*
Transformation of the International Programs Participants' Meaning Sphere Caused by the Cultural Shock.....72
- Taipova M.K., Kopzhasarova R.S.*
Essence and structural and content characteristics of the professional and personal competence of office staff.....93
- Abil'mazhinova O.S., Dzhanbubekova M.Z.*
The use of interactive methods for development of future specialists' creativity 103
- Serikova K.D., Mynbayeva A.K.*
Diagnostics of stress and development of students' stress resistance by creative methods 112

Section 2 Sociology

- Amantayeva D.B., Burkhanova D.K., Amitov S.A.*
The beauty industry: prospects and tendencies of development in modern Kazakhstan society 122
- Aryn D.A., Abzhaliyeva A.T.*
Classification of Basic Sociological Approaches in Studying Migration of Population 132
- Yesbergenova G.B.*
Behavioural disorder: intervention framework for schools and communities..... 145

<i>Kylyshbayeva B., Boretsky O.M.</i> Methodological Approaches to the Study of Sociocultural Reality in the Mirror of Kazakhstani Cinema.....	153
<i>Kaldybaev S. Z., Puzikov M. F., Kudro N.M.</i> Religious Extremism And Terrorism In The Evaluation Of The Mass Consciousness Of The Student Youth (Socio-Psychological Analysis On The Example Of Almaty).....	162
<i>Duisenova S.M., Omarova A.T., Sultanova A.M.</i> The strategy of a specialization choice of young people in higher education	172
<i>Maulsharif M.</i> Features of the Use of Information Sources of Kazakhstan and Russian Youth	184
<i>Kenzhegaliev K.K., Yerokhina M.A.</i> Study of the state of the consumer basket of students	193
<i>Shnarbekova M.K.</i> Education and social reproduction: the impact of social background on educational choice of youth.....	203
<i>Tulebayev N.N., Abdiraimova G.S.</i> Social Work: Profession And Professional Project In Kazakhstan.....	211
<i>Sadyrova M.S., Nuran D.N.</i> The development of communication between blind mother and visual child: research problem statement.....	224

Section 3
Articles of foreign colleagues

<i>Bikadamova A.K., Horst Konrad Reschke., Toksanbaeva N.K. , Toxanbayeva N.B.</i> Overcoming test anxiety	234
<i>Duanaeva S.E., Berdibaeva S.K., Garber A.I.</i> The role of stress as a conduit between health and illness at student age.....	243
<i>Aimaganbetova O.Kh., Zhantikejev S.K., Adilova E.T., Sadvakassova Z.M., Kasym L.</i> Influence of culture on psychological gender differences	252
<i>Trubnikov V.P., Garber A.I.</i> Psychological analysis of the main factors influencing on the person's attitude to money.....	261
<i>Sarbassova G.J., Reschke H.K.</i> Psychological analysis of the emotional sphere of the future psychologists.....	271